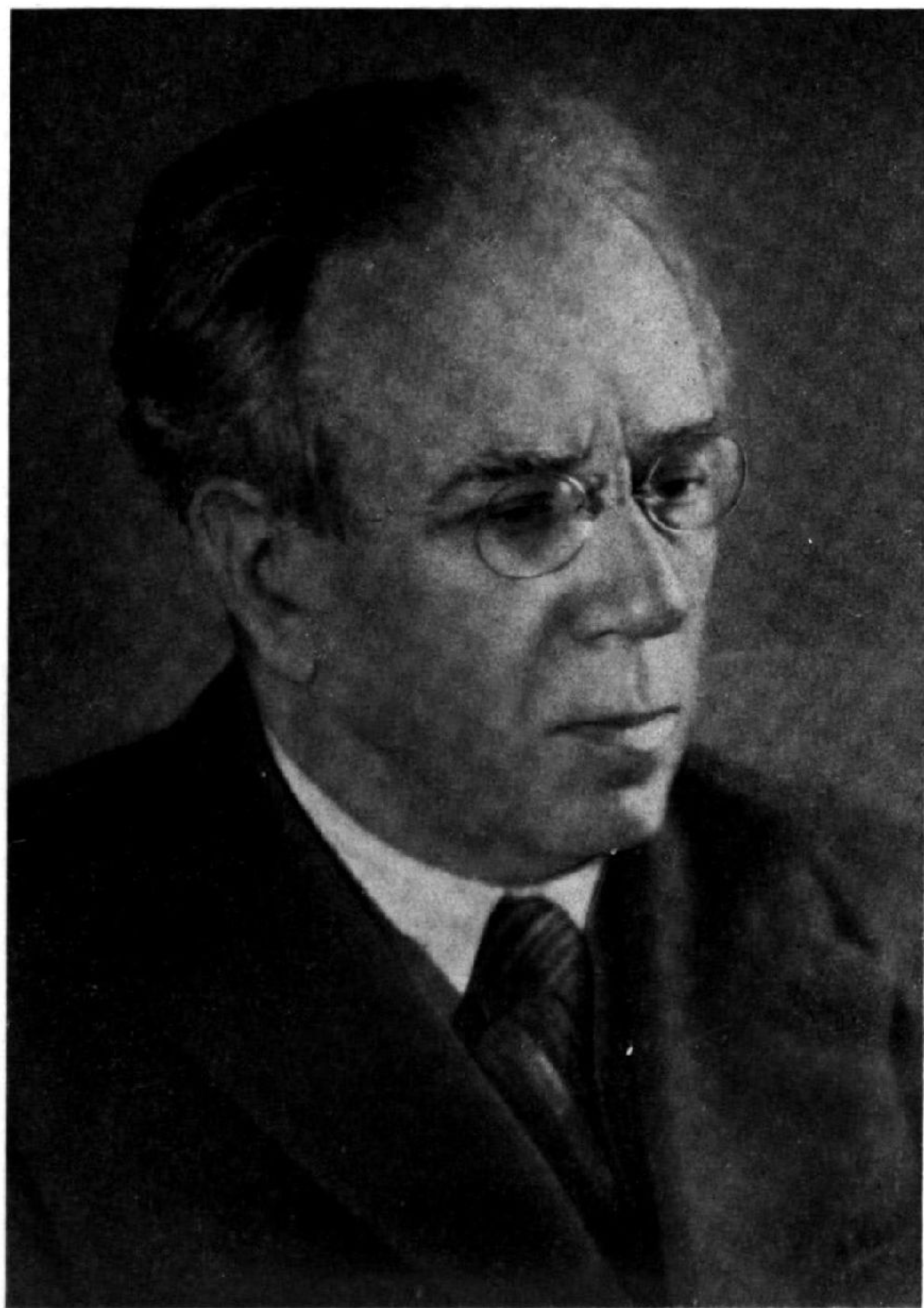
В. И. Пичета

АГРАРНАЯ РЕФОРМА СИГИЗМУНДА-АВГУСТА В ЛИТОВСКО-РУССКОМ ГОСУДАРСТВЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

В. И. ПИЧЕТА
(1878—1947)

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

В. И. Пичета

АГРАРНАЯ РЕФОРМА СИГИЗМУНДА-АВГУСТА в ЛИТОВСКО-РУССКОМ ГОСУДАРСТВЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

МОСКВА · 1958

В монографии исследуются экономическая, хозяйственная, внешняя политика, финансы и торговля Великого княжества Литовского до проведения аграрных мероприятий Сигизмунда-Августа. Показаны события, связанные с аграрной реформой в Великом княжестве Литовском (середина XVI в.), а также отношение к этой реформе шляхты, духовенства, мещанства и крестьянства.

ПОД РЕДАКЦИЕЙ

В. Д. КОРОЛЮКА, А. П. ПИЧЕТА,

Н. Н. УЛАЩИКА

ПРЕДИСЛОВИЕ

Владимир Иванович Пичета (1878—1947) прожил большую и интересную жизнь. Разносторонне образованный человек, неутомимый исследователь, всегда стремившийся подымать в науке новые, еще не разрабатывавшиеся темы, он прошел сложный трудовой путь от учителя средней школы в провинциальном городке царской России до действительного члена Академии наук СССР. Постоянный интерес к жизни и интенсивный труд — вот черты, ярче всего характеризующие облик В. И. Пичеты как ученого. Владимир Иванович оставил огромное литературное наследство, отразившее необычайно широкие научные интересы его.

Начав печататься еще в 1904 г., В. И. Пичета опубликовал при жизни огромное количество работ: монографии, статьи, заметки, рецензии. В них он разрабатывал разнообразные вопросы по истории России, Белоруссии, Литвы и Украины, подымал сложные проблемы истории Польши, Чехии и южных славян.

Список трудов, опубликованных при жизни ученого, насчитывает 479 названий [1]; несколько статей вышло из печати после его смерти (как сданных в печать им самим, так и подготовленных и изданных из его рукописного наследства). Многие работы, правда, главным образом незаконченные, остались в рукописи. В них В. И. Пичета возвращался к некоторым старым темам, стремясь уточнить и проверить свои прежние взгляды, или начинал разработку новых проблем, в основном из истории зарубежного славянства [2].

В. И. Пичета сыграл выдающуюся роль в истории славистических исследований в СССР.

[1] Библиография трудов В. И. Пичеты опубликована в «Ученых записках Института славяноведения», т. I, М., 1949, стр. 35—54.

[2] Краткую характеристику рукописного наследства В. И. Пичеты см. там же, стр. 25—34.

В 1939 г. он возглавил работу кафедры истории западных и южных славян в Московском университете и работу сектора славяноведения в Институте истории Академии наук СССР, бывших до 1947 г. центрами подготовки научных кадров в области славяноведения. Вместе с академиком Б. Д. Грековым В. И. Пичета создавал Институт славяноведения СССР — крупнейшее научное учреждение в нашей стране, занимающееся вопросами истории, языка и культуры зарубежных славянских народов и изучением межславянских исторических связей.

В научной биографии В. И. Пичеты, особенно в последние десятилетия его жизни, большое место занимали вопросы славяноведения. Но главной темой его исследований всегда оставалась история социально-экономического развития Великого княжества Литовского, точнее — Белоруссии и Литвы. Не случайно именно этой тематике посвящено и первое его крупное исследование — «Аграрная реформа Сигизмунда-Августа в Литовско-Русском государстве» [3], и последнее, над которым он продолжал трудиться до конца жизни, «Белорусское поместье в XV—XVI вв.» [4].

«Аграрная реформа Сигизмунда-Августа в Литовско-Русском государстве» занимает в творчестве В. И. Пичеты особое место не только по богатству содержащегося в ней материала, но и потому, что она явилась отправной точкой для ряда других работ, развивавших и уточнявших выдвинутые в ней положения. В этом исследовании автор рассматривает большой комплекс аграрных мероприятий, проводившихся правительством Великого княжества Литовского в середине XVI столетия и известных в то время под названием «волочной померы» [5]. Суть этих мероприятий состояла в том, что правительство Великого княжества предприняло измерение государственных земель, с целью нарезать крестьянам стандартные земельные участки — волоки. Одновременно определялось качество почвы и в связи с этим назначались следуемые с крестьянских наделов повинности.

Это было грандиозное по тому времени мероприятие. За десять с небольшим лет специально выделенные чиновники обмерили и описали несколько сот тысяч гектаров пашни и ле-

---

[3] «Аграрная реформа Сигизмунда-Августа в Литовско-Русском государстве», ч. I—II, М., 1917.

[4] Работа эта осталась незавершенной. Законченные части ее были изданы посмертно в «Ученых записках Института славяноведения» (т. IV, М., 1951).

[5] Термин «волочная померa» сохраняли за этими мероприятиями М. К. Любавский и польские историки. М. В. Довнар-Запольский называл эти мероприятия «крестьянской реформой». В. И. Пичета первоначально придерживался термина «аграрная реформа», а в последние годы жизни стал называть их «землеустроительной политикой».

са, предназначенного для вырубки и заселения в ближайшее время. Было произведено и частичное измерение государственных лесов («пущ и переходов звериных»). Проводя обмер и описание земель, великокняжеская власть округляла свои владения, т. е. присоединяла к ним расположенные чересполосно или рядом земли шляхты и духовенства, отдавая взамен участки на стороне. Однако обмен производился только в том случае, если правительство убеждалось, что владельцы имели законные права на отобранные участки. Поэтому обмер сопровождался массовой проверкой владельческих прав.

На волоки измерялась также земля тех государственных городов, которые не имели магдебургского права. Реформа затронула огромное количество лиц — государственных крестьян, которых в обязательном порядке сажали на волоки, жителей мелких государственных городов, шляхту и духовенство — всего несколько сот тысяч человек.

Хронологически монография В. И. Пичеты заканчивается 60-ми годами XVI столетия, а территориально в основном касается Литвы и Западной Белоруссии. Привлечение данных за более поздний период (Бобруйская устава 1639 г.) не изменяет этого положения. Таким образом, охарактеризовав ход реформы в Литве и Западной Белоруссии, монография не показывает ее в действии. Над темой о реформе в действии В. И. Пичета работал позже, рассчитывая посвятить ей третью часть своего труда, но сделать этого не успел.

В «Аграрной реформе Сигизмунда-Августа в Литовско-Русском государстве» автор касается в основном отношения к реформе шляхты, бояр и разного служилого люда и реакции на нее. Вопрос, как отнеслось к реформе крестьянство, интересы которого проводимые мероприятия задевали сильнее всего, разработан мало.

Исследуя реформу, В. И. Пичета использовал не только всю существовавшую в то время литературу, но и очень широкий круг опубликованных и неизданных архивных источников, главным образом материалы Литовской метрики.

Важность темы, объемы привлеченных и обработанных материалов определили особое место работы Владимира Ивановича в историографии, посвященной историческим судьбам белорусского и литовского крестьянства.

С одной стороны, эта работа завершает исследования, начатые еще в начале прошлого века польскими учеными (Т. Чацкий, Ю. Ярошевич) и продолженные затем русскими исследователями (М. К. Любавский, М. В. Довнар-Запольский и др.), с другой — она послужила исходной точкой для работ современных советских историков (Д. Л. Похилевич и др.). Следует отметить при этом, что по ряду вопросов между Д. Л. Похиле-

вичем[6] и В. И. Пичетой возникла полемика[7]. Основные спорные вопросы касаются прежде всего оценки реформы. В. И. Пичета считал, что она сопровождалась редукцией, т. е. изъятием у шляхты в сравнительно большом размере захваченных ею прежде государственных земель. В этом именно смысле В. И. Пичета называл ее «антишляхетской», несмотря на то, что в силу обстоятельств правительство было вынуждено большую часть отобранных земель вернуть той же шляхте.

По мнению Д. Л. Похилевича, эта реформа полностью отвечала интересам шляхты и поэтому была шляхетской. В то время как В. И. Пичета полагал, что реформа вела к росту денежной ренты, Д. Л. Похилевич доказывает, что она имела своим следствием рост барщины и т. д. Само собой разумеется, что такого рода спорные вопросы можно решить только путем тщательного исследования «померы».

Работа В. И. Пичеты «Аграрная реформа Сигизмунда-Августа в Литовско-Русском государстве», изданная 40 лет назад небольшим тиражом, стала в настоящее время библиографической редкостью. Переиздавая эту работу, напечатанную первый раз в двух книгах, редакция оставила текст без изменений, опустив только повторения, неизбежные при раздельном издании частей, но совершенно не оправданные при издании работы в одном томе. Опущена также историография, которая устарела по содержанию. Вышедшие из употребления буквы дореволюционного алфавита заменены современными, знак «ъ» в цитатах в конце слов снят. Библиографическая часть книги исправлена согласно современным требованиям, устранены опечатки и явные ошибки текста.

Учитывая широкую известность работы, редакция оставила прежнее название книги, хотя как название государства (Литовско-Русское), так и название мероприятия («аграрная реформа» являются искусственными. Пользуясь термином «Литовско-Русское государство», В. И. Пичета сохранил лишь ставшее в русской дореволюционной исторической литературе традиционным название Великого княжества Литовского. Текст монографии В. И. Пичеты подготовил к печати Н. Н. Улащик.

---

[6] Д. Л. Похилевич изложил свои взгляды в автореферате докторской диссертации «Государственные крестьяне западных воеводств Великого княжества Литовского в XVI—XVIII вв.» Львов, 1950; см. также его книгу «Крестьяне Белоруссии и Литвы в XVI—XVIII вв.», Изд-во Львовского университета, 1957.

[7] См. «Вопросы истории», 1946, № 10.

Часть I

ЛИТОВСКО-РУССКОЕ ГОСУДАРСТВО НАКАНУНЕ АГРАРНОЙ РЕФОРМЫ

1. ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА И ГОСПОДАРСКИЕ ФИНАНСЫ

Внешнее положение Литвы к началу XVI в. Перемирие с Москвой в 1503 г. Москва и Литва при Сигизмунде I. Москва и Литва в начале правления Сигизмунда II. Татаро-литовские отношения в первой половине XVI в. Состояние господарского скарба в первой четверти XVI в. Меры к его наполнению: сбор серебщины 1522 г. Экстренный налог 1529 г. Серебщины во второй четверти XVI в. Отношение шляхты к сбору серебщины. Серебщина 1552 г. Разорение шляхты и необходимость новых источников дохода. Увеличение производительности господарских имений — единственно рациональное средство для увеличения скарбовых поступлений.

1

К началу XVI в. внешнее положение Литовско-русского государства было довольно тяжелым. Между соседней Москвой и княжеством много лет шла упорная борьба, требовавшая с обеих сторон большой настойчивости и значительного напряжения своих сил, как военных, так и материальных. Москва была нападающей стороной, тогда как Литва оборонялась. Москва стремилась захватить пограничные чернигово-северские княжества, присоединить к себе Смоленск, стать твердой ногой на верховьях Днепра, чтобы отсюда распространить свое влияние на запад в сторону Западной Двины и на юг вниз по Днепру. Московская политика была весьма отчетлива и не допускала никаких других толкований. Москве был необходим захват торговых путей, ибо без них трудно было поддерживать какие бы то ни было сношения с Западной Европой. Путь в последнюю лежал через местности, населенные русской народностью, вошедшей в состав Литовского-Русского государства, а потому борьба за торговые пути постепенно превратилась и слилась с борьбой за национальное объединение, столь отчетливо обнаружившееся уже во внешней политике Ивана III. Новое столетие начиналось для Литовско-Русского княжества при плохих

предзнаменованиях. Борьба с Москвой была проиграна, и великому князю Александру пришлось вступить в мирные переговоры с Москвой. Однако вечный мир не был заключен. Стороны ограничились только одним перемирием, которое было заключено 25 марта 1503 г. на шесть лет — до 1509 г. Его условия были для Литвы очень тяжелыми: Литва уступила Москве 19 городов, 17 волостей, 22 городища и 13 сел [1]. Большая часть новых территориальных приобретений, давших Москве полную возможность укрепиться в бассейне Днепра и отсюда уже действовать в двух направлениях (в сторону Смоленска и Киева), находилась на восточных границах княжества. Поэтому стратегическое положение городов и волостей, отошедших к Москве, было огромно, и это превосходно понимали руководители внешней политики Литовско-Русского княжества. Помимо этого. Литовско-Русское государство потеряло также кое-что и на северо-востоке своей территории. Здесь Литва отдавала Торопец с волостями. Благодаря этому Москва приобрела весьма важную базу для своего наступления в сторону Западной Двины и верхнего Днепра. Литовско-Русское правительство отдавало себе полный отчет в своем затруднительном положении и прекрасно понимало необходимость новой борьбы с Москвой для возвращения потерянной территории. В противном случае соперница Литвы так бы усилилась, что в будущем с Москвой стала бы невозможна никакая борьба. С другой стороны, и московское правительство прекрасно понимало всю выгоду своего стратегического фронта и не имело никакого основания откладывать на более отдаленный срок предстоящую борьбу с Литвой. Обе стороны искали предлога к войне. Великий князь Александр хотел начать ее немедленно после смерти Ивана III и искал только благовидного предлога. С этой целью он предложил Василию III заключить вечный мир, но с возвращением отнятых у Литвы земель. Естественно, это предложение было для Василия III совершенно неприемлемым. Однако Александр не начал военных действий и скоро умер. Со вступлением на престол Сигизмунда I обе стороны стали деятельно готовиться к предстоящим военным действиям, и на сейме 1507 г. обсуждались вопросы, связанные с войной. Кроме того было решено собрать новую серебщину для военных нужд [2]. Готовясь к войне, Сигизмунд I рассчитывал на помощь крымского и казанского ханов, для которых усиление Москвы не сулило решительно

---

[1] «Сборник Императорского Русского исторического общества», т. 1—148. СПб., 1807—1916; т. 35, 1882, стр. 399—400. (В дальнейшем — СбРИО).

[2] «Акты, относящиеся к истории западной России, собранные и изданные Археографической Комиссией», т. I—V. СПб, 1846—1853; т. II, 1848, № 12 (В дальнейшем — АЗР).

ничего хорошего[3]. Сигизмунд до начала военных действий потребовал от Москвы возвращения всех потерянных в прошлой войне городов, хотя безнадежность этого требования была слишком очевидна. Сигизмунд указывал Василию III, что еще при Казимире было заключено перемирие с великим князем Василием Васильевичем, обязательное и для потомков их, в том, «штож по их животе нам одному под другим земль и вод не забирати, и один другого отчины мел блюсти и не обидети и везде быти съполом на всякого недруга за один»[4].

С такой постановкой вопроса великий князь Московский не мог согласиться. По его мнению, «мы городов и волостей и земль и вод его отчины за собой никоторых не держим, а с божьею волею держим городы и волости, и земли, и воды, свою отчину, чем нас пожаловал и благословил отец наш князь великий, и что нам бог дал, а от прародителей наших, и вся руская земля — наша отчина»[5]. Раз обе стороны придерживались по одному и тому же вопросу совершенно различных мнений, то естественным разрешением их недоразумения была война. И с 1507 г. Сигизмунд I деятельно готовился к войне[6]. Неизбежность войны была для обеих сторон совершенно очевидной. Однако литовский великий князь с целью выиграть время снова обратился, на этот раз через посла Менгли-Гирея, с требованием возвратить отнятые у Литвы города. Кроме того, чтобы внести смуту в Московское государство, Сигизмунд I пытался вступить в сношения с Юрием Ивановичем и предлагал ему помощь в деле отыскания престола, разумеется, на известных условиях[7]. Но эти обе дипломатические попытки потерпели полную неудачу. Вмешательство сестры государя — великой княгини Елены — тоже не дало никаких результатов. Василий III твердо стоял на своей точке зрения и считал нарушителем мира Сигизмунда I.

Происходившие переговоры довольно ясно обнаружили совершенную бесплодность их. Поэтому оставалось одно средство: начать военные действия. В общем, они велись довольно вяло со стороны Литвы, чему, кажется, немало содействовало восстание, поднятое Глинским и сильно ослабившее правительство. Позиция Москвы была по-прежнему превосходна.

Несмотря на большое напряжение своих сил, литовское правительство оказалось не в состоянии защитить Смоленск, и 31 июля 1514 г. он был взят московскими войсками.

После взятия столь важной опорной базы для литовцев

[3] Там же, № 15.
[4] Там же, № 16.
[5] Там же.
[6] Там же, № 17.
[7] Там же, № 19.

кампания должна была считаться проигранной. Однако военные действия все-таки продолжались, хотя безуспешно для княжества. Поэтому литовско-русскому правительству приходилось немедленно приступить к мирным переговорам, чтобы выговорить себе наиболее выгодные условия. Правительство Сигизмунда I в июне 1520 г. послало в Москву посольство с предложением мира. Не считая себя побежденным, Сигизмунд I не только не допускал возможности каких-либо территориальных уступок, но требовал еще возвращения Новгорода, Пскова, Вязьмы, земель удельных чернигово-северских князей и, конечно, Смоленска. Если бы московский князь принял эти условия, то Сигизмунд I гарантировал бы Москве свою помощь против татар и турок [8].

Условия, предложенные Литвой, совершенно не соответствовали действительному положению княжества и были в Москве отвергнуты. Не имело успеха и посредничество германского императора в лице посла его Герберштейна. Переговоры прекратились, и Литва продержалась еще два года. Весной 1522 г. Сигизмунд I снова предложил перемирие Москве, которое и было принято. Согласно перемирию, заключенному 18 февраля 1523 г. на пять лет, Москва сохранила за собой все приобретения, не исключая и Смоленска; предполагалось также, что в течение этих лет обе стороны найдут достаточно времени для окончательных переговоров о мире [9]. Весной 1526 г. литовские паны-рада были не прочь заключить вечный мир с Москвой, так как княжеству грозило новое нашествие со стороны Крыма [10]. В июне 1526 г. папский посол и посол Карла V были в Москве и вели переговоры о мире «для покою всего хрестиянства и для нерозлитья наперед крови хрестияньское» [11]. Перемирие было продлено только до 1533 г. В ноябре того же года, когда умер великий князь Василий III, литовско-русское правительство опять предприняло попытку заключить мир с Москвой. Посольство от панов-рады прибыло в Москву в начале декабря 1533 г. и предложило «вечный мир або перемирье и добрую змолву меж господарей еднати». Посольство ни одним словом не обмолвилось относительно возможных условий вечного мира и предложило московскому правительству или самому послать в Литву послов, или дать «опасную грамоту» послам литовского русского великого князя [12].

Московское правительство предпочитало видеть послов у себя, и это вполне понятно, так как Литва больше нуждалась

---

[8] АЗР, т. II, № 108.
[9] Там же, № 120.
[10] Там же, № 144.
[11] Там же, № 145.
[12] СбРИО, т. 59, 1887, стр. 4.

в мире, чем Москва. Поэтому в Литву была послана просимая «опасная грамота» [13]. В декабре того же года было отправлено в Литву специальное посольство с извещением о вступлении на престол Ивана IV. Кроме того, московский посол должен был предложить Сигизмунду I быть с государем «в дружбе и братстве», подобно тому как был он в дружбе и братстве с отцом государя.

Посольство Тимофея Заболотцкого едва ли было приятно Сигизмунду I. Московский великий князь титуловал себя «государем всея Руси», и, кроме того, в числе прочих государств в титуле, назвал себя великим князем смоленским. Из этого титула литовско-русское правительство могло убедиться в том, что в Москве не помышляют о возвращении Смоленска. И предложение дружбы, на условиях предшествовавшего времени, тоже говорило о желании Москвы оставить Смоленск за собой.

Сигизмунду пришлось отвечать на речи чрезвычайного посла. Не говоря ни одного слова о титуле московского великого князя, Сигизмунд I через панов-раду соглашался заключить мир с московским князяем, но на тех условиях, которые были выработаны обоими правительствами еще в XV в., при Казимире и Иване Васильевиче. Конечно, подобные условия были совершенно неприемлемы для Москвы, да и само литовско-русское правительство едва ли серьезно думало о возможности заключить вечный мир на этих условиях [14].

С начала 1534 г. военные действия возобновились. Готовясь к войне, литовско-русское правительство прибегло к чрезвычайному форсированию своих средств, для чего был созван сейм в Вильне [15]. В то же время налицо были кое-какие признаки, заставлявшие литовское правительство надеяться на благоприятный исход начавшейся кампании.

Несомненно, литовско-русское правительство учитывало придворную партийную борьбу, не позволявшую московскому правительству организовать оборону границ [16].

Действительно, положение Москвы в начале кампании было неблагоприятно. Литва мобилизовала большие силы. От своих шпионов она знала, что главные силы военно-служилого ополчения были направлены на отражение нависшей татарской угрозы. Следовательно, западная граница Москвы ничем не была защищена. Литве также было известно плохое состояние

---

[13] СбРИО, т. 59, стр. 7.

[14] Там же, стр. 1—10.

[15] М. К. Любавский. Литовско-русский сейм. Опыт по истории учреждения в связи с внутренним строем и внешнею жизнью государства. М., 1900, прил. № 14 и 15.

[16] L. Kolankowski. Zygmunt-August wielki książe Litwy do 1548. Lwów, 1913, str. 116.

оборонительных средств пограничных северо-западных городов [17].

Таким образом, новая война начиналась для Литвы при самых благоприятных обстоятельствах, и было много оснований надеяться на вполне благоприятный для княжества исход. Но многие из этих предложений оказались теоретическими. Прежде всего улучшились отношения к татарам. Литве пришлось ошибиться в своих рассчетах на деятельную помощь крымского хана Саип-Гирея, захватившего ханский престол после длительной междуусобной борьбы. Низложенный хан Ислам, конечно, имел своих сторонников, которые не преминули бы при первой возможности поднять голову и добиться восстановления Ислама. Поэтому политический расчет, который, однако, не был учтен литовским правительством, заставлял Саип-Гирея занять выжидательное положение и не предпринимать против Москвы никаких агрессивных действий, чтобы не отвлекать своего внимания от внутренних отношений в Крыму. Точно так же литовское правительство возлагало слишком большую надежду на борьбу придворных партий. Бояре могли враждовать друг с другом из-за влияния и власти, но перед литовской опасностью они были едины. Неудивительно, что по мере хода военных действий литовско-русское правительство теряло надежду на вполне благоприятный исход войны и начинало подумывать о мирных переговорах. Это было тем более необходимо, что литовско-русскому правительству приходилось до крайности напрягать свои военные и финансовые ресурсы, несмотря на некоторую помощь со стороны Польши и на то, что сменивший Ислама Саип-Гирей намеревался придерживаться во внешней политике литовской ориентации [18].

Действительно, в начале кампании положение Москвы было довольно затруднительно. В течение 1535 г. Литва добилась некоторых серьезных успехов. В июле месяце был взят Гомель [19]. К концу года большая часть Северской земли находилась в сфере влияния Литвы. Для оставления за собой вновь отнятой территории литовско-русскому правительству было необходимо приняться за укрепление занятых городов, но в этом направлении, за недостатком денежных средств, ничего не было сделано. Благодаря этому Литва оказалась не в силах удержать в своих руках все занятые города [20]. Отсутствие средств в литовском скарбе и удачно поведенное наступление со стороны Москвы по направлению к Вильне заставили литовское прави-

---

[17] АЗР, т. II, № 179; L. Kolankowski. Zygmunt-August wielki książe..., str. 117.

[18] L. Kolankowski. Zygmunt-August wielki książe..., str. 134—136.

[19] АЗР, т. II, № 184.

[20] L. Kolankowski. Zygmunt-August wielki książe..., str. 145, 147.

тельство подумать о возобновлении переговоров о мире. Сначала в феврале 1536 г. московское правительство получило неофициальное уведомление об этом от находившегося в литовском плену князя Ф. В. Телепнева-Оболенского. Это предложение встретило в Москве сочувственный отклик. Тогда от пана Юрия Радивилла был послан в Москву специальный гонец. С своей стороны, и московское правительство послало особого гонца Якова Сказина к Юрию Радивиллу для предварительного обмена мнениями по поводу предстоящих переговоров. Кроме того, правительство возложило на своего посла трудную обязанность — по возможности ориентироваться в литовских делах и настроениях [21].

Весь 1536 год ушел на обмен мнениями относительно способа ведения мирных переговоров. Относительно последних Москва добилась весьма существенного успеха: переговоры должны были вестись «по старине» в Москве [22]. Этот успех являлся прекрасным показателем того, кто действительно нуждался в мире.

В декабре 1536 г. давно ожидаемое посольство прибыло в Москву, где и оставалось до весны 1537 г.— времени окончания мирных переговоров. Во время ведения переговоров, однако, выяснилось, что заключение мира с литовцами представляет весьма значительные трудности. Литовцы непременным условием заключения мира ставили возвращение Смоленска. Естественно, московское правительство никоим образом не могло согласиться на такое требование. Как бы то ни было, вопрос о вечном мире пришлось пока оставить, и тогда обе стороны стали обсуждать условия перемирия. Условия последнего, естественно, возбуждали много споров, но некоторые из своих требований московское правительство поддерживало не особенно горячо и сделало ряд уступок Литве. В результате переговоров Гомель оставался за Литвой, но Себеж и Заволочье, завоеванные Литвой, отдавались Москве [23]. В апреле 1537 г. заключенное перемирие было ратифицировано литовским великим князем. Литовцы имели полное основание быть недовольными условиями перемирия, так как они не приобретали особых выгод и преимуществ, да и Смоленск оставался за Москвой. Поэтому литовцы сейчас же по заключении перемирия стали готовиться к новой войне. Уже в сентябре 1538 г. Сигизмунд I отправил панам-раде через подскарбия земского пана Ивана Горностая послание с предложением подумать об обороне княжества, так как до окончания перемирия оставалось только три

---

[21] СбРИО, т. 59, № 3.
[22] Там же, № 4 и 5.
[23] Там же, т. 59, № 6.

года, а между тем до сих пор не было принято никаких мер относительно обороны границ [24]. Поэтому ввиду возможности новой войны Сигизмунд предлагал панам-раде подумать «которым способом мели быхмо с тым неприятелем нашим поступовати и вальку с ним вести», ибо, по мнению господаря «без помочи прибылых людей пеняжъных» — едва ли возможно начинать новую войну [25].

Перед литовскими панами-радой опять стояли докучливые вопросы о своевременном изыскании денежных средств, так как окончание предыдущей «вальки» с Московским государством было вызвано тем, что «не был скаръб наш запоможон пенязми». Поэтому господарь рекомендовал панам-раде решить на предстоящем сейме вопрос о новой серебщине, которую Сигизмунд I предполагал собирать в течение трех лет. По мнению Сигизмунда I, если проектированные им мероприятия будут приняты на великом вальном сейме, то этих средств хватит для ведения войны. Видимо, литовский господарь серьезно подумывал о войне. В течение октября 1538 г. в Вильне происходил сейм. Кажется, станы сейма не обнаружили особого желания идти навстречу желаниям своего господаря. По крайней мере, ответ их на его послание менее всего занят земской обороной и полон различных жалоб на нарушение Сигизмундом I прав и вольностей Литовско-Русского княжества. Ответ станов сейма признает весьма затруднительным внешнее положение княжества, но в то же время указывает, что за отсутствием самого господаря все, что касается обороны земли, «не могуть быти жадъным обычаем слушъне справены». Поэтому все станы сейма просили господаря «абы для таковых великих и пильных потреб... приехал и в добром раде, в покою и в обороне постановити так, якобы на потомъные часы от тых неприятелей в целости было захованo» [26]. При таком настроении станов сейма вопрос о серебщине не был решен, и господарю приходилось отказаться от всяких агрессивных планов по отношению к соседнему государству. Как только окончилось перемирие, Сигизмунд I в январе 1542 г. отправил в Москву посольство, которому удалось в половине апреля возобновить окончившееся перемирие сроком на семь лет, причем каждая из договаривавшихся сторон сохраняла то, что она приобрела по перемирию 1537 г. [27].

Московское правительство, видимо, тоже было довольно условиями перемирия и тоже не обнаруживало особого жела-

---

[24] «Русская историческая библиотека», т. XXX, Литовская метрика, Юрьев, 1914, стр. 3. (В дальнейшем — РИБ).
[25] РИБ, т. XXX, стр. 4.
[26] Там же, стр. 5, 6, 18, 19.
[27] СбРИО, т. 59, № 9.

ния воевать с соседом, так как послам, отправленным в Литву для ратификации договора, было поручено дать согласие на заключение вечного мира на прежних условиях, если только об этом будет поднят вопрос [28]. Но литовско-русское правительство не поднимало об этом вопроса, так как условия перемирия совершенно не соответствовали затаенным его мечтам и планам. Несмотря на заключение перемирия, на границах Литвы и Москвы происходили постоянные недоразумения, для разбора которых обеим сторонам приходилось высылать специальные комиссии. Особенно много было недоразумений со стороны Себежа [29], где положение дел усложнялось еще тем, что с литовской стороны не были присланы своевременно судьи, а потому разбор пограничных споров не мог состояться. Очевидно, литовско-русское правительство не обнаруживало твердого намерения ликвидировать досадные недоразумения и действительно упрочить с Москвой добрососедские отношения. В сентябре 1544 г. ликвидация этих дел ни на шаг не подвинулась вперед [30].

Несмотря на перемирие с Москвой и приличные отношения с татарами, правительству приходилось принимать меры по приведению страны в боевое состояние. Эти вопросы обсуждались на Берестейском сейме 1544 г., на котором станы сейма согласились выставить по одному всаднику с каждых девяти служб, но о сборе серебщины на нем не было никакого разговора. Отсутствие денег в господарском скарбе заставило правительство Сигизмунда I попытаться заключить с Москвой вечный мир. С этой целью в начале 1544 г. прибыло в Москву специальное посольство, которое оставалось в ней до марта того же года. По первой встрече уже можно было судить о несомненном желании обеих сторон заключить мир. Со стороны Литвы это желание было аргументировано необходимостью, «абы ся нашими незгодами кровь христианская не разливала, а за нами государи христианскими в добром осмотрении и в обороне христианство от поганства было». Московское правительство соглашалось с подобной точкой зрения и тоже выражало согласие на заключение вечного мира. Но скоро выяснилась безнадежность такого желания, ибо интересы сторон были противоположны, и ни одна из них не желала делать никаких уступок. Прежде всего литовские дипломаты настаивали, чтобы московские представители первые заговорили об условиях, желательных для Москвы. Последние, однако, отнекивались, ссылаясь на исторические прецеденты, по которым «все послы приходя сказывали хотение своих государей».

---

[28] Там же, № 10.
[29] Там же, № 16.
[30] Там же, № 17.

В конце концов настойчивость московских дипломатов взяла верх, и литовской стороне пришлось первой высказаться о желательных для нее условиях мира. Московские представители неоднократно давали совет оставить «бездельные речи» и прямо сказать, «как государь ваш хочет с нашим государем миру и добрые смолвы?». Такая отчетливая постановка вопроса прямо говорила, что со стороны Москвы никаких предложений не будет сделано, и, следовательно, переговоры придется прервать.

Условия литовцев нельзя назвать скромными. Они совершенно не соответствовали внешнему положению Великого княжества. Литовские послы потребовали возвращения Смоленска, Новгорода, Пскова и чуть ли не всей ранее завоеванной Чернигово-Северской земли. Такие требования московские бояре назвали «безлепыми словами», с которыми серьезно считаться не следует.

В ответ литовским дипломатам было указано, что всеми теми городами, на которые Литва обнаруживает притязания, Московский государь владеет давно, ибо «то вотчина вся извечная государей наших от прародителей». Кроме того, московские бояре указали своим противникам, что и другие русские земли, как-то: Киев, Волынь, Полоцк и Витебск являются московской вотчиной. Поэтому они находили, что литовскому великому князю было бы «пригоже и достальных городов русских нашему государю поступитись». Конечно, литовские послы не ожидали столь решительного ответного предложения и сочли нужным несколько убавить свои требования. В заседании 24 января ими было предложено возвращение Смоленска Литве как условие для заключения вечного мира, на что московские бояре дали им соответствующую отповедь. Литовские послы в скором времени убедились в том, что при данном соотношении сил им не получить обратно желанного города, и поэтому 27 января, во время нового съезда послов, они предложили заключить перемирие, так как без уступки Смоленска вечного мира они не могут заключить. Москва соглашалась и на это предложение, но ставила со своей стороны условие: освобождение пленных и уступка Москве Гомеля. Литовские дипломаты, однако, категорически отказали Москве в этом, и московские дипломаты довольно скоро отказались от своего требования. С своей стороны, и московские уполномоченные отказались отдать Литве Чернигов, Мглин, Себеж и другие города в виде вознаграждения за пленных. Не решая вопроса о пленных, обе стороны соглашались заключить новое перемирие — сроком на пять лет.

Однако налаженные переговоры едва не прекратились, так как литовские уполномоченные на съезде послов 1 февраля не пожелали титуловать московского государя царем и были очень

настойчивы в своем нежелании. Тогда перед московским правительством стояла дилемма — или уступить в титуле литовцам, или прервать переговоры. На совещании с московскими боярами 5 февраля было решено уступить литовским послам. Однако при новой встрече с литовскими послами они ни в чем не проявили своей уступчивости: переговоры были прерваны, и литовские дипломаты стали готовиться к отъезду. Не желая уехать ни с чем, литовские послы предлагали заключить перемирие хотя бы на один год, на что московские уполномоченные не давали своего согласия. В конце концов фиктивное упорство московских уполномоченных было сломлено. Со стороны же литовцев было дано согласие на написание титула государя по старине, и этим самым отпадали всякие препятствия к заключению нового перемирия. 13 февраля оно было скреплено присягой литовских послов [31]. Со стороны Москвы эта уступка была внешним признанием своей слабости, что, конечно, не прошло бесследно для взаимных отношений Москвы и Литвы.

Итак, к концу первой половины XVI в. отношения между Литвой и Москвой были довольно враждебными. Литва не могла помириться с потерей Смоленска, не могла забыть о притязаниях московского князя и на другие русские города и земли. Ослабление Москвы было для Литвы политической необходимостью. Жизненность и целесообразность борьбы с соседом прекрасно были поняты Сигизмундом I и его сыном, и только отсутствие средств лишало правительство возможности приготовиться должным образом к борьбе с Москвой, в возможности наступления которой никто не сомневался. Поэтому увеличение доходности господарского скарба как условие, без которого нельзя и думать о возвращении Смоленска и ослаблении Москвы, было очередной задачей финансовой политики литовско-русского правительства.

Немало хлопот доставили господарскому скарбу и литовско-татарские отношения, требовавшие также большого напряжения финансовых средств, не говоря уже о том, что татарские наезды наносили населению огромный убыток [32]. Положение правительства усложнялось еще тем, что оно не могло предпринять против татар каких-либо мер, так как обострившиеся отношения с Москвой заставляли его ухаживать за татарами и искать их дружбы. Крымский хан прекрасно понимал свою роль в политике княжества и стремился извлечь из этого для себя пользу.

---

[31] СбРИО, т. 59, № 18.

[32] М. В. Довнар-Запольский. Литовские упоминки татарским ордам. Скарбовая книга метрики литовской 1502—1504. Симферополь, 1898.

В 1507 г. Менгли-Гирей выдал Сигизмунду I ярлык на пограничные земли под условием уплаты «сполна дани и выхода». Кроме того, приходилось тратить большие деньги по приему и награждению татарских послов [33]. Даже рядовые татары нуждались в соответствующих подачках. Естественно, такие расходы весьма тяжело отражались на состоянии господарского скарба, бывшего в начале XVI в. далеко не в блестящем состоянии [34]. Мало того, Менгли-Гирей вмешивался и во внутренние отношения государства, поддерживал сношения с врагом Сигизмунда I — Михаилом Глинским [35], и, кажется, господарские послания не производили на хана никакого впечатления [36]. С 1511 г. литовско-татарские отношения стали вполне определенными. Татары соглашались прекратить свои наезды на пограничные области, но, со своей стороны, и литовское правительство обязывалось уплачивать ежегодно в виде дани 3000 коп литовских грошей. Такую же сумму обязывалась вносить и Польша [37].

Превращение литовско-русского господаря в формального данника крымского хана — прекрасный показатель его внутренней слабости, но для Литвы, в то время воевавшей с Москвой, конечно, не было иного выхода, если оно желало приобрести настоящее расположение владетеля Крыма. Однако несмотря на регулярную уплату упоминков, Менгли-Гирей не хотел оказать Литве помощь в ее борьбе с опасным соседом и очень удачно балансировал между правительствами обоих воюющих государств, проявляя свое расположение то той, то другой стороне. И только его преемник Магмет-Гирей в 1515 г. обнаружил желание принять участие в войне и вторгнуться в пределы Московского государства. Кажется, крымский хан испугался московского князя и, находя усиление последнего совершенно несоответствующим своим интересам, считал нужным задержать его дальнейшее возвышение. Впрочем, это намерение оказалось только теоретическим. Существенной помощи он не оказал Литве, а между тем отдельные татарские загоны продолжали свои набеги на украинские земли и уводили с собой немалое количество пленных. В 1521 г. литовское правительство заявило соответствующий протест, но Магмет-Гирею не стоило особенного труда отвести от себя обвинение в нарушении вечного мира ссылкой на то, что татарские набеги производились без его ведома. Литовскому правительству по необходимости приходи-

---

[33] Там же, стр. 59—63.
[34] Об этом ниже.
[35] АЗР, т. II, № 33.
[36] Там же, № 41.
[37] М. В. Довнар-Запольский. Литовские упоминки татарским ордам..., стр. 18.

лось мириться с такого рода объяснением и посылать хану следуемые ему ежегодные упоминки[38], в отправке которых надо было соблюдать большую точность, так как всякая задержка в их уплате грозила большими неприятностями пограничным областям. И тем не менее, несмотря на своевременную уплату упоминок, отношения между Крымом и Литвой были все время довольно натянутыми. Литовско-русскому господарю неоднократно приходилось убеждаться в том, что его союзник не выполняет своих обязательств, что его «слова» и «слюбы» остаются только одними обещаниями. В 1526 г. отношения между Крымом и Литвой были особенно обострены. Великий князь должен был убедиться не только в полном нежелании Крымского хана прийти к нему на помощь, но даже заподозрил своего союзника в желании вторгнуться скорее «в наши панства нижли в землю неприятельскую». И это в то время, когда над Литовско-Русским великим княжеством висела угроза московского нашествия.

При таком положении дела великий князь должен был принять ряд мер к укреплению границ и приведению в боевое состояние пограничных замков. Об этом господарь довел до сведения панов-рады и предложил им принять соответствующие мероприятия[39]. Слухи о военных приготовлениях дошли до крымского хана, который поспешил оправдаться во взведенных на него обвинениях. По его мнению, во всех недоразумениях виновато литовское правительство, которое одновременно с ханом не выступило против Москвы, когда хан «подлуг обетницы и слова своего сам своею головою со всими своими людьми» выступил против врага. В отправленных господарю листах крымский хан подчеркивал, что его образ действий вызвал неодобрение со стороны турецкого султана. Поэтому если литовский князь желает иметь со стороны хана «приязнь справедливую и безпеченство», то господарь должен «без омешканья» послать хану следуемый упоминок. О ханском послании господарь довел до сведения панов-рады, а также об его угрозе склониться на сторону турецкого султана и «поспол с ним» отправиться походом на литовского государя[40]. Последний прекрасно понимал силу ханской угрозы, а между тем господарский скарб был пуст. Его нельзя было пополнить текущими поступлениями, так как, по откровенному признанию самого господаря, «коморы восковыи и соленыи и мыта вси зашли у долзех на колько лет прийти к нашим рукам не могуть и над то замки, и места,

---

[38] М. В. Довнар-Запольский. Литовские упоминки татарским ордам..., стр. 84—86.
[39] Там же, стр. 87.
[40] Там же, стр. 87—88.

и места и дворы, и волости наши вси есмо на потребу земскую позаставляти»[41].

Обращаясь с посланием к панам-раде, господарь просил своих советников озаботиться не только об уплате упоминок «нинешнего году», «але и о тые впоминки на пришлыи годы рачили бы теж ваша милость на том зъезде мыслити, откуля бы тот впоминок царю перекопскому на каждый год мя даван быти»[42].

Господарская рада должна была приложить особую «пильность» «как быхмо того впоминку царю перекопскому каждаго году певни были»[43].

Рекомендуя принять все меры к своевременной уплате упоминок, господарь одновременно настаивал на приведении в состояние боевой готовности украинских замков, так как «слухи певныи з орды его милости доходять, што ж царь Перекопский твердо на то хочеть стояти, абы мог у своих руках Киев мети»[44]. При таких слухах Литва имела полное основание не доверять хану, а между тем, из-за войны с Москвой, приходилось по политическим соображениям поддерживать дружбу с Крымом, хотя фальшь ее была очевидна.

И преемник Магмета, Саип-Гирей, придерживался такой же двуличной политики. Когда в 1527 г. великий князь направил к нему посольство с предложением принять участие в военных действиях против Москвы, то Саип-Гирей не двинулся с места, и свое поведение объяснял тем, что он был «не в зупольном здоровьи», и кроме того, по утверждению хана, «на мое панство не слыхано того, иж бы война их московская могла приходить». Действительно, стоило ли хану оказывать помощь своему даннику, когда неприятель захватил литовско-русские земли, а не крымского хана! Впрочем, хан не отказался от помощи, но требовал, чтобы господарь действовал совместно с ним. Только в последнем случае хан может быть «завжды помочен» великому князю.

Оправдываясь в своем бездействии, Саип-Гирей в то же время обвинял своего данника в попустительстве казакам, которые приходят под татарские улусы на Днепре и «шкоды чинять» татарам. При этом хан грозил нашествием на украинские замки Черкасы и Канев, если правительство не примет соответствующих мер[45]. Наконец, Саип-Гирей напомнил об уплате упоминок в размере посылавшихся его брату. В противном случае между Литвой и Крымом не может быть вечного мира.

Как видно, добрососедские отношения с Крымом весьма тя-

---

[41] Там же, стр. 89.
[42] Там же, стр. 90.
[43] Там же.
[44] Там же.
[45] АЗР, т. II, № 150.

жело отражались на господарском скарбе. Между тем, пока реальных результатов не было никаких, крымские ханы не обнаруживали особенно сильного желания воевать с Москвой и помогать Литве «отыскивать свои земли».

Сознавая полную невозможность, при сложившихся отношениях Крыма и Литвы, заставить первый принять активное участие в военных действиях против Москвы, литовско-русское правительство решило воспользоваться внутренними неурядицами в Крыму, чтобы заставить хана быть более внимательным к желаниям Литвы. С этой целью в октябре 1528 г. Сигизмунд I послал каневскому и черкасскому старосте пану Дашкевичу предложение оказать полное содействие планам царевича Ислама и дать ему убежище там, где не было бы никакой «шкоды» государству. Сигизмунд I изъявил желание быть его приятелем, если только этого пожелает сам царевич. Кроме того, литовско-русский господарь обещал свое содействие, как его «осадити на царстве» [46]. Между тем, междуусобная борьба в Крыму окончилась поражением Ислама. Часть его сторонников была разбита, и при нем остались только «некоторые посполитыи». Ислам, поднимая борьбу против Саипа, надеялся на помощь Сигизмунда I, но последний, считая его дело проигранным, ничем не обнаружил своих дружеских чувств к Исламу. Наоборот, Сигизмунд I хотел воспользоваться создавшимся положением дел в Крыму, чтобы занять по отношению к нему враждебную позицию, так как при сложившихся условиях господарские войска «от тое Орды никотороe перекaзы приимовати не могуть». Поэтому гетману пану Юрию Радивиллу поручалось «справовати як ся налепей твоей милости будет видети, ижьбы было з нашим господарским и земским добрым и пожиточным» [47].

Однако когда выяснилось, кто оказался победителем в этой борьбе, то Сигизмунд I послал Саипу-Гирею письмо от 1 ноября 1538 г., в котором изъявлял полную готовность послать следуемые хану упоминки, посылавшиеся ему и раньше, но из-за междуусобной борьбы они не доходили до хана. Сигизмунд I иначе не мог поступить, так как Саип-Гирей грозил ему войной. Посылка следуемых упоминок давала возможность отклонить от страны надвигавшуюся грозу, о которой паны-рада доводили до сведения господаря [48]. С своей стороны, и великий князь уведомлял своих панов-раду о предстоящем созыве вального сейма и об отправке к ним подскарбия земского пана Ивана Горностая, который сообщит им о предположениях господаря от-

---

[46] Там же, № 156.
[47] Там же, № 178.
[48] РИБ, т. XXX, стр. 11—14.

носительно принятия мер по приведению страны в состояние боевой готовности как против крымского хана, так и московского царя [49]. На этот раз опасения Сигизмунда оказались преждевременными, так как Саип-Гирей нуждался в помощи Литвы ввиду того, что его противник поддерживал сношения с Москвой. Поэтому крымскому хану пришлось даже послать своего сына с отрядом против Москвы, разумеется, к величайшему удовольствию литовского господаря, который, однако, не имел возможности выступить против Москвы, так как еще не вышел срок перемирия [50]. По всей вероятности, к этому времени относится заключение договора с Саип-Гиреем. Обе стороны делали значительные уступки друг другу и обнаруживали желание окончательно урегулировать свои взаимные отношения. Великий князь официально признавал себя данником хана и обещал выплатить следуемые ему ежегодные упоминки. Нового в этом ничего не было, так как с 1510 г. Сигизмунд считался крымским данником. Со своей стороны, хан официально заявил о своем вступлении в союз с литовско-русским князем, давал обещание возвратить Литве все отвоеванные у нее московским князем города и, кроме того, обязывался «во в покое держати» ряд городов княжества вместе с тянувшими к ним волостями. Саип-Гирей вступал также в экономическое соглашение с Литвой. Он согласился на установление свободного торга солью под условием уплаты соответствующего мыта, а также и на уплату вознаграждения за всякую шкоду, причиненную в Крыму литовским купцам. Кроме того, купцы обоих государств получили право свободного приезда для торговли, разумеется, с уплатой соответствующих пошлин [51]. Заключенный договор можно признать соответствующим интересам Литвы. Помимо того, что между обоими государствами устанавливалось свободное торговое общение, Литва добилась существенного обещания — оставить в покое пограничные местности, которые сильно страдали от татарских набегов. Окончательная ратификация договора состоялась в 1542 г.[52] и совпала с возобновлением перемирия с Москвой, хотя, по смыслу союзного договора, Сигизмунд не имел права его возобновить, не испросив предварительно согласия у хана. Естественно, последний запротестовал, и Сигизмунду надо было отписываться и объяснять свое поведение. Давая соответствующие разъяснения, господарь в послании от 30 ноября указывал, что им было послано хану извещение о его намерении заключить перемирие с Москвой. Кроме того, инициатива этого перемирия шла со стороны Москвы, да

[49] РИБ, т. XXX, стр. 44.
[50] Там же, стр. 59.
[51] Там же, стр. 77—79.
[52] Там же, XXX, стр. 82.

и пограничные подданные упрашивали господаря «абыхмо для трудъности их, которые они з людьми Московъского з обу сторон завъжды приймують, узгляд на них мели и до часу покой и перемиръе з ним вчинили»[53]. Как бы то ни было, хан был уведомлен о заключении перемирия уже post factum. Чтобы успокоить раздраженного хана, Сигизмунд I уведомлял его об отправке следуемых упоминок.

Заключение перемирия с Москвой было, несомненно, большим сюрпризом для хана, который осенью 1542 г. предлагал Литве выступить совместно против Москвы[54]. Однако вопреки договору это предложение не было принято и вместо войны с Москвой было заключено перемирие. Конечно, после этого отношения с Крымом стали весьма натянутыми, и хан счел себя вправе возобновить нападения на пограничные волости. Особенно сильно они пострадали в 1547 г., когда многие плохо укрепленные замки, в том числе Брацлав и Винница, были сожжены[55]. Благодаря этому пограничные волости оказались совсем незащищенными, и для татарских загонов открывалось весьма широкое поле деятельности.

Итак, в течение полувека отношения между Крымом и Литвой были в достаточной степени напряжены и стоили немалых денег, так как литовская казна должна была ежегодно уплачивать в виде дани 3000 коп грошей. Эта дань не всегда своевременно отсылалась, так как в скарбе часто не находилось соответственной суммы. Не располагая свободными средствами, правительство было не в силах надлежащим образом укрепить пограничные волости и тем самым помешать татарским наездам, от которых так сильно страдала страна. Необходимость укрепления пограничных замков прекрасно сознавалась правительством. Не даром в 1547 г. оно приступило к их ревизии с целью выяснения их состояния и приведения в порядок укреплений. Но из-за отсутствия средств ничего не было сделано. Так, и татарские отношения ставили на очередь вопрос об изыскании новых средств, необходимых для обороны края. Обойтись текущими поступлениями было совершенно невозможно, увеличение же их могло быть достигнуто только при условии ряда аграрных и финансовых мероприятий.

2

Затруднительное внешнее положение весьма тяжело отражалось на фондах господарского скарба. Его состояние при

---

[53] Там же, стр. 86.
[54] АЗР, т. II, № 226.
[55] Центральный Государственный Архив Древних Актов, Литовская метрика, Книга записей XXXVII, л. 7. (В дальнейшем — ЦГАДА, ЛМ, КЗ).

Сигизмунде I было довольно плачевным. Правительство все время было сильно озабочено отысканием новых доходных статей, чтобы как-нибудь улучшить состояние финансов. По мнению Колянковского, положение господарского скарба было очень стесненным, особенно в течение 1521—1522 гг., когда правительство совершенно не располагало необходимыми средствами для возмещения расходов, связанных с военными нуждами [56]. Неблагоприятное финансовое положение заставило правительство искать средств на стороне, обращаться к частным лицам за материальной помощью и отдавать господарские дóбра в заставу. Литовско-русская аристократия весьма умело воспользовалась затруднительным положением господарского скарба, вследствие чего немало господарских имений перешло на положение заставных. В заставу отдавались только крупные имения, так как только получением большой суммы денег можно было удовлетворить острую нужду господарского скарба. В 1518 г. правительство за 700 коп грошей отдало пану Юрию Немиричу двор Довкги с правом собирать все налоги и все доходы, поступавшие в господарский скарб, за исключением 60 бочек жита, 60 бочек овса и стольких же возов сена и мезлевы [57]. В 1519 г. был заставлен за 3000 коп грошей Могилев. Тогда же крайчему пану Станиславу Остику был заставлен двор Мереч за 1000 коп грошей с местом и волостью, при условии уплаты в скарб некоторого количества натуральных податков [58]. Пан Гринко Исаевич Громыка взял в заставу за 600 коп грошей замок Свислочь [59]. Староста Городенский пан Юрий Миколаевич Радивилл оказался держателем дворов Городенского повета — Озер и Кринок в сумме 1000 коп грошей «со всеми платами и доходами», приходившимися на господаря [60]. Воевода Новогрудский пан Ян Заберезинский взял в заставу за 900 коп грошей двор Марково [61]. Пан Юрий Иванович Ильинич взял в заставу Берестье за 500 коп грошей [62]. Воеводе Троцкому пану Григорию Остику был отдан в заставу двор Дорсунишки [63]. Тогда же правительство сделало у пана Заберезинского добавочный заем в размере 200 коп грошей [64]. Выкупив

---

[56] L. Kolankowski. Zygmunt-August wielki książe..., str. 300.

[57] ЦГАДА, ЛМ, КЗ X, л. 10. В 1516 г. двор Довкги был отдан в заставу за 600 коп грошей (М. К. Любавский. Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени издания первого Литовского статута. М., 1892, прил. № 25).

[58] Там же, л. 11.

[59] Там же, л. 12.

[60] Там же, л. 12—14.

[61] Там же, л. 12.

[62] Там же, л. 16.

[63] Там же, л. 16.

[64] Там же, л. 17.

замок Свислочь у старого держателя, правительство немедленно за 1000 коп грошей заставило его пану Войтеху Юрьевичу Носиловскому[65]. Пану Якубу Кунцевичу был заставлен двор Василишки[66] за 1000коп грошей. Пан Юрий Немирич заплатил господарским служебникам 500 коп грошей и получил в заставу волость Любошане[67]. Впоследствии обычные условия заставы были изменены. Юрий Немирич получил право выбирать пенязи только в течение трех лет, а затем вышеназванная волость давалась ему в держание[68], «до живота». Юрий Миколаевич Радивилл взял в заставу и двор Мереч, раньше бывший в заставе у пана Заберезинского, так как он увеличил заставную сумму на 100 коп грошей[69]. Староста Городенский взял в заставу еще несколько дворов Городенского староства, в виду прихода татар «з немалыми людьми». Было необходимо организовать военную оборону, но в скарбе не нашлось денег. Поэтому двор Скидель с дворцом Жорославским «со всеми людьми» были отданы в заставу за 1980 коп грошей[70]. Нужда правительства в деньгах, видимо, была большая, так как снова у того же старосты «на выплачение и для захования служебников» оно заняло 2800 коп грошей и отдало в заставу Городно. Заняв еще дополнительно 2000 и 3000 коп грошей, правительство отдало в заставу Городно, «со всими дворами и местами, и людьми, ку замку прислухаючими, и з ловы звериными, оленинымн, и лоси, и сернами»[71].

Тогда же были отданы в заставу замок Кричев[72], дворы Канев и Дубичи[73], Бирштаны[74], Каменец[75], Жолудок[76], Мозырь с волостью[77], перезаставлен Кричев[78], Ошмяны[79] и т. д.

Приведенными данными, конечно, не исчерпываются полностью сделанные тогда заставы, но они с достаточной полнотой рисуют весьма тяжелое положение господарского скарба. Правительство бросалось от одного кредитора к другому и не

---

[65] Там же, л. 18.
[66] Там же, л. 18.
[67] Там же, л. 27.
[68] Там же, л. 39.
[69] Там же, л. 61.
[70] Там же, л. 47.
[71] Там же, л. 48.
[72] Там же, л. 51.
[73] Там же, л. 54.
[74] Там же, КЗ XI, л. 6.
[75] Там же, л. 7.
[76] Там же, л. 25.
[77] Там же, л. 30.
[78] Там же, л. 82.
[79] Там же, л. 42.

знало, где раздобыть денег на военные потребности. Благодаря такой финансовой политике господарский скарб превратился в неоплатного должника богатых шляхетских фамилий, в руках которых сосредоточилось большое количество господарских имений. Из этого затруднительного положения почти не было выхода, но правительство отчетливо сознавало, что если и впредь держаться той же финансовой политики, то в недалеком будущем можно будет остаться совсем без имений и волостей и без денег. Литовско-русские магнаты превосходно сознавали свою силу и небрежным выполнением лежащих на них государственных повинностей ставили господарский скарб в невыносимо затруднительное положение. Правительство же было бессильно что-нибудь предпринять, чтобы заставить аристократию более внимательно выполнять свои государственные повинности.

В официальном документе, разосланном в 1522 г. по дворам Виленского повета по случаю приготовления к войне с Москвой, Сигизмунд I констатировал, что «подъеданыи наши многии сплошенство и недбалость великую ку обороне земъской мають» [80].

Тяжелое финансовое положение господарского скарба было, по всей вероятности, предметом обсуждения на Виленском сейме 1522 г., где наиболее крупные из кредиторов правительства простили ему все его долги и вернули обратно заставленные дворы, замки, волости. Кажется, такая жертва была компенсирована тем, что те же дворы оставались у них же в «доживотном» владении на правах староств и держав. На таких условиях были отданы пану Юрию Ивановичу Ильиничу староства Берестейское и Лидское, бывшие раньше у него в заставе, и нет основания сомневаться, что и другие правительственные кредиторы были вознаграждены подобным же образом [81]. Признав себя несостоятельным должником, правительство только отчасти улучшило свои финансовые ресурсы, но такие жертвы имели характер паллиатива, так как военная опасность становилась все напряженнее и напряженнее, а текущие поступления, вследствие примитивности хозяйственного уклада государства, нельзя было увеличить.

Тяжелое состояние скарба заставило панов-раду на Виленском сейме 1522 г. дать свое согласие на сбор серебщины, так как в противном случае в распоряжении правительства не оказалось бы никаких свободных ресурсов. Серебщина всей своей тяжестью падала на панов-раду, уплативших большею частью

---

[80] Н. А. Максимейко. Сеймы Литовско-Русского государства до Люблинской унии (1569 г.). Харьков, 1902, прил., стр. 65—66.

[81] Там же, прил., стр. 65—66.

по 100 золотых[82]. При сборе серебщины единицей обложения считалась соха двух видов: воловья и конская, причем обложение первой было вдвое тяжелее второй (15 грошей и 7 $^1/_2$ грошей). Серебщину уплачивали также и безземельные люди с огородниками (6 грошей и 3 гроша). Такое сравнительно высокое обложение только подчеркивало затруднительное положение господарского скарба[83].

Но и «спущение» денег кредиторами скарба и серебщина нисколько не улучшили положение скарба. Тем не менее нельзя было оставлять его в таком состоянии. Правительство задумало выкупить заставленные добра, так как они имели большое значение для поступлений господарского скарба. Однако отсутствие свободных денег служило существенным препятствием для выполнения задуманной операции. Все эти вопросы были предметом обсуждения Виленского сейма 1529 г., на котором было постановлено обложить все население экстренным сбором на жалованье ратным людям и на выкуп заставных государевых отчин, причем новое обложение строилось на несколько ином принципе в сравнении со сбором серебщины 1522 г. и отправлялось от сеймовой «ухвалы» 1529 г. относительно отправления шляхтой военной службы[84].

Сеймовая ухвала 1529 г. о сборе денег «на плату служебным людем и на выкуп заложенных замков и волостей» касалась всего населения княжества, не исключая и господарского крестьянства. Согласно ухвале, с каждых восьми служб вносилось в скарб 1$^1/_2$ копы грошей. Если же собственник владел меньшим количеством служб, то он был обязан уплатить с каждой службы по 11 грошей 2$^1/_2$ пенязя. Шляхтичи, не владевшие ни одним человеком, были совершенно свободны от платежа нового податка. В местностях, где население сидело на волоках, главным образом в Подляшье, одна волока приравнивалась к службе. Эти нормы обложения были обязательны и для духовных особ обоих вероисповеданий. Не избежало обложения новым податком и еврейство, только раскладка его между евреями была совсем иная. Облагались новым податком и господарские места (города), при этом ухвала точно определила долю, приходившуюся на каждое место. Размеры податка зависели от экономического состояния города[85]. Такой крупный экономический центр, как Вильна, уплачивал 1500 коп грошей,

---

[82] Там же, прил., стр. 64—66, 67; М. К. Любавский. Литовско-русский сейм..., прил. № 7.

[83] «Акты Литовско-Русского государства». Издано М. В. Довнар-Запольским. Вып. 1 (1390—1529), М., 1899, № 163. (В дальнейшем — АЛРГ).

[84] АЗР, т. II, № 161.

[85] АЗР, т. II, № 161; АЛРГ, вып. 1, № 198.

Ковно — 300 коп грошей, а какие-нибудь Мосты — только 3 копы грошей. Княжеские и шляхетские места были свободны от обложения [86].

Последняя мера касалась только неволочных мест. Подляшские же волочные места подлежали соответственному обложению [87].

Ухвала 1529 г. о новом обложении, конечно, указывает на весьма тяжелое положение господарского скарба. Итоги нового сбора нам не известны; не знаем также и того, насколько все шляхтичи оказались исправными плательщиками нового податка. Но если даже допустить, что поступление податка было своевременным и исправным, все же собранной суммы не хватило правительству, которое не только не выкупило заставных старост и держав, но даже было принуждено отдать в заставу новые дворы и волости [88]. По всей вероятности, скарб был пуст, так как в 1530 г. правительство было вынуждено прибегнуть к сбору ордынщины, наложенной на некоторые господарские места ввиду предполагаемой войны с воеводой Волошским и необходимости посылки крымскому хану следуемых ему поминков, ибо без них последний не желал «чинити прыязнь» литовскому господарю [89]. В таких же отношениях к Крыму находилась и Польша. Однако польская рада отказалась уплачивать упоминки и предпочла на эти деньги нанять соответствующее количество служебных людей, чтобы «з Божьею помочью тому ся неприятелю боронити». Сигизмунд не сомневался в том, что и литовская рада поступит таким же образом, и просил ее, «абыхмо некоторую часть пеняжную на оборону земскую с скарбу нашего дали», причем господарь указывал на общий упадок хозяйственного состояния дворов и волостей, благодаря чему «на долгии часы жадных пожитков не можем мети», да к тому ж еще немало господарских дворов находилось в заставе [90]. Но паны-рада не пошли навстречу желаниям господаря. Вместо принятия общих мер для увеличения поступлений в господарский скарб паны-рада поручили довести до сведения господаря о плохом оборонительном состоянии украинских замков и в то же время жаловались на непослушание

[86] АЗР, т. II, № 161; М. К. Любавский ограничивает деятельность Виленского сейма 1529 г. только тем, что король вместе с панами-радою «умыслили положити плат» на людей господарских, княжеских и панских, духовных и светских, с каждой службы людей по 2 гроша, т. е. с коня по 16 грошей (М. К. Любавский. Литовско-русский сейм..., прил. № 11).

[87] АЛРГ, вып. I. № 198.

[88] L. Kolankowski. Zygmunt-August wielki książe..., str. 301.

[89] АЗР, т. II, № 168.

[90] Документы Московского архива Министерства юстиции, т. I. Предисловие М. В Довнар-Запольского, М., 1897, стр. 525—526. (В дальнейшем — ДМАМЮ).

земских «врядников» и указывали на нежелание подскарбия земского выдать из скарба какую-либо сумму «на потребы земскии» [91].

Господарская рада не ответила прямо на вопросы господаря и своими замечаниями стремилась отвлечь его внимание в сторону от финансовых вопросов. Но господарь счел нужным поставить вопрос еще прямее и дать раде своего рода предметный урок. Сигизмунд I указывал, что при его вступлении на престол господарский скарб был совершенно пуст. Теперь же господарь желает, чтобы «прыехавшы до тамошняго паньства своего, вжды мог што в скарбе найти захована». Таким ответом господарь дал понять своей раде о необходимости немедленных мероприятий по улучшению государственных финансов [92]. Кажется, и на этот раз господарские увещевания остались безрезультатными. Господарская рада не приняла никаких мер финансового характера. И только на Виленском сейме 1534 г. было решено собрать новую серебщину «для обороны и иншых многих великих а пилных потреб нашых господарских и земских». Серебщина падала на «всих подда́ных» как господаря и королевы матери, так и всех «князьских и панских и земяньских» как духовных, так и светских. Серебщина 1534 г. была легче серебщины 1522 г. С каждых двух волов поступало в скарб 12 грошей. Столько же поступало и с двух кляч. Владельцы одного вола или одной клячи уплачивали только 6 грошей. Собственники земель, даже не имевшие ни одной головы домашнего скота, уплачивали в казну 6 грошей. Такой же взнос давали в скарб и безземельные люди, которые «толко двором седить», если они имели вола или клячу. Не были освобождены от обложения и огородники, вносившие в скарб по 3 гроша. Серьезность принимаемой правительством меры подчеркивалась еще тем, что даже люди, «седевшие на волях», подлежали обложению на общих основаниях [93]. Ухвала серебщины была вызвана натянутыми отношениями с Москвой.

Это решение было принято в марте 1534 г. Но осенью того же года правительство было вынуждено отступить от ранее принятых постановлений.

Нормы серебщины были увеличены до 15 грошей на воловью соху. В зависимости от этого изменялось обложение и конной сохи. Точно также увеличивалось обложение крестьян в размере до полусохи как владевших землею, но не имевших инвентаря, так и имевших его, но не обладавших землею. Оклад ого-

---

[91] АЛРГ, вып. I, № 199.

[92] Там же.

[93] М. К. Любавский. Литовско-русский сейм..., прил. № 13; Н. А. Максимейко. Сеймы Литовско-русского государства..., прил., стр. 88—89.

родников равнялся 3 грошам [94]. Повышение норм серебщины было принято, по авторитетному признанию самого господаря, «для великой потребы».

Серебщина назначалась на три года, но ставки последнего года были уменьшены до 10 грошей с сохи. Серебщина поступала исправно, и правительство имело полное основание быть довольным результатами сбора. Но этого для скарба было мало. Опасность со стороны Москвы и Крыма нисколько не стала меньшей. Приходилось увеличить наемное войско и в виду возможности новой войны с Москвой усилить оборону границ. Это требовало новых расходов.

Осенью 1538 г. Сигизмунд I находился в Польше и оттуда послал в Новогрудок панам-раде послание через подскарбия земского пана Ивана Горностая с предложением позаботиться о сборе новой трехлетней серебщины из такого расчета: в первый год 15 грошей, за второй и третий годы — соответственно 12 и 10 грошей, принимая за единицу обложения воловью соху [95]. Впрочем, эти нормы были для панов-рады факультативны. Господарь предлагал «обмолвитися» им «с княжаты и паняты и з земяны» и установить серебщину «большей, або мней». Это отдавалось на рассмотрение вального сейма [96].

Еще в феврале 1538 г. Сигизмунд-Август через подскарбия земского пана Ивана Горностая довел до сведения своих панов-рады о необходимости сбора нового экстренного податка на ближайшем сейме в Вильне, «иж бы слушный и готовый спесоб ку обороне непрыятельской захован был». Господарь выражал надежду, что господарские советники приложат всякую «пилность а хтивость к тым справам его милости господарским и земским» [97]. Наконец, перед самим сеймом тому же подскарбию земскому было поручено сказать панам-раде, что назначенный экстренный податок пойдет «ни на которые иньшие потребы, одъно на тые пришълые валечъные часы ку обороне земской на люди пеняжные прибылые». Господарь обещал, что ни одного гроша не будет истрачено на какие-либо другие потребности государства [98].

Однако на сейме 1538 г. серебщина не была «ухвалена». Сейм не состоялся, так как украинским замкам грозила серьезная опасность со стороны «поганства», и «вси панове-рада» и все господарские подданные должны были отправиться в наз-

---

[94] Н. А. Максимейко. Сеймы Литовско-Русского государства..., прил., стр. 92; М. К. Любавский. Литовско-русский сейм..., прил. № 14.
[95] РИБ, т. XXX, стр. 4—6.
[96] Там же, стр. 7.
[97] М. К. Любавский. Литовско-русский сейм..., прил. стр. 36.
[98] РИБ, т. XXX, стр. 6.

наченное господарем для сбора ополчения место[99]. Новый сейм был созван только весной 1540 г. в Вильне. На нем была «ухвалена» новая серебщина на три года. Единицей обложения были приняты воловья и конная сохи, с которых поступало в казну 12 грошей. Не исключались из обложения и безземельные люди, имевшие вола и клячу. Точно так же подлежали обложению и те, которые имели землю, хотя бы они даже не владели никаким рабочим инвентарем. Размер податка того и другого разряда подданных равнялся 6 грошам. Финансовые затруднения заставили сейм наложить серебщину даже на крестьянство, сидевшее «на волях», на тех же самых основаниях, как и на остальное население княжества. Впрочем, «воляне» подлежали обложению только в том случае, если они успели засеять свою пашню и пользовались уже своим хлебом. Не имевшие рабочего инвентаря давали в скарб 3 гроша со своих огородов[100]. Но и этой трехгодичной серебщины оказалось недостаточно. В начале 1542 г. военные обстоятельства заставили сейм разрешить сбор еще одной, на этот раз годичной, серебщины[101]. Сбор серебщин, кажется, прошел далеко не везде гладко, так как некоторые из панов оказались мало исправными в уплате серебщины. Так, князь Василий Михайлович Ковельский не представил серебщины в назначенные для этого сроки, хотя после этого прошел целый год. И господарю пришлось послать своего дворянина к непокорному и своевольному пану, чтобы вступить от имени государства в управление землями пана Ковельского до тех пор, пока князь не заплатит следуемой с него серебщины.

Сбор четырех серебщин дал скарбу 80 289 коп 40 грошей 8 пенязей, из числа которых оставалось пока неизрасходованными 28 386 коп 53 гроша 3 пенязя[102]. Четырехлетняя серебщина дала правительству необходимые для обороны средства, удовлетворила нужды текущего момента, но нисколько не заполнила пустоты скарба, которая немедленно же обнаружилась после израсходования собранной серебщины, так что уже в 1542 г. пришлось назначить сбор второй серебщины, давшей 21 928 коп 42 гроша[103]. Принимая во внимание, что в период с 1536 по 1542 г. (в течение шести лет и четырех месяцев)

---

[99] М. К. Любавский. Литовско-русский сейм..., прил., стр. 39—40; Н. А. Максимейко. Сеймы Литовско-Русского государства..., прил., стр. 97—98.

[100] М. К. Любавский. Литовско-русский сейм..., прил., № 19; Н. А Максимейко. Сеймы Литовско-Русского государства..., прил., стр. 101—102.

[101] L. Kolanowski. Zygmunt-August wielki książe..., stf. 304.

[102] АЗР, т. II, № 220.

[103] L. Kolanowski. Zygmunt-August wielki książe..., stf. 304.

обыкновенных доходных поступлений было 141 543 копы 56 грошей 3 пенезя, следует признать, что весь доходный бюджет строился преимущественно на чрезвычайных налогах[104].

Постоянные экстренные сборы чрезмерно форсировали платежные силы шляхты и, естественно, вызывали с ее стороны неудовольствие. На сейме 1547 г. шляхта выступила с требованием, чтобы собранная серебщина не отдавалась в скарб, была собираема доверенными шляхтичами и находилась на хранении у особо избранного писаря, который должен был выдавать ее только «на посполитую оборону земскую, на люди служебные»[105]. Такое требование шляхты, несомненно,— акт недоверия правительству. Вероятно, шляхта предполагала, что собранные деньги идут не на то, для чего они собирались.

Может быть, этим настроением шляхты можно объяснить ухвалу на сейме 1551 г. новой трехгодичной серебщины только по 5 грошей с каждой воловьей сохи, начиная с 1551 г. С конской сохи собиралась половинная серебщина. Столько же давали скарбу подданные, имевшие одного вола или клячу. Но имевшие земли, хотя бы без рабочего инвентаря, должны были уплатить 5 грошей. Серебщина с огородников равнялась 2½ грошам. Но благодаря «неурожаю и лихолетью» собрать ее своевременно не удалось, и пришлось серебщину 1551 г. перенести на 1552 г., а с последнего года — на следующий. Однако несмотря на эту льготу оказалось, что многими не была уплачена серебщина за 1551 г. Очевидно, шляхта или была разорена, или неуплатой серебщины намеревалась добиться от господаря удовлетворения требований, выставленных на сейме 1547 г.[106]. Кроме того, на христианское население господарских городов был наложен особый податок. Как бы то ни было, но неудача серебщины 1552 г. понуждала правительство позаботиться о реформировании своего финансового хозяйства на более рациональных началах для того, чтобы увеличить обычные поступления скарба.

Источники государственных доходов в Литовско-Русском княжестве достаточно полно исследованы М. В. Довнар-Запольским в его известной работе: «Государственное хозяйство Великого княжества Литовского при Ягеллонах». Говоря об источниках доходов, М. В. Довнар-Запольский указывает на то большое значение, какое господарские дворы и волости имели для государственного хозяйства. Поэтому вполне естественно, что, когда правительство убедится в невозможности пополнить господарский скарб и станет предпринимать ряд мероприятий к

---

[104] АЗР, т. II, № 220.

[105] Там же, т. III, 1848, № 4, арт. 8.

[106] М. К. Любавский. Литовско-русский сейм..., прил. № 21 и № 24.

улучшению финансового состояния княжества, его внимание будет сосредоточено на господарских дворах и волостях как главных источниках доходов. Перед правительством тогда станет неотложная задача увеличения производительности своих хозяйств в целях повышения их доходности. Уже в первой половине XVI в. правительство кое-что делало в этом направлении [107], но эти попытки, как будет указано ниже, не достигли намеченной цели. И вот когда попытка увеличить доходность господарских дворов и волостей, при условии неприкосновенности старой системы хозяйства и прежнего земельного строя, потерпела полную неудачу, правительство задумало грандиозную аграрную реформу, осуществление которой было вполне возможным, так как на внешнем рынке создавались весьма благоприятные условия для экспорта сырья из Литовско-Русского княжества.

[107] См. главу «Хозяйственная политика».

II. ВНЕШНИЕ ТОРГОВЫЕ ПУТИ И ТОРГОВЛЯ В ЛИТОВСКО-РУССКОМ ГОСУДАРСТВЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVI в.

Торговые дороги в XVI в. Торговля с Крымом. Торговля с Новгородом и северо-восточной Русью. Западная и северо-западная торговля. Предметы вывоза и ввоза. Преобладающее значение западной и северо-западной торговли. Влияние торговли на народное хозяйство.

Географическим положением Литовско-Русского государства определялись его торговые пути. Они шли по направлению тех больших рек, которые протекали по территории Литвы. Днепром Литовско-Русское государство крепко связывалось с рынками Крыма и Востока, бассейны Буга, Немана и Западной Двины толкали Литовско-Русское государство на запад, сближали его с западными рынками, втягивали в сеть весьма сложных европейских экономических отношений. Перемены в последних весьма резко и определенно отражались и на литовско-русском вывозе и на самом экономическом укладе Литовско-Русского государства.

Во время формирования Киевского государства черноморско-днепровская торговля была сильно развита и имела огромное значение для историко-политических судеб молодого государства, и, в частности, для Киева, центра тогдашней славяно-византийской торговли [1]. Расцвет этой торговли был весьма непродолжителен. С половины XII в. эта торговля падает, а вместе с ней теряет свое господствующее экономическое положение и Киев. Однако несмотря на неблагоприятные условия, торговые сношения Киева с иностранцами не прекращались; видоизменился только их характер. До XIII в. вся активная торговля

[1] М. С. Грушевський. Історія України — Руси, т. VI, Київ, 1907, стр. 5—8. В. Святловский. Примитивно-торговое государство как форма быта. СПб., 1914, стр. 183—194.

находилась в руках русских купцов; с XIII в. русские купцы потеряли непосредственные связи с внешними рынками, и вся внешняя торговля перешла в руки иностранных купцов, приезжавших в Киев и даже прочно там оседавших [2]. С утверждением на берегах Черного моря генуэзских купцов вся южная черноморская торговля сосредоточилась в их руках [3]. Генуэзскому господству был положен конец турками. Захват ими Константинополя и расширение их политического влияния на территорию Балканского полуострова повлекли за собой и вовлечение черноморского побережья с Крымом в сферу непосредственного воздействия Турции [4]. Разрушение в 1475 г. Кафы — главного центра генуэзской торговли, и захват Очакова в 1490 г. отрезали Южную Русь и Литовско-Русское государство от черноморского побережья [5]. Благодаря этому совершенно пала торговля на юге Литовско-Русского государства. Восточная торговля потеряла свое прежнее значение. Но торговые сношения с Крымом по «звыклой», «стародавней» дороге продолжались, несмотря на то, что черноморские степи были захвачены кочевниками, делавшими постоянные набеги на пограничные местности Литовско-Русского государства, и Киев стал центром этой торговли. Торговая дорога шла из Крыма через Днепровский брод около Тавани, а оттуда на Черкасы, Канев и Киев [6]. Другая дорога, минуя днепровские города, шла к верховьям Самары, а оттуда к Путивлю и Брянску, но после татарских погромов конца XV в. она являлась далеко не безопасной. Наконец, из Киева на Москву дорога шла по Десне [7]. Эта торговая дорога всегда находилась в руках русских купцов. Восточная торговля не была особенно значительна, так как киевское мыто в 1486 г. вместе с вышгородским ежегодно давало дохода 950 коп грошей, а путивльское вместе с корчмами — 360 коп грошей [8]. Мыто брянское с корчмой и перевозом и доходами от ваги — 120 коп грошей. После менгли-гиреевых погромов киевское мыто упало настолько, что не находилось лиц, решившихся взять его на откуп. Правительство организовало его администрацию собственными средствами, и в 1498 г. киевское мыто дало около 380 коп грошей [9]. В следующем году мыто подня-

---

[2] М. С. Грушевський. Історія України — Руси, т. VI, стр. 5—8.
[3] Там же, стр. 7.
[4] N. Jorga. Geschichte der Osmanischen Reiches nach den Quellen derstellung. Bd. II. Gotha, 1908, Кар. 5, 7.
[5] J. Jaroszewicz. Obraz Litwy, pod względem jej cywilizacyi od czasów najdawniejszych do końca wieku XVIII, cz. I—III. Wilno, 1844—1845: cz. II, str. 94.
[6] М. С. Грушевський. Історія України — Руси, стр. 8—9.
[7] Там же, стр. 9.
[8] Там же, стр. 12.
[9] Там же, стр. 12.

лось до 758 коп грошей[10]. Торговое значение Киева очевидно падало, и литовско-русское правительство, чтобы поднять его, освободило киевских купцов от платежа всяких пошлин на территории государства и даровало городу магдебургское право. И то и другое были подтверждены при Сигизмунде I в 1506 и 1514 гг.[11] С начала XVI в. опять начинается экономическое возрождение Киева, ставшего видным торговым центром, хотя и не такой величины, каким он был в начале образования Киевского государства. Если верить сведениям, сообщаемым Михалоном Литвином — человеком весьма осведомленным в литовско-русской жизни, то Киев стал центром для всех товаров, привозимых из Кафы. Сюда приезжали купцы из Азии — Персии, Индии, Аравии, Сирии. Отсюда же везли товары на север — в Москву, Псков, Новгород и далее — в Данию и Швецию[12]. Несмотря на видимое оживление, едва ли торговля велась в прежнем масштабе. В степных пространствах не было никакой гарантии для безопасного провоза товаров. Между Крымом и Литвой возникали разного рода дипломатические недоразумения, которые, естественно, должны были отразиться в той или другой степени на товарообмене. Татары жаловались на казаков, нападавших на купцов, у которых они отнимали товары и причиняли «шкоды». И такие недоразумения были не случайны[13]. Со своей стороны, и крымские татары старались отплатить нанесением «шкод» литовско-русским землям. И литовскому господарю приходилось выступать с протестом против действий подданных хана, которые, «приходячи под замки украинные: под Киев, под Черкасы и под Канев люди беруть и докуки и шкоды великие чинять»[14]. При заключении договоров с Крымом обыкновенно принимались во внимание интересы купцов и торговли. Так, по договору Сигизмунда I с Саип-Гиреем в 1540 г., последний гарантировал всем польским и литовским купцам вольно приезжать с товарами до Перекопа и Кафы, а также свободный отъезд после распродажи товаров при условии уплаты следуемого мыта. С другой стороны, и ханским людям предоставлялся свободный въезд в Литву и Польшу и выезд оттуда. Литовско-русские купцы получали

---

[10] Там же, стр. 12.

[11] Архив юго-западной России, издаваемый Временной Комиссией для разбора древних актов, чч. I—VIII, Киев, 1859—1914, ч. II, № 103. (В дальнейшем — АЮЗР); АЗР, т. II, № 3.

[12] Мемуары, относящиеся к истории Южной России, вып. 1, Киев, 1890, стр. 50—51.

[13] «Книга посольская Метрики Великого княжества Литовского, содержащая в себе дипломатические отношения Литвы в государствование короля Сигизмунда-Августа». Издана М. Оболенским и И. Даниловичем, т. I, М., 1843, № 17

[14] Там же, № 18.

также право свободной покупки товаров в Качибее с уплатой соответствующих пошлин, причем договор гарантировал уплату вознаграждения купцам, если бы последние в Качибее понесли какие-либо убытки[15]. Договор этот, очевидно, оставался мертвой буквой, так как жалобы обеих сторон на взаимные «шкоды» особенно были часты после 1540 г. Итак, накануне аграрной реформы Киев был довольно видным торговым центром для ввоза восточных товаров и транзитным пунктом для последних в северные государства. Взаимные отношения татар и подданных Литовско-Русского государства, отличаясь неустойчивостью, не могли содействовать развитию и укреплению товарообмена между обоими соседними государствами.

Торговля Литвы с Новгородом и северо-восточной Русью тоже весьма раннего происхождения, и начало ее надо вести с того момента, когда литовские князья стали сталкиваться с Полоцкой и Витебской землями. По мере втягивания последних в сферу политического влияния Литвы развивались и крепли торговые связи Литвы с северной Русью. Купцы из Новгорода появляются в Вильне с момента ее основания: они привозили туда восточные товары, а оттуда вывозили то сырье, которого было так много в этом богатом крае[16]. Во времена Ольгерда эти торговые сношения стали еще более оживленными. Купцы из Новгорода, Пскова и даже из отдаленной Москвы неоднократно посещали литовскую столицу[17]. Новгородцы, видимо, завязали с Литвой крепкие торговые связи, так как имели свои конторы в Вильне, Ковне, Вилькомире[18]. Эти торговые связи уже настолько укрепились к первой четверти XV в., что литовско-русский великий князь Свидригайло счел своевременным заключить с Новгородом договор, который обеспечивал литовским купцам в Новгороде торговые преимущества и который, несомненно, являлся существенной уступкой со стороны Новгорода. Раньше новгородцы снабжали Литву продуктами ганзейской торговли и были в этом отношении полными монополистами. Литовские купцы стремились к освобождению от этой монополии, и договор 3 января 1431 г. разрешал литовцам приезд в Новгород для торговли с немецкими купцами на немецком дворе[19]. Договор охранял неприкосно-

---

[15] J. Danilowicz. Skarbiec dyplomatów papieżskich, cesarskich, królewskich, książeczych, uchwał narodowych, postanowień różnych wladz litewskiej i ościennych im krajow, t. 2. Wilno, 1862, № 2329.

[16] M. Baliński. Historia miasta Wilna, t. I. Wilno, 1836, str. 16.

[17] Там же, стр. 26—27.

[18] T. Narbutt. Dzieje starożytne narodu litewskiego, t. I—IX, Wilno, 1835—1841; t. III, str. 595—596.

[19] Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной Коллегии Иностранных дел, ч. 1, М., 1813, стр. 24—25.

венность личности и имущества купцов обеих государств и определял те торговые пошлины, которые собирались с приезжих купцов. Признание Новгородом суверенитета великого князя должно было еще крепче связать Новгород с Литовским княжеством [20]. Но крушение новгородской политической независимости и переход Новгорода под власть Москвы прекратили всякие торговые связи с Литвой. Когда Иван III закрыл в 1487 г. в Новгороде ганзейскую торговлю, то непосредственные торговые сношения с немцами должны были прекратиться. Поэтому торговые связи Литвы с Новгородом становились совершенно излишними. С падением новгородской торговли начали развиваться торговые связи с Москвой, чему отчасти содействовал и брак великого князя Александра с дочерью Ивана III. Благодаря родственным связям между Москвой и Литвой временно установились дружественные отношения. Русские купцы под охраной этих отношений стали частыми гостями в Вильне. Пришлось для них выстроить особый гостиный двор, так как, живя на частных квартирах, они бесконтрольно вступали в непосредственные сделки с приезжавшими туда иностранцами и тем самым подрывали права и преимущества виленских мещан [21]. Торговые сношения Литвы с Москвой не всегда были ровными. Наплыв в Вильну московских купцов, начавших усиленно скупать серебро, заставил Александра издать распоряжение о запрещении дальнейшего вывоза серебра из Литвы. Московское посольство в 1494—1495 гг. стремилось добиться его отмены, но все попытки окончились неудачей. Послам решительно ответили, что вывоз серебра запрещен. Московские купцы не обратили на это внимания и постарались увезти контрабандой значительное количество серебра. Посланный им вдогонку дворянин Петр Дзершкович отобрал у них 20 гривен серебра, так как было доказано, что серебро было вывезено из Вильны [22]. Этот торговый инцидент пока не имел никаких последствий, но, быть может, он и подобные ему недоразумения дали основание московскому князю Ивану обвинять своего зятя перед польским послом в том, что «нашим гостем в его землях сила и грабежи чинятся» [23]. И сам великий князь Александр не отрицал возможности нападений на московских купцов и в одном случае отдал распоряжение удовлетворить претензии московских купцов, ограбленных на дороге смоленским окольничим Борисом Семеновичем [24]. Вообще литовско-московские торговые связи не могли окреп-

[20] АЗР, т. I, 1846, № 39.
[21] M. Baliński. Historia miasta Wilna, t. II. Wilno, 1837, str. 36.
[22] Сборник Муханова, М., 1856, № 49.
[23] АЗР, т. I, № 192, стр. 292.
[24] Там же, стр. 339.

нуть и развиться из-за напряженных внешних отношений. Правда, последние не были все время непрерывно враждебными. Литовский великий князь не раз посылал посольства для установления дружественных отношений. Вместе с послами ехали и торговые люди, но такие поездки не укрепляли торговых связей, так как московский великий князь иногда задерживал литовских купцов, несмотря на категорические представления литовского великого князя [25]. 8 октября 1508 г. великий князь Василий заключил мир с Сигизмундом I. Мирный договор защищал интересы купцов обоих государств и право повсеместной торговли [26]. В Литву по-прежнему ездили купцы главных русских городов: Москвы, Твери, Новгорода, Пскова. Однако несмотря на мирный договор, торговые недоразумения не прекращались. Литовский великий князь, видимо, не хотел допускать свободного проезда московских гостей в Крым, хотя свободный пропуск «беззачепки» был гарантирован мирным договором [27]. Для литовской торговли было выгодно держать в своих руках всю крымскую торговлю и быть посредником между московскими и крымскими купцами. Литовский великий князь, кажется, не дал на представление об этом никакого ответа, а начавшиеся довольно скоро военные действия пока этот вопрос с очереди сняли. По всей вероятности, он был предметом обсуждения во время последовавших мирных переговоров, так как договорная грамота от 18 февраля 1533 г. снова подтверждает право свободного приезда и отъезда купцов обоих государств, но и право проезда через территорию обоих государств «с каким товаром ни буди» [28]. И договорная грамота от 22 марта 1537 г. подтверждала свободу торговли между обоими государствами и неприкосновенность имущества торговых людей. На этом основании литовское правительство потребовало от московского возвращения литовским купцам незаконно отнятого у них товара. Московские бояре считали произведенную конфискацию вполне законной, так как литовские купцы стремились обманным образом вывезти из Москвы «серебро и ссуды всякие», не заявив предварительно о своей покупке приказным людям [29]. Вывоз серебра из государства был так же нежелателен для московского князя, как и для литовского. Поэтому требование контроля над покупкой серебра было вполне естественно, но это не соответствовало планам литовско-русского великого князя. Московские бояре не сочли нужным удовлетворить желания литовских уполномочен-

---

[25] АЗР, т. II, № 36.
[26] Там же, № 43.
[27] Там же, № 60.
[28] Там же, № 120, стр. 150.
[29] СбРИО, т. 59, стр. 108.

ных, находя, что «ныне отдати того товару непригоже». Единственно чего добились литовские дипломаты — это подтверждения неприкосновенности имущества и личности тех купцов, которых окончание перемирия может застать на территории Московского княжества [30]. Московское правительство, видимо, строго следило за невыходом из государства серебра. У торгового человека Гаврилы Олферова были конфискованы товары, в числе которых находились и различные серебряные сосуды, купленные в Москве. При заключении нового перемирия в 1542 г. этот торговый человек получил обратно свои товары, но купленное им серебро было оставлено в Москве [31]. Новая договорная грамота, заключенная в июне 1542 г., также подтвердила свободу торговли между обоими государствами, повторив почти дословно содержание прежних договорных грамот. Свободу торговых сношений подтверждала и договорная грамота 1549 г.[32]. На деле же такой свободы не было. В договорных грамотах гарантировалась купцам свобода въезда и выезда в Московское государство, а между тем Иван Грозный перестал впускать в Москву литовских евреев, и литовский князь имел полное основание спросить Грозного, на каком основании запрещается евреям въезд в Московское государство и чинятся им «шкоды и гамование в товарех» [33], но Иван Грозный все-таки не согласился разрешить литовским евреям свободный въезд в Московское княжество [34]. Видимо, он не желал считаться с содержанием литовско-русских перемирных грамот.

Итак, между Литвой и северо-восточной Русью торговые сношения начались довольно рано. Сначала первое место в торговле занимали русские купцы. Потом литовским купцам удалось освободиться от монополии новгородских купцов в торговых сделках с немцами. Это положение литовские торговые люди сохранили до полного падения ганзейской торговли в Новгороде. Торговые сношения с Москвой часто прерывались благодаря постоянным внешним осложнениям. Несоблюдение со стороны обоих государств условий договорных грамот также не было фактором, содействовавшим развитию торговли Литовско-Русского княжества со своим политическим соперником.

Торговые сношения литовских племен по реке Неману также факт очень раннего времени [35]. Богатый край привлекал сюда прусских и западноевропейских купцов, для которых город Висби на Готланде являлся центральным пунктом в торго-

[30] СбРИО, т. 59, стр. 129.
[31] Там же, стр. 168.
[32] Там же, стр. 10, 19.
[33] Там же, стр. 338.
[34] Там же, стр. 339.
[35] T. Narbutt. Dzieje starożytne narodu litewskiego, t. I—IX. Wilno, 1835—1841; t. III, str. 534.

вых сношениях с литовскими племенами. Эти сношения сначала не встречали никакого препятствия, но с появлением немецких рыцарей в Пруссии и с переходом их в наступление на Литву торговые операции должны были совершенно прекратиться. Эту перемену более всего почувствовало центральное литовское племя, занявшее Вилию и средний Неман. На литовское объединение, связанное с именем Миндовга, повлияла борьба с немцами и необходимость отстоять свою независимость. Это признано в современной исторической литературе [36]. Но, с другой стороны, в том же направлении действовали и торговые связи и интересы. Возобновление прерванных торговых сношений было возможно только после разгрома немцев, захвативших устье Немана. Сознание этого, несомненно, толкало литовские племена в сторону объединения и шло навстречу объединительной, чисто династической политике Миндовга. Неудачная борьба с немцами самого Миндовга, дальнейшее торжество немцев в эпоху междуусобиц после убийства Миндовга поставили Литву и в политическом и в экономическом отношении в полную зависимость от Ордена. Не изменились эти отношения и после вторичного объединения Литвы, даже в эпоху Витовта, несмотря на относительно дружественные отношения с Орденом и на благоприятные для литовцев мирные трактаты с немцами. Немцы могли совершенно не считаться с договорами пока они были сильны, пока устье Немана было всецело в их руках.

В начале XV в. отношения Литвы и Ордена были сравнительно дружественными. И Витовт и Ягайло один после другого поспешили заключить с магистром Ордена договор. Характер того и другого договора был совершенно одинаков. Договорами 1402 г., а затем и 1404 г. восстановлялись и укреплялись торговые сношения Литвы с Орденом. Торговля становилась совершенно свободной. Магистр Ордена обязывался не облагать товары никакими новыми пошлинами, за исключением только старых пошлин (salvis tamen teloneis ab olim institutis) [37]. Но договоры эти не соблюдались, и Литва очутилась в полной зависимости от немцев. Чувство национального самосохранения, сознание необходимости вернуть обратно устья Вислы и Немана привели Польшу и Великое княжество Литовское к новому грандиозному столкновению с немцами, разразившемуся на Грюнвальдском поле и окончившемуся разгромом Ордена. Победа не вернула союзникам ни устья Вислы, ни устья Немана, но заставила Орден быть сговорчивее при обсуждении вопроса о возобновлении мирных трактатов.

---

[36] Totaraitis. Die Litauer unter dem König Mindowe bis zum Jahre 1263. Freiburg, 1905.

[37] Volumina legum, t. I, str. 65.

В 1415 г. в Гневкове Витовт заключил с Орденом договор, гарантировавший литовцам свободный сплав товаров по Неману и Висле. Купцы Великого княжества могли отныне свободно ездить по реке вверх и вниз со всякими товарами[38]. С другой стороны, и прусские купцы приобретали такую же свободу приезда и отъезда. Ослабленный Орден на этот раз временно соблюдал заключенные им трактаты. Благодаря этому торговое движение сильно оживилось. Великое княжество стало в изобилии снабжать западный рынок различными товарами[39]. В 1424 г. обе стороны решили снова пересмотреть свои взаимные торговые отношения и еще раз скрепить их соответствующим договором. Последний был заключен в Нешаве «feria quarta intra octawam Ascensionis Christi». Этот договор, известный под именем «Liber transitus», предоставлял всем купцам и жителям Польши, Литвы, Жмуди, Мазовии и Руси право свободной торговли и проезда через территорию Ордена сухим или морским путем с уплатой старых пошлин. Литовские и польские купцы имели право останавливаться, выходить на берег и продавать свои товары. Впрочем, продажа товаров необязательна, и тем не менее администрация не должна чинить никаких препятствий приехавшим купцам. Наконец, те же купцы были освобождены от уплаты особой пошлины, называвшейся обыкновенно «lobegeld» и обычно взимаемой за деньги, вывезенные из Гданска за счет проданного хлеба. С своей стороны, и литовцы с поляками предоставляли купцам и населению Ордена приезд в некоторые польские города с правом свободной продажи сукон (pannas) локтями (per ulnas) на ежегодных ярмарках, где они имели также право покупки и свободного вывоза хлеба и мелкого и крупного скота[40]. Этот договор был весьма выгоден для обеих сторон. Великому княжеству Литовскому и Польше он открывал свободную дорогу к Гданску, предоставлял возможность отправки сырых продуктов за границу, а также и ввоза денег за проданные продукты. С своей стороны, немецкие купцы могли заполнить польские рынки своими фабрикатами, купить на месте хлеб и скот и без препятствий его отправлять домой. Так город Гданск становился центром экспортной торговли для Великого княжества и Польши, а Гнезно — центром для немецких и, отчасти, литовских купцов, приезжавших туда на ежегодные ярмарки. Несмотря на выгодный для Литвы трактат, немцы находились все же в более привилегированном положении. Они владели устьями Вислы и Немана и в любой момент могли свести до

---

[38] T. Narbutt. Dzieje starożytne narodu litewskiego. t. VI, str. 335.
[39] Там же, стр. 335.
[40] Volumina legum, t. I, str. 87—89.

минимума экспортную торговлю Великого княжества и Польши и даже совсем ее прекратить, что, конечно, должно было повлечь за собой весьма губительные последствия для экономического состояния страны. Добрососедские отношения и торговые сношения продолжались без всяких недоразумений до 1431 г., когда немцы совершенно неожиданно напали на Польшу[41]. Магистр Ордена счел своевременным свести счеты с Польшей и, воспользовавшись осложнениями между Польшей и Литвой, напал на Польшу, придав своему нападению характер дружеской услуги, оказанной литовцам[42]. Конечно, эти недоразумения обессиливали Польшу, уменьшали ее сопротивляемость, усиливали Орден и давали ему возможность нарушить ранее заключенный договор и поставить литовцев и поляков в полную от себя зависимость в экономическом отношении. Борьба Свидригайла с поляками и Сигизмундом только осложнила эти отношения, так как Орден поддерживал Свидригайла. Затянувшаяся война окончилась миром в Бресте в 1436 г.

В торговом отношении новый мирный трактат не давал ничего нового, а возвращал лишь к условиям договора 1424 г.[43]

Борьба Ордена с поляками сначала почти не отражалась на литовских торговых сношениях. Орден не ставил литовцам никаких препятствий, свободно поддерживал с ними торговое общение, получал из Литвы недостающие товары и сбывал продукты своего производства. В течение этого времени литовская вывозная торговля несомненно увеличилась. Но такой расцвет продолжался сравнительно недолго. Когда ставленник поляков, Сигизмунд, стал побеждать Свидригайла, Орден стеснил литовско-русскую вывозную торговлю, в результате чего Вильна пришла в полный упадок[44]. Возобновление торговых сношений, конечно, оживило Вильну, подняло ее благосостояние. Торговое оживление имело весьма большое значение для всего района, захваченного экспортной торговлей. Не даром правительство в 1441 г. разрешило Вильне устраивать ежегодно по две ярмарки[45], а литовско-русское купечество получило право свободного, беспошлинного проезда по боярским езам, расставленным по Вилии и Неману[46]. Однако это торговое оживление всецело находилось в полной зависимости от воли и планов тех,

---

[41] A. Lewicki. Powstanie Swidrygielly. Ustęp z dziejów unii Litwy z Koroną. Kraków, 1892, str. 106.

[42] A. Lewicki. Powstanie Swidrygielly..., str. 111.

[43] Volumina legum, t. I., str. 121, 122.

[44] M. Baliński. Historia miasta Wilna, t. II, str. 23.

[45] Zbiór praw i przywilejów miastu stolecznemu W. X. L., Wilnowi nadanych. Ułożony i wydany przez Piotra Dubińskego, Wilno, 1788, str. 7.

[46] Там же, стр. 6, 9.

кто владел устьями Вислы и Немана. Литовско-русский и польский экспорт требовал свободного выхода в море, толкал в сторону борьбы за устья рек, в особенности Вислы. Так намечалась борьба за Поморье, ведомая и с польской и немецкой сторон с небывалым упорством и ожесточением и окончившаяся полной победой Польши. Торунский трактат, заключенный 16 октября 1466 г., составляет новую эру в развитии литовско-русской внешней торговли, так как Орден уступал Польше западную часть своих владений с городом Гданском [47]. Восточная часть Пруссии оставалась за Орденом, и так как она имела первостепенное значение для литовско-русского вывоза, то свобода торговых сношений была обеспечена соответствующими статьями в договоре. Кроме того, договор гарантировал личную и имущественную неприкосновенность купцов. Даже в том случае, когда возчики товаров объезжали таможни, они подвергались наказанию — штрафу, но самый товар оставался неприкосновенным [48]. Внешним показателем развития торговли после Торунского мира может служить привилей Александра от 10 марта 1503 г., данный Вильне на право постройки гостиного двора, в котором могут останавливаться только «цудземцы» [49], и разрешение виленским купцам права свободного беспошлинного проезда по всей территории польского королевства (libere et secure tam per aquam quam per terram absqe exactione et solutione toeloneorum nostrorum). Дальнейшие отношения между Орденом и Литовско-Русским княжеством, ставшие весьма дружелюбными на почве союза против Москвы, должны были усилить литовско-русский вывоз и вообще содействовать литовско-русской торговле. Недаром Вильна становится первым по падавшему на него обложению городом, что, конечно, следует поставить в прямую связь с оживлением литовско-русского экспорта при Сигизмунде I [50]. Это торговое оживление в значительной степени содействовало приливу денег в Литву и увеличению богатств частных лиц, что уже было замечено Стрыйковским. Наконец, усиленное развитие откупной системы при эксплуатации таможенных пошлин может также служить верным признаком большого торгового оживления [51]. Распадение немецкого Ордена и образование герцогства Прусского было, несомненно, на пользу литовско-русской торговли. Прус-

[47] Volumina legum, t. I, str. 205.
[48] Там же, стр. 215.
[49] Zbiór praw i przywilejów..., str. 18.
[50] M. Baliński. Historia miasta Wilna, t. II, str. 36.
[51] С. А. Бершадский. Русско-еврейский архив. Документы и материалы для истории евреев в России, т. I. Документы и регесты к истории литовских евреев (1385—1550). СПб., 1882, № 51, 53, 54, 55, 58, 63, 64, 70.

ский герцог Альбрехт был слишком слаб и зависим от Польши, чтобы ставить какие-либо препятствия литовско-русскому вывозу. Трактат, заключенный 21 июня 1529 г. Сигизмундом I и его сыном с Альбрехтом, повторяет прежние права свободного проезда и торговли, под условием, чтобы проезжающие не ездили новыми дорогами и платили соответствующие пошлины [52]. Благодаря этому трактату еще более крепчали торговые связи с западом через Пруссию, а р. Неман превращалась в торговый путь первостепенного значения, по которому литовско-русские купцы, как и по Висле, сплавляли свои товары. Таким образом, давнишние торговые сношения с Западом через Польшу и немецкий Орден по Висле и Неману к тридцатым годам XVI столетия достаточно окрепли, а настойчивость, с которой литовские князья и польские короли вели свою политику относительно Поморья, может служить прекрасным показателем того, как руководители внешней политики княжества ценили речные дороги для развития товарообмена с Западом. Развитие этих отношений должно было в той или другой степени отразиться на господарском и частновладельческом хозяйстве.

Западная Двина стала для Литвы весьма важной торговой дорогой со времени признания Полоцкой землей суверенитета литовско-русского князя. До этого времени Полоцкая земля находилась в довольно оживленных торговых сношениях с Ригой. Правда, преимущество в этих сношениях находилось на стороне Риги, которая, с одной стороны, не пускала полоцких купцов дальше устья Западной Двины из боязни, чтобы они не вступили в непосредственные сношения с Западом, а с другой стороны, ставила всякие препятствия и ганзейским купцам в их прямых сношениях с подвинским населением: задерживала необходимые для полочан товары, в особенности хлеб, чем ставила их в весьма затруднительное положение [53]. Все эти условия, частые нарушения торговых договоров со стороны Риги не могли содействовать развитию и укреплению торговых оборотов. С развитием северо-восточной торговли литовские купцы могли покупать недостающие им товары в Новгороде, где они добились большого преимущества: права непосредственных торговых сделок с ганзейскими купцами и где они могли без посредства новгородцев продавать свои товары. С падением новгородской независимости и прекращением ганзейской торговли, еще до закрытия немецкого двора Иваном III

[52] Volumina legum, t. I, str. 490—491.

[53] В. Данилович. Очерк истории Полоцкой земли до конца XIV столетия. Киев, 1896, стр. 223. Тихомиров. Торговые сношения Полоцка с Ливонией в XIV веке. Журнал Министерства народного просвещения, 1877, № 12, стр. 232—239 (В дальнейшем — ЖМНП).

в 1495 г., Западная Двина стала большой дорогой, по которой литовско-русские купцы могли сбывать свои товары и привозить заграничные. Правительство Великого княжества как только заметило, какое значение Западная Двина начинает занимать в торговых сношениях, сейчас же поставило Полоцк в привилегированное положение предоставлением ему магдебургского права с правом устройства трех ярмарок в год, помимо которых ни один рижский купец «не будет продавать и куповать» [54]. Развитие торговых оборотов, несомненно, много способствовало и установлению дружественных отношений с магистром Немецкого Ордена Плеттенбергом и участию его в борьбе с Москвой. Последовавшее падение политического влияния Ордена и все более и более обострявшиеся отношения с Москвой заставляли Орден крепко держаться Литвы и Польши. Новая политическая ситуация должна была упрочить торговые сношения по Западной Двине, и в то же время она толкала Литву в сторону захвата Ливонии, что, в конце концов, ей и удалось осуществить. Таким образом, торговая дорога по Западной Двине, не имевшая раньше большого значения, с конца XV в. приобретает весьма видное значение в установлении и развитии торговых оборотов со всей Ливонией.

По Крымско-Днепровской дороге в Великое княжество направлялись караваны с восточными товарами. Часть из них оставалась в Киеве, где покупалась местными купцами, которые, пользуясь таможенными привилегиями, могли развозить товары для продажи по всей территории княжества. Для другой части товаров Киев был только транзитным этапом, через который товары шли в северо-восточную Русь, в Швецию и Данию. Торговля восточными товарами находилась в руках иностранцев, снаряжавших с этой целью большие караваны, что все-таки не спасало купцов от нападений в степи. На караванный характер восточной торговли указывает Михалон Литвин; на то же указывают и сохранившиеся ревизии южных замков, например Черкас, где с останавливавшихся караванов старосты брали пошлину — мыто [55]. И жалобы крымских ханов на казацкие нападения на крымских купцов говорят также о караванном характере южной торговли. Ценность каждого каравана остается неизвестной, но можно предположить, что отправка маленького каравана была и невыгодна и небезопасна. Косвенным показателем размеров ввоза может служить известие, что крымские купцы Магмет, Куляхъя, Шабан шли в Москву с товарами, ценностью в 862 тыс., (неизвестно только в какой валюте), которые были отняты у них казаками около

[54] АЗР, т. I, № 159.
[55] АЮЗР, ч. VII, т. I, стр. 82.

урочища Санчарова[56]. Хотя правительство и оправдывало себя тем, что купцы ехали «неслушными дорогами», «новыми, а не звычайными», все-таки ему пришлось уплатить убытки, по собственной оценке купцов, в размере 3500 коп.[57] Отсутствие таможенных данных за этот период не дает возможности более точно выяснить ценность восточного ввоза, находившегося всецело в руках иностранных купцов. Только торговля солью была в руках литовско-русских купцов, что гарантировалось и крымско-литовским соглашением. Восточный ввоз складывался из предметов восточного производства. При проезде в Литву вышеупомянутых купцов казаки отобрали у них «аксамит в штуках и в гарунах, золототканый и без золота, шелковую камку разных сортов, как-то: бурску, кухтерь, тафту разных цветов, нетканый шелк», продававшийся обыкновенно на вес. Трудно сказать, были ли у купцов только эти товары, или они везли с собою другие, о которых следственный акт не счел нужным упомянуть. Но вполне возможно предположить, что в караване могли находиться и другие предметы восточного производства. При проезде торговых караванов через черкасский замок в пользу старосты поступало мыто в виде подарков: позолоченой александрийской камки, шелка, ковра, тижми, тебеньки, сафьяна. Подстароста на свою долю получал: чамлат, сафьян, пол-метра шелка, гривенку перца[58]. Более подробно восточные товары перечислены в уставе старого мыта, опубликованной в 1569 г. Из Турции в Литву шли китайки «бробихи», камка шамская, миндаль, рис, ладан, лазурь, лак, сафьян, хлопок, рысь, росомаха, лисы мурмарки, перец, тмин, шафран, цинамон, гвоздика, мускат, клей, ковры, чамлет, мухояра, краски, фаррар, китайки, турецкий шелк на вес, бурский и цареградский, канюхи, киндяки, куфтери, ящеричные головки[59].

Помимо восточных товаров и соли в Литву ввозились продукты разных степных промыслов[60]. Рыбный промысел, видимо, был выгодным предприятием, так как в степь направлялись предприниматели с верхнего Днепра: из Могилева, Быхова, а также из Мозыря и других городов. Они уплачивали старостам восьмую часть «з рыб, з сала, з мяса, з кож и со всего» того, что они увозили домой[61]. Такая промысловая деятельность не всегда развивалась беспрепятственно. Иногда она

---

[56] «Книга посольская Метрики Великого княжества Литовского...», т. I, № 19.

[57] Там же, № 22, 24, 26.

[58] АЮЗР, ч. VII, т. I, стр. 82.

[59] М. В. Довнар-Запольский. Государственное хозяйство Великого княжества Литовского при Ягеллонах. Киев, 1901, прил., стр. XLVI.

[60] Мемуары, относящиеся к истории южной России, вып. 1, стр. 49—50.

[61] АЮЗР, ч. VI, т. I, стр. 85.

встречала противодействие со стороны местной администрации. Создавшийся конфликт тогда поступал на рассмотрение господаря [62].

Через Литовско-Русское государство шли в Орду товары московского происхождения. Свободный транзит обеспечивался теми мирными договорами, которые заключали между собой Литва и Москва. Отсюда вывозили прежде всего меха: куньи, горнастаевы, норечьи, выдриные, медвежьи, бобровые, волчьи, песцовые, черные собачьи, собольи. Меха вывозились сороками, в шкурах, в отделанном виде, или в шубах — пупковых, собольих, куньих, лисьих, песцовых, кроличьих, беличьих. Кроме того, из Москвы шел «рыбий зуб» [63]. Захват иностранными купцами юго-восточной торговли имел весьма большое значение для государственного хозяйства. Литовско-Русское государство ввозило немало восточных товаров, за которые приходилось платить серебром. Несомненно, в юго-восточной торговле торговый баланс был не в пользу Литвы: притока серебра не было, а незначительное количество товаров, продаваемых на Запад отнюдь не могло компенсировать отлива металлической монеты. Правда, привозимые товары облагались внутренними таможенными пошлинами. Это давало доход господарскому скарбу, но не увеличивало в стране наличности металлической монеты. Естественно, что при сложившихся обстоятельствах и характере товарообмена литовско-русское правительство не было заинтересовано в поддержании и укреплении крымско-днепровской торговли.

Но зато выяснилось торговое значение Киева как центра для этого рынка, как пункта, откуда товары направлялись в разные стороны как сухопутными, так и речными путями, преимущественно тем же Днепром, поскольку внешние отношения позволяли им пользоваться.

Герберштейн совершенно верно заметил, что «не всякому купцу, кроме литовцев, поляков или подчиненных их власти, открыт свободный доступ в Московию» [64]. Этот свободный въезд был подтверждаем со стороны Москвы и в последующее время, когда между двумя соседними государствами наступали мирные отношения. Постоянное поддерживание торгового общения объясняется тем, что Литва и Москва нуждались во взаимном товарообмене. Хозяйственная структура Московского государства и Литовско-Русского государства была приблизительно одинакова, характер производств был тоже одинаков,

---

[62] АЗР, т. II, № 195.

[63] М. В Довнар-Запольский. Государственное хозяйство Великого княжества Литовского..., прил., стр. XIV.

[64] С. Герберштейн. Записки о московских делах. СПб., 1908, стр. 90.

но Литва лежала ближе к Западу, откуда шли разные продукты европейской промышленности, а также серебро. Уже это одно делало литовско-русский рынок очень ценным для Москвы. И действительно, с конца XV в. эти отношения, как мы видели, стали весьма оживленными. Москвичи и купцы из других русских городов стали постоянными и желанными гостями в Вильне, где они покупали товары, привозимые в Литву из-за границы, и в то же время пытались скупить серебро, за чем так зорко следило литовское правительство. С падением ганзейской торговли до половины XVI в. западные товары шли в Москву через Литву, для покупки которых или московские купцы ездили туда, или литовские купцы приезжали в Москву, также в надежде вывезти из Москвы побольше серебра в обмен на проданные товары. Литва была очень богата сырыми продуктами, вывозимыми за границу. Не страдала Литва также от недостатка диких зверей, наполнявших литовские пущи, преимущественно в восточной ее половине. В Литве водились зубры, лоси, лани, медведи, дикие кабаны и свиньи, серны, рыси [65]. Но с другой стороны, в Литве не было других сортов мехов, на которые был спрос на западноевропейских рынках и которых было достаточно в Московии. Так, в Литву ввозились собольи и куньи меха, горностаи, лисьи меха, медвежьи, волчьи, норки, выдры, песцы, бобры. Кроме того, туда же шли кожи и длинные белые зубы моржей [66]. Все это шло в Литву в большом количестве, где выменивалось на серебро или европейские продукты. Для покупки этого же товара литовцы ездили так же в Московию. Помимо непосредственного товарообмена, московские купцы через Литву, главным образом через Киев, ездили к татарам, которые продавали как сырые продукты, так и фабрикаты своего производства [67]. Торговые сношения с Литвой могли быть особенно оживленными в конце XV в., когда Литва находилась с Москвой в дружбе и мире. Но в XVI в., когда внешние недоразумения стали хроническими, а в мирное время московское правительство чинило литовским купцам препятствия, что вызывало со стороны литовцев соответствующие действия, едва ли этот товарообмен мог принять большие размеры. Московский рынок для Литвы, конечно, имел большое значение как для скупки сырья, так и для сбыта европейских фабрикатов.

Литовско-московская торговля имела для литовско-русского народного хозяйства совершенно второстепенное значение, не могла увеличить наличность драгоценного металла в стране,

---

[65] С. Герберштейн. Записки о московских делах, стр. 173—175.
[66] Там же, стр. 91.
[67] М. В. Довнар-Запольский. Государственное хозяйство Великого княжества Литовского..., прил., стр. XLVI.

а также повлиять и на дальнейшее развитие самого народного хозяйства.

Совсем иное влияние оказала торговля с западом, куда торговые караваны направлялись по речным артериям к Балтийскому морю. Характер литовско-русского товарообмена и западноевропейского выяснился с самого начала развития самых торговых сношений и таким оставался все время в течение всего XVI столетия с той лишь разницей, что до половины XV столетия Тевтонский Орден ставил всякие препятствия для торговли и стремился быть посредником между литовскими и европейскими купцами. После Торунского мира и присоединения к Польше устья Вислы, а также признания польского суверенитета со стороны гроссмейстера немецкого Ордена, это посредничество теряло свое значение, и Литва могла через Гданск и Кролевец вступить в прямые сношения с Западной Европой, всегда нуждавшейся в продуктах сурового литовского края, а в XVI в. уже бывшей решительно не в состоянии без них обходиться. Сначала по Неману, а потом главным образом по Висле, по направлению к Гданску, Литва вывозила преимущественно лес, а оттуда привозила сукна, сахар, железо и сельди [68]. Литва особенно нуждалась в соли, так как своей у нее не было, но пока не установились торговые сношения с Крымом недостаток соли, по всей вероятности, неоднократно ощущался. Также надо предполагать, что и меха были предметом вывоза, и притом весьма ценным, в составе литовского экспорта. Так называемый «Liber Transitus» 1424 г. указывает и на вывоз хлеба в Гданск. Вывоз хлеба был, надо полагать, довольно значительным, так как в договоре поддерживалось право свободного вывоза денег, вырученных от продажи хлеба. Кроме того, в Пруссию шел мелкий и крупный скот. Со своей стороны, немецкие города поставляли в Литву сукна [69]. Это были главные продукты ввоза и вывоза. Помимо этого, допускались продажа и покупка и других предметов, «alias res», привозимых на ежегодные ярмарки. К этим «alias res» надо отнести меха: соболя, куницы, тхора (хорька), белки, горностая, лисицы и норицы; воск, пепел, а также разные продукты, доставляемые только из Западной Европы. Так, с самого начала оживления товарообмена между Литвой и западными государствами первая выступила в качестве поставщика сырья и покупщика европейских продуктов. В Литву ввозились сукна, соль, перец, имбирь, миндаль, шафран, мушкат, гвоздика, цвет мушкатовый, кгалкган, цытварь и «иншие зелья»; секиры, ножи «и иншие рези таковские», железо, олово, медь, цинк, мосляж, фиги, розынки, вино,

---

[68] J. Jaroszewicz. Obraz Litwy..., cz. II, str. 99.
[69] Volumina legum, t. 1, str. 88.

пиво немецкое и «иншое чужое питье»[70]. Сукна были «лунское, колтриш и риское, чешское, цвикажское, быковское, шамборское, нотрдамское, махальское, штамет». Самыми дорогими были сукна «лунское» и «штамет». Затем шло сукно «махальское». Одинаковую ценность имели «колтриш» и «нотрдамское». Следующее по ценности место занимали сукна «риское», «цвикажское», «чешское». Самыми дешевыми сортами были сукна «быковское» и «шамборское»[71]. Правда, такое соотношение между ценностью сукон известно 60-х годов XVI в., но, несомненно, таковым оно было и в начале столетия. Таким образом, наиболее ценными были бельгийские и голландские сукна. Большинство продуктов западноевропейского ввоза, за исключением металлов и соли, можно причислить к предметам роскоши. Так как своей соли в Литве не было, то ее приходилось, как замечает Герберштейн, привозить даже из Британии[72]. Тот же наблюдатель отмечает широко развитую торговлю с Гданском смолой и лесом.

До половины XVI столетия в литовском вывозе зерно занимало наименьшее место. Много ли могла дать зерна Литва, весьма отсталая в сельскохозяйственном отношении? Но с начала XVI столетия вывоз хлеба увеличивается, на него растет спрос. Недаром правительство стало переходить к более интенсивному ведению хозяйства, посредством усиления его регламентации и организации над ним контроля[73], чтобы увеличить производительность и доходность господарского хозяйства. С течением времени хлебный вывоз стал занимать все более и более видное положение. Недаром литовско-русская шляхта добивалась изменения направления экономической политики своего правительства и стремилась конкурировать с господарем в вывозе хлеба за границу[74]. Усиленная эксплуатация господарских пущ и последующее введение лесной монополии является прекрасным показателем того, какое значение для литовского господарского хозяйства имел вывоз леса. Это оценила также и шляхта: недаром она так страстно протестовала против лесной монополии и отстаивала для себя свободу беспошлинного вывоза. Во всяком случае, если не хлеб, то лесные продукты с половины XVI столетия заняли доминирующее положение в литовском вывозе. Можно также считать, что вывоз шкур крупного и мелкого домашнего скота составлял весьма заметную статью в общей ценности литовского вывоза. По крайней мере,

---

[70] АЗР, т. I, № 159.

[71] М. В. Довнар-Запольский. Государственное хозяйство Великого княжества Литовского..., прил., стр. XLVII.

[72] С. Герберштейн. Записки о московских делах, стр. 167.

[73] Там же, стр. 167.

[74] См. главу «Экономическая политика» данной монографии

сохранившиеся польские таможенные книги дают совершенно отчетливое представление о постоянно увеличивавшемся вывозе за границу кож домашнего крупного и мелкого скота[75]. Литовские купцы бывали частыми гостями в Польше на рынках и ярмарках, откуда литовское сырье поступало на европейский рынок. К половине XVI в. вся западная Европа потребляла литовско-польское сырье. Там литовско-польский воск продавался на рынках Нюренберга, Лейпцига, Аугсбурга, Вюртемберга. Воловьи шкуры продавались в Майнце, Франкфурте, Венеции, в городах Фландрии, Лейпциге, Магдебурге, Нюренберге. Шкуры мелкого скота шли в Италию, Чехию, Франкфурт. По тем же центрам расходились и литовско-польские меха. Широкое потребление в Западной Европе литовско-польского сырья указывает, что последняя совершенно не могла обходиться без него, так как сырье ей было необходимо для выработки своих фабрикатов. Значительная доля этого сырья приходилась на Польшу, ближе и теснее связанную с Западной Европой. Благодаря своему географическому положению она находилась с Западной Европой в более оживленных торговых сношениях, чем Литва, и уже к половине XVI в. Польша, подобно Западной Европе, переживала революцию цен как следствие наплыва серебра и падения его ценности. К половине XVI столетия то же явление в Литве было еще совершенно незаметно[76]. Денежный капитал пока недостаточно полно насытил Литву, недостаточно крепко захватил в свои железные тиски литовско-русское на-

---

[75] Сохранившиеся некоторые данные относительно вывоза хлеба из Гданска могут служить превосходной иллюстрацией того, как все более и более увеличивался в Западной Европе спрос на польско-литовский хлеб. Так, в 1490 г. было вывезено 9817½ лаштов хлеба, а в 1492 г. вывоз увеличился до 10 442 лаштов. В 1556 г. через одну Влоцлавскую комору на Висле прошло 17 358 лаштов хлеба. S. Kutrzeba i J. Ptaśnik. Dzieje handlu i kupiectwa krakowskiego. Rocznik Krakowski, t. XIV, str. 22—23. Далее, через Краковскую таможню было провезено в 1520 г. 31 781 штук кож, а в 1542 г. вывоз доходил до 74 864 кож, в числе которых 46 888 штук было крупного скота и 27 976 штук мелкого скота. Затем через ту же таможню тогда же было вывезено 3550 смушек, 9340 камней воска, 16 362 волов (Арх. Варш. Казен. Пал., Тамож. книги, № 8). Таким же представляется польский вывоз и через Познанскую таможню. С ноября 1519 г. и в течение всего 1520 г. было вывезено 10 531 камней воску, 26 627 воловьих кож, 4155 штук кож мелкого скота, 18 100 смушек, 686 быков, 234 бочки меду. В 1535 г. вывоз кож крупного скота равнялся 55 810 штукам, но уменьшился вывоз воску до 4976 камней. Вывоз меда равнялся 1108 тоннам. В 1539 г. количество прошедших через таможню кож крупного скота равнялось 40 930, а мелкого скота — 49 075. Общее количество зарегистрированных смушек равнялось 95 920. Зато уменьшился вывоз воска и меда. Количество первого равнялось 3574 камням, второго — только 911 тоннам (Арх. Варш. Казен. Пал., Тамож. книги, № 22).

[76] A. Szelągowski. Przesilenie pieniężne w Polsce za Zygmunta III. Kwartalnik Historyczny, 1900.

родное хозяйство, так как последнее пока было довольно отсталым и не могло снабжать Европу большим количеством продуктов. Тем не менее хозяйственная жизнь в Литве была крепкими нитями связана с Западной Европой. Литва стала для последней поставщиком своего сырья, и выгоды такого товарообмена заставляли литовско-русское правительство и частных владельцев переходить к новой системе ведения хозяйства, стремиться к его интенсификации, что в конце концов поставило перед правительством вопрос о необходимости грандиозной аграрной реформы, которая позволила бы сразу поднять производительность господарского дворового хозяйства, выбросить на рынок возможно большее количество товара-сырья и получить вместо него тот металл, в котором так нуждался господарский скарб и наполнить который при ведении хозяйства по старой системе было совершенно невозможно. Так, условия западноевропейского товарообмена ставили на очередь два вопроса: 1) об улучшении сельского хозяйства и увеличении его производительности, 2) об охране господарских лесов и о наиболее производительных приемах их эксплуатации. В этом одинаково были заинтересованы как сам господарь, так и частные землевладельцы, в особенности первый как собственник большого количества дворов и необозримых пространств лесных пущ, который участвовал притом в завязавшемся товарообмене далеко не в одинаковых со шляхтой условиях. Шляхта же, естественно, стремилась к тому, чтобы поставить и себя в более благоприятные в торговом отношении условия. Таким образом, к половине XVI в. первостепенное значение западноевропейской торговли стало совершенно очевидным. Остальные же торговые направления теряли свое значение для народного хозяйства. Центр тяжести экономической жизни переносился на Запад — в местности, близкие к главным речным артериям. На этих-то местностях раньше всего должна была отразиться новая экономическая обстановка, а уже отсюда ее влияние в той или другой мере сказывалось и на более отдаленные восточные области Литовско-Русского государства, сравнительно отсталые в экономическом отношении.

Теперь можно подвести итоги. Географическое положение Великого княжества Литовского диктовало три направления в его внешней торговле, из числа которых к концу XV в. теряли свое значение северо-восточное и крымско-днепровское. К тому же времени довольно прочно завязались торговые сношения по речным артериям, ведущим в Балтийское море. Им в значительной степени благоприятствовала изменившаяся экономическая конъюнктура, давшая возможность Великому княжеству усилить свой товарообмен с Западной Европой. Одновременно с развитием торговых сношений с Западной Европой

поддерживались и торговые сношения с Москвой, но больших размеров они, кажется, не достигли, чему немало препятствовали весьма неблагоприятные внешние отношения между соседями. Доминирующее значение товарообмена с Западной Европой было очевидным, и это должно было повлечь за собой ряд хозяйственных мероприятий со стороны правительства Великого княжества для поднятия производительности и доходности господарского дворового хозяйства, а следовательно, и господарского скарба.

III. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА ЛИТОВСКО-РУССКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVI в. И ОТНОШЕНИЕ К НЕЙ ЛИТОВСКО-РУССКОЙ ШЛЯХТЫ

Общий характер литовско-русской торговой политики в первой половине XVI в. Появление в Литве магдебургского права. Привилеи Вильны на магдебургское право. Экономический рост Вильны. Экономическое состояние Берестья, Ковны и Гродны. Магдебургское право в Полоцке и Минске. Дарование привилегий Киеву. Отказ правительства от пассивной торговой политики. Таможенная политика. Шляхетские привилеи и экономическое положение шляхты. Накопление капиталов в среде литовско-русской знати. Литовско-русская шляхта и новая экономическая конъюнктура. Сеймовые выступления шляхты и борьба за изменение принципов экономической политики литовско-русского правительства.

I

Географическое положение Великого княжества Литовского определило направление его торговых дорог, изменявших свое значение в зависимости от явлений и фактов конца XV в. Естественные богатства страны выяснили характер завязавшегося международного товарообмена, оставшегося без изменения в течение всей первой половины XVI в. Расширение торговых связей и увеличение вывоза, конечно, было для правительства явлением далеко не безразличным прямо по фискальным соображениям, так как обложение товаров, выбрасываемых на внутренний и внешний рынки, давало господарскому скарбу некоторый и весьма немалый доход, увеличение которого было необходимо из-за стесненного положения скарба в первой половине XVI в. Центральное правительство имело свой взгляд на задачи и цели торговой политики и, несомненно, стремилось к его осуществлению. Первоначально торговая политика была

проникнута теми же принципами, какие были вообще свойственны средневековой европейской торговле. Великокняжеская власть, оценив выгоду увеличения торговых оборотов с узкофискальной точки зрения, сначала стремилась поставить отдельные местности в наиболее благоприятные для торговли отношения, не задумываясь над тем, насколько привилегии отдельных местностей или лиц вредны или полезны для хозяйственных интересов всего государства. Давая льготы и привилегии отдельным городам, княжеская власть, действительно, ставила город в весьма привилегированное в торговом отношении положение и бывала довольна достигнутыми результатами, так как благодаря этому являлась полная возможность предъявления к такому городу более повышенных фискальных требований.

Такой характер носила торговая политика великих князей литовских с конца XIV в. и такой же характер, почти без всякого изменения, она сохранила в течение всей первой половины XVI в. Наиболее ярко и отчетливо все эти приемы торговой политики отразились на Вильне. Ее географическое положение, делавшее ее политическим центром княжества, и близость к важнейшему торговому пути — весьма рано привлекли внимание литовско-русских князей. Естественно, последние хотели сделать свою столицу богатой, и они содействовали превращению ее в действительно мощный политико-экономический центр. На этот путь впервые стал Ягайло, а за ним неуклонно следовали и все остальные великие князья, с любовью и заботливостью о Вильне подтверждали ее старые привилегии или наделяли новыми. Для поднятия экономического благосостояния города литовско-русские князья предоставляли ему самоуправление. Крупные литовско-русские городские центры не завоевывали себе самостоятельности и самоуправления, а получали их сверху, когда, быть может, в самом городе не было пока налицо тех условий, при которых возможно дальнейшее укрепление самоуправления городского населения. Даруя городам самоуправление по магдебургскому праву, едва ли великие князья задавались теми широкими целями, какими определяют их деятельность некоторые из исследователей немецкого права в Литве [1], и едва ли сами исследователи не приписывали великим князьям свои впечатления, вынесенные от изучения исторических судеб городского самоуправления. Литовские великие князья были скорее практики в своей деятельности, и им было несвойственно привношение в свою деятельность чуждых им отвлеченных соображений. Этот практицизм побудил великих князей дать са-

---

[1] М. Ф. Владимирский-Буданов. Немецкое право в Польше и Литве. СПб., 1868.

моуправление наиболее крупным городам, экономическое значение которых уже выяснилось с достаточной очевидностью. Городское самоуправление должно было содействовать дальнейшему процветанию города; и для сути дела совершенно не имеет никакого значения, было ли городское право «немецким», или оно заимствовано из Польши. Ягайло, давая Вильне в 1387 г. привилей на магдебургское право, мотивировал свой поступок желанием сделать «более счастливым и лучшим положение граждан города Вильны» [2]. Если принять во внимание, что Вильна еще в доягайловское время — при Гедимине — торговала с иностранцами, которых привлекало к себе богатство сурового и малонаселенного края [3], и что вследствие немецких нашествий на Вильну в 1365, 1375 и 1377 гг. [4] торговые отношения с иностранцами прекратились и город обеднел, то в даровании магдебургского права прежде всего можно видеть намерение Ягайла поднять экономическое значение города, который, действительно, довольно скоро оправился от немецких погромов, так как уже при Ольгерде в литовскую столицу приезжали купцы из Новгорода, Пскова, Риги и даже Москвы [5]. По всей вероятности, одно магдебургское право не дало сразу желательных результатов. Одним самоуправлением нельзя было поднять благосостояния города. Тогда Сигизмунд Кейстутович привилеем 22 сентября 1432 г. решился на весьма героическую меру — освободил всех «виленских местичов, ляхов и Руси», от платежа пошлин по всей территории Великого княжества, «в Луцку, Ковне, и по Подольской земли и в Смоленску и в Бересги, Новогородку и в Минску, Ковне и по иным пак мытом, по реком, и по мостом, по ставом, гделикольвек будут мыта» [6]. Дарование столь больших торговых преимуществ не могло пройти бесследно для Вильны, которая благодаря им получала полную возможность вступить в деятельные торговые сношения с восточными и юго-восточными областями, весьма оживленными в торговом отношении. Так как у Вильны завязались довольно прочные связи с окраинами государства, литовский великий князь счел целесообразным сделать еще один шаг для дальнейшего укрепления Вильны как торгового центра. Великий князь Казимир привилеем 1440 г. подтвердил Вильне «вечно» свободу от платежа внутренних пошлин мытником «по мостом, по перевозом и подорожным сторожом и всим урядником нинейшым» [7]. Кроме того, он в том же году

---

[2] Zbiór praw i przywilejów..., str. 1—2.
[3] M. Baliński. Historia miasta Wilna, t. I, str. 16.
[4] Там же, стр. 26—28.
[5] Там же, стр. 29—30.
[6] Zbiór praw i przywilejów..., str. 5.
[7] Там же, стр. 6.

расширил привелей на магдебургское право разрешением городскому самоуправлению устраивать двухнедельные ежегодные ярмарки [8]. Появление ярмарок в городе — лучший показатель роста его торгового значения. Ярмарка становится центром встречи иностранных купцов с литовско-русскими, и торговое значение города в значительной степени становится более крепким. Заботы великого князя Казимира о процветании виленской торговли на этом не остановились. Привилеем 13 июля 1444 г. он разрешал виленским мещанам свободное плавание по Вилии без оплаты своего проезда через боярские езы [9]. Значение этого привилея огромно. Виленское мещанство уже было прочно связано с внешним рынком, и для закрепления этой прочности великий князь не постеснялся даже принести в жертву частновладельческие интересы. С другой стороны, привилеи князя Казимира — превосходный показатель того значения, какое приобрела для государства западная торговля по Неману. Наконец, великий князь Александр освободил виленских мещан от платежа пошлин и в пределах территории собственно Польши [10]. Это тоже важный показатель международного торгового значения Вильны. Впрочем, кажется, на практике не все привилеи Вильны соблюдались. Некоторые из них нарушали сильные люди того времени. Это заставило виленских мещан в 1503 г. жаловаться великому князю Александру на наместника, воеводу виленского и господарского канцлера Николая Радивилла, который «на езе под Вилной брал по грошу с плота». По распоряжению великого князя было произведено расследование, которое подтвердило, что раньше виленские мещане не давали никакой платы, за исключением уплаты гроша езовникам, которые пропускают плот. По всей вероятности, и другие землевладельцы не позволяли виленским купцам проезжать без уплаты пошлин через их владения, так как в 1492 г. великий князь Александр снова подтвердил их право на безмытную торговлю, даже если бы купцы ехали через шляхетские «tenulas» и «bona hereditaria», а вместе с этим подтвердил право свободного и безопасного проезда вниз по реке от Вильны до Ковно и обратно вверх на лодках, нагруженных товарами [11].

Женитьба великого князя Александра на Елене Ивановне привела к оживлению торговых сношений между Вильной и Московским государством. В литовскую столицу приезжали «гости купцы москвичи, новогородцы, плесковичи, тверичи», а также «з иншых земль купцы», которые останавливались в частных домах и никому не объявляли о своих товарах и в то

---

[8] Zbiór praw i przywilejów..., str. 8.
[9] Там же, стр. 9.
[10] Там же, стр. 12.
[11] Zbiór praw i przywilejow..., str. 11.

же время торговали «з немцы и з иншыми купцы», после чего уезжали к себе домой. С этим виленские купцы не могли примириться, так как такая неорганизованная, бесконтрольная продажа наносила существенный ущерб их интересам. Купцы не могли выпустить из своих рук непосредственную торговлю с иностранными купцами. Великий князь Александр не оставил без внимания заявления мещан и привилеем 10 марта 1503 г. разрешил им выстроить в городе гостиный дом, где купцы только и могли останавливаться. По приезде в город они были обязаны довести до сведения наместника о своем прибытии, а также о количестве привезенных товаров [12]. Все льготы, данные великими князьями Вильне, содействовали таким образом развитию виленской торговли, но не были отражением какихнибудь общих торгово-политических планов. К распоряжениям того же рода надо отнести и требование Сигизмунда I, чтобы торговля с иностранными купцами производилась только в торговые дни.

Все эти мероприятия правительства содействовали росту торговых оборотов своей столицы и обогащению виленского мещанства. Вильна, став столицей княжества, благодаря своему центральному географическому положению с течением времени превратилась в центр хозяйственной жизни княжества, что еще отчетливее выдвигало ее политическое значение. Уже Балинским был отмечен рост виленской торговли при Сигизмунде I. Виленские купцы берут на откуп иногородние корчмы. Разбогатевший город получил возможность выстроить новый гостиный двор для приезжавших в Вильну купцов. Богатство города Вильны было учтено и правительством. В фискальном отношении Вильна занимает первое место. В 1529 г. его податок составлял значительную сумму, именно 1500 коп. грошей [13]. Особенная заботливость правительства о развитии виленской торговли иногда даже шла в разрез с интересами других городов, хотя бы и важных по своему экономическому значению. Так, когда между виленскими и ковенскими войтами возникли в 1535 г. недоразумения относительно права выгрузки товаров и их продажи виленскими купцами в Ковно, то они были разрешены господарем в пользу Вильны. Виленский войт настаивал на праве виленских купцов складывать товары, где угодно и продавать их по собственному усмотрению. Такой взгляд нарушал городское право склада и, разумеется, со стороны ковенского войта вызвал самые горячие возражения. Господарь стал на сторону Вильны и, считая ее права «стариной», разрешил

---

[12] Zbiór praw i przywilejów..., str. 18.

[13] M. Baliński. Historia miasta Wilna, t. II, str. 85, 86; АЗР, т. II, № 161.

складывать товары по обоим берегам реки и торговать «cum quo voluerint»[14].

Менее заботилось правительство о других экономических центрах западной части государства, но все-таки наделило Берестье, Гродно и Ковно магдебургским правом. Уже географическое положение вышеназванных городов должно было толкнуть правительство на путь предоставления им самоуправления. Литовско-русский князь довольно скоро убедился в необходимости этого. Недаром все эти городские экономические центры получили привилеи на магдебургское право спустя несколько лет после Вильны[15]. Кажется, ни гродненские, ни ковенские купцы не пользовались теми привилегиями, которые были даны Вильне. Но это нисколько не помешало росту богатства этих городов — слишком уж было выгодно их географическое положение. По росписи 1513 г. с указанием количества поставленных на войну всадников, конечно, первое место остается за Вильной. Богатый город выставил 500 всадников, затем шло Берестье, которое, по всей вероятности благодаря своему торговому положению, настолько разбогатело, что оказалось в силах выставить 150 коней. Ковно же выставило 50, а Гродно только 20 коней. Экономическое развитие последнего шло медленно, так как город занимал транзитное положение в неманском районе и был пока только центром тянувших к нему дворов и волостей[16]. То же подтверждают и данные о поборах с городов, освобожденных в этом году от обязанности ехать на войну: на первом месте стоит Вильна, а затем Берестье, далее Ковно и Гродно; при этом побор, падавший на Берестье, был вдвое больше поборов Ковны и Гродны[17]. В 1529 г. серебщина, падавшая на Вильну, равнялась 1500 копам грошей, тогда как Ковно уплачивало только 300 коп, а Гродно 180 коп[18]. Таким образом, можно считать, что эти западные города Литовско-Русского государства были для первой половины XVI в. и наиболее многолюдными и богатыми центрами. Конечно, иначе и не могло быть, так как западные области были центрами, где экономическая жизнь Литовско-Русского государства развивалась особенно оживленно. Неудивительно, что и внимание литовско-русского правительства было приковано к западным городам.

С конца XV в. внимание правительства начинают привлекать к себе и восточные волости, в частности, город Полоцк, получивший магдебургское право 4 октября 1498 г. Дарова-

---

[14] Zbiór praw i przywilejów..., str. 45—48.

[15] В. Ф. Тарановский. Обзор памятников магдебургского права западно-русских городов Литовской эпохи. Варшава, 1897, стр. 18.

[16] АЛРГ, вып. 1, № 134.

[17] Там же, № 135.

[18] M. Baliński. Historia miasta Wilna, t. II, str. 75.

ние Полоцку магдебургского права не было случайностью или произвольным актом правительственной власти. Оно естественно вытекало из принципов той торговой политики, которой придерживалось литовско-русское правительство в XV в. Полоцк становился весьма важным торговым центром. Видимо, к этому же времени он вышел из прежнего упадка и возобновил старые торговые связи, раз великий князь Александр счел возможным обложить его ежегодным податком в 400 коп грошей. Несомненно, заботы о дальнейшем экономическом росте Полоцка побудили правительство дать полоцким мещанам полную свободу от всяких провозных пошлин и уравнять их в этом отношении с мещанами Вильны и Трок. Если даже признать совершенно верным утверждение М. В. Довнар-Запольского, что торговые льготы Полоцку старинного происхождения и основываются на уставной грамоте, то этим все же не решается вопрос, что заставило правительство выдать в 1498 г. Полоцку привилей на магдебургское право и дать ему и ежегодные ярмарки, и право городского склада. Очевидно, этому содействовала торговля Полоцка с Ригой. Недаром правительство сочло нужным в том же привилее внести порядок в торговые сношения Риги с Полоцком путем определения тех мер и того веса, коими следовало пользоваться при продаже тех или других товаров [19]. Вслед за Полоцком 14 марта 1499 г. получает магдебургское право Минск [20]. И это, конечно, тоже не простая случайность. Раньше Минск не находился в сфере торговой политики литовско-русского правительства. В конце XV в. экономические условия радикально изменились. С падением восточной торговли усилилась западная. Европейские привозные товары шли в восточные и юго-восточные волости из западных городов. Со своей стороны, восточные волости могли снабжать купцов пушным товаром, воском, пеплом и смолой, из которых составлялся главным образом литовский экспорт. Литовско-русское правительство, видимо, придавало большое значение Минску как центру торговли всеми этими товарами. Недаром виленские купцы пользовались особенными льготами при покупке этих товаров, которые ими же отправлялись за границу. Торговля Минска с западными городами только начиналась, так как ежегодный податок, наложенный на город великим князем Александром, равнялся всего лишь 60 копам грошей. Правительство должно было обратить внимание на Минск как торговый центр еще и потому, что главная артерия восточных областей — Днепр — находилась в сфере военных

---

[19] АЗР, т. I, № 159; М. В. Довнар-Запольский. Государственное хозяйство Великого княжества Литовского..., стр. 519.

[20] АЗР, т. I, № 165.

действий и никак в данное время не могла быть использована. Торговые обороты Минска постепенно увеличивались. В 1489 г. минское мыто было отдано в аренду за 250 коп грошей в год, в 1495 г. аренда понизилась до 120 коп грошей в год. В 1498 г. снова арендная плата увеличилась до 200 коп грошей в год, а после введения самоуправления поднялась до 300 коп грошей, и на такой сумме держалась в начале правления Сигизмунда I [21]. К концу XV в. относится и новое падение Киева [22]. Его надо ставить в связь не только с татарскими нападениями, но и с переменами в торговых путях, происшедшими в половине XV в. Дарование ему свободы от всяких мыт как на суше, так и на воде было результатом желания правительства поднять падавший в экономическом отношении город. Но Киев не мог стать снова большим торговым центром отчасти вследствие татарских нападений, но главным образом от невозможности сообщаться по Днепру со Смоленском, Полоцком, Ригой [23].

Дальнейшее развитие торговли, преимущественно внешней, ставило правительство в несколько затруднительное положение. Иммунитет от платежа пошлин некоторых городов становился убыточным господарскому скарбу, так как торговля развивалась, увеличивался вывоз товаров за границу и, следовательно, государство теряло немалое количество таможенных поступлений. Для государства иммунитет некоторых городов становился совершенно излишним, да и для товарообмена он перестал иметь большое значение, так как торговые связи с отдельными частями государства и с европейским рынком стали довольно прочными и не нуждались ни в каком дальнейшем поощрении. Быть может, эти соображения понудили Сигизмунда I стать на путь отмены некоторых таможенных льгот. Так, господарским листом от 19 мая 1542 г. отменялся безмытный спуск плотов по Вилии. Обложение плотов пошлинами, конечно, не случайное явление, и его следует поставить в связь с развитием лесного экспорта, в котором принимало участие и само правительство [24]. Впрочем, на этой позиции правительство стояло недолго. Ему пришлось допустить, как увидим ниже, безмытный вывоз хлеба и лесного товара, составлявших продукты собственно шляхетского хозяйства.

Смотря первоначально на развитие внутренней торговли исключительно с фискальной точки зрения, литовско-русское пра-

---

[21] М. В. Довнар-Запольский. Государственное хозяйство Великого княжества Литовского..., прил., стр. XVI, XXI.

[22] В. Б. Антонович. Монографии по истории Западной и Юго-Западной России, т. I. Киев, 1885. Статья: Киев, его судьба и значение с XIV по XVI ст.; М. С. Грушевський. Історія України — Руси, т. VI, стр. 5.

[23] АЗР, т. I, № 149; т. II, № 3.

[24] Zbiór praw i przywilejów..., str. 73—74.

вительство облагало товары разнообразными внутренними пошлинами, несомненно стеснявшими товарообмен. Для сбора пошлин на определенных дорогах строились «коморы», и правительству надо было следить за тем, чтобы никто не объезжал этих дорог; в противном случае и государство, и таможенные откупщики, если коморы были на откупе, понесли бы немалые убытки. Разумеется, заинтересованные лица пытались обходить таможенные заставы, объезжая их новыми дорогами, где господарских комор не было [25]. Может быть, это обстоятельство и заставило правительство устраивать новые коморы в шляхетских имениях, чтобы парализовать убыточный для государства объезд дорог. По всей вероятности, объезд последних — явление довольно частое. Недаром шляхта, как увидим ниже, предлагала господарю на сеймах не открывать в частновладельческих имениях новых комор.

Первоначально литовско-русская торговля не подвергалась никакой регламентации со стороны государства, да и само государство сначала стояло вне усиливавшегося товарообмена. Однако такое положение могло быть только временным. Государство было богатейшим земельным собственником. В его руках находились необозримые лесные пущи, продукты которых так высоко ценились на заграничном рынке. Государство не могло оставаться вне этого движения и так или иначе должно было принять в нем участие, в особенности, когда выяснился заграничный спрос на «збожье» (зерно) и разные лесные товары. В торговле зерном должны были принять участие господарские дворы и волости, лежавшие в западных областях. В данное время они являлись центром сельскохозяйственной культуры. Устава 1529 г. [26], усиливая интенсивность и доходность хозяйства, отчасти имела в виду заграничный экспорт. Западные области стали, можно сказать, житницей Литвы. Они снабжали хлебом местности, в которых его по разным причинам недоставало. Так, когда в 1529 г. приходилось снабжать хлебом украинские замки — Киев, Полоцк, Витебск [27], то хлеб был послан из житницы Литвы — принеманских дворов. Усиленный вывоз хлеба и других сырых продуктов был выгоден господарскому скарбу. Но в то же время на правительстве лежала обязанность следить за вывозом хлеба, дабы самое государство не испытывало в нем недостатка. В 1544 г. Литву из-за дождливого лета постиг голод. Больше всего пострадала от него Вильна, но вывоз хлеба из княжества безостановочно продолжался. Кажется, следующие годы были урожайными, но в 1551 г.

---

[25] С. А. Бершадский. Русско-еврейский архив..., т. I, № 66.

[26] АЗР, т. I, № 159.

[27] Здесь автор под названием «украинские» понимает окраинные, расположенные в пограничной местности, замки. (*Прим. ред.*).

Литву снова постигает бедствие: заморозки погубили на корню весь урожай[28]. Неурожай коснулся даже богатой Волыни[29]. Но несмотря и на это бедствие, экспорт хлеба продолжался беспрепятственно. Наконец, Литву постигло в 1557 г. новое стихийное бедствие — полный неурожай, и Сигизмунд II решил запретить вывоз хлеба за границу «старосте берестейскому и иным старостам», так как под видом вывоза хлеба из русских земель они сплавляли за границу остатки урожая 1556 г. Кажется, это было первое запрещение вывоза хлеба за границу. Следует заметить, что в это время в западных волостях началось осуществление аграрной реформы, так что помимо стихийного бедствия сокращение урожая могло быть вызвано и аграрными мероприятиями правительства. Поэтому господарское распоряжение 1557 г. следует признать разумной мерой.

Развитие лесного экспорта открывало перед правительством широкие финансовые перспективы, и оно поспешило монополизировать торговлю лесными товарами[30]. Впрочем, в дальнейшем правительству под влиянием натиска шляхты пришлось отступить от монопольных начал в лесной торговле и разрешить ей беспошлинный вывоз лесных продуктов, что существенно уменьшало поступление таможенных пошлин[31]. Объявляя лесную вывозную торговлю монополией государства, Сигизмунд II имел в виду пополнение господарского скарба, постоянно нуждавшегося в притоке денежных средств.

Те же условия заставили господаря во время Ливонской войны взять в свои руки торговлю солью. Сигизмунд II в мотивах для введения соляной монополии выставил два соображения: 1) благодаря перекупщикам скарб не получает от продажи соли никакого пожитка; 2) плохие дороги вызывают повышение цен на соль, тогда как при введении соляной монополии может быть установлена однообразная цена[32].

Таможенная политика литовско-русских великих князей несомненно затрудняла развитие внутреннего товарообмена, а следовательно, препятствовала и внешней торговле. Обилие разных таможенных застав, проезжих и торговых пошлин[33], тормозили развитие внутренней торговли на широком рынке. Доставка товаров из одной местности в другую была очень затруднена, так как таможенные сборы до чрезвычайности удорожали покупную их стоимость.

---

[28] АЗР, т. I, стр. 414.

[29] Там же, стр. 416.

[30] М. В. Довнар-Запольский. Государственное хозяйство Великого княжества Литовского..., стр. 328.

[31] См. главу «Лесное хозяйство и аграрная реформа».

[32] М. В. Довнар-Запольский. Государственное хозяйство Великого княжества Литовского..., стр. 482—483.

[33] Там же, стр. 374—417.

Благодаря таможенной политике внешняя торговля сосредоточилась в руках купцов определенных мест, обладавших таможенными иммунитетами. Внутренняя же торговля по необходимости должна была ограничиться более или менее узким пространством и удовлетворяла только потребностям населения того или другого района.

Неудобство такой системы таможенной политики, конечно, сознавалось шляхтой [34], и она постаралась на сеймах добиться в этом отношении некоторых льгот [35]. Оппозиция против стеснений таможенной политики должна была идти именно от землевладельцев как поставщиков сельскохозяйственного сырья на местные рынки. В поведении шляхты можно видеть стремление облегчить свое положение и поставить себя в наиболее привилегированное положение, но в то же время борьба за свободную внутреннюю торговлю, хотя и односторонне понимаемую, указывала, что необходимость радикального изменения внутренней таможенной политики вполне ею сознавалась, и что последняя считалась тормозом для развития внутреннего товарообмена. Однако несмотря на все чинимые таможенные препоны, обороты по внутренней торговле все же увеличивались, хотя полного представления о них нельзя составить, из-за неполноты и отрывочности данных. Вот несколько примеров. 20 января 1509 г. минское мыто было сдано в аренду на три года Аврааму Езофовичу по 300 коп грошей в год [36]. Однако в 1519 г. аренда мыта была понижена до 150 коп грошей, так как была война с Москвою и московские купцы не приезжали для торговли [37]. Затем Минск оправился, и в 1525 г. ежегодная аренда уже равнялась 450 грошам [38]. В 1532 г. минское мыто было отдано в аренду за 550 коп грошей [39], а в 1553 г. уже за 1500 коп грошей в год [40]. Следовательно, торговые обороты по минской внутренней торговле в полстолетие увеличились в пять раз. Рост торговых оборотов Минска не должен вызывать особого удивления и всецело объясняется значением города как посреднического пункта между русскими и литовскими землями. Новгородское мыто [41] в 1501 г. было отдано в аренду по 50 коп грошей [42], в 1532 г. явилась возможность увеличения арендной

---

[34] РИБ, т. XXX, стр. 102, арт. 12.

[35] Об этом ниже.

[36] С. А. Бершадский. Русско-еврейский архив..., т. I, № 53.

[37] М. В. Довнар-Запольский. Государственное хозяйство Великого княжества Литовского..., прил., стр. XXII.

[38] Там же, прил., стр. XXIII.

[39] Там же, прил., стр. XXV.

[40] Там же, прил., стр. XXVII, XXVIII.

[41] Т. е. Новогрудское. (*Прим. ред.*).

[42] М. В. Довнар-Запольский. Государственное хозяйство Великого княжества Литовского..., прил., стр. XV.

платы до 90 коп грошей и 30 золотых червоных[43], а в 1553 г. новгородское мыто шло по 400 коп грошей в год[44]. Значит, в полстолетие торговые обороты увеличились в восемь раз. Берестейское мыто в 1501 г. было отдано в аренду по 400 коп грошей в течение первого года и по 500 коп грошей в остальные два[45]. В 1510 г. берестейское мыто вместе с коморой восковой и соляной было арендовано по 1300 коп грошей в год[46]. В 1553 г. все подляшские мыта были сданы по 3000 коп грошей и 300 золотых угорских в год[47]. Какой процент приходился на долю собственно берестейского мыта — выяснить невозможно. Но теоретически увеличение торговых оборотов и по берестейскому мыту несомненно. Увеличение оборотов на территории этих мыт надо ставить в самую тесную связь с развивавшимся экспортом. Это явление весьма характерное для данной эпохи. Что же касается таможенных поступлений в других районах, то сведения о них отличаются весьма большой неполнотой, но все-таки дают некоторое представление о товарообмене. В 1510—1511 гг. доход виленской таможни за 20 месяцев равнялся 1000 коп грошей, т. е. около 600 коп грошей в год. И это в виленском районе, где жили безмытные виленские купцы[48]. Волынские подляшские мыта и коморы дали в 1510—1511 гг. в течение 13 месяцев 1496 коп грошей[49], а в 1553 г. одно волынское мыто было сдано по 2000 коп грошей в год[50].

Итак, оживление внутренней торговли в первой половине XVI в. несомненно. Рост внутренней торговли выдвигал на очередь вопрос о пересмотре принятой таможенной системы, столь остро затронутый на сеймах второй половины XVI столетия.

Литовско-русский внешний вывоз развивался сначала при весьма благоприятных обстоятельствах. Таможенные ставки были минимальны, многие из предметов вывоза совершенно не облагались никакими пошлинами[51]. Но неудобства такой таможенной политики давали себя чувствовать уже в начале XVI в., когда торговый баланс сложился неблагоприятно для княжества. Развитие внешнего товарообмена способствовало притоку денег в Литву. Большие капиталы скопились в руках отдельных лиц, и богатства частных лиц значительно увеличились. С другой стороны, усилившийся спрос на заграничные то-

[43] М. В. Довнар-Запольский. Государственное хозяйство Великого княжества Литовского..., прил., стр. XXV.
[44] Там же, прил., стр. XXVIII.
[45] Там же, прил., стр. XV.
[46] Там же, прил., стр. XXII.
[47] Там же, прил. стр. XXVII, XXVIII.
[48] Там же, прил., стр. XXI.
[49] Там же, прил., стр. XXII.
[50] Там же, прил., стр. XXVII.
[51] Там же, прил., стр. 496

вары вызвал огромный отлив денег за границу [52]. Сигизмунду I, всегда подчеркивавшему, что он собирает пошлины «по звыклой старине», пришлось все-таки ее нарушить. Не считая возможным совсем отменить старое мыто, ибо это задело бы интересы таможенных иммунистов, Сигизмунд I в добавление к старому мыту решил прибавить новое, которое стало собираться с товаров, начиная с 1528 г., но превратилось в целую уставу не раньше 1532 г., как это было уже указано М. В. Довнар-Запольским.

Это новое мыто коснулось как предметов ввоза, так и вывоза, и его введение имело огромные последствия [53]. Благодаря новому мыту все предметы вывоза были обложены, и безмытный отпуск товаров стал невозможен. Собирание мыта по «старине» и нового мыта в значительной степени усложняло работу мытников, и было бы целесообразнее издать единый тариф. Но это было невыполнимо, так как таможенные иммунитеты не потеряли своей силы, и опубликование нового таможенного тарифа явилось бы посягательством со стороны государства на ранее выданные привилеи. При введении в действие «нового мыта» правительство могло собирать пошлины и с иммунистов, указывая, что торговые иммунитеты касаются «звыклых» пошлин, а не новых [54]. Однако новое мыто не носило категорического характера. Различные обстоятельства заставили правительство давать мещанам льготы в платеже мыта и тем самым в значительной степени уменьшать силу и значение нового таможенного тарифа [55]. Новое мыто, увеличивая ставки на вывозимые товары, одинаково затрагивало интересы и мещанства, и шляхты. Естественно, что последняя впоследствии добивалась сведения тарифа на нет путем приобретения права беспошлинного вывоза сельскохозяйственных продуктов [56], что ей и удалось достигнуть. Какие были результаты введения нового тарифа мы не знаем, если не считать всеобщего неудовольствия им [57]. Точно также мы не знаем, какие задачи ставил себе Сигизмунд I, вводя в действие новый тариф: желал ли он увеличить только приток таможенных поступлений или посредством возвышения пошлин на предметы вывоза и ввоза стремился урегулировать внешнюю торговлю и прекратить отлив денег за границу, объяснявшийся неумеренным потреблением продуктов иностранного происхождения. Несомненно, увеличение таможенных ставок

---

[52] T. Narbutt. Dzieje starożytne narodu litewskiego, t. IX, str. 74.

[53] М. В. Довнар-Запольский. Государственное хозяйство Великого княжества Литовского..., стр. 496—498.

[54] Там же, стр. 496.

[55] Там же.

[56] См. ниже.

[57] М. В. Довнар-Запольский. Государственное хозяйство Великого княжества Литовского..., стр. 498.

должно было уменьшить ввоз. Европейский рынок сильно нуждался в литовских товарах, и повышение пошлин на них способствовало бы вздорожанию продуктов и увеличению притока денег. Так ли это было — на это источники ответа не дают, но в просьбе литовской шляхты о разрешении ей беспошлинного ввоза иностранных продуктов для собственного потребления можно видеть не только стремление добиться сословной привилегии, но и желание облегчить и удешевить доставку товаров иностранного происхождения, постепенно становившихся необходимыми в шляхетском домашнем быту.

По мере увеличения внутреннего и внешнего товарообмена выдвигался вопрос о торговых иммунистах. Привилегии их были понятны, когда торговые связи еще только намечались и не успели еще окрепнуть. Когда же товарообмен принял большие размеры, существование иммунистов являлось безусловно анахронизмом, убыточным и для государства, и для откупщиков. Поэтому господарь при отдаче мытных комор на откуп обыкновенно давал обещание не выдавать никому льготных листов, в противном случае он сам обязывался уплатить следуемые пошлины [58]. С течением времени Сигизмунду I приходилось прибегать и к более радикальным мерам. При отдаче на откуп в 1532 г. новгородского [59] мыта на три года, господарь не только обещал никому не выдавать безмытных листов, как «купцом коруны Полское и теж купцом Великого князства и теж купцом гостем чужоземцом», но и отменял действие безмытных листов, выданных за шесть лет до издания указа [60]. Всякая попытка провезти беспошлинно тот или другой товар каралась уплатой определенного штрафа — промыта, половина которого поступала в распоряжение господаря, а другая половина шла откупщикам. Для избежания злоупотреблений с безмытными листами господарский лист требовал, чтобы купцы, проезжавшие с какими-либо безмытными листами, принадлежавшими князьям или панам, присягали мытникам в том, что они действительно везут товары, принадлежащие князю или пану [61]. Наличность с одной стороны лиц, преимущественно принадлежавших к аристократии и обладавших безмытными листами, а с другой стороны — шляхетства, не пользовавшегося такими льготами, заставило последнее стремиться к изменению внутренней таможенной политики в желательном для шляхетства направлении. Экономическая политика литовско-русских великих князей оберегала интересы скарба и односторонне покровительствовала отдельным городам. Существовавшие монопо-

[58] С. А. Бершадский. Русско-еврейский архив..., т. I, № 78, 104.
[59] Новгородского, т. е. новогрудского. (*Прим. ред.*).
[60] С. А Бершадский. Русско-еврейский архив..., т. I, № 142.
[61] Там же.

лии — государственная и купеческая — сильно задевали интересы землевладельцев. На этой почве началась упорная сеймовая борьба, так как шляхетское сословие поставило своей задачей непременно добиться перемены курса принятой экономической политики, и в достижении этого оно обнаруживало немало упорства и настойчивости.

2

Литовско-русские землевладельцы, даже самые крупные из них, не могли быть первое время экономически сильными, из-за полной своей зависимости в политическом и экономическом отношениях от великокняжеской власти. Отдавая последней известную долю своих доходов, выставляя работников для выполнения разного рода натуральных повинностей, уплачивая ежегодно военный податок «серебщину»,— литовско-русские землевладельцы лишались значительной части своих доходов, которые, при других условиях, могли бы быть ими использованы в качестве фонда их материального благосостояния. Так обстояло дело до опубликования Ягайлом привилея 1387 г. Несмотря на свое сравнительно узкое содержание, привилей Ягайла имел для боярства не только политическое, но и экономическое значение, явился отправной точкой для дальнейшего экономического усиления литовско-русского крупного землевладения. Согласно привилею от 20 февраля 1387 г. литовские бояре-католики, как сами, так и их законные наследники, (ipsius haeredes ac successores legitimi) получили право владения недвижимым имуществом и свободы распоряжения им. Это, конечно, совершенно изменяло экономическое положение католика-землевладельца, делало его положение юридически крепким и независимым. В той же мере должно было содействовать укреплению экономического положения землевладельца и разрешение выдавать по усмотрению (plenam et omnimodam potestatem) замуж своих дочерей, внучек и родственниц. Боярину открывалась возможность выдачи их замуж так, чтобы его экономические интересы при этом нисколько не пострадали. Привилей 1387 г. предоставлял вдовам право сидеть на вдовьем стольце и владеть имуществом мужа. Но если бы вдова пожелала выйти вторично замуж (si ad secundas nuptias convolare voluerit), то все имущество мужа оставалось детям. Родовая собственность оставалась единой, нераздельной и никоим образом не могла быть отнята у детей и передана в чужие руки. Укрепляя единство родовой собственности, привилей 1387 г. в то же время освободил боярство от натуральных повинностей (labores) — работ на господаря и его преемников, за исключением только военной службы «по старине»

(juxta vetustem consuetudinem) и замковой повинности, в виде постройки новых замков или укрепления старых. Эта льгота, конечно, имела огромное экономическое значение, ибо она оставляла рабочие руки земледельческого населения свободными от убыточной для собственника работы и давала ему полную возможность использовать их в своих целях и видах [62].

Итак, привилей 1387 г. укрепил право собственности на землю и оставил в руках собственника значительное количество материальных средств, послуживших основанием как для дальнейшего экономического усиления литовского боярства, так и для увеличения его политического значения.

Экономическая эмансипация, однако, на этом не могла остановиться. Но, впрочем, она совершалась довольно медленно, и только привилей, выданный в мае 1434 г., дал шляхте кое-что новое. Сигизмунд Кейстутович освободил всех частновладельческих подданных от платежа «дякла», которое требовалось еще привилеем 1413 г.[63]. Наконец, майский привилей великого князя Казимира (2 мая 1447 г.), подтвердив освобождение шляхетских подданных от платежа дякла и от барщинных повинностей на господаря, за исключением постройки и исправления замков и мостов, дал землевладельческому сословию льготу первостепенной важности, освободив его от платежа денежной подати «серебщины» [64]. Льготы привилеев 1434 и 1447 гг. решительно способствовали экономическому усилению землевладельцев, так как оставляли в их руках немалое количество натуральных податков и денежных средств, поступавших раньше в чужие руки. Привилеями 1413 и 1434 гг. значительно расширялся круг лиц, на которых распространялись льготы привилеев. Благодаря этому рядом с крупным землевладением создавалось иммунитетное среднемелкое землевладение. Привилей 1447 г. распространил льготы привилеев на всю шляхту Литовско-Русского государства, и шляхта сразу стала крупнейшей политической и экономической силой, которая не могла не оказывать сильного давления на политическую жизнь Литовско-Русского государства. Впрочем, для первой половины XVI в. это утверждение верно только по отношению к крупному землевладению. Льготы привилеев давали в руки знати большое количество средств, которые накапливались в общем довольно быстро. Кроме того, тому же экономическому усилению немало способствовала и система держаний староств и держав, дававших аристократии крупный доход. Многим из нее удавалось сосредоточить в своих руках по нескольку дер-

---

[62] J. Daniłowicz. Skarbiec dyplomatów..., t. I, str. 265—266.

[63] М. К. Любавский. Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно. М., 1910, прил., стр. 302—304.

[64] Там же, стр. 304—307.

жав[65]. Неудивительно, что, умирая, они оставляли своим детям весьма значительные суммы. Конечно, участие крупных землевладельцев — магнатов — в литовской раде и то влияние, которое они оказывали на политическую жизнь страны, особенно при раздаче урядов и староств, на что господарю необходимо было их согласие, являлись одним из факторов, содействовавшим накоплению капиталов в руках магнатства[66]. Однако капиталы крупного землевладения, накопленные в конце XV и начале XVI в., лежали без дальнейшего их применения. Только в первой четверти XVI в. магнаты начали использовать их, давая господарю взаймы деньги и беря в заставу господарские именья в обеспечение уплаты процента и самого капитала. Такие предложения капитала были явлением распространенным, и это можно считать для данного времени наиболее удобной формой его приложения. Несмотря на наличность капитала у крупного землевладения, усилившийся внешний товарообмен не заставил его пойти навстречу требованиям жизни. Не было смысла пускаться в рискованные предприятия, раз капитал и без того давал большую прибыль. Наоборот, средние и мелкие землевладельцы прекрасно оценили новую экономическую конъюнктуру, но система таможенной политики и отсутствие свободных капиталов в значительной степени препятствовали им в их стремлении принять деятельное участие в развивавшемся товарообмене. Это заставило широкие землевладельческие круги выступить с определенной экономической программой, чтобы добиться ряда существенных льгот и тем самым приобрести возможность активного участия в международной торговле. Пока эти льготы не были даны литовско-русским правительством, участие среднего и мелкого землевладения во внешней торговле было, по всей вероятности, незначительным. Однако пока эти льготы завоевывались, так как правительство не было расположено уступить сразу натиску землевладельцев, литовско-русская шляхта другим путем стремилась извлечь выгоду из охватившего страну усиленного внутреннего и внешнего товарообмена. Ориентировавшись довольно скоро в новой экономической обстановке, литовско-русская шляхта сейчас же стала пытаться извлечь из нее для себя некоторую пользу, хотя бы косвенным путем, так как экономическая политика правительства пока не позволяла среднему землевладению принять участие в международном товарообмене. Развитие внешней торговли, способствуя оживлению торговли внутренней, наметило ряд экономических центров, прочно связанных большими дорогами с отдельными

[65] L. Kolankowski. Zygmunt-August wielki książę..., str. 211—212.
[66] М. К. Любавский. Литовско-русский сейм..., стр. 311—323.

местностями. Главным образом эти дороги шли к Вильне и от Вильны как на запад, так и на восток. Другим таким центром был Берестье, лежавший на прямом речном пути [67]. К главным торговым центрам направлялись купцы и случайные путешественники, вследствие чего возникала необходимость в пристанище для всех этих лиц. Эта обстановка была учтена литовско-русской шляхтой, притом совершенно правильно. Она стала забрасывать господаря просьбами о разрешении ей на «великом гостинцу» открыть корчму-стодолу с правом продажи различных спиртных напитков. До 50-х годов XVI в. такие просьбы — исключение. Очевидно, эксплуатация корчем не могла пока дать землевладельцу большого дохода. Да к тому же эта потребность в них удовлетворялась господарскими стодолами-корчмами. Иные условия были во второй половине XVI в. Нужда в помещениях была очень сильная. Шляхта поспешила удовлетворить ее тем более, что задуманное предприятие не могло быть бездоходным. Челобитчики, хлопоча перед правительством о выдаче листа на право постройки корчмы, обыкновенно указывали то место, где они собирались строить корчму. Корчма строилась на «властном грунте» «при великой дорозе», где всегда было людно и оживленно. Постройка корчмы сама по себе была мало выгодным предприятием, если собственник ее не имел права продавать «мед, пиво, горелку» и притом без уплаты «капщизны». Поэтому просьбы о разрешении построить корчму непременно сопровождаются ходатайством о разрешении продавать спиртные напитки. Таких челобитий подавалось, видимо, большое множество, поскольку об этом можно судить по удовлетворенным ходатайствам [68]. А сколько осталось неудовлетворенных как опасных для государства с финансовой точки зрения, как подрывавших интересы казны! Поэтому правительству приходилось разбираться в этих ходатайствах с точки зрения убыточности их или безубыточности для господарских корчем. Шляхетские челобития, безусловно, удовлетворялись господарем, когда справка показывала, что новая корчма не будет служить «переказой» господарским торгам и местам, будет «без шкоды» для господарской корчмы, так как новая корчма находилась вдали от господарских мест и торгов [69]. Господарские листы, разрешая постройку корчмы, не всегда отдавали капщизну в распоряжение собственника. Неоднократны случаи выдачи разрешения на постройку корчмы с оставлением капщизны за господарем [70]. Господарский лист на право

[67] ЦГАДА, ЛМ, КЗ XXXVIII, лл. 61, 65, 165, 173, 183, 544.

[68] Там же, лл. 55, 71, 79, 89, 107, 133, 138, 143, 144, 175; КЗ XLIII, лл. 15, 34 и 35 и др.

[69] Там же, КЗ XXXVIII, лл. 52, 226.

[70] Там же, лл. 292—293.

постройки корчмы выдавался «на вечные часы» с правом передачи по наследству жене, детям и потомкам. Разумеется, вольная корчма должна была оставить в руках землевладельца крупную прибыль, благодаря которой у среднего и мелкого землевладения скапливались деньги, которые могли быть пущены в оборот по удовлетворению правительством шляхетской экономической программы. Просьбы о корчмах для данного времени были наиболее распространенным явлением. Другие землевладельцы, считаясь со сложившейся экономической конъюнктурой, хлопотали о разрешении устроить «на властном грунте» новое местечко с правом устраивать еженедельный торг, день которого устанавливался по усмотрению собственника или по назначению господаря[71]. Благодаря такому разрешению у частного землевладельца оставалось немалое количество торговых пошлин и, кроме того, в его руках сосредоточивался и суд, бывший тоже весьма видной доходной статьей[72]. Однако следует отметить, что такого рода господарские распоряжения давались сравнительно редко и собственниками их большею частью оказывались крупные магнаты-землевладельцы. Наконец, некоторые из магнатов шли дальше и ходатайствовали не только об открытии еженедельного торга, но даже и ярмарок. Конечно, такие просьбы были сравнительно редким явлением, так как выдача листов на право устройства ярмарок совершенно противоречила общему характеру экономической политики литовско-русского правительства и могла служить серьезной угрозой господарским местам и местечкам, в которых устраивались ежегодные ярмарки.

Подавая господарю просьбы об устройстве корчем и вольных шинков, местечек с правом еженедельного торга и ярмарок, шляхта правильно воспользовалась создавшимся экономическим положением в целях накопления капитала, необходимого для торговли. Рост экономического благосостояния, разумеется, делал шляхту политически сильной единицей, с которой нельзя было не считаться, тем более что внешнее и финансовое положение государства было далеко не блестящим. Это превосходно учитывала шляхта, выступив на великих вальных сеймах со своей собственной экономической программой.

Определившаяся таможенная политика литовско-русского правительства вызывала в шляхте некоторое беспокойство. Увеличение количества господарских мыт в частновладельческих имениях задевало материальные интересы собственников. Поэтому землевладельцы, пользуясь тем, что великие вальные сеймы стали собираться довольно часто, и государство испы-

---

[71] Там же, л. 226.
[72] Там же, л. 175.

тывало серьезные материальные и внешние затруднения, стали предъявлять господарю требования о прекращении дальнейших установок новых мыт. На Берестейском сейме 1544 г. шляхта впервые выступила с подобного рода протестом. В заявлениях, поданных Сигизмунду I, она просила, «абы мыта и коморы его кролевъскей милости на именьях ваших не были уставливаны». Свою просьбу шляхта мотивировала тем, что она вместе со своими подданными испытывает вследствие этого большие «утисненья». Однако шляхта получила решительный отказ со стороны господаря. По мнению последнего, шляхта даже не имела права подымать этот вопрос, «бо тыи коморы для мыт его милости уставены ку розмноженью скаръбу и пожитъков его милости господаръских». Если же шляхта испытывает какие-либо злоупотребления со стороны господарских должностных лиц, то ей предлагается «господару его милости оповедать». Господарь разберет дело и положит конец злоупотреблениям, «кажеть справедливость тому вчынити и таковых втисков в именьях вашых, не допускать чынити»[73]. Виленский сейм 1547 г. прошел спокойно. Шляхта не подымала об этом вопроса, словно чувствуя безнадежность добиться удовлетворительного на него ответа. Но на Виленском сейме 1551 г. этот вопрос опять подымется, только получит несколько иную формулировку. Шляхта отказалась от предъявления господарю требования не устраивать вообще мытных комор в шляхетских имениях и ограничилась лишь просьбой не устраивать мытных комор там, «где перед тым не бывали». Конечно, удовлетворительный ответ господаря на эту просьбу существенно сократил бы мытные доходы, чего центральная власть не могла допустить. Поэтому шляхта получила отрицательный ответ и на эту просьбу, так как если бы в шляхетских имениях «сторожи, на именьях вашых, стерегучи промыти, не мешкали, тогды бы вси мыта его кролевъскей милости в нивеч ся оберънули», потому что любой купец мог ездить обходной дорогой. В результате поступления господарского скарба значительно бы уменьшились. Желая успокоить шляхту, господарь обещал строго наказывать «тых сторожов мытъных, якие шкоды деяти мели»[74]. На том же Виленском сейме волынская шляхта выступила с отдельным челобитием об упразднении мытников в шляхетских имениях. Разумеется, и волынская шляхта получила категорический отказ. В своем ответе господарь указал, что мытные коморы устраивались в панских имениях при его предшественниках, «за отъца и за предъков его кролевъскей милости», и что в данное время нет оснований отступать от этого тем

[73] РИБ, т. XXX, стр. 119—120.
[74] Там же, стр. 173—174, арт. 15.

более, что такая политика осуществляется на всем протяжении Великого княжества. Указав шляхте на необходимость устройства комор в интересах скарба, господарь обещал строго наказывать тех, кто будет им причинять какую-либо «шкоду» [75]. Господарский ответ волынской шляхте не мог быть иным, так как он исходил из общих начал, которыми литовско-русское правительство руководилось в своей таможенной политике.

Развивавшийся товарообмен с Западной Европой, увеличивая доходы мещан и купцов, возбуждал вполне понятное беспокойство в шляхетском сословии. Несомненно, экономические интересы шляхты властно заставляли ее стремиться к тому, чтобы принять более деятельное участие в совершавшемся товарообмене. С этой целью шляхте надо было добиться отмены торговых монополий и разного рода таможенных стеснений. Поэтому на Виленском сейме 1551 г. шляхта обратилась к господарю с ходатайством, «абы товары всякие з объчых земль не один куповал и шклом, абы так же не один шынъковал, але иж бы всим в том вольность была» [76]. Однако требования шляхты не могли быть удовлетворены. Господарь в своем ответе подтвердил неприкосновенность прежних торговых привилеев.

Допуская же, что существующие торговые монополии и привилеи могут причинить ущерб «всим иным», господарь обещал следить за тем, чтобы торговля стеклом производилась «не инакъшым обычаем», но «за уставою, которая на то особливе ему ест дана» [77].

На том же сейме 1551 г. шляхта, учитывая экономический подъем ввиду спроса на сельскохозяйственное сырье на европейском рынке, стремилась добиться отмены правительственной лесной монополии и получить право свободной беспошлинной отправки хлеба из шляхетских имений. Шляхетские требования оказались удовлетворенными только частично. Господарь разрешал отправку за границу тех лесных товаров, которые были разработаны «в своихъ властъных лесех, а не в наемъных», и притом «своим властъным накладом», без участия какихлибо посторонних лиц. Такие товары могли быть отпускаемы за границу при условии оплаты их соответствующей пошлиной и принесения служебником присяги, удостоверявшей происхождение отправляемых лесных товаров. На вторую просьбу господарь не дал ни положительного, ни отрицательного ответа, обещав «достачъне доведати, яко ся пред тым тын речы заховывали» и только после таких предварительных справок дать соответствующий ответ [78]. Несмотря на свое обещание дать

---

[75] РИБ, т. XXX, стр. 207—208.
[76] Там же, стр. 170.
[77] Там же, стр. 170.
[78] Там же, стр. 175.

ответ после наведения соответствующей справки, господарь, однако, не дал никакого ответа. Это молчание верховной власти побудило шляхту снова поднять тот же вопрос на сейме 1554 г. и притом в несколько расширенной постановке — добиться также беспошлинного вывоза и лесных товаров с освобождением и от платежа «подужнаго» на греблях и «мостового» на мостах. Эта просьба была мотивирована необходимостью оказать «споможенье» шляхте «ку служъбе военъной и обороне земъской». Требование шляхты оказалось неудовлетворенным. Справка показала, что шляхта не была «вызъволена» от платежа пошлин и потому не было никакого основания удовлетворять шляхетскую просьбу. Отправка лесных товаров совершалась таким же способом, как и раньше, согласно ответу господаря на сейме 1551 г. Не была также освобождена шляхта и от подужного и мостового сборов [79]. С аналогичной просьбой о свободной и беспошлинной отправке за границу хлеба и скота и о покупке товаров за границей для собственных потребностей выступила на том же сейме и жмудская шляхта. Общий ответ господаря определил содержание частного ответа. Господарь, не повторяя ранее высказанных соображений, указал шляхте, что если она не желает платить «мыта», «нехай пожитъков купецъких не уживаеть», ибо пошлины установлены «на купецъких людех, а не на шляхте» [80]. Еще короче и внушительнее оказался ответ господаря волынской шляхте, просившей его о беспошлинном вывозе в Гданск «жита, ярыны, попела и иньшых робот лесных». Господарь ответил указанием, что он намерен действовать «водлуг давного обычаю», т. е. требовать уплаты пошлин [81]. Прошло еще несколько лет. Шляхта на сейме 1559 г. снова подымает тот же вопрос [82]. На этот раз господарь дал удовлетворительный ответ. Господарь, «з ласки своее господарское» решил «отъпушчати мыто от товаров лесных», если последние были собственной работы, а также с продуктов шляхетских имений, в удостоверение чего панский служебник должен был принести присягу в первой господарской коморе [83]. Экономическое освобождение шляхты — величайшая ее победа, превосходный показатель ее усилившегося политического влияния. Возбудив в 1559 г. существенный для нее вопрос, шляхта прекрасно знала, что на этот раз добьется удовлетворения своих требований, так как политический момент требовал от правительства не расхождения со

---

[79] РИБ, т. XXX, стр. 234—235.
[80] Там же, стр. 255—256.
[81] Там же, стр. 267—268.
[82] Там же, стр. 271.
[83] Аналогичное челобитье было подано и полоцкой шляхтой, заинтересованной в товарообмене между Полоцком и Ригой.

шляхтой, а сближения с ней. Добившись удовлетворения части своей экономической программы, шляхта сделала передышку и не беспокоила господаря просьбами. На Виленском сейме 1563 г. шляхта снова выступила с экономическими требованиями. Прежде всего, она просила господаря свой ответ о беспошлинном вывозе лесных товаров и иных сельскохозяйственных продуктов подтвердить привилеем «подданным своим обема станом, духовным и светским». Кроме того, шляхта просила освободить ее товары от «гребелного и войского» мытов, а также от «поквитного» сбора. Господарь отказал шляхте в выдаче ей экономического привилея, ограничившись лишь подтверждением ранее выданного разрешения на беспошлинный пропуск сельскохозяйственных и лесных товаров. Но зато шляхта получила право не уплачивать «гребелное и мостовое» при проезде через частновладельческие именья. Господарь нашел вполне логичным, чтобы и шляхтичи не брали мыта, раз сам господарь отказался от обложения товаров пошлинами. Освободиться же шляхте от уплаты войскового и поквитного не удалось [84]. Экономическая программа шляхты, однако, не исчерпывалась всем этим. Шляхта должна была получить право беспошлинного ввоза заграничных товаров и освободиться от всякой зависимости от купца, которому ей, вероятно, приходилось немало переплачивать. На Виленском сейме 1565—1566 гг. шляхта снова просит господаря, «абы речи купецкие з заграниченья привезены на властные потребы» были свободны от пошлин. На этот раз господарь не счел возможным удовлетворить шляхетские просьбы, хотя государство переживало момент первостепенной политической важности [85]. Неудовлетворение же этой просьбы могло оказать влияние на отношение шляхты к вопросу о литовско-польской унии. Последняя распространила бы на литовско-русскую шляхту польские привилегии, в числе которых находилось и сеймовое постановление о беспошлинном ввозе заграничных товаров исключительно для потребностей шляхты.

Добившись привилегированного положения по вывозу за границу собственных лесных и сельскохозяйственных продуктов, шляхта стремилась приобрести и право беспошлинной внутренней торговли продуктами своих имений. С таким требованием выступила волынская шляхта на Виленском сейме 1554 г., просившая, правда, о беспошлинной торговле хлебом внутри земли только для своих подданных. Господарь нашел возможным удовлетворить ее просьбу, «абы подданным... никоторое обътяженье не деяло». Последние могли беспошлинно

[84] РИБ, т. XXX, стр. 334, 335.
[85] Там же, стр. 372.

привозить хлеб в Луцк, Владимир и Торчин[86]. Пока эта льгота была привилегией только одной волынской шляхты. На Виленском сейме 1565—1566 гг. подляшская шляхта выступила с просьбой освободить ее от платежа торговых пошлин при продаже собственных товаров, при этом она ссылалась на состоявшееся ранее постановление Виленского сейма о безмытной торговле собственными товарами. Господарь нашел, что нет никакого основания лишать места сбора торговых пошлин, законно установленных. Если же шляхта такое положение дел находит для себя убыточным, пусть она не отправляет свои товары на продажу в места[87].

Удовлетворение большей части экономических требований шляхты, помимо того, что уменьшало таможенные поступления в господарский скарб, являлось серьезной конкуренцией городскому населению, занятому торговыми операциями, которые ему приходилось производить при менее выгодных условиях, чем шляхте. Отсюда идет начало упадка литовско-русских городов как экономических центров.

Не добившись согласия господаря на привоз без уплаты пошлин товаров заграничного происхождения для собственного потребления, шляхта просила господаря об издании уставы, которая бы регламентировала цены на сукна и различные товары ремесленного производства. Подымая этот вопрос, шляхта имела основание надеяться, что изданная устава будет ей выгодна, так как она могла быть изданной только от имени сейма, на котором шляхта являлась полновластной распорядительницей судеб Литовско-Русского государства. Впервые шляхтой был поднят этот вопрос на Виленском сейме 1554 г. Тогда господарь обещал поговорить об этом с панами-радой и после этого издать соответствующее распоряжение[88]. Но, очевидно, такого распоряжения не последовало, так как шляхта на Виленском сейме 1563 г. снова подымает о том же вопрос. Но просьба шляхты пока оказалась неудовлетворенной, хотя все-таки принципиально шляхта добилась господарского согласия на нормирование цен на товары. С этой целью в каждом воеводстве при участии представителей шляхетского сословия была образована комиссия[89]. О ходе работ по изданию предельных цен нам ничего не известно, но они были окончены к следующему сейму 1565 г., бывшему также в Вильне. Шляхта обратилась к господарю с просьбой о введении в жизнь соответствующего сеймового постановления, и господарь немедленно дал на это свое согласие[90]. По всей вероятности, изданная

[86] РИБ, т. XXX, стр. 268.
[87] Там же, стр. 393.
[88] Там же, стр. 242.
[89] Там же, стр. 335, 336.
[90] Там же, стр. 356, 357.

устава не вполне удовлетворила шляхетское сословие, так как на Городенском сейме 1568 г. снова подымается вопрос, «абы устава учинена на товары всякие и мера на збожье под штрых». Кроме того, шляхта ходатайствовала, «чтобы побор от сукон люнских и инъших танших не шол», так как шляхта нуждается в них для своих военных надобностей. Первая часть просьбы была удовлетворена, ибо она никакой новизны в себе не заключала. Зато вторая часть просьбы была отклонена под тем предлогом, что «то вжо в побор пущоно» [91].

Шляхта имела полное основание быть довольной достигнутым успехом. Являясь сторонницей нормировок цен на так называемые купеческие товары, шляхта не могла сочувствовать установлению цен на продукты сельского хозяйства и на живность. Эти цены правительство устанавливало ввиду военного времени, для удешевления снабжения армии достаточным количеством продуктов. Добиться их отмены шляхта не могла, да и правительство едва ли уступило бы ей в этом вопросе. Поэтому шляхта выступила с пожеланием разрешить продавать разного рода продукты не по уставе, а по вольной цене во время прохода армии к месту ее назначения. И господарю пришлось удовлетворить просьбу шляхты [92]. Но в одном вопросе, и притом крайне важном для шляхты в экономическом отношении, последняя потерпела полное фиаско. На Виленском сейме 1551 г. шляхта подняла вопрос о разрешении ей в своих имениях на больших дорогах «коръчмы будовати и их ужывати», так как до сих пор на каждую корчму давалось особое господарское разрешение. Просьба шляхты оказалась неудовлетворенной «з многих слушных и певных прычын». Устройство корчмы было возможно только «за особливою ласкою и дозволеньем его кролевской милости». Получив такой ответ, шляхта поняла безнадежность своего требования и некоторое время вопроса об этом больше не подымала [93]. На Гродненском сейме 1568 г. шляхта снова хлопотала перед господарем о разрешении ей на собственных землях устраивать местечки и корчмы на дорогах без предварительного согласия на то господаря. На этот раз шляхте пришлось удовольствоваться ответом, что все останется «подле статуту и старого обычаю» [94]. Отказывая шляхте в ее просьбе, господарь становился на сторону государственных интересов.

Во всяком случае, шляхта ко времени осуществления земельной реформы добилась весьма существенных экономических льгот, которые позволили ей принять активное участие в

---

[91] РИБ, т. XXX, стр. 474.
[92] Там же, стр. 370.
[93] Там же, стр. 196.
[94] Там же, стр. 477.

развивавшемся западноевропейском товарообмене и извлечь из него наибольшую для себя выгоду. Экономические уступки, правительства землевладельческому сословию, являются прекрасным показателем силы и значения этого сословия.

Начиная сознавать свою силу и чувствуя накопление у себя капиталов, искавших приложения, шляхта намеревалась захватить в свои руки и таможенные мыта, до сих пор обыкновенно сдаваемые на откуп евреям. Шляхте не нравилось засилье евреев в откупах на мыта, благодаря чему «у мыте обътяжение великое ся дееть», и она просила господаря, чтобы мыта были отданы шляхте в той сумме, в какой они были взяты в аренду евреями. Об этом желании расширить приложение своих средств впервые высказалась жмудская шляхта в 1559 г., но шляхетская просьба осталась неудовлетворенной. У правительства не было никаких оснований отнимать у евреев мыта и отдавать их шляхте. Поэтому господарь дал по существу отрицательный ответ, дипломатично заявив, что обсуждение просьбы жмудской шляхты возможно только тогда, «кгды рок зыдержанью аренъды выйдеть». Только тогда господарь рассмотрит, «что ся лепъшого и пожиточнейшого его милости господару в том видети будеть» [95]. Кажется, некоторое время откупщнические инстинкты жмудской шляхты не разделялись остальной шляхтой. По крайней мере в просьбах шляхты нет повторения челобитья жмудин. Только на Городенском сейме 1567 г. было высказано пожелание, чтобы «поборы и мыта» мимо христиан не отдавались евреям. Хотя правительство в своей политике и зависело от шляхты, но такое пожелание, узко конфессиональное, в такой постановке не могло быть приемлемо. Господарь резонно ответил, что если христиане дадут «так много або больш, ниж жидове», то он отдаст их христианам. Несмотря на такой ответ господаря, шляхта, очевидно, не хотела экономического соперничества с евреями и попросту желала занять в этом деле исключительно привилегированное положение. Поэтому на Городенском сейме в следующем году она снова подымает тот же вопрос, «абы жидове жадных урадов и поборов не мели». Господарь ответил, что евреи «до земъских потреб и справ» не будут припущены, оставив без всякого ответа второе предложение [96].

[95] РИБ, т. XXX, стр. 282.
[96] Там же, стр. 474.

IV. ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА ДО ВВЕДЕНИЯ АГРАРНОЙ РЕФОРМЫ

Западные волости. Устава 1514 г. Городенская устава 1514 г. Сельское население и господарская устава. Устава 1529 г. Сравнение ее с уставой 1514 г. Хозяйственные цели уставы. Рабочая сила господарского хозяйства и повинностное ее положение. Деятельность державцы и его доходные статьи. Отступление самого правительства от начал уставы 1529 г. Устава замков, держав и дворцов. Общий характер дворцового хозяйства. Рабочая сила хозяйства. Организация контроля. Деятельность державцы. Повинности волостного населения. Ответственность державцы. Жмудь. Финансовая эксплуатация населения до введения уставы 1527 г. Задачи и цели уставы 1527 г. Уставы 1529 и 1530 гг. Отношение к ним населения. Недоразумения волостного населения с администрацией. Значение уставы 1529 г. Восточные волости. Волостная старина и отношение к ней правительства. Хозяйственное положение Поднепровских и Подвинских волостей. Злоупотребления мозырских наместников. Устава мозырским наместникам 1510 г. Недоразумения волостного населения с администрацией и отношение к ним правительства. Общий характер опубликованных устав до 1534 г. и после этого года. Повинностное положение населения согласно уставам.

1

Хозяйственная политика литовско-русского правительства в XV и в начале XVI в. не определялась каким бы то ни было планом, преследовавшим намеченные хозяйственные задачи. Отправляясь «от старины», правительство вело хозяйство в господарских волостях без всякого плана, системы, фактически сводя всю свою хозяйственную политику к систематическому сбору податей и следя за своевременным отправлением повинностей, падавших на население и образовавшихся чисто исторически.

Такое бессистемное хозяйство и неопределенное повинностное положение населения заставляло правительство при выдаче привилея на держание дворов в вопросе о повинностях

ограничиваться только ссылкой на старину, не определяя, впрочём, самого понятия «старина». Так, когда в 1510 г. Сигизмунд I отдал пану Богушу Боговитиновичу в держание двор Довкги «до живота» вместо уплаты следуемых ему 100 коп грошей, отданных господарю взаймы, то в господарском листе относительно повинностей нашли возможным ограничиться следующей фразой: «а што ся дотычеть доходов и инших платов, што перед тым з Довкгов на нас хоживало, то он вжо маеть к нашим рукам, давати». Господарский лист даже не упомянул ни одним словом относительно повинностей населения по отношению к державце [1]. Очевидно, они также были мало определенны, как и господарские платы и повинности. Такая неопределенность свойственна всем пожалованиям Сигизмунда вплоть до 1514 г., когда при определении прав наместников и повинностей населения, господарский привилей ограничивался заявлением, что двор с волостью жалуется на тех условиях, на каких «первые врадники наши от нас държивали» [2].

Однако эта неопределенность давала себя чувствовать, так как на почве неясности повинностного положения населения могли происходить недоразумения вследствие сильной эксплуатации зависимого от державцы населения. Конечно, мимо таких явлений правительство не могло проходить, не рискуя нанести серьезный ущерб интересам самого скарба. Помимо этого, неудобство такой непланомерной хозяйственной политики давало себя чувствовать и в другом отношении. К 20-м годам XVI в. правительство чувствовало очень сильную нужду в деньгах, а так как к этому времени выяснилась возможность сбыта сельскохозяйственных продуктов на заграничном рынке, то увеличение доходности имений и их производительности являлось очередной задачей хозяйственной политики литовско-русского правительства.

Стремясь удовлетворить насущные потребности господарского скарба, правительство приступает с большой осторожностью к выполнению своего плана. Сначала оно стремится выяснить действительное состояние господарского хозяйства в западных волостях и с этой целью составляются «реестры дворов» [3], которые, отчасти, должны были сдержать не в меру ретивых державцев, и только после этого начинает предпринимать кое-какие систематические мероприятия.

Сначала правительство пытается осуществить свои задачи по возможности в пределах исторически сложившихся эконо-

---

[1] М. К. Любавский. Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени издания первого Литовского статута. М., 1892, прил. № 20.

[2] Там же, № 21.

[3] Там же, прил. № 1, 4, 5, 6, 8, 9.

мических и финансовых отношений к дворовому уряду жившего на господарских землях населения, словно боясь резко изменить наладившиеся взаимоотношения, к которым привыкли и население, и дворовый уряд.

Первым актом, которым правительство пыталось урегулировать господарское дворовое хозяйство и подчинить его известным правилам,— было опубликование уставы, предназначенной «как по всим двором Виленского повета, так и Троцкого»[4] — технически довольно несовершенной, но очень ценной как показатель намерения господарского скарба поднять доходность и производительность господарских имений. Вся «устава» 1514 г. проникнута духом регламентации деятельности лиц, заведывавших господарскими имениями,— регламентации, в корне уничтожавшей всякую самодеятельность и инициативу на месте. Вся устава 1514 г. проникнута недоверием к деятельности державцев и староств и в то же время стремлением подчинить их деятельность контролю центрального правительства.

По своему составу — это только неполный черновой набросок, лишенный системы. Не видно, чтобы в нем в той или другой степени отразился определенный хозяйственный план. Это ряд отдельных хозяйственных указаний, лишенных систематичности и крайне недостаточных для достижения той цели, которую себе поставило литовско-русское правительство, опубликовывая к сведению державцев уставу 1514 г. Устава сначала констатирует печальное состояние господарского хозяйства. Оказывается, «что врадники наши, который от нас дворы держать», уже давно не дают в господарский скарб «никоторых доходов а ни пожитков с тых дворов наших», тратя их на свои потребности «кождый ку своему пожытку». Такое хищническое отношение администрации к доходам, поступавшим в ее распоряжение с господарского хозяйства, заставило правительство принять ряд мер как по урегулированию взаимоотношений провинциальной администрации к господарскому скарбу, так и по ведению самого хозяйства. Помимо этой уставы державцы уже не могли руководствоваться никакими соображениями и, считаясь с нею, не должны были населению «никоторое кривды и новины чинити», под угрозой отнятия господарского двора, если окажется, что державца-урядник «не справовал, как в том листе нашом выписано».

Заботясь о своевременном удовлетворении господарских потребностей, устава 1514 г. прежде всего выражает категорическое требование, чтобы державца «поднимал господаря» соответствующими «стациями», когда последний будет находиться

[4] М. К. Любавский. Областное деление и местное управление... прил. № 23.

в державе. По мнению Сигизмунда I, нового здесь нет ничего — это только закрепление той старины «как было за отца и брата нашого, королёв их милости». Требуя от наместников «давания стаций», устава Сигизмунда I настаивает на постоянности данного сбора, который, согласно распоряжению великого князя, должен быть доставлен на то место, куда прикажет великий князь. Устава 1514 г., не определяя размеров стаций, постановляет, чтобы последние давались «без замешканья по тому, по чому будеть и перед тым здавна за предков наших тое стацеи даивано».

Затем, великокняжеская устава, переходя непосредственно к новой организации господарского хозяйства, предлагает наместникам к исполнению несколько распоряжений, ответственность за исполнение которых падает на самого наместника как главного управителя господарскими имениями.

Рекомендуя наместникам новую организацию хозяйства, устава настаивает на заведении особой пашни при господарских дворах. Это, конечно, хозяйственная новость, вытекающая из желания господаря увеличить доходность государственного скарба и производительность имения, как основу увеличения его доходности. Устава не определяет, конечно, размеров запашки. Ее величина зависит исключительно от усмотрения наместника, которому приходится сообразоваться с наличными рабочими силами. Устава требует лишь от наместника, чтобы он распахал пашню «достаточне» силами местного тяглого населения. В зависимости от размеров запашки определялось экономическое положение сельского населения. Часть его должна была нести непосредственно тяглую службу для удовлетворения рабочей силой дворового хозяйства. Другая часть должна была быть посажена на осаду с платой по копе грошей за каждый год. Помимо платежа чинша, люди, сидящие на осаде, вносят в господарский скарб и «иншые всякие доходы» и, кроме того, они обязаны выходить на толоку «как будет обычай». Что касается людей специальных служб, то устава требует, чтобы их было оставлено при дворе столько, сколько нужно для удовлетворения потребностей двора, а остальные должны были быть переведены на чинш. Правда, сохранившаяся устава имеет в виду только солянников, ковалей, бобровников, бывших при дворе в Медниках, но, конечно, это распоряжение должно было иметь более общий характер по отношению ко всем людям специальных служб. Все собираемые денежные доходы наместник обязан немедленно, без задержки, отсылать в господарский скарб.

Устава 1514 г. в интересах господарского скарба определяет также ту сумму обязательных расходов, без которых при ведении хозяйства обойтись фактически было невозможно.

Так, необходимо было отдать десятину на церковь и отложить часть урожая на содержание челяди невольной. Оставшийся урожай делился на три части: две части «з жыта и з ярын, со пшеницы, и з овса, и з ячменю, и з гречыхи, и с проса, и из иншых ярын всяких огородовых, и с сена наших сеножатей» отходят к господарской казне, а третья часть поступает в распоряжение наместника. Опасаясь злоупотреблений со стороны наместника, устава требует, чтобы доли урожая, составляющие собственность господаря, «мають быти ставены в гумнах наших», и наместник не имеет права их касаться «без росказания господарского». Кроме того, помимо одной части урожая, наместник пользуется частью ежегодного рыбного улова со всех озер «колко будеть в том дворе», а также «и иншими доходами и пожытками господарскими, што здавне оттоль хоживали», хотя они в уставе и не помечены. В пользу наместника поступают также и судебные пошлины «повинное и прометное». Все остальные штрафы поступают в распоряжение господарского скарба. В интересах контроля за деятельностью наместника особо присланный писарь ежегодно переписывает все доходы, поступившие в господарский скарб как натурой, так и деньгами.

Устава 1514 г. знает челядь невольную при господарском дворе, на содержание которой поступает месячина, но устава не определяет хозяйственного значения челяди. Впрочем, можно предполагать, что господарь тяготился челядью как рабочей силой, содержание которой требовало со стороны господарского двора значительных расходов. Ради увеличения эксплуатации невольничьего труда, устава возлагает на челядь невольную обработку всего урожая льна. Она должна выделывать «скатерти и полотна» и отдавать все выделанное «до королевое нашое еи милости» под контролем урядника, «как бы нам в том шкоды не было» [5]:

Итак, устава 1514 г. состоит из ряда несистематических хозяйственных распоряжений, но как бы последние не были случайны, все же она вносит много нового: 1) она ставит господарское хозяйство под ближайший контроль центральной администрации; 2) кладет предел злоупотреблениям наместников, определяя размеры доходов, поступающих в их распоряжение с хозяйства господарского; 3) стремится наилучшим образом использовать рабочую силу господарского имения. Все это новые факты в хозяйственной политике литовско-русских государей, которые в будущем получат дальнейшее развитие. Устава 1514 г. не видит в этих распоряжениях ничего нового. Это только закрепление старины, на которую так часто ссылаются

[5] М. К. Любавский. Областное деление и местное управление..., прил. № 23.

ее составители. Но, закрепляя старину, составители дали в руководство наместникам и уставу, которая, конечно, содержала немало новых принципов, раз наместники свою хозяйственную деятельность должны были основывать «на старине и уставе».

Что издание этой уставы не было случайным хозяйственным экспериментом, а преследовало определенный хозяйственный план, можно судить уже по тому, что спустя два дня после опубликования первой уставы, правительство выдает уставную грамоту городенскому старосте пану Юрию Радивиллу по случаю отдачи ему в держание «замок Городень» со всеми господарскими дворами, входящими в состав замковой территории. Эта устава близка по содержанию к только что названной. И это понятно: условия ведения хозяйства в господарских волостях Городенского староства были одинаковы с дворами Троцкого и Виленского поветов. Однако встречаются и незначительные различия, что объясняется некоторыми специфическими особенностями самого староства. Сходство этой уставы с вышеназванной заключается в обязанности староства по старине «поднимать господаря» стациями, если последний будет пребывать в самом Городне или отсылать «До Вильни, або где кольвек, а любо на войну за нами везти». Как и в уставе 1514 г. «сенныи пенези, подяколныи, а з соляников и бобровников, колько-кольвек их есть в Городенском повете и теж корчемныи пенези зо всих дворов Городенских» взяты к господарским рукам и поступают в господарскую казну. Затем отметим полное сходство распоряжений относительно реализации ежегодного урожая, эксплуатации озер, сбора льна. Впрочем, в Городенской уставной грамоте, в противоположность уставе 1514 г., и староста не может пользоваться частью улова. По крайней мере об этом в грамоте не сказано. Полное сходство замечается и в определении судебных пошлин. Вообще разрешается пользоваться старыми доходами, кроме вновь установленных. Наконец, старосте предоставляется право «млыны на Немне и по рекам на себе заведати подле давного обычая». Это, конечно, особенность местного характера [6].

Однако хозяйственные уставы 1514 г. прививались не особенно скоро, и недоразумения между администрацией и населением на почве уплаты податей и отправления повинностей стали, кажется, обыкновенным явлением. Крестьяне жалуются на наместников по разным поводам и соображениям. Так, некоторые разряды сельского населения не считали себя обязанными платить наместникам так называемую «мезлеву» — новый налог, окончательно установившийся к этому времени, и ссылались на старину, когда они никакой мезлевы не платили, и

[6] АЗР. т. II. № 87.

только в случае приезда господаря давали «по куряти и по десяти яиц» от каждого дыма. Все отношения их к господарскому скарбу заключались в обязанности «на лето орати три дни, день жати, по два з дыму и сено косити». Те же жалобщики указывали, что они «инших служб не служивали». Такую жалобу подали крестьяне Виленского тиунства [7]. Положение правительства было довольно затруднительным. Крестьяне, по существу, были правы в своей жалобе и если бы в данном вопросе руководиться только стариной, то все крестьянские заявления следовало бы признать совершенно справедливыми. В таком случае вся хозяйственная устаза была бы сведена на нет, ибо, вводя общие нормы для хозяйственных распоряжений, она не предусматривала ряда частностей. В данном деле правительство, противореча самому себе, полагаясь на показания всей волости, признало требования их справедливыми и, закрепив их судебным выроком, поставило себя в весьма затруднительное положение, ибо прекращало или стесняло возможность дальнейшего увеличения податей и повинностей. Такое освобождение от службы, вопреки уставе 1514 г., в данную эпоху — довольно частое явление. Придерживаясь правила «старины не рушить, новизны не вводить», Сигизмунд I, на основании грамот своего брата Александра, освободил слонимских подданых от тяглой службы, от давания дякол и подвод, ибо «они здавна поспол з волостью службы тяглое не служивали» [8]. Но хозяйственная политика Сигизмунда I не отличалась устойчивостью. Сохраняя для одних челобитчиков старину, правительство по отношению к другим поступало по-иному, не обращая никакого внимания на старину и даже идя против нее. Подобного рода мероприятия понятны: при сохранении старины рост эксплуатации господарских волостей был бы невозможен. Поэтому ради увеличения доходов приходилось не нарушать. Например ейшишские господарские подданные Якуб и Станкус Мицковичи жаловались на ейшишского десятника, что он «вéрнеть нас поспол з волостью у службу, велить нам подводы давати и на толоку ходити», тогда как все их повинности по отношению к господарскому скарбу только ограничивались платежом дякла и кошением сена [9]. С этим показанием правительству пришлось посчитаться: старина как будто взяла верх, но в то же время на них была возложена новая подать — мезлева, которую они вместе с дяклом были обязаны отдавать господарю. Возникали также недоразумения между администрацией и крестьянами на почве неправильности обложения их судебными

---

[7] РИБ, т. XX, № 92.
[8] Там же, № 109.
[9] Там же, № 121.

штрафами, что, конечно, было всецело в интересах провинциальной администрации [10].

Между тем, колеблясь то в одну, то в другую сторону, правительство, однако, считало уставу 1514 г. нормальным хозяйственным укладом, которого должны были придерживаться все держатели господарских имений. Необходимость соблюдения положений уставы 1514 г. вызывалась еще теми соображениями, что правительство в период с 1514 г. по 1529 г. усиленно раздавало господарские имения в заставу и стремилось «заставными деньгами» пополнить существенную пустоту своего скарба. Отдача господарского двора в заставу — это и финансовое и хозяйственное мероприятие в одно и то же время. С одной стороны, правительство получало единовременно большую сумму денег [11]. С другой стороны, не прекращалась хозяйственная эксплуатация двора, и являлась полная возможность увеличения дальнейшей производительности господарского хозяйства. К тому же, господарь, отдавая в заставу дворы, часто оставлял в свою пользу некоторую часть их доходов, так что имение, отданное в заставу, благодаря этому не совсем являлось потерянным для господаря. Так, отдав в 1516 г. в заставу двор Довкги, Сигизмунд I потребовал с залогопринимателя ежегодного доставления 60 бочек жита, овса и 60 возов сена. Кроме того, в пользу господаря поступала мезлева. Что касается стации, то держатель имения должен был поднимать стациями только в том случае, когда сам господарь приезжал в Довкги. Выделение некоторых доходных частей в пользу господаря — явление, постоянно практиковавшееся в эту эпоху. Конечно, размер доходных частей зависит от состояния хозяйства двора и его размеров. Так, с двора Оникшты поступало по 100 бочек и овса и «спижа великоденная и колядная» по старине. Стация собиралась только в случае приезда самого господаря. С двора Меречь поступало по 100 бочек жита и овса и 100 возов сена, помимо мезлевы. Но, конечно, такое выделение части доходов в пользу господаря не есть обязательное условие при отдаче двора в заставу. Отдавались дворы в заставу в полном смысле со всеми доходами. Господарь тогда ограничивался требованием «поднимать его стациями» во время приезда в тот или другой господарский двор [12]. Требование отдачи господарю части продукта с заставного имения — отчасти показатель роста сельскохозяйственной культуры, усиленно насаждаемой господарскими державцами.

---

[10] РИБ, т. XX, № 120.

[11] М. К. Любавский. Областное деление и местное управление..., прил. № 15, 26, 27.

[12] Там же, прил. № 25, 26, 28—30.

Устава 1514 г. была слишком кратка, и на почве краткости и неопределенности часто возникали разного рода хозяйственные недоразумения. Со стороны интенсификаторов господарского хозяйства вполне естественным желанием было увеличить возможно больше рабочую силу двора. Но сплошь и рядом господарские державцы в своем хозяйственном усердии заходили слишком далеко и часто возлагали тяглую повинность на таких лиц, которые имели полное основание не нести ее совсем. Ставшие невольно тяглыми крестьянами, они отнюдь не желали мириться с своим положением, а забрасывали господаря челобитьями, ссылаясь при этом на ранее состоявшиеся господарские и наместничьи выроки. Так поступили Перелайские бояре, когда наместники заставляли их «тяглою службою служити и дякла и подачки давати». Между тем, раньше этого никогда не бывало, в доказательство чего они привели лист судовый пана Петра Яновича, воеводы троцкого и пана Яна Хребтовича Литовара, маршалка слонимского, которые «повелели» им, боярам, «служыти службою боярскою, потому как и перед тым предки их нам служыли» [13]. Сигизмунд I утвердил данный судовый лист. Бояре были освобождены от тяглой повинности и разного рода других подачек. Такого рода недоразумения выдвигали мысль о необходимости более детальной хозяйственной уставы, которая бы не позволила державцам свободно и незаконно привлекать разного рода общественные элементы к несению тяглой службы.

Помимо этого, возникали также недоразумения между державцами и господарскими крестьянами из-за плат и повинностей. Державцы попросту игнорировали и уставу 1514 г., и старину и вводили немало разного рода «новин», весьма тяжело отражавшихся на платежных силах населения. Эти жалобы населения, конечно, имели полное основание, но сама устава 1514 г. была слишком кратко написанным хозяйственным наказом; в ней было много недоговоренного и неопределенного, в особенности в ее ссылке на старину. Державцы поэтому имели полную возможность под видом старины вводить разного рода «новины». Господарское население не могло, да и не желало мириться с форсированной хозяйственной политикой державцев и поэтому обращалось с челобитьями к господарю. Эти-то челобитья — постоянные докучливые жалобы — с своей стороны, толкали господаря на мысль о необходимости исправления и дополнения уставы 1514 г.

Люди путные и данники Куренецкой волости особенно страдали от хозяйственной деятельности державцев. Устава 1514 г. имела в виду дворы, где возможно было прочно насаждать сель-

---

[13] АЛРГ, вып. 1, № 185.

скохозяйственную культуру. Между тем, Куренецкая волость затерялась среди принеманских лесов и вся была заселена данниками и путными людьми. О них совсем не говорит устава, и это, конечно, весьма существенный ее пробел. Но зато полное умолчание уставы о данниках давало основание державце распоряжаться ими по-своему, вводить те «новины», которые вызывали столько беспокойства и недовольства со стороны заинтересованного населения. Если к жалобам населения отнестись с полным доверием, то действительно, марковский державца довольно своеобразно поднимал доходы с Куренецкой волости. Заботясь об охране понеманских пущ, державца поставил своих лесничих, тогда как раньше само население охраняло их. Такая охрана, хотя и требовала напряжения сил, однако вполне отвечала интересам самого населения, которое, охраняя господарские пущи, фактически сторожило свои входы и бортные деревья, с чего оно давало господарю дани. Замена волостной охраны лесничими, по словам челобитчиков, существенно задевала интересы волости. Лесничие плохо охраняли господарскую пущу, вследствие чего и пуща оказалась опустошенной, и бортные деревья — вырубленными. Поэтому волостные люди были не в силах своевременно вносить возложенной на них дани. Последнее обстоятельство требовало особенного внимания правительства, так как появление недоимок было не в интересах господарского скарба. Помимо этого, урядники державцев собирали «поколодное» не по старине — вместо гроша — 12 грошей. Кроме того, они заставляли волостных людей работать на себя и требовали с них подводы исключительно только для своих нужд. Раньше этого никогда не было. Частые въезды наместника тоже разоряли население, так как последнее было обязано его самого и его слуг «стациями поднимати» и «станы справляти». Господарь признал жалобы населения совершенно правильными, и хищничеству наместников был положен предел. Поручая высший контроль за пущами державце и его наместникам, которые могут привлекать данника к ответственности, если «который данник наш хотел в той пущы шкоду чынити», и ставя волостное население под надзор державцы и наместников, господарский вырок требует, чтобы и подданные могли найти «справедливость» перед державцей, если со стороны населения будут поданы жалобы на его наместников. Точно также население освободилось от обязанности поднимать наместников стациями, но зато державца мог требовать от населения стацию раз в год. Если же кто-нибудь из членов волости обратится к уряду с просьбой о децких, то стацию им будет давать то лицо, «которому будеть потреба в них». Разрешая в пользу населения все его жалобы на своего державцу, господарский лист, однако, подчеркнул обязанность «тяглых людей»

ходить на пашни «с сохою, с бороною, с серпом, с топором». Такая заботливость понятна. Умолчание о господарской пашне могло быть истолковано в положительном смысле[14]. Этого и стремился избежать господарский лист, опубликованный в 1528 г. Все эти недоразумения, явно задевавшие интересы скарба, говорили о необходимости опубликования более рационально составленной уставы, в которой не было бы пропусков и умолчаний уставы 1514 г., но в которой ее принципы получили бы дальнейшее развитие.

Устава 1514 г. слишком кратка по своему содержанию. Она только в общих чертах дает представление о новых приемах хозяйственной политики литовско-русского правительства, нуждавшейся в дальнейшей детализации и развитии ранее высказанных принципов. Впервые более или менее цельно и систематично новые принципы были изложены в «уставной грамоте державцам и урядникам королевских волостей, приписных к Виленскому и Троцкому замкам», опубликованной в начале 1529 г.[15]

Исследователи, указывающие на сходство старой и новой устав, несомненно правы, так как содержание обеих устав действительно имеет много общего, но приходится отметить и значительную разницу, сказывающуюся не только в детализации некоторых статей, но и в несколько иной постановке вопросов, затронутых уставами 1514 и 1529 гг. Прежде всего, в уставе 1529 г. 37 артикулов, тогда как уставу 1514 г. можно разделить только на 15. Сравнивая по статьям две уставы Сигизмунда I, можно подметить, что по содержанию и по затронутым в них вопросам следующие статьи (артикулы) близки друг к другу:

Артикулы уставы 1514 г. 7	9	3	1	6	4,5,6
Артикулы уставы 1529 г. 2,3	7	13	29	25	14

Обилие статей и удивительно полная разработка затронутых в них вопросов могут служить прекрасным отражением всех теоретических хозяйственных соображений литовско-русского правительства.

По содержанию устава 1529 г. весьма близка к уставе 1514 г. Она также занята, но только более детальной, регламентацией господарского хозяйства. Она тоже дает руководящие правила к поднятию доходности и производительности господарского хозяйства, пока не прикасаясь к существующим земельным отношениям, все еще не трогая «старины», которая

[14] М. К. Любавский. Областное деление и местное управление..., прил. № 43.
[15] АЗР, т. II, № 159.

значительно задерживала развитие господарского хозяйства. Она также не доверяет самостоятельности и личной предприимчивости наместника. Благодаря этому последний превращается не столько в лицо, ведущее хозяйство под своей личной ответственностью, сколько в лицо, под своею личною ответственностью исполняющее приказания центрального правительства. Но при более подробном анализе уставы 1529 г. на фоне сходства можно отметить и весьма существенную разницу, благодаря чему хозяйственная практика литовско-русских великих князей становится более отчетливой. Устава 1514 г., давая общую инструкцию «врядникам», заботилась только о том, чтобы не пропадали господарские доходы и не было ущерба господарским пожиткам; тогда как устава 1529 г. больше всего занята вопросом об увеличении доходности хозяйства, что совершенно изменяет самый смысл и значение дворового хозяйства как самостоятельного целого. Заботясь об увеличении доходов господарского скарба, устава 1529 г. переводит все существующие податки на деньги [16], если только они, в силу хозяйственных условий, не собираются натурой и не остаются на месте. Если же часть податков собирается натурой, то они не должны лежать на месте в ожидании распоряжений литовско-русского правительства, а должны быть немедленно «водле торгу» проданы. Деньги же отсылаются в господарский скарб [17]. Точно так же остаток ежегодного урожая должен быть, по возможности, поскорее реализован. Устава 1529 г. рекомендует оставшийся неиспользованным для потребностей господарского хозяйства урожай оставлять до весны, а затем весной всем желающим отдавать его взаймы при условии уплаты ссуды осенью по реализации урожая. При этом хлебная ссуда возвращается не натурой, а деньгами [18]. Такое хозяйственное распоряжение можно объяснить желанием правительства всегда иметь свободные запасы хлеба, которые могли бы быть использованы для нужд сельского населения и для поддержания его экономической годности. Но возвращение ссуды деньгами, и притом осенью, наводит на мысль, что литовско-русское правительство не столько заботилось об удовлетворении продовольственных нужд населения, сколько намеревалось использовать ощущаемый им недостаток в хлебе посредством ссуд хлебом по высоким весенним ценам. Требование уплаты ссуды осенью, когда приходилось спешно реализовать урожай, только создавало благоприятные обстоятельства для весенних хлебных ссуд. Вполне понятно, что литовско-русскому правительству было несомненно выгоднее отдавать хлеб весною в качестве ссуды,

[16] АЗР, т. II, № 159, арт. 10—12.
[17] Там же, арт. 9.
[18] Там же, арт. 4.

имея в виду осенние цены на хлеб, чем продавать его осенью при низких ценах на хлеб вследствие переполнения рынка хлебным товаром.

Заботясь о наилучшем использовании рабочих и платежных сил населения, устава 1529 г. весьма детально трактует об этом. Вместе с своей предшественницей устава 1529 г. также требует оставления при дворе для работы необходимого количества тяглых людей, «которыи суть повинни службу уставичьне служити»; все же остальные люди должны быть осажены на землю при условии взноса натуральнаго податка — «по бочце пшеницы, або вепра». Если при этом господарь будет сам находиться в державе, то податки поступают на удовлетворение потребностей господарского двора. В его отсутствие они продаются державцами, которые вырученные деньги отправляют в господарский скарб. По уставе же 1514 г. все лишние тяглые люди непременно осаживаются на «пенезех».

Тяглые люди отбывают барщину и доставляют на господарский двор необходимое количество подвод [19]. Все же остальные разряды населения господарского двора как люди, несшие высшие и специальные службы, так и посаженные на осаде, были обязаны выходить на толоку 12 дней в году. Конечно, количество людей разных специальных служб должно быть согласовано с потребностями хозяйства. От державцы зависело сколько таких специальных служб оставить «на дворовую потребу» [20].

Стремясь к точному определению «тяглой» повинности сельского населения, приписанного к господарскому двору, устава 1529 г. также детально выясняет, какие платы были обязаны вносить в господарский скарб тяглые люди. Переводя предметы, поступавшие натурой, на деньги, устава 1529 г. облегчает сбор их господарскому наместнику; но, конечно, ставит в серьезное затруднение население, вынужденное теперь вывозить на рынок свои сельскохозяйственные продукты и превращать их в деньги [21]. Таким образом, новая устава исходила из предположения о наличности местного рынка для сбыта населением своих сельскохозяйственных продуктов. В новой уставе очень много внимания уделено деятельности державцы, и это, конечно, вполне понятно, раз державца выступает в роли ответственного агента по ведению господарского хозяйства. Рассматривая его роль в хозяйстве как точного исполнителя всех изданных свыше предписаний, устава 1529 г., однако, прекрасно понимает необходимость предоставления наместникам и державцам некоторой доли самостоятельности, если это только возможно по

---

[19] АЗР, т. II, № 159, арт. 13

[20] Там же, арт. 14.

[21] Там же, арт. 10. 11, 12.

местным условиям и обстоятельствам. В этом отношении новый хозяйственный наказ радикальным образом расходится с хозяйственными наставлениями 1514 г.

Ставя державцу во главе хозяйства, устава 1529 г. весьма детально определяет, как державца должен поступить с ежегодным урожаем хлебных злаков.

Прежде всего должна быть выделена десятина на церковь, затем отложена месячина на содержание «челяди невольной». В сравнении с уставой 1514 г., размеры месячины, раздаваемой «паробкам и жонкам», колеблются в зависимости от того, имеют ли они «бонды» и «прироблки». В последнем случае месячина уменьшается до $1^1/_2$ копы жита на год, тогда как невольники, «которыи обыходу и домов своих немають», получают месячину четыре раза в год по «бочце жита... водле обычая давного»[22]. Заслуживает внимания указание уставы на возможность для челяди невольной иметь «свои бонды и прироблки». Это, несомненно, новое явление в хозяйственной политике литовско-русского правительства, показывавшее его стремление использовать более производительно рабочую невольничью силу и уменьшить расходы по ее содержанию, обратив остаток месячины на нужды господарского двора. Затем державца должен отложить про запас долю урожая, необходимого для обсеменения полей[23]. Оставшийся урожай делится на несколько частей, из которых одна поступала в распоряжение державцев «к их живности и пожитку», а остальные составляют собственность господарского двора. Так, озимое жито делится на три части, из которых одна поступает в собственность державцев. Что касается яровых хлебов, как-то: пшеницы, овса, ячменя, гречихи, то оставшаяся доля урожая делится на четыре части, из которых державце отдается четвертая часть всего оставшегося урожая[24].

Кроме того, всякий державца имеет право на господарской земле заводить огороды, продукты с которых державцы «мають суполна уживати и к своему пожитку оборочати», с обязательством, в случае приезда господаря, давать «до кухни речей огородных достатск», «водле шацунку и уставы каждого двора особно»[25].

В целях увеличения доходности хозяйства державца должен засеять некоторое пространство льном. Устава не определяет его размеров. Это зависит исключительно от державцы, который должен в данном случае сообразоваться с наличным количеством «челяди невольной», так как «каждая жонка», ко-

[22] АЗР, т. II, № 159, арт. 2.
[23] Там же, арт. 1 и 2.
[24] Там же, арт. 2 и 3.
[25] Там же, арт. 6.

торая берет месячину, обязана ежегодно представить на господарский двор «постав полотна». Хозяйственная нераспорядительность державцы в этом случае карается штрафом «от кождое жонки» в размере пятидесяти грошей или постава полотна длиною в 15 локтей [26].

Так как дворовое хозяйство, кроме собственной пашни, могло заключать в себе и другие угодия, которые было вполне возможно эксплуатировать в интересах хозяйства, то инструкция 1529 г. и этим угодьям отводит особые статьи, фактически делая тем самым невозможным какие бы то ни было злоупотребления со стороны наместников. Так, от эксплуатации озер державцы получают только треть улова. Две же трети поступают на продажу, а вырученная сумма отсылается в господарский скарб [27]. Зато все продукты от эксплуатации леса целиком поступают в господарский скарб [28]. Конечно, такое хозяйственное распоряжение вполне понятно, раз лесные продукты являлись главным предметом сбыта за границу, и продажу их литовско-русское правительство стремилось монополизировать. Кроме надзора за эксплуатацией разных хозяйственных статей господарского двора, державцы должны были следить, чтобы меры емкости — «бочки», которыми измеряется месячина и зерно для посева, были «в одну меру уроблены и железною обручью збиты» [29], чтобы все дворовые постройки находились в хорошем состоянии [30], чтобы всякого рода стародавние доходы по-прежнему брались «к руце» и господарскому пожитку и отдавались в господарский скарб [31], чтобы необходимый сельскохозяйственный инвентарь находился при дворах в достаточном количестве [32]. Помимо этого, на державце лежит общий надзор за скотным двором, который надо содержать «в доброй опатрности». Если же в результате небрежности державцы численность господарского стада уменьшится, то державца платит штраф «водле уставы земское» [33]. Наконец, устава 1529 г. разрешает державце отдавать свободные земли в аренду. Арендная плата вносится «пенязьми» или натурой — медом, бывшим предметом экспорта, и потому замена денежной платы натурой вполне понятна [34]. В то же время устава категорически запрещает раздавать пустовские земли «до воли господарской». Все незаконно розданные

[26] АЗР, т. II, № 159, арт. 7.
[27] Там же, арт. 16.
[28] Там же, арт. 17.
[29] Там же, арт. 8.
[30] Там же, арт. 18.
[31] Там же, арт. 25, 26, 27.
[32] Там же, арт. 31.
[33] Там же, арт. 30.
[34] Там же, арт. 15.

земли немедленно отбираются и приписываются к тому двору, в котором «тыи земли будуть знайдены» [35].

Определив детально обязанности державцы как правительственного хозяйственного агента и распорядителя господарского имения, устава 1519 г. рядом распоряжений защищает население от эксплуатации наместников. Так, державца не имеет права брать подданных и людей дворов» для своих нужд, «к роботам, або будованью дворов своих отчизных», или посылать их «в жадныи подводы в речах своих, а овшем што ся ткнет какое купли воженья» [36]. Определив в тех же целях размеры судебных пошлин, поступавших в распоряжение державцы с каждого разобранного им дела, устава 1529 г. запрещает брать больше, чем это следует по уставе [37]. Однако собранные судебные пошлины поступают полностью далеко не все в распоряжение державцы, как это было и по инструкции 1514 г. В пользу державцы поступают только «вины» до пятидесяти грошей, а также судебная пошлина-пересуд, тоже с точностью определенная уставой [38]. В интересах защиты населения от произвольных действий державцы, устава 1529 г. определяет и размер штрафов, которые население было обязано уплачивать за прогульные дни или за непослушание державцам [39].

Отдавая все ведение и распоряжение дворовым хозяйством в руки державцы, устава 1529 г. организует над его действиями и распоряжениями крайне тщательный и бдительный контроль. Не говоря уже о том, что все «доходы пеняжныи и пожитки дворов» должны быть доставляемы своевременно в господарский скарб, а именно, ко дню св. Мартина [40], инструкция 1529 г. требует также представления финансового отчета два раза в год, весной и осенью «суполне со всих тых пожитков наших, которыи есьмо к своей руце и пожитку скарбу нашого зоставили». Державцы отчитываются перед «писарьми», специально посылаемыми «к слуханью личбы дворов наших» [41]. Возлагая на державцу ответственность за состояние хозяйства и требуя от него своевременной отчетности, устава 1529 г. поручает ему и сбор с населения разных «податков», за исключением «капщизных пенязей», для сбора которых от господарского скарба посылаются специальные дворяне [42].

Таков характер второго практического хозяйственного наставления, интересующегося по преимуществу точным опреде-

[35] АЗР, т. II, № 159, арт. 36.
[36] Там же, арт. 19.
[37] Там же, арт. 20, 21, 23, 24.
[38] Там же, арт. 20, 21, 22.
[39] Там же, арт. 28.
[40] Там же, арт. 29.
[41] Там же, арт. 32.
[42] Там же, арт. 37.

лением повинностей и податей, падавших на население, и дающего ряд указаний для усиления производительности дворового хозяйства, но совершенно не трогающего исторически сложившегося крестьянского землевладения.

Устава 1529 г., написанная в категорическом тоне, должна была иметь значение обязательного хозяйственного наказа для всех волостей и дворов Виленского и Троцкого поветов. Несомненно, во многих случаях она являлась «новиной», которую правительство было вынуждено всячески поддерживать, если желало действительной, а не мнимой, интенсификации сельского хозяйства. На самом деле оказывалось, что старина далеко не была побеждена; население не желало мириться с нормами уставы и обращалось с челобитиями о сохранении «старины». И правительство иногда не оказывало сопротивления этим пожеланиям и шло им навстречу, что лишало уставу 1529 г. того обязательного значения, которое не допускает никаких изъятий, никаких исключений. Так, когда путные бояре Марковской волости Корейковичи просили о сохранении за ними конной службы «пятма коньми», то господарь, хотя и признал данную просьбу противоречащей уставе, однако разрешил оставаться им при прежней службе и не велел «над тую уставу нашу к иншым службам их принуждати и подачок с них брати» [43].

Устава 1529 г., вторично изданная в 1547 г., является большим шагом вперед в сравнении с уставой 1514 г., но в это время она уже не удовлетворяла правительство. Она недостаточно интенсифицировала хозяйство, не вполне отвечала требованиям рынка и новым хозяйственным отношениям. Эти причины побудили правительство почти накануне аграрной реформы издать новую уставу, так называемый «Наказ старостам и державцам». Впрочем, относительно времени его опубликования в исторической литературе существует разногласие. По этому поводу М. В. Довнар-Запольским и Н. Г. Бережковым были высказаны два разных мнения. Первый находит возможным отнести опубликование «Наказа» к пореформенной эпохе; второй, указывая на его близость к уставе 1529 г. и на полное противоречие его с духом уставы о волоках, считает его уставой, появившейся до реформы [44]. С последним мнением нельзя не согласиться. Соображения Н. Г. Бережкова настолько убедительны, что позволяют присоединиться к его выводу. Правда, в этом случае остается совершенно открытым вопрос, зачем понадобилось Сигизмунду II почти накануне реформы опубликовать новый наказ, находившийся в столь резком противоречии с уставой на

---

[43] М. В. Довнар-Запольский. Очерки по организации западнорусского крестьянства в XVI в. Киев, 1905, прил. № 3.

[44] Н. Г. Бережков. «Устава замков, держав и дворцов» Сигизмунда-Августа, предшествовавшая «волочной уставе» (ЖМНП, 1911, № 5).

волоки. По всей вероятности, правительство предвидело, что задуманная реформа не могла быть сразу осуществлена. Чтобы сказались ее результаты, надо было еще много времени. Самое производство реформы шло довольно медленно. Жизнь же требовала удовлетворения своих нужд и потребностей. Отсюда и явилось у правительства желание по возможности интенсифицировать хозяйство в пределах существовавших экономических отношений и тем самым увеличить доходность скарба. С этой стороны, как бы ни была близка устава 1529 г. к «Наказу старостам и державцам», последний все-таки был полнее и кое в чем существенно отличался от первой. В нем ясно и отчетливо видно намерение литовско-русского правительства приспособить господарское дворовое хозяйство к потребностям внутреннего и внешнего рынков, сделать его предпринимательским.

Ко времени опубликования нового «Наказа старостам и державцам» окончательно выяснилась и укрепилась связь господарского хозяйства с внешним рынком. Это и побудило литовское правительство, не ломая существовавших поземельных отношений, издать новую уставу, чтобы дать державцам ряд более детальных хозяйственных указаний, применение которых позволило бы интенсифицировать дворовое хозяйство. Согласно уставе [45], весь остаток ежегодного урожая, за удовлетворением всех нужд хозяйства, поступает на рынок: отправляется водой или до Кролевца или до Гданска, или продается на внутреннем рынке. Выбор внутреннего или внешнего рынков зависит от усмотрения державцы, смотря по тому, какой из рынков в тот или другой момент являлся более соответствующим интересам господарского хозяйства [46]. Ежегодный урожай исчисляется остатком после выделения: а) костёльной десятины, б) необходимого количества зерна для посева, в) зерна для выдачи людям «в отсоп». Конечно, отдача в отсоп производится только при условии спроса на него. В противном случае с этим зерном разрешалось поступить по усмотрению самого державца. Затем откладывалась месячная «по обычаю» для содержания челяди невольной. Устава признает, что это старый обычай. Оставшееся озимое делится на три части, из которых две поступают в распоряжение господаря, а третья часть — в пользу державцы [47]. Все эти статьи уставы совершенно совпадают с 1—2 статьями уставы 1529 г. впрочем с маленьким прибавлением, отчасти объясняющим причину того, что заставило Сигизмунда-Августа издать новый наказ. Устава указывает, что державцы

---

[45] Текст уставы был переиздан М. В. Довнар-Запольским в его работе по истории западно-русского крестьянства. Новое издание ее было дано в РИБ, т. XXX, которым мы пользуемся.

[46] РИБ, т. XXX, стр. 602.

[47] Там же, стр. 601—602.

брали жито «в немалом количестве», чем, конечно, наносился убыток господарскому хозяйству. Очевидно, урядники мало считались с уставой 1529 г.[48] Что же касается «ярового», то количество, поступающее в распоряжение господаря, состояло из ежегодного урожая, за выделением только церковной десятины и четверти в пользу державцы. Из оставшейся доли выделяется необходимое количество бочек для посева. Остальное подлежит реализации на рынках[49]. На рынок также поступает и запас зерна, оставшийся от обсеменения полей. Раз ежегодный урожай в данное время имел столь большое значение для интересов скарба и раз державцы позволяли себе разного рода злоупотребления, то, естественно, правительство должно было организовать более бдительный и тщательный надзор за деятельностью державцев и за состоянием господарского хозяйства. Необходимость контроля известна уставе 1529 г., но в ней она скорее чувствуется, чем сознается. В новом «Наказе», наоборот, организации контроля отведено много внимания. Надзор достигается тем, что составляется подробный реестр наличности всего господарского имущества и что посланные для проверки писари могут при себе измолотить некоторое количество озимого и ярового зерна для того, чтобы узнать «полноту» зерна. Это было необходимо для разного рода хозяйственных расчетов, так как едва ли было целесообразно для господарского хозяйства вывозить плохой хлеб, может быть, его было выгоднее реализовать на внутреннем рынке[50].

Кроме того, пробный умолот зерна дает возможность проконтролировать самого державцу и не допустить с его стороны злоупотреблений. В интересах быстрой реализации урожая наказ требует, чтобы молотьба производилась своевременно и чтобы невымолоченный хлеб не оставался в копнах[51]. Немало места отводит устава разного рода распоряжениям относительно подданных и их повинностей. Нового здесь, сравнительно с уставой 1529 г., нет ничего, но старое, известное более точно, определено и зафиксировано. Такая фиксация вполне понятна: господарскому хозяйству нужны рабочие руки. Отсюда вытекала необходимость, чтобы последние всегда были налицо; иначе возможность ведения регулярного хозяйства тем самым совершенно исчезает.

Забота о рабочем населении составляет обязанность урядника. Он следит за тем, чтобы «невольной челяди» месячина не выдавалась даром, чтобы для каждого мужчины или женщины она была вполне заслуженной. Поэтому челядь невольная

---

[48] РИБ, т. XXX, стр. 602.
[49] Там же, стр. 603.
[50] Там же.
[51] Там же, стр. 606—607.

должна своевременно выполнять все дворовые работы, для каковой цели урядник обязан иметь необходимое количество рабочего инвентаря, так как рабочий инвентарь волостного населения привлекается только в экстренных случаях. Это — обязанности мужской челяди невольной. Что же касается женской челяди невольной, получающей месячину, то ее натуральные повинности тождественны с повинностями уставы 1529 г. Только прибавлено требование, чтобы она выполняла на господарском дворе разного рода работы по усмотрению урядника [52]. Впрочем, от обязанности доставлять полотно освобождаются девки и дети, приставленные для охраны скота, «aby oni byli tem więcey pilnieysze posēug dwornych» [53]. Такое освобождение уставе 1529 г. неизвестно. По всей вероятности, дворовое скотное хозяйство тогда недостаточно было развито, так как устава 1529 г. пока только настаивала на необходимости иметь скот там, где имеется челядь невольная (§ 31). Наконец, для более тщательного надзора за челядью невольной составляется ежегодно список ее, с обязанностью ежегодно указывать ее прибыль и убыль [54]. Таких указаний нет в уставе 1529 г. Очевидно, вопрос о челяди невольной был больным для хозяйства, раз приходилось вести точный ее учет. Кроме того, благодаря регистрации являлась полная возможность контроля над деятельностью и державцы, отсыпавшего ежегодно определенное количество жита для «месячины» невольной челяди. С большим вниманием наказ относится к тяглому населению и дает державце ряд практических указаний, которыми он должен был руководствоваться. Наказ очень дорожит наличными тяглыми работниками и немало обеспокоен тем, чтобы наличная рабочая сила оставалась постоянной и тем самым давала полную возможность выполнения намеченной хозяйственной политики. В уставе 1529 г. таких указаний нет, да и не могло быть, так как интенсификация сельского хозяйства только начиналась. Новый наказ знает разряд тяглых людей «отчичев» — людей, можно сказать, прикрепленных к господарскому хозяйству. При тогдашнем передвижении населения было крайне необходимо дать державце указания, которыми он мог бы руководиться. Цель всех этих указаний — сохранить при дворе хорошего тяглого работника. Так если человек, способный к работе, уходил, то его надо было искать. Только к выходу обедневших надо относиться равнодушно, ибо разве работник, впавший в бедность, тяглый человек? Но и в данном случае все-таки необходимо прийти к нему на помощь. Если же поддержка оказывалась недействительной, то такого

---

[52] РИБ, т. XXX, стр. 607.
[53] Там же, стр. 607—608.
[54] Там же, стр. 604—605.

«убогого» следовало поселить на другом участке земли в соответствии с его силами, а его земля отдавалась другому лицу. Впоследствии он мог быть посажен где-нибудь на нераспаханной земле, конечно, с предоставлением ему следуемых в этом случае льгот, которые могло бы сделать хозяйство новопосаженного человека более крепким и устойчивым. Если же все заботливые меры державцы кончались ничем и тяглый человек все-таки убегал, не столько по бедности, сколько «из упрямства», чтобы не платить никаких «платов и дани», то державце предоставлялось право распорядиться с его «отчизною» следующим образом: если отчич уйдет, не засеяв своей отчизны или запустошив ее, то она отдается другому содержателю, за которым и остается даже в том случае. если ушедший отчич опять вернется на старое место [55]; вернувшийся в этом случае получает земельный участок уже в ином месте. Необходимость такого распоряжения с оставленными отчизнами наказ объясняет тем, что многие не желают садиться на отчизную землю под угрозой возвращения ее наследственному держателю. Возвращение же земли отчичу — только разорение как для лиц, взявших участки, так и для скарба.

Стремясь к тому, чтобы дворовое хозяйство было обеспечено надлежащим количеством рабочих рук, наказ считает нужным дать ряд советов и указаний, которыми должны были руководиться господарские урядники в голодные годы. Устава 1529 г. такой статьи не знает. Очевидно, разброд населения раньше не имел для хозяйства какого-нибудь особенного значения, просто вследствие слабого развития последнего. Совсем иначе дворовая администрация должна была относиться к бегству населения в данное время, когда хозяйство было более или менее развито, и всякое уменьшение рабочих рук грозило чреватыми последствиями для будущности хозяйства. Имея в виду только последнее, новый наказ рекомендует в голодные годы давать разного рода льготы в отправлении как натуральных, так и денежных повинностей для того, чтобы подданные не расходились. Точно так же должны поступать наместники и державцы и в случае несчастия, постигшего когда-нибудь тяглого человека. Словом, новый наказ всеми средствами рекомендует беречь и охранять тяглого человека — основную рабочую силу двора [56].

Если же в голодные годы тяглые люди все-таки разойдутся и если они оставят засеянные участки земли, то последние, в ожидании возвращения на старое место держателя, не должны

---

[55] РИБ, т. XXX, стр. 604—605.
[56] Там же, стр. 605.

никому быть отданы в течение одного года, и только, по истечении этого срока, могут быть отданы кому-нибудь другому [57].

Заботясь о расширении дворового хозяйства, новая устава столь же категорически, как и устава 1529 г., запрещает старостам и державцам раздавать пустовские земли без согласия господаря земянам, своим слугам и подданным. В этом отношении такое распоряжение вполне совпадает с уставой 1529 г. (§ 36). Если же при производстве ревизии имения выяснится, что отдельные лица владели и пользовались землями без господарского листа или листа отца господаря, то такие земли отбираются и присоединяются к господарским дворам [58]. И это требование было высказано раньше уставой 1529 г. (§ 36).

Заботясь о снабжении дворового хозяйства возможно бо́льшим количеством рабочих рук, новый наказ не рекомендует раздачу пустовских земель на правах аренды. Для интересов хозяйства предпочтительнее раздавать их на условиях службы и платежа обыкновенных поборов, причем администрации предоставляется право дать взявшему участок земли некоторую льготу [59]. В сравнении с уставом 1529 г. настоящая статья находится в полном противоречии. Как раз она рекомендует отдачу дворовых пустовских участков на правах аренды.

Необходимость постоянного контроля над ведением хозяйства возлагает на должностных лиц обязанность составления хозяйственного инвентаря, в котором должно быть отчетливо представлено и материальное положение каждого подданного, и картина общих поступлений в господарский скарб.

В интересах увеличения доходности хозяйства в тех дворах, где для этого существуют подходящие условия, державцы должны позаботиться о разведении скота, предназначенного для потребностей как господарской кухни, так и для продажи. В тех же целях урядники должны ловить и рыбу. Затем наказ старостам и державцам рекомендует развитие горного дела, подобно тому как это делается в других христианских государствах [60]. Наконец, если после удовлетворения дворовых потребностей сеном, остается его излишек, то последний должен быть продан.

Настаивая на развитии всех производительных сил хозяйства, наказ, однако, не разрешает державцам эксплуатацию леса. И это понятно: лесное хозяйство занимало видное место в составе господарских доходов и велось по особо выработанному плану под руководством специально назначенных лиц.

Целесообразная эксплуатация разных доходных статей хозяйства возможна только при условии постоянного контроля

---

[57] РИБ, т. XXX, стр. 605.
[58] Там же, стр. 604.
[59] Там же, стр. 605.
[60] Там же, стр. 606—608, 614.

как над ведением самого хозяйства, так и над состоянием разного рода хозяйственных учреждений. Поэтому державцы должны позаботиться об исправлении ставов, греблей, без которых немыслима эксплуатация ряда доходных статей. Всякого рода исправления и поправки должны производиться наличными тяглыми силами каждого двора, и только в том случае, если наличной рабочей силы будет недостаточно, надо нанять работников на стороне. Но самостоятельное производство таких работ не входит в компетенцию старосты или державцы. Для этого необходимо специальное разрешение господаря[61]. И устава 1529 г. возлагает на державцу те же обязанности, только не предусматривает возможности привлечения к работе большего количества рабочих сравнительно с количеством рабочей силы, находящейся при дворе (§ 18). Для господарского скарба первостепенное значение имел вопрос о повинностях населения, о которых в общих чертах шла речь и в уставе 1529 г. Необходимость пересмотра повинностного вопроса для составителей нового наказа совершенно очевидна. Особенно остро стоит вопрос о платеже осадного. Новый наказ констатирует тяжесть его для населения вследствие того, что писари не обращали внимания на другие стародавние платежи и на всех положили одинаковый «плат», не считаясь с их хозяйственным положением. Благодаря этому население сильно обнищало и разошлось прочь, что, разумеется, причинило немалые убытки господарскому хозяйству. Новый наказ считает нужным войти в положение подданного и требует определения осадного в соответствии с качеством почвы и материальным состоянием подданного — предписание, совершенно незнакомое уставе 1529 г., вообще не знающей платежа осадного деньгами (§ 13). Положив в основу платежа осадного качество почвы того участка, на котором сидит подданный, наказ ушел далеко вперед от принципов уставы 1529 г. и приблизился к волочной уставе. Что касается остальных повинностей, поступавших в скарб, как с осадных, так и тяглых людей, то все они переведены на деньги — большой шаг вперед в сравнении с уставой 1529 г. Только дякольный овес собирается непременно натурой, впредь до особой «науки». Он идет для корма дворовых лошадей[62]. Правильное и своевременное поступление податей, конечно, имело для правительства огромное значение. По мнению составителей «наказа», это может быть достигнуто при соблюдении следующих условий: а) урядники должны начинать сбор всех платежей с подвластного населения осенью и заканчивать его к рождеству. Наказ требует этого из опасения «aby ludzie z ktorej pryszyny ych nie vtracili»[63];

[61] РИБ, т. XXX, 608.
[62] Там же, стр. 610—611.
[63] Там же.

б) подданные могут расплачиваться по своим долговым обязательствам только по уплате всех господарских повинностей. В тех же целях запрещается крестьянам, без согласия уряда, брать деньги взаймы у евреев; а еврей, давший деньги с нарушением данного условия, не имеет права предъявлять расписку ко взысканию своего долгового обязательства. Устава 1529 г. не знает еще развития частного кредита среди волостного населения. Самое его появление и правительственные меры против него — лучший показатель перемен, происшедших в народном хозяйстве страны в первой половине XVI в.: в) деньги должны доставляться в господарский скарб на рождество, ибо «nie biezpieczne iest pieniędze chować na siebie»[64]; г) запрещается волостным людям продавать земли на сторону боярам околичным и своим соседям, чтобы не было никаких трудностей и тяжкостей для господарского хозяйства.

Нежелание уменьшать размеры господарской земли, находившейся в руках крестьянской массы — явление ясно выразившееся к половине XVI в., и его приходится поставить в связь как с попыткой правительства интенсифицировать сельское хозяйство, так и с все более окрепшим взглядом, что собственником земли является государство, а волостные люди — только держатели ее. Если же раньше совершались такого рода сделки, то всякий раз с молчаливого согласия соответствующей администрации[65].

Заботясь о возможно большем усилении производительности дворового хозяйства, наказ считает нужным обеспечить господарский двор необходимым количеством ремесленников. В этих целях старосты и державцы должны были озаботиться обучением крестьянских детей ремеслам. После обучения такие ремесленники должны быть посажены на землю для отбывания повинностей. Наказ рекомендует брать детей для обучения ремеслам у многосемейных крестьян. Кроме того, надо считаться с условиями местности и относительной выгодностью для хозяйства труда ремесленника и тяглого человека. Наказ допускает осады ремесленника на землю на определенном плате[66].

Тяглые крестьяне помимо уплаты дякла и мезлевы должны были работать на господарской пашне и давать для потребностей господарского хозяйства необходимое количество подвод. Наказ не определяет размеры этих повинностей, рекомендуя в

---

[64] РИБ, т. XXX.

[65] Местная администрация держалась в своей судебной деятельности такого же взгляда, и отчуждение тяглых земель считала актом, не имеющим никакой юридической силы. «Акты, издаваемые Виленской Комиссией для разбора древних актов», т. I—XXXVIII, Вильно, 1865—1915; т. XVII, № 832; О сделках на землю, № 222, 333, 443 и др. (В дальнейшем — АВК).

[66] РИБ, т. XXX, стр. 614—615.

данном случае руководиться стариной, очевидно указывая на отношения, создавшиеся в господарском хозяйстве после уставы 1529 г. Количество тяглого населения должно быть непременно согласовано с потребностями хозяйства. Лишние люди, как и в уставе 1529 г., должны быть посажены на плате. Заботясь о целесообразной эксплуатации рабочей силы, наказ настаивает на том, чтобы здесь тяглый элемент зимой непременно был занят какой-нибудь работой, но в то же время работа должна быть пропорциональна силам тяглого человека, чтобы люди не погибали от нее[67].

Определяя барщинные повинности тяглого населения, наказ коснулся и барщинных работ других разрядов сельского населения, как-то: путных людей, осочников, рыболовов, ковалей и т. д. Все эти специальные разряды, помимо отправления своих служб, как и в уставе 1529 г., должны выходить на толоку в течение 12 дней в году. Кроме того, они обязаны по старине косить сено. Все наличные силы господарского двора предназначаются для удовлетворения потребностей господарского хозяйства. Поэтому наказ строжайше запрещает старостам и державцам заставлять население отправлять на себя разного рода повинности и работы. Точно также державца не может брать лишних судебных штрафов, которые довольно детально определяются в наказе[68].

Что же касается обязанностей державцы, то ведение хозяйства, содержание в исправности господарского замка, дворовых строений, ведение отчетности и надзор над деятельностью тяглого населения — все это входит в их состав. Неправильное их исполнение, причиняющее убытки господарскому хозяйству, конечно, влечет за собой разного рода служебные неприятности для державцы[69]. Таковы хозяйственные мероприятия «наказа». Духовная близость к уставе 1529 г. очевидна и ясна, но бросается в глаза и разница — резко выраженное стремление приспособить данное господарское хозяйство к потребностям рынка и, в зависимости от спроса последнего, по возможности правильно и целесообразно эксплуатировать рабочую силу населения.

Подведем итоги. Хозяйственная политика начала XVI в. не имела никакого руководящего плана и отправлялась от истории сложившихся отношений. Устава 1514 г. является первой попыткой придать дворовому хозяйству некоторый характер планомерности. Никаких новых принципов в ней нет. Это закрепление того, что слагалось раньше веками. Устава 1514 г. привива-

---

[67] РИБ, т. XXX, стр. 615.
[68] Там же, стр. 616.
[69] Там же, стр. 618.

лась медленно. Недоразумения между администрацией и населением стали самым обыкновенным явлением. Недоразумения возникали на почве нарушения старины и предъявления к населению со стороны господарских наместников требования об отправлении новых повинностей. Возникшие недоразумения заставили правительство при отдаче в заставу держав более точно определять повинностное положение населения и отношения его к господарскому скарбу. Продолжавшиеся недоразумения побудили правительство опубликовать новую уставу. Последнее обстоятельство выдвигалось также необходимостью ведения более рационального хозяйства. Устава 1529 г. имеет много общего с уставой 1514 г. Она не разрывает со стариной и стремится поставить дворовое хозяйство в более нормальные условия при условии сохранения существующих земельных и повинностных отношений. По уставе 1529 г. дворовое хозяйство ставится в тесную связь с внешним и внутренним рынком и становится, таким образом, отчасти предпринимательским. Устава 1529 г. не прекратила недоразумений между населением и державцами. Кроме того, она обнаружила отсталость хозяйства от требований жизни. Это заставило Сигизмунда II незадолго до введения волочной померы издать «Наказ старостам и державцам». В нем чувствуется старина уставы 1529 г., но в то же время сильнее выдвигается характер предпринимательского хозяйства и более полно отражается постигший страну хозяйственный перелом. Как в уставе 1529 г., так и в новом «Наказе» все ведение хозяйства носит резко выраженный централистический характер. Недостатки и отсталость данного наказа от требований века были очевидны. Это и определило необходимость реформы аграрного строя и изменения повинностных отношений населения к господарскому скарбу.

Дворовое господарское хозяйство сначала велось и в Жмуди по старине, без всякого определенного хозяйственного плана. Сохранение этой старины в неприкосновенности имело огромное значение для местного шляхетского населения, так как старина давала ему некоторые права на пользование господарскими угодьями и лесами. На этой почве, вероятно, происходило немало недоразумений между местной шляхтой и управителями господарских волостей, которые, естественно, стремились стеснить пользование господарскими угодьями со стороны частных лиц, хотя бы и основавших свои права «на звыклой старине». В целях восстановления последней заинтересованным шляхтичам оставалось одно средство — обратиться к господарю с соответствующими ходатайствами. В поданных господарю челобитиях шляхта жаловалась, что тиуны запрещают ей «мети входы» в господарские пущи, пользоваться по старине господарскими реками и озерами. Настойчивые жалобы жмудской шляхты, более

всех задетой такими хозяйственными приемами господарских тиунов, заставляли Сигизмунда I идти на уступки и опубликованием листа на имя жмудского старосты с предложением, чтобы он «в пушчах и озерех и реках входов и пожытков их звечных мети не заборонял», положить предел постоянно возникавшим недоразумениям [70]. Так поступил Сигизмунд I в 1522 г. в ответе жмудской шляхте на ее жалобу. Но шляхта победила только отчасти. У нее было отнято право охоты в тех местах, «где ловливал раньше Витовт» и другие господарские предки. С другой стороны, челобитье жмудской шляхты обнаруживало, что наместники жмудского старосты с женами и детьми разъезжают по всему староству, судят господарских людей без тиунов и берут с них великие вины и штрафы. Кроме того, они требуют с населения много подвод, отчего людям причиняются немалые «тяжкости». Господарское решение выносило порицание подобной деятельности наместников и требовало, чтобы последние так не поступали по отношению к населению, чтобы «людям нашим тяжкости великой не было» [71]. Однако подобная господарская резолюция, видимо, имела мало силы и значения. Недоразумения продолжались. Это указывало на необходимость более точного определения положения населения в его отношениях к господарскому скарбу и разного рода господарским урядникам. Так должны были появиться хозяйственные уставы для жмудских волостей, чтобы избежать «утисненья и обтяжливости подданных наших от старост жомоитских и от тивунов земли Жомойтское» [72]. Эта «обтяжливость» возникла потому, что они мучили население «многими и тяжкими работами и непомерными подачки и въезды своими». Такого рода финансовая эксплуатация была весьма невыгодна для господарского хозяйства, ибо, благодаря «великим кривдам и непомерным тяжкостям», «многии люди», по словам господарской уставы, «з отчизн своих прочь ся разошли и земль пустых много ся остало [73].

Желая их «заховати у лепшом а милосерднейшем способу», центральное правительство решило издать ряд хозяйственных распоряжений в целях уничтожения «обтяжливости» и прекращения дальнейшей эксплуатации подданных. Задача была довольно трудная: слишком она задевала интересы местного привилегированного населения. Приходилось действовать медленно и осторожно. Первой попыткой определить экономическое положение тяглого населения в Жмуди было опубликование «Уставной грамоты державцам и тиунам жмудьских королев-

---

[70] М. К. Любавский. Областное деление и местное управление..., прил. № 35.

[71] Там же.

[72] АЗР, т. II, № 160.

[73] Там же, № 149.

ских волостей» от 30 сентября 1527 г. В уставной грамоте правительство упоминало об отправке на Жмудь маршалка и писаря, державцы Медницкого и Перевалского пана Коптя Васильевича и господарского секретаря, державцы Скирстомоньского пана Станислава Скопа и господарского дворянина Андрея Мацковича для переписки «всих людей наших тамошних, путных и тяглых и куничных». Кроме того, переписывались «пустовские земли» и все «платы и доходы», поступавшие с населения в распоряжение как господарского скарба, так и старост, их наместников и тиунов. Руководствуясь данными, собранными специальными комиссарами, правительство опубликовало свою первую уставную грамоту. По всей вероятности, население находилось в весьма бедственном состоянии, слишком много было «утиску» со стороны наместников и тиунов, раз правительство решило освободить население от давания администрации «всих посадей и подачек». С своей стороны, «для господарьского и посполитого земского пожиточного», оно решило установить ряд платов. В основу обложения была положена «соха» — воловья или конская. Последняя была в два раза меньше первой. С первой поступало в господарский скарб 15 грошей. Если же господарский крестьянин не имеет рабочего инвентаря, то его платежи ограничиваются внесением в казну пяти грошей. Половину сошных платежей уплачивают и куничники, впрочем, с добавлением «куницы» «водле давнаго», как об этом сказано в уставе. Устава считает такие платежи временными. Впоследствии они будут повышены вдвое, но в настоящее время «слышачи подданных наших ...великое убожество и для первых их тяжкостей» правительство признало невозможным более высокое обложение [74].

Запрещая старостам брать те доходы, которые раньше они получали с населения, господарь приказал выбирать их на себя. Точно так же в господарский скарб должны быть отсылаемы и куничные пенязи, для каковой цели посылался дворянин Иван Гринькович. Заботясь об увеличении господарского скарба, устава 1527 г. требует, чтобы корчемные пенязи поступали на господаря, а в целях увеличения доходности скарба осаживались пустые места, производилась разработка леса, устраивались торги. Об этом должны позаботиться местные тиуны [75]. Наконец, оберегая интересы господарского хозяйства, устава запрещает старосте и тиунам жмудским пользоваться господарскими озерами, даже если «перед тым хоживали неводы, перших старост и рыбы в них ловливаны». Устава запрещает также входы в господарские пущи, где идет разработка лесных промыслов. Точно так же «врядники» не имеют права распо-

[74] АЗР, т. II, № 149.
[75] Там же.

ряжаться свободными пустовскими землями. Отныне староста и тиуны могли лишь пользоваться теми доходами, которые будут установлены «з росказанья» господарского [76].

Защищая население от злоупотреблений со стороны урядников и тиунов, устава требует, чтобы они немедленно, по жалобе населения на них и на их слуг, становились на суд перед теми господарскими урядниками, которые будут назначены господарем специально для этой цели. Наконец, для определения наличности господарских земель и количества доходов, устава требует поголовной проверки прав «на земли и на люди, и на торги и корчмы». Такие меры были приняты господарем для защиты интересов населения от кривд старосты, его урядников и тиунов. Устава требует, чтобы впредь должностные лица «под великим караньем» «никоторых новин, а ни тяжкостей подданным нашим ни в чом не делали», и в отправлении своих обязанностей руководились только требованием уставы и указанием писаря пана Ивана Горностая, «ижъбы люди наши з земель своих не расходилися, а пустовщины бы осядали» [77].

Рассмотренная устава — это не окончательный хозяйственный наказ. Это временное хозяйственное мероприятие, вызванное чрезвычайными обстоятельствами — злоупотреблениями со стороны провинциальной администрации. Все эти распоряжения, конечно, будут изменены, повинности будут повышены, лишь только население поправится от прежних «тяжкостей». Но в той же уставе красной нитью проходит одна существенная мысль — стремление увеличить доходность волостей. Во имя этой ближайшей цели не только кладется предел злоупотреблениям администрации, ибо их доходы переводятся на деньги и определяются писарем, но рекомендуется также эксплуатировать господарские пущи, устраивать местные торги, заселять пустоши. Во имя увеличения доходности хозяйства правительство решилось посягнуть на старину, запретив «входы в пущи господарския» не только, где были ловы, но где и «буды могут быть розданы» для эксплуатации, и, кроме того, положило конец посторонней эксплуатации рыбных ловлей и озер. Проверка прав на землю, корчмы, торги, конечно, вытекала из всех этих мер, которые должны были поднять доходность господарского хозяйства.

Устава 1527 г. не могла долго действовать. Необходимость ее изменения была ясна. Много было в ней недоговоренного и неясного. Да к тому же «утисненья и обтяжливости» подданных не прекращались. Это и побудило правительство подготовить вторую уставу, более детально разработанную. Это было вы-

---

[76] АЗР, т. II, № 149

[77] Там же.

полнено в январе 1529 г. опубликованием новой уставы, которая, определив «повинности и платежи», поступавшие в господарский скарб и в пользу управителей королевских имений, и оградив население от эксплуатации местной администрации, в то же время должна была содействовать улучшению господарского хозяйства «к нашему доброму и пожиточному земскому», а также служить «полегченьем людей наших». Устава 1529 г. носит такой же принудительный характер, как и изданная двумя годами раньше. Державцы и тиуны должны были поступать «водле воли нашое и тое уставы». Следовательно, словесные указания и распоряжения, данные в 1527 г., не имели теперь никакой силы и значения [78]. Между новой и старой уставами найдется много общего. Она является только дальнейшим развитием положений, высказанных в уставе 1527 г., и имевших временный характер. Составитель уставы 1529 г. предполагал, что платежи и повинности временного характера, установленные уставой 1527 г., теперь уже могут быть отменены, так как население успело оправиться от «тяжкостей» в течение последних двух лет. Этим и объясняется повышение чинша с воловьей сохи до 30 и конской — до 15 грошей, о чем говорилось в качестве предположительной меры в уставе 1527 г. Точно так же составитель уставы имел возможность определить размеры куничной подати в 16 грошей, тогда как более ранняя устава ограничивалась ссылкой на старину. Впрочем, составитель уставы счел возможным для населения господарских дворов понизить куничный податок до 12 грошей, тогда как старостинские господарские подданные уплачивали в скарб куницу в том же размере [79]. Повышались также платежи вдвое (до 10 грошей) и с населения, не имевшего своего собственного рабочего инвентаря, «до лепшаго вспоможенья». Если же последнее улучшится в такой мере, что оно будет располагать необходимым рабочим инвентарем, то повинности его определятся по вышеприведенному расчету [80]. Кроме того, население должно было вносить в господарский скарб по 8 грошей «за бочку овса и воз сена». Это повинности стародавнего происхождения, переведенные уставой на деньги [81].

Затем из общего числа старых повинностей были оставлены: уборка сена в тех тиунствах, где раньше на господаря «сено кошивали» [82], дякла, «которые люди здвана давали на нас, до дворов наших» [83], «меды пресные со всих волостей, где были

---

[78] АЗР, т. II, № 160.
[79] Там же, арт. 2.
[80] Там же, арт. 4.
[81] Там же, арт. 5.
[82] Там же, арт. 7.
[83] Там же, арт. 8.

здавна даваны» и «пенязи неводничие» с каждого человека по 2 гроша, если они ловили рыбу в королевских озерах [84]. Оставались также неотмененными «пенязи льняныи и хмелевыи», капщизна, померное и разного рода внутренние таможенные пошлины [85]. Все эти налоги и поступления можно назвать постоянными. Но, кроме них, населению приходилось нести и экстраординарную повинность, так называемую «стацию». Устава отказывается от постоянного ее сбора и требует ее только в случае приезда господаря «до котораго двора, або до земли Жомойтское» при условии, если господарь приедет своею собственной «персуною» [86]. Выяснив точно финансовые отношения населения к господарскому скарбу, устава не менее детально определяет повинностные отношения населения к дворовой и волостной администрации. Прежде всего, в полном согласии с уставой 1527 г., новая устава освобождает подданных от всех работ, которые раньше они выполняли «во дворех и пашнях» волостной администрации [87]. Кроме того, отменяются всякого рода подачки, которые, правда, брались с давнего времени, но незаконно, «без нашое уставы» [88]. В целях ограждения населения от разного рода злоупотреблений со стороны администрации, устава запрещает ей ездить «за поборами, по людем з дому в дом» и требует, чтобы она находилась в одном каком-нибудь, строго определенном месте, куда следуемый плат «з волости» был бы принесен [89]. Затем устава точно определяет нормы судебных пошлин и объявляет их государственным сбором, на который местная администрация не может иметь никакого притязания. Впрочем, она получает 10 грошей с каждого рубля. В тех же целях ограждения от злоупотреблений, устава определяет размеры «децкованья», поступаемого в распоряжение «децкого» [90].

Отстаивая интересы населения от злоупотреблений со стороны администрации, устава самым точным образом определяет повинности населения по отношению к державцам и тиунам. Денежные и натуральные поступления, впрочем, могущие быть замененными деньгами, слагаются из следующих частей: 5 грошей с каждой службы и бохона хлеба. Кроме того, с каждых двух служб поступает в распоряжение всякого державцы и тиуна одна бочка овса, один воз сена, две курицы и с каждых четырех служб одна бочка пива. Населению предоставляется право на выбор платить за это деньгами или вносить натурой, как

---

[84] АЗР, т. II, арт. 3.
[85] Там же, арт. 3.
[86] Там же, арт. 6.
[87] Там же, арт. 1.
[88] Там же.
[89] Там же, арт. 5.
[90] Там же, арт. 9, 10.

«им в том лепей видети будет» [91] Определяя точно размеры повинностей на державцу и тиунов, устава запрещает им частые разъезды по волости. Такие поездки могут быть совершаемы только два раза в году, но и тогда они имеют право «ездити не в мнозе, але в малом почте слуг своих», так как разъезды не могут не отражаться тяжело на положении населения. Во время этих объездов они должны выполнить все то, что им полагается «справовать» согласно уставе. Конечно, во время въездов в волости население обязано давать тиунскую стацию, но чтобы от таких разъездов не было особенно много «тяжкостей» населению, устава ограничивает пребывание и разъезды их по волости только шестью неделями [92].

Изложенная хозяйственная устава распространяет свое действие на всю Жмудь, за исключением только четырех дворов: Вилькеи, Велены, Скерстомоня и Ясвоин. Хозяйство в этих дворах ведется по уставе 1529 г., данной державцам Виленского и Троцкого поветов. Основываясь на последней и на данных Жмудской уставы, можно прийти к заключению, что в большей части Жмуди собственное дворовое хозяйство было развито мало. Рабочие силы волости не эксплуатировались правительством.

Составителям уставы 1529 г. казалось, что она все предусмотрела. На деле оказалось далеко не так. Территория Жмуди была покрыта лесами. Последние эксплуатировались, а затем продукты лесного хозяйства продавались на заграничном рынке. Необходимо было принять более реальные меры для защиты лесов, чем категорическое запрещение въездов в те пущи, где производится их разработка. Этому должен был удовлетворять господарский лист, опубликованный 20 июня 1530 г. Этим листом на Жмудь назначался писарь Андрей Мацкович, на обязанности которого лежал сбор всех податков, поступавших на господаря с населения, и, кроме того, высший надзор за господарскими пущами, «абы сам никто, без воли нашое господарское, не смел буд и всяких работ деревянных и попельных робити» [93]. Если же господарем было дано кому-нибудь разрешение, то надзор также лежал на писаре, «абы нам в мыте и ни в чом шкоды не было». В обязанности писаря входили заботы о прекращении незаконно и своевольно начатой разработки леса. С его приездом державцы и тиуны лишались надзора за состоянием пущ и не имели права иметь там своих лесничих. Охрана же пущи производилась с помощью осочников, назначенных писарем, необходимое количество которых непременно устанав-

---

[91] АЗР, т. II, арт. 11.
[92] Там же, № 160, арт. 12.
[93] Там же, № 149.

ливалось им же. Не довольствуясь правилами уставы, господарь поручил писарю Андрею Мацковичу верховный контроль над состоянием господарского хозяйства и сделал его блюстителем интересов господарского скарба и волостного населения. Для этой цели писарь может дважды в году разъезжать по волости, «смотрячи тых пожитков наших, и доведываючися о винах и всяких тяжкостей подданным нашим тамошним», которые им могут причинять державцы и их урядники. Во время своих разъездов он и его слуги получают от населения все необходимое для пропитания. Тогда же державцы и тиуны должны отдавать писарю следуемые с них недоимки «от сох и за иныи пожитки» [94].

Таким образом, в обоих документах начерчена полная программа хозяйственной деятельности господарских агентов. Красной нитью через нее проходит недоверие к державцам и тиунам. Этим и объясняется образование органа высшего надзора за деятельностью дворовой администрации. Не содержа никаких новых хозяйственных принципов, уставы 1529 и 1530 гг., однако, приняли все меры к тому, чтобы дворовое хозяйство, при наличных условиях, получило бы наибольшую доходность, а население испытывало бы возможно меньше разного рода злоупотреблений. Фиксация податей и повинностей, что было особенностью большей части Жмуди, являлась в этом отношении приемом, наиболее удовлетворявшим задачам и целям, поставленным правительством. Устава 1529 г. несомненно была «тяжкостью» для населения. Если по признанию самого правительства, предыдущая хозяйственная политика державцев и тиунов причинила населению немало «тяжкостей», то могло ли население так быстро оправиться и окрепнуть, чтобы быть в состоянии исправно выплачивать падавшие на него податки. С этой стороны устава 1529 г. была для населения новой «тяжкостью». Она казалась населению «новиной», которой волостные люди не желали подчиниться. На почве этого происходили между волостью и провинциальной администрацией недоразумения, которые приходилось разрешать «господарю с панами-радой». Так Ойракгольская волость жаловалась господарю на своего тиуна пана Юрия Володкевича потому, что он стал вводить новины. Последние вполне соответствовали нормам, принятым в уставе 1529 г., и поэтому господарский вырок признал «пана Юрья праваго», так как он брал, по категорическому заявлению господарского вырока, «водле уставы и листу нашого» [95]. Правительство в этом отношении оказалось твердым и настойчиво осуществляло новую расценку, принятую в уставе 1529 г.

---

[94] АЗР, т. II, № 149.
[95] АЛРГ, вып. 1, № 195.

«им в том лепей видети будет»[91] Определяя точно размеры повинностей на державцу и тиунов, устава запрещает им частые разъезды по волости. Такие поездки могут быть совершаемы только два раза в году, но и тогда они имеют право «ездити не в мнозе, але в малом почте слуг своих», так как разъезды не могут не отражаться тяжело на положении населения. Во время этих объездов они должны выполнить все то, что им полагается «справовать» согласно уставе. Конечно, во время въездов в волости население обязано давать тиунскую стацию, но чтобы от таких разъездов не было особенно много «тяжкостей» населению, устава ограничивает пребывание и разъезды их по волости только шестью неделями[92].

Изложенная хозяйственная устава распространяет свое действие на всю Жмудь, за исключением только четырех дворов: Вилькеи, Велены, Скерстомоня и Ясвоин. Хозяйство в этих дворах ведется по уставе 1529 г., данной державцам Виленского и Троцкого поветов. Основываясь на последней и на данных Жмудской уставы, можно прийти к заключению, что в большей части Жмуди собственное дворовое хозяйство было развито мало. Рабочие силы волости не эксплуатировались правительством.

Составителям уставы 1529 г. казалось, что она все предусмотрела. На деле оказалось далеко не так. Территория Жмуди была покрыта лесами. Последние эксплуатировались, а затем продукты лесного хозяйства продавались на заграничном рынке. Необходимо было принять более реальные меры для защиты лесов, чем категорическое запрещение въездов в те пущи, где производится их разработка. Этому должен был удовлетворять господарский лист, опубликованный 20 июня 1530 г. Этим листом на Жмудь назначался писарь Андрей Мацкович, на обязанности которого лежал сбор всех податков, поступавших на господаря с населения, и, кроме того, высший надзор за господарскими пущами, «абы сам никто, без воли нашое господарское, не смел буд и всяких работ деревянных и попельных робити»[93]. Если же господарем было дано кому-нибудь разрешение, то надзор также лежал на писаре, «абы нам в мыте и ни в чом шкоды не было». В обязанности писаря входили заботы о прекращении незаконно и своевольно начатой разработки леса. С его приездом державцы и тиуны лишались надзора за состоянием пущ и не имели права иметь там своих лесничих. Охрана же пущи производилась с помощью осочников, назначенных писарем, необходимое количество которых непременно устанав-

---

[91] АЗР, т. II, арт. 11.
[92] Там же, № 160, арт. 12.
[93] Там же, № 149.

и наместничьих злоупотреблениях, ибо господарь таких тивунов «не будет терпети» [97].

Таким образом, несмотря на волнения, правительство не обнаруживало желания отступать от начал уставы 1529 г., сохранившей свое действие вплоть до введения в Жмуди волочной померы и, несомненно, подготовившей ее введение и осуществление тем, что платежи, падавшие на землю, собирались с более или менее определенной единицы обложения.

Подведем итоги. Дворовое хозяйство велось сначала по старине, без всякого плана, хотя с начала XVI в. уже была заметна тенденция сократить шляхетское право «входов» в господарские пущи. Это намерение вызвало со стороны шляхты вполне законное недовольство, и господарю под напором задетой материально шляхты пришлось идти на уступки и удовлетворять ее требования. На почве неопределенности отношений населения к господарскому скарбу и волостной администрации между последней и волостным населением возникали неоднократно разного рода недоразумения. К тому же такая неопределенность отношений была очень убыточна для господарского хозяйства, ибо она разоряла население. Необходимость фиксации повинностей побудила правительство приступить к изданию уставы, которая раз навсегда определила бы повинностные отношения населения к самому скарбу и волостной администрации. Устава 1527 г. носит предварительный характер. Она считается с «тяжкостью» населения и назначает платежи временно, имея в виду поднятие их в ближайшем будущем. Точно так же устава 1527 г. не выясняет детально и взаимоотношений населения и волостной администрации. Непрекращавшиеся недоразумения побудили правительство Сигизмунда I к изданию новой, более подробной, уставы, и притом постоянного характера. Этому должны были удовлетворять уставы 1529 и 1530 гг. Население встретило новую уставу как «новину» и жалобами на державцев и тиунов стремилось отстоять старые повинностные отношения. Но это не удавалось. Правительство стояло на стороне «врядников», вводивших уставу 1529 г. Несмотря на уставу, недоразумения между населением и тиунами не прекращались и иногда принимали характер настоящих бунтов. Устава 1529 г. и ее система фиксации повинностей подготовила население к аграрной реформе.

2

Хозяйственная политика литовско-русского правительства в дореформенную эпоху в восточных областях не отличалась устойчивостью и строгой определенностью. Подати и разного

---

[97] М. В. Довнар-Запольский. Очерки по организации западнорусского крестьянства..., прил. № 51.

рода повинности население отбывало «по старине». Но понятие «старина» — термин довольно неопределенный, в особенности, если нельзя было доказать старину какими-нибудь письменными документами. На почве понимания старины стали возникать разного рода недоразумения между населением и местной провинциальной администрацией. Это было вполне возможно со стороны последней, так как она не получала никаких инструкций от центрального правительства и, следовательно, в своих хозяйственных и распорядительных планах имела полную свободу. Господарские агенты, управлявшие волостями, получали по старине соответствующее «кормление». Разумеется, не все довольствовались последним и стремились увеличением размеров «кормления» улучшить свое материальное положение. Конечно, это вызывало протест со стороны населения, спешившего подать жалобу. Господарский ответ на нее имел огромное принципиальное значение. Если в своем челобитьи волостные люди оказались правыми и господарский вырок закреплял за ними ту старину, на которую они ссылались, то это было уже не бытовое, а юридическое основание отстаивать свои права и бороться с эксплуатацией наместников.

Недоразумения между наместниками и населением начались очень рано. Уже в 1490 г. витебские волостные люди — мещане и тяглые люди, пока составлявшие одну податную единицу жаловались великому князю Александру на витебского наместника князя Михаила Ивановича Жеславского, на злоупотребление последним подводной повинностью населения. По словам жалобщиков, наместник не только требует подводы до самой Вильны для себя и своих слуг, но даже во время пребывания в Вильне не отпускает домой, нанося тем самым немалые убытки населению, тогда как раньше все наместники получали подводы только до Борисова, да и распределение подвод производилось сообща всей «волостью Борисовской». Между тем, наместник «не хотел ся с ними там слати». Кроме того, население указывало господарю на другие злоупотребления со стороны наместника: он отнимал у них купленный мед, хлеб и рыбу, привезенные в Витебск, и при этом ничего не платил. Не желавшим уступить добровольно часть товара запрещалось продавать его на рынке. Затем наместник обложил струги десятью грошами и заставлял население на своих стругах привозить соль, купленную им в Риге. Неподчинявшиеся облагались штрафом в 10 руб. Население указывало еще на злоупотребления с мостовой и сторожевой повинностью. Признавая такие требования незаконными, господарский лист приказывал наместнику, «штобы еси им через то болш кривд не чинил, и новин не уводил, и делал бы еси по старому, как будет первей того бывало... ажъбы и ныне было потомуж». Ибо в господарском листе говорится: «мы но-

вин не уводим, а старин не рухаем». Требуя от наместника руководиться впредь «стариной» при предъявлении к населению предложения об отправлении им подводной и других повинностей, господарский лист дает витебскому наместнику совет, чтобы он на будущее время «инак бы еси того не чинил, абы нам большей того от них жалоба о то на тебе вжо не приходила» [98]. Процесс был выигран. Население восстановило попранную старину. Правительство не могло допустить эксплуатации населения со стороны наместников, так как от нее прежде всего страдали интересы самого же господарского скарба. Однако не всегда тяглые люди выигрывали дело. Правительство иногда становилось на сторону наместника, нарушившего старину. Это делалось в том случае, когда нововведение под видом сохранения старины было в интересах фиска. Тогда оказывалось, что новое требование повинностей есть только восстановление старины. В 1497 г. витебский наместник господарский маршалок пан Станислав Глебович подал господарю жалобу на волость «Озерищскую и Усвятскую», «што де оны не хотять волочити озер Вымно, а здавна дей за первых наместников витебских тое озеро они волочивали».

Поданная наместником жалоба разбиралась в Витебске. Присутствовавшие на суде волостные старцы признали, что они «волочивали озеро», но, по их мнению, требования первых наместников были новиной, а между тем они «звеку есмо того озера не волочывали». Представлены были документы. Из них выяснилось, что со времен Витовта и Сигизмунда они должны были волочить озеро, но наместники не имели права брать с них неводничего. Поставленные в затруднение показаниями документов и свидетельскими данными витебских князей и бояр, старцы согласились с тем, что они и раньше волочивали озеро. Господарь признал требование наместника справедливым и «стариной». Точно так же проиграла свое дело и волость Озерищская, пытавшаяся отстоять свое право — не косить луга на р. Лужесне и не забивать езов под Сваридовичами и Лихачевым. Показания витебских князей и бояр оказались убийственными для волости. Нарушителем старины оказывался не наместник, а волость. Ей, в конце концов, и пришлось признать, «штож издавна луки на реце на Лужесне кошивали и езы под Сваридовичы и под Лихачовым забивывали, и езовничыи державец витебских на езу леживали в нас». Удовлетворяя жалобу наместника и допуская возможность в будущем нарушения старины со стороны волостных людей, господарь пригрозил им денежным штрафом ежегодно по 60 руб. грошей: на господаря вины 50 руб. и 10 руб. наместнику. Вот чем могло окончиться

---

[98] АЗР, т. I, № 127.

нарушение старины волостью. Нарушители старины — волость и наместник, однако, находились далеко не в одинаковом положении [99].

Усвятская и Озерищская волости находились в ведомстве наместника до 1526 г. В этом году их получил в держание князь Семен Ямонтович Подберезский. Несмотря на то, что он обязывался всякие повинности собирать «как перед тым бывало» и отдавать их королю, все-таки стали возникать недоразумения. Ввиду нарушения старины держание было отобрано и отдано во владение королевы Боны [100], которая изданием уставы от 5 сентября 1535 г. решила раз навсегда прекратить недоразумения между ее наместниками и волостями посредством точного определения их юридического положения и финансовых отношений к администрации и скарбу. Устава закрепляла в некотором отношении старину. Она сохраняла за волостью самоуправление и освобождала обе волости «от присуда и послушеньства замку Витебского». Все отношения волостей к витебской администрации определяются только тем, что оболецкий державца собирает с населения «дань грошовую и вси доходы» и отдает их в скарб. Но правом въезда оболецкие наместники не пользовались, за исключением только того случая, когда они ехали в волость «нашу дань выбирати». Наконец, население волостей освобождается от обязанности «тегнути озеро Выймены», из-за которого уже раз поднималось дело и которое волостью было проиграно. Теперь население, находясь под защитой королевы Боны, было от нее освобождено. Находясь во владении Боны, Усвяты и Озерище, однако, должны были сообща с Витебской волостью «подлуг стародавного обычая и повинности своее вси тые роботы в замку Витебском кождого году робити потому, як перед тым робливали: по чотыри недели у год, две недели в лесе, а две недели в замку», в присутствии и под надзором оболецкого вижа, которому, по окончании работ, следовало уплатить 12 грошей [101].

Между тем, несмотря на уставу 1535 г., оболецкий и усвятский державца продолжал нарушать сложившиеся обычаи и налагал новые платежи на сельское население, которому оставалось только жаловаться королеве Боне, ибо у него не было другого средства восстановить нарушенное право. Видимо, королева Бона отнеслась внимательно к просьбам волостного населения и 2 июня 1544 г. подписала лист на имя тамошнего державцы Кирдея Гричиновича. Из листа королевы Боны

---

[99] АЛРГ, вып. 1, № 48.

[100] М. К. Любавский. Областное деление и местное управление..., стр. 250.

[101] М. В. Довнар-Запольский. Очерки по организации западнорусского крестьянства..., прил. № 13.

узнаем и сущность тех нововведений, на которые жаловалось население: он поселил в волости своего слугу, а между тем «того обычая в них николи небывало, иж бы который державца мел там в той волости усвятской слуги свои уставничне мети. Нижли дей тот в них ест обычай стародавный, што они сами старца межи собою выбирають». Поэтому население и протестовало против нарушения такого «стародавняго обычая» и просило «абыхмо их при стародавных обычаях их тамошних заховали». Королева Бона в ответ на челобитье предписала державце и разрешила населению иметь выбранного старца «водлуг давного звыклого их обычая», а наместнику дала распоряжение немедленно убрать своего слугу из волости. Такое решение, однако, королева Бона считала временным «аж до того часу, пoки мы лепей ся о том доведем и порадим и до тебе отпишем»[102]. Итак, население вышло победителем из этой борьбы. Самоуправление волости и ее стародавние подадки и повинности оставались нетронутыми. Но, видимо, сама Бона тяготилась таким положением дел и считала необходимым изменение положения волостей, как несоответствовавшего интересам скарба. Только этим и можно объяснить, почему восстановление волостного самоуправления рассматривалось как акт временного характера.

Хозяйственное положение Поднепровских и Подвинских волостей определилось господарским распоряжением от 3 июня 1500 г. Указ, данный на имя наместников, старцев и «всим мужом Поднепрских», признает за населением самоуправление, выражавшееся в самостоятельном сборе поступавших в господарский скарб податей. Но так как поступления, натуральные и денежные, направлялись в скарб неисправно, то для собирания с населения недоимок господарем в эти волости был послан господарский писарь, наместник Перелайский, Богуш Боговитинович. Ему население и должно было отдавать следуемые недоимки. Сообщая об этом наместникам и населению волостей, господарь одновременно напомнил им о тех платах, которые до сих пор «подлуг давнаго обычая» поступали в господарский скарб. Эти сборы состояли: из дани грошовой, бобров, куницы и пресного меда. При этом натуральные подати могли быть заменяемы денежными. Так, за бобра черного можно было уплатить копу грошей, за карего бобра — 40 грошей, за куницу — 6 грошей, за «встав меду» — 4 руб. грошей, считая в рубле 2 копы грошей, а за колоду меда — 2 копы грошей[103]. Таковы были те налоги, которые падали на волости. Несмотря на то, что устава великого князя Александра признавала за

---

[102] М. В. Довнар-Запольский. Очерки по организации западнорусского крестьянства..., прил. № 23.

[103] М. К. Любавский. Областное деление и местное управление..., прил. № 12.

волостями самоуправление и точно определяла податки и повинности населения, в дореформенную эпоху происходили вечные недоразумения между волостями и их наместниками. Последние вводили разного рода «новины» и причиняли «кривды», посягая на самоуправление населения введением в волость своего наместника. Это было несомненным ударом волостному самоуправлению. С другой стороны, это вызвало непредусмотренные расходы, весьма нежелательные для населения. Понятно, что последнее всеми средствами отстаивало свою старину и для ее подтверждения обращалось к господарю с жалобами на наместника. Эти жалобы довольно однообразны. Видимо, политика всех наместников была одинакова. Правительство почти всегда стояло на стороне населения, если замечало в политике наместников преследование своекорыстных интересов, очень тяжело отражавшихся на платежных силах населения. Кроме того, такая политика должна была ослабить его податную исправность.

Население и старцы Бчицкой волости подали в 1509 г. челобитие Сигизмунду I на наместников мозырских и обвиняли их в том, что они в волости «наместника своего держать», которого они должны поднимать «стацеи и иными речьми», вследствие чего им «кривда и тяжкость великая ся деетъ». До этого времени все финансовые отношения к наместникам заключались только лишь в давании им «полюдья» — в размере «носатки меда» и «лисицы» с каждого дыма. Господарь удовлетворил жалобу волостей и закрепил грамотой их старинные отношения к наместникам [104]. Такие же недоразумения происходили и в других волостях. Мещане и волость Мозырская в 1510 г. обвиняли своего наместника пана Андрея Немирича в разного рода новшествах и кривдах. Во-первых, он стал произвольно брать себе «на страву» еженедельно по 6 коп грошей и, кроме того, стал облагать население разного рода натуральными повинностями. Так, по словам жалобщиков, наместник велел «сено на себе косити, и дрова возити, и сторожу от татар стеречы, и послы нашти и гонцы стацею поднимати, и подводы под них давати». Затем он требовал от них еженедельно по 18 сторожей и приказал брати с них «децкование» «по полукопе грошей». Помимо этого, тянул с населения деньги и его наместник — еженедельно по 12 грошей. От них не отставали воротный, медосытцы и кухари, довольствовавшиеся доходом по четыре гроша в неделю. Возникало большое дело по обвинению администрации в злоупотреблениях, сильно задевавших интересы господарского скарба. Призванный к допросу пан Андрей признал все обвинения правильными, но только дал им несколько иное объяснение.

[104] М. К. Любавский. Областное деление и местное управление..., прил. № 17.

По его словам, он никаких «кривд» не делал. Само население уговорилось с ним относительно уплаты еженедельно «по шести коп грошей на страву». Что касается остальных пошлин, то, по утверждению наместника, они все стародавнего происхождения, ибо и первые наместники также с них «бирывали», и население служило и давало те же «службы и дачки». Однако правительство нашло старину тяжелой и, чтобы в будущем не было никаких «тяжкостей», решил определить, «чым мають его и иных наместников наших мозырских поднимати». Хозяйственная устава представляется в следующем виде. Повинности волости по отношению к мозырскому наместнику заключаются в платеже ежегодной дани «з места и з волости и с каждого дыму по полукопе грошей, а по полбочце жита». Правда, эти повинности не малые, но зато наместник был обязан содержать своих слуг на свой счет, поднимать послов и гонцов стацею, давать им необходимые подводы и держать против татар собственную стражу. Далее устава определяла судебные пошлины, шедшие наместнику: «а который бы чоловек остал которому человеку винен, справа полкопы грошей, с права и он вины маеть дати толкож. А естли будет платити десять грошей, и он вины маеть дати десять грошей». Точно так же, «естли бы хто платил кому вышшей того, або менши, тот маеть вины толкож дати, а децкованя мають слуги его брати на милю по грошу». Затем устава охраняет неприкосновенность имущества волостного населения от проезжавших послов и гонцов. Его охрана лежит всецело на наместнике. Если какой-нибудь посол или гонец возьмет у мещанина или господарского данника коня, то наместник, по жалобе потерпевшего, должен немедленно отправить своего слугу и возвратить коня потерпевшему. Если же это не удастся сделать, и конь пропадет, то потерпевшему наместник обязан уплатить стоимость коня — «насадное». Вот сущность новой уставы. Кроме этих повинностей, население не должно давать никаких «дачок». Само собой разумеется, что все «кривды» наместников были отменены. Остается только обязанность «сторожи», но только «по чотыри» в год. По отбытии ее, сторожа не обязаны давать какие-нибудь деньги наместнику. Устава сохраняет волостное самоуправление и внутреннюю раскладку податей между членами волости. Последняя является ответственной за исправное отбывание податей, падавших на бедных людей. Если оказалось бы, что кто-нибудь, будучи не в силах заплатить наместнику следуемой ему «с дыма дани», для этого продал своего сына в рабство или покинул место своего жительства, а волость не пришла бы к нему на помощь, то на нее налагался штраф, так как это являлось нарушением соглашения, согласно которому сумма, падавшая на несостоятельных членов волости, должна была раскидываться на «богатших мужей», «абы для

того тот чоловек дитяти своего в неволю не дал, або сам з местца не сшол» [105].

Разного рода недоразумения на почве отбывания повинностей происходили во всех волостях Поднепровских и Подвинских. Об этом определенно заявляла льготная грамота, данная русским волостям в октябре 1511 г. [106]. Население волостей жаловалось, с одной стороны, на постои войск, которые грабили его, а с другой стороны, на злоупотребления писарей, которые посылались туда правительством для сбора всяких «недополнков». По словам челобитчиков, «слуги их от году до году не выезжаючи на тых волостех мешкають, корчмы сытят для своего пожитку». Помимо этого, господарские волости были обязаны выдавать им еженедельную страву грошами и стацией и, кроме того, нескольких сторожей. Злоупотребления слуг шли дальше. Они, по отзывам населения, судят не по закону «и вины великии на них беруть». Сами же писари при въезде в волость затягивают судебные сессии и требуют «непомерные взъезды и стацеи» [107].

Такая политика господарских агентов, по откровенному признанию составителя грамоты, была очень убыточна для господарского скарба, так как «с того великаго драпежства и грабежу многие данники наши с тых волостей наших разошлися». Так как количество плательщиков даней значительно уменьшилось, то оставшиеся «не только сполна дани нашое, але и половицы, от колька лет вжо, в каждый год не могуть заплатити». Благодаря такому положению населения правительство было вынуждено очень внимательно отнестись к просьбам волости, «абыхмо их при старине зоставили».

Старина заключалась в сохранении самостоятельности волости при раскладке и сборе следуемых даней и отправке их в господарский скарб. Вся поступавшая дань должна была собираться в три срока. Челобитчики, по словам господаря, просили посылать сборщиков за данью только в том случае, если они положенную дань «до скарбу и до ключа нашого не отнесли». Господарский ответ полностью удовлетворял просьбы населения: за сбором «недополнков» могут въезжать только слуги подскарбия. В этом случае последние получают «децкованье и доход канцелярский». Кроме того, население было обязано уплатить особый штраф. Наконец, для закрепления за волостью полной административной самостоятельности господарский лист предоставляет самому населению сбор писарского и тиунских доходов, а все корчмы, которые наместники и их тиуны в

---

[105] АЛРГ, вып. 1, № 126.

[106] Русскими волостями называлась территория, расположенная восточнее Минска *(Прим. ред.)*.

[107] АЗР, т. II, № 75.

волостях «на себе сычивали», отписываются на господаря. Последний обязуется только в том случае их держать, если от их эксплуатации не будет никакой «шкоды» данникам [108].

Таким образом, старина оказалась закрепленной «господарским листом». Население, казалось, было забронировано от наместничьих «кривд» и от въезда писарей и их слуг за сбором дани. На деле эта устава мало помогла населению. Недоразумения между ним и наместниками не прекратились. Провинциальная администрация сплошь и рядом нарушала закрепленную «старину», а жалобы населения направлялись к господарю. Администрация постоянно предъявляла населению требования об уплате новых налогов. Так, пан Мацко Кунцевич, тиун троцкий, жаловался на Кричевскую волость, отказавшуюся платить ему ежегодно 10 руб. «дубасных» пенязей и 2 руб. его слуге. Тиун ссылался на «старину», а население указывало на «господарский лист», освобождавший их от платежа денег вследствие нашествия неприятеля и разорения их края. При разборе дела у воеводы и господаря, ими не был представлен оправдательный лист. Впрочем, они обязывались представить его к назначенному господарем сроку. Исход процесса неизвестен. Может быть, в данном случае тиун был прав, и ссылка на господарский лист была только удачным ходом с целью выиграть дело, не предъявив никакого документа, а только сославшись на него [109]. Такие же требования предъявляла администрация и в других местах. По словам челобитчиков Бобруйской волости, подскарбий виленского воеводы Ивахно незаконно взял с них «пятьдесять рублей и сорок коп грошей, а к тому иные многии пенязи». Однако выяснилось, что жалоба населения была направлена не по адресу. Челобитчики внесли поправку и обвинили в присвоении незаконно денег слугу маршалка пана воеводы виленского — Романа Селицкого, в бытность его наместником воеводы в Бобруйске. На этот раз челобитчики проиграли дело. Ответчик сослался на подскарбия Авраама Езофовича и других «господарских врядников и дворян», разбиравших раньше поданные на него жалобы и признавших «его во всем правого» [110]. И Кричевская волость тоже воевала с своим наместником князем Василием Жилинским. Население в 1522 г. жаловалось на него, так как он вводит разного рода «новины» и чинит «кривды великие», берет с них мыто и «узвестное, чого на них здавна не биривано». Кроме того, он отнял у них воскобойню, хотя «за першых державец на себе держивали». Затем наместник ездил на полюдье «у великом почте», хотя «перед тым дей первые державцы... до них на

[108] АЗР, т. II, № 75.
[109] РИБ, т. XX, № 93.
[110] Там же, № 465.

полюде не ездживали». Помимо этого, наместник, по словам ответного господарского листа, вмешивался в их право самораскладки господарских повинностей, брал с них немало лишних денег и требовал отбывания некоторых натуральных повинностей, от которых они теперь были свободны. Население страдало также от непомерных «вин», накладываемых на него наместником вопреки уставе, данной раньше Кричевской волости.

Злоупотребления наместников не только задевали интересы господарского скарба, они нарушали «господарскую уставу». Естественно, господарь должен был с отменным вниманием отнестись к просьбам населения и рассмотреть его дело. Господарь, Сигизмунд I, признал все злоупотребления доказанными листом от 29 ноября 1522 г. отдал распоряжение Кричевскому наместнику «новин не вводить и кривд не чинить». Победа населения была полная. Единственно чего добился наместник, да и то в несколько урезанном виде, это — права «брать у них по два кликуны на замок», как об этом говорилось в первой господарской уставе [111]. Однако господарский лист не подействовал на Кричевского наместника. Князь Василий Жилинский держался прежней линии поведения и позволял себе эксплуатацию населения вопреки господарской уставе. И на этот раз «крывды и тяжкости, драпежства были не малые». Вопреки господарскому распоряжению Кричевский державца брал с населения «не половицу», а «целую стацею». Специально посланный дворянин Михаил Кузьмич обнаружил немало злоупотреблений со стороны державцы. Высказывая удивление, что Кричевский державца не обращает внимания на господарские уставы, Сигизмунд I еще раз приказал не делать «крывды и тяжкостей и драпежства и похвалки» господарским людям, не брать с них стации, согласно первоначальному господарскому распоряжению. Для того чтобы покончить с злоупотреблениями наместника, господарский лист еще раз определили то, что население должно было давать своему державце. Однако словно чувствуя, что господарские выроки будут и в будущем нарушаться кричевскими наместниками, господарь счел нужным применить угрозу по адресу державцы: «а што будешь назвыш стацеи в них черес росказанье нашо и крывды и драпежства хотел подданым нашим делати... мы в тот час сами тых подданых наших хочем с тобой смотрети». Если разбор дела покажет, что державца взял с населения хотя бы один лишний грош, то державца не только потеряет «держание», но и уплатит все взятое у волости [112].

[111] АЛРГ, вып. 1, № 162.

[112] М. К. Любавский. Областное деление и местное управление..., прил. № 40.

Такая энергичная защита интересов населения понятна. «Драпежства» державцы слишком сильно задевали интересы господарского скарба.

Не лучше обстояло дело и в других волостях. Так, волость Олучицкая, раньше входившая в состав Кричева, жаловалась на своего державцу дворянина Никифора Бобоеда, обвинявшегося населением в злоупотреблении своей властью. Вопреки господарской уставе пан Бобоед сместил волостного старца, брал лишнее с населения и поэтому «крывды и драпежства великии поделал». Население не вынесло чрезмерной эксплуатации и разбежалось. Задетое этим правительство без всяких предупреждений и угроз взяло держание у вышеназванного Бобоеда, а волость была обратно привернута к Кричевскому замку, державца которого должен был исправно высылать собранную с населения сумму денег в господарский скарб. Отдавая волость «под присуд и послушенство» кричевского державцы, Сигизмунд I, однако, укрепил самостоятельность волости, запретив в нее въезд слугам кричевского державцы [113].

До каких размеров могла доходить эксплуатация населения со стороны державцев, хорошей иллюстрацией может служить памятная запись мужей и старца Кораевских «о новинах, введенных у них князем Андреем Мелешковским». Конечно, такого рода злоупотребления могли быть только вследствие неопределенности финансовых отношений населения к наместнику. Из «памятной записи» выясняется поразительная самостоятельность державцы в деле эксплуатации населения, и может быть жалобы населения, на то, что такой «новины» «из веков не было», следует признать соответствующими действительности. Беззастенчивость князя поразительна. Скорбный лист жалоб был огромен, и не удивительно, если население не выносило подобной эксплуатации и разбегалось [114]. Последнее, кажется, являлось обыкновенным результатом подобной политики. Однако, интересы населения задевала не только подобная деятельность господарских наместников. Старина нарушалась и в другом отношении. Распадалось волостное единство: города стремились выделиться из волости; шляхтичи, получившие земли в волостях, не желали нести совместно с волостью разного рода повинности, падавшие на волостное население. Благодаря уменьшению членов волости повинности для оставшихся становились тяжелее. Это вызывало естественное недовольство среди населения и соответственное желание восстановить нарушенные отношения и переложить повинности на членов

---

[113] М. К. Любавский. Областное деление и местное управление..., прил. № 46.

[114] М. В. Довнар-Запольский. Очерки по организации западнорусского крестьянства..., прил. № 2.

нию к господарскому скарбу и обязательственных отношений к господарскому державце. Только при этом условии можно было надеяться на прекращение недоразумений с администрацией, столь существенно задевавших интересы господарского скарба. В силу этих возможных соображений хозяйственная политика правительства в русских волостях с 30-х годов XVI в. принимает иной характер. Разрешая недоразумения и давая удовлетворение просьбам населения, правительство спешило с выдачей ему уставы, которая должна была в будущем защитить население от чрезмерной эксплуатации со стороны державцев.

Необходимость фиксации повинностей особенно чувствовалась тогда, когда волость отдавалась кому-нибудь в держание. При этом были возможны всякие злоупотребления со стороны держателя. Последнему часто бывала незнакома старина. Естественно, заинтересованный в возможно большем увеличении своих доходов держатель форсированным темпом собирал повинности. На почве этого создавались недоразумения, а правительство закидывалось жалобами.

В целях прекращения последних и давалась в таком случае устава. Иногда инициатива даже шла со стороны самого державцы. Так, речицкий державца пан Семен Полозович обратился к Сигизмунду I, «абыхмо вбачили на его верныи послуги, которыи он в той волости нашой Речыцкой своими немалыми наклады чынил». Он на свой счет «замок збудовал» и, согласно утверждению господарского привилея, собрал «подданых... и место под тым замком и волость нашу осадил», ибо они разошлись «для великаго нагобанья от непрыятелей наших». Считая свои заслуги перед государством большими, державца и обратился к Сигизмунду I с просьбой, «абыхмо ему уставу нашу встановили, штобы он мел с тое волости нашое на пожыток пожывенье собе мети». Господарь выдал соответствующую уставу, но она как раз не характерна для хозяйственной политики правительства. Она дана только одному Семену Полозовичу, «а на инших державец наших речыцких». После смерти Полозовича господарь обещает «иншую уставу нашу установити», если бы оказалось, что опубликованная устава очень тяжела для населения [117].

Жалобы населения на злоупотребления со стороны администрации, как мы выше говорили, не прекращались. Так, в 1533 г. Бобруйская волость жаловалась на тяжкости, «которыи им ся деють от писарей и от иных въеждчых», посылаемых господарем для сбора дани. Это вызвало недовольство, да к тому же въезжавшие должностные лица не считались с существо-

---

[117] М. К. Любавский. Областное деление и местное управление..., прил. № 47.

вавшей автономной организацией волости и порядком ее нарушали[118]. В 1534 г. мещане и вся волость Свислоцкая «били чолом» на наместников пана Андрея Якубовича Немировича о том, что они «крывды и тяжкости великии ся деють и новины им уводять, которых жо новин за перших державец наших им не бывало»[119]. Аналогичные жалобы поступали и из других волостей. На «новины» пана Альбрехта Мартиновича Гаштольда в 1540 г. жаловалась волость Бчицкая. Новина состояла в незаконном собирании с населения «полштостадесят коп грошей», чего, по утверждению челобитчиков, они «з веков не плачивали»[120]. И Кричевская волость была недовольна своими державцами, незаконно собиравшими с нее торговые мыта, различного рода «поклоны» и неравномерно распределявшими повинности между волостями[121]. По всей вероятности, эти недоразумения продолжались в течение всей первой половины века. По крайней мере, Чечерская волость подала жалобу на своего державцу пана Юрия Николаевича Зеновьевича уже в 1554 г., почти накануне аграрных мероприятий правительства. Содержание жалобы однородное с предыдущими челобитьями: «державцы тамошние першие и теперешний державца тетерский и пропойский пан Юри Миколаевич Зеновъевич крывды и тяжкости им великие делати, новины уводить и пожытки неслушные, а вины непомерные на них собе береть, чого перед тым не бывало»[122]. Результатом такой политики были бегство населения и рост недоимок.

Реагируя на эти докучливые и однообразные, стереотипные жалобы, правительство издавало уставы, в которых более детально и точно определялись повинности населения. Эти уставы дают возможность уловить направление и сущность той политики, которой литовско-русское правительство держалось по отношению к русским волостям в дореформенную эпоху.

Уставы 30-х годов не изменяли внутреннего положения волостей и укрепляли их вековое самоуправление. Подтверждение этого находится во всех уставах. Так, в Бобруйской уставе на имя пана А. Гаштольда господарь пишет: «а так мы, хотячы то мети, иж быхмо в дани нашой не шкодовали, на том зоставили, иж писары нашы не мають до них уеждчати даней брати, нижли они с старцы сами поспол з вижом врадника твоей милости, под сведомом его, мають сполна вси дани нашы... поспол

---

[118] М. К. Любавский. Областное деление и местное управление..., прил. № 51.

[119] М. В. Довнар-Запольский. Очерки по организации западнорусского крестьянства..., прил. № 9.

[120] Там же, прил. № 20.

[121] Там же, № 24.

[122] Там же, № 27.

с тым вижом отвозити до ключа нашого»[123]. При этом устава определяла срок привоза даней. В уставе, данной Свислоцкой волости господарь подчеркивал, «иж не мають до них наместники уеждчати дани нашое метати, нижли они мають сами подле стародавного обычая дани зметати и до замку нашого отвезти»[124]. Аналогичные заявления делались и в других уставах[125].

Но в уставах, изданных после 1536 г., нет такого категорического подтверждения самоуправления волости. Уже в Бобруйской уставе была заметна тенденция поставить сбор податей под более реальный контроль правительства. Поэтому в уставе высказано требование, чтобы при сборе старцами податей обязательно присутствовал виж как представитель администрации, как внешняя гарантия того, что разного рода податки будут собраны без всяких задержек. Однако в Свислоцкой уставе 1534 г. этого требования нет. На практике, вероятно, все шло по-старому: подати поступали неисправно, а недоимки увеличивались. Размеры даней, собираемых по старине, не соответствовали потребностям правительства. Усилить же надзор последнего за сбором податей и увеличить размеры поступлений в господарский скарб было возможно только путем сокращения самоуправления волостей. Это было достигнуто господарским листом от 28 октября 1537 г. на имя державцев и наместников Поднепровских волостей. Правительство, добиваясь правильного и бездоимочного поступления даней и платов в господарский скарб, возложило на державцев обязанность «каждому у своей волости, все наши дани, грошовыи и медовыи и бобры, и куницы» выбирать и отвозить в господарский скарб. Но, очевидно, эта мера не достигла своей цели. Тогда правительство решилось на мероприятие, которое в некотором отношении могло обеспечить ему правильное поступление падавших на населения податков. Не вмешиваясь в самоуправление волости, правительство, однако, решило сбор дани поручить особому лицу — господарскому писарю, который должен был «вси волости в кождый год объеждчати и дани грошовыи и медовыи, бобровии и куничные выбирати» и, кроме того, «и о платех, данех наших справедливе а достаточне ся доведывати, и теж тивунщыны великие и малые, и возъезды писарские и данничии, и соколничыи и ловчии и иные вси платы и доходы... пописывати». Правда, это постановление находилось в противоречии с существовавшим правом невъезда писарей в волости, но господарь решил уничтожить ранее дарованное право, «бачачи шкоду нашу и

[123] М. К. Любавский. Областное деление и местное управление..., прил. № 51.

[124] М. В. Довнар-Запольский. Очерки по организации западнорусского крестьянства..., прил. № 9.

[125] Там же, № 19 и 20.

хотячи болшый пожиток скарбу нашому вчинити и платы наши розшырыти, а звлаща для того иж по вси тыи годы минулыи даней и платов наших до скарбу нашого сполна не выдавано». Чтобы новая мера не вызвала раздражения, население освобождалось от уплаты каких-либо денег писарю. Это была обязанность державцев, дававших ему с каждой волости по 2 руб. Так было положено начало фиксации повинностей и нарушения волостной самостоятельности[126]. Поэтому в уставах, изданных после 1537 г., уже нельзя встретить категорического подтверждения иммунитета волостей. Так, в листе, данном Бчицкой волости в ответ на жалобу на «тяжкости» со стороны Гаштольда, уже не говорится ни слова о самоуправлении. Точно так же молчит об этом и Чечерская устава 1554 г. Но устава, данная Свислоцкой волости в 1540 г., разрешает въезжему собирать дань только в том случае, «коли сами ее до скарбу не несуть»[127]. Так подтверждалось, хотя с некоторыми ограничениями, финансовое самоуправление волости, и это несмотря на категорическое постановление господаря в уставе 1537 г. Такого рода правительственные мероприятия имели большое принципиальное значение. Если пока не было заметно увеличения даней и податков, то возможность последнего предусматривалась. Этим подготавливалось население к будущим земельным мероприятиям правительства.

Господарские уставы пока не вмешивались в волостную жизнь, за исключением только права въезда писарей, но зато они очень детально определяли повинностное положение сельского населения. С этой стороны уставы обращают внимание на его повинности как по отношению к державцам, так и по отношению к государству.

Издавая разного рода хозяйственные уставы, правительство Сигизмунда I, конечно, имело всегда в виду исключительно интересы скарба. Заботясь о правильном поступлении податей, правительство было довольно недружелюбно настроено по отношению к тем державцам, которые по разным соображениям считали возможным наложить на население новые подати, так как увеличение податного бремени могло весьма печально отразиться на поступлении податков в господарский скарб. Поэтому правительство обыкновенно отменяло эти «новины», ссылаясь при этом на принцип старины, который, впрочем, теперь мало принимался во внимание, когда дело касалось интересов скарба. Когда умер Бобруйский державца Альбрехт Гаштольд, правительство, в ответ на челобитие всей волости, отменило налог в размере 200 коп грошей, наложенный Гаштольдом в поль-

[126] М. В. Довнар-Запольский. Очерки по организации западнорусского крестьянства..., прил. № 16.
[127] АЗР, т. II, № 203.

зу державцев, мотивировав это тем, что, благодаря этому нововведению, «они не могли дани нашое господаръское медовое, и грошовое, бобровое и куничъное и иншых платов и доходов на нас сполъна давати»[128]. По тем же соображениям и Бчицкая волость освобождалась от платежа «полшостадесяти коп». Отныне бчицкие державцы «не мають в них тых пенезей брати и мають им в том дати покой»[129]. Обе эти уставы пока не определяли повинностей населения по отношению к державцам, хотя глухо ссылались на старину. Точно так же и государственные податки только были перечислены, а не исчислены, и притом с неизбежной ссылкой на стародавний обычай, состоявший в том, что в господарский скарб поступали дани медовые и грошовые, бобровые и куничные, тиунщина великая и малая, дубасчина и «инъшие всякие доходы и пожитки». Конечно, такого рода повинности были и в других поднепровских волостях. Однако недоразумения с администрацией все время продолжались.

Державцы, видимо, предъявляли к населению несколько форсированные требования, совершенно забывая об изданных ранее уставах. Поэтому правительство сочло своевременным напомнить державцам о прежних господарских вывроках и раз навсегда положить предел хищнической эксплуатации населения со стороны своих державцев. Согласно уставе, данной Кричевской волости в 1526 г. и подтвержденной в 1544 г., податные отношения к державцам заключались в платеже «за страву давати по пятнадцати коп грошей узких, по пети яловиц... по пяти полтей мяса... пятьдесят солянок бочок жыта, а пятьдесят солянок бочок овса, а по триста воз сена... а дров на неделю лете по пяти воз, а зиме по десяти воз». Все податки могли быть уплачены деньгами, за исключением только сена и доставки дров. Кроме того, в пользу державцы поступали судебные пошлины: вина, пересуд, а также децкованье, повинное и повежное. Наконец, население было обязано давать державце еженедельно по пять сторожей, но при том освобождалось от давания подвод «на потребы наместниковы». Устава 1544 г., как и прежние уставы, заканчивается категорическим запрещением вводить «новины» и брать с населения то, «што теж в той уставе нашой на державцу не описано... аж бы тыи подданыи наши через то никоторое обтяжливости и кривды и новины в том собе не мели и нам господару, докуки не чынили и так далеко з жалобами своими до нас не втекалися»[130]. Устава Чечерская 1554 г. тоже стремилась положить предел хищнической эксплуа-

---

[128] М. В. Довнар-Запольский. Очерки по организации западнорусского крестьянства..., прил. № 19.
[129] Там же, № 20.
[130] Там же, № 24.

тации населения, которая вела к недоимкам, так как «многие люди с тое волости нашое проч ся разошли и данье и платов нашых не мало знищало», как откровенно об этом говорит господарское вступление. Повинности населения по отношению к державцам в Чечерской уставе определены уже по-иному, в сравнении с Кричевской уставой. Здесь заметны некоторая индивидуализация повинностей, намерение поставить державцу в непосредственные отношения к плательщику податей. Конечно, это было признаком довольно значительного разложения старого волостного строя и падения его автономных порядков. Показателем последнего является также и индивидуализация крестьянского хозяйства. Устава постоянно считается с подданными, «который особливыи земли свои мають и особливыми сохами пашуть». Повинности этого разряда населения заключаются в платеже державце ежегодно солянки овса, воза сена — «як кляча повести может». Впрочем, в силу трудности доставки сена один воз сена может быть заменен двумя малыми возками. При этом, кроме сена, за каждый воз вносилось державце по 12 пенязей и закосного по копе грошей. Кроме того, городничий державцы получал с каждой солянки жита и овса по пенязю «водле давное повинъности своее». Наконец, державца один раз в год, когда замерзнут озера, мог требовать от населения ловли на себя рыбы, после чего подданным предоставлялась полная эксплуатация рыбных богатств «як и перед тым бывало». Индивидуализация повинностных отношений не исключала возможности отправления государственных повинностей и всей волостью. Так, всей волостью производились различные замковые работы — нормальные работы должны были продолжаться в течение пяти недель: весной две недели и три недели осенью. Экстраординарные работы выполняются «до того часу, пока зробять». После окончания работ волостные люди возвращаются домой, но при этом «ничого в них брано быти не может». Что же касается сбора кадей меда «на потребу замковую», то их население обязано уплачивать, «водле рейстров, которые посланъцы наши будучи там з росказанья нашого списали и до скаръбу нашого дали». Затем волость давала ежегодно на замок по шести сторожей, давала полюдье «водле давного обычая», обязана была возить дрова в господарский замок — за каждый воз сена — один воз дров. Все эти волостные повинности падали и на остальное местное население, как-то: на людей боярских, владевших землями без документального права на них, мещан, бобровников тяглых и подданных, которые сидят на тяглой земле. Все они должны были участвовать в работе замковой и «во всем помогати и всякие повинности весполок с ними спольняти». Устава значительно сокращала волостное самоуправление, так как «без ведомости

державцы» «метов никоторых не мають... метати и разрубливати»[131]. Точно так же и устава, данная Рогачевской волости, кладет предел злоупотреблениям со стороны державцев. А последние, видимо, злоупотребляли своей властью немало и предъявляли чрезмерные требования к населению волости.

Королева Бона дважды в 1548 г. ответила на жалобы населения. Первый ответ носил частный характер. Это был ответ на жалобы подданных села Лучинского на своего державцу. Второй ответ — общего характера. Это уже — целая устава, действие которой распространялось на всю волость. В первом случае господарский лист подтверждал свободу населения от принудительной обработки фольварочной пашни, а также от выполнения им разных работ по дворовому хозяйству, как-то: «хором и кухон ставити и огородов тынити и справовати». От всякой работы освобождались и женщины. Конечно, это не исключало возможности добровольной работы, но «силою врядники наши тамошние никого з них к той роботе фольфарковой приворочати не мають». Затем лист королевы Боны определял размер платов «за сено». По старине королева Бона определила вознаграждение в количестве двух грошей за воз сена с каждого дыма. Кроме того, население было обязано выкосить ежегодно четыре стога сена там, «где им в прилеглости указано будеть». Наконец, укрепляя за ними условия их первоначального поселения, Бона устанавливает обязанность лучинцев сообща с волостью «робити и будовати» замок Рогачевский и выплачивать «селетровщину» по 2 гроша с каждого дыма, и притом ежегодно[132].

Волостная устава, опубликованная спустя год после издания королевой Боной первого листа, констатирует множество злоупотреблений со стороны рогачевского державцы Павла Пельжинского. Эти злоупотребления, напрягавшие до крайности силы населения, устава прежде всего отменяла. Так державца Рогачевский не мог местных подданных, «которые на сторожу до замку приходять, на послуги свои нигде з замку ити, яко на паственье коней, животины своее, так до пашни, до огородов и на жадные иншые послуги нигде з города их отсылати». Принудительные работы на державцу находились в резком противоречии с обязанностями сторожей и потому отменялись. Затем волостная устава закрепляла за населением обязанность доставлять ежегодно в Рогачевский замок «водлуг повинности своее» «дванадцать вепров» и этим стремилась прекратить злоупотребления рогачевского державцы, бравшего больше, чем следовало, а иногда и не считавшегося с местными

[131] М. В. Довнар-Запольский. Очерки по организации западнорусского крестьянства..., прил. № 27.
[132] Там же, № 25.

ценами, установленными стариной. Но чтобы на почве денежных платов не возникало более никаких недоразумений, устава отменяет замену натуральной повинности денежными платами и возлагает на население обязанность доставлять в Рогачевский замок «двенадцать вепров живых, не вельми худых», а державце категорически запрещает брать с волощан какие бы то ни было пенязи. Устава предусматривает возможность требования со стороны замка большого количества «вепров». В таком случае весь недостающий комплект должен быть куплен державцей по «слушной цене». Вместе с этим устава запрещает покупать державце у населения «волы, яловицы, бараны, и иншую животину» по цене, назначенной самим державцей. Дабы избежать злоупотреблений на будущее время, устава требует, чтобы волощане продавали своих волов и яловиц исключительно только в Рогачеве — месте, где державца может купить нужное ему количество голов по цене, установленной по соглашению с продавцом. Что же касается мелкого скота, то последний можно было продавать в пределах всей волостной территории. Затем устава определяет размеры «пересудов, децкованья и вижевого», которые, очевидно, собирались державцей по собственному усмотрению. Далее устава запрещала державце ввозить в села для продажи «горелку и меды».

Это наносило серьезный ущерб господарскому скарбу. Устава рекомендовала населению покупать нужную для него «горелку и меды» в рогачевских корчмах. Наконец, устава категорически запрещала державце предъявлять населению требование о предоставлении подвод для его личных нужд. Волощане по уставе «мають быти повиньни ходити только где у своей волости от села до села, або теж з села до замку потребы замковые будуть, повинни привозити, або где бы на послугу нашу и замковую власную пришло, нам они водлуг повинности свои стародавной повинни будут у подводу ходити» [133].

Таким образом, и Рогачевская волостная устава по своему содержанию ничем не отличается от других известных нам устав. Оставляя пока господарские повинности по старине, уставы весьма тщательно и детально определяли повинности населения по отношению к державцам, так как злоупотребления последних наносили несомненно серьезный ущерб финансовым интересам государства.

19 июля 1540 г. Свислоцкая волость получила свою уставную грамоту. Старая грамота сгорела, а наместник — державца «начал,— по заявлению населения,— им новины вводити платы и вины непомерные з них брати». Такое злоупотребление

[133] М. В. Довнар-Запольский. Очерки по организации западнорусского крестьянства..., прил. № 26.

властью способствовало опубликованию новой уставы. Ввиду особенностей объявления грамоты, Свислоцкая устава останавливается довольно детально на повинностях населения как по отношению к господарскому скарбу, так и на обязанностях населения по отношению к державцам. Господарские податки состояли из уплаты дани медом, бобрами, куницами. Это те же повинности, что предъявляла к населению устава 1500 г. Затем устава не делит бобров на карих и черных и определяет ценность бобра в 45 грошей, тогда как устава 1500 г. знала цены в 60 и 40 грошей. Наконец, медовая дань собиралась не «ставами» и «колодами», а измерялась пудами «по чотыри безмены» и не подлежала замене деньгами. Конечно, это распоряжение станет понятным, если принять во внимание увеличивавшийся экспорт меда за границу. Стоимость куницы оставалась такой же. Кроме этого, население вносит в скарб «серебро грошовое, дубащину и воловщину» вместо прежней грошовой дани. Что же касается обязанностей населения по отношению к замку и державцам, то они заключались: а) в охране гонцов и послов, б) в предоставлении шести кликунов для охраны замка, в) в уплате наместнику натуральных податков. С трех сел в распоряжение наместника поступало: по солянке жита и овса, 8 яловиц, 8 вепров, 10 баранов, 2 бочки соли, 10 каменей меду. Кроме того, с каждого дыма в его пользу шел воз сена и дров. Затем вся волость давала ему же «по куряти, по 10 яиц, по сыру, по фаске масла», но только в том случае, если у домохозяина была корова. Полюдье поступало в пользу наместника в количестве 1½ гроша с каждого дыма. Наконец, осенью каждый дым должен был поймать селезня или уплатить ½ гроша. Определяя повинности населения, устава в то же время закрепляет за населением право эксплуатировать озера, лесные богатства и разрешает продавать на сторону продукты эксплуатации. Господарские урядники при этом «им боронити не малють». Таким образом, и Свислоцкая устава, пока не вводя ничего нового, закрепила только из старины сложившиеся отношения [134].

Разбирая отдельные хозяйственные распоряжения, касавшиеся поднепровских восточных волостей, мы не привлекали к анализу уставы, данные Могилевской волости. Отношения там между администрацией и волостью сложились точно так же, как и в других восточных областях. С этой стороны, они ничего оригинального из себя не представляют, но наличный материал дает возможность проследить более подробно как хозяйственную политику правительства, так и упорную борьбу правительства с местной провинциальной администрацией.

---

[134] АЗР, т. II, № 203.

Экономическое и повинностное положение Могилевской волости довольно отчетливо обрисовано в «Уставной грамоте Могилевской королевской волости», опубликованной 7 апреля 1514 г. Поводом к опубликованию грамоты и определению повинностей явилась отдача Могилевского замка в державие пану Юрию Зеновьевичу, который, надо думать, был незнаком с местной стариной, которую и закрепляет устава 1514 г. Господарский доход в Могилевской волости составлялся из дани грошовой в количестве 300 коп «широких грошей», 4 руб. «бобровщины», 4 руб. «яловщины» и 3 руб. «грошей восковых». Кроме того, старец серебряный вносил в скарб 15 коп грошей широких, а медовый старец — 10 коп. грошей. Скотное серебро поступало на третий год в размере 20 руб. Затем к скарбу отходила тиунщина в количестве 80 коп грошей. Кроме того, за право эксплуатации корчем вносилось в казну 104 копы грошей. Наконец, население было обязано платить серебщину раз в три года в размерах, установленных верховной властью. В случае отсутствия у населения «широких грошей», последнее может уплатить следуемые податки натурой в количестве 106 бобров, 150 куниц и 38 уставов медовой дани. Дань же грошовая уплачивается пенязьми, считая в гроше 14 пенязей.

Что же касается повинностей населения по отношению к самому державце, то в уставе они определяются следующим образом: население платило ему ежегодно «узъезд» в количестве 50 коп грошей, полюдье в том же размере, при условии, если державца не будет ездить по волости; затем из господарской тиунщины в пользу наместника поступала половина. В пользу наместника шли и обычные судебные пошлины. Устава не считает, что в ней фиксированы все подати и повинности населения. Устава допускает возможные пропуски и потому считает целесообразным добавить, что если «которыи доходы обвестки и иншыи, што в том нашом листе не выписаны, на державцев могилевских хоживали, тые и ныне потому ж он масть брати». Само собой разумеется, устава запрещает державце вводить в волости какие бы то ни было новины[135]. Эта же устава была повторена слово в слово при отдаче в 1521 г. Могилевской волости в державье князю Василию Ивановичу Соломирецкому. Повторение ее было необходимо, так как Соломирецкий получал державие «до живота». Следовательно, благодаря длительной зависимости населения от нового державцы злоупотребления были возможны[136]. Однако несмотря на довольно точное определение повинностного положения населения, ему не удалось избежать разного рода злоупотреб-

[135] АЗР, т. II, № 86.
[136] АЛРГ, вып. I, № 152.

лений. В 1530 г. Могилевская волость жаловалась Сигизмунду I на писарей и подключих, собиравших дань с тех земель, которые лежали впусте. Правительству пришлось произвести специальное расследование для выяснения правой стороны, потому что население, не вынеся «обътяженья», оставило волость и поселилось на землях частных владельцев[137]. Видимо, разброд населения принимал грандиозные размеры, ибо одновременно с поручением Ивану Горностаю произвести расследование дела, Сигизмунд I отдал приказ выводить на старые места разошедшихся с волссти людей[138].

Население терпело разные притеснения и от своего державцы князя Василия Соломирецкого, предъявлявшего к нему, вопреки уставе, требования на подводы под послов и гонцов. Население отказывалось, но после переговоров обещало выплачивать князю Василию ежегодно 120 коп грошей, при условии полной свободы от подводной повинности и всяких натуральных повинностей на державцу. Если же державце понадобятся подводы, то он был обязан нанимать их в счет денег, предоставленных в его распоряжение. Однако и это не выполнялось. Затем державца увеличил въезжее на 10 грошей, поднял налог с каждого дыма до 10 грошей, посылал население работать в Мстиславль, хотя для этого с него была собрана сумма в размере 20 коп грошей. Кроме того, он увеличил «записное» до 10 грошей вместо 1 пенязя при доставлении ему населением бочки «жита и овса».

Могилевский державца обвинялся населением еще в том, что собирал медовую и грошовую дань «не по мере», и что слуга его взял с населения лишних 20 коп грошей. Точно так же и в судебных делах державца допускал разного рода злоупотребления, существенно задевавшие интересы населения. Допуская «великии драпезства и тяжкости», державца довел волость до полного опустошения и совершенно безразлично относился к интересам населения, не желая «в кривдах людей тамошних помочон быти и з ними стояти». Интересуясь населением исключительно с фискальной точки зрения, державца положил «многии розместь на всю волость», причем сборщики податей не представили державце никакой отчетности. Неудивительно, что ради такого «драпежства многии ся люди с тое волости прочь розышли».

Обвинения, предъявленные населением к своему державце, были весьма велики. Чрезмерная эксплуатация населения весьма существенно задевала интересы господарского скарба,

---

[137] М. В. Довнар-Запольский. Очерки по организации западнорусского крестьянства..., прил. № 4.
[138] Там же, № 5.

и правительство, конечно, должно было немедленно принять соответствующие меры. Это было сделано в два приема. Сначала был послан на ревизию господарский дворянин Александр Федорович Дык, который должен был вернуть державцу на правильный путь, а затем, после частичных исправлений, была дана в 1536 г. и новая устава, так как жалобы населения на своего державцу не прекращались. Дык должен был заставить державцу отказаться от требования подвод с населения и удовольствоваться «подле умовы своее» получением с населения 120 коп грошей и произвести в присутствии дворянина разбор жалоб со стороны населения на десятников державцы. И другие жалобы получили удовлетворение. Правительство рекомендовало державце поступать «по старине»[139].

Однако расследование Дыка не произвело на князя В. Соломирецкого должного впечатления. Державца упорно не желал считаться со стариной и предъявлял к населению чрезмерно повышенные финансовые требования, даже сравнительно с его притязаниями раньше. Эти новые жалобы вывели из себя правительство. Для разрешения затяжных недоразумений между волостью и державцей были посланы специальные комиссары: маршалок Андрей Михайлович Коширский, конюший дворный князь Василий Богданович Чиж, виленский тиун Шимко Мацкевич, городенский городничий князь Семен Одинцевич и секретарь латинский пан Павел Нарушевич. Произведя расследование на местах, они составили реестр повинностей, которые население было обязано отправлять. Господарь утвердил реестр, составленный комиссарами. Так появилась Могилевская устава 1 июля 1536 г.

Новая устава обращает все свое внимание не столько на повинности населения по отношению к господарскому скарбу, сколько с большой тщательностью занята определением повинностей населения по отношению к могилевскому державце. Господарские повинности не могли быть определены ревизорами, вследствие ухода населения и опустения волости. Правительство откладывало определение повинностей на будущее время. В данном случае торопиться не имело смысла. Правительство не собиралось себя обижать, да к тому же и население не поднимало об этом вопроса. Но, с другой стороны, надо было торопиться с определением повинностей населения по отношению к державце, надо было поскорее положить предел дальнейшим злоупотреблениям со стороны державцы. Новая устава санкционировала все нововведения князя Василия Соломирецкого, так как они оказались стариной, закрепленной

---

[139] М. В. Довнар-Запольский. Очерки по организации западнорусского крестьянства..., прил. № 10.

господарскими грамотами еще тогда, когда Могилевская волость давалась в держание пану Юрию Зеновьевичу и пану Яну Шиту. Поэтому правительство санкционировало увеличение «уезда» до 70 коп грошей. Впрочем, последнее заявление господаря находится в некотором противоречии с самим актом, которым Могилевская волость давалась в держание Юрию Зеновьевичу. В Уставе 1514 г. «уезд» определялся в размере 60 коп грошей [140]. Эти же условия были повторены и при отдаче волости в держание князю В. Соломирецкому. Что старина в данном вопросе была на стороне населения — это с очевидностью ясно, так что несколько непонятна ссылка правительства на эти акты. Вопреки старым уставам, было санкционировано увеличение полюдья до 60 коп и тиунщины до 80 коп грошей. Прежние уставы говорили о тиунщине только в половинном размере поступлений на самого господаря. Следовательно, вся тиунщина полностью шла на державцу.

Затем на державцу поступала «живность» в количестве «жита 80 бочек, а овса 80 бочек, а сена 80 воз, а яловиц 16» со всей волости. Об этой живности в предыдущих уставах ничего не говорилось. Очевидно это была старина, не нуждавшаяся в специальном разъяснении, но теперь правительство сочло более целесообразным фиксацию и этой повинности. Затем устава определяла размеры торговых пошлин, судебных пошлин и «змирской куницы», отказавшись от собирания ее «по старому». Что же касается «подводной повинности», то правительство не считало возможным ее регламентацию, предоставляя самому державце условиться относительно нее с самим населением. Но устава категорически заставляет державцу держаться того соглашения, к которому он придет с населением. Наконец, в уставе — полное умолчание относительно принудительных работ населения. Вероятно, и этот вопрос был оставлен на рассмотрение самого державцы.

Вся устава 1536 г.— блестящее нарушение той старины, на которую так любило часто ссылаться правительство. Последнее по разным соображениям не находило возможным вести борьбу с державцей и предпочло, став на его сторону, санкционировать все фискальные требования державцы. Та же старина нарушалась государством и при определении повинностного отношения населения к самому скарбу. Правда, правительство временно отложило решение этого вопроса, но с другой стороны, оно ни словом не обмолвилось об уставе 1514 г. Очевидно повинностные отношения населения по этой уставе казались правительству недостаточными, раз оно не сочло нужным даже упомянуть о ней. Помимо этого, право волостного

[140] АЗР, т. II, № 86

самообложения ставилось под контроль державцы. Словом, старина нарушалась с обеих сторон. Это подготавливало земельную реформу Сигизмунда II [141].

Не прошло еще и года, как правительство опубликовало 26 апреля 1537 г. новое дополнение к недавно изданной уставе. На этот раз устава касалась принудительных работ населения в Мстиславском замке и «инших городах». Не определяя размеров этих работ, правительство освободило мещан от помощи волостному населению в принудительных работах, ссылаясь на неустройства могилевского замка и на необходимость его защищать и охранять. Правда, это выделение Могилева из состава волости вызвано стратегическими и отчасти экономическими соображениями, но его можно считать начальным процессом обособления города от волости в русских волостях, что также указывало на разложение старинных хозяйственных отношений [142].

Подведем итоги. Хозяйственная политика литовско-русского правительства по отношению к русским волостям основывалась на слагавшейся годами «бытовой старине». Однако эта старина различно понималась управителями господарских волостей, и на почве нарушения старины между населением и администрацией возникали весьма серьезные недоразумения. Для разрешения возникавших пререканий волостное население обращалось к правительству с просьбой о восстановлении старины. Сначала правительство стремилось постоянно придерживаться старины, и господарскими выроками последняя обыкновенно закреплялась, когда произведенное следствие позволяло точно установить понятие «звыклой старины». Сохранение последней диктовалось также собственными интересами самого господарского скарба. Укрепляя податную старину, господарские уставы оставляли в неприкосновенности и волостное самоуправление. Во второй четверти XVI в. недоразумения администрации с волостным населением — самое обыкновенное явление. Разрешая все эти споры, правительство вносило незаметные ограничения в волостное самоуправление, а введением новых податков или фиксацией их оно незаметно разрывало со стариной. На очередь встал вопрос о коренной ломке старины и перемене всей хозяйственно-финансовой политики в русских волостях.

---

[141] М. В. Довнар-Запольский. Очерки по организации западнорусского крестьянства..., прил. № 11.

[142] Там же, № 15.

V. ГОСПОДАРСКИЕ ДВОРЫ В ЗАПАДНЫХ И ВОСТОЧНЫХ ВОЛОСТЯХ В ДОРЕФОРМЕННУЮ ЭПОХУ

Состав господарских дворов. Дворовые строения. Дворовые пашни. Дворовые огороды. Дворовые сеножати. Дворовый лес. Доходные и бездоходные земли. Техника хозяйства. Дворовое скотоводство. Дополнительные доходные статьи. Челядь невольная и ее значение для дворового хозяйства. Содержание челяди невольной. Количественный состав челяди невольной при господарских дворах. Освобождение от невольничества. Огородники. Тяглые люди и их значение для дворового хозяйства. Повинности и платежи тяглого населения. Крестьянское тяглое хозяйство. Крестьянская служба и размер крестьянских земельных участков. Осадные люди. Вопрос о правах крестьян на землю в первой половине XVI в. Крестьяне промышленники и ремесленники. Наделы и повинности их. Крестьяне-данники. Замковые слуги. Бояре, их состав и происхождение. Юридическое положение бояр. Боярские права на землю. Боярские челобития.

I

Господарские дворы с тянувшими к ним волостями были для последних административно-хозяйственными центрами. В них обыкновенно жили управители господарских имений, которые вели все дворовое хозяйство. Под словом «господарский двор» следует понимать двор в собственном смысле этого слова как хозяйственный центр и то население, которое тянуло ко двору и было с ним связано повинностными отношениями. Состав этого населения довольно пестр. Некоторые из сохранившихся инвентарей причисляют к дворовому населению бояр и тяглых людей, тогда как они жили около двора, за двором и только в повинностном отношении тянули ко двору [1], и их скорее следует отнести к волостному населению. В других инвентарях только «челядь невольная» причисляется непосредственно к

[1] ДМАМЮ, т. I, стр. 87—89.

населению, живущему на господарском дворе[2]. Несомненно, такое узкое определение состава населения господарских дворов более правильно.

Территория господарских дворов состояла из земель, отведенных под различные дворовые строения, из дворовых огородов, сеножатей, дворовой пашни и дворового леса[3]. Конечно, такой состав территории был далеко не всюду. Во дворах, где самостоятельное фольварочное хозяйство было слабо развито, могло и не быть дворовой пашни. В силу различных условий двор мог очутиться и без сеножатей, так как потребность в сене могла быть удовлетворена другим способом[4]. Точно так же и собственные лесочки были далеко не при всех дворах.

В господарских дворах были возведены различные домашние и хозяйственные постройки. Количество последних отличалось в общем большой пестротой и зависело исключительно от степени интенсивности дворового хозяйства.

Так, двор Ворненский по инвентарю 1547 г. довольно беден домашними постройками. Здесь находилась «светлица из сеньми на подклетях». Дальнейшее «будованье» Ворненского двора состояло из «светлицы и с коморою на подклетех», трех амбаров, причем один специально для жита, дворовой кухни, двух стаен, челядни, истебки с сенцами[5].

Такие же примитивные хозяйственные постройки находились во дворах, приписанных к Ворненскому двору,— Ошменцове, Козинце и Видинишках. Инвентарь отметил в них светлицу «без сеней» и «из сеньми ис коморою», несколько свирнов, кухни, лазни, стайни, гридни, истебки, и непокрытый сруб на светлицу[6]. В общем хозяйственных построек немного. Очевидно, пока в них не было особой необходимости. Несколько многочисленнее хозяйственные постройки дворов, приписанных к замку Радошковичи. Так, на дворе перед самим замком находился дом, заключавший в себе несколько светлиц-комнат. Рядом находилась лазня с сенями; тут же были замковая кухня и пекарня. Далее находились помещения для «рыкуньи», затем шли «свирны», «клетка» для хранения молочных продуктов, помещение для домашней птицы и крупного скота. На гумне находились «клуня рубленая» и против нее «одрыны», сплетенные из хвороста[7]. Одни из построек были рассчитаны для удовлетворения потребностей замка; другие были предназначены исключительно для хозяйственных нужд. Нельзя

---

[2] ДМАМЮ, т. I, стр. 108, 111, 119—121.
[3] Там же, стр. 86—89, 108, 111, 119, 121
[4] Там же, стр. 88.
[5] Там же, стр. 86.
[6] Там же, стр. 87—88.
[7] Там же, стр. 93.

не отметить, что все хозяйственные постройки рассчитаны на ведение довольно интенсивного хозяйства. Почти такое же было «будованье» двора Довгялишек [8].

Кроме главных дворов — административно-хозяйственных центров — в волостях часто находились и другие, более мелкие дворы, имевшие в хозяйственном отношении второстепенное значение. Они значительно беднее постройками. Количество известных инвентарей в общем весьма невелико, и, конечно, на основании их было бы рискованно делать какие-либо выводы относительно дворовых построек. Во всяком случае, сохранившиеся инвентари указывают и на бедное «будованье» дворов и отчасти на их плохое состояние.

Статистика дворового хозяйства, благодаря небольшому количеству инвентарей, не может быть представлена с желательной полнотой. Но сохранившийся материал указывает на слабое развитие хозяйства и его довольно примитивную постановку. Так, в общем размеры дворовой пашни были весьма невелики. При дворе Ворненском под хлебными злаками был занят участок земли, годный для посева 105 бочек различных семян [9]. При дворе Ошменцов, приписанном к Ворненскому двору, дворовой пашни было на 49½ бочек [10], при дворе Козинца — на 51 бочку [11] и при дворе Видинишки земли — всего на 65 бочек [12] посева. Невелика была пашня при замке Радошковичи. Здесь дворовая пашня состояла из трех полей: в первом поле земли было на 86 бочек семян, другое поле, состоявшее из двух участков, было достаточно для посева 100 бочек. Наконец, третье поле, «у новинах», заключало в себе землю, достаточную для посева 40 бочек [13]. При небольшом дворце Костюшковском пашни было на 45 бочек, из числа которых было засеяно 30 бочек [14]. При дворе Каменецком было три поля: одно поле величиной, достаточной для посева 51 бочки; другое — размером на 40 бочек и, наконец, третье — на 20 бочек [15].

При замке Довгялишки жита было засеяно на 120 и яровых хлебов — на 109½ бочек [16]. Несмотря на небольшие размеры дворовой пашни, все же очевидно, что сельскохозяйственная культура в господарских дворах уже привилась прочно, что, конечно, следует поставить в связь с хозяйственной политикой правительства.

---

[8] ДМАМЮ, т. I, стр. 120.
[9] Там же, стр. 86.
[10] Там же, стр. 87.
[11] Там же, стр. 88.
[12] Там же, стр. 89.
[13] Там же, стр. 93.
[14] Там же, стр. 108.
[15] Там же, стр. 111.
[16] Там же, стр. 121.

Дворовые пашни лежали вблизи двора, но иногда и на сравнительно далеком расстоянии — «версты от двора» [17]. Существовала и чересполосица, которая, конечно, не могла не задерживать развития сельскохозяйственной культуры [18].

Огородные дворовые участки были, в общем, весьма незначительны. При дворе Ворненском огородной земли было только на одну бочку [19], при дворе замка Радошковичи — на 2½ бочки [20], при дворе Костюшковском — тоже на одну бочку [21], при дворе Каменецком — на две бочки [22]. Но огородные земли, кажется, не составляли непременную принадлежность каждого двора. По крайней мере, в инвентаре замка Довгялишки огородные земли совсем не отмечены. Огородные земли предназначались исключительно для потребностей державцы. Естественно, их размеры не могли быть большими.

И дворовые сеножати, предназначенные исключительно для удовлетворения потребностей дворового хозяйства, тоже были невелики по своим размерам. Они определялись количеством возов сена, составлявших ежегодный его сбор. При дворе Ворненском дворовых сеножатей было на 95 возов. Приблизительно такие же размеры их были и при замке Радошковичи (100 возов). При других дворах, приписанных к тому же замку, сеножатей было на 120 и 150 возов. При замке Довгялишки сеножатей совсем не было [23]. Сравнительно небольшие размеры сеножатей отчасти указывают на недостаточное развитие скотоводства в дворовом хозяйстве; с другой стороны, недостаток в сене мог быть всегда возмещен доставкой дякольного сена натурой, и при наличности подачек — дякол господарским урядникам не имело особого смысла обеспечивать дворовое хозяйство необходимыми сеножатями. Не было при дворах и особых выгонов. Их заменяли поля, находившиеся под паром и поросшие травой [24].

Наконец, около некоторых господарских дворов находились небольшие лески-гаи, удовлетворявшие потребности двора, а иногда пущи, в которых дворовый уряд был обязан бить зверя во время звериных переходов [25]. Кроме этих земель, к составу двора следует также отнести пустовщины, но величина их не может быть определена даже приблизительно [26].

---

[17] ДМАМЮ, т. I, стр. 108.
[18] Там же, стр. 93.
[19] Там же, стр. 86.
[20] Там же, стр. 93.
[21] Там же, стр. 108.
[22] Там же, стр. 110.
[23] Там же, стр. 119—121.
[24] Там же, стр. 111.
[25] Там же.
[26] Там же, стр. 89.

Все дворовые земли по доходности можно разделить на два вида: доходные и бездоходные. К первым следует отнести огородные земли, дворовые пашни, сеножати. Ко вторым надо причислить площади, отведенные под дворы и дворовые строения и отчасти лески-гаи, так как обыкновенно они не подвергались никакой производительной эксплуатации. Для дворового хозяйства не все земли имели равное значение. Так, огородные земли собственно для дворового хозяйства не имели никакого значения, так как обыкновенно они отдавались в распоряжение державцы, эксплуатировавшего огороды для своих потребностей. Поэтому основной доходной статьей являлись дворовые пашни, эксплуатация которых, при известной хозяйственной распорядительности и предусмотрительности, могла дать некоторый, и притом весьма значительный, доход.

Небольшое количество сохранившихся инвентарей не дает никакой возможности выяснить преобладающие черты в характере дворового хозяйства. Но если и после реформы дворовое хозяйство было большей частью среднепоместным, то с известной долей вероятности можно сказать, что дореформенное хозяйство было даже не среднепоместным, а мелкопоместным. По всей вероятности, и техника хозяйства была довольно примитивна, хотя уже применялось унавоживание земли, но, кажется, только частичное [27]. При небольшом количестве рабочего скота последнее не могло практиковаться в достаточно широких размерах.

Господарские пашни обыкновенно обрабатывались крестьянским инвентарем, что тоже говорит о недостаточной интенсификации сельского хозяйства. Наконец, интенсификация хозяйства требовала денег, каковых, несомненно, не было в кассе литовско-русского правительства.

Дворовые урядники засевали поля житом, пшеницей, ячменем, овсом, гречихой, горохом, ярицей [28]. По данным инвентаря двора Ворненского, составленном в 1547 г. поля были засеяны хлебными злаками в следующем количестве: пшеницы 6 бочек, ячменя — 6½ бочек, овса — 16 бочек, ярицы — 7½ бочек, жита — 70 бочек.

В 1549 г. при замке Радошковичи, бывшем раньше частновладельческим, было собрано: пшеницы — 22 копы, ярицы — 40 коп, овса — 70 коп, гречихи — 30 коп, ячменя — 55 коп, жита — 170 коп.

При дворе Костюшковском было собрано: пшеницы — 14 коп, ярицы — 20 коп, овса — 28 коп, ячменя — 30 коп, гречихи — 20 коп, жита — 75 коп.

---

[27] ДМАМЮ, т. I, стр. 111.
[28] Там же, стр. 89, 93, 110.

При дворе Каменецком было собрано: пшеницы — 15 коп, ярицы — 27 коп, гороха — 12 коп, ячменя — 10 коп, овса — 5 коп, жита — 60 коп, гречихи — 12 коп.

Наконец, при дворе замка Довгялишки засевали в 1553 г. пшеницы — 5 бочек, ярицы — 4 бочки, ячменя — 4½ бочки, овса — 75 бочек, гречихи — 20 бочек, конопли — ½ бочки, жита — 120 бочек.

Те же инвентари говорят также о недостаточно развитом дворовом скотоводстве, причем одинаково были немногочисленен и крупный, и мелкий скот. Господарские стада состояли из волов, коров, подтелков, телят, свиней, поросят, овец, ягнят, годовалых и более старших жеребят, рабочих лошадей [29]. Совсем мало было рабочих лошадей. О трех рабочих клячах упоминается только в инвентаре Ворненского двора [30]. В инвентарях других дворов о них совсем нет упоминания; их, вероятно, заменяли «волы оремые», тоже в весьма небольшом количестве [31].

При дворах имелись и другие доходные статьи, вроде млынов, ставов, эксплуатировавшихся для потребностей двора. Таковы доходные статьи дворового хозяйства. Что же касается расходов по хозяйству, то к ним следует отнести: десятину на костел, содержание челяди невольной, часть урожая, приходившуюся на долю державцы, и запасы для осеннего и весеннего сева. Всё оставшееся, как видно из инструкции старостам и державцам, о которой говорилось выше, поступало на продажу; но едва ли эти излишки при данном состоянии сельского хозяйства могли быть значительными. Естественно, что правительство, стремившееся к увеличению доходности скарба, должно было принять меры к новой постановке всего хозяйства, на несколько иных основаниях. Аграрная реформа второй половины XVI в. и должна была удовлетворить этому требованию, подсказанному самой жизнью.

2

Челядь невольная, паробки, о которых существовало столько разногласий в исторической литературе [32], составляли непосредственно рабочую силу двора. Хотя и в инвентарях XVI в. встречаются те же названия для несвободного состояния [33], однако, можно признать, вслед за М. К. Любавским, что разница в терминологии еще не означала разницу в юридическом и эконо-

---

[29] ДМАМЮ, т. I, стр. 86, 93, 109, 110, 121.
[30] Там же, стр. 87.
[31] Там же, стр. 93.
[32] М. К. Любавский. Областное деление и местное управление.., стр. 314—315.
[33] Там же, прил. № 5; ДМАМЮ, т. I, стр. 94.

мическом положении. Челядь невольная исполняла различные обязанности по дворовому хозяйству и находилась в том или в другом количестве при всяком дворе. Источники рабства были те же, что и в старину. Статут 1529 г. указывает на следующие источники рабства: «первое, которые здавна в неволи сут, або з неволных ся родят; другое, которые полоном заведены из земли неприятелское; третье, колибы на смерть сказаны кому, окроме злодейства, а они бы просили того, кому сказаны, жебы их не губил, а давали бы ся в неволю, а он бы их не вбил — таковые в неволю мают даны быти и дети их, которые су будуть потом родити; четвертые, колибы ся сами в неволю поддали в тот обычай: иж хтоб ведаючи жонку неволную, хотя человек волный ее понял, тогды и сам в неволю мает быти и дети их, будь музского стану, або женского — тым же обычаем и жонка мает быти, естлибы за неволного пошла ведаючы, тогды и сама в неволю поддается и дети их»[34]. Другими словами, источники рабства — это происхождение от родителей-рабов, плен, замена смертной казни с согласия противной стороны, брак свободной стороны с несвободной. К перечисленным источникам надо прибавить самопродажу в рабство, если только эта сделка была совершена не во время голодного года[35]. В сравнении с эпохой «Русской Правды» статутовое законодательство сделало некоторый шаг вперед. Так, оно исключает возможность превращения должника в невольника. Статут точно определил размер той суммы, которую задолжавший «мужик» или «жонка» может отработать на чужом дворе[36]. Наконец, Статут позволяет продавцу самого себя и детей во время голода в рабство отработать запродажную сумму, после чего он становится вольным[37]. К концу второй половины XVI в., как уже было отмечено М. Ф. Владимирским-Будановым, на практике прекратило свое действие старинное правило: «по рабе холоп, по холопу раба». Свободная сторона, вступившая в брак с несвободной, сохраняла свою гражданскую правоспособность. Писцовая книга Пинского и Клецкого княжеств, составленная в 1552—1555 гг., перечисляет дворовую челядь «веспол и з жонками неволными», делая такого рода прибавления: «Катруша, а муж еи волный, Вашица, а муж еи волный»[38]. И сохранившиеся инвентари 40—50-х годов подтверждают то же.

[34] Статут Великого княжества Литовского 1529 г., разд. XI, арт. 13; «Временник императорского Московского общества Истории и древностей Российских», кн. 18, М., 1854.

[35] Там же, арт. 11.

[36] Там же, арт. 7.

[37] Там же, арт. 11.

[38] Писцовая книга Пинского и Клецкого княжеств, составленная пинским старостой Станиславом Хвальчевским в 1552—1555 гг., Вильно. 1884, стр. 43. (В дальнейшем — ПКПКК).

Инвентари господарских дворов, перечисляя дворовую челядь, никогда не забывают прибавить, слово «волный», если одна из сторон сохранила свободу при своем вступлении в брак с несвободной стороной [39]. Впрочем, законодательство не отменило этого источника рабства. Второй Статут его еще знает [40].

В дворовом хозяйстве первой половины XVI в. невольная челядь занимала видное место. Пока это был единственный живой инвентарь, на который можно было налечь в интересах большей интенсификации хозяйства, как того требовала хозяйственная устава 1529 г.[41] Холопами обрабатывались и дворовые пашни.

Если часть челяди невольной выполняла разного рода сельскохозяйственные работы, то другая часть «мешкала» у двора. Такие невольники пасли стада, охраняли в поле выгнанную птицу [42]. Большею частью это были несовершеннолетние невольники в возрасте от 10 до 20 лет [43].

Кроме того, по уставе 1529 г. каждый державца был обязан выдавать «жонкам» лен и требовать от каждой постав полотна в пятьдесят локтей, если только она получила месячину [44]. Такие жонки назывались в инвентарях первой половины XVI в. «поставницами» [45]. Впрочем, обязанность поставлять на двор постав иногда заменялась обязанностью «на врадника плате переть» [46]. Господарские невольники [47] жили на дворе или вне его. Последние жили на небольших земельных участках, имели свою собственную движимость, называемую «бондами» [48]. Сохранившиеся инвентари обыкновенно упоминают только о земельных участках челяди невольной, состоявших из пашни и сенокоса, обычно бочками урожая и возами сена. Но сенокосы не всегда были составной частью земельного участка невольной челяди. В одном и том же дворе одни холопы владели и пашней и сенокосом; другие пользовались только пашнею [49]. Размеры пахотной земли были неодинаковы. Так, невольная челядь при замке Радошковичи сидела на земельных участках величиной в 9—11 солянок при сенокосе в два-три воза. В других инвентарях челядь невольная только перечисляется поимен-

---

[39] ДМАМЮ, т. I, стр. 94, 108.

[40] Статут Великого княжества Литовского 1566 г., разд. XII, арт. 13; «Временник Московского общества истории и древностей Российских», кн. 23, М., 1855.

[41] АЗР, т. II, № 159, арт. 7.

[42] ДМАМЮ, т. I, стр. 95.

[43] Там же, стр. 95, 102.

[44] АЗР, т. II, № 159, арт. 31.

[45] ДМАМЮ, т. I, стр. 108.

[46] Там же, стр. 109.

[47] Там же, стр. 95, 108.

[48] АЗР, т. II, № 159, арт. 2.

[49] ДМАМЮ, т. I, стр. 94.

но; но из этого еще нельзя вывести заключение, будто при этих дворах вся невольная челядь сидела во дворе, а не на отдельных земельных участках. По всей вероятности, это случайное умолчание составителя инвентаря, который в то же время умолчал и о размерах месячины, получаемой челядью невольной [50].

Челядь невольная содержание получала от двора. Существовало только различие в размерах месячины, получаемой холопами, имевшими собственную движимость и сидевшими на земельных участках, и не имевшими таковых. По уставе 1529 г. собственники «бондов» и держатели «прироблов» получали месячины $1^{1}/_{2}$ копы ежегодно. Те же, «которые обыходу и домов своих не мають», жили на полном содержании от двора [51], получали месячину четыре раза в год по бочке жита «водле обычая давного».

При учете месячины невольница, за старостью лет неспособная к работе, иногда не получала ее, а должна была существовать за счет содержания, получаемого мужем и сыном. Впрочем, в некоторых случаях больные и хворые получали месячину; быть может это зависело от величины невольничьих «прироблов». Так паробок Федюк Грынцович, имевший жену «вельми стару и немощну», получал совместно с своим сыном 3 копы месячины, владея землей на 9 бочек, а паробок Игнат Юриевич, при такой же больной и не способной к работе жене, получал месячину и на ее долю. Впрочем, его земельный участок был меньше предыдущего [52]. Получали месячину только взрослые. Дети кормились от родителей. Только мальчики-пастухи, девицы, не бывшие поставницами, не получая регулярной месячины, кормились от господарского ключа [53]. Вольные жонки паробков также не получали месячины [54].

Устава 1529 г. точно определила размеры месячины, выдаваемой челяди невольной, сидевшей на земельных участках. Однако на практике, как об этом можно судить на основании сохранившихся инвентарей, всегда были возможны отступления. Встречается месячина в 3 копы жита. Левонец Федюкович, у которого земли было на две бочки и совсем не было сенокоса, один получал трехкопную месячину [55]. Ходор Грубич с вольной женой и пятилетним сыном получал месячину в размере 2 коп жита [56]. По всей вероятности, такие отступления от норм уставы зависели от незначительных земельных наделов челяди невольной.

[50] Там же, стр. 85.
[51] АЗР, т. II, № 159, арт. 2.
[52] ДМАМЮ, т. I, стр. 94.
[53] Там же, стр. 109.
[54] Там же, стр. 95, 108.
[55] Там же, стр. 94.
[56] Там же, стр. 111.

Благодаря сравнительно небольшому количеству сохранившихся инвентарей, трудно определить действительную роль и значение челяди невольной в дворовом хозяйстве. Но дошедшие данные указывают на малочисленность этой рабочей силы. Очевидно, она оказывалась уже мало производительной и постепенно теряла свое прежнее хозяйственное значение, уступая первое место более многочисленной и производительной силе — тяглым людям.

Количество челяди невольной по сохранившимся инвентарям можно представить следующим образом:

Челядь невольная	Ворняны	Видинишки	Радошковичи	Костюшково	Каменец	Довгялишки
Паробки	4	1	9	2	1	5
Жонки .	4	—	8	3	—	5
Дети . .	9	3	5	4	1	15

Теряя свое значение в качестве основной рабочей силы хозяйства, челядь невольная пока служила для удовлетворения различных второстепенных потребностей двора.

Превращение челяди невольной из основного рабочего элемента в хозяйственную силу второго порядка — любопытная подробность в истории дворового господарского хозяйства первой половины XVI в.

Несмотря на то, что источники литовско-русского холопства сократились в сравнении с более ранним периодом, освободиться от него можно было только с согласия собственника, дававшего волю своему паробку[57]. Но на практике можно было освободиться от паробской службы путем представления вместо себя заместителя. Такая сделка была совершенно законна. По крайней мере, провинциальная администрация такие сделки считала имеющими силу. Когда паробки Селецкого двора Пинского староства подали жалобу на Кучку Артема и его сынов, которые раньше совместно с ними несли паробскую службу, а теперь отказывались от нее, ответчики в свое оправдание сослались на решение витебского воеводы, пана Ивана Сапеги, выдавшего им разрешительный лист. Ответчики, желая избавиться от паробской службы, купили на свое место Андрея Полочанина, и Сапега признал такую сделку законной. Они представили лист Сапеги и купчую крепость на Андрея Полочанина, и Пинский староста решил дело в пользу ответчиков, которые были освобождены от паробской службы[58].

Итак, во второй четверти XVI в. челядь невольная занимала в дворовом хозяйстве второстепенное место, чем и объясняется ее немногочисленность. Источники рабства несколько

[57] АВК, т. XXIV, № 47.
[58] ЦГАДА, ЛМ, КЗ XVI, л. 27.

изменились сравнительно с более ранней эпохой. Содержание челяди невольной вполне совпадало с требованиями уставы 1529 г. и последующих хозяйственных трактатов.

Еще меньше значения имели в хозяйстве огородники. Они сидели на землях, расположенных вблизи дворов. Наделы их были небольшими и состояли из некоторого количества пашни (на $^1/_2$, полтрети и 1 бочку), небольших сеножатей (на 3, 4, 7 возов), а иногда и небольшого лесного участка для удовлетворения своих хозяйственных нужд и потребностей (на 1—2 бочки). Впрочем, в виде исключения были огородные участки больших размеров: земли — на 5 и 15 бочек, сеножатей 10 возов.

Повинности огородников заключались в обязанности выходить летом на толоку доходившую до шести дней в году, если только огородник не уплачивал каких-либо дополнительных взносов. При уплате последних огородник или совсем освобождался от выхода на толоку, или она значительно уменьшалась. Если же огороднические участки выходили за пределы нормального огороднического надела, то в зависимости от этого несколько увеличивались его платежи и повинности. Огородник Каменецкого двора имел пахотной земли на 15 бочек и, кроме того, кое-какие другие угодья. Поэтому он платил 10 грошей куницы и выходил летом на четыре пешие толоки и четыре толоки с волами [59].

Численно огородников было немного, и помощь их на толоке существенной быть не могла. Да и самое выделение огородников в особую тяглую группу возможно объяснить только наличностью особых отрезков — застенков, недостаточных для превращения их в самостоятельную крестьянскую службу.

Главную рабочую силу господарского двора составляли тяглые люди, жившие в волостях, тянувших в повинностном отношении к тому или другому замку или двору. Значение тяглых людей для дворового хозяйства, как видно из инвентарей и уставы 1529 г., было огромное: они несут тяглую службу, работают на дворовой пашне, дают подводы [60]. Данные уставы 1529 г. и обильного архивного материала позволили М. К. Любавскому назвать тяглыми людьми только крестьян, работавших на барском дворе и ставивших по мере необходимости подводы [61]. С определением М. К. Любавского был не согласен проф. Леонтович. Находя, что М. К. Любавский значительно сузил термин «тяглая служба», проф. Леонтович предполагал, что тяглая служба отнюдь не заключалась только в одном

---

[59] ДМАМЮ, т. I, стр. 115.

[60] Там же, стр. 77, 78, 89, 113; АЗР, т. II, № 159, арт. 13.

[61] М. К. Любавский. Областное деление и местное управление..., стр. 315.

отправлении барщины [62]. По мнению Леонтовича, все литовско-русское крестьянство было тяглым и отличалось друг от друга лишь своими службами. Люди тяглые всегда противоположны в памятниках боярам, слугам и убогим [63]. Однако нельзя сказать, что аргументация проф. Леонтовича, приведенная им в опровержение мнения М. К. Любавского, была настолько отчетлива и убедительна, чтобы заставить последующих исследователей дать термину «тяглый» такое распространенное толкование, которое ему дал Леонтович. Доводы только что названного исследователя не могут быть приняты, так как он совершенно игнорирует данные уставы 1529 г. и аналогичной ей уставы 1547 г., в которой составитель с отчетливостью, не вызывающей никакого возражения, определил состояние «тяглого» человека, а также и тот материал, который говорит против него. Леонтович основывал свои доводы часто на данных совершенно случайного характера. Наконец, большая часть данных, на которые ссылался Леонтович для доказательства своего объяснения термина «тяглый» человек, относится к 70—80-м годам XVI столетия, когда действительно под влиянием экономических условий, стало намечаться слияние отдельных разрядов сельского населения в один, да и то постольку, поскольку природные условия западных и восточных волостей содействовали этому длительному процессу. Так, Леонтович, между прочим, ссылается на люстрацию Ратненского староства 1565 г., в которой данники названы «потяглыми данниками». Но едва ли эта ссылка может служить доказательством. Ведь «потяглые данники» — это все-таки не тяглые люди. Наконец, стоит только вчитаться в самую люстрацию, как нельзя не заметить, что та же люстрация называет данников только данниками [64].

В общем, полемическую аргументацию Леонтовича следует признать мало убедительной. Поэтому термин «тяглый» надо понимать так, как определил его М. К. Любавский, основываясь на точном понимании документов.

Термин «тяглый» окончательно установился только в первой четверти XVI в., хотя он начинает встречаться в памятниках довольно рано, еще в первой половине XV в. Едва ли не самое раннее употребление термина «тяглый» можно найти в книге данин великого князя Казимира. Господарь в Смоленской державе дал князю Федору Воротынскому королев двор Немчиновское с шестью слугами и с тяглыми людьми, «што орють да сено косять» [65]. Таким образом, наиболее раннее официаль-

---

[62] Ф. Леонтович. Крестьянский двор в Литовско-Русском государстве. ЖМНП, 1897, № 7, стр. 409.

[63] Там же, стр. 411.

[64] АЮЗР, ч. VII, т. II, стр. 272—321.

[65] ДМАМЮ, т. I, стр. 25.

ное определение термина «тяглый» вполне совпадает с тем толкованием, которое дал этому термину М. К. Любавский. Местность, где установился этот термин,— это западные волости княжества, местность, покрытая господарскими дворами, где сельскохозяйственная культура уже пустила довольно глубокие корни. Но в других частях территории этот термин понимается различно, и точный смысл его неясен. Киевская люстрация 1471 г. знает термин «тяглый»[66]. По мнению составителя люстрации, тяглые — это те, кто дает «подымщину» и, уплачивая ее, ходит также на толоку. Толока — часть тягла, но во всяком случае не характерная. Тем не менее, составитель люстрации имел некоторое основание назвать «тяглыми» людей, плативших подымщину. Но в той же люстрации есть люди, которые ходили на толоку, но подымщины не давали; а также выходившие на работу «с топором и косою» и одновременно уплачивавшие подымщину[67] — не названы тяглыми людьми. Ясно, что самый термин не успел еще установиться, что с ним пока еще не было связано определенного представления об особом разряде населения, жившем на господарских землях. Эта неясность термина дала полное основание заметить М. С. Грушевскому, что «в известной уже нам описи Киевщины «тяглыми» называются люди, которые не были работниками в нашем значении этого слова, а те, в которых можем скорее всего признать работников, не носят этого названия»[68]. Хотя киевская люстрация не называет тяглыми людей, которые «с топором и косою ходять», однако их состояние резко противополагается состоянию данников. Составители люстрации, не сумев определить термином разницу между этими разрядами сельского населения на практике все-таки провели заметную демаркационную линию[69].

Земельные пожалования великих князей Александра и Сигизмунда I резко отделяют людей тяглых от даников, и повинностное состояние тех и других резко противополагается друг другу. Лист великого князя Александра, выданный дворянину Ивану Ржиновичу на село Сомино, довольно детально перечисляет «дани», раньше поступавшие полностью в казну, и ни одним словом не упоминает о работе даников на господарском дворе[70]. Сигизмунд I пожаловал князю Ивану Ивановичу в Смоленском повете — «сельцо тяглое», с которого шла «тяглая служба»[71]. Очевидно, правительство резко проводило раз-

[66] АЮЗР, ч. VII, т. II, стр. 6.
[67] Там же, стр. 1—10.
[68] М. С. Грушевський. Історія України — Руси, т. V, ч. I, стр. 134.
[69] АЮЗР, ч. VII, т. II, стр. 5, 30.
[70] АЛРГ, вып. I, стр. 91.
[71] Там же, № 107.

ницу между данными и тяглыми селами, и эта разница твердо закреплена в уставе 1529 г.

Если от господарских пожалований обратиться к сохранившимся инвентарям второй четверти XVI в., то в них нельзя подметить никакой сбивчивости в понимании термина, который толкуется во всех инвентарях совершенно одинаково. Инвентари под «тяглыми людьми» разумеют группу людей, обязанных работать определенное количество дней на господарском дворе [72].

Самая тяглая служба состояла из «пригона и толоки» М. В. Довнар-Запольский предполагает, что для тяглой службы особенное значение имеет пригон, так как на толоку выходили и другие службы [73]. Впрочем, едва ли есть какая-либо необходимость так резко противополагать пригон толоке, несмотря даже на то, что на толоку выходили разряды людей, никогда не бывшие тяглыми [74]. Толока — только составная часть тягла. Если же некоторые из нетяглых людей выходят на толоку, то по уставе 1529 г. это предписывалось с той целью, чтобы резче отделить высшие разряды сельского населения от шляхты, так как обязанность их выходить на толоку, хотя и косвенно, но все же говорила об их принадлежности к сельскому населению, хотя самый выход на толоку ничего не говорил об их тяглом состоянии. Толока — непременная часть полного тягла, неотделимая от пригона.

Повинностные отношения тяглого населения не ограничивались только одним отбыванием барщины и доставкой необходимого количества подвод. Тяглые люди платили еще натуральные оброки, так называемые «дякло» и «мезлеву».

В исторической литературе существует значительное разногласие по вопросу, что́ надо понимать под дяклой и под мезлевой. М. К. Любавский высказал предположение, что дякло обнимало собой все, что уродилось и прибыло в крестьянском хозяйстве, за исключением только скота, тогда как мезлева относилась исключительно к скоту [75]. Поэтому дякла были ржаные или житные, пшеничные, овсяные, сенные, а мезлева бралась «яловицами», свиньями, баранами, курами и яйцами [76]. С определением дякла М. К. Любавским не вполне согласен М. В. Довнар-Запольский, по мнению которого определение «дякла», впервые сделанное Любавским, «не подтверждено при-

---

[72] ДМАМЮ, т. I, стр. 87, 89, 118.

[73] М. В. Довнар-Запольский. Государственное хозяйство Великого княжества Литовского..., стр. 230.

[74] АЗР, т. II, № 159, арт. 14.

[75] М. К. Любавский. Областное деление и местное управление .., стр. 316.

[76] Там же, стр. 316.

мерами»[77]. Сам автор предполагает, что дякло по своему значению среди натуральных и денежных податей может быть сопоставлено с данями и в западных державах имело аналогичное значение. Самый термин этот литовского происхождения и обозначает дань — tributum, вот почему дякольники обыкновенно по латыни называются tributarii[78]. Приведенное мнение М. В. Довнар-Запольского, собственно, не дает никакого нового определения термина «дякло», а выясняет его значение в системе государственного хозяйства в эпоху Ягеллонов; и, со своей точки зрения, М. В. Довнар-Запольский прав, устанавливая сходство между данями и дяклами как источника государственных доходов.

Не вполне примыкает к М. К. Любавскому и проф. Леонтович. Проводя резкое различие между дяклом и мезлевой, Леонтович суживает понятие мезлевы, и многие продукты живностей относит к дяклу. Так, к последнему им отнесены гуси, куры, петухи, каплуны, яйца[79]. Но такое широкое понимание дякла находится в полном противоречии с источниками. Отстаивая свое суждение, проф. Леонтович ссылается на описание Барского староства, составленное в 1565 г., и на инвентари частных и господарских имений второй половины XVI в.[80]. Но в описании Барского староства при перечислении повинностей подданных вообще не говорится о дякле и мезлеве, и отнесение части натуральных повинностей к дяклу является совершенно произвольным. Помимо этого, население Барского староства сидело на чинше, и натуральные повинности имели только второстепенное значение, составляя лишь добавление к чиншу — так называемый мелкий доход[81]. То же следует сказать и о ссылке Леонтовича на инвентари господарских и частных имений, большею частью относящихся ко второй половине XVI в. и характеризующих совсем иные отношения, чем уставы 1529 и 1542 гг. Возражения М. В. Довнар-Запольского и Леонтовича против определения дякла М. К. Любавским, на наш взгляд, недостаточно убедительны. Поэтому следует остаться при определении, впервые высказанном М. К. Любавским, совершенно правильно подчеркнувшим, что в документах дякла резко отличаются от мезлевы и никогда не смешиваются[82]. И устава 1529 г., разли-

---

[77] М. В. Довнар-Запольский. Государственное хозяйство Великого княжества Литовского..., стр. 228.

[78] Там же, стр. 228.

[79] Ф. Леонтович. Крестьянский двор в Литовско-Русском государстве. ЖМНП, 1897, № 5, стр. 38.

[80] Там же, стр. 38 и сл.

[81] АЮЗР, ч. VII, т. II, стр. 128—135.

[82] М. К. Любавский. Областное деление и местное управление..., стр. 316.

чая дякло от мезлевы, в своем понимании дякла близка к определению, данному Любавским [83].

Дякла были очень разнообразны, что зависело от разнообразных природных условий, влиявших на крестьянское хозяйство. Так, были дякла ржаные, овсяные, пшеничные, дровяные и т. д. [84].

Относительно мезлевы в исторической литературе не существует разногласий, если не считать мнения Леонтовича, несколько суживающего ее объем. Но зато заметна большая разница по вопросу о характере этого сбора среди других господарских повинностей и платежей. По предположению М. К. Любавского, мезлева — это своего рода праздничное приношение, которым крестьяне были обязаны по отношению к своему господарю [85], тогда как Леонтович происхождение мезлевы ставит в связь со стациями на господаря «во время его приезда для ловов и других случаев» [86]. Может быть, в своем объяснении происхождения мезлевы Леонтович и более прав, чем М. К. Любавский, так как на это указывают некоторые из заставных листов Сигизмунда I [87], но необходимо заметить, что великий князь ездил далеко не по всем дворам, а между тем «мезлева — яловица, вепры и иныя речи» давались ежегодно «подлуг давного обычаю». Поэтому объяснение, приводимое Леонтовичем, может быть принято только отчасти. Происхождение мезлевы как крестьянской повинности, было подвергнуто специальному рассмотрению М. В. Довнар-Запольским, ставящим мезлеву в связь со стациями на господаря. Указывая, что обязанность поднимать господаря было древнейшей повинностью населения, не отмененной и привилеем 1447 г., [88] М. В. Довнар-Запольский отмечает, что и при пожаловании господарских имений, господарь сплошь и рядом обязывал держателей господарских имений давать стации, так как господарь дорожил стациями и удерживал их даже тогда, «когда отдавал свои державы со всеми остальными доходами» [89].

Со временем стация, бывшая первоначально случайной, экстраординарной повинностью, стала постоянной [90]. Впослед-

---

[83] АЗР, т. II, № 159, арт. 9—12.

[84] Там же, арт. 9—11.

[85] М. К. Любавский. Областное деление и местное управление..., стр. 476.

[86] Ф. Леонтович. Крестьянский двор в Литовско-Русском государстве. ЖМНП, 1897, № 5, стр. 40.

[87] М. К. Любавский. Областное деление и местное управление..., прил. № 25—27.

[88] М. В. Довнар-Запольский. Государственное хозяйство Великого княжества Литовского..., стр. 105.

[89] Там же, стр. 106—109.

[90] Там же, стр. 110.

ствии эти сборы стали называться «мезлевой», «болкуновщиной», «воловщиной»[91].

Несомненно, в этих замечаниях М. В. Довнар-Запольского много верного, но им, как и Леонтовичем, оставлен без ответа вопрос, какие же условия способствовали превращению этого экстраординарного сбора в постоянный и к какому времени можно отнести превращение мезлевы в постоянный сбор. Не давая ответа на этот вопрос и даже не ставя его, М. В. Довнар-Запольский, однако, замечает, что до Сигизмунда I «мезлева» встречается в памятниках только несколько раз, и только с эпохой Сигизмунда I это слово становится общеупотребительным[92]. Можно с определенностью сказать, что превращение стации в мезлеву — постоянный податок, относится к эпохе Сигизмунда I, уже обратившего внимание на поднятие доходности господарских имений и на улучшение постановки в них хозяйства. По всей вероятности, мезлева стала постоянным податком не раньше опубликования Сигизмундом I первой хозяйственной уставы. По уставе 1514 г. господарские державцы должны были подымать господаря «всякими стацеями», как это было в старину, или по приказанию господарскому отправлять «тую стацею до нас без замешканья»[93]. В уставе 1529 г. слово «мезлева» стало общеупотребительным. Кроме того, с возможной полнотой определен и самый характер этой повинности[94].

Дякло и мезлева составляли характерные повинности тяглого населения. Это позволило Бершадскому видеть в платеже дякла главный признак «тяглой службы»[95]; но так как дякло уплачивали и люди, не несшие тяглой службы, то, по справедливому замечанию М. К. Любавского, «не платеж дякла характеризует принадлежность к тяглым людям, а работа на барском дворе»[96]. Леонтович же пошел дальше Бершадского и людей, плативших дякло, причислил к особому разряду сельского населения «дякольникам», отличному от людей тяглых и служебных; но следует заметить, что в подтверждение своего мнения Леонтович не привел никаких доказательств и ограничился лишь несколькими замечаниями догматического характера[97]. Если же считать, вслед за М. К. Любавским, что

[91] М. В. Довнар-Запольский. Государственное хозяйство Великого княжества Литовского..., стр. 114.

[92] Там же, стр. 118—119.

[93] М. К. Любавский. Областное деление и местное управление..., прил. № 23.

[94] АЗР, т. II, № 159, арт. 11.

[95] С. А. Бершадский. Авраам Езофович Ребичкович, подскарбий земский, член Рады Великого княжества Литовского. Киев, 1888, стр. 60.

[96] М. К. Любавский. Областное деление и местное управление.., стр. 320.

[97] Ф. Леонтович. Крестьянский двор в Литовско-Русском государстве. ЖМНП, 1897, № 5.

дякло не признак тяглой службы, а только повинность, которую несло и нетяглое крестьянство, то нет никаких оснований для открытия какого-то несуществующего разряда «дякольных людей», о которых нет и намека в источниках [98]. И сохранившиеся инвентари второй четверти XVI в. тоже не знают особого разряда «так называемых дякольных людей» [99].

Инвентари второй четверти XVI в. знают «тяглых людей» исключительно как рабочую силу господарского двора, и первостепенное их хозяйственное значение весьма отчетливо отражается в них. Тяглые люди составляют живой нерв господарского двора. Они — основная его рабочая сила, отдающая долю своего труда, и работающая со своим инвентарем. Тяглые люди составляют преобладающее население тех дворов, где сельскохозяйственная культура уже пустила достаточно глубокие корни, и их совсем нет в тех местностях, где по условиям природным или экономическим сельское хозяйство находилось еще в зачаточном состоянии.

Тяглые люди сидели на земельных участках, состоявших из пашни и различных угодий, необходимых для функционирования их хозяйства. Эти земельные участки являлись основанием их тяглой службы. В западных волостях княжества они назывались «службами», но по отдельным местностям встречались и другие для них названия [100].

Крестьянские хозяйства складывались постепенно, естественным путем, благодаря приложению рабочей силы осадников или осадника и захвату «топором и косою» свободных, никем не занятых земель, и отличались друг от друга и своими размерами, и количеством инвентаря, и рабочих рук, что, конечно, зависело от тех естественно-исторических условий, под влиянием которых формировалось крестьянское хозяйство. Господарская администрация в первой половине XVI в. не трогала этих слагавшихся поколениями хозяйств, несмотря на их крайнюю неравномерность.

Во всяком крестьянском тяглом хозяйстве обыкновенно была пахотная земля и сеножати. Иногда в состав его входил и лес исключительно для нужд и потребностей отдельного хозяйства. Хозяйственные инвентари второй четверти XVI в. не делают никаких попыток определить величину крестьянских участков, но зато сообщают ряд данных относительно количества хозяйственного рабочего инвентаря. Составители инвентарей должны были обратить особое внимание на хозяйственный инвентарь

[98] М. К. Любавский. Областное деление и местное управление..., стр. 318.

[99] ДМАМЮ, т. I, № IV—VIII.

[100] М. К. Любавский. Областное деление и местное управление . стр. 452—464.

тяглого человека, обязанного нести дворовую барщину со своим рабочим скотом. Все крестьянские службы располагают рабочим инвентарем. Службы, не имевшие никакого достатка, так называемые безлошадные хозяйства,— не общее правило, а исключение [101]. Может быть, в этом сказалось влияние хозяйственно-распорядительной деятельности державцы, так как тяглый работник, не имевший собственного рабочего инвентаря, представлял собой для хозяйства ценность весьма небольшой величины.

Хозяйства крестьянские отличались друг от друга степенью своей зажиточности. Никаких объективных признаков для ее определения мы не знаем, за исключением перечня рабочего скота, который только отчасти может служить показателем домовитости или зажиточности крестьянского хозяйства. Придерживаясь этого критерия, можно счесть зажиточными те хозяйства, в которых было от 8 до 12 голов крупного рабочего скота, средними — от 4 до 8 голов и мелкими — хозяйства, имевшие менее 4 голов скота. Основываясь на инвентаре Ворненского двора, отношения различных групп хозяйств можно представить в следующем виде: хозяйств с одной лошадью — 7 (или 18,42%), с одним волом — 2 (или 5,27%), с одной коровой — 3 (или 7,89%). В остальных случаях: 19 хозяйств имело 2—4 голов рогатого скота (50%), 4 хозяйства — 5 (10,35%), 3 хозяйства — 8 (7,89%).

Следовательно, мелких хозяйств было 31, или 81,58%, средних — 4, или 10,53%, крупных — 3, или 7,89%.

Таким образом, мелкое крестьянское хозяйство было преобладающим. Мало того, 37,7% мелких хозяйств владели лишь одной головой скота.

Ту же картину состояния крестьянского хозяйства можно наблюдать в дворах и волостях, приписанных к замку Радошковичи. Эти данные интересны еще тем, что дают некоторое представление и о хозяйстве частновладельческих крестьян, так как замок Радошковичи был «спадковым», принадлежал старинной фамилии — Гаштольдам.

Отношения между различными хозяйственными группами представляются здесь в следующем виде: хозяйств с одной лошадью было 3 (или 6,67%); остальные хозяйства имели следующее количество скота:

Голов скота .	1	2	3	4	5	6	7	8 и больше рог. скота	Итого
Число хозяйств	3	9	5	6	2	5	2	13	45
%	6,67	20	11,11	13,34	4,44	11,11	4,45	28,89	100

[101] ДМАМЮ, т. I, стр. 88—89.

Итак, в волостях, приписанных к замку Радошковичи, мелких служб числилось 23 (или 51,11%), средних — 9 (или 20,00%), крупных — 13 (или 28,89%).

Таким образом, и в волостях замка Радошковичи доминировало мелкое хозяйство, но в сравнении с Ворненским двором процент хозяйств с одной головой рогатого скота был ничтожен — всего лишь 14,29. Кроме того, в волостях замка Радошковичи немало сложных хозяйств, весьма щедро обеспеченных рогатым скотом (свыше 10 голов). Максимальное количество рогатого скота для такой одной крестьянской службы составит 28 голов. Не является ли это показателем, что в частновладельческих имениях хозяйство было поставлено шире и велось интенсивнее господарского?

Мы располагаем еще данными о тяглых людях волости Мядельской. Отношения между различными группами хозяйств представляются здесь следующим образом:

Двор	С одной лошадью	С одним волом	С двумя волами	С тремя волами	С четырьмя волами	С пятью волами	С шестью волами	С восемью волами	Итого
Мядельский	3	1	6	5	11	2	—	8	36
Заворницкий	3	—	1	3	2	1	1	—	11
Склениковский	3	—	5	3	1	—	—	—	12
Число служб	9	1	12	11	14	3	1	8	59
%	15,25	1,70	20,54	18,64	23,73	5,08	1,70	13,56	100

Таким образом, и в волостях, приписанных к Мядельскому, Заворницкому и Склениковскому дворам, мелкое крестьянское хозяйство является доминирующим: на 59 служб пришлось 47 служб, снабженных хозяйственным инвентарем до 4 голов крупного скота, или 79,66%. Сравнительно немного было служб с одной головой скота — всего 10, или 16,95%.

Итак, сохранившиеся инвентари дают представление о крестьянской службе как мелкой хозяйственной единице, в общем довольно скудно снабженной рабочим скотом. Если же отдельные службы имели сравнительно много рабочего скота, то не следует забывать, что такая служба состояла из нескольких дымов, так что каждый из них являлся единицей весьма небольшой в хозяйственном отношении.

И земельная основа службы отличалась большой пестротой. Исторические условия, способствовавшие развитию крестьянского землевладения, естественно, создавали большую пестроту и неравномерность в распределении земли и угодий между отдельными крестьянскими хозяйствами. Хозяйственные инвентари совершенно отчетливо рисуют эту пестроту, хотя, к сожалению, не во всех инвентарях можно найти соответствующие сведения. Для составителя инвентаря было очень важно отметить рабочую силу службы, но не ее земельную основу, так как последняя для дворового хозяйства не имела никакого значения.

Тяглые земли в Мядельской волости были двух видов: удобряемые (навозы) и неудобряемые — простые.

Распределение земельной собственности по отдельным службам может быть представлено по Мядельскому двору в следующем виде:

Число служб . . .	1	1	1	1	4	1	1	1	5
Количество земли в бочках	25	23	22	20,5	16	15,5	12	11,5	11
Число служб . . .	4	1	1	3	3	3	2	1	2
Количество земли в бочках . .	10,5	7,5	6,5	6	5	4,5	4	3,5	1,5

В составе службы Мядельского двора доминирующими были земли простые, неудобренные. Унавоженной земли было совершенно ничтожное количество. Оно колебалось между 1/2 и 5 бочками на одну тяглую службу, причем из 36 тяглых служб, приходилось только две службы с 3-мя и 5-ю бочками навоза. В большинстве служб унавоженная земля равнялась 1/2 или 1 бочке.

Земельное обеспечение тяглых людей двора Заворницкого представляется в следующем виде:

Число служб . . .	1	2	1	1	2	1	1	1	1	1
Количество земли в бочках	25	21	19	16	15,5	15	14,5	13	10	4,5

При этом унавоженные земли также большею частью весьма невелики по своим размерам: на одну службу приходилось не более бочки навоза. Ту же пестроту в земельных наделах можно отметить и у тяглых людей волости двора Склениковского. Здесь были службы, у которых земли было на 21, 14, 10 1/2, 6, 8, 5 1/2 и 4 1/2 бочки. Отношение же удобряемой земли к неудобряемой будет такое же, как и в двух предыдущих волостях.

Крайней пестротой отличались и размеры сеножатей тяглых людей. Впрочем, самыми большими были сеножати на 15 возов, но таковые сеножати — сравнительно редкое явление. Преобладающими были сеножати на 4, 5 и 6 возов. Попадались крестьянские тяглые службы, при которых совсем не было сеножатей.

Ту же картину можно наблюдать и в волостях, приписанных к замку Радошковичи. Только здесь земельные участки службы довольно велики, иногда доходят до 40 бочек на одну службу, но зато и состав служб несколько сложнее, чем в предыдущих волостях. И сеном тяглые люди волостей замка Радошковичи были снабжены в бо́льшем размере на одну службу.

Итак, в тяглых наделах в западных волостях наблюдается пестрота. Подозревать ее можно было и раньше, приняв во внимание те условия, под влиянием которых создавалось крестьянское землевладение.

Крестьянские службы были по своему составу простыми или сложными.

В первом случае, крестьянская служба составляла также одно отдельное крестьянское хозяйство, одну тяглую семью. Во втором случае — службы состояли из нескольких хозяйств-домов, сообща владевших лесными, сенными и пахотными угодьями, совместно отправлявшими лежавшую на них тяглую повинность. Совладельцы одной службы могли быть родственниками: дядя с племянником, отец и рядом совладельцами служб были и чужаки [102].

Для характеристики крестьянского тяглого землевладения полезно было бы выяснить, какие службы преобладали: простые или сложные; но инвентарные данные слишком недостаточны, чтобы можно было сделать по этому поводу какое-либо заключение.

Состав крестьянских служб зависел, конечно, от тех условий, под влиянием которых постепенно слагалось крестьянское хозяйство, превращавшееся в отдельную службу.

Переходя к рассмотрению повинностей, которые падали на каждую службу, можно отметить, что и в данном случае существовало немало существенных отличий. И едва ли прав Каменецкий [103], утверждавший, что, за немногими исключениями, крестьянские повинности и платежи были равномерны. Данные господарских инвентарей никоим образом не позволяют присоединиться к данному категорическому положению.

---

[102] ДМАМЮ, т. I, № V и VII.

[103] W. Kamieniecki. Rozwój własności na Litwie w dobie przed I statutem. Rozprawy Akademii Umiejętności. Wydział Historyczno — Filozoficzny, ser. II, t. XXXII. Kraków, 1914.

Тяглые люди прежде всего отправляли на господарском дворе пешую и конную барщину. Большею частью такая барщина была однодневной. Такую барщину отправляли тяглые люди дворов Мядельского [104], Заворницкого [105], Ворненского [106].

Но рядом с такой однодневной барщиной случалась и более тяжелая — двухдневная, трехдневная и даже четырехдневная [107]. В волостях, приписанных к замку Радошковичи, барщина была кое-где еще тяжелее — «день в день» [108]. Впрочем, такая барщина — исключение, так как нормы ее выработались тогда, когда волость Радошковичи находилась в частном владении. За недостатком инвентарей нельзя ничего сказать о преобладающем характере барщинных отношений. Но едва ли можно предполагать, что трехдневная и бо́льшая барщина не являлись исключением. Ведь волочная устава, ставившая целью поднятие доходности хозяйства, установила двухдневную барщину для тяглых людей с каждой волоки.

Характер крестьянской барщины, падавшей на отдельную службу, никоим образом нельзя поставить в связи с тем или другим состоянием крестьянского хозяйства. Сплошь и рядом тяглые службы, располагавшие довольно большим хозяйственным инвентарем или количеством пахотной земли, выходили на барщину только один раз в неделю, тогда как малохозяйственные элементы в других волостях должны были выходить на барщину два — три раза в неделю. Впрочем, в последнем случае замечается уменьшение количества других податков, что является своего рода компенсацией за слишком тяжелую барщину [109].

Некоторое соответствие между продолжительностью барщищины и хозяйственным состоянием одной службы можно отметить только в волостях, приписанных к замку Радошковичи. Но не надо забывать, что замок Радошковичи находился до 1547 г. в частных руках, и стремление к уравнительной барщине является результатом частновладельческих забот. В господарских дворах и волостях такого явления быть не могло. Ни хозяйственные уставы второй четверти XVI в., ни инвентари той же эпохи не дают никаких данных для иного представления о взаимном отношении барщины и крестьянской службы. И другие платежи, поступавшие в господарский скарб, распределялись весьма неравномерно между отдельными крестьянскими службами.

---

104 ДМАМЮ, т. I, стр. 78.
105 Там же, стр. 81
106 Там же, стр. 87.
107 Там же, стр. 79—83
108 Там же, стр. 109.
109 Там же, № V, VI.

Тяглые люди могли быть совершенно освобождены от всяких дополнительных податков и повинностей, за исключением только одной барщины, бо́льшей или меньшей продолжительности. Так, группа тяглых людей Ворненского двора только отправляла одну барщину, но другая часть тяглых людей помимо барщины уплачивала дякло «по солянце жита» и, кроме того, вносила в скарб 8—10 грошей, очевидно, за остальные дякло и мезлеву, переведенные на деньги, что вполне допускалось хозяйственными уставами этой эпохи [110].

Тяглые люди Мядельской волости с каждой службы давали бочку овса, воз сена, выделывали сажень невода и, кроме того, каждая служба давала в скарб некоторое количество медовой дани. Все платежи могли быть собраны деньгами по принятой тогда расценке [111]. Тяглые люди двора Заворницкого уплачивали дякло в размере бочки жита, бочки овса, воза сена и мезлеву — сажень невода, кур, яиц десять, льна десяток, и, кроме того, полгроша за «белку» [112]. Эти дополнительные платежи распространялись на все службы. Такими же были и дополнительные платежи тяглых людей двора Склениковского. Следует только заметить, что они распространялись не на все службы: из 11 — 3 были свободны от них. Может быть, свобода от дополнительных платежей компенсировалась более высокой барщиной [113]. Точно также и часть тяглых людей, приписанных к замку Радошковичи, освобождалась от дополнительных податков. Другая часть давала подачки — дякло, состоявшие из некоторого количества жита, овса, барана, кур, яиц и льна. Эти взносы были выше, чем в других дворах. Может быть, это зависело от того, что крестьянские службы были довольно большими по своим размерам, или это явление можно объяснить тем, что крестьяне частновладельческих служб были вообще обложены выше.

Итак, одни тяглые люди несли только барщину большей или меньшей продолжительности, другие помимо барщины, давали дополнительные податки натурой или деньгами. И продолжительность барщины и дополнительные податки были неодинаковы в волостях, и, главное дело, ни в каком отношении не находились к действительному состоянию отдельного тяглого крестьянского хозяйства. Это несоответствие и неравномерность, несомненно, вполне отчетливо сознавались литовско-русским правительством и давали толчок к выполнению задуманных аграрных мероприятий.

Наконец, тяглые люди помимо своей службы, могли стать

[110] ДМАМЮ, т. I, стр. 86.
[111] Там же, стр. 76—78.
[112] Там же, стр. 80—81.
[113] Там же, стр. 82—84.

держателями отдельных угодий, за что вносили в скарб добавочный взнос, своего рода арендную плату [114].

Количество тяглых людей в каждой волости определялось потребностями дворового хозяйства. Весь рабочий излишек был посажен «на осаде», и такой распорядок находился в полном соответствии с требованиями хозяйственных уставов второй четверти XVI в.

Хозяйственное положение таких «осадных» людей отличалось такой же пестротой, как и тяглых людей. И все повинностные отношения ко двору ограничивались уплатой денег или взносов натурой, которые также достаточно разнообразились по отдельным службам. Кроме того, сидевшие «на осаде», должны были, по условиям дворового хозяйства, выходить на толоку большей или меньшей продолжительности [115].

Крестьянские службы наследственны. Крестьяне, несущие со своего земельного участка «службу», считают ее своей «отчиной» [116], наследственно-семейным владением, которым они имеют право довольно свободно и широко распоряжаться, что ввело в заблуждение М. Ф. Владимирского-Буданова, считавшего крестьян до половины XVI в. полноправными собственниками своих земельных участков — служб [117]. На самом деле, крестьяне были всегда только держателями государственной земли, а отнюдь не собственниками, и никакого сокращения их прав не происходило во второй четверти XVI в. Довольно свободная и широкая мобилизация крестьянских земельных участков и угодий в первой половине XVI в.— явление, бесспорно, бросавшееся в глаза и могущее привести к не совсем правильным выводам. Такая относительная широта ее зависела не от установившегося взгляда на крестьянскую собственность, а исключительно от хозяйственно-административных приемов литовско-русского правительства. Их нельзя не иметь в виду. Хозяйственные мероприятия правительства были направлены в сторону усиления производительности дворового хозяйства, но при этом правительство совершенно не трогало слагавшихся веками отношений, заботясь лишь о том, чтобы все подведомственные ему сельские элементы выполняли лежавшие на них повинности. При тогдашних крайне пестрых формах крестьянского землевладения [118] для правительства, с хозяйственной точки зрения, совершенно не имело значения ни то количество земли, которое входило в состав каждой службы, ни

[114] ДМАМЮ, т. I, стр. 114.

[115] Там же, стр. 102—104.

[116] АВК, т. XVI, № 831, 327, 268, 358, 657, 973, 374, 832, 861.

[117] М. Ф. Владимирский-Буданов. Крестьянское землевладение в Западной России до половины XVI в., стр. 37.

[118] М. К. Любавский. Областное деление и местное управление..., стр. 453—464.

количество дымов, составлявших одну службу. Правительство могло допускать и смотреть сквозь пальцы на различные сделки между крестьянами, лишь бы только они прямо не затрагивали интересов дворового хозяйства. Поэтому администрация допускала такие сделки, и наличность их говорила не о праве крестьянина распоряжаться своими земельными участками и угодьями по собственному усмотрению, а лишь о том, что данная сделка, благодаря которой происходил переход земельной собственности из одних рук в другие, не может вредить хозяйственным интересам того или иного двора. Когда в 40-х годах XVI в. один державца не утвердил договора купли на том основании, что «мужик мужику землю на вечность продать не может», то в этом решении нельзя видеть только тенденцию сокращения крестьянских прав. Это была не тенденция, а общее правило, особенно резко выраженное, в момент, когда аграрная реформа носилась в воздухе и когда перестройка земельных отношений должна была ликвидировать и прежние сделки крестьян друг с другом [119].

В исторической литературе было высказано мнение, отрицавшее потерю государственными крестьянами свободы переходов [120]. Это утверждение, бесспорное для достатутовой эпохи, сохраняет свою силу и для второй четверти XVI в. Крестьяне оставляют свои службы, и со стороны волостной администрации не встречается никакого противодействия. Пустовавшая земля обыкновенно давалась в пользование другому тяглецу [121], так как со службы не поступало никаких «подачек». Впрочем, если по прошествии некоторого времени отчич возвращался на старое место и заявлял на него притязания, то, кажется, администрация признавала моральное право за отчичем на возвращение ему его семейного владения. Однако отдача земли во владение старого отчича была возможна по представлении поручительства, что отчич в состоянии выполнять «службу и подачки господарские» [122].

Крестьяне-отчичи имели право при жизни передать свои все земли или часть их своим детям, с передачей им и тех обязанностей, которые были соединены с владением отчиной. Такая передача не могла встретить со стороны администрации какого бы то ни было противодействия, так как раздельным актом лучше обеспечивалось отправление лежавшей на земле службы [123].

---

[119] АВК, т. XVII, № 861.
[120] М. К. Любавский. Областное деление и местное управление..., стр. 378—379.
[121] АВК, т. XVII, № 327.
[122] Там же, № 327.
[123] Там же, № 358.

3

В господарских волостях и дворах находилась довольно многолюдная группа крестьян, либо занимавшихся каким-либо ремеслом, либо бывших промышленниками, либо отправлявших какую-нибудь специальную службу. К первой категории этого волостного населения, резко обособленного в повинностном отношении от других групп населения, следует отнести тех лиц, которые прямо или косвенно связаны с господарским двором и сделались составной неразрывной частью последнего. К ним могут быть отнесены: дойлиды [124], ковали [125], кравцы [126], скляры [127], рыболовы [128], прудники [129], гуменники [130], угольники [131], сенники [132], бондари [133], судники [134], текуны [135], дегтяри [136], млынари [137], узварцы [138], пивовары [139], мешевники [140], медосытцы [141], медовары [142], садовники [143], слесари [144], гончары [145], ковшовники [146], римари [147], мурали [148], муковозы [149], солодовники [150], раковники [151], мостовники [152], колесники [153], шиндель-

---

[124] ДМАМЮ, т. I, стр. 109; М. К. Любавский. Областное деление и местное управление..., стр. 332.

[125] М. К. Любавский. Областное деление и местное управление..., стр. 331, прил. № 8; АВК, т. XVII, № 173.

[126] Там же, стр. 333, АВК, т. XVII, № 539.

[127] ДМАМЮ, т. I, стр. 71.

[128] Там же, стр. 78

[129] Там же.

[130] М. К. Любавский. Областное деление и местное управление.., прил. № 8.

[131] Там же; АВК, т. XVII, № 320.

[132] АВК, т. XVII, № 321.

[133] Там же, № 321.

[134] М. К. Любавский. Областное деление и местное управление.., стр. 332.

[135] АВК, т. XVII, № 607.

[136] М. К. Любавский. Областное деление и местное управление.., стр. 335.

[137] АВК, т. XVII, № 585.

[138] М. В. Довнар-Запольский. Государственное хозяйство Великого княжества Литовского..., стр. 231.

[139] АВК, т. XVII, № 36.

[140] Там же, № 905.

[141] Там же, № 36.

[142] Там же.

[143] Там же, № 110.

[144] Там же, стр. 129.

[145] Там же.

[146] Там же.

[147] Там же, стр. 71; АВК, т. XVII, № 170.

[148] Там же, стр. 71.

[149] АВК, т. XVII, № 14.

[150] Там же, № 19.

[151] Там же, № 72.

[152] Там же, № 75.

[153] Там же, № 16.

ники[154], стрихари[155], меловники[156], рудники[157], глинники[158], хомутники[159].

Ко второй категории можно отнести лиц, специально ведавших господарским коннозаводством. Среди них встречаются лейти[160], конокормцы[161], ройтинники[162], конюхи[163], маштале-ры[164]. К третьей категории относятся промышленники, эксплуатировавшие различные угодья, как-то: бортники[165], бобровники[166]. Лесное хозяйство охраняли осочники[167].

Наконец, к последней категории можно отнести людей, обязанных отправлять повинности, так или иначе связанные с охотой. К ним причисляются ловцы[168], псарцы[169], сокольники[170].

Многочисленные господарские ремесленники и промышленники сидели на земельных участках-службах.

Кажется, и в данном случае земельная основа службы и хозяйственная ее обеспеченность отличалась чрезвычайной пестротой. Но в общем, служба ремесленников и промышленников не были велики по своим размерам. Следующие данные дворовых инвентарей только отчасти могут иллюстрировать вышесказанное.

Прудники Мядельского двора в своем распоряжении имели земли на 23 бочки и сеножатей на 15 возов. Пивоварцы мядель-

---

[154] АВК, т. XVII, № 14.

[155] Там же, № 58.

[156] Там же, № 12.

[157] Там же, № 123.

[158] Там же, № 526.

[159] Там же, № 904.

[160] ДМАМЮ, т. I, стр. 72.

[161] М. К. Любавский. Областное деление и местное управление..., стр. 328.

[162] Там же.

[163] ДМАМЮ, т. I, стр. 73.

[164] ЦГАДА, ЛМ, КЗ XXXI, л. 16; М. В. Довнар-Запольский Государственное хозяйство Великого княжества Литовского..., стр. 232.

[165] АЗР, т. I, № 20; М. К. Любавский. Областное деление и местное управление..., стр. 323.

[166] АВК, т. XVII, № 61; «Ревизия пущ и переходов звериных в бывшем Великом княжестве Литовском, с присовокуплением грамот и привилегий на входы в пущи и на земли, составленная старостою Мстибоговским Григорием Богдановичем Воловичем в 1559 г., с прибавлением другой актовой книги, содержащей в себе привилегии, данные дворянам и священникам Пинского повета, составленной в 1554 г.». Вильно, 1867.

[167] Ревизия пущ и переходов..., стр. 60; М. К. Любавский. Областное деление и местное управление..., стр. 324.

[168] АВК, т. XVII, № 125; АЛРГ, стр. 133; М. К. Любавский. Областное деление и местное управление..., стр. 324.

[169] М. К. Любавский. Областное деление и местное управление..., стр. 324.

[170] М. В. Довнар-Запольский. Государственное хозяйство Великого княжества Литовского..., стр. 321; М. К. Любавский. Областное деление и местное управление..., стр. 325.

ские имели под собой земли на 11 бочек и сеножатей на 10 возов. Однако рыболовы того же двора сидели на земельном участке равном 9 бочкам и имели сеножатей на 12 возов. Другие рыболовы располагали земельным участком на $3^1/_2$ и 5, $5^1/_2$, 8, 9, $10^1/_2$ бочек и сеножатями величиной на 10 и 7—8 возов. Десятивозные сеножати преобладали среди рыболовов Мядельского двора [171]. Конюхи Мядельского двора имели в своем пользовании участки земли на 5, 8, 11 бочек и сеножатей на 10 и 6 возов [172]. Дойлиды Костюшковского двора сидели на участках земли на 17 и 20 бочек и имели сеножатей на 8 и 15 возов [173]. Бортники Каменецкого двора имели участки земли на 11 и 5 бочек и сеножатей на 10 и 8 возов. Кроме того, в их распоряжении находилось некоторое количество леса [174]. Земельный надел ремесленников и промышленников заключал в себе землю двоякого качества: унавоженную и простую. Первая составляла совершенно ничтожную часть надела и нигде не превышала размера одной бочки.

Хозяйства крестьян специальных служб также были слабо снабжены хозяйственным инвентарем. Пара волов и две клячи — наибольший рабочий инвентарь, встречающийся в сохранившихся инвентарях. Очевидно, зажиточность этого разряда сельского населения была такой же, как и тяглых людей.

Данные инвентарей весьма недостаточны для каких бы то ни было категорических выводов о земельном обеспечении слуг-ремесленников и промышленников, но едва ли мы ошибемся в предположении такой же картины их материального обеспечения и при других господарских дворах.

Службы ремесленников и промышленников были и простыми и составными; но какие из них наиболее характерны для данного состава населения, на это, по состоянию источников, ответа дать нельзя.

Вопрос о повинностях вышеназванного разряда населения был впервые изучен М. К. Любавским с свойственной ему документальностью и основательностью. По мнению исследователя, все эти слуги-ремесленники кроме своей специальной службы платили дякло и выходили на толоку [175]. Не несли тяглой службы и не платили дякла крестьяне-промышленники, но на толоку они выходили [176].

Наблюдения М. К. Любавского ограничивались эпохой достатутовой и, если считать их только общими типическими

---

[171] ДМАМЮ, т. I, стр. 78.

[172] Там же, стр. 79.

[173] Там же, стр. 109.

[174] Там же, стр. 113.

[175] М. К. Любавский. Областное деление и местное управление..., стр. 332.

[176] Там же, прил. № 8.

чертами, характеризующими положение слуг-ремесленников и слуг-промышленников, то они безусловно верны; но, по всей вероятности, по отдельным местностям и разрядам существовали весьма различные отклонения в сторону от этих обобщающих наблюдений, что отчасти признает и сам М. К. Любавский.

Эти отклонения превосходно иллюстрируются сохранившимися инвентарями. Так, дойлиды Костюшковского двора «с топором день в день служать», но на толоку они не выходили и никаких «подачек» не давали [177].

Близкие к дойлидам бондари и судники еще в эпоху достатутовую дякла не давали, но выходили на толоку и на войну. Точно так же и кравцы не несли в местечке Ганусишках никаких дополнительных повинностей, за исключением только «кравецкой» службы [178]. Ничего не известно о дополнительных повинностях скляров, о которых инвентарь упоминает только, что такой-то «склярскую службу служит» [179]. И слесари Оршанского замка тоже не несли никаких дополнительных повинностей, кроме своей «слесарской» службы «ку свирнам и ку воротам замковым замки новые давати, старие замки и ку тому гаковницы оправляти» [180]. В аналогичном положении находились и гончары: они «плату никоторого не дають, одно до кухни на потребу горшки давати винни» [181]. И ковшовники тоже не несут никаких дополнительных повинностей, кроме обязанности «на каждый год на вряд ковшов деревяных черленых 30 давати» [182]. Точно также, по инвентарям мурали несли только «одну муральскую службу» и не давали никаких дополнительных податков [183]. Не выходили на толоку и не давали дякла прудники Мядельского двора [184]. Но рыболовы, не давая никаких подачек, однако выходили на толоку «в лете косят сено, озероды у гумне поправують» [185]. Бортники села Ворошковичи, приписанного к двору Каменецкому, давали определенное количество дани медовой и, кроме того, давали дякло и выходили на работу «день в день з волы и с клячою» [186]. Но Каменецкий двор до 1547 г. находился в руках частных собственников, чем и можно объяснить сравнительную тяжесть их дополнительной работы. Устава 1529 г. была скромнее в своих требо-

---

[177] ДМАМЮ, т. I, стр. 109.
[178] Там же, стр. 71
[179] Там же.
[180] Там же, стр. 129.
[181] Там же.
[182] Там же.
[183] Там же, стр. 71.
[184] Там же, стр. 78.
[185] Там же, стр 79.
[186] Там же, стр. 113

ваниях. Согласно последней, бортники были обязаны выходить на толоку и косить сено [187]. Но господарские бобровники, приписанные к Оршанскому замку, кроме ловли на господаря бобров, других дополнительных повинностей не несли [188]. Не давали никаких подачек и не выходили на толоку «конюшки» Мядельского двора. Их обязанность заключалась только лишь в охране лошадей [189].

Приведенные данные, конечно, не дают полного представления о положении слуг-ремесленников и промышленников в господарских волостях, но во всяком случае они показывают, что дополнительные платежи и повинности — явление, не носившее общеобязательного характера, по крайней мере во вторую четверть XVI в.

Господарские ремесленники и промышленники должны были выполнять на господаря повинности, связанные со службой. Между тем, на деле были возможны разного рода злоупотребления со стороны лиц, непосредственно ведавших этим разрядом населения. Господарские конюхи жаловались на своего сотника, который гнал их на работу в лес и заставлял «дякло робити на будованье» конюшен королевских, а между тем, впоследствии отдал распоряжение отвезти «дерево и драници» к себе в дом, продолжая по старому выгонять их в лес на работу [190]. В подобных случаях пострадавшим приходилось обращаться к державце с жалобой на лиц, произвольно увеличивавших их службу.

Служба слуг-ремесленников и промышленников была наследственной. Предполагалось, что отец передаст своим детям специальные звания, без которых немыслимо отправление особой службы. Слуги-ремесленники и слуги-промышленники могли покинуть свои отчины, когда по тем или другим соображениям не могли отправлять лежавшую на них службу. По своем возвращении они считали себя вправе требовать в держание свою отчину вместе с отправлением лежавшей на земле службы. По всей вероятности, свободные земли — прежние отчины — снова отдавались отчичам, если державца находил их уход и их притязания на землю заслуживающими внимания [191]. После смерти отца служба переходила по наследству ко всем детям-сыновьям, если они до смерти отца не были разделены, не сидели «на отдельном хлебе». В противном случае, преемниками отца всегда бывали оставшиеся неразделенные дети. Наконец, ремесленная или промышленная служба могла быть за деньги передана

---

[187] АЗР, т. II, № 130.
[188] ДМАМЮ, т. I, стр. 131.
[189] Там же, стр. 76.
[190] АВК, т. XVII, № 3.
[191] Там же, № 157.

другим людям; и напрасно такую передачу службы проф. М. В. Владимирский-Буданов считает куплей. В глазах субъектов сделки — это акт продажи, в глазах же администрации — это передача в другие руки той службы, которая была связана с данной землей. Для державцы было важно не то, кто владел землей, а исправное отбывание повинности, лежавшей на службе [192].

В господарских волостях как западных, так и восточных был особый разряд волостного населения, повинности которого к скарбу ограничивались лишь платежом так называемой дани, составлявшейся из частей доходов, получавшихся от эксплуатации населением различных хозяйственных угодий. В западных волостях данников было сравнительно мало. Здесь они сохранялись только там, где еще сельскохозяйственная культура не приобрела господствующего положения. Восточные же волости — царство данников.

Повинностное положение данников ко времени издания первого статута было уже детально исследовано М. К. Любавским, разделившим данников, на основании обильного архивного материала, на две категории: одни из них уплачивали только дань и были свободны от каких-либо иных дополнительных платежей и повинностей. Другие же, если жили в местностях, где находились господарские дворы, наравне с тяглым населением выходили на толоку, косили сено, а иногда отправляли и другие повинности [193]. Конечно, эти документальные наблюдения действительны и по отношению к более поздней эпохе, когда господарское хозяйство стало более интенсивным и нуждалось в большем количестве рабочих рук [194]. Но едва ли это было повсеместным явлением. Привлечение данников к толоке зависело от состояния рабочей силы данного двора и его угодий. Так, данники Костюшковского двора не выходили на толоку [195]. С другой стороны, данники Мядельской волости выходили на толоку один день, «з чим роскажуть, леч з волы на дело не ходять, хиба клячами оруть» [196].

Повинности данников, в узком смысле этого слова, и во второй четверти XVI в. мало изменились по сравнению с предшествующим временем.

Данники, эксплуатировавшие только угодья и не имевшие никакой пашни, платили одну дань — натурой. Данники села

---

[192] АВК, т. XVII, № 18.

[193] М. К. Любавский. Областное деление и местное управление..., стр. 336.

[194] Полоцкая ревизия. «Чтения в Императорском Обществе Истории и древностей Российских при Московском Университете», кн. 2, М., 1905, стр. 65—66.

[195] ДМАМЮ, т. I, стр. 109.

[196] Там же, стр. 78.

Реваничи, приписанные к замку Радошковичи, уплачивали в скарб с каждого дыма от $1/2$ до 2 «каменей меду» в зависимости от разных угодий [197]. Кроме того, на волость Реваницкую падали расходы, налагаемые правительством в общей сумме. При этом распределение их между отдельными дымами производилось самой волостью, благодаря чему поддерживалось крестьянское самоуправление. Это были разные взносы на урядников и господаря, собираемые либо натурой, либо деньгами [198].

Что же касается размеров даней и различных податков, уплачиваемых волостным населением — данниками, то здесь царила удивительная пестрота, уже отмеченная М. К. Любавским. Эта пестрота весьма ярко отражается и в сохранившихся инвентарях Полоцкой ревизии 1552 г.

В сохранившихся инвентарях обращает на себя внимание одна чрезмерно важная деталь — это стремление их составителей связать некоторые платежи непосредственно со службой или дымом. Это индивидуализирование платежей, хотя и не полное, несомненно, указывало на существенные перемены, происшедшие в положении данников западных волостей, благодаря которым наносился существенный ущерб волостной организации, о чем так детально говорили М. К. Любовский и М. В. Довнар-Запольский в не раз уже цитируемых трудах.

Домашнее хозяйство данников, не имевших отдельной пашни, весьма бедное. Рабочий инвентарь состоял из одной — двух кляч, или сохи волов, да и то он был далеко не у всех. В общем, у данников рабочего инвентаря много меньше, чем у тяглых людей, и это вполне объяснимое явление. Рабочий инвентарь данников обслуживал исключительно только потребности и нужды домашнего хозяйства [199].

Наконец, к населению господарских волостей и дворов надо отнести и так называемых слуг, под названием путных бояр, панцирных бояр, повинностное положение которых достаточно подробно было изучено М. К. Любавским [200]. Все эти слуги, собственно,— тяглые люди, только временно освобожденные от своей тяглой службы и посаженные на землю для отбывания иной службы. Перевод их на положение военных слуг обыкновенно производился по усмотрению управителя господарского имения. Он же мог вернуть путного слугу в «первобытное» состояние [201].

---

197 Там же, стр. 116—118.
198 Там же, стр. 110, 111—118; Полоцкая ревизия, стр. 65—66.
199 Там же, стр. 118.
200 М. К. Любавский. Областное деление и местное управление..., стр. 343—356.
201 АЛГР, вып. I, № 1—85.

Согласно хозяйственной уставе 1529 г., такие слуги были обязаны выходить на толоку, что весьма определенно подчеркивало их принадлежность к тяглому населению и полную обособленность от бояр-шляхты. Само собой разумеется, что положение таких бояр-слуг было весьма неустойчиво.

Они в любой момент могли снова обратиться в состояние тяглых людей, если того требовали хозяйственные условия и соображения. В этом случае слуги должны были или молча примириться с переменой своего положения или попытаться получить от господаря лист, который бы укрепил их положение и гарантировал их от всяких на них посягательств со стороны местной администрации. Наконец, отдельные тяглые люди могли сами от себя хлопотать перед господарем или администрацией о переводе их на «путную службу»[202]. Конечно, такие просьбы могли быть удовлетворяемы только в зависимости от потребностей того или другого дворового хозяйства.

Источники и дворовые инвентари отмечают при господарских дворах еще один разряд населения, так называемых бояр, занимавших среднее место между шляхтой, с одной стороны, и тяглыми людьми — с другой. Обязанности таких бояр заключались в своевременном выходе на войну в соответствующем вооружении. По всей вероятности, численность такого боярства была очень велика, вследствие острых отношений, в которых Великое княжество находилось по отношению к своим соседям — Москве и Крыму. Что же касается их юридического положения, то последнее до сих пор не выяснено с желательной точностью, и в исторической литературе существуют по этому поводу весьма серьезные разногласия.

И вопрос об этом следует отнести к числу наиболее темных в литовско-русской историографии. Высказанные научные мнения в значительной степени расходятся друг с другом. Так, по мнению В. Б. Антоновича, термин «боярин» в XVI в. равнозначущ термину «земянин», который в XVI в. обыкновенно употреблялся для обозначения шляхетского звания[203]. Следовательно, бояре — те же шляхтичи. С этим взглядом не согласен М. К. Любавский. Нельзя не признать правильным его указание, что боярство представляло «класс довольно сложного происхождения и состава». В его состав входили и крупные землевладельцы — магнаты, составлявшие во многих землях высший правительственный класс, и простые военнослужилые землевладельцы, иногда, действительно, называвшиеся то боярами, то земянами[204]. Ко времени издания первого Статута

[202] АЛГР, стр. 136.

[203] В. Б. Антонович. Монография, стр. 249—250.

[204] М. К. Любавский. Областное деление и местное управление..., стр. 45.

все эти лица были записаны в хорунжие списки, и тогда их шляхетство уже ни в ком не возбуждало никакого сомнения. Они нераздельно входили в состав шляхетского сословия и пользовались всеми шляхетскими правами, выраженными в разнообразных привилегиях и закрепленными в статуте 1529 г. Но рядом с этим, как указывает М. К. Любавский, были бояре, вышедшие из простонародья, переведенные на военную службу. Они, конечно, с переходом на боярскую службу освобождались от тяглой службы и подачи всякого рода податей, но в то же время такие элементы, как не доказавшие своего благородного происхождения, не вошли в состав шляхетского сословия [205]. Такие бояре, не ставшие шляхтичами, составляли высший разряд господарских слуг, которые, однако, при известных условиях, могли вернуться в свое прежнее тяглое состояние. Правда, у таких бояр не была отнята возможность доказывать шляхетское происхождение. Во всяком случае, бояре из простонародья должны быть причислены к крестьянскому населению, от которого они отличались, главным образом, только характером своих повинностей. На это указывают и незначительные боярские земельные участки, с которых большею частью выставлялся только один конь [206]. Их хозяйственное положение, по всей вероятности, мало чем отличалось от зажиточного крестьянского хозяйства. Так, некоторые из бояр Ворненского двора несли «службу зупольную», имея инвентаря «кони чотыри, волы три, коров чотыри», но это были наиболее зажиточные. Менее состоятельные располагали инвентарем, меньшим по своим размерам и тоже были обязаны нести «зупольную службу» [207]. Эта служба и являлась демаркационной чертой, отделявшей боярство от тяглого крестьянства.

Юридическое положение боярства из простонародья было, в общем, мало устойчиво. Наместники-державцы не всегда считали их слугами-боярами и часто заставляли их наравне с прочим волостным населением нести тяглую службу, давать дякло и другие подачки, что было вполне возможно благодаря несколько неопределенному отграничению боярства от тяглого населения. Так, ейшишский наместник заставлял группу местных бояр давать дякло вместе с волостью на том основании, что их предки еще при Витовте давали дякло вместе с волостью [208]. Очевидно, наместник-державца не знал того момента, когда предки этих бояр были освобождены от давания дякол,

---

[205] М. К. Любавский. Областное деление и местное управление..., стр. 541—542.
[206] АВК, т. XXIV, № 31—32.
[207] ДМАМЮ, т. I, стр. 86.
[208] АЛГР, вып. I, № 14.

а бояре не располагали для доказательства соответствующими документами.

В таком случае наместник-державца имел полное основание считать бояр тяглыми людьми. Так же поступил с группой троцких бояр троцкий городничий, когда у них не оказалось никакого документа, которым можно было бы доказать свое боярство[209]. Такие действия администрации отнюдь нельзя было счесть правонарушениями. Но с другой стороны, наместники-державцы могли перевести боярина в тяглое состояние и при наличии соответствующих оправдательных документов. Тогда такое распоряжение несомненно было злоупотреблением своей властью, и боярам приходилось в этом случае возбуждать перед господарем дело о восстановлении своего боярского звания[210]. Бывали случаи, когда боярин был не в состоянии вести свое собственное хозяйство, когда из-за бедности, «недостатку», должен был оставить свои земли и поселиться на земле другого боярина, который, со своей стороны, обнаруживал стремление рассматривать его, как своего отчича и человека непохожего[211].

Пострадавшие бояре не желали мириться со своим положением и стремились добиться признания своего боярства со стороны правительственной власти. Подаваемые боярами с этой целью челобитья можно разделить на две категории. К первой надо отнести те челобитья, где идет речь о восстановлении боярства, на которое никто не посягал, так как сами бояре «за великими упадками своими, не могучи послуги военной служити з домов своих почали великому князю податок давати». Ко второй категории следует отнести те боярские челобитья, в которых идет речь о восстановлении боярского звания, утерянного не по своей вине, а вследствие недоразумений и злоупотреблений как со стороны господарской администрации, так и по вине частных лиц. Боярство таких лиц восстанавливалось опросом «бояр околичных суседов»[212], представлением соответствующих документов на право владения землей вместе с опросом свидетелей, что земля была «отчизной» и много лет находилась в их владении[213]. Такими документами могли быть: грамоты удельных князей, королевы Боны, Витовта, литовских господарей и высшей администрации[214]. Бояре могли сослаться на состоявшиеся уже раньше «судебные выроки», решившие дело в их пользу, но почему-то оставленные адми-

[209] АЛГР, вып. I, № 35.
[210] Там же, № 165.
[211] Там же, № 193.
[212] АВК, т. XXIV, № 19, 20, 21; АЛГР, вып. I, № 190.
[213] Там же, № 34, 40, 48, 62.
[214] АЛГР, вып. I, № 35.

нистрацией без внимания[215]. Наконец, бояре могли сослаться на вынесенный раньше приговор самого господаря, но который почему-то не принимался во внимание администрацией[216]. В спорных случаях, когда документы были недоказательны, наводились справки в старых книгах, давали ли предки челобитчиков дякло или нет, и отсутствие таковых записей вело к удовлетворению просьбы просителя. После 1528 г. восстанавливались в своих правах бояре, записанные в списки хорунжих, которые становятся отныне основным документом для доказательства боярско-шляхетского звания. Основой боярской военной службы было владение землей, причем боярское землевладение могло быть населенным и ненаселенным. Населенные земли состояли из нескольких или одного дворища со всеми прилегавшими к ним угодьями, со всем тем, «што к тому дворищу здавна слухивало»[217]. Это боярское землевладение в первой половине XVI в. основывалось на господарском указе, первичном при осаде на боярскую службу, или подтвердительном, когда боярин владел землей, отданной ему на боярство провинциальной администрацией, удельными князьями и княгинями, королевой матерью, или были им куплены[218]. Господарский лист был необходим боярину для укрепления прочности своего владения, так как делал невозможным посягательство на него со стороны провинциальной администрации, так как распоряжения ее не могли быть обязательны для господаря.

В противном случае заинтересованная сторона имела право и основание ходатайствовать перед господарем о возвращении незаконно отнятой земли, как укрепленной соответствующим документом. Господарские листы на землю окажутся документом, совершенно необходимым для боярства при проверке прав на землю, произведенной при осуществлении аграрной реформы. Только тем боярам будут даны «отмены» за присоединенные к господарским дворам земли, которые представят документы, удостоверяющие их право на владение землей, но только не на условном праве. Если юридически боярское право собственности основывалось на господарском листе, то на практике можно было доказывать свое право собственности на землю при посредстве свидетелей, если у владельца земли под рукой не оказалось соответствующих документов[219].

Боярское землевладение постоянно увеличивалось. Бояре неоднократно обращались к господарю с просьбой о добавочном наделении землей и оправдывали свою просьбу разными

[215] Там же, № 185.
[216] Там же, № 34, 40, 48, 62.
[217] АВК, т. XXIV, № 62, 14, 16, 12.
[218] Там же, т. XXIV, № 5, 6, 7, 8, 10, 12, 14, 43, 41, 69.
[219] Там же, т. XXIV, № 56, 63.

соображениями — то своей многосемейностью «братии много есть» и небольшими размерами своей отчины, вследствие чего они не могут исправно отправлять господареву службу [220]; то затратой труда на обработку свободного земельного участка [221]; так называемого «просечене»; то ссылкой на свои общегосударственные заслуги, «крев свою за отчизну загардовали, лели» [222]; то ссылкой «на ласку господарскую» [223]. Эти просьбы обыкновенно удовлетворялись господарем.

---

[220] АВК, т. XXIV, № 4.
[221] Там же, № 18.
[222] Там же, № 35.
[223] ЦГАДА, ЛМ, КЗ XI, л. 23.

Часть II

ПРОИЗВОДСТВО АГРАРНОЙ РЕФОРМЫ

VI. УСТАВА НА ВОЛОКИ

Общий ее характер. Устава — экономический трактат с практическим оттенком. Недостатки уставы. Централизация аграрной реформы. Деятели реформы — ревизоры и их помощники — мерники. Обязанности тех и других. Земли, подлежавшие измерению. Отмена и приемы ее назначения. Разрешение недоразумений с отменой. Фольварочное хозяйство. Обязанности урядника по ведению господарского хозяйства. Вознаграждение его. Крестьяне, приписанные к фольварочной пашне. Фольварочный скот. Господарское коннозаводство. Господарские огороды и дворовые сеножати. Разряды сельского населения. Повинности их и земельные наделы. Административное деление волостей. Войт, лавники и их обязанности. Уплата денег с держав в скарб и отчетность по приему денег. Места. Повинности с мещанских волок. Меры к ограждению лесного хозяйства. Устава о подводной повинности. Поравнение грунтов. Бобруйская устава 1639 г. Обязанности старостинского уряда. Обязанности сельской администрации. Повинности сельского населения. Порядок уплаты податков и наказания за уклонение от их. Наказания за прогульные дни. Промысловые занятия населения. Меры полицейского характера. Право крестьянского выхода. Суд копы.

Реформа Сигизмунда-Августа была начата в то время, когда установки были намечены только в общих чертах, когда еще не было составлено общее хозяйственное руководство, обязательное для господарских агентов. Последнее появилось 1 апреля 1557 г., когда выяснилась настойчивая нужда в нем, когда правительственные действия возбуждали немало негодования и раздражения в шляхетских кругах. Несомненно, устава на волоки появилась несколько преждевременно. Она не была отделана, и ее некоторые статьи далеко не были приведены в систему. Эти недостатки, конечно, скоро почувствовало и само правительство. Недаром оно спешило их исправить путем издания дополнительных и исправленных статей. Таковые дополнения и исправления были изданы 20 октября 1557 г., 20 мая, 20 июня и 20 октября 1558 г., но и при этих дополнениях устава не

получила стройности и отчетливости, благодаря чему хозяйственная деятельность господарских агентов постоянно нуждалась в дополнительных разъяснениях из центра. Устава на волоки с последовавшими дополнениями принадлежит к разряду хозяйственных устав, опубликованных раньше, в 1529 и 1542 гг., и накануне самой земельной реформы. Но в противоположность последним устава на волоки имела общегосударственный характер. Она содержала в себе принципы, на основании которых должно было быть построено господарское дворовое хозяйство на всей территории Литовско-Русского государства, хотя первоначально она коснулась только западных областей княжества.

Устава на волоки — с одной стороны — экономический трактат, с другой — практическое хозяйственное руководство. Вполне отвечая взглядам польской экономической мысли XVI—XVII вв., устава в то же время указывала «неизменные» хозяйственные правила, которыми должны были руководствоваться господарские урядники в своей хозяйственной деятельности и которые в то же время должны были сильно стеснить проявление какой бы то ни было хозяйственной инициативы с их стороны. Устава проникнута недоверием к хозяйственной деятельности державцев. Она стремится централизовать хозяйственную деятельность провинциальных агентов и превратить последних только в механических исполнителей воли центрального правительства. Это, конечно, большое достоинство уставы, но в то же время это и огромный ее недостаток. Ведь устава, отражая в себе экономические идеи века, являлась в то же время попыткой приложения этих идей на практике, однако она не знала того разнообразия местных условий, в которых развилось господарское хозяйство и в которых приходилось вводить задуманную реформу на местах. Поэтому неудивительно, что устава в теории и на практике далеко не одно и то же. Уже местным должностным лицам приходилось отступать от ее предписаний и сообразоваться с местными хозяйственными условиями. При таком положении дела за уставой остаются только общие направляющие начала, но применение этих начал в жизни зависело от усмотрения агента, осуществлявшего мероприятия правительства в тех или иных конкретных условиях.

В основной уставе на волоки 49 артикулов. Нельзя сказать, чтобы в их расположении была какая-нибудь система. Статьи связаны друг с другом довольно слабо, и сплошь и рядом ближайшие друг к другу статьи, которые, казалось бы, естественно должны были быть связаны единством содержания, на самом деле трактуют различные вопросы. Устава составлена довольно странно: в ней нет никакого введения, не указаны цели, ради которых она вводится, словно намерения правительства

были всем известны и не требовали никаких дополнительных пояснений, и лишь из других документов мы узнаем, что реформа была задумана Сигизмундом-Августом для «примножения господарских пожитков».

Осуществление земельных мероприятий Сигизмунда II совершалось под его непосредственным руководством. Во главе всего дела был поставлен Петр Фальчевский, державца кнышинский и забельский, с титулом «справцы замков и дворов господарских» как его называют официальные документы эпохи [1] и отчасти сама волочная устава [2]. Поручая Фальчевскому осуществление задуманной земельной реформы, устава обязывает господарского справцу, «где бы в котором именьи нашом потъреба вказывала, абы он з нашого росказанья догледал и доежъдчал, яко около померы, так и в иных речах, господаръству належачых, становячы ку пожытку скарбному подле воли нашое господаръское» [3]. Ему принадлежит общее наблюдение за ходом реформы и за деятельностью правительственных агентов. В случае отсутствия господаря Фальчевский является для «ревизоров и мерчих» единственным лицом, с которым правительственные агенты должны были совещаться по всем вопросам, связанным с реформой [4]. Он должен давать им указания «раду и науку» «так в порадку померы, яко теж и в господарстве о пожыткох его королевское милости» [5]. Однако действия Фальчевского несамостоятельны. О своих планах и намерениях, если он не решался взять их на свою ответственность, он должен был доводить до сведения пана воеводы Виленского, Миколая Радивилла, от которого все господарские агенты, в том числе и Фальчевский «в тую службу ставъленые способляли ся наукою, помочъю и обороною и во въсих справах, што бы ся стегало коло пожытков и кгрунътов господаръских» [6].

Хотя по уставе Миколай Радивилл и имел ближайшее наблюдение за общим ходом реформы, однако, между ним и паном Фальчевским происходили недоразумения, так как последний не всегда представлял требуемые сведения [7]. По мнению М. В. Довнар-Запольского, весьма близкое отношение к земельной реформе имел и подскарбий земский, к которому впоследствии перешло все дело землеустройства; но в период

[1] М. В. Довнар-Запольский. Очерки по организации западно-русского крестьянства..., стр. 189.
[2] РИБ, т. XXX, стр. 539—590, Устава, арт. 49.
[3] Там же.
[4] Там же, т. XXX, стр. 590.
[5] Там же.
[6] Там же, стр. 591.
[7] М. В. Довнар-Запольский. Очерки по организации западнорусского крестьянства..., стр. 192.

деятельности Фальчевского эти отношения, по мнению того же исследователя, остаются неясными, невыясненными [8].

Господарские агенты, проводившие в жизнь земельные планы Сигизмунда-Августа, назывались ревизорами и мерниками. От ревизора устава требует определенных нравственных качеств. Они должны быть люди «добрые, сумъненья побожъного, оселые» [9]. Конечно, от них требовалось знание принципов самой реформы и уменье их прилагать на практике («в помере волочъной и в господарстве добре умеетные, абы вмел всего достаточъне и справедливе выведати и взказати пожыток наш врадови в чом можеть причынити») [10]. Обязанности ревизоров состояли в следующем: они следят за тем, чтобы шляхта и подданные не наносили господарскому хозяйству каких бы то ни было убытков [11]; немедленно доводят до сведения центрального правительства имя того «недбалого врадника», в уряде которого за его недосмотром состоялось расхищение господарского имущества; они следят за деятельностью и работой мерника и вносят в нее соответствующие коррективы, если последний «не вчынил» того, что требовалось по уставе; они контролируют действия местного «вряда» и о неправильных действиях последнего, если он поступал «не водле уставы» и против господарских распоряжений, немедленно доводят до сведения господаря, который окончательно решает дела так, как ему это покажется наиболее удобным («што ся слушъного нам повидить»); принимают соответствующие меры к производству волочной померы там, «где помера еще не дошъла» и производят новое измерение, если только оказывалось, что произведенная помера была «непорадной». Они следят, чтобы места для селитьбы были отведены непременно в среднем поле; контролируют действия мерников и отвечают, если последние «не слушъне справовали и лениво для своего пожытку мерили»; дают отмену за земянские грунты, когда выяснится, что без них господарскому двору обойтись никак нельзя; следят за тем, чтобы «ку прылегълым замком и двором села и въсякие кгрунты наши прылучали, яко ку которому двору ближей а споруч»; производят розыски о землях [12] как утаенных, так и незаконно забранных; совместно с урядниками раздают крестьянам волоки и заботятся, чтобы не сидело много крестьян «в одном селе и на малом кгрунте» [13], присматривают, чтобы «врадники» не брали для своих нужд ле-

---

[8] М. В. Довнар-Запольский. Очерки по организации западнорусского крестьянства..., стр. 192—193.
[9] РИБ, т. XXX, Устава, арт. 29.
[10] Там же.
[11] Там же.
[12] Там же.
[13] Там же.

са там, где последний был присоединен к раздробленным волокам; пробуют помол «всякого збожъя», и в случае неудовлетворительного его качества они должны «научыти абы везде з выбоем и без опилку збожья молочоны были»[14]. Ревизоры проверяют показания уряда относительно состояния фольварочного хозяйства, а также и целесообразность его хозяйственных распоряжений[15]; отводят определенное количество сельских волок для работ на фольварке[16], определяют размер платы, поступающей в господарский скарб с каждой дойной овцы и козы, а также выясняют и количество необходимых рыкуний для надзора за стадом[17]; проверяют отчетность по состоянию фольварочного стада[18]; контролируют деятельность уряда[19]; следят за тем, чтобы урядники разбирали дела по челобитьям и о неисправных урядниках доводят до сведения господаря, а за отсутствием последнего, до подскарбия — для получения соответствующей науки[20]; проверяют расходы уряда по устройству ставов и сажавок и сообщают господарю о том случае, когда на устройство их требуются бо́льшие суммы в сравнении с теми, какими мог распоряжаться уряд; контролируют деятельность уряда по сбору платов, серебщин и всяких иных доходов[22]; проверяют распоряжения уряда по ведению сенного хозяйства[23]; определяют количество служек для каждого двора и замка[24]; выбирают осочников совместно с лесничим[25]; определяют общее количество ремесленников[26] при замках и дворах, назначают войтов и лишают их должности[27]; освобождают подданных от платежа податков; назначают войтам в местах (городах) за их работу целую или половину волоки[28]; описывают господарские леса[29]; производят разграничения и проверку частновладельческих уступов в господарских пущах[30]; измеряют лес на волоки и осаживают население[31]; распределяют

---

[14] РИБ, т. XXX. Устава, арт. 20.
[15] Там же.
[16] Там же.
[17] Там же, арт. 21.
[18] Там же.
[19] Там же, арт. 30.
[20] Там же.
[21] Там же, арт. 23.
[22] Там же, арт. 27.
[23] Там же, арт. 24.
[24] Там же, арт. 1.
[25] Там же, арт. 6.
[26] Там же, арт. 39.
[27] Там же, арт. 7.
[28] Там же, арт. 9.
[29] Там же, арт. 32.
[30] Там же.
[31] Там же.

сеножати между двором и подданными; проверяют реестры уряда о бортях [32].

Помощниками ревизоров являются мерники. Они выбираются самим ревизором [33], по одному на каждое войтовство. За свои услуги мерник получает в свое распоряжение «три волоки вольных от всих повинностей» [34]. Объектами волочного измерения были всякого рода земли «купленые и заставъные» [35]. Вымеренная земля делится на три поля по 11 моргов в каждом, если только такое деление возможно по местным условиям. В противном случае земля измеряется на волоки, но без деления последней на три поля [36]. Волочная померa сопровождается округлением господарских имений за счет частновладельческих, за которые дается «слушная и ровная отмена» [37]. При производстве отмены ревизоры должны следить за тем, чтобы отмена была «земяном споручъку их именьям, и ровъно, яким кгрунътом возметь» [38]. Для установления равноценности земли устава вводит «одабриванье» земель. Деля земли по качеству почвы «на предния, средния и подлыя», устава устанавливает между ними отношения 1 : 1½ : 3, т. е. одна волока «предняго кгрунъту» равна 1½ волоки «средняго» и 3 волокам «подлаго». Там же, где земля по качеству почвы не подходит к этим трем категориям, где «грунт наддар подълый, блотъливый або пескъоватый», определение размеров волок и при отводе отмены предоставляется на «пилное уваженье» правительственных агентов, лишь бы только не было убытка и господарю и тому, «в кого беруть» [39]. Отмена дается в присутствии уряда. Для частного владельца она обязательна. От нее отказаться никто не может. Если же кто-нибудь «за упором» не хотел ее принимать, то все-таки, несмотря на его упорство, она записывается в книги и считается уже данной. На местный уряд возлагается ответственность напоминания о необходимости взять отмену, а за частным владельцем остается право обжалования. Всякие самоуправные действия частных владельцев должны быть прекращены, а виновные, обвиненные «в гвалте» привлекаются к законной ответственности» [40].

Земельная реформа Сигизмунда-Августа должна была содействовать развитию дворового хозяйства. Поэтому правительственные агенты, согласно уставе, обязаны были в местностях,

---

[32] РИБ, т. XXX, Устава, арт. 32.
[33] Там же, арт. 29.
[34] Там же.
[35] Там же.
[36] Там же.
[37] Там же.
[38] Там же.
[39] Там же.
[40] Там же.

где была осуществлена реформа, отвести определенное количество земли под господарский фольварк. Однако последний устраивался только в том случае, если для этого была подходящая по качеству почва. Если же «кгрунъты были злые и непожыточъные», то в такой местности фольварк не заводился. В таком случае неудобная для пашни земля отдается на осаду сельскому населению [41]. Господарское фольварочное хозяйство ведется под руководством урядника. Он должен его держать «в пильной опатрности» и следить за тем, «чтобы в нем ни в чом шкоды не было» господарю [42]. Хозяйственная деятельность урядников оплачивается определенным вознаграждением. В местностях, где не было фольварочного хозяйства, на уряд отводится «в каждом поли по одъной волоце»; там же, где фольварочное хозяйство функционировало, на уряд поступал третий сноп из собранного урожая за вычетом десятины и семян для посева [43]. Обязанности уряда по ведению фольварочного хозяйства состояли в следующем: он отдавал прежде всего десятину на церковь [44], из собранного урожая оставлял необходимое количество зерна для посева [45], следил за тем, чтобы все удобные пашни были засеяны, а неудобные — отданы за денежный чинш [46]; вел учет зерну, поступавшему на рынок как собранному с господарского фольварка, так и доставленному подданными [47]. В интересах увеличения господарских доходов уряд не может давать зерно «в отсоп» [48]. Исключение составляли только голодные года, но и тогда для такой раздачи требовалось или господарское разрешение или лист подскарбия земского [49]. Затем дворовый урядник назначает гуменника для гуменной службы с отводом ему одной волоки, свободной «от цыншов и въсяких иных платов, робот и повинъностей» [50]. В случае неурожая он должен немедленно довести об этом до сведения подскарбия земского, а распаханное поле, по распоряжению подскарбия, засевать старым урожаем. Если последнего не найдется на месте, то он должен быть куплен или привезен из другого господарского двора, «абы ся тым николи пашъни нашы не зменъшывали» [51]; он же распределяет работу между крестьянами, работающими на панщине [52], собирает крестьянское население на

[41] Там же, арт. 20.
[42] Там же.
[43] Там же.
[44] Там же.
[45] Там же.
[46] Там же.
[47] Там же.
[48] Там же.
[49] Там же
[50] Там же.
[51] Там же.
[52] Там же.

толоку, если в последней окажется необходимость[53]; следит за состоянием фольварочного скота; эксплуатирует продукты скотоводства и содействует увеличению производительности господарского скотоводства[55]; заботится о продаже старого скота и об отсылке годного для потребления на господарскую кухню, если только господарский двор находится где-нибудь вблизи[56]; следит за состоянием господарского конного стада и отвечает за плохое его состояние[57]; во всем слушается ревизора и дает ему необходимую отчетность о состоянии хозяйства[58]; следит за тем, чтобы не было никаких злоупотреблений с отпущенными сеном и овсом на содержание коней[59]; заводит огороды[60], выкапывает сажавки и ставы[61], заботится о сохранности сеножатей и своевременности покоса[62]; ведет реестр господарским данинам и отвечает, если реестр, представленный подскарбию, не совпадает с данными господарской канцелярии[63]; собирает поступления как денежные, так и натуральные с населения, приписанного к господарским дворам и замкам[64]; разбирает тяжбы между крестьянами[65], судит войта по жалобам на него подданных[66]; вносит платы в господарский скарб[67]; разрешает выход подданным[68]; раздает волоки[69]; заботится о поправлении мостов[70] и смотрит, чтобы «многие з шляхты» и господарских подданных не причиняли шкоды подданным и не топтали их «збожъя и ярыны»[71]; разбирает дела подданных «по позвам» на них со стороны и защищает интересы подданных против третьих лиц[72].

За ведение господарского хозяйства и управление дворами и замками уряд получает вознаграждение, точно фиксированное в уставе. Эти поступления двоякого рода: натуральные и денежные. К числу первых на долю уряда как руководителя дворо-

---

53 РИБ, т. XXX, Устава, арт. 15.
54 Там же, арт. 21.
55 Там же.
56 Там же.
57 Там же, арт. 25.
58 Там же, арт. 21, 30, 29.
59 Там же, арт. 25.
60 Там же, арт. 22.
61 Там же, арт. 23.
62 Там же, арт. 24.
63 Там же, арт. 26.
64 Там же, арт. 27.
65 Там же, арт. 7.
66 Там же, арт. 7.
67 Там же, арт. 28.
68 Там же, арт. 33.
69 Там же, арт. 34.
70 Там же, арт. 35
71 Там же, арт. 42.
72 Там же, арт. 41.

вого хозяйства следует отнести: 1) третий сноп «з гумен всякого збожъя»; 2) десятую рыбу при спуске ставов; 3) пятый воз сена с дворовых сеножатей и, кроме того, пятая скирда сена [73]. На том же основании в его пользу шли и денежные поступления: 1) остатки сумм, вырученных от эксплуатации господарских огородов и стада; 2) штрафы в количестве одного гроша за первый день, если подданный не выйдет на работу, и барана за второй прогульный день [74]. Как представитель центральной администрации, имеющий верховное наблюдение за состоянием и положением дел в господарской волости, господарский уряд получает: 1) денежный плат с каждой десятой волоки, за исключением только сена и овса; 2) так называемое «списное» при раздаче волок — от каждой волоки по 14 пенязей и от бочки овса по одному пенязю в тех местностях, где существовали такого рода сборы; 3) выводную куницу в размере 12 грошей, если девушка или вдова выходят замуж в другую волость; 4) торговое и померное в торговые дни третий грош за лопатки. Наконец, как лицо, владеющее юрисдикцией, уряд получает: 1) вижовое в количестве 1 гроша; 2) от присяги — 2 гроша, 3) пересуд в размере 3 грошей от одной копы; 4) куницы — за децкованье и помилное слугам; 5) за порчу межи — 12 грошей, 6) поколодное — грош; 7) приемное — по 2 гроша с волоки [75].

Для работ на фольварочной земле на каждую волоку фольварка отводится 7 крестьянских хозяйств с их рабочим скотом. Эти сельские волоки должны лежать вблизи господарского «двора и пашъни». Фольварочные крестьяне работают в господарском дворе два раза в неделю [76]. Если же приписанная рабочая сила окажется недостаточной, то в случае необходимости для сбора хлеба все крестьяне выходят на толоку. Обязанность же кормить крестьян, отбывающих толоку, падает на уряд.

Согласно уставе, при каждом фольварке должны находиться стада рогатого крупного и мелкого скота. Высший надзор за состоянием дворового стада принадлежит уряду, а ближайший — рыкунье, получающей за свой труд ежегодно по две копы грошей и три бочки жита с господарского гумна, а четвертая дается урядом из его доли. При фольварке должно находиться не меньше 20 коров. Если же наличность окажется меньше, то на уряд падает обязанность позаботиться о покупке их. Количество мелкого скота устава не определяет. Конечно, последнее зависело от состояния и размеров фольварка. Эксплуатация продуктов скотоводства предоставляется уряду.

---

[73] Там же, арт. 20, 23, 24, 31.
[74] Там же, арт. 31.
[75] Там же, арт. 31, 34.
[76] Там же, арт. 20.

Господарский уряд обязан был вносить в господарский скарб определенное количество денег за каждую штуку рогатого, крупного и мелкого, скота, находившегося в его заведывании. Так, от каждой дойной коровы поступает 20 грошей, за шерсть старой овцы — 1 грош, а молодой — ½ гроша. Размер платы от каждой дойной овцы или козы определяется ревизором. Кроме того, скарб получает по 5 грошей за каждую шкуру павшего вола и по 3 гроша за шкуру павшей коровы. Если при господарском дворе находятся и конские стада, то ближайшее заведывание ими находится в руках машталеров и конюхов. Общий надзор составляет непременную и ответственную обязанность дворового уряда. Последний отвечает, если при ревизии обнаружится, что за господарскими конями плохо присматривали. Кроме того, господарские урядники должны смотреть, чтобы не было никаких злоупотреблений с кормами, отпускаемыми для лошадей. Устава требует, чтобы уряд смотрел, чтобы овес и сено не продавались на сторону, и чтобы за счет отпускаемых припасов машталеры «своих коней не ховали бы» [77].

При господарском дворе должны быть заведены огороды — для господарских потребностей. Впрочем, продукты натурой поступают только в случае требования «на огородныя речи» со стороны господарской кухни. Если последнего не поступало, то уряду предоставляется право утилизировать эти продукты по-своему, а в господарский скарб вместо натуры платить «пенезми» по 12 грощей с каждого морга [78].

Заботясь об увеличении господарских доходов, устава требует, чтобы при господарских дворах были устроены «ставы и сажавки». Работы по их устройству должны производиться исключительно осенью и весной по окончании полевых работ. Устройство их требует экстраординарных расходов. Поэтому устава отводит для найма рабочих 20 коп грошей из сумм, вырученных за продажу хлеба, рыбы и старого скота. Работы по устройству «ставов и сажавок» производятся наемным трудом. Если же работы по устройству ставов и сажавок потребуют большей суммы, чем 20 грошей, то об этом уряд доводит до сведения ревизора, который, с своей стороны, сообщает господарю, и уже от последнего получает соответствующую инструкцию. Рыбные ставки и сажавки предназначаются для потребностей господарского двора, и никто не имеет права, «под каръностью срокгою», ловить в них рыбу. При господарском дворе там, где это возможно, строятся «млыны и фолюши». Заведывание господарскими «млынами и фолюшами» составляет обязанность млынара [79]. К господарскому двору должны

[77] РИБ, т. XXX, Устава, арт. 21, 25.
[78] Там же, арт. 22.
[79] Там же, арт. 23.

быть приписаны также и сеножати. На обязанности уряда лежит наблюдение, «абы сеножати дворные не залегали и заросълые выпъравованы и в час покошоны были». Если же при ревизии выяснится, что деятельность уряда принесла господарскому двору шкоду, то уряд возмещает убытки за счет того сена, которое должно, согласно уставе, поступить в его распоряжение [80].

Таковы требования уставы, предъявляемые к правительственному уряду в целях поднятия доходности дворового хозяйства.

Согласно уставе вся измеренная на волоки земля раздавалась сельскому населению и низшим дворовым слугам для несения соответствующих повинностей.

Крестьянская масса делится на две группы: высшую и низшую. К первой принадлежали лица, отправлявшие военную повинность, либо какую-нибудь иную специальную службу, либо эксплуатировавшие господарские угодья.

Из высших разрядов крестьянского населения устава знает «бояр путных» и разного рода служек. Путные бояре получают в свое распоряжение 2 волоки. Они освобождаются от тяглой службы и даванья подвод. Когда же они заняты выполнением своей «путницкой» службы, то в господарский скарб не вносят никаких платов. В противном случае, они вносят так называемый «голый чинш» [81]. При каждом дворе и замке по усмотрению ревизора должно быть осажено известное количество «служек», с освобождением от всяких платов и повинностей. Обязанность их — выполнение поручений местного уряда, но исключительно для потребностей господарских. Для службы служки должны выставлять одного коня. Для этой цели в их распоряжение отводится две вольных от всяких платов волоки [82]. Одинаковое положение с путными людьми и служками занимали стрельцы. Им отводилось две вольные волоки. И за это они были обязаны нести военную службу и выходить по господарскому распоряжению «в ловы». Кроме того, волочная устава предоставляет стрельцам право брать для своих потребностей и третью волоку, но при условии уплаты за нее соответствующего чинша [83]. Однако это распоряжение уставы оказалось недолговечным. Согласно господарской инструкции от 20 мая 1558 г., ревизорам и мерникам, стрельцы осаживались также на двух волоках, но при этом свободной от всяких платов и повинностей была только одна волока. С другой же волоки стрельцы были обязаны платить чинш наравне с осад-

[80] РИБ, т. XXX, Устава, арт. 24.
[81] Там же, арт. 1.
[82] Там же.
[83] Там же, арт. 4.

ными людьми, но при этом они освобождались от доставления натурой сена и овса, а также от несения подводной повинности, от «жадных отъвозов альбо подвод»[84].

И господарские конюхи за «конюшскую службу» получали также 2 вольные волоки и, кроме того, им ежегодно давалось «на страву им и въси потъребы» по 4 копы грошей. Если же какой-нибудь из конюхов будет освобожден от несения конюшской службы, то за каждую волоку он вносит в господарский скарб «голый чинш»[85]. Точно так же «одверные и инъшые слуги дворные» осажены на 2 волоках, также вольных от платов и повинностей. Свободные от службы платят за все повинности «голый чинш». Исключение делается только для старых дворовых слуг. Они могут пользоваться волоками, свободными от платов, но должны исходатайствовать для этого особый господарский лист[86]. Наконец, устава упоминает о бортниках и осочниках. Первые платят в скарб «голый чинш» подобно осадным людям, но освобождаются от него в случае отправления на войну. На обязанности их в мирное время лежит также исправление мостов. Количество их определено, вероятно, обычаем. За сверхурочную работу за «мосты им неповинъные мостити» бортники освобождаются от части чинша, но для этого требуется всякий раз господарское распоряжение[87]. Что же касается осочников, то они получают в пользование две волоки, свободные от чинша и всяких повинностей[88]. Наконец, всякого рода ремесленники, количество которых вообще и в частности «при гостинъцах и тых дворех», где останавливается господарь, определяется в зависимости от местных потребностей и нужд. Для исправного отбывания ремесленной службы им отводится одна волока. Устава перечисляет следующих ремесленников: теслей, ковалей, слесарей, колодеев, бондарей рыболовов и грабарей[89]. Конечно, данный список слишком краток. Впрочем, по задачам уставы такой полноты и не требуется. Ведь устава дает только общие руководящие нормы, применение которых уже зависело от правительственного агента, осуществлявшего мероприятия литовско-русского правительства.

Сельское население, принадлежавшее ко второй группе, согласно волочной уставе представляется в следующем виде. Оно делится на три группы: огородников, тяглых и осадных людей. Все эти разряды обеспечены земельным участком и в зависимости от последнего определяются и размеры их повинностей.

[84] РИБ, т. XXX, стр. 591—592.
[85] Там же, Устава, арт. 3.
[86] Там же, арт. 5.
[87] Там же, арт. 2.
[88] Там же, арт. 6.
[89] Там же, арт. 39.

Наименее обеспеченными землей являются огородники. Каждому из них дается по 3 морга. Повинность их заключается в барщинной пешей работе по одному дню в неделю и, кроме того, их жены должны, с своей стороны, работать летом не более шести дней — либо во время жатвы, либо во время полотья огородов [90].

Крестьяне, осадные и тяглые, сидят на волоках. Устава признает деление волок по качеству почвы на несколько разрядов, и в зависимости от этого определяется размер повинностей. С каждой волоки, принятой на осаду, в господарский скарб поступал следующий налог (в грошах):

Качество грунта	Чинш	Куры, гуси, яйца, стации, неводы	Толока	Гвалт	Осада	Овес	Сено	Всего
Добрый	21	8	12	10	30	20	5	106
Средний	12	8	12	10	30	20	5	97
Подлый	8	8	12	10	30	10	5	83
Вельми подлый (блотливый песковатый) .	6	8	12	10	30	—	—	66

Часть платов могла быть собираема и натурой, что зависело, по всей вероятности, от усмотрения господарского уряда. Так, натурой могли поступать: овес, сено, гуси, куры, яйца. Стация обыкновенно собиралась деньгами, но если последовало господарское распоряжение о доставке стации натурой, то осадные крестьяне были обязаны доставить с 30-ти волок одну яловицу, двух баранов и, кроме того, с каждой волоки «по курати и по десяти яиц» [91].

Что же касается крестьян тяглых, то их платежи состояли также из чинша и натуральных податков в виде мелкого дохода кур, гусей, яиц, стаций, а также сена и овса. Все эти натуральные платежи могли быть переведены на деньги. При таком расчете с каждой волоки поступало с доброго грунта 54 гроша, со среднего — 45 грошей, с подлого — 31 грош и с вельми подлого — 14 грошей.

Но за то тяглые люди обязаны нести барщину два раза в неделю и выходить четыре раза на толоку «с чим укажуть» [92]. Наконец, и крестьяне-чиншевки и крестьяне-тяглые по

[90] РИБ, т. XXX, Устава, арт. 16.
[91] Там же, арт. 15.
[92] Там же.

принятии волок освобождаются от давания стации и подымания иностранных и господарских послов [93].

Таковы были платы, поступавшие в господарский скарб с принятых волок как тяглых, так и осадных. Но такие платы взимались только с волок «разробленых». Если же брались пустые волоки, то держатель получал льготу в платежах в течении двух — трех лет «поколь ся збудуеть и волоку напъравить», и за все повинности платил только 42 гроша, снявши в свою пользу «жыто и ярыну». При этом он освобождался от давания подвод и других работ, «поколь ся побудуеть» [94]. Волоки могут быть отданы на условиях, приведенных в уставе. Отдача же волок по соглашению на других условиях уставой не допускается [95].

Принятые населением волоки передаются по наследству жене и детям. Даже совершение уголовного преступления держателем не лишает его семью права на владение волокой и маетностью преступника. Если же волока становится «выморочной», то на ней осаживаются подданные с передачей им маетности предшественника «абы тым не мъножыли ся пустъки» [96].

Устава не проводит разграничения между крестьянскими волоками — тяглыми и осадными. И те и другие взаимно перемешаны, но с другой стороны, она требует, чтобы при осаживании на волоки стрельцов, последние были посажены «межы тягълых людей» и никоим образом не должны сидеть все вместе «посъполу» [97]. Впрочем, в судебном отношении они не подчинены юрисдикции уряда. У них особая юрисдикция. Только разборы дел с посторонними происходят на суде уряда, но в присутствии представителя от лица, заведующего стрельцами. Межевые дела и споры разбираются войтом и стрелецким служебником [98].

Но повинности сельского населения не исчерпываются только внесением в господарский скарб платов, следуемых по уставе с каждой волоки. Они наравне с частновладельческими подданными обязаны платить серебщину. Устава только категорически предписывает, чтобы она непременно бралась с волок, и чтобы качество грунтов при этом не принималось во внимание [99]. Кроме того, подданные должны давать подводы и отправляться для «будованья замков и дворов». Впрочем, отправление этих повинностей не бесплатное. В зависимости от продолжительности работы с них скидывается господарским

---

[93] РИБ, т. XXX, Устава, арт. 15.
[94] Там же, арт. 34.
[95] Там же.
[96] Там же, арт. 43.
[97] Там же, стр. 586.
[98] Там же, стр. 592.
[99] Там же, арт. 18.

распоряжением некоторое количество следуемых с них платов. Отправление подводной повинности организуется следующим образом: с каждых трех или четырех волок выставляется одна подвода или один работник. Эти повинности обязательны и никто не может от них освободиться. Для этого требуется специальное господарское распоряжение. Отправление подводной повинности на местах и всякого рода возведение местных построек производятся по указанию местного уряда и ревизора. Но если требуется произвести какие-нибудь сложные работы, то последние производятся исключительно с господарского разрешения, а в случае отсутствия господаря разрешение дается земским подскарбием. Отправление подводной и строительной повинностей — это государственные мероприятия; поэтому старостам и тиунам строжайше запрещается брать подводы для своих нужд или для потребностей «прыятелей». В противном случае сами они теряют свою должность, а урядники державцы подвергаются за это смертной казни. Помимо этого, каждое из войтовств должно предоставлять подводы для отвоза денег в Вильну. Для этой цели под каждые 500 коп грошей выставляется две подводы. Вознаграждение возчикам дает население всего войтовства — по грошу на милю за каждого коня. Если же люди возили хлеб осадный или лесные товары для заграничных портов, то в зависимости от размеров их повинности «им в цынъшох так же фолкга маеть быти уделана»[100]; точно так же, если бы подданные возили по господарскому распоряжению «каменье», то им делается облегчение в уплате чинша. Озабочиваясь правильной организацией отправки дерева и дров в Вильну, устава требует, чтобы все подданные Марковской и Волкиницкой волостей были осажены на тяглую службу, и за рабочие дни «спущали до Вильны дерева и дрова». Если же для данной цели не будет достаточно населения одной волости, «где бы тая волость водле потъребы нашое тому досыть вчынити не могла», то командируются люди из других господарских дворов, несущие там тяглую службу. В этом случае они освобождаются от отправления тяглой службы[101].

Кроме предоставления подвод, подданные должны мосты «на местъцах звыклых робити», под надзором своего войта, без права взимать за переезд «мостовничее». Если войт исполняет это небрежно, то уряд напоминает «недбалому» войту о повинности. Устава допускает, что подданные не пожелают подчиниться распоряжениям войта, тогда на работу непослушных подданных выгоняет сам уряд. Точно так же уряду принадлежит высший надзор по постройке мостов «на гостинцах и дорогах».

---

[100] РИБ, т. XXX, Устава, арт. 35.
[101] Там же, арт. 36.

где проезжает господарь со своим двором. Осадные люди мостят только мосты «звыклые». В противном случае им за это делается льгота в платежах платов. Мостовая повинность не распространяется на тяглых людей. Последние могут ее отправлять вместо своей обыкновенной тяглой работы [102]. Наконец, на подданных лежит также обязанность выставлять сторожей для охраны «замков и дворов». Количество их устанавливается ревизором «водле потъребы, великости и важъности дворов наших». Кроме того, подданные должны выставлять необходимое количество сторожей для охраны господарских коней и волов на месте стоянки господаря [103].

Господарские подданные сидят на волоках и ведут на них свое хозяйство. Устава строжайше запрещает распахивание пустых волок под угрозой отобрания на господаря всего хлеба и штрафа в размере одного рубля. Зато согласно той же уставе, подданным разрешается пасти скот на пустых волоках, и ни один урядник не имеет права «грабити быдла подданых на пустом, хотя бы и сеножати» [104]. Кроме того, подданным разрешаются входы в господарские пущи «по дрова, по хъворост, на гороженье, по дерево на будованье, по лыка» при условии, если все это собирается для личных потребностей, а не для продажи. Собирать все они могут только на одном месте, отведенном ревизором. Разрешается также детям подданных беспрепятственный вход в господарские леса для сбора лесных ягод и хмеля [105]. Запрещая давать кому бы то ни было «дерева стоячего на будованье», устава, однако, разрешает давать лес тем господарским подданным, которые не имеют его в достаточном количестве [106].

Запрещая подданным охотиться в господарских лесах, устава разрешает им охотиться на своих лесных волоках на всякого зверя, за исключением серны и «иншого болшого зверу», а также и на птицу, с правом продажи добычи «кому хотячы», не доводя до сведения уряда. Нарушение этого влечет за собою смертную казнь [107]. Подданные получают также право рыбной ловли в господарских реках и озерах. Рыбная ловля может производиться «крыгою, удою, броднем, трыгубицею, обором и инъшыми малыми сетъками», но зато строго запрещается забивать езы. Рыбная ловля категорически запрещена в апреле, мае и июне. За исполнением данного распоряжения обязан следить уряд [108].

---

[102] РИБ, т. XXX, Устава, арт. 37.
[103] Там же, арт. 38.
[104] Там же, арт. 19; т. XXX, стр. 589.
[105] Там же, арт. 33.
[106] Там же, арт. 43.
[107] Там же, арт. 33.
[108] Там же.

Господарские подданные, принявшие волоки, не лишаются права добровольного выхода. Последний может совершаться только с согласия уряда, да и то в строго определенных случаях. Так, устава разрешает «убогому и недостаточному человеку» после окончания полевых работ уходить на заработки, предварительно доказав свою бедность перед урядом в присутствии войта. Если он не явится ко дню св. Яна, то теряет право на сделанный им засев, который отдается кому-нибудь другому. Если подданный уйдет без заявления о своем уходе уряду, то он считается беглым. В этом случае он подлежит разысканию, а его имущество с землей отбирается и отдается кому-нибудь другому. Вернувшихся добровольно или возвращенных силою осаживают на пустых волоках. Впрочем, возвращение старой волоки с засевом возможно только в том случае, если расследование через ревизора докажет, что подданный сбежал «за крывдою от врядника и войта». Но подданный, «осадивший волоку», продавший в присутствии войта и лавников свое «будованье и домовъство», может уйти и поселиться в другом месте, но обязательно на господарской земле [109].

Тяглые крестьяне выходят на работу по указанию войта и выполняют на работе урок, назначенный последним. Рабочий день очень продолжителен: начинается с восхода солнца и заканчивается с его заходом. В течение рабочего дня рабочие со скотом имеют три часа отдыха, а пешие только полтора часа, т. е. по полчаса в течение каждого перерыва. Войт обязан следить за тем, чтобы все своевременно и исправно выходили на работу. Всякая небрежность в работе наказывается. Так, опоздавшие с выходом на работу из-за лености должны отработать пропущенное время на другой день. За всякий же пропущенный день полагается штраф и наказание, размеры которого увеличиваются в зависимости от количества прогульных дней. За первый прогульный день взимается штраф в размере одного гроша; за второй день виновный платит барана. Пропуск рабочего в третий раз карается уже телесным наказанием. Устава, конечно, должна была признать ненаказуемыми законные пропуски вследствие «слушных причин». В таком случае, работник, лишенный возможности выйти на работу, должен довести об этом через соседа или лавника до сведения уряда, на обязанности которого лежало удостовериться, заслуживает ли причина, выставленная работником, уважения или нет. Пропущенный рабочий день отрабатывается впоследствии [110].

Господарские волости, населенные чиншевым и тяглым крестьянством, делятся на войтовства. Во главе его стоит войт,

---

[109] РИБ, т. XXX, Устава, арт. 33.
[110] Там же, арт. 19.

выбираемый ревизором и урядом. За исполнение обязанностей, сопряженных с должностью войта, он получает в пользование две волоки, «вольных от всяких потяглей и податков» (первоначально давалась только одна волока, а другую войт мог принять на себя с платежом «голаго» чинша). На каждое войтовство приходится по преимуществу осадных 300—400 волок. Первоначально по волочной уставе войтовства предполагались значительно меньших размеров — около 100 волок, «мало больш альбо менш»[111].

Помимо двух волок, в пользу войта поступал также и штраф в 4 гроша, уплачиваемый виновной стороной за порчу межи[112]. Помощниками войта являются лавники. На каждое войтовство приходится их по два-три человека и больше, в зависимости от размеров войтовства. Устава требует, чтобы лавниками были люди «не подозраные, веры годные»[113].

Обязанности войта довольно разнообразны и сложны: он приводит в исполнение распоряжения уряда, выгоняет на работу и следит за работой крестьян своего войтовства; присутствует при отдаче чиншов и платов людьми его войтовства и приводит подданных на суд уряда; заботится о своевременном отвозе овса и сена в Вильну; исправляет ежегодно границы волок между господарскими подданными; следит за исправным состоянием меж, а в случае их порчи доводит до сведения уряда; присутствует на суде уряда при разборе дел подданных; ведет отчетность поступления господарских вин и представляет соответствующую ведомость ревизору; контролирует уряд при определении размеров вин и пересудов и следит, чтобы в данном случае было полное соответствие с господарской уставой; в случае недобросовестности уряда он делает ему соответствующее представление и в случае недействительности последнего доводит до сведения ревизора; следит, чтобы уряд не брал с подданных никаких откупов за работу. В противном случае устава обязывает доводить о неправильных действиях уряда до сведения ревизора. Устава запрещает войту пользоваться незаконными доходами, отдавать в наем незанятые волоки, производить суд между крестьянами под угрозой штрафа в один рубль грошей, но вообще рекомендует заботиться о благосостоянии господарского имения. Поэтому войт, «обачывъши где кольве шкоду нашу господаръскую», обязан немедленно сообщить об этом «урадови и ревизору». Неисполнение этого требования наказуется штрафом.

Если войт контролирует действия уряда, то, со своей стороны, он подчинен уряду, но право лишения войта его должности

---

111 РИБ, т. XXX, Устава, арт. 7; там же, т. XXX, стр. 587.
112 Там же, арт. 7.
113 Там же, арт. 8.

принадлежит ревизору совместно с урядом. «Дознавши вину и не слушъную справу» войта, они должны отставить его от должности и назначить на его место другого, «неподозраного, на котораго поддани зволять». Помимо лишения должности, войт за неправильные действия подвергается денежным штрафам [114].

Помощниками войтов являются лавники. Обязанности их довольно ограничены. Они следят, чтобы вообще господарский подданный не терпел никаких «шкод» в своем хозяйстве, «в ысъпасях и в инъшых речах», получая за это так называемое «оглядное» «от шкоды грош». Неправильные действия лавника рассматриваются уставой, как действия клятвопреступника, и вследствие этого караются соответствующим наказанием. Лавники не освобождаются «от потягълей и въсяких повинъностей» [115].

Все денежные платы и серебщины должны быть относимы населением в урядовый двор или в какое-нибудь другое место, если в данной местности совсем нет господарского двора. Денежные взносы уплачиваются населением, начиная со дня св. Михаила и кончая днем св. Мартина. Всякий подданный уплачивает следуемые с него подати в присутствии своего войта. Неуплата своевременно податков влечет за собой расследование со стороны уряда, который может посадить недоимщика в арестантский дом, если убедится, что он в состоянии уплатить следуемый с него податок, и неплатеж объясняется только «недбалостью» подданного. Помимо тюремного наказания, виновный обязан уплатить так называемое «поколодное». Взыскание недоимок не должно касаться его живого инвентаря. И это понятно: подданный без рабочего скота не нужен для дворового хозяйства. Однако устава признает некоторые причины уважительными при неуплате следуемых с подданного податков. От последних подданный может быть освобожден в случае пожара, голода, болезней семьи, градобития и вообще убожества. Желающий освободиться от платежа «платов» представляет уряду «ведомость», подписанную войтом, лавниками и его соседями. С своей стороны, уряд, по получении такого свидетельства, должен произвести соответствующее дополнительное расследование. Однако сам уряд не может освободить подданного от плата. При представлении отчета в скарб державца доводит о недоимке до сведения подскарбия, который поручает ревизору окончательное разрешение данного дела. По приезде на место, ревизор должен «выведание чынити от войтов и подданых, суседов оного, хто не выдал» и только после этого выносить свое окончательное решение [116].

[114] РИБ, т. XXX, Устава, арт. 7, 27.
[115] Там же, арт. 8.
[116] Там же, арт. 27.

Все денежные поступления, собранные урядом, немедленно отдавались в господарский скарб до рождества (25 декабря). В получении денег уряду выдается подскарбием соответствующая квитанция. Счет их определяется «реестрами и уставой ревизорской» или одной только первой уставой, если еще в волости ревизору не случалось быть. Наконец, в уставе точно определены дни, когда с какой волости урядник должен был представлять в господарский скарб денежные платы. Так как счет поступающих в скарб денег — работа довольно тяжелая, то писари скарбные, производившие этот подсчет, получают ежегодно вознаграждение в количестве 160 коп грошей и, кроме того, 15 локтей «одомашки» и постав сукна «колтрышового» для их слуг и дьяков. Прием денег производится под контролем земского подскарбия, который о всех неправильных действиях скарбных писарей доводит до сведения господаря, который выносит соответствующее решение, сообщаемое к сведению скарбных писарей подскарбием земским. Со своей стороны, и скарбные писари должны доводить до сведения господаря о всяких упущениях со стороны подскарбия земского. Таким образом, путем взаимного контроля приемщиков платов составители уставы надеялись достигнуть правильной приемки платов, поступавших в господарский скарб с местностей, где была проведена и осуществлена аграрная реформа [117].

Стремясь обеспечить своевременный приток денежных поступлений, правительство возлагает на уряд ответственность за несвоевременное поступление податков. Если деньги не будут отосланы в господарский скарб ко времени, определенному уставой, то правительство, с своей стороны, реагирует на это посылкой дворянина в личное имение администратора «якого стану будь», которое равнялось бы по ценности недоставленной сумме. Уполномоченный господаря имеет право заставить это имение или присоединить его к какому-либо государственному двору. С этого времени оно находится временно в руках господаря; и это продолжается до тех пор, пока администратором не будет заплачена вся сумма сполна. Если же именье не будет равноценно недоставленной сумме, то оно отбирается на господаря до тех пор, пока уряд не заплатит соответствующей суммы или пока от господаря не будет какого-нибудь особого распоряжения. Когда будут приняты первоначальные меры для обеспечения долга, то окончательная резолюция относительно судьбы «недбалаго» урядника кладется уже господарем. Господарскому возмездию подвергаются не только урядники, совсем не заплатившие денег, но и внесшие их, однако несвоевременно явившиеся к счету их. Это возмездие за то, что «уряд-

[117] РИБ, т. XXX, Устава, арт. 28.

ник на час назначоный не пильновал», так как несвоевременный счет денег доставляет господарскому скарбу некоторое затруднение. Как только выяснялась такая «недбалость» урядника, немедленно именье урядника временно бралось на господаря в сумме денег, поступавшей с господарского именья в скарб, и находилось в ведении господарского дворянина до тех пор, пока не проверялась его отчетность. Для наказания «недбалаго» урядника устава требовала, чтобы проверка отчетности такого урядника начиналась только тогда, когда «всих иных личьбы того року доконають ся». Впрочем, в некоторых случаях запоздание с проверкой сумм правительство признавало совершенно законным: 1) если пропадут или сгорят реестровые списки; 2) если заболеет или умрет служебник, принимавший «платы»; 3) если сам урядник умрет, а жена и дети поэтому и «за иными кгвалтовными прыгодами» не могут присутствовать при проверке представленного денежного отчета. Во всех этих случаях проверка отчетности производится в дни, назначенные подскарбием земским [118], если последний признает причину неявки заслуживающей уважения.

Земельная реформа Сигизмунда-Августа коснулась не только одних волостей, но и городов. Измерялись на волоки городские земли и городские площади и назначалась за пользование ими определенная плата. Такое волочное измерение городской площади коснулось только городов, еще не имевших магдебургского права.

Во главе города-места стоит войт. Его обязанности в уставе о волоках определены довольно кратко: войт должен «порадку в местех и пожытков нашых прымъножати и догледати, на подводы складати ся и платити всим по тому, яко в особъливой уставе нашой описано».

Для исправного отбывания войтом своей должности ему отводится в пользование одна волока в больших и половина волоки в малых местах. Устава первоначально даже не освободила войта от платежа платов и повинностей. Впоследствии в дополнениях к уставе 20 октября 1557 г. эта статья подверглась некоторому изменению: так, в больших местах в распоряжение войта отводилось 2 волоки, а в малых — одна волока, совершенно свободные от каких бы то ни было платов и повинностей.

Устава разделяет городскую площадь на земли, лежащие за городской чертой, огороды, усадебные земли, земли в городском предместье. Первые делятся по качеству почвы на три группы. Плата за держание их слагается из чинша и денежной суммы за толоку. Размеры чинша зависят от качества почвы. Платы за толоку одинаковы для всех грунтов. Таким образом, с

---

[118] РИБ, т. XXX, Устава, арт. 28.

волоки земли в господарский скарб поступал следующий налог (в грошах):

Качество грунта	Чинша	Толока	Всего
Добрый	50	12	62
Средний	40	12	52
Подлый	30	12	42

За каждый прут усадебной земли взималось на рынке $7^1/_2$ пенязей, на улицах 5 пенязей, с огородов $2^1/_2$ пенязя и с гуменных пляцов один пенязь.

Таким образом, больше всего поступало платов с усадебной земли на площади рынка. Конечно, высота платов понятна: здесь находился центр города, главное место всех его торговых сделок.

После введения земельной реформы повинности мещан носили исключительно денежный характер. Мещане уже не должны были «иншых повинъностей полнити и стацеи давати и з листы нашыми и върадников нашых ездити» [119]. Однако освобождая мещан от разного рода повинностей, устава требует, чтобы мещане, живущие в предместьи или сидящие на волоках, имели по две лошади для найма их для подвод. Контроль над ними находится в руках войта. Он же дает распоряжение о своевременном предоставлении тому или другому лицу подвод [120].

Помимо поступлений с мещанских волок, в господарский скарб шли следующие денежные платы: капщизна с корчем, устроенных в пределах городской черты, и промысловое обложение резников. Заботясь о том, чтобы не было ущерба господарским местам, устава запрещает устраивать новые торги на расстоянии ближе 3 миль от города.

Устава запрещает по селам устройство корчем, чтобы не было «злодейства и иншых збытков». Также подданные не могут варить пива. По ревизорскому распоряжению корчмы устраиваются в одном из сел войтовства, преимущественно на большой дороге [121]. Преследуя увеличение господарских доходов, устава требует закрытия частновладельческих корчем, в особенности, если последние были устроены на большой дороге, даже если владельцы их могли представить господарские листы. Корчмы могли быть оставлены только тогда, если бы в жалованном листе на последние было написано, что такие корчмы будут без шкоды для господаря. Такое распоряжение мотивируется тем, что от «иншых корчем» получается не только «одъно шкода

[119] РИБ, т. XXX, Устава, арт. 9, стр. 587—588.
[120] Там же, арт. 9.
[121] Там же, арт. 11, 13, 14.

его милости господарю, але и речы посъполитой, дорогость в жывности и зънищенье убогих людей»[122].

Что же касается господарского уряда, то его доходы, получаемые от города, были довольно незначительны: размер их зависел от внутренних торговых оборотов, так как уряд получал небольшую торговую пошлину от каждой штуки убитого рогатого скота как крупного, так и мелкого[123].

Кроме волостей и непривилегированных мест, устава занята также и приведением в порядок лесного хозяйства. Озабочиваясь приведением его в известность и стремясь принять меры к устранению злоупотреблений при эксплуатации леса, устава требует точного определения прав частных лиц на входы в господарские леса и на эксплуатацию разного рода господарских угодий. С этой целью при описи господарских пущ, господарские врядники и их наместники должны дать ревизору соответствующие сведения о том, кто из шляхты и господарских подданных имеет право по старине входа в пущи. Такая составленная опись посылается господарю, который, с своей стороны, отправляет комиссаров для разграничения частных входов и уступов от господарских. Впрочем, комиссары посылаются только в исключительных случаях, когда спор идет о землях, значительно превышающих по размерам волоку. Если же размеры спорной земли будут немногим больше волоки, то разграничение производится урядом совместно с ревизором или померчим «абы ся для так ровное речы в замъкненью померы волок омешканье не деяло». При производстве такого разграничения уряд «с пильностью маеть дойзрети, жебыхмо шкоды в справедливости кгрунту нашого не мели». Затем лес, удобный для пашни, подвергается волочному измерению. Подданные, осевшие на лесных волоках, пользуются льготой в течение пяти, шести и до десяти лет[124].

Это составляет право уряда, а ревизору остается только проверить данное распоряжение и установить размеры чинша, который придется платить осевшему на волоках, уже «по выселенью воли». Лес, неподходящий для пашни, не подвергается волочному измерению. Такой лес надо только измерить, и вычисленное пространство должно быть записано в реестровые книги.

Если в пущах находятся господарские сеножати, то ревизор, в случае нужды, присоединяет их ко двору или раздает подданным «на плате». Косьба на господарских сеножатях

---

[122] РИБ, т. XXX, стр. 587.

[123] Там же, Устава, арт. 11.

[124] Осаживать можно на пространстве не меньше трех волок. Если последних будет меньше, то такие волоки надо раздавать исключительно «на плате».

производится наемными рабочими, которые, идя на работу, не имеют права брать с собой какое-либо оружие, «чым бы звера забил». В пущах запрещается охотиться посторонним лицам. Все господарские ловы и уступы должно «порадком слушным росъправити и ростесати... для вольнейшаго пребыванья и ведомости о зверу». Наконец, в господарских пущах урядники должно иметь счет бортям, а ревизору остается только проверить правильность представленного реестра[125]. Заботясь об улучшении господарского хозяйства и увеличении господарских доходов, устава запрещает отдавать для эксплуатации посторонним лицам, за исключением только господарских подданных мест и волостей, «уходы до пущ и лесов, озер и рек нашых и забиванье езов и дерево борътное, сеножати и инъшые всякие пожытки на кгрунътех властъных нашых», конечно, «на цынъшох и пълатех» «для прымноженья пожытъков скарбу нашого». Кроме того, лесничим запрещается продажа «дерева стоячого на будованье а ни на жадную речь» под угрозой суровой кары. Лежачее же дерево можно продавать, но только подданным, «которые бы на волоках своих ку их потребам лесу не мели»[126].

Реформа Сигизмунда-Августа первоначально не коснулась русских волостей. Здесь все оставалось по-старому: все податки, следуемые с населения, «меды и инъшые доходы» брали «по старому» и «по тому, яко на сесь час»[127]. Впрочем, такое сохранение старины устава считает временной мерой. По отношению к русским волостям будут приняты иные меры, и господарем будут даны «инъшая наука и постановенье». Жизнь не позволяла долго ждать. Происходившие недоразумения между подданными и господарскими наместниками требовали властного вмешательства правительства. Несомненно, правительство в некоторых отношениях сочувствовало нарушению наместниками «извечных обычаев», так как они находились в полном и резком противоречии с новыми условиями хозяйственной жизни в Литовско-Русском государстве, и правительство устало от постоянных нареганий старцев с докучливыми и однообразными жалобами на администрацию. Свою реформаторскую деятельность в русских волостях правительство проявляло не столь радикально, как в западных, да это и понятно: в первой половине XVI в. русские волости еще не были захвачены в тиски новых условий экономической жизни и поэтому не было никаких данных для радикальной перемены политики по отношению к ним. Быть может, осторожность и умеренность земельной политики диктовались тем возбужденным настроением, в котором находилось население русских волостей. Не из-

[125] РИБ. т. XXX, Устава, арт. 32.
[126] Там же, арт. 48—49.
[127] Там же, арт. 46.

меняя сначала радикальным образом экономического положения населения, правительство было озабочено более точным регулированием тех платов и повинностей, на которые центральное правительство имело основания заявлять свои притязания. Более точное их определение должно было повести к успокоению населения. При этом центральное правительство не только освобождалось от докучливых просителей, но и более точно определяло финансовые поступления с волостей в господарский скарб, а это было, конечно, очень важно. Начало определения повинностей и платов в русских волостях было положено опубликованием уставы о подводной повинности и об организации последней. Население русских волостей было освобождено от отправления личной подводной повинности и вместо нее вносило в господарский скарб только «платы». Единицей обложения является «дым» и «бортное дерево», но дым разумеется только такой, при котором имеется пашня. От каждого дыма поступает по 2 гроша, а с каждого бортного дерева — 3 гроша. Если же кто-нибудь из волостных людей не имеет пахотной земли и сидит только на огороде, то плат его в казну равняется одному грошу. Не имеющие в держании дыма ограничиваются взносом в казну только половины гроша [128]. Собственно, земельные распоряжения правительства начались с 1560 г., когда правительство приступило к «поравненью кгрунтов и установленью платов» [129]. Это поравнение кгрунтов сопровождалось отпиской на господаря тех земель, на которые держатели не могли представить соответствующих документов. Это было применением одного из начал уставы о волоках. Когда происходило поравнение «кгрунтов» в Кричевском повете, то господарский ревизор державца Слонимский пан Григорий Волович и господарский секретарь, державца Марковский и Мядельский пан Михайло Нарушевич отобрали у мстиславского боярина Викгуры землю, которой он владел на основании «леннаго права», так как на его господарском листе не было написано «вечности» [130]. Параллельно этому, заботы о «постановленьи платов» заставляли правительственных агентов уменьшать количество лиц, сидевших на боярском праве, с переводом их с службы конной на чинш. Это, конечно, постигало тех, кто, как оказывалось, не имел соответствующих господарских листов [131]. Так, у господарских подданных Чечерской волости ревизорами были отобраны земли только потому, что они ими владели «до воли господарской». Поэтому эти земли были взяты, «привернуты» к замку и

---

[128] РИБ, т. XXX, стр. 593.
[129] ЦГАДА, ЛМ, КЗ XXXVII, л. 418.
[130] Там же, КЗ, XXXVIII, л. 418.
[131] Там же, КЗ XXXVII, л. 428.

положены на платы [132]. В общем, при «поравнении кгрунтов» держались правил волочной уставы.

Поравнением грунтов и определениям платов и повинностей и ограничивались действия ревизоров в русских волостях. С конца XVI в. правительство приступило к осуществлению земельных реформ и в русских волостях. Тогда же, по всей вероятности, была опубликована волочная устава для русских волостей. Образцом такой уставы в некотором отношении может считаться сохранившаяся более поздняя устава 1639 г., составленная для Бобруйского староства.

Устава на волоки для Бобруйского староства была опубликована лишь в 1639 г., когда в старостве была произведена волочная помера. По всей вероятности, при измерении на волоки других русских волостей правительство держалось тех же принципов, что и в волочной уставе для Бобруйского староства. Эта устава построена на принципах уставы 1557 г., но в деталях между ними есть и некоторая существенная разница. Это вполне понятно, если принять во внимание экономическое различие восточных и западных волостей Литовско-Русского государства, различие которого не могла уничтожить и общая уравнительная земельная политика. Особенности в положении волостей и организации литовско-русского крестьянства восточных областей весьма заметно отразились в уставе 1639 г. Задача ее — указать те основания, на которых должна быть построена жизнь сельского населения восточных областей, при условии сохранения некоторых особенностей его быта.

Устава 1639 г. прежде всего определяет обязанности господарской и сельской администрации. Обязанности господарского уряда напоминают его же обязанности по уставе 1557 г. Он стоит во главе староства и следит за тем, чтобы господарское хозяйство не потерпело никакого убытка. В определении обязанностей уряда устава 1639 г. довольно лаконична в сравнении с уставой 1557 г., в которой обязанности уряда перечислены с большими подробностями. К обязанностям уряда относятся: надзор за тем, чтобы пустые волоки были разобраны или местными подданными или посторонними людьми, чтобы увеличился «пожиток» господарского скарба; распределение бортных деревьев между теми селами, которые уплачивают медовую дань, охрана господарского права пропинации; выдача разрешений на постройку корчем на больших дорогах, суд по уголовным делам, присутствие в копном суде и окончательное решение по делам, подлежащим ведению копного суда [133].

Русские волости, в отличие от западных, не делились на войтовства, а сохраняли свое старое волостное деление. Во главе

[132] ЦГАДА, ЛМ, КЗ XXXVIII, л. 429.
[133] АВК, т. XXV, стр. 327—328.

волости стояли старцы и заказники. В Бобруйском старостве их было двое, так как с давних времен оно делилось на две половины: Виленскую и Троцкую. Заказники стояли во главе сел. В противоположность волостным старцам дореформенной эпохи, последние назначались правительством. Это были доверенные лица правительства, а не общества. Обязанности старца довольно разнообразны и приближаются в общем к обязанностям войта: по требованию господарского уряда он отдает распоряжения заказчикам о своевременном взносе повинностей, поступающих в господарский скарб; он присутствует при взносе повинностей населением в уряд, приводит в уряд подданного, если последний не мог уплатить податей, для дачи объяснения о неплатеже податков; заботится о целости границ всех сел волости, он должен быть осведомленным о всех правонарушениях в этой области и следить, чтобы посторонние люди не вступали на территорию королевских имений и чтобы подданные не захватывали посторонних земель; ежегодно проверяет помеченные границы и, в случае их нарушения, немедленно их исправляет совместно с мерником; раз в три года производит полное возобновление старых границ как с прилежащими соседями, частными землевладельцами, так и по отношению волок друг к другу или близ лежащему господарскому лесу; в случае сопротивления со стороны соседей, старец доводит об этом до сведения уряда, который, с своей стороны, должен смотреть, чтобы господарские «кгрунты» не терпели от соседей никаких кривд; следит, чтобы не портили построек и бортных деревьев и чтобы межи при пустых волоках не были испорчены; в случае необходимости постройки новых укреплений, или поправки стен, или выполнения какой-либо работы в замке, старец заботится о том, чтобы вся волость немедленно являлась на помощь и при этом сам при ней находится, не имея права поручить это заказникам. Если старцу будет предъявлено требование о предоставлении стацеи «жолнерам», то он является в уряд и здесь решает вопрос, как удовлетворить это требование, натурой или деньгами.

По требованию волости старец должен давать отчет в истраченных деньгах либо перед урядом, либо перед господарским ревизором; в случае тяжбы между подданными из-за земли или из-за бортей, старец должен все проверить на месте и разобрать дело; наконец, старец заботится о том, чтобы пустые господарские волоки были осажены добрыми людьми, а если он кому-нибудь отдаст пустовавшую землю в аренду, то вырученную за нее сумму должен был внести в уряд при отдавании господарского чинша [134].

---

[134] АВК, т. XXV, стр. 325—326.

Наделяя старцев большими полномочиями, устава 1639 г. ограничивает пределы их власти исключительно хозяйственно-судебными функциями; они лишены права бить подданных, но последнее позволяется по отношению к мошенникам и плохим людям. Если последние не исправятся, то их разрешается посадить в тюрьму. Возлагая на старцев столько ответственных повинностей, устава 1639 г. разрешает дать старцу две волоки земли с освобождением его от всяких повинностей. Кроме того, он получает при отдаче чинша с каждого дыма волости по 2 гроша, по решету овса и по одной курице; за исправление границ — 24 гроша, а за межи — 6 грошей; при разборе дел из-за бортных деревьев с пчелами виновная сторона платила 10 грошей, а при разборе справы о дереве без пчел — только 6 грошей [135].

Помощниками старцев — представителями сел — были «заказники». Они выбирались населением из числа благонадежных людей, «веры годных». Обязанности их заключались в следующем: по указанию старца они выгоняли подданных на работу; решали споры между подданными по делам, касающимся потрав и по другим жалобам, причем справедливость своего решения должны были подтвердить клятвой; следили за порядком во вверенных им селах и в особенности за тем, чтобы в них были изгороди для избежания потрав; с этой целью боковые волоки делились на части и на каждом участке должна была быть сделана изгородь тем, кому этот участок был поручен. Если же, вследствие небрежности, изгородь своевременно не была бы сделана и отдельные лица от этой небрежности потерпели бы убытки, то виноватый уплачивает стоимость всех убытков и платит при том еще 6 грошей на уряд. За свои обязанности заказник получает в свое распоряжение одну волоку, свободную от всяких работ и, кроме того, за разбор дел по потравам — один грош [136].

Измерение староств на волоки и необходимость сохранять намеченные границы владений заставляли правительство иметь всегда в имении «мерника», на обязанности которого лежало производство всякого рода межевых работ. По указанию уряда мерник обязан выезжать на указанное место и производить требуемое урядом измерение; ежегодно совместно со старцами он должен был объезжать поля с целью проверки границ и разного рода межевых знаков, находятся ли они в сохранности и, если где-нибудь будет замечена порча их, то все должно быть немедленно восстановлено, и за это мернику не полагается никакой платы; раз в три года совместно со старцем он осматривал

---

[135] АВК, т. XXV, стр. 326.
[136] Там же, стр. 326—327.

границы сел целой волости и в случае необходимости их восстановления или расчистки это делали подданные того или другого села; если между господарскими подданными шел спор о волоках, моргах, застенках или сеножатях, то мерник в присутствии старца должен был немедленно их успокоить, проведя границы на основании составленных ревизором реестров. Работа мерника вознаграждается предоставлением ему одной волоки, свободной как от замковых, так и фольварочных работ. Таковы обязанности органов сельского населения согласно уставе 1639 г. [137]

Обратимся теперь к повинностному положению сельского населения. При определении повинностей устава считается с качеством почвы. Последняя делится на три разряда: хорошую, среднюю и плохую. Вне очереди находятся земли, отличающиеся своим качеством и местоположением. Для них назначается особый, несколько повышенный, чинш.

На основании уставы 1639 г. повинностное положение сельского населения представляется в следующем виде:

С каждой волоки земли любого качества взималось равное количество: овса — одна бочка, ржи — одна бочка, льна —10 связок, сена — один воз, дров — 10 возов, по 2 курицы, одному гусю, 20 яиц. Чинш же взимался: с доброго грунта — 2 копы, со среднего — $1\frac{1}{2}$ копы и с подлого — 1 копа. Сено и дрова должны были привозиться к определенному сроку: ближние должны доставить их к 6 декабря, а дальние — к 25 декабря, наиболее отдаленные — ко дню крещения. Сено и дрова доставлялись во двор господаря в Бобруйск. Кроме того, подданные платили некоторую денежную сумму при отбирании чинша с каждой волоки и от каждой бочки овса и ржи. Затем сельское население вносило еще дань медовую, разложенную по волокам. При этом соблюдалось следующее правило: если со службы до волочной померы собирали больше, чем предполагалось брать с каждой волоки, то и с волоки собирали медовой дани больше «каменя»; если же с службы собирали дань в меньшей пропорции, чем это предполагалось брать с волоки, то с волоки брали меньше «каменя» меда. В тех же местностях, где из-за плохого качества грунта волочное измерение не было произведено, там медовая дань собиралась на основании старых ревизий [138]. Затем держатель каждой волоки был обязан два раза в неделю работать на господарском дворе на своем собственном иждивении; вся же волость должна работать на волоке 12 дней в году по усмотрению администрации и, наконец, выполнять в течение четырех недель в году разного рода

[137] АВК, т. XXV, стр. 327.
[138] АВК, т. XXX, стр. 323—324.

замковые работы:— две недели весной и две недели осенью, как этого требовали старинные уставы и обычаи [139].

Кроме этих повинностей, на сельское население падали еще повинности подводная и сторожевая. Первая исключительно отправлялась натурой, от второй можно было откупиться деньгами. Сущность первой заключалась в следующем: с каждой волоки раз в год давалась зимой одна подвода, которая должна была сделать в один конец 60 миль. Если же в какой-нибудь год двор не будет требовать себе подвод, то все-таки подданные обязаны заплатить уряду по копе грошей. Что же касается сторожевой повинности, то желавшие от нее освободиться могли уплатить при отдавании чиншов по 6 грошей с каждой волоки и по осьмине жита — специально для найма сторожей [140]. В таком виде представляются повинности населения. Устава 1639 г. в повинностном отношении отличается от уставы 1557 г. Ей неизвестны осадные крестьяне, она знает исключительно тяглое население; она требует уплаты части податей натурой и ей незнакома замена их деньгами; повинности населения сложнее и разнообразнее. Впрочем, это увеличение повинностей можно объяснить еще тем, что ведь и составление самой уставы относится ко времени, когда вообще замечалось повышение податей, поступавших с населения, жившего и в западных волостях. Все платы, вносимые в господарский скарб, должны быть отдаваемы исключительно в замке или господарском дворе. Все платы вносятся всем селом, без всякого напоминания со стороны уряда или короля, исключительно по напоминанию заказника в промежуток времени между днями св. Михаила и св. Мартина, т. е. в течение всего октября. Исключение из этого правила делалось только по отношению к доставке сена и дров. Доставка этих податков производилась в три срока: к 6 декабря, к рождеству и к крещению — в зависимости от местоположения сел по отношению к Бобруйскому замку. Ранее всего были обязаны привезти дрова и сено более близкие села [141].

Принимая меры к правильному и своевременному поступлению податков в господарский скарб, устава 1639 г. в то же время определяет и нормы наказания в случае сознательной небрежности или злоупотреблений при платеже податей. Так, если крестьяне в назначенное уставой время не отнесли бы во двор уряда следуемых с них денег, то об этом заказник должен был немедленно довести до сведения уряда, который должен разобраться в причинах, по каким член волости не мог заплатить следуемого податка. Если разбор дела покажет, что кре-

[139] АВК, т. XXV, стр. 324.
[140] Там же.
[141] Там же, стр. 325.

стьянин не мог заплатить в силу существенных обстоятельств, то это проходит для крестьянина совершенно безнаказанно; в противном случае, если выяснится, что имущественное состояние крестьянина позволяло ему заплатить, а он не заплатил «за недбальством», то устава предписывает уряду взыскать эти деньги «грабежом» [142]. Точно так же, если кто-нибудь из подданных не выйдет на работу вследствие «недбальства и пьянства», то за каждый прогульный день он платит 2 гроша «децкованья» и, кроме того, обязан отработать прогульные дни. Если же он не может выйти на работу и не желает подвергнуться штрафу за прогульный день, то должен об этом уведомить или своего соседа, или заказника. Впрочем, эти заявления освобождают только от штрафа, но не от обязанности отработать пропущенный день. Наконец, устава запрещает откупаться от работы, совпадая в этом с уставой о волоках 1557 г. От работ освобождаются только подданные далеких сел, за что платят державце копу грошей [143].

Разрешая эксплуатировать подданным лесные и речные богатства, устава, однако, ставит им некоторые серьезные препятствия в вопросе о пользовании результатами своих промысловых занятий. Так, подданные могут ловить бобров, но не имеют права продавать их на сторону до уведомления об этом господарского уряда. Последний, если пожелает, может их купить по цене, назначенной им. Устава требует только, чтобы в данном случае не было никакой «кривды» подданному. И только в случае отказа от права покупки подданному разрешается продавать на сторону. Охота не разрешается подданным в пущах; но если подданному удается случайно убить лося и дикую козу, то убитые туши отдаются державце. Мелкий зверь поступает в распоряжение подданного, причем, в случае его желания продать на сторону, должно поступить таким же образом, как поступают при продаже бобров. Чтобы не было «кривды» подданным, устава определяет точно цену за убитого волка или лисицу [144].

Помимо этого, в уставе 1639 г. есть еще несколько предписаний полицейского характера в интересах сохранения тишины и спокойствия. Для предупреждения разных «шкод» в хозяйстве подданных, а следовательно, и в господарском хозяйстве, устава запрещает подданным принимать к себе «неоседлых» людей, не заявивши об этом заказнику и соседям. Но и после такого заявления, приют «неоседлого» подданного возможен только в течение трех дней. Кроме того, всякий путник обязан сообщить свое имя. Если же имя последнего останется неизвестным и к тому же он останется у приютившего его домохозяина

[142] АВК, т. XXV, стр. 325.
[143] Там же.
[144] Там же, стр. 324—325.

больше трех дней, то об этом немедленно доводится до сведения уряда, который поступает с ним на основании сведений, сообщенных прохожим. Устава допускает возможность нарушения этих полицейских распоряжений со стороны подданного. Если от этого не случится никакой беды и никто не потерпит никакого убытка, тогда подданный ничему не подвергается; в противном случае он должен уплатить все убытки, понесенные селом или отдельным подданным [145].

Устава 1639 г., как и устава 1557 г., не прикрепила подданных к земле. Она сохраняет право выхода при условии нахождения заместителя. При выходе из волости подданному разрешается продать свое движимое имущество. Точно так же он свободно распоряжается им при жизни. Не уничтожила устава 1639 г. и суда «копы». Сохранение последнего является отчасти сохранением остатков прежней волостной организации. Впрочем, компетенция «копы» незначительна. На суде копы разбираются маловажные имущественные правонарушения. На нем присутствуют все держатели господарских земель. Самое отправление копного суда происходит в присутствии урядового «вижа». Затем за судом копы устанавливается только право расследования. Объявление вины и наказания — дело уже уряда [146].

---

[145] АВК, т. XXV, стр. 329.
[146] Там же. стр. 328.

VII. ЧТО ТАКОЕ «ВОЛОКА»

Литовская волока соответствует польскому лану. Мнения исследователей о размерах волоки. Устава на волоки. Величина волоки при осуществлении аграрной реформы. Итоги наблюдений.

Новая земельная единица, волока, на которую были измерены господарские волости, была заимствована из Польши, где она называлась ланом. Согласно исследованию Пекосинского [1], ланы были различной величины. И литовская волока давно привлекла к себе внимание со стороны исследователей литовско-русского прошлого. Кажется, Т. Чацкий был первым ученым, подвергнувшим волоку детальному исследованию. Вычисления Чацкого отличаются большой скрупулезностью и точностью, хотя и не со всеми его выводами можно согласиться. Автор делит волоку на морги, которые, в свою очередь, делятся на шнуры, пруты и локти. По наблюдениям Чацкого, при волочном измерении в Литве употреблялись волоки двух видов: в 30 и 33 морга. Последнюю волоку Чацкий причисляет к осадным волокам. 33-морговая волока, по его мнению, это — особенность земельного строя Литвы. Ни в Польше, ни в Германии не было земельной единицы подобных размеров. Литовский же морг имеет в длину 3 шнура, или 30 прутов, считая в каждом по 10 прутов, или 225 локтей, если считать, что в каждом пруте находится $7^1/_2$ локтей. Ширина же литовского морга должна равняться 1 шнуру или 10 прутам, или 75 локтям.

Таким образом, в каждом морге заключается 16 875 кв. локтей, а в 30-морговой волоке — 506 250 кв. локтей; в 33-морговой волоке — 556875 кв. локтей [2].

[1] Fr. Piekosiński. O łanach w Polsce wieków średnich. Rozprawy Akademii Umiejętności. Wydział Historyczno-Filozoficzny. Kraków, 1888, t. XXI.

[2] T. Czacki. Dzieła, t. I, Poznań, 1844, str. 213.

Все эти вычисления Чацкого, как доказал Пекосинский, были основаны на наблюдениях и данных писателей XVII—XVIII вв. Но им совершенно не был затронут тот актовый материал, который мог бы служить для проверки сделанных вычислений. Другой исследователь — Ярошевич, хотя и касался в своей работе волочной померы, однако не стремился заняться более детально вопросом, что такое волока, очевидно, совершенно разделяя те наблюдения, к которым раньше пришел Чацкий [3].

Третий из исследователей — Горбачевский — принимал волоку равную 30 моргам. В одном морге заключались 3 шнура или 30 прутов, или 225 локтей [4]. Определения размеров волоки, сделанные Горбачевским, ничем не отличаются от наблюдений Чацкого, за исключением разве того, что Горбачевский совсем не упоминает о волоке в 33 морга, которую Чацкий считает специфической особенностью Литвы. Переводя литовские меры длины на русские, Горбачевский считает морг равным 1564, 3381 кв. саженей. При таком вычислении волока будет равна 46940,956 кв. саженей.

Изучая Берестейское староство после введения в нем волочной померы, М. В. Довнар-Запольский пришел к выводу, что в Великом княжестве Литовском употреблялись волоки двух размеров: в 30 и 33 морга. Первая применялась при измерении городов, вторая употреблялась только в селах. Впрочем, сам автор допускает, что на практике не было никакой разницы между городской и сельской волокой, так как «ревизоры, измерявшие Берестейское староство, считали сельскую волоку в 33 морга при самом процессе измерения, хотя при счете полагали волоку в 30 моргов» [5]. Однако это объяснение отличается весьма существенной неясностью, так как автор не объяснил, зачем понадобилось считать при измерении волоку равной 33 моргам, а при общем подсчете принимать ее равной только 30 моргам. Затем, по мнению того же исследователя, «10 шнуров составляют 1 прут, а из 30 прутов один морг». Впрочем, с этими выводами едва ли можно согласиться. Все исследователи, не исключая и Горбачевского, на которого сослался М. В. Довнар-Запольский, считают, наоборот, 1 шнур равным 10 прутам. Очевидно, здесь какое-то недоразумение, так как при расчете, что 10 шнуров составляют 1 прут, никоим образом 30 прутов не могут равняться 1 моргу [6]. Последний будет равен им только в

---

[3] J. Jaroszewicz. Obraz Zitwy..., t. II, str. 116—118.

[4] Горбачевский. Словарь древнего актового языка Северо-Западного края и Царства Польского. Вильна, 1874, стр. 385.

[5] М. В. Довнар-Запольский. Берестейское староство в XVI в. «Киевские университетские известия», 1898, № 2, стр. 3.

[6] М. В. Довнар-Запольский. Берестейское староство..., стр. 2.

том случае, если принять 1 шнур равным 10 прутам, кроме того, считать в морге 3 шнура.

Указывая, что при измерении Берестейского староства ревизорами употреблялись волоки в 30 и 33 морга в зависимости от качества почвы, М. В. Довнар-Запольский противоречит своему утверждению, что при счете сельская волока всегда равнялась 30 моргам. Переводя размеры волоки на русские линейные меры, М. В. Довнар-Запольский, вслед за Горбачевским, склонен считать 30-морговую волоку равной 19,56423 десятинам. При таком расчете волока в 33 морга будет равна 20,96 десятинам.

Наконец, издатель Писцовой Книги Пинского и Клецкого княжеств, составленной Хвальчевским в течение 1552—1555 гг., принимает волоку равной 30 моргам, при этом последний содержит 300 кв. прутов, или 30 земельных прутов. В 10 кв. прутах или 1 земельном пруте содержится 75 кв. локтей. При таком исчислении в каждой 30-морговой волоке будет содержаться 506 250 кв. локтей, т. е. размер 33-морговой волоки, принятой в Пинском и Клецком княжествах, совершенно соответствует вычислениям Чацкого. Полагая один локоть равным 25 дюймам, издатель Писцовой книги считает, что каждая волока равнялась 19 десятинам 1354 кв. саженей 7 кв. футам и $64^1/_2$ кв. дюймам, т. е. немного более $19^1/_2$ десятин [7]. Таким образом, расчеты издателя вышеназванной Писцовой книги весьма близки к вычислениям Горбачевского. Итак, в исторической литературе существуют разногласия, во-первых, по вопросу о делении волоки на более мелкие меры измерения и, во-вторых, по вопросу о размерах отдельных видов волок. Эти вопросы и подлежат нашему рассмотрению. Когда Хвальчевский составлял Писцовую книгу Пинского и Клецкого княжеств, то в своем предисловии к ней он указал на те общие основания, которыми он руководился при производстве реформы в имении королевы Боны. Эти начала в общем весьма близки к тем положениям, которые были впоследствии положены в уставу, так что в предисловии Хвальчевского можно видеть отчасти праобраз королевской «уставы на волоки».

Устава на волоки рекомендует при измерении земли на волоки класть в волоку непременно 33 морга, но только там, где действительно можно разбить поле на три равные части, по 11 моргов в каждом поле. Если же по техническим причинам последнее являлось невыполнимым, то ревизору предоставлялось право поступить по собственному усмотрению. Следова-

---

[7] Писцовая книга Пинского и Клецкого княжеств, составленная Пинским старостою Станиславом Хвальчевским в 1552—1555 гг. Вильна, 1884, стр. VI (В дальнейшем — ПКПС).

тельно, этим самым открывалась возможность проявления инициативы и широкого усмотрения со стороны ревизора.

При такой постановке волока в 33 морга не более, как идеальная норма, к которой надо было стремиться, но от которой были возможны отклонения то в сторону уменьшения, то в сторону ее увеличения. Эти положения уставы очень важны, так как опровергают мнение Чацкого о 33-морговой осадной волоке, ибо по мысли самой уставы 33-морговой волокой могла быть и волока тяглая [8].

Устава на волоки в некоторых своих частях отличается чрезмерной краткостью. Она не дает никаких указаний относительно приемов вычисления волоки и измерения земель. Можно думать, что на практике возникало немало разного рода недоразумений, и потому ревизоры и мерники нуждались в различных дополнениях и разъяснениях. По всей вероятности, эти разъяснения были даны, и к 60-м годам все детали измерения были окончательно выяснены. Поэтому когда составлялся разграничительный акт Коршевской волости, то его составители коснулись, и притом весьма детально, тех правил, которыми они руководствовались при измерении Коршевской волости, дабы познакомить со всей техникой измерения и отвести от себя возможные при этом обвинения [9].

При измерении на волоки составители разграничительного акта Коршевской волости употребляли различные линейные и квадратные меры.

Самой маленькой линейной мерой считался литовский локоть, который в то же время назывался купеческим, так как им купцы измеряли товары, предназначенные для продажи. Купеческим локтем называлась единица измерения, содержавшая в себе не более $7^1/_2$ локтей. $7^1/_2$ локтей составляют 1 локоть прутовый, но 75 линейных локтей получают название земельного локтя. Таким образом, 1 земельный локоть равнялся 10 прутовым локтям [10]. Следующей линейной мерой было лыко или шнур, равный 75 купеческим локтям или 10 прутам.

Квадратными мерами были протяженные и земельные пруты, морги. Один квадратный прут равняется $56^1/_4$ кв. локтей. Земельный прут равняется 10 протяженным прутам. Следовательно, земельный прут равен $562^1/_2$ кв. локтям. Наконец, 30 земельных прутов или 300 квадратных прутов составляют 1 морг [11]. И 30 моргов составляют 1 волоку. Итак, составители разграничительного акта Коршевской волости принимали волоку равной 30 моргам. На основании тех же данных, несомненно,

[8] РИБ, т. XXX, Устава, арт. 29.
[9] АВК, т. XXV, стр. 10.
[10] Там же, стр. 11.
[11] Там же.

шнур является единицей измерения несколько большей, чем прут. Следовательно, мнение М. В. Довнар-Запольского о подразделении морга на пруты, шнуры и локти надо признать ошибочным.

Чтобы выяснить, какой считали волоку деятели реформы, следует обратиться к сохранившимся писцовым книгам. Начнем с Гродненского староства, писцовая книга которого была составлена в 1563 г., когда все приемы и техника измерения были точно выяснены и определены.

Ревизор, производивший измерение на волоки Гродненской экономии, пользовался обычными линейными и квадратными мерами. Измеряя экономию на волоки, ревизор считал всюду волоку равной 33 моргам, как это — рекомендовалось «уставой на волоки», но в то же время для того же староства совсем нередкость — волока в 30 моргов. Обыкновенно большая волока применялась при измерении на волоки пахотной земли в том случае, когда действительно пахотное поле можно было разделить на три куска, по 11 моргов в каждом [12]. Иногда попадаются в экономии и неполные 33-морговые волоки: для полноты недоставало всего нескольких прутов [13]. При общем подсчете неполные волоки однако принимались за полные. Кроме того, в Гродненской экономии было немало волок, превышавших 33-морговую волоку. Эти надбавки давались ревизором в зависимости от ряда условий, благодаря которым крестьянское хозяйство, в сравнении с другими хозяйствами, находилось в весьма неблагоприятных условиях. Так, надбавки давались «для песков, для гор и баген, для багна, для ровов, для грунту злого, для кустовья никчемного, для блота, для лесов никчемных, для ровов од скаженья вод, для грунту песчанаго и каменистаго...» [14]

Впрочем, даваемые надбавки не всегда были мотивированы ревизором. Некоторые из них они не считали нужным объяснить и оправдать. Это обыкновенно применялось в тех случаях, когда надбавки были весьма незначительны и когда по характеру участка при измерении нельзя было обойтись без дополнительных прутов.

Однако при общем подсчете эти дополнительные пруты во внимание не принимались ревизором, и морги вычислялись в круглых цифрах.

---

[12] Писцовая книга Гродненской экономии с прибавлениями, ч. 1—2; Вильна, 1881—1882, ч. 1. Например: села: Жомойдзь, Жинович, Зубовичи, Обухово, Плавско, Пузичи, Завадичи, Мигово, Курпево, Струпино (В дальнейшем — ПКГЭ).

[13] Там же, ч. I, стр. 302.

[14] ПКГЭ, ч. I, II.

Отведенные надбавки были большею частью весьма невелики и редко выходили за пределы морга. Только в редких случаях надбавки равнялись нескольким моргам. Благодаря этому на отдельных участках волоки доходили до 37 моргов 28 прутов в одном месте [15].

Итак, в Гродненской экономии нормальной надельной волокой является волока в 33 морга. Но встречались волоки бо́льшие и меньшие по своим размерам. Первые составлялись благодаря надбавкам, которые давались тяглецам в зависимости от разных обстоятельств. Неполные волоки при общем счете рассматривались как полные.

При измерении сеножатей в Гродненской экономии употреблялась волока в 30 моргов. Если за каждую волоку сеножатей, отданную в пользование селу, или отдельным лицам, приходилось уплачивать скарбу 15 грошей, а с каждого морга 5 пенязей, то, очевидно, ревизор всегда считал сеножатную волоку в 30 моргов [16]. Что же касается местских волок, то, по признанию самого составителя описания волочного измерения городов Брянска и Саража, волоки всегда принимались равными 30 моргам [17]. И при измерении города Гродно волока принималась равной 30 моргам, но в местских селах было прибавлено в виде исключения по 3 морга к волоке [18].

Таким образом, в Гродненской экономии только надельные волоки считались равными 33 моргам. Но волоки сеножатные, городские, выгоны, леса при нормальных условиях считались равными 30 моргам.

И в Кобринской экономии для измерения надельной земли употреблялась волока в 33 морга [19]. Кроме того, и в Кобринской экономии ревизорами надбавки давались по тем же соображениям, что и в Гродненской экономии. Поэтому рядом с 33-морговой волокой, которую и для данной экономии можно считать нормальной, встречались волоки, значительно выходившие за пределы нормы. Так, крестьяне села Станки сидели на волоках в 36 моргов [20]. В с. Туличи волока равнялась 35 моргам [21], в с. Столпы волока была равна 38 моргам 6 прутам [22], в с. Данковичи 35 моргам 6 прутам [23], в с. Ластовки — 33 моргам 18 пру-

---

[15] ПКГЭ, ч. II, стр. 112.
[16] ПКГЭ, ч. I. стр. 73, 76, 194, 291. 489.
[17] Там же, ч. II, стр. 318.
[18] Там же, стр. 26.
[19] Ревизия Кобринской экономии, составленная в 1563 г. королевским ревизором Дмитрием Сапегой, Вильна, 1876, стр. 77, 83, 88, 116, 165, 185. (В дальнейшем — РКЭ).
[20] Там же, стр. 96.
[21] Там же, стр. 103.
[22] Там же, стр. 118.
[23] Там же, стр. 124.

там [24], в с. Римки — 44 моргам 3 прутам [25], в с. Дашковичи — 44 моргам 6 прутам [26], в с. Слонимцы — 37 моргам 18 прутам [27], в с. Осовая — 34 моргам [28], в с. Лежайско — 34 моргам 6 прутам [29], в с. Павловичи — 34 моргам 12 прутам [30], в с. Постолово — 33 моргам 9 прутам [31], в селе Подольшанец — 38 моргам 1 шнуру 2 прутам [32], в с. Стрыевичи — 36 моргам [33], в с. Уколка — 32 моргам 12 прутам [34]. При измерении мест Кобринской экономии ревизор не был так определенен, как в Гродненской экономии. Городские волоки в Кобрине колебались между 33 и 38 моргами [35], а в городах Городец и Добучин они равнялись 33 моргам [36]. Наконец, в местских селах нормальной волокой для надельной земли была волока в 33 морга [37]. Итак, принимая для измерения надельных земель в Кобринской экономии волоку, равную 33 моргам, ревизор на практике значительно отступал от этого основного принципа. Благодаря этому в некоторых случаях волоки достигали больших размеров, доходя иногда до 44 моргов 6 прутов. И такие отклонения для Кобринской экономии нельзя считать случайностью, так как около половины надельных волок были значительно бо́льших размеров, не говоря уже о надбавках, которые в общий счет не входили. И при измерении городских волок на практике были возможны отступления в сторону увеличения общего количества моргов в волоке.

Обращаясь к данным писцовой книги Пинского староства, можно отметить в ней те же явления, которые были уже отмечены при анализе данных Гродненской и Кобринской экономий. Ревизоры Пинского староства считают нормальной волоку в 33 морга. Но вследствие неблагоприятных почвенных условий на практике были возможны отступления в сторону от нормы, благодаря чему величина волок отличалась поразительной пестротой [38].

Иногда эти надбавки были настолько незначительны, что они существенно не увеличивали волоки ($2^1/_4$ локтя; 7,5 прутов

[24] Там же, стр. 127.
[25] Там же, стр. 130.
[26] Там же, стр. 131.
[27] Там же, стр. 173.
[28] Там же, стр. 187.
[29] Там же, стр. 201.
[30] Там же, стр. 210.
[31] Там же, стр. 221.
[32] Там же, стр. 223.
[33] Там же, стр. 225.
[34] Там же, стр. 239.
[35] Там же, стр. 281.
[36] Там же, стр. 161, 275.
[37] Там же, стр. 38, 48.
[38] ПКПС, ч. I, стр. 285.

в одном поле [39], но с другой стороны, там, где земля по своему качеству, действительно, была плохая, надбавки доходили до 3 моргов в одном поле, так что волока равнялась 42 моргам вместо нормальных 33 моргов [40]. Земля в Пинском старостве вообще была весьма невысокого качества, а потому нормальные волоки в 33 морга — явление сравнительно редкое. И при измерении городских земель ревизор обыкновенно принимал волоку в 33 морга [41].

Данные описания Берестейского староства уже были предметом ученого внимания М. В. Довнар-Запольского [42], но его наблюдения верны только отчасти. Конечно, ревизоры, следуя уставе, должны были при измерении считать волоку равной 33 моргам, но из-за качества почвы к нормальной волоке приходилось давать значительные надбавки, благодаря которым обыкновенная волока в Берестейском старостве — явление редкое. Пестрота среди надбавок удивительная. Самая большая надбавка была равна 18 моргам [43]. Надбавка в 4—6 моргов была более распространена. Наконец, при измерении Жмудского староства волока считалась равной 30 моргам [44]. Итак, сохранившиеся описания отдельных староств, волостей и экономий позволяют прийти к выводу, что при измерении полевой земли ревизоры считали волоку в 33 морга, как того требовала «устава на волоки». Точное выполнение этого требования оказывалось совершенно невозможным, и ревизорам приходилось отступать от общепринятых норм и, вследствие разного рода почвенных дефектов, увеличивать размеры волоки. Однако кое-где попадались волоки и неполные, которые при общем счете принимались за полные. Что же касается городских земель, то при измерении их употреблялась волока в 30 и 33 морга. Выбор размеров волоки зависел от местного ревизора, которому, разумеется, приходилось считаться с чисто местными индивидуальными условиями. При измерении на волоки употреблялись линейные и квадратные меры: локти, пруты, шнуры, морги. Наконец, изучение писцовых книг не позволяет принять мнения Чацкого, будто 33-морговая волока была по преимуществу осадная.

---

[39] ПКПС, ч. I, стр. 121, 135.
[40] Там же, стр. 200—201.
[41] Там же, стр: 104—105.
[42] М. В. Довнар-Запольский. Берестейское староство.
[43] ДМАМЮ, т. I, стр. 393.
[44] АВК, т. XXV, стр. 13.

VIII. ХОД РЕФОРМЫ

Роль провинциальной администрации при производстве аграрной реформы. Обязанности волостного населения. Описание городов, дворов и волостей. Производство реформы в Троцком воеводстве. Аграрная реформа в Виленском воеводстве и Жмудском старостве. Аграрные мероприятия в русских волостях.

Когда правительство Сигизмунда-Августа решало приступить к осуществлению задуманной реформы в той или другой волости, то об этих намерениях провинциальную администрацию уведомляли торжественным посланием, одновременно выясняя ближайшие задачи и цели реформы и ту роль, какую должна была играть провинциальная администрация при осуществлении реформы. Реформа, по словам правительственного документа, была задумана «для лепшого покою межи подданных наших и для постановенья платов и пожитков наших господарских». Реформа в каждой державе должна была быть проведена по единому плану, как и «в инших замкох и дворех наших» [1]. Для этой цели земли господарских подданных должны были быть померены и разделены на три поля. По приезде на место лица, назначенного правительством для осуществления задуманной реформы, староста был обязан оповестить о его приезде всех второстепенных урядников, которые должны дать ему необходимую «справу» и оказывать всякую поддержку при осуществлении реформы.

Одновременно издавалось распоряжение, что волостные люди должны «в помере послушными быти и никоторое перѐказы в том не чинити». Провинциальный уряд присутствует при измерении на волоки. Он является свидетелем того, что волоки померены «достаточне звыклое померы обычаем» и «выпростаны без обтяжливости» господарских подданных. Когда произ-

[1] ПКПС, ч. I, стр. 1; ЦГАДА, ЛМ, КЗ XXXVII, лл. 53, 54.

водится в волости волочное измерение, то население волостей не обязано давать правительственному агенту никаких «стаций» и «жадных доходов», за исключением небольшой платы за каждую принятую волоку[2]. За волоки непринятые вознаграждение выдается из господарских доходов. Это вознаграждение «на страву и за працу». Если же впоследствии волоки будут приняты, то с каждой волоки отбирается в господарский скарб по 10 грошей. Хотя подданные волостей не давали правительственным агентам никаких «стаций», однако они все-таки были обязаны давать агенту и его мерникам подводы и сохи «с волами для розгоняньяволок»[3]. Провинциальная администрация при производстве земельной реформы должна стоять на страже правительственных интересов: она совместно с ревизором раздает подданным волоки, «яко наипристойней и налепей быти может», следит за составлением реестра произведенной реформы и смотрит, чтобы задуманная реформа была осуществлена «без обтяжливости подданных». В противном случае провинциальный уряд должен дать немедленно господарю ведомость, лишь только он заметит, что господарский агент «на подданых вымыслы чинил и пожитки которые собе не побожне привлащал». Кроме того, старосты или воеводы наблюдали, чтобы земли, забранные без данины, подвергались волочному измерению[4]. Наконец, старосты и воеводы должны были также стоять на страже интересов и местного шляхетства. Они обязаны следить за тем, чтобы частные землевладельцы как духовные, так и светские получали «отмену слушную», если земли последних «для поравненья господарских кгрунтов» приписывались к господарским дворам и замкам[5].

Посылая уведомительный лист провинциальной администрации, центральное правительство, с своей стороны, обращалось с таким же листом и к населению волостей с извещением о предстоящем волочном измерении и с требованием быть «послушни» ревизору и «справедливе» сообщить ему все, что касается их земельных владений и, чтобы реформа была произведена без всякой «обтяжливости» для населения. Затем населению предъявлялось требование, чтобы подданные откровенно показали те земли, которые были забраны без данины, а также чтобы они принимали от ревизора вымеренные волоки, садились бы «на местца, от него назначоных ку селидьбам», «всякое послушенство в помере чинечи к нему»[6]. По всей вероятности, такое же уведомление о предстоящем измерении на волоки

[2] ЦГАДА, ЛМ, КЗ XXXVII, лл. 53—54.
[3] Там же.
[4] Там же.
[5] Там же.
[6] ПКПС, ч. I, стр. 3.

получали и местные землевладельцы; по крайней мере, так поступило правительство Сигизмунда III, когда в 1639 г. приступило к волочному измерению Бобруйского староства [7]. По приезде ревизора и мерчих на место начиналось довольно трудное дело измерения на волоки, принимая во внимание тогдашние примитивные способы измерения. При волочном измерении применялись линейные и квадратные меры. Площадь той или другой территории вычислялась обыкновенно по данным длины и ширины, и соотношение между ними принимало иногда до прихотливости разнообразный характер [8]. Так как не всегда измеряемая территория укладывалась в то или иное количество волок, то иногда оставался некоторый излишек земли, называвшийся «застенком» и не входивший в общий счет «протягненных» волок. Такие застенки лежали большей частью на краю территории и по своей разбросанности и количественной величине представляли собой довольно живописную картину. В сохранившихся писцовых книгах волоки и застенки резко отделены друг от друга, и им ведется особый счет как в количественном, так и в повинностном отношении.

Описывались и измерялись города, замки и дворы волостей. Не измеряя на волоки всей городской территории, правительственные агенты прежде всего измеряли территорию, занятую правительственными и частными лицами. Обыкновенно сначала измерялась территория рынка — главная часть любого города, вокруг которой по четырем сторонам были расположены городские селидьбы. Затем шло измерение улиц, ближайших к рынку, постепенно переходя к более отдаленным, и мало-помалу охватывая всю городскую территорию. Если при городских селидьбах были земли под огородами, то, конечно, измерялись и последние. Когда территория города была измерена, приступали к измерению внегородской территории. Тут находились городские земли — пахотные, огородные, сенокосные, выгонные, находившиеся в пользовании городского населения или составляющие частную собственность, преимущественно духовенства и духовных учреждений — монастырей, церквей. Записывая итоги произведенного измерения в особый реестр, составители его всегда отличались большой точностью в определении границ измеренной и описанной территории. При составлении такого реестра обыкновенно подробно перечислялись владельцы городских плацов и огородов с обозначением их повинностей; в общее число городских держателей пляцов входили и те лица, которые, в силу своего административного положения или специальной службы, были свободны от платежа повинностей.

---

[7] АВК, т. XXV, стр. 115.

[8] Там же, стр. 10.

В конце описанной части города в реестре обыкновенно дается итог количества городских пляцов и общее количество прутов, занятых под усадьбы. Затем указывается, какие пляцы были свободны от платежа чинша и какие были на плате. Отдельно подводился итог огородной земле с указанием, какие огородные пруты были на плате, какие свободны. Подсчеты, произведенные правительственными агентами, обыкновенно отличаются большой точностью и только в весьма немногих случаях нуждаются в некоторых, весьма, впрочем, несущественных, поправках. Затем в реестре подводился итог местских волок с обозначением следуемых с каждой волоки повинностей как натуральных, так и денежных, и перечислялись те налоги, которые поступали в господарский скарб: это поступления с мыта, капщизны и от резников.

При описании господарских волостей сначала измерялись и описывались фольварки, если последние уже существовали, или устраивались новые, если это соответствовало господарским интересам. Потом ревизоры переходили к измерению волостной территории и делили ее на то или другое количество войтовств, руководствуясь правилами, указанными в уставе. При измерении двора прежде всего приступали к отводу пашни под господарский фольварк. Если при этом ревизоры заставали уже развитое хозяйство, то переписывалась его наличность, а также и бывший урожай и одновременно давались указания относительно его дальнейшей эксплуатации, а равно и эксплуатации разных хозяйственных угодий. Кроме пашни, измерялись огороды и размещались на них огородники. Описание и измерение волостей производилось по селам. Сначала описывались и определялись границы каждого села, затем шло описание границ наделов, поделенных на волоки, указывалось повинностное положение волок, перечислялись лица, взявшие волоки, а иногда перечислялся и их рабочий инвентарь, столь важный для характеристики экономического положения крестьянина. Далее определялись границы выгонов, если последние находились при селе, и количество таких волок. Тут же писались отдельно и застенки. Наконец, подводился общий итог поступлений, следовавших в господарский скарб с волостных волок. Кроме того, в тот же реестр вписывались и те «отмены слушныя», которые были отданы частным землевладельцам взамен отобранной земли, и перечислялись те земли, которые были разобраны без данины, или на которые заявляли притязания несколько лиц.

Состав господарских держав и дворов, расположенных в Троцком воеводстве в его западной части, с достаточной полнотой выяснен М. К. Любавским в его известном труде «Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени издания первого Литовского статута». Вос-

пользуемся данными М. К. Любавского, чтобы сравнить их с данными о земельной реформе. Тогда можно будет выяснить, по всей ли территории воеводства прошла реформа, или ею были затронуты только главные державы и дворы, или же некоторые из них, вероятно вследствие их бездоходности, оставались не размеренными на волоки.

Территория Троцкого воеводства была довольно обширна. В ее состав входило несколько поветов. Троцкий повет был разбросан в бассейне реки Немана. Села и дворы, расположенные в этом направлении, конечно, имели огромное значение для господарского хозяйства. В пределах Троцкого повета лежали следующие дворы, не перешедшие в частные руки: на р. Немане — Дорсунишки с волостью, Бирштаны с волостью, Пуня с волостью, Олита и Немонойти с волостями, затем Перевалка с волостью, дворы Ожа и Перелом с волостями и, наконец, двор Избляны; по правому притоку Немана, р. Страве — волости Стравиницкая, Жижморская и Момилишская с дворами; по правому притоку р. Верхшны, р. Ольше — Стоклишки с волостью; при впадении р. Меречанки — Меречь с волостью, а по ее верховьям — Перелая и Волькиники; по р. Версоке, левом притоке р. Меречанки,— Ейшишки с волостью. Затем на р. Радунке, впадающей в Дитву, правом притоке Немана,— Радунь с волостью. На р. Острине, впадающей в Котру, правый приток Немана,— Острынь с волостью, а по р. Жолудчанке, притоке Немана,— Жолудок с волостью. Внутри Троцкого повета лежали следующие господарские дворы: в западной части повета — Довкги с волостью, Лепунь с волостью, дворы Дубичи и Конева; в северо-восточной части — Старые Троки и на юго-востоке — Василишки с волостью.

Другой частью Троцкого воеводства был Слонимский повет, раскинувшийся по левым притокам Немана. Тут, конечно, центральное место занимал Слоним с волостью и двор Здитов с волостью на р. Доробужке, притоке Ясельды. Затем по левым притокам Немана лежал Волковыйский повет с дворами — Волковыйском и Мстибоговом с волостями, а также Новодворская и Порозовская волости на р. Роси.

В состав Троцкого воеводства входит и замок Каменец с поветом, расположенный по р. Лесной, притоку Западного Буга. К Троцкому же воеводству принадлежал и замок Ковно с поветом, имевший огромное значение, как крепость и как важный торгово-экономический центр — главное ядро всей внешней литовской торговли. Ковенский повет делился на собственно Ковенскую волость с замком Ковенским, волость Кормяловскую с двором Кормялово, Румшишскую волость с двором Румшишки и двор Киекгужин с волостью. К Троцкому воеводству было также приписано и Городенское староство, занявшее оба берега

среднего Немана. В пределах староства лежали: двор Скидель с волостью, двор Дубно с волостью и двор Мосты — все на правом берегу Немана. К Троцкому воеводству была приписана и старинная Берестейская земля и так называемое Подляшье, состоявшее из поветов Бельского, Дорогицкого и Мельницкого. На этой территории лежали следующие дворы и замки: Тыкотин и Сараж на р. Нарве и Бранск на р. Нурце, притоке Западного Буга. Наконец, в его состав вошли удельные княжества Кобринское и Пинское. Последнее по своему географическому положению между р. Ясельдой и Пиной составляло как бы переход от западной части воеводства к восточной. Таково расположение господарских дворов в Троцком воеводстве.

Дать точную картину хода в нем земельной реформы не представляется возможным по состоянию источников. Но если не стремиться к полноте, то такая картина может быть отчасти восстановлена. Для производства земельной реформы были посланы ревизоры. По всей вероятности, в каждый повет посылался отдельный ревизор, который и приводил господарское хозяйство в должное состояние. Аграрная реформа в Троцком воеводстве началась не раньше 1555 г.[9] По крайней мере до этого времени нет никаких указаний о систематических земельных мероприятиях правительства. Ревизорами дворов господарских в Троцком повете были господарский державца Станислав Райский и дворянин Семен Война[10]. По всей вероятности, реформа здесь производилась в течение 1555 и 1556 гг. Затем на место Райского был послан Григорий Дельницкий, официально называвшийся ревизором дворов Понеманских. Упоминается также и Авраам Кунцевич. Вероятно, в 1559 г. он занял место Семена Войны[11].

Совместно с наместниками и державцами они измерили бóльшую часть Троцкого повета. На обязанности Станислава Райского, кажется, лежало измерение дворов, расположенных в бассейне Немана и в глубине Троцкого повета[12]. В юго-восточной части повета действовал дворянин Павел Котович — измерение двора Василишек с волостью произведено им[13]. По всей вероятности, Павел Котович ограничился только измерением Василишек. В следующем, 1559 г., он был занят производством волочной померы около Тыкотинского замка[14]. Каменецкий повет был размерен на волоки Иваном Сапегой совме-

---

[9] ЦГАДА, ЛМ, КЗ XXXVII, л. 104.
[10] Там же, л. 347; XXXVIII, лл. 301, 311.
[11] Там же, л. 254.
[12] Там же, КЗ XXXVII, лл. 123, 146, 345.
[13] Там же, л. 126.
[14] Там же, л. 263.

стно с местным державцей паном Туром [15]. Началось производство реформы в 1558 г. Производство земельной реформы в Каменецком повете не отняло много времени. Уже в следующем году ревизор Иван Сапега был занят на Подляшьи [16].

Тот же Сапега начал измерение земли в Берестейском старостве [17]. Справцами дворов Городенских были новодворский наместник пан Себастиан Дыбовский и господарский дворянин Лаврин Война [18]. Здесь, кажется, реформа была начата не раньше начала весны 1558 г. [19]. По крайней мере, различные господарские указания, изданные в связи с реформой, вышеуказанные лица начинают получать только с начала марта 1558 г. [20]. Лаврин Война действовал здесь недолго. В 1561 г. он уже занят производством реформы в Пинском княжестве. Его заменил дворянин Иван Макарович [21]. Можно думать, что окончание работ по производству реформы в Городненском повете было произведено не раньше 1563 г. [22]. Когда была начата реформа в Слонимском повете, в точности установить нельзя. Во всяком случае не позднее 1558 г. Однако реформа сначала была проведена «не слушне». Вновь посланный ревизор — дворянин Андрей Илькговский должен был исправить все дефекты произведенного измерения. Производство этого исправления началось не раньше конца зимы 1559 г.[23] Кажется, в следующем году Илькговский был заменен Нарбутом и Фальчевским [24].

Измерение на волоки Подляшья было произведено еще при Сигизмунде I. При его преемнике были посланы ревизоры для проверки уже произведенного волочного измерения. Таковыми ревизорами были дворянин Станислав Девялтовский и Павел Котович [25]. Местом их действия была, кажется, северо-западная часть Подляшья. Юго-восточная часть Подляшья была измерена ревизором Дмитрием Сапегой [26]. Реформа здесь была начата не раньше 1558 г., а закончена только в 1563 г. В это же время Дмитрий Сапега составил волочное описание Кобринской экономии. Наконец, Пинское княжество было измерено на волоки в течение 1561—1566 гг. старостой пинским и кобринским Лаврином Войной [27].

---

15 ЦГАДА, ЛМ, КЗ XXXVII, л. 217.
16 Там же, л. 221.
17 ДМАМЮ, т. I, стр. 205.
18 ЦГАДА, ЛМ, КЗ XXXVII, л. 15.
19 Там же.
20 Там же, л. 136.
21 Там же, КЗ XXXVIII, л. 413.
22 Там же.
23 Там же, КЗ XXXVII, л. 191.
24 Там же, л. 364.
25 Там же, лл. 173, 263.
26 Там же, КЗ XXXVIII, л. 513.
27 ПКПС, ч. I, стр. 1.

Таким образом, измерение на волоки Троцкого воеводства отняло около семи лет, начиная с 1556 по 1563 г. наиболее быстро были измерены дворы Троцкого повета.

Но все ли дворы с волостями были захвачены земельной реформой? К сожалению, полностью нельзя ответить на этот чрезвычайно важный вопрос.

Волочные описания дворов большей частью не сохранились, за исключением Пинского староства, Кобринской и Гродненской экономий. Тут, конечно, ясно, что земельная реформа захватила всю территорию, лежащую в пределах вышеупомянутых экономий и староства. Относительно других частей Троцкого воеводства существуют кое-какие отрывочные сведения. Эти сведения довольно случайного характера, и отсутствие в них известий о производстве реформы в том или другом дворе еще не является показателем, что она здесь не производилась. Известия о дворах, в которых произведено волочное измерение, можно черпать из господарских листов, посылавшихся по разным поводам тому или другому ревизору или державце. Так, Ковенская держава была измерена до 1556 г. Господарский лист, опубликованный 12 июля 1556 г., прощал киевскому воеводе и ковенскому державце пану Григорию Ходкевичу все недоимки за 1552—1554 гг., которые «на пане воеводе и на слугах его што оставлено и на квитех скарбных описано». Кроме того, получив в 1555 г. в держание двор Кормялово с волостью, Ходкевич был освобожден от обязанности чинить «личбу» перед господарским скарбом во всех доходах, которые «с двора и места и волости Кормяловских» шли на господаря.

Поэтому «все яко цинша голые, так и вси поплатки што з волок подданых дають» предоставляются в распоряжение пана[28]. Следовательно, в Ковенском повете земельная реформа уже производилась в 1555 г. К марту 1558 г. была измерена на волоки и вся волость. Румшишская в том же повете. Господарским листом от 8 марта 1558 г. дворянин Иван Васильевич Булгак получил подтверждение на 16 волок «войтовства Занеманского села Войнивирдова» со всеми скарбами и податками, которые до сих пор поступали в господарский скарб[29]. Что же касается данных о земельной реформе в Троцком повете, то можно привести следующие: к 1558 г. уже кое-где были окончены измерение земель на волоки и составление скарбных реестров. Весной 1558 г. боярин Троцкого повета Петр Пацевич хлопотал перед державцей олитским и немонойтским Станиславом Райским об освобождении его от чинша по случаю бедности[30]. То же следует сказать и о волости двора Сомилишского.

[28] ЦГАДА, ЛМ, КЗ XXXVII, л. 113.
[29] Там же, л. 135.
[30] Там же, л. 146.

Господарский лист разрешил воеводе троцкому не вносить никаких доходов с подданных и гумна Сомилишского в течение 1558—1560 гг.[31].

Следовательно, к этому времени все повинности уже были определены. О производстве волочного измерения в дворе Бирштаны можно судить на основании господарского пожалования от 8 ноября 1558 г. на имя лесничего дорсунишского и бирштанского об отводе ему на лесничество в Биршанской волости в селе Ошменитишках 6 волок «з людьми, на них оселыми», и там же на пашню ему «три волоки земль пустых»[32]. Доказательством производства земельной реформы в дворе Радунь с волостью может служить пожалованье троцкому воеводе в Радуньской волости 8 волок села Ковков «и з людьми тяглыми, на тых волоках оседлыми, с платы, с податками и з их службами»[33]. Господарский лист на имя старосты мстибоговского Григория Воловича об отводе отмены за отобранные огороды у дворянина Андрея Жеховского служит показателем производства аграрной реформы в Ейшишках с волостью[34]; Господарский лист от 22 декабря 1557 г. на имя воеводы троцкого и василишского державцы пана Миколая Юрьевича Радивилла об отводе в селе Бакштах в волости Василишской одверному Матею Богдановичу 2 волок «на службе одверницкой, вольных от всих повинностей», указывает на производство аграрной реформы в волости Василишской[35]. На производство волочного измерения во дворе Пуня с волостью указывает господарское пожалование скарбному писарюЯрониму Квилецкому пустовщины, в которой было всего около 20 моргов, и застенка в размере 5 моргов[36]. Доказательством тех же земельных мероприятий правительства во дворе Лепунь с волостью может служить жалоба лепуньских бояр от 17 июня 1560 г. о том, что державца олитский Станислав Райский, «будучи на помере волочной у волости Лепуньской, на землях их властных жита и збожья им жати заповедал, а их властныя земли хотел роздать подданым»[37]. Господарский привилей от 21 августа 1560 г. на имя пана Войтеха Ясенишского на право держания двора Перелом «доживотным правом» указывает, что ко времени пожалования здесь уже было осуществлено волочное измерение[38].

О состоявшемся волочном измерении двора Стоклишек говорит господарский лист от 1560 г. на имя местного державцы и

---

[31] ЦГАДА, ЛМ, КЗ XXXVII, л. 160.
[32] Там же, л. 189.
[33] Там же, КЗ XXXIX, л. 178.
[34] Там же, КЗ XXXVII, л. 123.
[35] Там же, КЗ XXXVII, л. 126.
[36] Там же, л. 339.
[37] Там же, КЗ XXXVII, л. 376.
[38] Там же, л. 337.

ревизора Авраама Кунцевича о предоставлении боярину Андрею Степановичу Ольшевскому в держание «одного человека и 5 земель пустовских», данных ему «до воли и ласки господарской», и впоследствии при производстве волочного измерения у него отобранных, так как господарь не пожелал, чтобы тот боярин «от хлебокормления отдален быти мел» [39]. К 1561 г. состоялось также измерение двора Меречь с волостью. Господарский лист на имя старосты пинского, кобринского и бобруйского пана Станислава Довойны оставил в 1561 г. за Григорием Дельницким 3 волоки, которые раньше имел в своем распоряжении подданный Мартын Пропевицкий, так как он был мерчим при «постановени и померы волочное волости Мерецкое» [40].

К осени 1558 г. состоялось волочное измерение двора Жосли. Господарь в это время нашел возможным отдать местному державце пану Лукашу Лекскию «на его выхованье фольварок Жосленский всякого ужатия и иные вси пожитки, што кольвек с того фольварку до скарбу нашого приходит, в инши села дворные» [41]. Измерение на волоки Олиты с прилегавшими к ней дворами, по всей вероятности, было произведено с момента приступа к реформе, так как державцей был сам ревизор дворов Троцких пан Станислав Райский [42]. Уже в 1557 г. правительство заботилось о достаточном обеспечении Олиты стрельцами [43]. По всей вероятности, одновременно состоялось волочное измерение и двора Немонойти [44]. Заботы правительства об осаде подданных на стрелецкие волоки во дворах Новый Двор и Ворана указывают на то, что и в них в это время уже состоялось волочное измерение [45]. Тогда же состоялось распоряжение об осаде стрельцов при дворе Довкги [46]. Очевидно, и здесь уже волочное измерение было окончено. К началу осуществления земельных мероприятий господарские дворы Ейшишки, Конева, Ворана, Дубичи были в державании пана Григория Воловича. По всей вероятности, одновременно с померой Воран и Ейшишек были измерены на волоки и дворы Конева и Дубичи, как лежавшие на одной территории и в административно-хозяйственном отношении составлявшие одно целое [47]. Одновременно к августу 1560 г. с двором Перелом был вымерен на волоки и двор Ожа, составлявший с Переломом единую хозяйственно-

[39] ЦГАДА, ЛМ, КЗ XXXVIII, л. 311.
[40] Там же, л. 311.
[41] Там же, КЗ XXXVII, л. 189.
[42] Там же, л. 146; XIII, л. 60.
[43] Там же, КЗ XLII, л. 3;
[44] Там же, л. 16.
[45] Там же, лл. 6, 9.
[46] Там же, л. 18.
[47] Там же, КЗ XXXVII, л. 123.

административную единицу[48].. Кажется, в 1557 г. было окончено измерение Кормяловской волости. Благодаря постигшим ее несчастиям крестьяне этой волости не могли уплатить за 1557 г. наложенных на них податей, и потому просили господаря об освобождении их от платов[49]. В 1560 г. был измерен на волоки двор Острынь, а также были составлены ревизорские реестры. Господарский лист от 31 мая 1560 г. на имя ротмистра Станислава Скиндера жалует ему в Остринской волости 7 оселых волок с перечислением дымов и их владельцев[50].

Земельная реформа в Слонимском повете была осуществлена до 1558 г. Господарский лист от 8 ноября 1558 г. признает, что волочная помера в Слонимском замке произведена «неслушне» и дает соответствующие указания дворянину Андрею Ильковскому относительно новой померы[51].

О производстве повторного измерения по Подляшью существует немало данных. Наиболее раннее известие об этом относится к 26 августа 1556 г. Дело касается города Дорогичина. Господарским приказом дорогицкий мещанин Михаил Чех освобождается на четыре года «для лепшого будованья» от платежа «чиншов и всяких поплатков», поступавших в господарский скарб со всех местских волок как полевых, так и огородных[52]. Указанием на существование волочного измерения в Бранском старостве служит господарский лист на имя бранского старосты о предоставлении подляшскому воеводе Михайле Ивановичу Сапеге двора Миклашевского, в котором было «людьми оселых волок двадцать, а пашни дворной пять волок»[53]. О производстве волочного измерения в Саражской волости можно судить по пожалованию подскарбию земскому пану Станиславу Захаровичу Влошке двух сел: Текуны, в котором «кгрунту 9 волок», и Моники, в котором «кгрунту 5 волок», и то, и другое дается «с людьми, на тых волоках оселыми»[54]. По пожалованию боярскому сыну Василию Чаплинке 5 волок в пуще при границе «прусской и мазовецкой», объявленному на имя старосты тыкотинского, можно считать производство земельной реформы в Тыкотинской волости фактом совершившимся. Пожалование дано в августе 1556 г.[55]

Наконец, сохранилось описание городов Бранска и Саража с их волостями, составленное Девялтовским в течение

---

[48] ЦГАДА, ЛМ, КЗ XXXVII, л. 383.
[49] Там же, л. 159.
[50] Там же, КЗ XLII, л. 105.
[51] Там же, КЗ XXXVII, л. 161.
[52] Там же, л. 114.
[53] Там же, л. 172.
[54] Там же, л. 167.
[55] Там же, л. 173.

1560—1563 гг.[56] Господарские дворы, находившиеся в Городненском повете, как-то: Городно, Крынки, Котра, Мосты, Мильковчина, Новый Двор, Лабно, Крашники и Квасов и другие с волостями были вымерены на волоки в 1558 г.[57] Сохранившиеся писцовые книги Кобринской экономии и Пинского староства свидетельствуют о произведенных в них во всей широте земельных мероприятиях.

Земельное измерение производилось в Кобринской экономии уже в 1558 г. Так, в феврале по господарскому распоряжению земянину Василию Ивановичу была дана отмена 3 волоками [58]. Наконец, Берестейское староство было окончательно описано в 1566 г. Описание было начато ревизором Иваном Сапегой, а окончено за его смертью Димитрием Сапегой [59].

В это же время было произведено волочное измерение и в Волковыйском повете. По господарскому листу, выданному летом 1558 г., волковыйский державца пан Юрий Василий Тышкович отвел служебнику Яско Олтуховину 2 волоки незаселенные [60]. Господарское распоряжение на имя мстибоговского старосты от 10 ноября 1559 г. о передаче пану Ерониму Александровичу Ходкевичу села Продники, приписанного мстибоговским мерчим к Мстибоговской волости, указывает также на производство реформы [61]. Наконец, господарский лист от 24 февраля 1559 г. на имя каменецкого державцы пана Тура и ревизора Ивана Сапеги об отводе земянину Василию Ивановичу 3 волок указывает на совершившиеся здесь однородные правительственные действия [62].

Приведенные выше данные относительно состоявшегося волочного измерения вполне совпадают с господарским списком тех дворов, куда в 1569 г. были отправлены ревизоры. Этот список дополняет в некотором отношении архивную неполноту [63].

Западная часть Виленского воеводства была покрыта сетью больших и малых господарских дворов, лежавших в бассейне р. Немана, а потому имевших первостепенное хозяйственное значение. В северо-восточной части воеводства в Браславском повете при озере Дрисвятах лежал двор — староство Браславское [64]. Браславль был центром прилегавших сюда волостей

[56] ПКГЭ, ч. II, стр. 317.
[57] Там же, ч. I, стр. 3.
[58] ЦГАДА, ЛМ, КЗ XXXVII, л. 220.
[59] ДМАМЮ, стр. 205.
[60] ЦГАДА, ЛМ, КЗ XXXVII, л. 147.
[61] Там же, л. 294.
[62] Там же, л. 217.
[63] Виленский архив. Сб., т. 14, Вильно, 1889, стр. IX.
[64] М. К. Любавский. Областное деление и местное управление..., стр. 82—84.

(Укольская, Друская, Олеская). Затем в его состав входили и дворы: Опса с волостью, Дрисвяты, Смолви с волостями [65]. В северо-западной части воеводства по р. Свенте, притоке Вилии, и по ее притокам и, кроме того, по верховьям рек, впадающих в Аа, лежали господарские дворы Ракишки с волостью. Тут же были расположены волости Сувецкая, Обельская и Ганусицкая, Чадекская, Пеняны с волостью; затем Ушполье с волостью, Утены и Оникшты на р. Свенте, ниже — Вилькомир [66]. Кроме этих дворов, в состав Виленского повета входила группа Завилейских дворов: Кернов, Мойшакгола и Дубинки [67]. Далее, на среднем течении р. Вилии, по ее правому притоку Жеймяне лежала большая группа господарских дворов. Главным был двор Вильна с волостью. Затем шли Неменчин с волостью, Швинтяны тоже с волостью. Сюда же надо отнести волости Лынкмены по верховьям Жеймяны; Ожвинскую и Дисненскую по реке Дисенке [68]. Немало господарских волостей и дворов лежало в бассейне левых притоков Вилии и правых притоков Немана. К ним можно причислить Медники, Ошмену, Крево, Марково, Красное Село и Лида — все с волостями. Сюда же можно присоединить волости Судеревскую, Мемижскую, Роконтишскую, Рудоминскую, Быстрицкую [69]. В состав Виленского воеводства входил и Новгородский повет. Ко времени земельной реформы большая часть разбросанных по его территории дворов и волостей перешла в руки частных владельцев [70]. Таким образом, главным ядром великокняжеских имений является Виленский повет. Волочная помера в Виленском воеводстве, кажется, началась с северо-восточной его части и коснулась прежде всего Браславля и его волостей. В Браславле реформа была уже осуществлена в 1554 г. Согласно господарскому листу, «пенязи и овес цыншовый» Браславскому старосте пану Станиславу Петровичу Кишке разрешается «брать с платов наших пенежных 200 коп грошей и овса чиншового двести бочек». Об этом сообщается до сведения подскарбия земского пана Ивана Горностая, «абы с кождого года то на личбе прыймовал, квитуючи с того сконечно» [71]. В 1554 г. были измерены на волоки дворянином Иваном Олексеевичем Ушполье и Пеняны. Это можно заключить из указания, что державца Ушпольский и Пенянский не заплатил за 1555 г. 50 коп грошей «водле реестру и выведенья» дворянина Ивана Олексеевича. В этом же году

---

[65] Там же, стр. 83, 84.
[66] Там же, стр. 85—86.
[67] Там же, стр. 90—91.
[68] Там же, стр. 92—94.
[69] Там же, стр. 95, 108—111.
[70] Там же, стр. 128—131.
[71] ЦГАДА, ЛМ, КЗ XXXVII, л. 58.

была померена на волоки тем же дворянином и Обельская волость [72]. Но к октябрю 1560 г. волочное измерение в волостях Ушпольской, Пенянской и Обельской не было окончено. В этом году господарским листом три названные двора были даны в заставу Бобруйскому старосте Станиславу Довойне. По этому случаю запрещается выезжать в эти местности ревизору и делать «иншое постановенье». Отчетность же должна производиться согласно старым реестрам. Если бы оказалось, что коегде «постановенье ревизорское не дошло», то после совершившегося ввода во владение ревизоры должны немедленно докончить измерение на волоки и составить два волочных реестра — один для Станислава Довойны, другой для господарского скарба [73].

Господарский лист от 26 августа 1556 г. на имя Новогрудского воеводы и Кревского державцы пана Ивана Горностая об отводе на кревский костел $1^1/_2$ волоки земли или больше, вместо прежней десятины,— может служить указанием на волочную померу в Кревской волости [74]. О производстве волочной померы в Марковской волости можно судить на основании господарского пожалования державце Марковскому пану Миколаю Нарушевичу брать на себя «до иншой науки» сено и дякольный овес «с десятое волоки» [5]. Это распоряжение было дано в феврале 1559 г. Однако реформа здесь уже была окончена в 1558 г. В этом году Марковскому державце было господарским листом приказано отвести машталеру Павлу Быдливскому две волоки и корчму в месте Марковском [75]. О производстве волочного измерения в соседней Ошмене можно судить по пожалованию в августе 1557 г. державце Стоклишскому доктору Августину «люди ленным правом нескольких людей с их потужниками в селе Козорезах и Конюлях» и, кроме того, при тех же селах 11 пустых волок, а также свободных 18 моргов [77]. Господарский лист от 19 июня 1560 г., по которому за подданным Петром Войтеховичем оставляется 3 волоки пустых, лежащих в волости Мойшакголской, также указывает на состоявшуюся здесь волочную померу [78]. Жалоба, поданная сыном господарского дворянина Степана Новицкого Олексеем на ревизора Лидского двора Яна Стецковича об измерении последним на волоки трех пустовщин, которые получил от Великого князя Сигизмунда их отец, указывает на состоявшееся волочное

---

[72] ЦГАДА, ЛМ, КЗ XXXVII, л. 116.
[73] Там же, л. 402.
[74] Там же, л. 114.
[75] Там же, л. 221.
[76] Там же, л. 147.
[77] Там же, л. 177.
[78] Там же, КЗ XXXVIII, л. 368.

измерение в Лидском дворе [79]. Господарское распоряжение на имя Виленского тивуна и господарского ревизора Авраама Кунцевича о возвращении путных бояр Неменчицкой волости села Трошкуны, записанных в тягло, обратно к путной службе как лиц, имеющих господарские листы,— указывает на производство аграрной реформы в этой волости. Господарский лист датирован 30 июля 1560 г. Можно думать, что реформа была здесь проведена не раньше 1559 г. [80]

Кажется, к 1558 г. уже было начато измерение на волоки Гераноин. В 1558 г. местный державца получил в свое распоряжение с двора Ремизовского, входившего в состав двора замка Гераноины, «гумно всякаго ужатья и вси цинши, и иные пожитки што кольвек от толи с фольварку, и з волости до скарбу приходять» [81]. Замок с волостью раньше принадлежал панам Гаштольдам и тут при производстве волочной померы возникало немало недоразумений, как быть со всякого рода пожалованиями, сделанными Гаштольдами. Измерение Гераноин еще не было окончено к 1560 г. Давая ответ в 1560 г. на просьбы местного боярства, господарь повелевает подвергнуть измерению их земли только в том случае, «если случится помера волочная», и если «она придется на их земли». Значит, волочное измерение еще было осуществлено не во всех волостях, «спавших» на господаря [82]. По всей вероятности, в это же время было произведено волочное измерение и в Трабах, также перешедших к господарю. Бояре трабские благодаря волочной помере очутились в аналогичном положении с боярами гераноинскими. Из господарского ответа на имя бояр трабских, отправленного в 1561 г., явствует, что к этому времени волочное измерение в Трабах еще далеко не было закончено [83]. Волочное измерение в Трабах началось еще в 1554 г. К этому времени следует отнести первые столкновения трабских бояр с господарскими мерчими вследствие нарушения последними их земельных прав [84].

Мядельский двор с волостью был уже измерен на волоки к 1559 г. Господарь в этом году нашел возможным дать пану Нарушевичу все дякольное сено и дякольный овес с каждой десятой волоки. Очевидно, реестры были уже составлены, раз явилась возможность так конкретизировать пожалование [85]. Вместе с Трабами и Гераноинами спали на господаря Радошковичи. Это случилось не раньше 1549 г.— времени составления

[79] Там же, КЗ XXXVIII, л. 172.
[80] Там же, КЗ XXXVII, л. 376.
[81] Там же, л. 189; XLIII, л. 45.
[82] Там же, КЗ XXXVII, л. 326.
[83] Там же, КЗ XLIII, л. 50.
[84] Там же, КЗ XXXVIII, л. 8—9.
[85] Там же, КЗ XXXVII, л. 221.

хозяйственного инвентаря замка Радошковичи [85а]. Но волочное измерение в нем было произведено, видимо, позже, чем в других дворах Виленского повета, так как в 1557 г. замок был отдан в доживотное владение Ивану Горностаю, Новогрудскому воеводе [86]. Однако к 1569 г. волочное измерение там все-таки состоялось [87]. К ревизии 1569 г. измерение на волоки Виленского повета было окончено.

Земельные мероприятия в Жмудской земле начались с начала XVI столетия. Только они не носили систематического характера. Правительство под влиянием местных хозяйственных условий приходило к мысли о необходимости округления господарских имений. При этом господарская волость измерялась на волоки. Кажется, наиболее ранним волочным измерением на Жмуди можно считать измерение Дирвянского тиунства, произведенного в 1509 г. господарским мерчим Федором Ивановичем Кунцевичем [88].

В 1522 г. по распоряжению Жмудского старосты пана Еронима Ходкевича, Иваном Ильковским, тиуном тондякгольским и жмудским подстаростою и Рафаилом Калиновским были измерены на волоки села в волости Корклянской, Потумшенской и Повенденской [89]. В 1523 г. Андрей Мацкович измерял на волоки волость Биржанскую [90]. В 1550 г. подвергалась волочному измерению Россейнская волость. Ее ревизором был Войтех Девялтовский [91]. В 1552 г. державца Иван Кунцевич и мерник Валент Залеский измерили на волоки Ясвоинскую волость [92]. Тот же мерчий в следующем году при участии пана Станислава Янушевича, Поюрского тиуна, измерили на волоки Поюре и Коршево [93]. В 1553 г. состоялось измерение на волоки двора Скерстомон. Измерение производил Войцех Надаринский [94]. В это же время Жораны и Мединкгоны были измерены Иваном Андреевичем Ильковским при участии тондякгольского тиуна [95]. Тиун ойракгольский Миколай Шимкевич и мерчий Ян Янович Градовский совместно с мерчим М. Поласким произвели в 1553 г. волочное измерение Ойракгольской волости [96].

[85а] ДМАМЮ, стр. 90.
[86] ЦГАДА, ЛМ, КЗ XXXVII, л. 57.
[87] Археографический сборник документов, относящихся к истории северо-западной Руси, Вильно, 1867, т. III, стр. X.
[88] АВК, т. XXIV, № 15.
[89] Там же, № 22.
[90] Там же, № 25.
[91] Там же, № 76.
[92] Там же, № 82.
[93] Там же, № 83.
[94] Там же, № 89.
[95] Там же, № 95.
[96] Там же, № 94.

Волочное измерение производилось всякий раз по специальному распоряжению Сигизмунда-Августа, и при его производстве непременно присутствовал местный тиун. Трудно сказать, насколько сохранившиеся данные дают полные сведения о волочном измерении в Жмудской земле. Во всяком случае, правительство стремилось измерять на волоки группу близлежащих волостей, хотя порядок их измерения диктовался какими-то неизвестными для нас мотивами. Однако в неуклонном стремлении к изменению существовавшего землепользования можно усмотреть решительное желание правительства стать на путь земельных реформ.

К систематическим и планомерным мероприятиям земельного характера правительство Сигизмунда-Августа приступает не раньше 1554 г. Так, 23 декабря этого года господарь послал лист «до его милости старосты жомойтского Еронима Ходкевича» с извещением, что им были посланы в Жомойть мерники — державца олитский и немонойтский пан Станислав Райский и господарский дворянин пан Толвинский [97]. Систематическое измерение на волоки началось в Жмудском старостве ранее других воеводств, еще до издания волочной уставы. Такой приоритет можно объяснить только тем, что волочное измерение достаточно привилось уже в Жмудской земле. Оставалось только начатое довести до конца, хотя еще общехозяйственная устава не была издана. Общеземельные мероприятия коснулись и тех волостей, где уже земли все или частью были измерены на волоки.

Приемы волочного измерения на Жмуди были те же, что и в западных областях. Только здесь аграрная реформа, с точки зрения ее осуществления, должна была встретить большие затруднения со стороны жмудской шляхты, ссылавшейся на свои «местные права и вольности». Волочная помера здесь осуществлялась не уроженцами Жмуди, а иностранцами, что, по мнению шляхты, было нарушением областной самостоятельности. Желая отстоять свои местные вольности, она на сеймах подавала челобития господарю и тем тормозила ход реформы. По всей вероятности, и на местах шляхта немало задерживала осуществление реформы, не желая предъявлять «листы» на землю и тем самым делая невозможным округление господарских грунтов. Может быть, и само население, относясь отрицательно к реформе, задерживало ее осуществление. Желая ускорить волочное измерение, правительство решило заинтересовать в ней более радикальным образом местных державцев и тиунов. С этой целью 1 апреля 1560 г. Сигизмундом II была издана

---

[97] ЦГАДА, ЛМ, КЗ XXXVII, лл. 53—54.

дополнительная устава. Желая «опатрение тивуном нашим уделати» и сделать их более активными «ку выполнению уставы волочное и размножению господарства и пожитков наших», Сигизмунд II уступил тиунам весь денежный плат с каждой десятой волоки, предполагая тем самым заставить тиунов всячески содействовать скорейшему осуществлению земельной реформы [99]. О ходе волочного измерения в Жмудской земле сохранились следующие данные. В 1555 г. была измерена на волоки Упитская волость. Раньше она входила в состав Троцкого повета [100]. В следующем году было произведено измерение и Вилькейской волости. Господарский лист от 27 апреля 1556 г. на имя старосты жмудского о предоставлении писарю скарбному Мановскому Федоровичу 10 волок в Вилькейской волости может служить указанием на время производства реформы [101].

К 1554 г. Войтех Толвинский измерил на волоки Грустевскую волость [102]. В это же время мерником тиунства жмудского Иваном Андреевичем Ильковским и мерником Федором Яцковичем были измерены Вешвяны [103]. Тогда же Станиславом Райским было произведено измерение земель на волоки в Плотелех и Тельшах «и в инших волостех ку замку Плотельскому прислухаючих» [104]. Одновременно А. А. Ильковским было произведено волочное измерение в Шавдах [105]. К измерению Ретовской волости приступил Петр Иванович Градовский [106]. По всей вероятности, до начала производства общей волочной померы в Жмудской земле уже произведенное волочное измерение носило частичный характер. Вероятно, с началом общего земельного измерения производилась проверка уже измеренного. По крайней мере, И. А. Ильковский был в 1554 г. вторично в Медингянской волости и округлял господарские земли [107]. С той же целью он был в этом году и в соседних Жоранах [108]. В 1555 г. было произведено вторичное измерение Ойракгол. Исполнителями королевской воли были те же лица, что и в 1553 г. Только мерника М. Полаского заменил Себастиан Любинский [109]. К 1555 г. была вторично измерена Коршевская волость. Мерчий был тот же, но тивуном в это время был князь

---

[99] ЦГАДА, ЛМ, КЗ XXXVII, л. 330.

[100] М. К. Любавский. Областное деление и местное управление..., стр. 167.

[101] ЦГАДА, ЛМ, КЗ, XXXVII, л. 105; АВК, т. XXIV, № 96.

[102] АВК, т. XXIV, № 108.

[103] Там же, № 96.

[104] Там же, № 162.

[105] Там же, № 105.

[106] Там же, № 109.

[107] Там же, № 111, 121, 122.

[108] Там же, № 112, 113, 129.

[109] Там же, № 114.

Юрий Боровский [110]. В 1558—1559 г. вторично измерялась Биржанская волость. Мерчим был Федор Иванович Концевич [111]. Господарский лист был опубликован в марте 1559 г. К этому же времени была проведена реформа в Ужвянской волости, по образцу которой следовало измерить и другие волости [112].

К 1559 г. также состоялось измерение Тондяктольской волости. Измерение производил, согласно господарскому «росказанию», Дмитрий Федорович Сапега и тиун Крожской волости Иван Андреевич Илькговский [113]. Они же производили волочное измерение в Видуклевской волости. В 1560 —1561 г. волочное измерение здесь уже состоялось [114]. К этому времени прежние ревизоры были заменены новыми: дворянами Якубом Лашковским и Войтехом Девялтовским. Последний был на «справе померы волочное в волости Виленской», уже измеренной к 1560 г.[115] Тот же Девялтовский в течение 1560 г. производил измерение в Юрборкской и Ботоцкой волостях, в которых устраивал новые местечка «для волочного порядку» [116]. В это же время И. А. Илькговский и Рафаил Калиновский измеряли на волоки Потумши, Коркляны и Повендене с волостями [117]. Тогда же И. А. Илькговский измерил «волоки подданых волости Крожской» [118]. В 1562 г. было произведено вторичное волочное измерение Коршевской волости при участии ревизора Якуба Лашковского и тиуна дырвянского Яна Градовского [119]. Тогда же производилось и вторичное измерение в Россейнях [120] и в соседней Ойракгольской волости [121].

В 1563 г. тиун ретовский пан Марк Лавринович Внучка и Якуб Лашковский приступили к составлению инвентаря Ретовской волости [122]. Тогда же было произведено Яном Градовским волочное измерение Дырвянской волости [123]. К этому же времени (не позже августа 1566 г.) была измерена на волоки волость Кгондинская [124]. Тогда же Яном Градовским была измерена

---

110 АВК, т. XXIV, № 120.
111 АВК, т. XXIV, № 128; ЦГАДА, ЛМ, КЗ XXXVII, л. 226.
112 ЦГАДА, ЛМ, КЗ XXXVII, л. 330.
113 АВК, т. XXIV, № 132.
114 Там же, № 142, 146, 147, 148, 149, 150.
115 ЦГАДА, ЛМ, КЗ XXXVII, л. 339.
116 Там же, л. 428.
117 АВК, т. XXIV, № 151, 152.
118 Там же, т. XXV, № 8.
119 Там же, т. XXIV, № 153.
120 Там же, № 161; ЦГАДА, ЛМ, КЗ XXXVIII, л. 402.
121 АВК, т. XXIV, № 164; ЦГАДА, ЛМ, КЗ XLVIII, л. 229.
122 АВК, т. XIX, № 381.
123 ЦГАДА, ЛМ, КЗ XLVII, л. 64.
124 Там же, КЗ, XLVIII, л. 36.

волость Биржанская.[125]. На производство волочной померы в Тверской волости служит указание на подтверждение боярам Якубу Вороне и другими 6 волок, которые тверской тиун Андрей Ильковский по поручению старосты жмудского отрезал им за земли, взятые у них под господарские волоки[126]. Точно так же в бытность старостой пана Еронима Ходкевича была измерена на волоки волость Вешвяна[127]. Указанием на измерение на волоки волости Кинтилишской может служить отдача ее заставным листом жмудскому старосте Яну Еронимовичу Ходкевичу с детальным перечислением количества волок, находившихся в том или другом селе волости[128]. Сравнительно поздно, только в 1566 г., была измерена на волоки Полангов-ская держава. Господарский лист от 23 июня 1566 г. поручает дворянину Якубу Лашковскому «засадити» местечко в вышеназванной державе и «плацы ку будованью и волоки тому месту розмерити»[129].

Кажется, в это же время производилось волочное измерение Шавлян. По крайней мере, раньше 1568 г. в источниках не встречается указания на состоявшееся уже измерение[130]. То же можно сказать о времени осуществления земельной реформы в Биржана[131]. В общем, волочное измерение в Жмудском старостве осуществлялось очень медленно. Но можно думать, что к 1569 г. вся Жмудская земля была вымерена. Предпринятая правительством ревизия 1569 г. должна была коснуться всей Жмудской земли[132].

Волочное измерение в русских волостях было осуществлено только в конце XVI и начале XVII в. Но необходимость уравнения в платах и повинностях чувствовалась уже давно. Слишком часто старцы волостей «забегали» к великому князю и беспокоили его своими жалобами на державцев, злоупотреблявших своею властью и нарушавших «извечные обычаи», находившиеся, однако, в полном противоречии с новыми условиями экономической жизни Литовско-Русского государства. Задумывая постепенное изменение экономического положения населения русских волостей, правительство параллельно волочной реформе в западных областях решило приступить к переобрачке населения и более правильной постановке господарского хозяйства в русских волостях. Кажется, к такого рода мероприятиям правительство приступило не раньше 1560 г.

[125] ЦГАДА, ЛМ, КЗ XLVIII, л. 77.
[126] Там же, л. 268.
[127] Там же, КЗ I, л. 140.
[128] Там же, л. 199.
[129] Там же, КЗ XLIII, л. 80.
[130] АВК, т. XXIV, № 197.
[131] Там же, т. XIX, № 128.
[132] ЦГАДА, ЛМ, КЗ II, л. 91.

В этом году были посланы в русские волости староста слонимский пан Григорий Волович, известный своей деятельностью по ревизии господарских пущ, и господарский секретарь, державца марковский и мядельский пан Миколай Нарушевич — «для поравнения кгрунтов» и «для постановенья платов»[133]. Под их руководством должна была быть произведена задуманная реформа. Насколько удачно шла она, сказать трудно. В октябре 1560 г. было осуществлено измерение грунтов и определение платов в Бобруйском старостве, бывшем в данное время в заставе у пана Станислава Довойны. Господарский лист от 3 октября 1560 г. требует, чтобы со времени получения паном Довойной ревизорского листа все повинности им собирались «водле постановенья ревизорскаго» и, конечно, ему запрещается налагать на господарских подданных «иншие повинности»[134]. В это же время к декабрю 1560 г. были окончены все аграрные мероприятия в Кричевском повете. Об этом можно судить на основании господарского листа от 12 декабря 1560 г. на имя мстиславского боярина Михаила Константиновича Вигуры об оставлении за ним земли, «на йменя Котовичи со всими пожитками» под условием военной службы, хотя господарскими ревизорами она была у него отнята и «привернута» к Кричевскому замку, «для того, иж он на тую землю вечности на листе нашом не мел»[135]. В 1560 г. были положены новые платы в Чечерской волости, что можно установить по жалобе господарских бояр, получивших пустовщины при условии несения обязательной военной службы, а теперь обязанных согласно ревизорскому постановлению, платить плат, ибо земли были даны «до воли господарское»[136]. В том же году был составлен инвентарь Оршанского замка с волостью[137], а также были положены платы на землю в Пропойской волости. Так, пропойские подданные, получившие раньше земли от пропойских урядников, теперь, благодаря мероприятиям ревизоров, их лишались, и должны были платить «плат» вместо несения конной службы, ибо эти земли были даны «до воли и ласки господарское»[138]. Тогда же было составлено описание Могилевской волости и были положены новые платы, а Могилевский замок с местом подвергнут был волочному измерению[139]. В том же году были постановлены платы в Мстиславской волости. Уже в 1561 г. боярин мстиславский Ходко Андреевич вместе со своими сыновьями —

---

[133] ЦГАДА, ЛМ, КЗ XXXVII, л. 418; XI, л. 254.
[134] Там же, КЗ XXXVII, л. 402.
[135] Там же, КЗ XXXVII, л. 418.
[136] Там же, л. 428.
[137] ДМАМЮ, стр. 123—124.
[138] ЦГАДА, ЛМ, КЗ XXXVII, л. 429.
[139] Там же, лл. 420—421.

Михаилом, Андреем, Богданом и Прокопом жаловался господарю, что у него были отобраны господарскими ревизорами две пустовщины — Тетериннисково и Чистково, которыми он владел «до воли и ласки господарской»[140]. Таким образом, установление платов в русских волостях происходило в течение 1560—1561 гг. К сожалению, отсутствие данных лишает возможности выяснить те принципиальные основания, которыми руководились в своей деятельности посланные господарем ревизоры. Быть может, Бобруйская устава, от которой сохранился только один отрывок, трактующий о повинностном положении бобруйских мещан, и была образцом для всех русских волостей[141].

При производстве задуманной реформы, как и в западных областях, совершалась проверка прав на землю. Господарские подданные должны были перед ревизорами документально доказать свои права на землю; в противном случае все земли отбирались на господаря и приписывались к господарскому двору или замку. Так, у группы господарских подданных, живших в Пропойской волости, были отобраны земли, которые им раньше раздали господарские урядники «до воли и ласки господарское». Основанием для отобрания было то, что подданные владели землей «без воли господарское»[142]. Отбирались на господаря земли и в тех случаях, если земля, данная хотя бы самим господарем, была дана во временное пользование. Так, у мстиславского боярина Михаила Константиновича Вигуры, владевшего небольшим участком земли в Кричевском повете, была отобрана земля, которой он владел «з листом и даниною господаря», и только потому, что «на тую землю вечности на листе нашом не мел», как сказано в господарской резолюции на просьбу вышеупомянутого боярина о возвращении ему отнятой у него земли[143].

Таким образом, при постановке «платов и повинностей и уравнения кгрунтов», уничтожалась чересполосица, округлялись господарские земли и, конечно, в связи с правом на землю определялось и выяснялось социальное положение того или другого землевладельца.

Произведенная реформа пока не изменяла слагавшихся исторически земельных отношений. Она пока преследовала только одну цель — изменить повинностные отношения населения, заменить натуральные повинности чиншем. Этим самым уничтожалась та неопределенность отношений, которая суще-

---

[140] ЦГАДА, ЛМ, КЗ XXXVII, л. 445.
[141] АВК, т. XXV, стр. 329—330.
[142] ЦГАДА, ЛМ, КЗ XXXVII, л. 429.
[143] Там же, л. 418.

ствовала в русских волостях и которая вызывала постоянные пререкания между наместниками-державцами и населением.

Определяя платы и повинности, ревизоры в то же время описывали пограничные замки, составляли опись господарского хозяйства, состояние места и волостей, приписанных к господарскому двору [144]. Города при этом получали самоуправление, если они его не имели раньше. Затем перечислялись повинности населения как натуральные, так и денежные. Такого рода аграрная реформа должна была поставить население в более определенные отношения к администрации и правительству, но, конечно, таковые мероприятия могли носить только временный характер. Правительство по многим соображениям не могло на этом остановиться. Прежде всего не были определены размеры служб и дымов. Земельные участки по-прежнему были неравномерны, да и самые повинности только отчасти были приведены в соответствие с земельными участками. Отсюда ясно вытекала серьезная необходимость дальнейших земельных мероприятий правительства. Но политические обстоятельства складывались неблагоприятно. Начавшаяся Ливонская война лишала правительство возможности довести задуманную реформу до конца и произвести волочное измерение. К последнему оно могло приступить не ранее окончания военных действий. Это случилось только в конце XVI в. Собственно, это было только начало систематических земельных мероприятий, так как в некоторых староствах, например, в Бобруйском, реформа была произведена только в 30-х годах XVII в. Несомненно, реформа здесь, в русских волостях, прошла с бо́льшими затруднениями, чем в западных. Чем это объясняется, сказать трудно. Может быть, виной этому были и затруднительные внешние отношения, может быть, и протест со стороны крестьянского населения, очевидно, не желавшего расставаться со старинными формами землепользования.

К сожалению, памятники довольно глухо и кратко упоминают о «własnych buntow tamecznych poddanych» [145], что делало невозможным выполнение миссии, возложенной правительством на комиссаров и ревизоров [146]. Необходимость же реформы была настоятельной. Между населением и правительственной администрацией возникали постоянные недоразумения. Администрация, преследуя интересы скарба, предъявляла к населению повышенные тягловые требования, население же отстаивало старину и заваливало правительство жалобами на действия администрации, одновременно прося правительство «не рухать» старины. Правительство Сигизмунда III, объявляя

[144] ДМАМЮ, т. I, стр. 126

[145] О бунтах подданных. *(Прим. ред.)*.

[146] АВК, т. XXV, стр. 115.

бобруйскому державце Петру Тризне о посылке ревизоров для производства земельной реформы, оправдывало предпринятый им шаг необходимостью прекратить недоразумения между администрацией и сельским населением, так как крестьяне, «сидя не на волоках», не знают, в каком размере они должны платить чинш с своих земельных участков [147]. Для производства волочной померы в качестве ревизоров были посланы секретарь господарского скарба пан Ян Корсак и инстигатор великий князь Литовского пан Миколай Пузелевский [148].

Волочное измерение, как и в других волостях, должно было проводиться совместно с местной администрацией, которая была обязана посланным ревизорам оказывать во всем содействие [149]. Приехавшие ревизоры должны были измерить Бобруйское староство на волоки и привести его в порядок подобно тому, как было устроено в других державах. Вводя те же поземельные отношения, которые уже привились в других волостях, ревизоры должны были устанавливать новые платы и повинности, однако без «обтяжения» подданных [150]. Для уничтожения чересполосиц могут быть прибраны к господарскому замку частновладельческие земли, за которые владельцы должны получить немедленно отмену [151]. На ревизоров возлагалась также обязанность разбирать все недоразумения с частновладельцами, возникшие на почве осуществления земельной реформы. Все ревизорские постановления впоследствии будут скреплены господарской подписью и тем самым юридически оформлены. Посылая Бобруйскому старосте официальное уведомление об отправке двух ревизоров, правительство разослало особые листы с уведомлением о том же панов, земян, мещан и всего населения Бобруйской волости. Указывая панам, что раньше, вследствие некоторых трудностей, реформа не могла быть осуществлена, правительство решило, наконец, ее осуществить, дабы «помножить пожитки и успокоить кгрунты». Желая успокоить панов, правительство заявляет о немедленной даче отмены, если для этого будут известные законные основания, но в то же время предупреждает, чтобы они не чинили никаких препятствий ревизорам [152]. Уведомительный лист на имя земян и мещан и всей волости, говоря о приступе к новой и окончательной реформе, также требует, чтобы они ни в чем не противились ревизорам, во всем их слушались [153]. Мы не знаем, как отнеслись

---

147 АВК, т. XXV, стр. 115.
148 Там же.
149 Там же.
150 Там же, стр. 111, 117.
151 Там же, стр. 115.
152 Там же, стр. 116.
153 Там же, стр. 117.

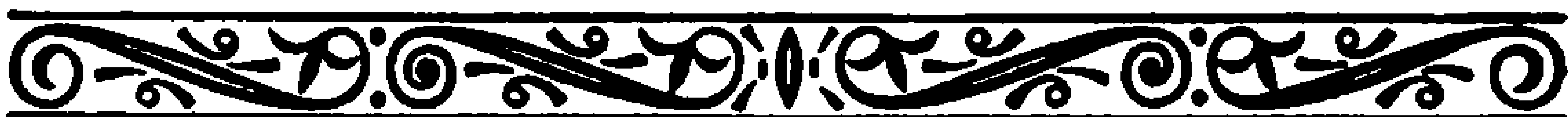
к действиям ревизоров заинтересованные группы населения. Можно предполагать, что населением было оказано некоторое противодействие и непослушание. По крайней мере, спустя два года после приступа к реформе, правительство Сигизмунда III сочло целесообразным отправить к ревизорам особый лист, в котором, глухо сообщая о возникших недоразумениях с населением, предписывало наказывать тех лиц из волости, кто не пожелал бы принимать размеренные земельные участки [154]. Волочное измерение производилось долго. Окончательное описание было составлено только в 1639 г. Начато оно было одними лицами, а окончено другими. В 1619 г. умер Корсак, на его место был назначен скарбовый слуга пан Адам Шабловский «на скончанье померы и постановение чиншов». В 1626 г. умер ревизор Пузелевский и на его место был назначен пан Стефан Рагоза, писарь Речицкого повета [155]. Производя волочную померу и составляя необходимое описание, ревизоры, по всей вероятности, пользовались данными описи 1560 г., составленной Григорием Воловичем и Михаилом Нарушевичем [156]. Составляя инвентарь Бобруйского староства, ревизоры дали сначала подробное описание замка, потом Бобруйского места и лежащих около него по обоим берегам Березины огородов. Далее шло описание местских волок и, наконец, описывались села, входившие в состав волостей Бобруйского староства.

Подведем итоги. О начале земельных мероприятий правительства объявлялось правительственным посланием на имя провинциальной администрации, в котором также определялись обязанности последней и выяснялись повинности населения при осуществлении задуманной реформы. Земельному измерению подлежали города, замки и волости. Земельная реформа осуществлялась довольно медленно. Некоторые из волостей были измерены не раньше 1560 г. Реформа в русских волостях ограничилась лишь установлением «платов». Волочное измерение стало осуществляться только в конце XVI в. и затянулось до второй половины последующего столетия.

---

[154] Там же, стр. 119.
[155] Там же, стр. 120.
[156] Там же, стр. 140.

IX. АГРАРНАЯ РЕФОРМА И ЛЕСНОЕ ХОЗЯЙСТВО

Состояние лесного хозяйства до начала XVI в. Ведение лесного хозяйства в первой половине XVI в. Описание пущ и звериных переходов. Новая организация управления господарскими пущами. Система лесного хозяйства после производства земельной реформы.

Территория Литовско-Русского государства была в изобилии покрыта лесами. Благодаря этому в Литве были широко развиты охотничьи промыслы. Последние составляли общее достояние, и совершенно прав М. В. Довнар-Запольский, утверждавший, что о раннем развитии великокняжеских регальных прав не может быть и речи, так как уставными грамотами охраняются права земских общин относительно входов в пущи[1]. И частные лица тоже имели право входа в леса. Для многих шляхтичей это было «стариной», и право владения лесными входами, опиравшееся на единственное доказательство — старину, казалось для шляхтичей вполне обоснованным[2]. Да и со стороны самого правительства такой взгляд на право владения не встречал никакого препятствия. С течением времени многие из шляхтичей могли оказаться имеющими право входа в пущи и пользования различными лесными угодьями на основании господарского пожалования, закрепленного выдачей особого листа. Когда выдавалось кому-нибудь поместье, то оно давалось со всем тем, что к нему прилегало — «со всякими лесными и рыбными угодьями». Благодаря широко практиковавшейся раздаче земель немалое количество леса находилось в держании землевладельческого класса. Наконец, входы в господарские пущи сохраняли господарские крестьяне, и это право не вызывало

[1] М. В. Довнар-Запольский. Государственное хозяйство Великого княжества Литовского..., стр. 319.
[2] ЦГАДА, ЛМ, КЗ II, л. 2—3.

никакого сомнения. Кроме того, многие из городов при получении Магдебургского права пользовались входами в господарские пущи [3]. Таким образом, права входа в господарские пущи и эксплуатации лесных угодьев как отдельных лиц, так и целых обществ, основывались или на обычае, или на господарском пожаловании. Разрешая право свободного входа в свои пущи, господарь только подчеркивал хозяйственную бесценность разного рода лесных богатств. Однако такая политика безразличия должна была с течением времени прекратиться, так как выяснилась возможность весьма выгодного сбыта, главным образом на европейском рынке, лесных продуктов и богатств. Эта возможность была своевременно замечена и учтена правительством, поэтому последнее должно было приступить к более разумной и осторожной лесной хозяйственной политике. Перелом в лесной хозяйственной политике совпадает с попытками литовско-русского правительства перейти к более рациональным формам ведения сельского хозяйства. Параллелизм этих явлений очевиден и находится в тесной связи с тогдашней общеевропейской хозяйственной конъюнктурой. Однако новая лесная политика была иного рода, чем сельскохозяйственные мероприятия. Если в ведении последнего можно было заметить руководящую идею, единый план, то ничего подобного нельзя отметить в лесной хозяйственной политике. Очевидно, в первом отношении литовско-русское правительство оказывалось более подготовленным, чем во втором. Прежде всего правительство позаботилось о более деятельной охране лесов. Это было обязанностью стрельцов, осочников, о которых впервые упоминается в книге данин Казимира [4]. Осочники [5] охраняли границы господарских пущ, не допускали охоты на зверя, следили за тем, чтобы никто не входил в пущу без права. Так охранялась неприкосновенность господарской пущи.

С другой стороны, правительство стало более осторожно обращаться с раздачей пущ. Уже при Сигизмунде I дворы отдавались в держания, а пущи оставались в руках господаря [6]. Это, конечно, служило прекрасным доказательством того, что литовско-русское правительство обратило внимание на леса, как на весьма доходную финансовую статью. Начавшийся вывоз за границу лесных продуктов поставил на очередь вопрос о планомерной эксплуатации господарских пущ. Не чувствуя в себе

---

[3] М. В. Довнар-Запольский. Государственное хозяйство Великого княжества Литовского..., стр. 320.

[4] ДМАМЮ, т. I, стр. 17.

[5] М. В. Довнар-Запольский. Государственное хозяйство Великого княжества Литовского..., стр. 321.

[6] Там же.

силы взять эксплуатацию лесного хозяйства в свои руки, правительство было вынуждено обратиться к посредничеству частных лиц, которые получили право эксплуатации лесов на определенных условиях. Такая уступка господарских пущ во временное пользование частным лицам достигала две цели: в господарский скарб поступала эксплуатационная денежная плата, и кроме того, предприниматель, при спуске лесного товара водой, должен был заплатить соответствующие таможенные пошлины. Так, в 1522 г. литовский купец Ганус Судорман получил разрешение устроить «буды и станы» в господарских пущах: дорсунишской и бирштанишской с уплатой в год по 50 коп грошей и обычного мыта «как на воду тую работу свою опустить». Время, в течение которого Судорман получил право эксплуатировать господарские леса, не было обозначено в господарском листе[7] и, очевидно, зависело от «воли и ласки господарской». Но правительство отдавало в аренду господарские пущи и на определенное время. Так, Сигизмунд I разрешил секретарю Павлу Миличу в течение пяти или шести лет «попел, ванъчос и клепки робити» с уплатой вознаграждения равного плате «инших купцов»[8]. Очевидно, размеры платы, следуемой господарю, зависели от количества выработанных товаров. Купец Каспор Лиондер, имевший право разрабатывать бирштанишскую пущу, уплатил в господарский скарб «от ста ванчосу, от ста клепков, а от лашту попелу по 20 грошей»[9]. Лесные богатства эксплуатировали купцы не только местные, но и иностранные. Очевидно, эксплуатация лесов была небезвыгодна, раз она притягивала к себе иностранный капитал. Однако на почве лесной эксплуатации стали возможны разного рода злоупотребления. Многие из купцов входили в пущи «без господарского дозволения», «без листов»; кроме того, при разработке частновладельческих пущ, соседних с господарской, предприниматели переходили границу господарской пущи и жгли господарские леса. Такого рода злоупотребления даже заставили правительство произвести специальное расследование, в результате которого было издано следующее постановление, защищавшее интересы господарского скарба: иностранные купцы, не имевшие оседлости, должны были представить на себя поручителей, а живущие постоянно должны были выдать на себя «записи». Это являлось гарантией того, что убытки, нанесенные господарю предпринимателями, могут быть покрыты. С другой стороны, правительство прекрасно понимало выгодность лесной эксплуатации для купцов и боялось продешевить. Не зная точно цен в Гданске и не умея в них

[7] ЦГАДА, ЛМ, КЗ XII, л. 8.
[8] Там же, КЗ XIV, л. 15.
[9] М. В. Довнар-Запольский. Государственное хозяйство Великого княжества Литовского..., стр. 325.

ориентироваться, правительство требовало, чтобы купцы, по возвращении из Гданска, показывали, какое количество товара они выработали, и уплатили бы его стоимость по Гданским ценам. Для проверки показаний купцов скарбные писари с осочниками должны были осмотреть те места, «где будучи купцы робили дерево», чтобы на месте выяснить «как много где эта дерева попелу и смолы будучи выробили». Эта перепись даст осочникам материал для контроля, когда вернутся из Гданска купцы и будут платить господарскому скарбу «за вси оные работы»[10]. Трудно сказать, как эта мера отразилась на лесном хозяйстве, хотя, несомненно, она была выгодна предпринимателям, как это утверждает М. В. Довнар-Запольский[11]. Организуя контроль над разработкой лесных богатств, правительство, однако, едва ли было в силах бороться со всякого рода злоупотреблениями. Ведь предприниматели могли попутно с разработкой леса для вывоза взять некоторое его количество и для собственных нужд. Бороться с такого рода злоупотреблениями, при слабости тогдашнего надзора фактически было невозможно. А между тем, такие случаи бывали довольно часто, и на них осочники указывали Григорию Воловичу при производстве им «ревизии пущ и переходов звериных»[12].

Постепенное развитие лесной торговли ставило на очередь вопрос о радикальной перемене всей хозяйственной лесной политики правительства. При тогдашней постановке дела фактически всю выгоду из торговли извлекали только предприниматели, и от этого была «великая шкода земская и скарбу господарского»[13]. В такой же зависимости от отдельных предпринимателей находились и частные лица, которые терпели при этом немалые убытки. Взять дело лесной торговли в свои руки шляхта не могла, для этого у нее не было навыка, не было знакомства с условиями иностранного рынка. Чтобы выйти из создавшегося положения и в корне убить конкуренцию со стороны иностранных и своих предпринимателей, шляхетство обратилось с просьбой к Сигизмунду-Августу взять лесную торговлю в руки государства, так как при введении лесной монополии конкуренция со стороны предпринимателей не имела бы места. На радикальную перемену в ведении лесного хозяйства было уже указано М. В. Довнар-Запольским, но как эта система финансовой политики отразилась на господарских и

[10] ЦГАДА, ЛМ, КЗ XIV, л. 39.

[11] М. В. Довнар-Запольский. Государственное хозяйство Великого княжества Литовского..., стр. 325.

[12] Ревизия пущ и переходов звериных..., стр. 44.

[13] М. В. Довнар-Запольский. Государственное хозяйство Великого княжества Литовского..., стр. 489.

частновладельческих финансах, сказать трудно, так как исследователь не располагает для этого никакими данными [14].

Принимая меры к охране лесных богатств и вводя лесную монополию, правительство не могло не задеть интересов шляхты и не вызвать ее недовольства, в особенности в тех случаях, когда оно отбирало в свои руки входы и выходы, на которые шляхта не имела решительно никакого права. Свое неудовольствие лесной политикой правительства шляхта могла только выражать на сеймах, и, надо прибавить, действовала в этом направлении весьма и весьма настойчиво. Застрельщиком в таких случаях выступала жмудская шляхта, и выступление ее не случайно. На Жмуди, вблизи нижнего Немана, шла все время усиленная разработка «попелу и ванъчосу», и, конечно, организованный правительственный надзор должен был столкнуться с интересами и правами шляхты, которые она (шляхта), опираясь на Жмудскую Уставную грамоту, толковала несколько широко. Так, на сейме 1551 г. жмудская шляхта, не протестуя против каких-либо неправильных действий господаря, хотела, очевидно, добиться их обезвреживания путем получения от правительства удовлетворительного ответа на заявление довольно общего характера. Выступая защитницей прав всей Жмуди, шляхта просила господаря, «абы бояром, шляхте и посполитому чоловеку, водле давного обычаю вольно было в пущах зверь бити, и дерево на будованье брати, и в озерех рыбы ловити» [15]. Господарь понял задний смысл челобитья жмудской шляхты и поступил очень осторожно и умно. Он не дал ни положительного, ни отрицательного ответа, отсылая их к Жмудскому старосте, который на месте «достаточне ся доведати естли то перед тым бывало, альбо нет». Жмудская шляхта не могла помириться с такого рода ответом господаря [16]. На третьем Виленском сейме 1554 г. она снова выступает с таким же челобитьем, ссылаясь на давний обычай. Но и на этот раз ответ господаря был такой же. Господарь соглашался дать в будущем ответ на просьбу шляхты «вземши ведомость таковых пущ и ловов и вод, водле воли своее господаръской и по давному» [17]. Следовательно, шляхта могла быть спокойной относительно неприкосновенности своей старины. Что же будет «стариной», давним обычаем, то сведения об этом господарь должен был получить от старосты Жмудского, к которому отсылался ответ господаря на сейме 1554 г. Однако и этот ответ не успокоил шляхту. На четвертом Виленском сейме 1559 г. она снова подает господарю

---

[14] М. В. Довнар-Запольский. Государственное хозяйство Великого княжества Литовского..., стр. 489—491.

[15] АЗР, т. III, № 11, арт. 11, стр. 40.

[16] Там же.

[17] Там же, № 13, арт. 7, стр. 62.

просьбу. Содержание ее старое, только ссылка на давний обычай подкреплена ссылкой на «привилеи». Господарь и на эту просьбу дал такой же ответ. Он был готов признать право шляхты на входы в леса, только при этом поставил для жмудской шляхты весьма неприятное условие. Если шляхта желала иметь «здавна уступ в пущи и в озера его милости господарския», то челобитчики должны были «ознаймити и вывести таковые лесы», и тогда ими шляхта будет пользоваться «водле давного звычаю подлуг привилья земского»[18]. Единственную уступку делал господарь шляхте: он разрешил оставить в лесных местах имеющееся население. Если бы даже кто «и люди свои поселил без листов и данины господарское»[19]. Остальная шляхта не подымала на сеймах всех этих острых вопросов отчасти потому, что была менее в них заинтересована, отчасти, быть может, сознавая бесполезность таких просьб, раз она не могла подкрепить их соответствующими аргументами. Как ни были осторожно и спокойно изложены просьбы жмудской шляхты, но постоянное их возобновление указывало, что с «давним обычаем» далеко не все обстояло благополучно, что внутри земли шла какая-то усиленная административная деятельность, раз шляхта три раза на протяжении восьми лет подымала один и тот же вопрос. Спокойные и однообразные ответы господаря наглядно указывали на несокрушимость той позиции, которую заняло литовское правительство в этом столкновении с жмудской шляхтой. Остальная шляхта, равнодушная к спору короля с жмудской шляхтой, далеко не была равнодушна в вопросе о ведении лесного монопольного хозяйства. По-видимому, введение последнего не дало землевладельцам ожидаемых выгод. По всей вероятности, правительство не особенно торопилось с вывозом частновладельческих лесных продуктов, естественно больше заботясь о вывозе своих собственных лесных товаров. Такая позиция вполне понятна: господарь — крупный оптовик — убивал своих конкурентов и стремился извлечь для себя наибольшую выгоду из введенной монополии, но шляхта не могла помириться с таким положением дела и стала постепенно добиваться его изменения. На втором Виленском сейме 1551 г. шляхта просила, чтобы «товары лесные з именей шляхетских вольно были пропусканы за границу»[20]. Другими словами, речь шла об отмене сеймового постановления 1547 г. Господарь не мог оставить просьбу шляхты без внимания, но с другой стороны, и не желал отказаться от выгод лесной монополии. Поэтому его отказ носит компромиссный характер. Господарь признал право

---

[18] АЗР, т. III, № 24, арт. 5, стр. 101.
[19] Там же, № 24, арт. 5, стр. 101.
[20] Там же, № 11, арт. 17, стр. 29.

свободного вывоза за границу лесных товаров, полученных от разработки «своих властных лесов». Это первое условие. Далее, отправку таких товаров за границу должен был делать сам собственник «своим властным накладом» без вспомогательного постороннего капитала. Конечно, собственник лесных товаров в таможенных коморах был обязан уплатить соответствующие пошлины. Что же касается товаров, полученных от эксплуатации купленного или наемного леса совместно с купцами, а также и перекупленных товаров, то по отношению к ним монополия сохраняла свое действие — такие лесные товары должны были складываться на «коморах складовых», и там за эти товары уплачивалась сумма «по тому яко ся стала устава и ухвала посполитая на прошлом вальном сейме тутошнем Виленьском» [21]. Однако подобный ответ не удовлетворил шляхту. Стремясь к уничтожению недавно введенной монополии, шляхта на следующем сейме 1554 г. опять подымает тот же вопрос о «вольной» торговле, усиливая его требованием о «безмытной торговли». Последнее выставлялось в виде крайней необходимости «для споможенья шляхты к службе военной и обороне земской». Аргумент, конечно, весьма серьезный, тем не менее шляхта ничего не добилась. Господарь обещал собирать мыта «водле давного обычаю». Что же касается свободной торговли лесом, то осталось все так, как господарь ответил на сейме 1551 г. Однако господарь допускал возможность нарушения сеймовой ухвалы 1551 г. Поэтому чтобы бороться с такого рода злоупотреблениями, господарь потребовал, чтобы служебники частновладельческие приносили присягу «иж не в наемной, але в своей пущи, и сам своим накладом пан тыи товары робил» [22]. Однако шляхта на этом не успокоилась. Не подымая вопроса об отмене лесной монополии, шляхта на четвертом Виленском сейме 1559 г. поставила вопрос о безмытной торговле вообще. На этот раз она добилась своего. Господарь разрешил беспошлинный вывоз леса за границу под условием присяги служебника «иж з властнаго именья пана того и его властным накладом тот лесный товар роблен» [23]. Это, конечно, частичная, но серьезная уступка шляхте. Господарь, вероятно, решил уступить, чтобы вообще не раздражать шляхту, взволнованную земельной реформой. К тому же описание господарских пущ, к которому правительство приступило в этом же году, тоже должно было внести в шляхетскую среду немало раздражения. Дарование шляхте права безмытной торговли — это клапан для выхода скопившегося недовольства шляхты против разного рода хозяйственных мероприятий правительства. Настойчивая политика жмудской

[21] АЗР, т. III, № 24, арт. 17, стр. 29.
[22] Там же, № 13, арт. 9, стр. 54.
[23] Там же, № 24, арт. 5, стр. 98.

шляхты о подтверждении входов и вступов «подле давного обычаю», случаи незаконного владения лесом и лесными угодьями, наконец, земельная реформа, уже вводимая местами, ставили на очередь вопрос о переписи всех господарских пущ. Было необходимо выяснив наличность нетронутых лесов лишить права пользования ими тех, кто не имел никаких оснований для пользования ими и организовать по иному лесное хозяйство и лесное управление. Все это могло быть достигнуто путем ряда хозяйственных распоряжений, начиная с 1559 г. В первую очередь приходилось заняться описанием господарских пущ. Это было решено на коронном Петроковском сейме еще в декабре 1558 г. Тогда же было постановлено Григория Богдановича Воловича, мстибоговского старосту, отправить в Великое княжество «для выведанья и описанья всех пущ у великом князстве Литовском и переходов звериных». Описание должно было охватить всю территорию княжества, начиная от «заднепровских полей и до пущ великаго княжества Литовскаго». Задача ревизии не только описать границы пущ, но и выбрать удобные места «для осаженья мест и сел», а также «для будованья дворов приеханья короля его милости в ловы в тых пущах» [24]. Таким образом, предпринятое грандиозное описание господарских пущ должно было выяснить, какие места годились для поселенья и для разработки леса под пашню. Стремление правительства увеличить площадь, занятую производительной сельскохозяйственной культурой, очевидно, тесно примыкает к основным мыслям земельного устава Сигизмунда-Августа. Как шло описание пущ и переходов и когда оно окончилось — на эти вопросы ответа, за отсутствием соответствующих источников, дать нельзя. Точно так же сохранилось не все описание, а только его часть, содержащая в себе данные для той части пущ, которая лежала в западных областях и для всей Жмуди, что очень важно в связи с известным уже настроением жмудской шляхты.

Господарские пущи были разбросаны по всей территории Литовско-Русского государства. От Киева шли непроходимые господарские пущи на северо-запад по обоим берегам Припяти и ее притоку — Ясолде и далее — на северо-запад до Беловежской пущи. С другой стороны — на юго-запад от Киева тянулись леса в сторону диких полей Брацлавских и Винницких — через Белую Церковь и Волынские пущи, сближавшиеся на западе по р. Припяти с другой частью господарских лесов, а от Припяти леса упирались на Кобрин, оттуда несколько извилистой дорогой дотянулись до Беловежской пущи. Сохранившийся документ не дает возможности определить размеры площади, занятой господарскими пущами. Измерить пущи было

[24] Ревизия пущ и переходов звериных..., предисловие, стр. III.

невозможно. Только можно было очертить приблизительные границы той или другой пущи. Только в том случае, если пуща по своим размерам была невелика, она измерялась по всей вероятности, в милях.

Деятели ревизии 1559 г. и составители ее описания, очевидно, преследовали следующие основные задачи: 1) описать границы господарских пущ и тем самым провести раз навсегда резкую демаркационную линию между господарскими и частновладельческими пущами, чтобы не повторялась возможность входа в господарский лес из частновладельческого для разработки господарского леса в интересах частного владельца; 2) выяснить характер и наличность той охраны, которая существовала до сих пор в пущах для «обереганья» лесов от въезда в них посторонних лиц; 3) определить количество господарских уступов, на которых уже шла в том или другом виде разработка лесных товаров; 4) расследовать, какая часть леса, какие уступы и на каком основании находятся в пользовании и владении частных лиц; 5) уяснить, какие учреждения и какие лица имеют действительно вполне законное основание для входа в господарские пущи для удовлетворения тех или других своих неотложных нужд. Задачи и цели ревизии пущ и звериных переходов вполне соответствуют основным принципам уставы на волоки, и, конечно, ее следует считать прямым дополнением к предпринятой и начатой уже земельной реформе. При производстве ревизии Волович, видимо, широко пользовался помощью осочников, которые должны были знать всех лиц, входивших в господарские пущи, и которые могли сообщить ревизору о неправомерности поступков тех или других лиц, входивших в господарские уступы. Без их помощи едва ли Волович мог бы выполнить задачу — описать леса и проверить права тех юридических и физических лиц, какие имели право входа для пользования и эксплуатации разного рода «лесных ухожаев». В этом отношении далеко не все обстояло вполне благополучно, и нарушения имущественных прав господаря можно было установить в каждой пуще. Черногородские осочники на Волыни показали, что луцкие мещане берут в пущах дерево на будование, тогда как господарский лист разрешил входить им в пущу только по дрова. Кроме того, паны Борзобогатые в той же пуще палят совершенно незаконно «попелы»[25]. В Ковельской пуще оказались нарушенными права ноинских королевских крестьян, часть уступов которых была незаконно захвачена паном Гулевичем[26]. В пуще Пинской пан Семен Федюшко захватил некоторое количество господарской земли и осадил на них пять человек своих

[25] Ревизия пущ и переходов звериных..., стр. 5.
[26] Там же, стр. 7.

людей[27]. В пуще Переволотьской оказались пострадавшими господарские бортники, имевшие раньше право входа «до дерева бортного», а теперь встретившие препятствия со стороны панов Юндило и Тышкевича[28]. Точно так же и господарские данники той же пущи жаловались на «утесненья и кривды» со стороны бояр Мизкгирей, которые не имели права входа в пущи[29]. В той же пуще незаконно имели входы люди пана Остика, а подданные пана Тышкевича нарушили межу, вошли в господарскую пущу[30] и стали в ней распахивать пашни, а пан Хребтович позабирал у бортников Яруцких их стародавние сеножати, забрал также не мало пущи, которую «на поля разробил»[31]. В Лысковской пуще пан Богуш Василевский незаконно забрал некоторое количество земли[32]. В Кнышинской пуще пан Рольчевский занял «став» на речках Каракулине и Рыбнике[33]. Также в Ковенской пуще пан Кунцевич «не ведати которым обычаем» забрал «властивого кгрунту господарскаго в пусчи Ковенской на чотырох местцах»[34]. Там же Ганус Скоп, занимаясь разработкой леса, делал это не только «на короля его милость, але и на потребу свою, тартицы и иншое дерево на потребу домовую»[35]. В Мерецкой пуще Гришко, врадник стабинский, «пусчи его королевское милости Мерецкое на 40 бочек разробил»[36]. В пуще Переломской князь Андрей Вишневецкий нарушил стародавнюю границу и забрал «вдолж на милю, а впоперек на полмили пущи его королевское милости Переломское»[37]... Таким образом, по показанию господарских осочников, данников, бортников и крестьян с господарскими пущами далеко не все обстояло благополучно и, следовательно, на это должны были обратить внимание посланные господарем лица. Показания всех этих лиц должны были побудить ревизоров проверить соответствующие права на входы тех или других лиц, и, по всей вероятности, во многих случаях показания господарских людей подтверждались. Сообщения господарских людей, несомненно заинтересованных в удалении из господарских пущ частных лиц, оказали Григорию Воловичу большую услугу. Они дали возможность последнему потребовать от частных лиц удостоверения прав на владение пущами и на входы туда же. Быть

[27] Ревизия пущ и переходов звериных..., стр. 15.
[28] Там же, стр. 18.
[29] Там же, стр. 19.
[30] Там же.
[31] Там же.
[32] Там же, стр. 27.
[33] Там же, стр. 33.
[34] Там же, стр. 43.
[35] Там же, стр. 44.
[36] Там же, стр. 49.
[37] Там же, стр. 54

может, не будь этих убийственных показаний, частные лица сумели бы удержать в своих руках «земли и входы».

Господарские интересы нарушались и господарскими людьми. По показанию веленских осочников, расположенных под Юрборской пущей, у господарских подданных «ручницы есть и звер стреляють у пущах его королевской милости и шкоду великую пущам чинять з людми Прускими» [38–39]. По всей вероятности, такие злоупотребления были отчасти следствием недостаточной охраны лесов. Это и побудило Воловича немедленно наметить достаточное количество осочников, «которые мають, с пильностью стерегчи и станье зверу в тых пусчах, где на котором местцю звер становити ся будет» [40]. Правда, господарские осочники в других случаях не упоминают о подобного рода злоупотреблениях, но возможность их не была исключена, раз организация надзора за пущами была поставлена сравнительно слабо.

Ревизия господарских пущ и переходов должна была выяснить количество господарских сеножатий, разбросанных то в той, то в иной пуще. И с господарскими сеножатями, конечно, были возможны разного рода злоупотребления, уничтожение которых диктовалось интересами господарского хозяйства. Эксплуатация таких сеножатей производилась различно: часть их «на свою потребу» косили местные осочники и стрельцы, «которые от его королевское милости для стрелянья зверу высыланы бывають» [41]; затем отводились сеножати для надобностей лесничего [42]. Некоторые из сеножатей сдавались людям «с поклону» [43], а другие силами господарского двора косились «на дворную потребу». Среди этих господарских сеножатей, разбросанных в пущах, встречались и частновладельческие [44]. Однако захват господарских сеножатей со стороны шляхтичей, кажется, не был велик, так как сеножати не представляли собою для землевладельческого сословия особых ценностей.

Ревизия пущ и переходов должна была выяснить наличность их заселения. В господарских пущах сидели по преимуществу бортники, данники, а кое-где начиналось заселение пущ и тяглыми людьми. В разных местах господарских пущ были разбросаны села, но размеры их большею частью были ничтожны: около Здитовской пущи было сельцо, в котором было только четыре службы людей [45]. В других случаях составитель не ука-

---

39 Ревизия пущ и переходов звериных..., стр. 61.
40 Там же, стр. 60.
41 Там же, стр. 37.
42 Там же, стр. 36
43 Там же, стр. 37.
44 Там же, стр. 37, 40, 49 и сл.
45 Там же, стр. 21.

зывает количества тяглых служб, приписанных к тому или другому селу, но разбросанные среди лесов такие поселения только начинали жить новой жизнью и больших размеров, конечно быть не могли. Даже там, где крестьяне сидели на волоках, измеренных до производства ревизии, размеры таких лесных поселений были невелики [46].

Все эти данные с несомненной ясностью показывают, что разработка леса под пашню почти не начиналась до половины XVI в., если не считать тех мест, где была произведена земельная реформа и где небольшие лески были разбиты на волоки, как это было на Жмуди. Встречались во многих господарских пущах и частновладельческие села. Ревизия о них упоминает, не всегда определяя их размеры [47]. Сравнительно малое количество таких сел уже само по себе говорит об их небольших размерах. Господарские леса не могли к себе привлекать частных землевладельцев, так как последние стремились в пущи не для сельскохозяйственной культуры, а исключительно для эксплуатации лесных богатств [48].

Описывая господарские пущи, Григорий Волович должен был принять все меры к обеспечению правильного развития лесного хозяйства. Для этой цели следовало удалить все те препятствия, которые могли бы тормозить его развитие. С этой стороны, оказывались иногда вредными частновладельческие или господарские села, расположенные около пущ. Такие села, которые «ку шкоде пущи сидять», всегда перечисляются поименно составителями ревизии, дабы впоследствии соответствующая господарская администрация могла принять те или другие мероприятия [49]. Господарскому ревизору при производстве ревизии приходилось убеждаться в существовании недоразумений между господарскими крестьянами, главным образом, благодаря некоторой неопределенности и неясности границ пущ. Так, Переломские осочники жаловались на Городенских осочников, что они часть Переломской пущи присоединяют к Перстунской. Последние отняли у них лазни, доказывая, что в данном месте таких лазен не бывало, тогда как, по утверждении Переломских осочников, «становисча свои для сторожи озеров мевали» [50]. Такие недоразумения, конечно, никакого вреда не приносили господарскому лесному хозяйству, но непрерывность их мешала осочникам своевременно и правильно выполнять возложенные на них обязанности. С этой стороны, такого рода пререкания необходимо было немедленно устранить.

---

[46] Ревизия пущ и переходов звериных..., стр. 61.
[47] Там же, стр. 37.
[48] Там же, стр. 31, 37, 38.
[49] Там же, стр. 31.
[50] Там же, стр. 53.

Производство ревизии пущ и переходов сопровождалось со стороны Григория Воловича целым рядом хозяйственно-административных распоряжений. Прежде всего приходилось проверить права частных лиц на входы в господарские пущи и озера. Уже заявления осочников и господарских подданных указывали на произвольный захват господарского добра со стороны частных землевладельцев. Проверка прав в широком масштабе показала, как широко был распространен среди землевладельцев захват входов в господарские пущи и озера.

Созванные Григорием Воловичем землевладельцы были обязаны представить документы для доказательства того, «хто на его королевской милости и напред ся его королевской милости што выслужил... и подле которое выслуги хто, колько дворищь, маючи, входов и вольностей своих, яко ловы, дерево бортное, сеножати, озера, реки здавна супокойне держал и на тот час держить и вживаеть»[51]. Землевладельцы, конечно, должны были выполнить требование Воловича и явиться к нему с доказательством своих прав на входы и выходы. Документы, представленные при этом, были самые разнообразные. Одни из шляхтичей ссылались на грамоты удельных князей, дававшие им право входа в леса. Так, Война Гричина ссылался на жалованную грамоту, выданную его предку пинской княгиней Марьей Семеновной и ее сыном Василием Семеновичем[52]. Впрочем, это пожалованье было подтверждено грамотой Сигизмунда I от 2 апреля 1524 г. Следовательно, право Войны Гричины владеть тремя дворищами с людьми было совершенно неоспоримо. Кобринский войский пан Макар представил дарственную запись князя Федора Ивановича Ярославича и супруги его Елены[53], выданную 15 мая 1515 г. служебнику Венедикту Фурсовичу. Это пожалование, спустя год — 9 августа в 1518 г.— было подтверждено Сигизмундом I. Василий Федорович Федюшко показал грамоту княгини Марии Семеновны и, кроме того, подтвердительный привилей Сигизмунда I от 18 июля 1522 г.[54]. Аналогичные документы были представлены Матиясом Зенковичем[55]. И братья Протасовичи представили жалованные грамоты княгини Марии Семеновны и князя Федора Ивановича Ярославича, подтвержденные 5 июня 1522 г. Сигизмундом I[56]. Вообще, в Пинском повете значительная часть грамот на владения была выдана вышеупомянутыми княгиней и князем. Конечно, эти грамоты имели юридическое

[51] Ревизия пущ и переходов звериных..., стр. 63.
[52] Там же.
[53] Там же, стр. 71—72.
[54] Там же, стр. 75—76.
[55] Там же, стр. 79—80.
[56] Там же, стр. 84—85.

значение тем более, что держатели их поспешили обзавестись подтвердительными привилеями от господаря. Во-вторых, земяне и бояре представили господарские листы, дававшие им право на владение той или другой частью пущи, земли или входами в них[57]. Наиболее древняя из таких грамот относится ко времени Казимира, который утвердил за Миколаем Сыропятом село, которым он фактически владел еще при Сигизмунде Кейстутовиче[58]. Большая же часть представленных грамот, выданных литовско-русскими господарями относится к эпохе Сигизмунда I и его сына. Так, Миколай Лях получил от Сигизмунда I право сбора половины дани с Полковских данников; Пан Григорий Сузин также представил грамоту Сигизмунда I, дававшую ему право владеть двумя пустовскими землями в Каменецком повете[59]. Аналогичная грамота была представлена дворянином Гаврилом Олифировичем[60]. Вообще, ссылки на листы, выданные господарем, делались весьма часто и по своему значению они не могли вызвать со стороны Воловича каких-либо возражений[61].

В-третьих, представители провинциального землевладения положили перед Воловичем грамоты, выданные матерью Сигизмунда II — Боной. Последняя выдавала эти грамоты в пределах своих владений, потом спавших на господаря. Часть этих грамот относится к категории «подтвердительных». Королева Бона скрепляла ими владения, уже находившиеся в частных руках раньше, чем она стала собственницей ряда земель. Так, боярин пинский Олизар Дмитриевич получил от нее подтверждение на свою отчизну. Сама же Бона до выдачи подтвердительного привилея произвела расследование и допросила околичных бояр, свидетельство которых имело огромное значение для выдачи такого привилея[62]. Таких документов было представлено немало. С другой стороны, земяне и бояре представили жалованные грамоты самой королевы Боны. Семен Юхнович Орда 10 марта 1532 г. получил от королевы два дворища, лежавшие близко к его имению. Конечно, дворища жаловались «з землями тых дворищ пашными и бортными, з гаи и лесы и дубровами, зарослями, хворостными и пропашными, проробками и з сеножатеми, з ловы звериными». Все это давало право входа в близлежащую господарскую пущу[63]. Аналогич-

---

[57] Ревизия пущ и переходов звериных..., стр. 104—107, 111—114, 122, 128, 129—131.
[58] Там же, стр. 123.
[59] Там же, стр. 123, 161.
[60] Там же, стр. 169.
[61] Там же, стр. 171—173, 175—177, 181—185, 195, 197, 201, 209, 211.
[62] Там же, стр. 65, 118, 146, 147.
[63] Там же, стр. 81—82.

ные грамоты были получены тем же Ордой на три другие дворища [64], а также и другими земянами и боярами [65].

Грамоты Боны были, разумеется, документами, имеющими полную силу и значение. Бона распоряжалась землями и дворищами как собственница. После перехода этих земель к господарю все грамоты Боны сохраняли свою силу и значение. Господарю приходилось лишь разбирать, на каких условиях выдано тому или другому земянину или боярину дворище, пустошь, земля, сельцо.

В-четвертых, земяне и бояре не представили никаких документов и свое право владения подкрепили ссылкой на давность Таких лиц было немало. Так, пан Михайло Тенюк «не покладал листов, а ни жадных привильев», удостоверявших его право владения землями, которые он считал своей отчиной. Он мог только сослаться на «держанее давности». Впрочем, упомянутый Тенюк имел лист Боны к ее секретарю, в котором она утверждала за дядей Тенюка, боярином Олизаром Дмитриевичем, право на два имения, если Олизар докажет перед ним свое право на владение двумя имениями. Конечно, такой лист не был документом юридического характера, на который можно было сослаться с полным правом [66]. Однако другие бояре и земяне не имели возможности сослаться и на такие документы. Вместо «привилья», по удостоверению Воловича, бояре и земяне «только оповедали давность держанья». Особенно много было таких держателей в Кобринском повете [67]. Конечно, ссылка на давность не имела никакого значения, и такого рода земли, входы и выходы должны были быть отобраны на господаря.

В-пятых, местные землевладельцы могли сослаться на ревизорские листы, полученные ими при производстве волочного измерения. Так, пан Мартин Подсудковский получил от мерчего Девялтовского «пусчи его королевское милости Румшиское на пол мили поперек также и вдолж, ку именью его Понемонскому, которое под пусчею лежить на самом переходе зверином» [68]. Другие могли сослаться на получение отмены господарскими пущами за отобранные у них земли [69]. Для Воловича представление ревизорских листов имело безусловное значение. Если по условиям устройства той или другой пущи пришлось бы села, дворища, входы и выходы «привласчить» к пуще,

---

[64] Ревизия пущ и переходов звериных..., стр. 82, 118.
[65] Там же, стр. 126, 127, 149, 156, 157.
[66] Там же, стр. 65.
[67] Там же, стр. 111, 136—146.
[68] Там же, стр. 42.
[69] Там же, стр. 77, 103.

держатели их имели полное основание требовать себе новой отмены, которая, по всей вероятности, и давалась.

В-шестых, собственники для удостоверения права владения ссылались на купчие крепости. Кобринский, войский пан Макар Мартинович купил у Стефана Тарновского имение Оснежинское «з будованьем дворным, с челядью невольною, с пашнею дворною, з сеножатми, с деревом бортным, с слугами путными и со всими людьми тяглыми того двора» [70]. Других документов войский не представил. Продажная сделка была совершена в присутствии местных земян, удостоверивших право Тарновского на продаваемое имение. Но для Воловича данный документ едва ли имел принудительное значение. Формально эта сделка не была окончена, ибо не прошла перед соответствующими должностными лицами. Поэтому кобринский войский должен был представить документы, которые удостоверили бы право Тарновского на вышеназванное дворище. Совсем в другом положении находились лица, которым удалось раздобыть подтвердительный привилей на купленное имение. Тут, конечно, спора быть не могло. Купивший имение имел полное основание считать его своей собственностью [71]. Точно так же могли быть спокойными относительно своих владений земяне, представившие продажную крепость в виде выписи «с книг его милости господарских канцелярейских». Так поступил Иван Протасович, купивший у Ивана Булгака третью часть его имения Кривчицкого. Предварительная продажная запись была заключена на месте в присутствии нескольких видных панов [72].

В-седьмых, некоторые из держателей земли представляли Воловичу «заставныя крепости», удостоверявшие право владения держателя. Конечно, заставная крепость имела только в том случае юридическое значение, если она была оформлена, т. е. записана в соответствующие канцелярские книги, выпись из которых была достаточной гарантией того, что имение отдано в заставу на совершенно законном основании [73]. При производстве ревизии пущ и переходов господарские посланцы также округляли господарские леса и, по возможности, стремились дать в таком случае соответствующую отмену. Некоторые из землевладельцев оказывались владельцами озер, находившихся внутри лесов. Для господарского лесного хозяйства это представляло серьезные неудобства, и, по всей вероятности, в таких случаях приходилось озера писать на господаря, а собственнику выдавать соответствующую отмену. Так, староста Галицкий, пан Ярош Синявский, совместно с своей женой ока-

[70] Ревизия пущ и переходов звериных..., стр. 74.
[71] Там же, стр. 93.
[72] Там же, стр. 97—99.
[73] Там же, стр. 100.

зался владельцем шести озер, находившихся в Коневской пуще. Господарским ревизором озера были отписаны на господаря, а Синявскому была дана отмена [74].

Отмена состояла из трех сел, в которых оказалось всего 24 волоки 9 моргов 4 прута. Такая отмена была дана по усмотрению ревизора. Видимо, пан Синявский не считал ее убыточной заменой, так как стал хлопотать о выдаче ему листа «на вечность», что и было ему в скором времени дано [75]. Нам неизвестно, как учитывалась доходность озер и определялась равноценность отмены. По всей вероятности, это делалось по взаимному соглашению собственников озер с ревизорами. Такого рода «замены» нельзя считать мерой, применявшейся всегда и везде. У владельца могли быть отняты одни входы и выходы, а даны другие в ином месте. Замена же одного вида владения другим могла быть приведена в исполнение исключительно по взаимному соглашению между ревизором и собственником.

Иногда около господарской пущи оказывались расположенными частновладельческие дворы, близость которых всегда допускала возможность злоупотреблений со стороны соседа. В таком случае округление пущи было более чем необходимо. Частновладельческий двор приписывался к пуще «з будованьем и со всим кгрунтом», а земянину давалась отмена. Присоединение целиком частновладельческого именья к господарской пуще, конечно, было разорением для земянина. В таком случае для его успокоения ему давалось «награждение». У земянина Щепана Тарновского отобрали дворец с 15 волоками 20 моргами земли. Двор был приписан в Воранской пуще, а Тарновскому была дана отмена в Ойракгольской волости. Так как у того же Тарновского и в другом месте, около Трок, отписали на господаря «село оселое» размером в 2 волоки, то ему за все было дано 26 волок «з людьми, на них оселыми». Несомненно, столь щедрой отменой правительство стремилось компенсировать все полученные землевладельцем убытки [76]. Господарские пущи в общем охранялись недостаточно. Недостатки такой охраны были отчетливо сознаваемы правительством, которое поспешило до производства ревизии пущ и переходов увеличить кое-где количество различных слуг, охранявших леса. С этой целью правительство в ряде дворов некоторое количество своих подданных перевело на положение стрельцов. Такие стрельцы сажались на волоки при тех или других господарских дворах. Сначала правительство отдельных лиц сажало на стрелецкую службу, о чем доводило до сведения местного державцы. Так были в 1557 г. посажены стрель-

[74] ЦГАДА, ЛМ, КЗ XLI, л. 218.
[75] Там же, л. 218—219.
[76] Там же, л. 277.

цы при дворе Олите, причем каждому стрельцу отводилось по 2 волоки, «от плату всяких повинностей тягълых вольных». Если же стрельцами становились подданные, не имевшие в держании никаких волок, то державца был обязан таковые им отвести из числа неоселых. Волоки должны находиться «поодаль пущи и ловов господарских» [77]. Тогда же были посажены на стрелецкие волоки подданные при Городненском старостве. Здесь для стрелецкой службы отводили те волоки, которые раньше находились в руках держателя под условием платежа чинша; затем давались им пустые, неоселые волоки, и, наконец, приходилось иногда сгонять старых держателей и отдавать их волоки в руки вновь назначенных стрельцов [78]. Таким же способом были испомещены и новодворские стрельцы. Только здесь для стрелецкой службы отбирались и боярские земли, которые находились в руках бояр под условием платежа чинша [79]. Стрельцами назначались не только тяглые подданные. По различным соображениям иногда и осочницкие волоки переводились на стрелецкие [80]. Одновременно с организацией стрелецкой службы в Городненском старостве были устроены таковые службы и в других волостях: Малавицкой, Кринской, Воранской, Жосленской, Озерской, Бельской, Лепуньской, Котринской, Переломской, Виленской, Лабенской, Бирштанской, Берзницкой, Олитской, Скидельской, Немонойтской, Вилкейской, Юрборской, Ковенской, Довкговской, Красницкой и др. [81].

Стрельцы набирались по усмотрению «справцы господарских дворов», но иногда приходилось ходатайствовать самим подданным об испомещении их на стрелецкой службе. Такое челобитие обыкновенно вызывалось какими-либо неотложными обстоятельствами. Так, группа городенских пушкарей давно владела двумя волоками земли, с которых несла пушкарскую службу. Кроме того, они же являлись владельцами двух волок под Кринской пущей, которые были даны их отцу Скидельским наместником паном Б. Греньковичем и наместником Жославским паном Юрием Зелепугой, производившими волочную померу «за росказанием королевое ее милости» и давшими эти 2 волоки в виде отмены за земли, которые были приданы к их отчизным землям паном Юрием Радивилом для несения пушкарской службы. Земли же были даны Боной «до ласки и воли». Поэтому при производстве вторичной померы эти земли были отписаны на господаря, а со старых земель они по-старому несли пушкарскую службу. И вот, чтобы оставить в своем

[77] Там же, КЗ XLII, л. 3.
[78] Там же, л. 4.
[79] Там же, л. 6
[80] ЦГАДА, ЛМ, КЗ XVII, л. 7.
[81] Там же, л. 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 16, 17, 18, 64.

распоряжении все 4 волоки, пушкари ходатайствовали, чтобы их при тех 4 волоках «вжо на стрелецкой службе заставили» [82]. Просьба пушкарей была удовлетворена. Такое коллективное испомещение стрельцов несомненно может быть принято как показатель желания литовского правительства перейти к более интенсивной эксплуатации пушного зверя, на шкуры которого был большой спрос на заграничном рынке. До половины XVI в. этот спрос был, видимо, не так велик и не вызывал никакой нужды в коллективной организации стрелецкой службы. Все это делалось «справцами господарских дворов» на основании господарских инструкций и волочной уставы. Однако испомещение стрельцов нисколько не улучшало состояния лесного хозяйства, не избавляло правительство от возможных злоупотреблений со стороны частных владельцев. Этого и достигала предпринятая ревизия, а изданная лесная устава дала лесному хозяйству ту устойчивость и планомерность, которых у него раньше не было.

Первоначальное устройство лесного хозяйства носило довольно примитивный характер, и задачи его сводились лишь к охране господарских пущ и ловов. Эта охрана была поставлена весьма неудовлетворительно. Ревизия показала, что количество осочников было весьма невелико, а иногда их совсем не было, и при таких условиях о правильном надзоре и строгом контроле не могло быть и речи. Неудивительно, что осочники не могли воспрепятствовать частным лицам захватывать «лесные входы и разные ухожаи», не могли следить за эксплуатацией частными лицами господарских лесов для того, чтобы последние не выходили за пределы господарских инструкций и не вредили бы интересам господарского скарба. Производство ревизии поставило на очередь два вопроса: о более стройном и целесообразном управлении господарскими пущами, а также о более правильном ведении господарского хозяйства и об иной постановке вопроса об охране господарских пущ. Всем этим выдвинутым жизнью вопросам отвечала лесная устава, опубликованная в Кнышине 27 февраля 1567 г.[83]. Господарские пущи разбиваются на лесничества, во главе которых находится назначаемый господарем лесничий, на ответственности которого находится охрана всей пущи. Лесничий управляет пущей не один, а его помощниками являются осочники, стрельцы, бобровники, подлазники. У каждого из них специальные функции, которые они выполняют под контролем лесничего. За свой труд по управлению пущами и надзору за ними лесничий получает опре-

[82] ЦГАДА, ЛМ, КЗ XVII, л. 29.

[83] М. В. Довнар-Запольский. Очерки по организации западнорусского крестьянства..., прил., стр. 101—105.

деленное вознаграждение. Оно заключается в пользовании 9 волоками земли (3 на фольварк, а 6 населенных волок для обработки фольварка). Кроме того, лесничий получает по грошу с каждой оседлой волоки и по бочке овса с каждых 10 волок, если держатели их входят в лес за сухим деревом. Затем в пользу лесничих поступают поклоны от осочников, стрельцов, бобровников, подлазников и тех крестьян, которые сидят пока на льготе. В пользу лесничих поступают «пересуды». Обязанности лесничих заключаются в следующем: лесничие должны были при вступлении в должность объехать совместно с осочниками всю пущу и иметь под руками достаточные сведения о всяких уступах. Кроме того, они должны были следить за тем, чтобы не было никакой шкоды как зверю, так и дерев бортному и другим видам деревьев. С этой целью лесничий должен следить, чтобы на дрова для господарских дворов брали только сухое дерево. Такое же дерево имеют право брать и господарские подданные. Частновладельческие крестьяне не имеют права входа в пущи по дрова. Рубка деревьев годных для построек допустима, но всякий раз по особенному распоряжению великого князя. Если же кому-либо будет дано разрешение взять из пущ некоторое количество деревьев для тех или других потребностей, то лесничие должны смотреть, чтобы количество вырубленных деревьев находилось в полном соответствии с господарским листом. Нарушение условий последнего считается злоупотреблением, за которое является ответственным лесничий. Только в одном случае лесничему предоставляется право выдать некоторое количество леса, но притом под своей полной ответственностью, именно, если необходима экстренная помощь какому-нибудь держателю волок. Но и в этом случае он должен довести об этом до сведения державцы, от которого обязан взять соответствующий квит, который для лесничего является оправдательным документом.

В заведывании лесничего находятся все лесные сеножати. Лесничему запрещается продавать их кому бы то ни было или брать от кого бы то ни было постожное. Он лишь следит за тем, чтобы эксплуатация лесных сеножатей вполне бы соответствовала королевским распоряжениям. Согласно последним сеножати могли оказаться во владении частных лиц по постановлению господарских ревизоров и мерников, а также ими могли свободно воспользоваться для своих нужд крестьяне. Последние при условии взноса определенного плата могли их эксплуатировать. Если господарские сеножати будут отданы подданным для покоса за третий грош, то лесничие при этом должны следить, чтобы третья часть убранного сена поступала на господарский двор. Затем лесничие следят, чтобы в пущах не было никаких дорог. Если последние где-либо окажутся, то они

должны быть засыпаны. Далее, они не могут ставить никаких препятствий лицам, получившим право разработки лесных товаров «ку пожитку скарбу». При этом роль лесничего должна лишь ограничиться контролем, чтобы будники не занимались разработкой лесных товаров в произвольно выбранных местах, чтобы не разогнать зверя. Организуя контроль над предпринимателями, устава запрещает лесничим разработку лесных товаров для своих нужд и потребностей. Помимо охраны лесов, устава возлагает на лесничего охрану «зверя». Никто из посторонних не имеет права охотиться в пущах, если не располагает особым, специально написанным, господарским листом. С этой стороны, в особенной охране нуждаются пущи со стороны Мазовии и Пруссии. Активная деятельность лесничего по ведению лесного хозяйства сводится лишь к тому, чтобы бортные деревья были своевременно «осажены» пчелами. Это делают специалисты — подлазники. Что же касается употребления собранного меда, то для этого всякий раз лесничий получает особую господарскую науку. Лесная устава тщательно следит за тем, чтобы никакая доходная статья господарских пущ не пропадала даром. С этой целью лесничий отдает отчет в ловле бобров, запрещает в озерах и реках ставить езы. Там же, где последние были, пойманная рыба поступает в распоряжение господарского скарба. Он также заведует корчмами, находящимися в пределах своего лесничества, и уничтожает лишние, и собирает в господарский скарб следуемую с них «капщизну» или «плат». Наконец, на лесничем лежит надзор за крестьянами, еще не высидевшими воли. Он смотрит, чтобы они своевременно строились, а затем, по истечении льготного срока, он собирает следуемые с них чинши. Точно так же лесничий собирает чинш и с подведомственных ему стрельцов. Лесная устава требует от лесничих согласования своих действий и распоряжений с требованиями «господарской науки». В противном случае на такого лесничего падет «гнев, а не ласка господарская». Этот «гнев», по всей вероятности, выражался в преждевременном лишении должности лесничего.

Таково содержание господарской лесной уставы, являющейся существенным дополнением уставы на волоки. Как последняя, так и лесная устава ставили своей задачей сосредоточение ведения всего господарского хозяйства в руках правительства. Она возлагает на правительственных агентов только функции надзора и обязанность приведения в исполнение господарских распоряжений. Централизация хозяйства и управления — это главный прием всей хозяйственной политики Сигизмунда-Августа. Этот прием красной нитью проходит через всю лесную уставу 1567 г.

Лесничие назначались господарем, и служба их была обык-

новенно пожизненной[84]. После смерти лесничего лесничество «спадывало» на господаря, который и назначал нового. Назначение на должность лесничего было довольно почетным. Его получали лица, занимавшие не особенно видные должности по провинциальному и центральному управлению, как-то: хорунжие, ловчие, земские судьи, писари[85]. Лесничества давались господарем «маючи ласковое баченье на службы хоружого[86] «ради учтивой службы» слуги нашого, который против неприятеля оказывал» и т. д. Словом, как всякое, держание, дарование лесничества рассматривалось правительством как особая награда. Обыкновенно отдельное лесничество находилось в заведывании одного лесничего, хотя было возможно соединение в одних руках и нескольких лесничеств[87], но после смерти такого лесничего составное лесничество разбивалось на части и по частям отдавалось лесничим[88]. Иногда лесничий находил для себя неудобным выполнение обязанностей лесничего по уставу и считал для себя стеснительной постоянную отчетность перед скарбом. В таком случае лесничие хлопотали о сдаче им «лесничества» в аренду «за певную сумму». Так, лесничий немонойтский, земский судья в Городненском повете Григорий Масальский, имевший право, согласно привилею Сигизмунда II, собирать «чинши, дякла и иные доходы» как державца и отдавать их господарю, считал для себя затруднительным, отправление обязанностей лесничего. Поэтому он просил Стефана Батория «абыхмо ему не зычили в том приймования трудности чинением личбы в скарбе» и дали бы «оное лесництво на певной аренде без шкоды», для господарского скарба[89]. Конечно, трудно сказать, были такие челобития случайными, или сдача в аренду лесничеств являлась одним из новых способов его эксплуатации.

На содержание лесничего лесная устава отводит 9 волок. Эта норма была принята правительством еще значительно раньше опубликования лесной уставы и введения ее в действие. Еще в 1562 г. при назначении лесничим пущ Лысковских и Межирецких пана Романа Совы, ему было дано 9 волок земли. Однако, вопреки уставе, волоки были пустые и эксплуатировать их он был обязан за свой собственный счет[90].

Теоретически лесничие полагались на каждую господарскую пущу. На деле же оказывалась такая организация не всегда

---

[84] ЦГАДА, ЛМ, КЗ LVIII, л. 1; LXXVI, л. 192.
[85] Там же, КЗ LXXIII, л. 403; LXXVI, лл. 192, 198.
[86] Там же, КЗ LXXVI, лл. 192, 198.
[87] Там же, КЗ LXXIII, л. 403.
[88] Там же, л. 403.
[89] Там же, л. 403.
[90] Там же, КЗ LII, л. 59; LIII, л. 16.

возможной. Дело в том, что в некоторых пущах не оказывалось возможным отвести «на выхованье» лесничего 9 волок, так как пуща оказывалась не «так широка». В таком случае господарь ставил надсмотрщиком своего подданного, давая ему при этом 3 добавочных волоки земли к прежним 2 стрелецким и, освободив его от всяких платов и повинностей, возлагал на него только одну обязанность — стеречь пущу [91].

Лесное хозяйство и после ревизии велось прежними приемами. Государство было лишено возможности приняться за самостоятельную эксплуатацию лесных богатств. Приходилось опять обратиться к частной предприимчивости. Однако теперь при посредстве частной предприимчивости правительство несколько по-другому организовало эксплуатацию леса. Во главе всего дела был поставлен Г. Скоп, получивший титул «справцы товаров лесных». Он нанимал работников и устраивал в лесах буды. Для удешевления и ускорения производства правительство в 1560 г. разрешило Скопу и его слугам на протяжении всей Жмуди свободную безмытную покупку «быдъла, збожью и иные всякие живности», необходимые для вновь устроенных буд [92]. Деятельность справцы имела место не только в пределах господарских пущ, но и выходила далеко за границы их. Справце было разрешено эксплуатировать волоки и пробробки подданных, если только была какая-нибудь возможность извлечь из них какую-либо пользу для господарского скарба [93]. Конечно, такое распоряжение должно было задеть и интересы частных владельцев, имевших право входа в пущи, и, в особенности, крестьянскую массу. Словно чувствуя возможность каких-либо протестующих действий, господарь доводит об этом до сведения местного тивуна, указывая ему следить за тем, чтобы справца лесных товаров мог заняться порученным ему делом «без всякое переказы» [94]. Поручая ведение лесного хозяйства Гансу Скопу, Сигизмунд II по-прежнему крепко держался лесной торговой монополии. Никто не мог самостоятельно вывезти лесные товары за границу через Кролевец и Инфлянты, даже если бы такие товары были выработаны самими подданными, не говоря уже о посторонних лицах. Согласно господарскому распоряжению от 1566 г. на имя мытников Ковенской коморы, все такие товары должны быть представлены либо самому Скопу, либо его справцам, которые уплачивают стоимость товара предпринимателям, а затем товар становится уже собственностью господарского скарба [95]. С поручением ве-

[91] ЦГАДА, ЛМ, КЗ, XLIV, л. 3.
[92] Там же, КЗ XIV, л. 53.
[93] Там же, л. 54.
[94] Там же.
[95] Там же.

дения лесного хозяйства Скопу должна была прекратиться всякая частная предприимчивость. В том же году Жмудский староста пан Иероним Ходкевич получил уведомление о полномочиях Ганса Скопы, а также был поставлен в известность о необходимости немедленного извещения господарских урядников о том, чтобы они не позволяли никому заниматься в пущах выработкой лесных товаров, а также чтобы они указали годные деревья для эксплуатации на волоках и проробках господарских подданных[96]. Работники справцы Ганса Скопы находятся под особым покровительством — «обороной» — уряда. Тивун должен «постерегать, яко бы в том жадъного затрудненья и переказы не мели» от господарских земян, подданных как господарских, так и княжеских и панских при разработке господарских грунтов[97]. Отдавая Скопу жмудские пущи в монопольную эксплуатацию, правительство, однако, не придерживалось такой же системы в других пущах, где лесные работы производились или по поручению правительства его агентами, или купцами — частными предпринимателями. Так, в течение 1570—1571 г. дворянину Григорию Дельницкому была поручена разработка пущ Переломской, Лидской, Немонойтской и Пунской. Мотивом для этого было то, что при осаживании на волоки немало пущ пустует и «жадного пожитку не приносят»[98]. Весь выделанный лесной товар поступал в распоряжение скарба, сплавлявшего его водой за границу[99]. При отдаче пущ для эксплуатации частным предпринимателям с ними заключался контракт, невыполнение которого каралось «горлом» и «маетностью»[100]. Трудно объяснить, почему литовско-русское правительство бросалось от одного хозяйственного приема к другому. Быть может, тут имело значение и отсутствие богатых купцов, которые согласились бы взять на себя разработку лесных товаров, что заставляло правительство обратиться к системе поручений и предпринимательской аренде. Можно предположить, что применение различных приемов эксплуатации пущ объяснялось желанием правительства выяснить, при каких условиях ведение лесного хозяйства является наиболее прибыльным для скарба. Кажется, отдача пущ для эксплуатации одному лицу предпочиталась правительством. По крайней мере, в районе пущ, ближайших к Гданскому и Кролевецкому портам, правительство прибегло к этой системе[101]. Так же было поступ-

---

[96] ЦГАДА, ЛМ, КЗ XLV, л. 55.

[97] Там же.

[98] Там же, КЗ LIII, л. 17.

[99] М. В. Довнар-Запольский. Государственное хозяйство Великого княжества Литовского..., стр. 326.

[100] Там же.

[101] Там же, стр. 327.

лено и по отношению к пущам в районе р. Двины. Имея в виду выгоду и пользы Речи Посполитой, а в особенности необходимость уплаты жалованья людям служебным, а также постройки и укрепления новых украинских замков, господарь, с целью увеличить доходы скарба, по соглашению с панами-радой отдал разработку леса, пепла и выполнение других работ секретарю Валенту Иберфельту. Он мог заняться разработкой пущ в тивунствах и замках Витебском, Браславе, Дрисе, Дисне, Ушачи, Воронье, Лепеле, Уле, Сураже, Лоще, Мстиславле, Могилеве, Борисове, Свислочи, Любошанах, Бобруйске, Кричеве, Чечерске, Пропойске. Для выяснения границ, отведенных Иберфельту пущ, был послан господарский писарь. Разработанные лесные товары должны спускаться к двинскому порту «без мыта»[102]. Возвращение к подобного рода эксплуатации лесных богатств было предпринято только в 1571 г., спустя десять лет после первоначального опыта сдачи Г. Скопу разработки лесных товаров во всей жмудской пуще. Вероятно, к этому времени окончательно выяснилось, какая система предпочтительнее. Это обстоятельство и было главной причиной, побудившей правительство отдавать пущи для эксплуатации в руки какого-нибудь одного предпринимателя. Раз правительство с таким вниманием относилось к разработке пущ, теоретически можно было предположить намерение его не выпускать из своих рук ни одной лесной волоки. На деле приходилось отступать от этого и жаловать отдельным лицам «застенки» до воли и ласки господарской. Такой застенок в Одельском лесничестве получил пан Григорий Волович. Впоследствии временное пожалование, по челобитью Воловича превратилось в «доживотное» держание, когда выяснилось, что для разработки данного ему застенка, «не малого часу держанного» он «не мало маетности своее на то вложил»[103]. Иногда господарю приходилось отдавать в заставу староства и дворы. Если при этом к двору прилегала пуща, то она иногда в заставу не давалась. Когда пан Матвей Жилинский получил в заставу староство Мстиславское, то вся мстиславская пуща осталась «ку пожитку господарскому». Держатель староства должен был доставлять в скарб все платы, которые поступали с господарских подданных «водле постановенья ревизорскаго»[104].

Несмотря на принятую систему эксплуатации лесных богатств и новую организацию управления лесами, все-таки злоупотребления оказывались вполне возможными. Так, в 1570 г. справца лесных товаров — секретарь Валент Иберфельт жаловался господарю, что «немало господарских подданных», в осо-

[102] ЦГАДА, ЛМ, КЗ LIV, лл. 55—56.
[103] Там же, КЗ LVIII, л. 103.
[104] Там же, КЗ XLVIII, л. 73.

бенности сидевших на волях разрабатывают пущи, и разработанный лесной товар вывозят за границу. Благодаря этому происходит сильное опустошение пущ и причиняется немалый убыток господарскому скарбу. Получив такое заявление, господарь немедленно обратился ко всем лесничим с грозным посланием, чтобы они не допускали такого «зволенства» среди господарских подданных и запретили бы им переходить границы. Если же где-нибудь обнаружится тайная разработка пепла, то разработанное отбирается на господаря, виновные записываются в особый реестр и сажаются в тюрьму «везенье»[105]. Помимо этого, возникали и другие недоразумения между справцами и подданными. Последние иногда получали вперед плату за разработку товаров, а потом отказывались работать. От этого страдало лесное хозяйство, и лесничим поручался самый строгий разбор всех этих недоразумений и злоупотреблений со стороны подданных[106].

Введение лесного устава и усиленная эксплуатация пущ заставляли правительство с особенным вниманием относиться к тем шляхтичам, которые имели многие входы в господарские пущи, что само по себе не могло не служить серьезным препятствием при разработке пущ. Поэтому приходилось иногда вторично проверять права шляхтичей на пущу, чтобы убедиться в основательности их притязаний на входы. По всей вероятности, и предприниматели, и господарские «врадники» в своем служебном усердии не особенно считались с правами шляхтичей, а это обстоятельство побуждало самих шляхтичей возбуждать дела о проверке прав их на входы в пущи. Так поступил пан Остафий Волович от себя самого и от имени своего дяди, имевшего притязания на входы в господарские пущи Престуньскую, Новодворскую и Переломскую. Сначала их права не вызывали никаких сомнений, но «с некоторых часов», по заявлению челобитчиков, они стали терпеть «обремененье», очевидно, со стороны усердных господарских агентов. Остафий Волович — крупная фигура среди дельцов XVI в., и правительство никоим образом не могло замолчать его просьбу. Пришлось снарядить специальную комиссию, состоявшую из архидиакона Варшавского, скарбного писаря ксендза Адама Пильховского и дворян Лаврина Войны, квасовского державцы и Якуба Лашковского — людей весьма опытных в проверке прав на землю. По приезде на место комиссия объехала господарские пущи и опросила осочников и других господарских подданных относительно «уходов Воловичей и прав их на бортныя деревья и озера». Опрос свидетелей показал, что Воловичи «ста-

[105] ЦГАДА, ЛМ, КЗ XLVII, л. 75.
[106] Там же, КЗ LII, л. 75.

родавна» имеют право на входы в пущи [107]. О результатах своего расследования комиссия довела до сведения господаря, а собственник получил от комиссаров особый лист, удостоверявший право его на входы в пущи. Вышеназванная комиссия не только проверяла права одних Воловичей. Ревизия прав коснулась и других землевладельцев. Однако недоразумения с лесничими не прекратились и после этой «ревизии». Тогда дворянину оставалось снова «набегать» к господарю с представлением комиссарских листов, просить его о листе на имя местного державцы о нечинении последним препятствий. Так, городненский лесничий Ян Витковский не считался с ревизией ксендза Пильховского и его товарищей и отнял у дворянина Богдана Влека «входы стародавные, древо бортное и сенокошение». Тот обратился с комиссарскими листами к господарю, который немедленно отправил на имя лесничего соответствующий лист [108]. Незаконные действия лесничих, по всей вероятности, причиняли немало убытков частным лицам, обращавшимся к господарю с просьбой об их удовлетворении. Надо думать, что если соответствующее разбирательство подтверждало правильность иска, то местный лесничий был обязан удовлетворить все убытки. По крайней мере, Димитрий Сапега — справца лесничества Слонимского, Лысковского и Межирецкого, должен был уплатить все убытки, понесенные служебником Станиславом Комановским [109]. Расследование о правах на входы в пущи производилось также на месте самими лесничими. Так, беловежскому и каменецкому лесничему Станиславу Трояновскому было поручено проверить права каштеляна Брацлавского князя Андрея Капусты на входы. Если расследование показало бы справедливость требования Капусты, то лесничий должен был «не заборонять» пользоваться входами «до кошенья сена и лаженья древа бортного» [110]. В некоторых случаях даже не требовалось предварительного расследования о праве земянина на входы в пущи, если последний представлял соответствующие господарские листы, на основании которых господарь мог издать распоряжение о нечинении препятствий в пуще, не беря предварительно никаких справок у лесничего [111].

Частные собственники не особенно страдали и от недоразумений с господарскими подданными, захватывавшими землю соседей и причинявшими им немало убытков [112]. Помимо просьбы о господарском распоряжении о прекращении набегов, по-

---

[107] ЦГАДА, ЛМ, КЗ LII, л. 2; XLVIII, л. 244.
[108] Там же, КЗ LII, л. 29.
[109] Там же, л. 30.
[110] Там же, л. 49.
[111] Там же, КЗ XLIII, л. 6.
[112] Там же, КЗ LII, л. 125.

страдавший мог ходатайствовать о возвращении ему понесенных им убытков.

Приводя в известность свои пущи, господарь стремился также разбить на волоки некоторые пущи и таким образом перейти к сельскохозяйственной культуре. По всей вероятности, это прежде всего делалось там, где оказывались свободные от леса пространства, благодаря усиленной эксплуатации пущ. Забота об осаждении сел лежала на лесничем. Осевшие крестьяне в таких случаях получали обыкновенную льготу в платежах и несении повинностей [113]. Однако и по истечении льготного срока новоселы иногда платили меньше, чем следовало. Для этой цели было необходимо возбудить особое челобитие и иметь для этого законное основание. Воляне лесничества Бельского хлопотали о полном освобождении их от платежа чинша, вследствие постигшего их градобития. Правительство сначала отпустило им только треть чинша и затем довольно скоро по другому распоряжению — половину чинша, очевидно, собрав достаточные сведения от лесничего [114]. Иногда воляне, высидев льготу, хлопотали о продолжении ее ввиду неустроенности их хозяйства. Воляне лесничества Каменецкого, указывая, что волоки еще недостаточно ими разобраны, и к тому же случившимся градобитием уничтожен весь урожай, просили, «абы ласку вчинили, а в чинше и в иных подания яку фольгу вчинили». Правительство пошло навстречу желаниям населения и освободило его от платежа половины чинша [115]. О различных льготах обращались к господарю и отдельные подданные. Господарский подданный Кандидка взял в Перстуньской пуще застенок в количестве 2 волок со льготой в платах на три года. Подданный выяснил, что в течение указанного времени он не может его «разробить» и потому не в состоянии «по выседании воли» нести положенные повинности. Поэтому он обратился к господарю с просьбой дать ему застенок на голом чинше. Господарь, узнав у лесничего, что застенок, окруженный со всех сторон частными волоками, не может быть использован для нужд скарба, удовлетворил просьбу челобитчика, заставив его платить голый чинш в размере одной копы с грошем [116]. Станислав Гуменский взял в лесничестве Перстуньском застенок, который оказалось невозможным разбить на три поля. Подданный обратился к господарю с просьбой об оставлении его за ним «по выседании воли», под условием платежа «голого чинша» [117]. Иногда случалось какому-нибудь шляхтичу, по «убожеству», сесть на волоки

[113] ЦГАДА, ЛМ, КЗ LII, лл. 39, 49.
[114] Там же, лл. 42—43.
[115] Там же, л. 56.
[116] Там же, л. 57.
[117] Там же, КЗ LIII, л. 21.

и нести стрелецкую службу. Конечно, такое положение не улыбалось шляхтичу и, естественно, он обращался к господарю с челобитием, чтобы такие волоки оставили при нем на службе земской [118].

Принятая господарем лесная хозяйственная политика особенно беспокоила жмудскую шляхту, которая на Виленском сейме 19 июня 1563 г. выступила со своими жалобами. Нового в них нет ничего в сравнении с жалобами, подаваемыми на сеймах до 1559 г. Шляхта просила господаря, чтобы «в пущах, где здавна была вольность брати дерево на будованье и на иные потребы домовые, абы и теперь не заборонено было». При этом челобитчики ссылались на листы и привилеи Сигизмунда I. Благодаря производству земельной реформы, пущи оказались разбитыми на волоки и отданы тивунам, которые мешали шляхтичам брать дерево для своих «потреб». Помимо этого, жалобщики указывали, что господарские лесничие, объезжая пущи, грабят их самих и их подданных и «зубоженье великое им чинять», вопреки их вольностям и господарским привилеям. На этом основании жмудские шляхтичи просили господаря послать лесничим соответствующие листы, чтобы они уехали из Жмуди за Неман, где бы и «пилновали», так как в данном месте находятся господарские ловы. Наконец, шляхта, ссылаясь на привилеи, просила подтверждения прав свободной ловли рыбы в озерах и реках, так как «господару его милости пожитку с того никоторого нет».

Жмудская шляхта выступила в тяжелый момент жизни Литовско-Русского государства и Сигизмунду пришлось уступить, категорически заявив, что «водле привильев ваших и его королевское милости славное памети листов пана отца своего», обыватели Жмудской земли сохраняют свободный въезд в пущи по дрова и дерево «на будованье на власную потребу вашу вам самим и подданым вашим». Удовлетворена была просьба шляхты и «о вольном уступе до озер и берегов речных для ловенья рыбы», если действительно раньше всем этим они пользовались «подле привильев и старых вольностей». И в то же время шляхте было категорически заявлено, что никакая разработка лесных товаров нигде не будет допущена. Правда, шляхта в своих челобитиях так определенно не ставила вопроса, но господарь понял ее затаенную цель и в своем ответе положил конец хозяйственным мечтаниям жмудской шляхты [119].

Подведем итоги. В ранний период истории Литовско-Русского государства леса не составляли княжеской регалии.

В господарские пущи по старине имели право входа многие

---

[118] ЦГАДА, ЛМ, КЗ LVIII, лл. 99—100.
[119] ДМАМЮ, т. I, стр. 153.

землевладельцы, мещане, господарские крестьяне, и это сначала со стороны правительства не вызывало никаких возражений.

Право входа в господарские пущи с течением времени давалось посредством пожалования.

С начала XVI в. начинается интенсивная эксплуатация правительством лесных богатств.

Техника хозяйства примитивна: правительство или за свой счет эксплуатирует лес, или отдает разработку лесных богатств частным предпринимателям.

Отдача господарских пущ для эксплуатации частным лицам привела к разного рода злоупотреблениям, и правительству пришлось принять ряд мер к охране интересов господарского скарба.

Невозможность систематического контроля и убыточность для интересов скарба и частных владельцев частной инициативы по сплаву за границу лесных товаров привели к установлению монополии на лесную торговлю.

Однако введение монополии вызвало большое неудовольствие в шляхетском сословии. Жмудская шляхта находила, что правительство произвольно стесняет право ее входа в господарские пущи, и шляхта в целом требовала отмены монополии и безмытной для шляхты торговли.

Эти просьбы были удовлетворены только отчасти. Шляхта могла свободно отправлять за границу свои лесные товары, разработанные на свой собственный счет, и, кроме того, с 1559 г. за вывезенный собственный лесной товар шляхта не платила никаких пошлин.

Ненормальности в постановке лесного хозяйства, возможные при этом злоупотребления, захват пущ частными землевладельцами — заставили правительство приступить к систематическому описанию всех великокняжеских пущ и звериных переходов.

Предпринятая ревизия преследовала: 1) определение границ господарских пущ и звериных ловов; 2) выяснение объема прав частных лиц на входы и уступы в лесах; 3) оценку той охраны, которая до сих пор применялась по отношению к лесам; 4) выяснение условий, при которых господарские пущи могли бы эксплуатироваться без «шкоды» для господарского скарба.

При производстве ревизии Воловичу оказали существенную помощь осочники, бортники, данники и другие разряды господарских крестьян.

Производство ревизии обнаружило довольно свободное обращение с господарскими пущами со стороны лиц, не имевших на это никакого права.

При производстве ревизии приходилось проверять права частных лиц на земли и входы в пущи.

Представляемые при этом документы были разнообразного характера, но немалое количество лиц не представило никаких документов, и ссылка на давность являлась только единственным основанием для владения господарским имуществом.

При производстве ревизии пущ и переходов в интересах господарского скарба отписывались на господаря частновладельческие озера, находившиеся в господарских лесах, а также приписывались к господарской пуще близлежащие частновладельческие дворы, причем владельцы соответствующих угодьев и земель получали соответствующие отмены и замены.

Первоначальная организация управления лесами носила довольно примитивный характер. Задачи управления сводились только к внешнему надзору и охране господарских пущ.

Лесная устава имела целью более удовлетворительно организовать контроль над господарскими пущами и лесным хозяйством.

Господарские лесничие назначались пожизненно самим господарем. Иногда сами шляхтичи хлопотали о получении должности лесничего.

Лесничие были только в тех пущах, где можно было «на выхованье» отвести 9 волок.

После ревизии лесное хозяйство велось по-разному: правительство держалось системы поручений, сдачи некоторых пущ частным предпринимателям или поручало разработку пущ в какой-нибудь местности одному лицу.

Принятая система лесного хозяйства теоретически не допускала отчуждения пущ в частные руки. На деле же это нарушалось. Иногда, при отдаче в заставу господарских дворов, господарские «прилеглые» пущи не входили в состав заставного владения.

После введения уставы правительство продолжало проверять права шляхты на входы и уступы. Иногда сами шляхтичи хлопотали о подтверждении своих прав, чтобы освободиться от малозаконных действий администрации.

Хозяйственные мероприятия правительства побудили жмудскую шляхту подать челобитье на Виленском сейме 1563 г. о сохранении в неприкосновенности ее прав на входы в леса. Шляхта добилась подтвердительно согласия господаря, но в основном вопросе ее постигла неудача: право эксплуатации господарских пущ осталось исключительно привилегией скарба. Частным лицам такая эксплуатация строжайше запрещалась.

Первая половина XVI в. была тяжелым моментом в жизни Литовско-Русского государства. Границы государства подвергались непрерывному натиску с двух сторон. Москва всею своею тяжестью наседала на Литву, и, временами оказывая серьезное давление, заставляла литовско-русское правительство пережи-

вать весьма неприятные месяцы и годы. Иногда натиск ослабевал. Москва по внешности делала кое-какие весьма незначительные уступки, чтобы впоследствии с новой силой и прежней настойчивостью двинуться против своего соседа.

И татары своими постоянными наездами тревожили «украинные» места. Борьба с неуловимым степным хищником была не под силу литовско-русскому правительству. Границы государства оставались почти без всякой систематической обороны, и правительству приходилось задабривать перекопского хана и посылать ему почти ежегодно дорогостоящие упоминки.

Борьба с Москвой и отношения с татарами потребовали весьма сильного напряжения господарского скарба. Между тем, состояние последнего было далеко не блестящим. Текущие поступления оказывались совершенно недостаточными для удовлетворения стоявших на очереди потребностей. Правительство было вынуждено прибегать к экстренным сборам, но последние оказывались уже недостаточными. Убедившись в невозможности пополнить скарб текущими поступлениями и экстренными податками, литовско-русское правительство обратило особенное внимание на господарские дворы и волости как на главные источники скарбовых доходных статей.

Литовско-Русское государство уже в XV в. вело весьма оживленную торговлю со своими соседями. Но к концу XV в. два торговых направления — северо-восточное и крымско-днепровское теряли свою силу и значение. Одновременно усиливался товарообмен с Западной Европой, и в первой половине XVI в. последний приобрел доминирующее значение. Хозяйственная жизнь Великого княжества была крепкими нитями связана с Западной Европой.

Направление внешних торговых путей и развитие заграничного товарообмена оказали известное воздействие на экономическую политику литовско-русского правительства. Насаждение в Литве магдебургского права и его распространение на главные торговые центры, предоставление отдельным городам права на безмытную торговлю по всей территории Литовско-Русского государства имели в виду оживление как внутреннего, так и внешнего товарообмена. Но такая пассивная экономическая политика была целесообразна только первое время, пока не установились и не окрепли торговые связи. С развитием товарообмена таможенные льготы и преимущества становились для государства убыточными, и интересы последнего требовали их отмены. И правительству приходилось радикально изменить направление своей таможенной политики. Лишенное возможности отменить привилегии иммунистов, правительство опубликовало новый таможенный тариф, действие которого распространялось и на старых иммунистов.

Экономическая политика литовско-русского правительства вызывала со стороны литовско-русской шляхты вполне отрицательное отношение. Желая ее изменения, шляхта на сеймах 50—60-х годов добилась существенных льгот, которые в значительной степени должны были уменьшить таможенные поступления в господарский скарб.

Стесненное положение господарского скарба заставило литовско-русское правительство позаботиться об увеличении производительности господарского дворового хозяйства в целях поднятия его доходности. Прежняя хозяйственная политика, когда хозяйство велось, а податки собирались по старине, в начале XVI в. не могла удовлетворить литовско-русское правительство. Она нуждалась в радикальной перемене, но правительство не сразу решилось на разрыв со стариной. Хозяйственные уставы первой половины XVI в. не столько были руководством для ведения более интенсивного сельского хозяйства, сколько наказами для провинциальных администраторов, регулировавшими их деятельность по заведыванию господарскими дворами и определявшими повинностные отношения населения как к господарскому скарбу, так и к самим урядникам. Формы крестьянского землевладения оставались в неприкосновенности. Эта характеристика хозяйственных устав одинаково применима как по отношению к западным, так и к восточным волостям.

Итоги такой хозяйственной политики были довольно печальны, но зато ее неудача отчетливо указывала на необходимость постановки всего дворового хозяйства на совершенно иных основаниях. Аграрная реформа второй половины XVI в. и должна была удовлетворить этому требованию, подсказанному самой жизнью. Благоприятная экономическая конъюнктура, усиление товарообмена с Западной Европой, покупавшей литовско-русское сырье, заставляло правительство не медлить с реформой.

Аграрные мероприятия Сигизмунда-Августа нанесли решительный удар старине. Они уничтожили старые формы крестьянского землевладения и землепользования. Они фиксировали повинности населения по отношению к господарскому скарбу. Они пытались под влиянием создавшейся для княжества весьма благоприятной экономической конъюнктуры увеличить производительность дворового хозяйства.

Попытки создать новые аграрные отношения в отдельных дворах предпринимались правительством еще при Сигизмунде I. Но систематическими такие мероприятия стали предметом исключительного внимания правительства не раньше начала второй половины XVI в. Первоначально аграрная реформа только коснулась западных волостей, и к 1569 г. главные дворы были измерены на волоки. В восточных волостях пока ограни-

чились только установлением платов, а волочное измерение началось не раньше конца XVI в.

Аграрная реформа Сигизмунда-Августа выдвинула на очередь и вопрос об изменении постановки лесного хозяйства, продукты которого сплавлялись за границу, к Гданску. Описание лесных пущ и звериных переходов, предпринятое литовско-русским правительством, и издание лесной уставы являлись естественным следствием планов правительства по упорядочению лесного дела.

Часть III

АГРАРНАЯ РЕФОРМА И ЛИТОВСКО-РУССКОЕ ОБЩЕСТВО

X. АГРАРНАЯ РЕФОРМА И ШЛЯХЕТСТВО

Протесты шляхты на великих вальных сеймах 1551—1569 гг. Ответы на них господаря. Проверка прав на землю. Восстановление шляхетства. Производство отмены. Шляхетские челобития: о наделении отменой, о дополнительной и новой отменах, о подтверждении шляхетства, о неизмерении на волоки шляхетских земель, о наделении землей, о корчмах, ярмарках и устройстве местечек. Мена господарскими имениями на частновладельческие и наоборот. Недоразумения шляхтичей-землевладельцев с волостным населением. Отношение господаря к шляхетским челобитиям. Итоги.

Аграрная реформа была встречена привилегированными слоями населения крайне враждебно. Впрочем, другого отношения к реформе не могло и быть. Волочная устава, преследуя уравнение «господарских кгрунтов», требовала округления имений для уничтожения вредной в хозяйственном отношении чересполосицы, и с этой целью шляхетские земли приписывались к господарскому двору. Правда, волочная устава предписывала своим агентам давать в таких случаях «отмену слушную», «ровно ярким кгрунътом возьметь, и колько таких, и так много отъдати» [1]. Но при требовании отмены необходимо было представить соответствующие документы, подтверждавшие права того или другого шляхтича на землю. В противном случае если обнаруживалось, что земля находится во владении без соответствующего оправдательного документа, то таковая немедленно отбиралась, измеривалась на волоки и раздавалась господарским подданным. Конечно, за держателями земли оставалось право вчинять иски по поводу незаконного отобрания земли и доказывать всеми законными средствами свое право владения ею. «Поравнение кгрунтов» имело в виду интересы господарского скарба. Поэтому к господарскому двору приписывались те земли, которые были «ку которому двору ближей а споруч» [2].

[1] РИБ, т. XXX, Устава, арт. 29.
[2] Там же.

Сплошь и рядом такое «прилучение» земель существенным образом задевало земельные интересы шляхетского сословия, вызывало в нем крайнее недовольство, хотя бы за отнятые земли, и была дана соответствующая «ровная и слушная» отмена.

Устава на волоки предусматривала возможность сопротивления со стороны шляхты в виде отказа в принятии отмены, данной господарскими агентами. В таких случаях отмена все равно давалась и записывалась в урядовые книги, а землевладельцу-шляхтичу предоставлялось право обжаловать постановление ревизора, сделанное совместно с местным державцем [3].

Помимо этого, ревизоры должны были смотреть «абы нихто з шляхты и подданных нашых в пущах на властных кгрунтех нашых проробъков не чынили и никак не пърывлащали» [4], и, конечно, это тоже задевало интересы шляхты.

Но реформа задевала интересы шляхетского сословия не только с одной материальной стороны. С проверкой прав на землевладение соединялась и проверка прав на шляхетство. Если последние были под сомнением, и шляхтич не мог представить соответствующих документов, категорическим образом подтверждавших его шляхетство, то это грозило ему потерей шляхетства и превращением в господарского подданного, в состоянии которого он оставался до тех пор, пока не представлял оправдательных документов на шляхетство и не доказывал его соответствующим образом. По всей вероятности, эта сторона реформы для шляхты была гораздо больнее и существеннее, чем только одна проверка прав на землю.

Аграрные мероприятия правительства совпали с весьма важным моментом в истории внутренних отношений в Литовско-Русском великом княжестве.

Государство переживало серьезный кризис. По всей линии шла ожесточенная борьба за влияние и власть между «высшими и низшими странами» шляхетского сословия. Затруднительные внешние отношения, стремление правительства довести дело унии до желательного конца заставляло Сигизмунда-Августа собирать почти ежегодно «великие вальные сеймы», ставшие местом борьбы шляхетской демократии не только за усиление своего политического веса и влияния в княжестве, но также и с аграрными мероприятиями правительства. Нельзя отказать литовско-русской шляхте, прекрасно понявшей стесненное положение своего правительства, в известной настойчивости в достижении своих целей. Но с другой стороны, и правительство обнаруживало значительную стойкость и упорство и не соглашалось ни на какие существенные уступки шляхте, вполне со-

---

[3] РИБ, т. XXX, Устава, арт. 29.
[4] Там же.

знавая законность и целесообразность своих аграрных мероприятий.

Едва приступили к аграрной реформе — еще даже не была составлена волочная устава — как шляхта спешит с выражением своего протеста и недовольства. На втором Виленском сейме — в 1551 г.— шляхта предъявила Сигизмунду-Августу требование, чтобы при производстве волочного измерения, шляхта «листов на именья и на земли перед мерьчими волочными не покладала» [5], мотивируя свое требование тем, «иж для тых листов немало земель шляхетских у волоки господарьские померено, а отмены не даны» [6]. Не успели приступить к волочному измерению в Жмудском старостве, как жмудская шляхта, воспользовавшись третьим Виленским сеймом, собравшимся в ноябре 1554 г., спешит выразить протест, очевидно, с намерением затормозить осуществление задуманной реформы. Представители жмудской шляхты выступили с требованием сохранения неприкосновенности земельной собственности, «яко в привильи вашом описано». Одновременно ими было заявлено об «утисненьи через померу волочную имений ваших и о допытываньи привильев на шляхетство и теж о побранье земль и людей в померу волочную, за што, мените, отмены не дано» [7]. Вместе с тем, представители жмудской шляхты жаловались и на господарских померчих, от которых шляхта получает только одни «кривды и шкоды великие быти за неотданьем отмены за земли ваши». Представители интересов шляхты, впрочем, не скрыли от правительства того факта, что некоторые из землевладельцев получили следуемую по праву отмену, но с этой целью приходилось мерчих задабривать и в таком размере, «яко бы теж знову тые земли свои куповати мели» [8]. По мнению тех же представителей, самые приемы осуществления правительственной аграрной политики являлись нарушением местных прав и вольностей, так как «на померенье волок и на ревизию» были отправлены не туземцы [9]. Не довольствуясь всеми этими жалобами, представители Жмуди попытались еще раз бросить тень на господарских агентов, усомнившись в их добросовестности. Они указывали, что «померчие некоторые болота и леса никчемные волоки померили «для властных доходов своих, которые господарю его милости никоторого пожытку вчинити не могуть». А между тем, померчие требовали, «абы есте за то им платили от кождое волоки по десяти грошей» [10].

---

[5] АЗР, т. III, № 11, арт. 25.
[6] Там же.
[7] Там же, № 13, разд. II, арт. 3.
[8] Там же, арт. 4.
[9] Там же, арт. 6.
[10] Там же, арт. 19.

Впрочем, жалобы шляхетских депутатов не изменили аграрной политики правительства и не остановили осуществления задуманной реформы, вообще проводимой правительством с большой настойчивостью, столь неприятной для привилегированного сословия. Ответ правительства на эти требования, однако, не успокоил шляхту. На Виленском сейме 1559 г. вся шляхта снова требовала, чтобы ей была дана отмена за отобранные земли [11] и чтобы эта отмена была подтверждена господарскими листами. Конечно, такое требование являлось вполне законным и целесообразным, раз правительственные агенты нарушили господарские распоряжения. Но, требуя отмены вообще, шляхта, быть может, надеялась вырвать у господаря согласие на это, а потом, опираясь на великокняжеское слово, потребовать отмены и за земли, на право владения которыми у шляхты не было никаких документов. На этом же сейме снова выступила со своими требованиями и жмудская шляхта. Ее положение было благоприятнее, чем собственно литовской шляхты. Уставная грамота охраняла права населения и благодаря ей под видом отстаивания местных прав, на которые никто не посягал, представители жмудской шляхты надеялись достичь желаемых разультатов. С этой целью они ходатайствовали перед Сигизмундом-Августом о подтверждении их прав и вольностей [12]. Впрочем, сознавая недостаточность своего ходатайства для противодействия аграрной политике правительства, представители шляхты вторично предъявили правительству требование, «абы привильев, твердостей на отчизны свои, перед ревизором не покладали, а за кгрунты ваши у волоки побраные, абы отмена дана, и с тое отмены абы вже рушоны не были» [13].

Сознавая отчасти юридическую необоснованность своего требования, защитники интересов шляхты сочли нужным довести до сведения господаря о неправильных действиях ревизоров, так как ими «именья шляхетские на волоки померены», а сама шляхта посажена на землю «на плат» [14]. Конечно, это требование являлось вполне законным, раз господарские агенты действительно своими действиями наносили серьезный ущерб шляхетским интересам.

Протесты шляхты, несмотря на ее настойчивость, не остановили аграрной реформы и не изменили приемов правительственной аграрной политики, несмотря даже на то, что внешнеполитическое положение Литовско-Русского государства было весь-

---

[11] АЗР, т. III, № 24, разд. II, арт. 12.
[12] Там же, арт. 9.
[13] Там же, арт. 12.
[14] Там же, арт. 13.

ма серьезным и правительство нуждалось в сотрудничестве и поддержке широких слоев шляхты. Конечно, последняя учитывала свое политическое значение и затруднительное положение правительства, но в то же время она убедилась в бесполезности прежней непримиримой тактики по отношению к аграрной политике правительства. Отказываясь от прежней тактики, шляхта хотела воспользоваться данным моментом только лишь для защиты своих интересов, существенно задетых аграрной политикой правительства.

Выразителем недовольства шляхты явилась шляхта жмудская, несомненно самая оппозиционная. На Виленском сейме 1563 г. она выступила с рядом требований, удовлетворение которых должно было вознаградить шляхту за понесенный ущерб. Так, жмудские депутаты потребовали от правительства, чтобы «убогая шляхта», земли которой были померены на волоки, оставалась «при почтивостях и кгрунтех вроде стародавного обычаю» и «с того службу земскую его кролевской милости служили» [15]. Но так как шляхетские мелкопоместные имения были измерены на волоки без дачи соответствующей отмены, и этот факт жмудская шляхта признавала вполне законным, то, очевидно, убогая шляхта не имела никаких документов на шляхетство, и потому несение военной службы едва ли являлось ее правом, Ссылка же на «стародавние обычаи», конечно, не могла иметь никакого значения там, где требовалось документальное доказательство своего права. Но в других требованиях шляхты видно полное примирение с политикой правительства. Шляхта лишь скромно просила о разрешении ей «в пущах, где здавна была волность, брати дерево на будованье и на иные потребы домовые», так как вопреки господарским привилеям ревизоры измерили пущи и теперь туда никого не впускали и не позволяли брать «дерева на потребы» [16]. Исходя из нарушения господарских привилеев, шляхта ходатайствовала о восстановлении нарушенного права и просила, чтобы «господар его милость росказати рачил дати листы до лесничых жебы они з Жомойти выеждчали... а там за Немном, где суть ловы господарские, пилновали» [17]. Помимо этого, та же шляхта жаловалась на медленность действий правительственных агентов при давании отмены и просила, чтобы «кром волокиты и накладу отмены отдавано» [18]. Если же при этом случилось бы, что мерчие и ревизоры уедут, и «слушная отмена не будет дана», то таковая должна быть дана, по мнению жмудской шляхты,

[15] ДМАМЮ, т. I, стр. 153, арт. 5.
[16] Там же, арт. 6.
[17] Там же.
[18] Там же, стр. 152, арт. 4.

старостой Жмуди. Наконец, шляхта предусматривала возможность осуществления аграрных мероприятий правительства в момент пребывания шляхты на военной службе. Считая свое отсутствие невыгодным и неудобным для себя, шляхта просила господаря отдать распоряжение, чтобы «ревизорове и мерники помери перестерегали и кгрунтов ваших не забирали и границ новых не чинили»[19]. Таким образом, шляхтой были высказаны всевозможные требования и пожелания, которые, казалось, исчерпывающим образом защищали ее сословные интересы. Вполне, поэтому, понятно, что на сеймах 1553—1567 гг. шляхта, занятая осуществлением своей политической программы, не поднимала вопроса об аграрной политике правительства. Исключением являлось ходатайство упитской шляхты на Гродненском сейме 1568 г. «абы его королевская милость мерчим або ревизорам не рачил казати кгрунтов... шляхетских у волоки его милости господарские забирати». В то же время шляхта настаивала, чтобы «первей отмена слушная дана была», и повторила еще при этом просьбу дать «отмену слушную» тому, кому она еще до сих пор не дана была»[20].

Наконец, на Люблинском сейме 1569 г. шляхта еще раз заявила о необходимости дать отмену «за кгрунты шляхетские у волоки короля его милости забраные»[21]. Это были последние отголоски противодействия шляхты аграрной политике правительства, решительно отказавшейся от своего первоначального требования — «не даванья листов» на земли и только скромно просившей об отводе следуемой тому или другому шляхтичу отмены.

Шляхетские заявления, повторявшиеся чуть ли не на каждом вальном сейме с момента первых шагов к осуществлению задуманной аграрной реформы, в общем не оказали почти никакого влияния на аграрную политику правительства, несмотря на то, что последнее весьма сильно чувствовало свою зависимость от широких слоев шляхетства. Шляхта не успела или, вернее, не смогла предотвратить аграрные мероприятия правительства. Волочное измерение, хотя и медленно, но все-таки постепенно производилось. Такая настойчивость правительства вполне понятна, поскольку сама реформа являлась следствием новых экономических отношений в стране и должна была удовлетворить настойчивой потребности государства в пополнении господарского скарба металлической монетой. Помимо этого,все требования шляхты не имели под собой решительно никакого юридического основания. Господарь имел совершенно законное

[19] ДМАМЮ, т. I, стр. 152, арт. 4.
[20] Там же, стр. 491, арт. 5.
[21] Там же, стр. 499, арт. 7.

право дать отрицательный ответ на всю шляхетскую аргументацию и в то же время ничем не нарушить действующего права. Прежде всего, аграрная реформа касалась только одних господарских имений. Какой бы хозяйственной политики ни держался господарь в своих имениях, до этого литовско-русской шляхте не было решительно никакого дела. Конечно, шляхта понимала выгодную позицию правительства и прямо против аграрной политики не пыталась возражать. Требование господарем листов «на имения и земли» было по существу вполне законным и нисколько не посягало на полноту шляхетских прав, ибо теоретически собственником всей земельной территории оставался господарь, лишь отдававший в частное пользование господарские земли и, следовательно, имевший совершенно законное основание требовать представления оправдательных документов на право владения землей. Сознание правоты своих действий, осуществляемых на законном основании, и сказалось в ответах господаря оппозиционному шляхетству. В ответах господаря на сейме 1551 г. шляхте было категорически заявлено, что не ее дело вмешиваться в его хозяйственные распоряжения, ибо «тую померу волочную на своих землях и на своих подданых постановити рачил, для размноженья пожитков своих господарьских, што есть вольно его милости учинити» [22], господарь указывал далее на то, что и шляхтичи были вольны предпринимать в своих имениях, что им угодно, и господарь не вмешивался в их хозяйственные распоряжения. Этот категорический ответ Сигизмунда-Августа, несомненно, умерил пыл шляхетства, сделав язык его требований более умеренным, а поведение на сеймах более корректным. Заявив о своем господарском нежелании причинять какую-нибудь «шкоду» шляхте и о данном распоряжении, чтобы мерчие обязательно давали соответствующую отмену в случае отобрания к господарскому двору шляхетских земель, и что, пока это не сделано, частновладельческие земли не могут быть розданы господарским подданным, господарь, однако, настаивал на своем полном праве — размерить на волоки земли тех лиц, которые не представят документа — данины, или если обнаружится «ижьбы ему до воли господарьское были даны, альбо естли бы у слуг путных, альбо у людей тяглых, альбо у татаров без дозволенья господарьского купил» [23]. Несомненно, и сама шляхта сознавала незаконность предъявленного господарю требования. Недаром она просила «заховать» по старому обычаю все «пожытки», которые шляхта имела «у волостях вашей королевской милости от предков вашой милости надан-

---

[22] АЗР, т. III, № 11, арт. 25.
[23] Там же.

ных»[24], имея, по всей вероятности, скрытое желание этой просьбой прикрыть незаконный захват земли и незаконное владение сделать законным. Господарь прекрасно понял уловку шляхты и не без остроумия отказал ей в ее просьбе, сказав при этом, что нельзя давать какого бы то ни было ответа на это ходатайство, «бо той прозьбы, откуль ся починает и к которому ся коньцу стегает, вырозумети не может, яко тое прозьбы, которая есть закрытыми словы описана»[25]. Если же шляхта недовольна действиями мерчих, у нее остается право апелляции к самому господарю[26].

С таким же сознанием своего права были даны господарем ответы жмудской шляхте и на сейме 1554 г. Ответы были совершенно уничтожающего характера. Можно сказать, что от «шляхетской аргументации» не осталось камня на камне. Так, на жалобы жмудской шляхты о нарушении «земской уставной грамоты», господарем был дан ответ в том духе,— что он решительно не видит в действиях правительства нарушения жмудских прав, ибо посланные «ревизоры и померчие не суть врядники жадные». Кроме того, господарские распоряжения касаются не шляхты, но одних только тяглых людей. Помимо этого, их действия имеют целью увеличить наличность господарского скарба, они справляют «пожитки скарбу его королевской милости»[27]. Если же кто-нибудь оставался недоволен какими бы то ни было действиями ревизоров и померчих, то он имел право жаловаться центральному правительству. В жалобе необходимо было указать лицо, коим жалобщику была нанесена какая-нибудь «кривда»[28]. Так ответил господарь на обвинение правительственных агентов в подкупе. В ответ на заявление жмудской шляхты о злоупотреблениях правительственных агентов при проведении в жизнь аграрной реформы, господарь решительно заявил, что шляхте до этого ровно нет никакого дела, «иж то есть речь властная до скарбу его королевской милости належачая»[29], чем и был положен предел всякого рода заявлениям и ходатайствам в этом направлении. Ответы Сигизмунда-Августа на сеймах 1551 и 1554 гг. были настолько определенны и так проникнуты сознанием правоты своих действий, что литовско-русской шляхте, и в частности жмудской, пришлось несколько поумерить свое раздражение и заговорить уже языком не властного сословия, выступившего

[24] АЗР, т. III, № 11, арт. 26.
[25] Там же.
[26] Там же, арт. 25.
[27] Там же, № 13, разд. II, арт. 6.
[28] Там же, арт. 4.
[29] Там же, арт. 19.

на защиту нарушенного права и попранной законности, а тоном просителя господарских милостей.

С переменой занятой шляхтой позиции меняется и тон ответов господаря. Заметно стремление со стороны последнего идти навстречу желаниям шляхты, если только последние действительно имели под собою вполне законные основания. Так, господарь, не желая, чтобы «шляхте через мерчих утиск был в неотдании отмены за земли их», распорядился дать отмену всем тем, кто ее до сих пор не получил. С этой целью господарским агентам были посланы из господарской канцелярии листы с требованием, «абы отмены не задерживали отдавати»[30]. Когда же отмена будет дана, то таковая будет утверждена господарскими листами. То же было сказано в ответ и жмудской шляхте. Впрочем, по отношению к последней были сделаны некоторые уступки: господарь разрешил ей предъявлять документы на право владения землей не перед ревизорами, а исключительно перед жмудским старостой, как представителем и защитником интересов земли и населения[31].

Зато та же шляхта потерпела полное поражение по вопросу об измерении на волоки земель «убогой» шляхты и об обложении ее чиншами. Господарь предоставил право потерпевшим лицам подавать заявления о неправильном обложении жмудскому старосте, который должен был доводить до сведения господаря о имеющих место злоупотреблениях. Господарь же, приняв к сведению сообщенные старостой факты, «учинит с тым, што ся слушного и справедливого его милости видети будет»[32].

Как известно, жмудская шляхта выступила со своими требованиями и на сейме 1563 г. В общем, это выступление нельзя было не признать чрезмерно скромным. Шляхта только добивалась и получила согласие, чтобы староста жмудский давал отмену в том случае, если таковая не будет дана мерчими и ревизорами. Впрочем, это согласие не вносило ничего нового, так как, по словам господаря, с самого начала реформы по всему государству было издано предписание, «жебы мерчие кгрунтов ваших у померу волок наших не забирали, алиж выморкговавши и отмену слушную за них давши»[33]. Что же касается просьбы шляхты о сохранении права входа в королевские пущи, согласно господарским привилеям, то, идя по стопам своих предшественников, Сигизмунд-Август разрешил въезд в пущи только «по дрова и по дерево на будованье на власную потребу

---

[30] АЗР, т. III, № 24, разд. I, арт. 13.
[31] Там же, разд. II, арт. 12.
[32] Там же, арт. 13
[33] ДМАМЮ, т. I, стр. 152, арт. 4.

вашу вам самым и подданым вашим», однако со строгим запрещением какой бы то ни было разработки господарских пущ [34]. Кроме того, за жмудской шляхтой по привилеям оставалось право ловли рыбы в озерах и реках [35]. Точно так же шляхта получила утвердительный ответ от господаря на просьбу, чтобы во время выезда на службу не производилась волочная помера [36]. Наконец, на Гродненском сейме 1568 г. господарь удовлетворил просьбу шляхты относительно предварительного указания отмены, так как, по словам господаря, эта просьба нисколько не противоречит господарским постановлениям относительно волочной померы [37].

Таким образом, ни литовская шляхта вообще, ни жмудская — в частности, не добились самого главного — отказа господаря от проверки прав на землю. А ведь это было самым существенным из всего того, чего они добивались и к чему они стремились.

Все уступки, сделанные господарем жмудской шляхте, касались второстепенных вопросов и по существу ничего не давали ей, только убаюкивали ее тем, будто бы она в конце концов своими энергическими действиями добилась неприкосновенности и защиты своих имущественных прав.

Общеземские привилеи оставляли за шляхетским сословием те земельные пожалования, которые оно получило от предшествовавших государей, если только держатели земли могли представить соответствующие документы. Так, привилей Казимира Ягеллончика укреплял за шляхтой наследственные владения как собственные, так и пожалованные прежними великими князьями литовскими: «patrimonialia seu ipsis data siue donata per praeclarum principem dominum Alexandrum alias Vitoudum diuae memoriae antecessorem et patrum nostrum carissimum, ac donationes per illustrem dominum Sigismundum ets. donatas et factos, quas tenentes, habentes et possidentes de eorum donationibus, priuilegio legitimo et sufficienti ac congruo testimonio testium vel munimine litterarum potuerint pobare et docere, pari iure obtineant, sicut principes barones, nobiles, et ciues regni Poloniae sua noscuntur obtinere» [38].

Привилей великого князя Александра, данный им при вступлении на престол, подтверждал вышеприведенную статью привилея 1447 г., распространяя свое подтверждение и на пожало-

---

[34] ДМАМЮ, т. I, стр. 153, арт. 7.
[35] Там же, стр. 154.
[36] Там же, стр. 152.
[37] Там же, стр. 491.
[38] М. К. Любавский. Очерк истории Литовско-Русского государства..., стр. 305, арт. 6.

вание своего отца, великого князя Казимира [39]. Если великий князь Казимир дал кому-нибудь земельное пожалование «ad arbitrium et voluntatem suam», то такое остается у держателя в пользовании «до воли и ласки господарской». При вступлении на престол Сигизмунда I, им был издан подтвердительный привилей. Он безусловно подтверждал все предыдущие пожалования, если только держатели могли представить соответствующие документы [40]. Кроме того, привилей Сигизмунда I вносил и некоторые новшества. Так, он допускал возможность укрепления имения за данным лицом, если даже последнее и не могло представить документальных данных на право владения землей. Для этого привилей требовал доказательства своего права владения посредством «testimonio fidei dignorum»; если ими будет доказано, что этими землями мирно (pacifice) владели его отец или предок, то земельное пожалование закрепляется за держателем. Такие «безпривильныя» пожалования должны были быть не старше времени Витовта и не моложе эпохи Казимира [41]. Литовский статут 1529 г. не внес в этом отношении ничего нового. Наконец, при вступлении на престол Сигизмунда II, был издан новый привилей, которым подтверждались статьи ранее опубликованных привилеев. Кроме того, подтверждалась статья привилея Сигизмунда I о способах укрепления земли, на которую держатели не могли представить соответствующих документов [42].

Таким образом, только то землевладение было законно, относительно которого имелись оправдательные документы, или держатели свидетельскими показаниями могли доказать свое родовое право на владение той или другой земельной собственностью. В противном случае владение оказывалось незаконным. Трудно, конечно, выяснить, в каком размере господарские земли расхватаны были шляхтой без всякой данины. Точно так же нельзя выяснить, какое количество земель перешло к шляхте посредством покупки, без соответствующего господарского разрешения. Можно только предположительно говорить о большой распространенности такого захватного землевладения, размеры которого должна была обнаружить аграрная реформа. Такое положение заставило шляхту настаивать на непредъявлении соответствующих документов на право владения перед господарскими мерчими и ревизорами, что, впрочем, она делала и раньше. Когда молодой Сигизмунд-Август, по вступлении на престол, задумал принять ряд мер для приведения обороны

---

[39] М. В. Любавский. Очерки истории Литовско-Русского государства..., стр. 311, арт. 22.
[40] Там же, стр. 313, арт. 2.
[41] Там же, стр. 313, арт. 5.
[42] Там же, стр. 332, арт. 19.

страны в надлежащее состояние, то было решено приступить к ревизии пограничных замков. Однако эта ревизия должна была иметь несомненно бóльшее значение. Ее задачи и цели не могли ограничиться исключительно заботами правительства об обороне страны. Наоборот, эти заботы об обороне заставили правительство проверить права шляхты на землю, выяснить, какой процент земель захвачен шляхтой, определить, насколько шляхетские военные повинности соответствуют действительному состоянию шляхетского землевладения. Эти ревизии, преследуя исключительно военно-финансовые цели, конечно, никакого отношения не имели к тем ревизиям господарских имений, которые были предприняты под влиянием задуманной аграрной реформы [43]. Тем не менее, они довольно отчетливо выясняют действительное отношение шляхты к такого рода мероприятиям правительства, где прямо или косвенно были задеты земельные права шляхты. При более же близком знакомстве с источниками становится понятным и самое настроение шляхетского сословия. Воспользуемся для нашей цели ревизией замков на Волыни в 1545 г. [44] Внешняя история хода ревизии уже была описана Яблоновским и М. В. Довнар-Запольским в его «Очерках по организации западно-русского крестьянства в XVI в.».

Отметим, что волынская шляхта отнеслась крайне враждебно к требованию правительства предъявлять перед правительственными агентами «твердостей яко на места, так и на имения» [45]. В этом отношении волынская шляхта проявила удивительную солидарность и прибегала ко всевозможным уловкам, чтобы как-нибудь оттянуть представление требуемых «твердостей на имения и на места». Ревизорское описание дает немало данных о причинах такой солидарности и о нежелании шляхты исполнить господарскую волю. Так, при производстве описей замков обнаружилось, что волынская шляхта самовольно устроила новые мыта, чем наносила существенный ущерб господарскому скарбу и местному населению. Поэтому «войтове, бурмистры, радцы и вси мещане мест его милости луцкии и

[43] М. В. Довнар-Запольский держится противоположного мнения в своем труде «Очерки по организации западно-русского крестьянства в XVI в.». Однако М. К. Любавским были высказаны против этого взгляда основательные возражения в его академической рецензии на вышеназванный труд. Но, с другой стороны, и взгляд М. К. Любавского, по нашему мнению, не совсем верен. Конечно, ревизии 1545 г. никакого отношения не имеют к ревизиям в связи с волочной померой. Преследуя военно-финансовые цели, однако, они могли выяснить наличность господарского землевладения и косвенно дать кое-какой материал для подготовительных работ по проведению в жизнь реформы 1557—1558 гг.

[44] Źródła dziejowe, t. VI. Rewizja zamków Ziemi Wołyńskiej w połowie XVI wieku. Wydał i szkicem historycznym poprzedził A. Jabłonowski, Warszawa, 1877.

[45] Rewizja zamków..., str. 4.

владимирские» подали жалобы на князей и панов, что они во многих местах, местечках и своих имениях устроили без разрешения торги и мыта и прямо-таки грабят население. А между тем, раньше этих мыт не было [46]. Указывалось также и на другие действия шляхты, коими нарушалось действие привилеев Александра и Сигизмунда. При этом был представлен и список лиц, самовольно введших новые мыта [47]. Опрошенные ревизорами шляхтичи утверждали, что новые мыта они ввели или на основании господарских привилеев, или таковые уже существуют с давнего времени. Однако они отказались предъявить соответствующие документы, намереваясь предъявить их на каком-нибудь сейме перед лицом самого господаря [48]. Ревизоры признали, что такой образ действий со стороны волынской шляхты приносит большой ущерб господарским подданным и далее не может быть терпим [49]. Вообще, между луцкою шляхтою и луцкими мещанами на почве нарушения шляхтой различных прав мещан, были сплошные недоразумения, с чем, конечно, не могли мириться ни само правительство, ни мещане [50], у которых шляхтичи отнимали землю, захватывали дома и пляцы в городах, не обнаруживая при этом намерения принять участие в несении мещанских повинностей. Недовольны были поступками шляхты и луцкие евреи. Князь Матвей Четвертинский самовольно засыпал став, благодаря чему еврейское кладбище оказалось разрытым [51]. Если этот поступок князя не приносил непосредственного ущерба господарскому скарбу, то укрывательство князем мещан и ремесленников, конечно непосредственно задевало интересы городской общины и, следовательно, интересы господарского скарба [52]. Злоупотребления со стороны луцкой шляхты шли еще дальше. Захватывая мещанские земли и пользуясь ими, она при этом не всегда располагала соответствующими документами на право владения. Правда, панна Дахновая, захватившая фольварк около города, представила ревизору соответствующие документы, но последний не решился самостоятельно разрешить этот спорный вопрос: очевидно, документы были не вполне надежного характера. Ревизор отложил разрешение этого спорного дела и представил его на усмотрение господаря, чтобы последний так или иначе разрешил это дело. Любопытно, что ревизор счел возможным перенести спорное дело на рассмотрение господаря только потому, что панна

---

46 Rewizja zamków..., str. 59.
47 Там же, стр. 61.
48 Там же, стр. 64.
49 Там же, стр. 65—66.
50 Там же, стр. 67—69.
51 Там же, стр. 71.
52 Там же, стр. 73.

Дахновая «не смотречи на инших недбалость и непослушенство, таковую повольность на листу и росказанье вчинила и листы свои перед нами вказала»[53]. Изучая состояние господарских замков, ревизору пришлось познакомиться с состоянием дворового господарского землевладения, а также и с повинностями сельского населения. Это ознакомление должно было точно установить имеющуюся наличность господарского землевладения на Волыни и выяснить степень расхватанности последнего. Выяснить это было трудно. Шляхта отказывалась предъявлять «твердости» на землю. Незначительное число оставшихся на Волыни господарских сел и упорное нежелание шляхты предъявить ревизорам соответствующие документы, заставляют предполагать, что шляхта расхватала господарские земли и поэтому, из боязни отобрания, обнаруживала удивительную стойкость в своей оппозиции мерам, предпринимаемым правительством. В противном случае для шляхты не имело смысла держать себя так вызывающе по отношению к органам центральной власти. И только показания господарских крестьян о захвате шляхтой отдельных угодий ясно обнаружили, почему шляхта так упорно отстаивала непредъявление листов на землю[54]. Правда, луцкий староста представил ревизору реестр земель, розданных шляхте предшественниками Сигизмунда I, но этот реестр, не оправданный никакими документами, указывал на факт владения, но не выяснял источника происхождения этого владения[55]. Поэтому приходится сомневаться в том, насколько были правильны сведения, представленные луцким старостой. И ревизор был совершенно прав, когда, не доверяя сведениям, полученным от старосты, стал сам собирать соответствующие данные о выслугах, попавших в держание шляхты. Правда, это был способ весьма несовершенный. Больше приходилось судить по слухам, чем на основании конкретных данных. Но и тут ревизору удалось убедиться, что Хреницкий держит Хреницы и еще четыре села неизвестно каким обычаем[56]. А сколько оказалось бы таких держателей, если бы шляхта представила «твердости» на земли!

Господарский ревизор Лев Потей встречен был кременецкой шляхтой весьма нелюбезно. Она не желала съехаться по требованию ревизора и вообще игнорировала его распоряжения, хотя они делались от имени господаря[57]. Особенно упорной оказалась знать. Проверка господарских сел обнаружила, что часть их попала в руки титулованных магнатов на правах «выслуги»,

[53] Rewizja zamków..., str. 74.
[54] Там же, стр. 77.
[55] Там же, стр. 83.
[56] Там же, стр. 86.
[57] Там же, стр. 91—92.

но все эти княжата отказались представить соответствующие документы [58]. Кроме того, они владели частью господарских сел и на правах «купли», но насколько такая покупка была законна, установить без проверки прав на землю было совершенно невозможно [59]. Кроме того выяснилось, что магнаты сильно притесняют мещан и устроили новые мыта, не имея для этого никакого основания [60]. Словом, ревизору представилась картина, сходная с положением дела в Луцком повете. Аналогична была обстановка и в Винницком повете. Земли оказались в руках частных владельцев, и происхождение этого владения нельзя было установить. Зато держатели господарских земель не допускали ревизора вмешиваться в их хозяйственные дела. Когда последний пожелал составить инвентарь господарского имения Вонючин, бывшего в держании пана Семена Кепитича, то последний не допустил ревизора до этого, заявив, что инвентарь уже составлен им самим и отправлен господарю [61]. И брацлавская шляхта не предъявила листов на землю, да, кажется, ревизор их и не требовал. А между тем, земельные отношения так здесь перепутались, что трудно было узнать и различить, где господарское, где земянское владение, где владеют казаки и мещане, ибо и они не желали показывать «твердости» на землю. Данные, собранные ревизорами на Волыни, дали очень мало в смысле поземельного кадастра. Опираясь на них, нельзя было осуществить никакой реформы. Но в некотором отношении они оказались весьма небесполезными для правительства и несомненно повлияли на кое-какие его распоряжения. Нежелание шляхты подчиниться требованиям правительства и предъявить документы на право владения заставляло его быть очень настойчивым в требовании представления оправдательных документов при производстве аграрной реформы. Неудачная ревизия 1545 г., почти ничего не выяснившая в этом отношении, оставалась примером, повторения которого следовало бы избегать. Шляхта по-своему оценила настойчивость правительства и ответила ему просьбами о непредъявлении листов перед мерчими и ревизорами, но, как мы видели, потерпела полную неудачу.

Проверка прав на землю производилась по мере хода реформы, и для многих окончилась весьма печально. О степени распространенности захватного землевладения и землепользования можно судить также по «Ревизии пущ и переходов звериных», предпринятой параллельно производству аграрной реформы. Такое описание тоже сопровождалось проверкой прав

[58] Rewizja zamków..., str. 100.
[59] Там же, стр. 102—103.
[60] Там же, стр. 105.
[61] Там же, стр. 114.

на землю и на воды в лесах. При проверке обнаружилось, что далеко не все владельцы могли сослаться на письменные документы и ими подтвердить свои претензии[62]. В общем, ревизия обнаружила, что многие из землевладельцев незаконно владеют землей и пущами и не имеют никаких документов, которыми могли бы оправдать свой захват земель, пущ и переходов. Ревизия, произведенная Воловичем, целиком, к сожалению, не сохранилась, но и сохранившаяся часть дает возможность составить отчетливое представление о том, что обнаружила проверка прав на входы в господарские пущи. Представленные земледельцами документы были довольно разнообразного характера. Тут были и грамоты прежних удельных князей из рода Ярославичей и Олельковичей, и жалованные грамоты королевы Боны, и подтвердительные привилеи самого Сигизмунда. На основании этих документов все владения считались бесспорными и не вызывали никаких сомнений. Зато было немало и таких держателей, которые не могли представить каких бы то ни было документов и только ссылались на давность «держания». Такие захваченные участки земли, пущ и входы отбирались у шляхтичей и приписывались к господарским владениям. Подобные распоряжения Воловича были, конечно, вполне правильны. Здесь не было никакого нарушения шляхетских прав, тем не менее шляхта была сильно раздражена, и ее раздражение, с точки зрения интересов землевладельческого класса, вполне понятно.

Ту же картину можно наблюдать и при изучении некоторых из сохранившихся писцовых книг. Многие землевладельцы заявляли притязания на землю, но оправдать их ничем не могли[63]. Во всяком случае, весь шум, поднятый шляхтой вокруг проверки прав на земли, показывал, что в этом отношении далеко не все обстояло благополучно. Недаром правительство постоянно напоминало о необходимости предъявлять листы господарским агентам. И другие документы довольно часто указывают на то, что тот или другой дворянин, «будучи на справе помери волочное», за «неоказаньем прав», «привернул» имение к господарскому двору[64].

Аграрная реформа Сигизмунда-Августа создала немало дел о «выводе» шляхетства. Дело в том, что ревизоры, производя волочное измерение, обыкновенно облагали шляхетские земли повинностями, если владельцам их не удавалось точно установить свое шляхетство, наряду с тяглым населением. Конечно, потерявший шляхетство боярин никоим образом не мог и не желал помириться с этим и поэтому считал нужным исполь-

[62] Ревизия пущ и переходов звериных..., стр. 111, 135, 136, 137.
[63] ПКПС, ч. II, стр. 573, 577, 579, 581, 585, 589, 593.
[64] ЦГАДА, ЛМ, КЗ X, л. 215.

зовать все средства, допущенные законом, лишь бы только восстановить себя в шляхетских правах.

Ко времени введения волочной померы вывод шляхетства уже принял строго определенные формы. Согласно сеймовому постановлению 1522 г. лицо, поднявшее дело о восстановлении своего шляхетства, должно иметь двух шляхтичей, которые под присягой подтвердят, что потерпевший от прадеда и деда одного с ними рода и брат по крови. Устава допускала присутствие на суде и одного свидетеля, но тогда сам истец был обязан присягой подтвердить свое показание. Наконец, если шляхтич не мог представить никаких свидетелей, то для доказательства своего шляхетства он мог ограничиться представлением старинных листов великого князя Витовта, Сигизмунда и Казимира или некоторых высоких панов-рады, в которых его предки или он сам писаны боярами, независимо от их собственного показания [65]. Однако в практике доказательства шляхетства можно было встретить юридические случаи, сущность которых разрешалась иначе, чем требовала устава 1522 г.

Так, например, когда пан-воевода троцкий князь К. И. Острожский разбирал дело ейшишского хорунжего Станка Радивиловича и его братьи с ейшишским боярином Яном Юшковичем, доказывавшим, что они простые люди, а не шляхтичи, то князь-воевода не удовольствовался представлением листов королей Александра и Сигизмунда и листа ейшишского державцы, в которых было сказано «иж они з веку суть бояре шляхта», как этого требовала устава 1522 г., а сделал опрос всех ейшишских бояр, шляхтичи они или нет. И только после их утвердительного показания князь-воевода вынес приговор в желательном для ейшишского хорунжего духе [66]. При выводе пинскими боярами Протасовичами своего шляхетства, дело было решено в их пользу на основании показаний двух свидетелей, простых шляхтичей, что тоже шло вразрез с уставой 1522 г.[67].

Так практика жизни изменила и расширила постановление Виленского вального сейма 1522 г. Вопрос о выводе шляхетства для всей шляхты был вопросом первостатейной важности, и статутовая комиссия, кодифицировавшая шляхетское право, должна была обратить на него свое исключительное внимание, отведя этому вопросу в третьем разделе XI артикул. Согласно последнему для вывода шляхетства необходимо было представить свидетелей по делу со стороны отца и со стороны матери истца. Дело решалось присягой этих свидетелей. В случае прекращения рода можно было ссылаться на «бояр шляхту

---

[65] М. К. Любавский. Литовско-русский сейм..., стр. 339—440.
[66] Там же, стр. 441.
[67] Там же.

околичных, которые бы знали его, иж есть шляхтич». Эти бояре, со своей стороны, должны присягнуть «иж он есть-зроду шляхты». Что же касается способа доказательства своего шляхетства чужеземцами, то последние должны были доказывать свое шляхетство у себя на родине и представить литовскому уряду лист, в котором подтверждалась правильность вывода шляхетства. В случае невозможности истцу уехать домой, например из-за войны, и там поднять дело о своем шляхетстве, статут 1529 г. разрешал ограничиться представлением двух соотечественников, присяга которых решала дело окончательно. Нельзя не согласиться с М. К. Любавским в том, что редакция статута мало удовлетворительна и нуждается в дополнении. Во-первых, она ни слова не говорит о законности представления листов великих князей и панов-рады, в которых истцы названы боярами и, следовательно, шляхтичами. Во-вторых, она игнорирует прецедент, бывший в 1524 г., когда дело о выводе шляхетства решалось на основании показаний посторонних свидетелей. Между тем письменными документами пользовались при выводе шляхетства и после статута 1529 г., несмотря на его умолчание об этом. Представлялись листы не только великих князей, или панов-рады, но даже и документы, выданные потомками удельных князей и это верховной властью считалось вполне достаточным [68]. Поэтому прав М. К. Любавский, говоря, что статутовое постановление «о згоде шляхетства» не уничтожило и не покрывало собой сеймового решения 1522 г. Во время производства аграрной реформы судебные процессы о «выводе шляхетства» особенно участились. Практика жизни показывала всю недостаточность способов доказательств, утвержденных законом. Поэтому тем лицам, которые доказывали свое шляхетство, и тем, кто разбирал это дело, сплошь и рядом приходилось расширять рамки закона 1522 г. и статута 1529 г. и допускать иные способы доказательства шляхтой своего шляхетского происхождения, выдвинутые самой жизнью.

Дело о выводе шляхетства начиналось подачей соответствующего челобитья господарю. Такое челобитье подавалось или от имени одного лица: «жаловал нам,— говорит господский лист,— боярин повету Троцкаго волости Василишской Зенико Грыникович» [69] или от имени целой группы лиц, заинтересованных в восстановлении шляхетских прав. В таком случае челобитчиками выступали или родственники: «приездили до нас бояре наши лепунские Стась и Мартин Озахаревичи» говорится в господарском выроке по делу двух братьев [70], или группа око-

[68] М. К. Любавский. Литовско-русский сейм..., стр. 442.
[69] ЦГАДА, ЛМ. КЗ XXXVII, л. 214.
[70] Там же, л. 376.

личных бояр, подававшая челобитье от своего имени и «от братии своей». Так, слонимские бояре Марко Дорофеевич, Тимофей Нестерович подали господарю челобитье о признании за слонимскими боярами шляхетства [71].

Встречались в практике литовско-русского правительства случаи, впрочем, кажется довольно редкие, когда дело о выводе шляхетства начиналось самой центральной властью.

Правительство не считало многих ейшишских бояр шляхтой. Последние держались обратного мнения «и свовольне в право шляхетское вдалися», захватив при этом незаконно в свои руки без всякой «данины» немало господарских грунтов и не желая «с тых земль своих службы путныя служити, дякол давати и на тяглую службу ходити». Видя такое упорство со стороны шляхты и не желая допускать долее незаконное пользование присвоенными правами, что задевало интересы господарского скарба, правительство решило устроить «вывод водле статуту» [72].

Конечно, уже сама подача челобитья формально была достаточной для возбуждения дела. На самом деле так было не всегда. Правительство иногда игнорировало челобития отдельных лиц и не создавало дела о выводе шляхетства, и только постоянные «набегания» челобитчиков и упорные напоминания «иж предкове их и они сами до того службы путницкое не служивали и подачек не даивали, але завжды службою шляхетскою служивали» заставляли литовско-русское правительство рассмотреть поданное челобитие [73]. Конечно, от такого невнимательного отношения к челобитиям лиц, ищущих шляхетства, особенно страдали несостоятельные бояре. Некоторые из них вследствие своей бедности не могли даже поднять дело о шляхетстве и мирились на некоторое время с непривычным для них положением, надеясь в будущем, когда материальные обстоятельства их изменятся, поднять дело о восстановлении утерянного шляхетства. Слонимские бояре Лени Иванович, Марко Климович, Василий Борисович и Петр Ходорович три года платили чинш, не поднимая вопроса о своем шляхетстве, и в реестровых списках считались приписанными к тягловому состоянию. Такое промедление с выводом шляхетства и молчаливое примирение с своим тяглым состоянием можно объяснить только бедностью и отсутствием средств у челобитчиков [74].

Подавая челобитие господарю, просители обыкновенно указывали на причину своего недовольства и приводили доказательства, почему они считают неправильным как отнятие у них земли, так и принуждение их нести тяглую службу. Боярин

[71] ЦГАДА, ЛМ, КЗ XXXVII, л. 352.
[72] Там же, КЗ XXXIX, л. 182.
[73] Там же, лл. 267—268.
[74] Там же, л. 39.

Троцкого повета Зенико Грыникович жаловался господарю, что дворянин Павел Котович «за росказаньем господарским, померяючи земли подданых» в волости Василишской, земли их «властные на волоки померил и подданым роздал», а между тем его предки со времен Витовта несли военную службу наравне со шляхтой» [75]. Слонимские бояре Гаврило Пацевиц и др. жаловались, что дворянин Андрей Ильктовский, «приворачаючи их ку службе путницкой, земли их на волоки померити и подданым нашим роздати хочет», а между тем «они тые службы не служивали, а ставили одного коня», при этом представили документы-листы великих князей Александра и Сигизмунда, по которым они освобождались «от службы тяглыя и от хоженя в подводы и от даванья дякол» и по которым велено им служить так, как деды и отцы их служили при Витовте [76]. Поэтому они просят об освобождении от службы путной. Лепунские бояре Стась и Мартин Озахаревичи считали незаконным намерение ревизора Райского измерить их земли на волоки и раздать подданным, а равно и запрещение жать им их хлеба, так как они издавна бояре-шляхта, в доказательство чего представили лист Сигизмунда [77]. Бояре Слонимского повету Лени Иванович и Марко Климович, Василий Борисович и Петр Ходорович жаловались, что они бояре-шляхта, а их «примучають» платить чинш. Поэтому они ходатайствуют о выводе шляхетства и об освобождении их от чинша [78].

О том же говорили в своем челобитии и четверо бояр Глебовичей, не представивших в свое время никаких документов на землю и о своем шляхетстве, и потому записанных в тяглые списки и обложенных чиншем [79].

Если документы, представленные челобитчиками, не вызывали никаких сомнений и на основании их можно было решить шляхтичи ли челобитчики или нет, то это дело решалось господарем без всяких предварительных справок и расследований. Так, Сигизмунд II счел возможным признать шляхетство за лепунскими боярами Стасем и Мартином Мартиновичем Озахаревичами, представившими лист короля Сигизмунда I и заявившими, что еще раньше, до померы волочной, тамошний державца хотел «привернуть их к службе тяглой», но, убедившись в том, что они тяглой службы никогда «не носили», велел «им службу земскую поспол с боярами лепунскими служити» [80]. Если документы и доводы просителей были сами по себе недостаточны

---

[75] ЦГАДА, МИ, КЗ XXXVII, л. 214.
[76] Там же, л. 371.
[77] Там же, л. 376.
[78] Там же, КЗ XLIX, л. 39.
[79] Там же, КЗ XLI, л. 250.
[80] Там же, КЗ XXXVII, л. 376.

и господарь не мог вынести окончательной резолюции; то производство следствия, допрос на месте свидетелей, рассмотрение документов и других данных осуществлялись правительством при помощи различных административных приемов. Иногда это поручалось целой специальной комиссии, состоявшей из двух или нескольких лиц, смотря по сложности дела и в зависимости от количества лиц, добивавшихся вывода шляхетства. Для вывода шляхетства боярина Иоанна Болобки и его братьев была образована специальная комиссия в составе виленского бискупа Валериана и наместника воеводы виленского пана Яна Новицкого [81]. Когда приходилось выводить шляхетство многочисленной группе ейшишских бояр, то были посланы комиссарами маршалок и писарь господарский, староста тыкотинский пан Ян Шимкович, староста мстибоговский, ейшишский державца пан Григорий Волович и дворянин Размысл Богданович Довкгирд [82].

Поручался вывод шляхетства и отдельным лицам, не занимавшим в данное время никакого официального положения. Боярину Троцкого повета Зенику Грыниковичу приходилось доказывать свое шляхетство перед князем Янушем Скупалуцким [83]. Приходилось выступать в качестве судьи и воеводе троцкому, когда дело касалось бояр, живших в его воеводстве. Слонимские бояре Гаврило Пацевич с братьями должны были представить доказательства своего шляхетства троцкому воеводе [84]. Иногда, не поручая какому-либо лицу специального расследования, господарь ограничивался наведением справки у скарбного писаря, записано ли то или другое лицо в списках бояр-шляхты. Когда боярин стоклишский Миколай Корвелло подал жалобу Сигизмунду на незаконные действия ревизора Андрея Кунцевича, желавшего его земли на волоки померить, то справка в скарбовых реестрах дала возможность господарю решить дело в пользу Корвелла [85]. Поручался вывод шляхетства и ревизору в присутствии местного уряда. Так, ревизору Яну Стецковичу, бывшему на ревизии Марковского двора, было поручено в присутствии Марковского державцы проверить права на шляхетство нескольких бояр Ошменского хоружства [86]. Возможно было доказывать шляхетство и в присутствии одного ревизора. Ревизору дворов Троцкого повета пану Станиславу Райскому пришлось проверять шляхетство жены войта Радуньского, владевшего по жене шляхетской землей [87]. Ревизорам

[81] ЦГАДА, ЛМ, КЗ XXXVII, лл. 267—268.
[82] Там же, КЗ XXXIX, л. 182.
[83] Там же, КЗ XXXVII, л. 214.
[84] Там же, л. 371.
[85] Там же, л. 426.
[86] Там же, КЗ XXXIX, л. 606.
[87] Там же, КЗ XLI, л. 23.

Адаму Пильховскому и Себестиану Дыбовскому пришлось выводить шляхетство бояр городенских Гаврилы, Степана, Матвея и Нестора Глебовичей, не представивших в свое время «жадных» листов на свои земли и не вчинивших «выводу на шляхетство», а потому записанных на тяглую службу наравне с другими господарскими подданными [88]. Конечно, вывод о шляхетстве, произведенный по поручению господаря, имел тогда только силу, когда он скреплялся подписью монарха.

Иногда вывод шляхетства поручался какому-нибудь видному должностному лицу, но последнее, занятое господарской службой, не могло выполнить возложенного на него поручения. В таком случае такое лицо, не отказываясь от поручения, от своего имени поручало другим лицам произвести вывод шляхетства. Когда виленскому канцлеру пану Миколаю Радивиллу было поручено произвести вывод шляхетства слонимских бояр Ходоровичей, он не мог лично выполнить господарского повеления, так как был назначен найвысшим гетманом и находился при войске, и, с своей стороны, возложил исполнение господарского поручения на хоружего дворного пана Григория Рагозу, хоружего новгрудского пана Ивана Харитоновича и хоружего берестейского пана Кирдея Кричевского, перед которым бояре слонимские должны были доказывать свое шляхетство [89]. Наконец, вывод шляхетства возлагался сплошь и рядом на местного старосту-державцу. Когда ейшишские бояре Балтромеевичи подняли дело о своем шляхетстве, то ейшишскому державце пану Григорию Воловичу было поручено «абы он певную и достаточную ведомость вземъши, з обу сторон выслухавши нам господару — ознаймил» [90].

Когда приходилось истцам доказывать свое шляхетство, то челобитчики пользовались для этого разными способами доказательства, далеко выходившими как за пределы уставы 1522 г., так и статута 1529 г. Одни из челобитчиков пользовались указаниями статута и для доказательства чистоты своей крови пользовались услугами и показаниями родственников. Боярин Иван Болобка представил двух братьев рожоных, а третьего братанича, доказывавших, что «они шляхетского роду подляшского повету — Мельницкого» [91]. При выводе шляхетства слонимскими боярами Лени Ивановичем, Марко Климовичем, Василием и Петром Ходоровичами стороны представили в качестве свидетелей местных бояр — шляхту Миколая Станикевича Проствиловича и Богуша Мискевича Проствиловича. Они показали, что «предкове их Проствили,— а по рожденью братья — народу

[88] ЦГАДА, ЛМ, КЗ XLI, л. 250.
[89] Там же, КЗ XLIX, л. 39.
[90] Там же, КЗ L, л. 47.
[91] Там же, КЗ XXXVII, лл. 267—268.

шляхетскаго». У Проствила было два сына: Станик и Миско. У Станика родился сын Николай, а у Миска — сын Богуш. Что же касается вышеупомянутых бояр-истцов, то свидетели показали их потомками родного брата Проствилла Паца. С своей стороны, и боярин Войтерович Квинта дал показание «иж тые бояре — отцу его — Войтеху Квинта сути кревная братья и одного с ними гербу, и як их зознал, тогды поспол з ними службу земскую служивал». Для подкрепления их показаний комиссары обратились к слонимскому хоружему пану Михаилу Соколовскому. Последний также показал «иж тые бояре як за предков его хоружих слонимских, так и за хоружество его поспол з иншыми бояре повету Слонимского шляхтою службу земскую служивали»[92]. Другие челобитчики ссылались на письменные документы, выданные предками Сигизмунда-Августа. Так поступили бояре слонимские Марко Дорофеевич и Тимофей Нестерович, представившие в доказательство, что они бояре-шляхта, «лист дяди нашего короля его милости Александра», «иж великий князь Витовт не велел им служить никакой службы»[93]. Так же поступили и бояре лепунские Стась и Мартин Озахаревичи, «выложившие» перед господарем лист короля «его милости Жигимонта»[94].

Бояре слонимские, не желавшие стать путными людьми, по словам господарского листа, доказывали это листами «дяди нашого Александра и отъца нашого Житмонта», согласно которым они освобождались от тяглой службы и прочих повинностей, соединенных с последней[95].

Третьи из челобитчиков выводили свое шляхетство, приводя в качестве свидетелей околичную шляхту. Когда боярам Городенского повета Гаврилу, Степану, Матвею и Нестору Глебовичам пришлось доказывать свое шляхетство, так как «господарским ревизорам секретару плебану городенскому князю Адаму Пильховскому и Себастиану Дыбовскому листов жадных на тые кгрунты за чим бы их держали они не показали и никотораго выводу подле обычаю право на шляхетство не вчинили, и с тое причины на службе тяглой постановены», то теперь они представили свои документы и сослались на добрых шляхтичей «суседей», действительно показавших, «что они з отъцов и дедов и с предков своих шляхтичи и службу военную вокполок з иными бояри нашими шляхтичами служили»[96]. Иногда челобитчики не довольствовались ссылкой на околичную шляхту и опрашивали еще тамошних подданных. Бояре ошмен-

[92] ЦГАДА, ЛМ, КЗ XLIX, л. 39.
[93] Там же, КЗ XXXVII, л. 352.
[94] Там же, л. 376.
[95] Там же, л. 371.
[96] Там же, КЗ XLI, л. 250.

ского хоружества Якуб и Павел Юревичи выводили свое шляхетство и ставили перед судьей «певных особ бояр шляхту хоружества Ошменскаго и Кревского». Они «поведили и сознали, иж тые бояре Павел и Якуб Юревичи есть братья их, бояре шляхта, и як запамятують еще деда их Якуба Тозтька и отца их Юря тогды с того именья отчизного... сполна с ними службу земскую, яко иншая шляхта служивали». Затем «подданые наши, яко слуги путные, так и люди волостные двора Марковскаго также сознавали, иж яко оный дед Якуб Тозтько, а Юря отец, так же и Павел и Якуб помененые с тое отчизны своея жадных служб не служивали и повинностей не полнивали, кром службы земское военное сполна з боярами шляхтою хоругви Ошменское»[97]. Кроме того, для доказательства шляхетства, прибегали также и к справкам по реестровым войсковым спискам, хранившимся у скарбного писаря. Когда земяне браславские Виленского повета Довборовичи «з братией своей» доказывали свое шляхетство, что они «дей с продков своих здавна есть шляхъта», то господарь, вынося окончательную резолюцию, не довольствовался показаниями «светъков шляхты, з отца и матки менуючи их кревною братею», а навел справки «в рейстрах скарбных попису войскового за гетьманства пана Виленьскаго пана Юрья Радивилла, который попис[98] был тридцать четвертом», действительно ли они «службу военную посполл з бояры шляхтой служивали»[99]. Наконец, справлялись также у местного хоружего. Пан воевода троцкий, разбирая дело о выводе шляхетства слонимских бояр Гаврилы Пацевича с братьями его, должен был спросить местного хорунжего, как раз бывшего на месте разбора дела, действительно ли они «бояре-шляхта и службу земскую носили»[100].

Обыкновенно шляхетство того или другого боярина заподозривалось в момент производства волочного измерения или во время последующих ревизий. Но на практике были вполне возможны и другие моменты, когда шляхетство ставилось под подозрение. В таком случае инициатива возбуждения вопроса о действительности шляхетства исходила от местного старосты и державцы. Староста браславский пан Юрий Юрьевич Остик стал «приворачивать у службу тяглую або путную» браславских земян Виленского повета — Довбровичей и, считая их тяглыми людьми, стал звать их к себе на суд без «всяких позвов» вопреки требованию статутового права. Поступок старосты, ко-

[97] ЦГАДА, ЛМ, КЗ XXXIX, л. 606.

[98] Какое значение имели эти реестровые войсковые списки — вопрос достаточно разъяснен трудом М. К. Любавского Литовско-русский сейм, стр. 444—448.

[99] ЦГАДА, ЛМ, КЗ XLIV, л. 13.

[100] Там же, КЗ XXXVII, л. 371.

нечно, удивил земян. Бывшие раньше мерчие и ревизоры признавали их шляхтой и дали им отмену за их земли. Бывшая в их руках «певная» ведомость определенно говорила об их шляхетстве. Понятно, что они, считая себя правыми, подняли дело «о вывод своего шляхетства» [101].

Не всегда бояре, добивавшиеся признания своего шляхетства, выигрывали дело; так, слонимские бояре Марко Дорофеевич и Тимофей Нестерович не были признаны шляхтой, но в то же время их освободили от тяглой службы.

Местный державца получил от господаря распоряжение «не примучать их и братью их ку службе тяглой», но «осадить их и братью их на плате яко путных людей, заховываючи в том водлуг уставы волочное и водле розказанию нашему» [102].

И ейшишские бояре, считавшие себя шляхтичами, не могли доказать своего шляхетства перед бискупом Валерианом. «Вывод» показал, что они не имеют никаких прав на шляхетство. Поэтому земли их подлежали измерению на волоки [103]. Такая же участь постигла и другую часть ейшишских бояр после того, как было произведено официальное расследование спорного вопроса об их шляхетстве.

Когда господарским решением шляхетство признавалось за просителем или просителями, то челобитчики немедленно восстанавливались в своих правах: признавалось шляхетство и возвращалась земля. Когда кгероноинский боярин Гришка Комоевич доказал свое шляхетство, то он немедленно был освобожден от платежа чинша с волок, на которых он сидел, а местному старосте было послано предписание, чтобы он «с тых волок примушати его не велел и в реестре своем за шляхту тую их описал, нехай он с того службу земскую служить» [104]. Боярин стоклишский Миколай Корвелло получил обратно свои земли, которые хотели «померить у волоки», как только наведенные господарем у скарбного писаря справки действительно подтвердили правильность всех его доказательств [105]. Когда Гаврило Пацевич и «иншие» слонимские бояре доказали свое шляхетство, то им были возвращены их земли в размере 42 волок: «нехай они тую землю держать и вживають и нам ку службе военной служать» [106]. Получили удовлетворение и лепунские бояре. Ревизору Станиславу Райскому было послано приказание не брать их земли под волоки [107]. Бояре слонимские

---

[101] ЦГАДА, ЛМ, КЗ XLIV, л. 13.
[102] Там же, КЗ XXXVII, л. 352.
[103] Там же, л. 202.
[104] Там же, л. 386.
[105] Там же, л. 426.
[106] Там же, л. 433.
[107] Там же, л. 376

Ходоровичи были немедленно «з ласки господарской» восстановлены в своих шляхетских правах, как только обнаружилась их правота [108].

Когда бояре хоружства Ошменского — Павел и Якуб Юревичи доказали свое шляхетство, они немедленно «были приворочены под суд вольность и право шляхетское» [109]. Когда правительство окончательно составляло свое решение, то о состоявшемся постановлении немедленно доводилось до сведения местной администрации или ревизора. Первые должны были быть осведомленными для того, чтобы они не позволили себе никаких бестактных действий по отношению к лицам, восстановленным в своих правах. Вторые должны были произвести соответствующие изменения в своих реестрах в зависимости от господарского листа. Это было необходимо, раз прецедент установил, что справка с «реестрами» имеет решающее значение для вынесения окончательного решения. Когда браславские земяне выиграли свое дело и вывели перед господарем свое шляхетство, староста браславский получил предписание «абы есте тых Довбровичов через то у службу тяглую не приворочали и без позвов у права перед собою отказывати им не казали и з ыменей их не рушали, и пущ их властных угорских, которых они до сего часу были в деръжании, не отънимали и бортей там уживати и дерево брати им не забороняли, и грабежов им делать не велели, и никоторого втисненья и трудности над право шляхетское им не чинили, але во всем ся нехай они справують и службу земскую военъную служать потому, яко и иные бояре шляхта тамошняя браславская».

Устава на волоки, определяя довольно детально обязанности господарских агентов, производивших волочное измерение, требовала присоединения к господарским дворам и замкам шляхетских земель лишь в крайних случаях, когда округление господарских имений, поравнение «кгрунтов», могло быть выполнено только при условии отписки на господаря шляхетских и боярских имений. В таких случаях, по выражению уставы, «без земянских кгрунтов не выпростуються» [110]. Только в последнем случае, измерив на волоки земли частных владельцев, необходимо было присоединить их к господарским землям. При этом устава требовала соблюдения ряда условий, которые гарантировали бы возмещение убытков, понесенных землевладельцами от аграрных мероприятий литовско-русского правительства. Согласно волочной уставе землевладельцы, у которых отобрали на господаря земли, получают отмену. Последняя должна быть

---

[108] ЦГАДА, ЛМ, КЗ XLIX, л. 39.
[109] Там же, КЗ XXXIX, л. 606.
[110] РИБ, т. XXX, Устава, арт. 29.

совершенно равноценной по сравнению с отобранной землей, «ровной и слушной» [111], «яким кгрунтом возьметь, и так много отдати» [112]. В интересах землевладельцев предположенная отмена должна только даваться там, «где бы земяном споручку их именьям» [113], чтобы хозяйственная мена угодьями не наносила бы убытка собственникам.

На практике, конечно, не всегда было возможно дать отмену совершенно равноценной землей. Устава предусматривает такие случайные невозможности, и, чтобы не были нарушены права и не задеты интересы землевладельцев, требует, чтобы должностные лица в последнем случае отдавали бы в виде отмены такое количество земли, которое бы в общей сложности равнялось ценности отобранного участка. Конечно, получение участка земли, одинакового по ценности, но не по качеству, с отобранным на господаря участком, не было полным возмещением убытков, понесенных при этом землевладельцами. Устава не учитывала ни того, что на новых участках приходилось все устраивать заново, ни того, что хорошая земля никогда не сравняется с плохой, хотя бы полученной и в бо́льшем размере. Следовательно, землевладельцы от «поравнения господарских кгрунтов» терпели убытки, о возмещении которых устава и не думала.

Разделяя по качеству земли на четыре разряда — «добрый, середний, подлый и вельми подлый» — устава определяет количественное отношение между ними [114]. Впрочем такое деление земель по достоинству не совсем точно. В памятниках встречается и иная терминология, и несколько более дробный качественный анализ почвы. Писцовая книга Пинского староства знает еще термин «посредственного кгрунта» [115]. В писцовой книге Кобринской экономии терминология довольно подробна. Здесь земли делятся на средние, подлые, преподлые, подлые для низкости, никчемные, надерподлые, песковатые, болотистые, багнистые [116]. В описании Берестейского староства встречаются термины для определения качества почвы: добрый, средний, подлый напол с преподлым, преподлый и надерподлый [117]. В общем, терминологию уставы приходится признать несколько краткой и слишком отвлеченной. Действительность основательно разбила эти теоретические предположения.

Для установления известной градации между волоками,

---

[111] ЦГАДА, ЛМ, КЗ XXXVIII, л. 309.
[112] РИБ, т. XXX, Устава, арт. 29.
[113] Там же.
[114] Там же, арт. 15.
[115] ПКПС, ч. II, стр. 567.
[116] РКЭ.
[117] ДМАМЮ, т. I, стр. 204—448.

различными по качеству почвы, устава требует, чтобы «за волоку кгрунту преднего средним кгрунтом полторы волоки дати, а за волоку среднего подлым две дати, как ся то учинит, за волоку кгрунту преднего дати подлаго кгрунту три волоки»[118].

Соотношение между волоками на Подляшьи было несколько иное: здесь за морг передней земли давалось 4 подлых морга, а за морг подлого грунта — 2 преподлых или 4 лесных и болотных, т. е. за морг преподлый — 2 морга лесных[119].

Устава предусматривала вполне возможный случай, когда в силу местных условий приходится давать «отмену» подлыми (песковатым, болотистыми) землями, когда приходится отступить от пропорционального соотношения волок одного качества к волокам другого качества. Прекрасно понимая полную невозможность каких-либо априорных теоретических вычислений, определение размеров наддатков устава всецело возлагает «на пильное уважение уряду нашого и ревизора и мерников», лишь бы только господарю и тому, у кого берут «шкода не была»[120]. По той же причине, чтобы не было никаких злоупотреблений с наделением отмены, новый хозяйственный наказ требовал, чтобы отмена ни в коем случае не давалась без местного уряда. Конечно, такое требование было вполне рациональным. Оно в большой степени исключало возможность злоупотреблений со стороны господарских агентов. Местный уряд, таким образом, является и блюстителем интересов местных землевладельцев и представителем государственных интересов. С своей стороны, землевладельцы высылали приказчиков для защиты своих интересов при производстве отмены. На самом деле отмена давалась и другими способами, не предусмотренными уставой. Такое отклонение пришлось сделать под влиянием разного рода практических соображений.

Так, наделение отменой уже после поданного челобитья возлагается на местного державцу. Когда просьба господарского маршалка Сапеги о даровании отмены была удовлетворена, то державце каменецкому пану Мартину Туру было поручено выехать и, осмотрев земли маршалка, дать ему соответствующую отмену[121]. Те же обязанности в Жмудском старостве возлагались на местных тиунов. У земянина Щепана Тарновского был взят и «привернен» к господарскому двору Волькиницкому его дворец «з будованием и со въсими кгрунтами». Земли его были своевременно вымерены, а отмена дана не была. Земянин подал соответствующее челобитие об отмене. Последнее было удовлетворено, и тогда Сигизмунд II «писати велел до тивуна

---

[118] АЗР, т. III, стр. 83, РИБ, т. XXX, Устава, арт. 29.
[119] ЦГАДА, ЛМ, КЗ L, л. 222.
[120] РИБ, т. XXX, Устава, арт. 29.
[121] ЦГАДА, ЛМ, КЗ XXXVII, лл. 39, 123.

Жомоитское волости Деръвянское, абы он зъехавши вымерил 26 волок з людьми на них оселыми и от инших кгрунтов ограничивши ему в моц и в держанье подал»[122]. В той же Жмуди, если правительственный агент уехал и не дал землевладельцам соответствующей отмены, отмена обыкновенно давалась самим старостой. Иногда провинциальная администрация производила отмену на основании указаний, полученных от центрального правительства. Так, старосте жмудскому пану Яну Еронимовичу Ходкевичу было поручено дать новую отмену земянину Щепану Тарновскому, так как земли, данные последнему раньше в виде отмены, оказались необходимыми для потребностей господарского хозяйства [123]. Случалось, что в экстренных случаях высылали для производства отмены специальных комиссаров. По просьбе берестейского земянина пана Александра Кущи, у которого немало «земель его власных и сеножатей» было отобрано под господарские волоки, а между тем отмена не была дана. Сигизмунд-Август для успокоения розни между «поддаными нашими и на отмену тых помененных кгрунтов в померу волочную ку селам нашим забраным» решил выслать особых для этого комиссаров в лице старосты берестейского и кобиринского пана Остафия Воловича, скарбного писаря пана Еронима Квелецкого и каноника виленского плебана Суходольского[124]. И в ответ на челобитье Жмудского подкомория пана Миколая Станкевича об отмене, по распоряжению Сигизмунда II, «абы он на власности своей не шкодовал». Были также высланы комиссары: чашник пан Мартин Петкевич и подкоморий ковенский пан Войтех Девялтовский[125]. Иногда вместо посылки специальных комиссаров отвод отмены возлагался на местного старосту-державцу, совместно с новым ревизором, посланным для постановления «платов и пожитков». Так, при производстве аграрной реформы в Мстибоговском старостве дворянином паном Павлом Котовичем не была дана соответствующая отмена земянину Федору Степановичу Ремизовскому, владение которого находилось около господарского Зельвенского двора. Земянин обратился с соответствующим челобитьем, и тогда производство отмены было возложено на старосту мстибоговского пана Григория Воловича и дворянина Андрея Илькговского, посланного «для постановения платов»[126] в вышеназванном дворе. В таких случаях, обыкновенно по жалобе потерпевшего, производилось поверочное измерение отобранной земли, и только тогда давалась отмена. Точно

[122] ЦГАДА, ЛМ, КЗ XLI, л. 277.
[123] Там же, л. 356; XLII, л. 268.
[124] Там же, КЗ LXXVII, л. 18.
[125] Там же, КЗ L, л. 242.
[126] Там же, КЗ XLVIII, л. 90.

так же, когда тивун ойракгольский пан Миколай Станкевич Белевич пожаловался на неполучение отмены за земли, отобранные «к кгрунтам волостей Ойракгольской и Россейниской», то Сигизмунд II поручил дать необходимую отмену державце россейнинскому пану Матею Петкевичу и подкоморию виленскому пану ревизору Войтеху Девялтовскому [127].

Но высылка специальных комиссаров для производства отмены являлась безусловно обязательной, если лицу, производившему «поравнение кгрунтов» приходилось «припускать» к господарским дворам собственные земли. Так, подкоморий ковенский ревизор дворов Завилейских пан Войтех Девялтовский, по словам господаря, «будучи ревизором и становичи померу волочную у волоки наши занял, также некоторым бояром у отмене земли свои подавал и не могучи сам себе отмены вчинити», обратился с просьбой к великому князю «абыхмо кого там выславши и кгрунты его поморговати казавши отмену ему дати». По приказанию Сигизмунда II для производства отмены выехал жмудский тиун пан Ян Градовский [128].

Частновладельческие земли отбирались на господаря и после производства волочного измерения. Сигизмунд-Август очень зорко следил за улучшением господарского хозяйства и очень заботился об увеличении доходов с господарских доменов. Поэтому господарь неоднократно и после волочного измерения отдавал распоряжение «привернути» села, «до двора потребные», конечно, с поручением дать отмену, если таковая следовала по закону. Такие хозяйственные эксперименты проделывал не только Сигизмунд-Август, инициатор аграрной реформы, но и его преемники. Так, Стефан Баторий при производстве ревизии счел целесообразным отобрать имение, находившееся в пользовании пана Ивана Ольшевского, лежавшее в Городенском повете, и приписать его к господарскому Городенскому двору. Ольшевский же получил в староства Слонимском соответствующую отмену, которую должен был отвести сам слонимский староста [129].

Помимо этого, в практике хозяйственной деятельности литовско-русского правительства нередко случалось, что уже данная отмена вдруг неожиданно оказывалась нужной для господарского двора. Правительство и в этом случае не церемонилось. Данная отмена просто-напросто отбиралась, и вместо нее отводилась новая отмена, конечно, в том месте, где правительство находило для себя наиболее удобным и подходящим. Признавая что такого рода хозяйственные эксперименты могут подорвать экономическое благосостояние землевладельца, пра-

---

[127] ЦГАДА, ЛМ, КЗ XLVIII, л. 229.
[128] Там же, КЗ, L, л. 244 и XLVIII, л. 293.
[129] Там же, КЗ LXXIII, л. 64.

вительство считало целесообразным дать в таком случае некоторое «нагорожение», чтобы бо́льшим количеством волок возместить «шкоды немалые», полученные землевладельцем [130]. Такого рода отобрания «отмен» и приписка новых земель к господарским дворам становились систематическими при ревизии господарских дворов и замков. Наказ, составленный для ревизоров, требовал, чтобы последние, ревизуя дворовое хозяйство, собирали необходимые сведения «о кгрунтех всяких зданин его королевское милости з одмен ревизорских и комиссарских розданных». Если при этом они замечали какой-нибудь вред интересам господарского хозяйства, то об этом надо было написать в реестр, чтобы впоследствии исправить ошибки первоначального измерения на волоки [131]. Точно так же ревизоры совместно с державцами должны были произвести разграничение и шляхетских земель, если последние оказались бы «межи кгрунты королевской милости» [132]. Такого рода мероприятия для «поравнения кгрунтов», конечно, только усиливали недовольство землевладельцев, так как они не могли быть уверены в том, что больше, после реформы, не будет уже никаких добавочных измерений. Господарская отмена давалась только в том случае, если права землевладельца на землю были совершенно бесспорны. Если право владения было спорным, если у землевладельца не оказывалось никаких документов на право владения или на право владения землей предъявляли притязания и другие лица, то, конечно, отмена не давалась. Земянин Иван Русанович Пинский владел под городом Пинском землей. Мещане пинские доказывали принадлежность этой земли городу, у которого она была «закуплена». Поэтому Русанович не получил отмены [133].

На землю при селе Кошевичах, собственником которой считался Яков Грицинович, заявили притязание крестьяне села Полтароновичи, доказывавшие, что Грицинович расчистил их собственные дубравы [134]. Поэтому отмена Якову Грициновичу не была дана.

Для получения отмены было совершенно безразлично, кто владел шляхетскою землей. Владельцем ее мог оказаться и не шляхтич, приобретший шляхетскую собственность куплею или через наследство, или владевший ею благодаря браку со шляхтянкой. Если в таком случае право владения не вызывало никаких сомнений, то ревизоры должны были убедиться в том, что такая земля «з стародавна шляхетский кгрунт, а не тяглый

[130] ЦГАДА, ЛМ, КЗ XLV, л. 356.
[131] Там же, КЗ LII, л. 91.
[132] Там же.
[133] ПКПС, ч. II, стр. 577.
[134] Там же, стр. 579, 581, 585, 589, 593, 597.

есть и не в наших слуг путъных, альбо людей волостных был куплен». Самый же способ доказательства считать ту или другую землю шляхетской, производился посредством опроса тяглого населения и околичных бояр. Их показания имели решающее значение. Когда войту в месте Радуньском Матысю Жидовичу, женатому на шляхтянке, которая владела землей, полученной ею от матери, приходилось давать отмену, то ревизор опросил господарских подданных и бояр-шляхту «по близу тые земель мешкающих». Их показания решили дело в пользу войта, которому и была дана отмена «слушными и ровными землями» [135].

Не давалась отмена и в том случае, если челобитчик, просивший господаря об отмене, не доставил определенных доказательств своего шляхетского происхождения. Если же шляхетство какого-нибудь челобитчика доказывалось, то отмена давалась немедленно. Когда слонимские бояре доказали свое шляхетское происхождение, им были возвращены отобранные у них волоки [136]. Боярин Троцкого повета Василишской волости Зенико Греникович заявил великокняжескому правительству, что «дворянин Павел Котович, помераючи земли подданых в волости Василишской, именьице его под рекою Невышею и дворец под рекою Жемятишой на волоки померил и подданным роздал». Между тем, его предки со времен Витовта владели землею и отправляли военную свою службу. Сигизмунд потребовал вывода шляхетства, после чего земли будут ему возвращены, если выяснилось бы, что «без тых земль его волоки наши выполнити могли»; но если обнаружилось бы, что «без тых земль волоки наши выполнитися не могли», то ему следует дать отмену «ровную и слушную», и притом немедленно «проволоки не чинячи» [137]. Благодаря же сложности вывода шляхетства некоторые из истцов получили отмену уже только при преемниках Сигизмунда II. Так, группа земян «Жомоитское земли», у которых их властные земли были забраны под волоки еще дворянином Станиславом Райским, однако, не давшим им отмены, вместо последней была вынуждена платить чинш; часть же их земель была отдана подданным. По бедности их отчичи не могли своевременно сделать необходимый вывод шляхетства, «поневоле дей-там на землях своих платили чинш постановленный». Только при Стефане Батории им удалось добиться посылки комиссии для вывода их шляхетства, которая признала их шляхтичами. Стефан Баторий распорядился дать им отмену [138].

Несколько в ином положении находились лица, владевшие

---

[135] ЦГАДА, ЛМ, КЗ XLI, л. 23.
[136] Там же, КЗ XXXVIII, л. 371.
[137] Там же, КЗ XXXVII, л. 214.
[138] Там же, КЗ XXIV, л. 217.

землей «до воли и ласки господарской». Такого рода пожалование могло быть отобрано в любой момент, и лицо, у которого его отбирали, было лишено возможности выразить свой протест и недовольство. Поэтому при производстве аграрной реформы, земли, данные «до воли и ласки гоподарской», приписывались в случае необходимости к господарским землям, и прежний держатель не мог иметь никаких претензий по отношению к господарю. Ему оставалось или примириться с этим, или просить господаря о новом пожаловании «до воли и ласки господарской». Так, земянин кременецкий Василий Иванович «за земли, взятые на господаря» получает в державе Кременецкой 3 волоки земли «до воли и ласки господарской» [139].

Назначенная ревизорами в присутствии уряда или отведенная другими должностными лицами отмена имела принудительный характер. От нее нельзя было отказаться, даже если бы она совершенно не соответствовала хозяйственным интересам землевладельца. Можно было только обратиться с челобитиями к великому князю и просить о добавочной или новой отмене. Если землевладелец, вследствие ли упорства или по каким-либо другим личным или хозяйственным интересам, отказывался принять назначенную отмену, то независимо от этого она считалась отведенной, и записывалась в реестровые книги, и с этого момента правительство считало, что такой-то землевладелец своевременно и правильно получил отмену [140]. После этого местному уряду оставалось только напоминать, чтобы землевладелец взял ту отмену, которая ему отведена. Если же шляхтич, не воспользовавшись своим правом обжалования, будет портить границы волок и вступать на землю, отобранную и размеренную на волоки, то на местный уряд возлагалась обязанность «моцно боронити» эти земли и, предъявив ему обвинение в «кгвалте», судом доискиваться вознаграждения за понесенные правительством убытки [141]. Впоследствии, под некоторым влиянием шляхетских просьб, правительство отклонилось несколько в сторону от прямого смысла уставы и разрешило ревизорам предварительно показывать землевладельцам те участки земли, которые были предназначены для отмены. Такое предварительное ознакомление допускало возможность обсуждения и соглашения и должно было уменьшить всякого рода споры из-за производимых отмен [142].

Когда отмена была записана в реестровые книги, то собственнику выдавался ревизорский «квит», в котором подробно перечислялись те земельные угодья, которые передавались ему

[139] ЦГАДА, ЛМ, КЗ XXXVII, л. 217.
[140] РИБ, т. XXX, Устава, арт. 29.
[141] Там же.
[142] ДМАМЮ, т. I, стр. 491.

в виде отмены. Если в отмену давались населенные земли, то обыкновенно перечислялись и лица, сидевшие на этих земельных участках, а иногда перечислялся и тот рабочий инвентарь, которым располагало население [143]. В этом случае для «ровности кгрунтов» требовалось не только тождество в почвенном отношении отходивших к государю земельных участков, но и одинаковое имущественное положение того сельского населения, которое сидело на заменяемых земельных участках. Составленный ревизорский квит волей-неволей должен быть взят землевладельцем, так как не имея его, нельзя было поднимать перед господарем никакого дела о дополнительном наделении землей, а то и о совсем новой отмене. Предметом отмены были населенные и ненаселенные земли, пустоши, сеножати, гаи, озера. Давалась она господарскими землями, на которых сидели господарские подданные, или которыми владели господарские бояре [144]. Обыкновенно население господарских земель с отменой переходило под «присуд и моц» частного владельца, так же, как сельское население последнего становилось под присуд господарских урядников. Впрочем, иногда случалось, что наделение отменой сопровождалось разрешением подданным, как наиболее заинтересованным элементам, решить, остаются ли они на господарской или частновладельческой земле с переменой своего места жительства или они желают вместе с сохранением своих домов переменить господина. Но, во всяком случае, возвращение населения к старым владельцам было возможно только на основании особо выговоренного условия.

Устава на волоки, определяя, каким образом назначать отмену, рекомендует давать участки отмены там, где это будет наиболее выгодно для интересов самого землевладельца. На самом деле это требование уставы не выполнялось. Ревизоры давали участки земли «не споруч прилеглые» — с одной стороны, а с другой стороны — лежавшие не в одном месте, а разбросанные по разным местам. Такое существенное противоречие между теоретическими хозяйственными соображениями правительства и его практическими мероприятиями вполне понятны, раз господарское правительство в своих хозяйственных экспериментах имело в виду исключительно интересы только одного скарба. Защищая свои интересы, правительство не всегда считалось с интересами землевладельца. Вот почему земли давались «не споруч прилеглые» и не в одном месте. Правда, такого рода хозяйственные распоряжения являлись нарушением уставы, но на это никто из правительственных агентов не обращал никакого внимания, так как это было не в интересах господарского хозяйства.

---

[143] ЦГАДА, ЛМ, КЗ XLVIII, л. 92.
[144] Там же, КЗ XLV, л. 397; ПКПС, ч. II, стр. 272.

Определяя условия наделения отменой, устава проникнута безграничной верой по отношению к господарским агентам. По крайней мере, в уставе нет даже намека на возможность злоупотреблений со стороны господарских агентов. Показателем таких злоупотреблений могут служить не только просьбы шляхты на сеймах, к которым Сигизмунд-Август относился в высшей степени равнодушно, но и те бесчисленные «набеганья» к господарю с жалобами на господарских агентов и просьбами о восстановлении нарушенных прав. Правда, устава требует присутствия местного державцы при наделении отменой, но едва ли этот контроль со стороны местного уряда мог иметь какое-либо значение в защите шляхетских прав. Как бы то ни было, но будет правильным предположить, что при осуществлении аграрных мероприятий шляхта и великокняжеское правительство находилось далеко не в одинаковых условиях. Невыгодное положение шляхты усиливалось еще и тем, что предписания правительства, определявшие, в каких именно случаях было необходимо «припускать» частновладельческие земли к господарским, отличались довольно большой неопределенностью и растяжимостью. Волочная устава только требовала, чтобы посланные господарем ревизоры и мерники имели «бачность» «абы ку прылеглым замком и двором села и всякие кгрунты нашы прилучали», лишь бы только они были «ку которому двору ближей а споруч» [145]. Так как правительство не имело никаких земельных описаний и в точности не знало, сколько земель находится в его непосредственном владении, а сколько в руках светских и духовных землевладельцев, то одновременно с производством измерения на волоки и установлением платов и пожитков правительственным агентам поручалось разведывать «от войтов и лавъников и подданных о земълях и о всяких кгрунътех нашых затаеных, або от кого кольвек забраных» и доводить о полученных результатах до сведения господаря [146]. Само собой разумеется, что такие сыскные обязанности должны были вызвать немало всякого рода недоразумений со шляхетством, выражавшихся в приписке их земель к господарским и в неполучении за это отмены. Возможны были злоупотребления со стороны агентов и в виде незаконных отписок земель на господаря. Вообще, неопределенность инструкций открывала широкое поле действий в смысле нарушения земельного права. Требование уставы о том, чтобы, при определении отмены, «можности и широкости тых врядов таковым переменереньем в подданых и в кгрунтех не замешкивало» выдвигало на первый план интересы скарба. Вполне понятно, почему происходило такое множество недоразумений с господарской отменой.

[145] РИБ, т. XXX, Устава, арт. 29.
[146] Там же.

Изучение многочисленных ответов господаря на петиции, подаваемые ему, дают возможность составить определенное впечатление, что при осуществлении аграрной реформы правительство или, вернее, его агенты оказались слишком пристрастными по отношению к господарскому хозяйству. Недаром господарь в высшей степени внимательно относился к докучливым и однообразным шляхетским просьбам.

Положение землевладельцев действительно было затруднительным, когда господарские агенты оказывались чрезмерно ретивыми по отношению к господарским имениям и тем самым существенно затрагивали их материальные интересы землевладельцев. Даже в том случае, если отмена была дана при соблюдении всех правил, предписанных уставой, сплошь и рядом частные землевладельцы проигрывали. В самом деле, если у землевладельца отбирали участки земли с хорошими почвенными условиями, а в виде отмены его наделяли землей «подлого» качества, хотя бы и в удвоенном количестве, то, конечно, хозяйственным интересам шляхтича наносился весьма существенный удар. Ведь двойное количество плохой земли только увеличивало расходы по ведению хозяйства и эксплуатации полученных участков, и при том, конечно, последние не могли дать тех результатов, какие бы дала эксплуатация земли с хорошей по качеству почвой. К сожалению, современный исследователь аграрной политики при Сигизмунде-Августе располагает не особенно большим количеством данных, которые могли бы широко и полно иллюстрировать односторонность действий господарских ревизоров и мерчих.

Тем не менее такие данные существуют, и ими, конечно, необходимо воспользоваться. Вот несколько примеров, могущих утомить читателя своим поразительным однообразием. У берестейского земянина 3 волоки земли было «припущено» к Берестейскому замку, за что ему была дана отмена в другом месте в количестве 5 волок, которые оказались «кгрунту велики подлый болотливый и местъцы никчемной». Поэтому он получил еще добавочных 25 моргов[147]. При производстве волочного измерения в Гродненском повете дворянину Станиславу Девялтовскому земли были отданы «подлейшим кгрунтом», а взяты у него «лепшим»[148]. Конюшему дворному пану Ярошу Корицкому, имевшему имение в Слонимской волости пришлось лишиться 16 волок 2 моргов земли «со всими их землями и деревами бортными». В качестве отмены он получил 18 волок «кгрунту средняго» и 2 морга «подлого», так как «у пана можнейшие люди и большие службы лепшого кгрунту взято»[149]

[147] ЦГАДА, ЛМ, КЗ XLI, л. 31.
[148] Там же, л. 162.
[149] Там же, КЗ XXXVIII, л. 219.

Это официальное откровенное признание очень характерно. К господарскому двору приписывались не только удобнейшие, но и лучшие земли и угодья. Это подтверждается дальнейшими наблюдениями. Сохранившаяся писцовая книга Пинского староства, составленная в 1561—1566 гг. кобринским и пинским старостой паном Лаврином Войною, весьма деятельным господарским агентом, заставляет признать вышеприведенные соображения совершенно правильными. Вот несколько данных писцовой книги по Пинскому староству: у пинского хоружего Федора Федюшковича было отобрано «в разных местцах», кроме сенокоса, 3 волоки 18 моргов 21½ прута, из числа коих земли посредственного качества было 2 волоки 29 моргов 12½ прутов и негодной земли 4 морга 9 прутов. Намеченная ему отмена была настолько неудовлетворительна, что собственник отказывался ее брать, и все свое недовольство выражал откровенно бранью против землемеров. Предлагаемая отмена частью соприкасалась с землями его крестьян частью только намечалась [150]. Говоря о качестве отмены, отведенной пинской старостине, составитель писцовой книги откровенно признает, что отведенная отмена в общем недостаточна, так как отобранные земли были лучшего качества в сравнении с землями, данными в виде отмены [151]. Вот еще данные той же книги. У земянина Михаила Борзобогатого было отобрано на господаря 7 волок 16 моргов 21½ прута земли посредственного качества и негодного 1 волока 9 моргов 21½ прута, т. е. всего 8 волок 26 моргов 13 прутов. Отмена равнялась 10 волокам 18 моргам 24 прутам. Впоследствии была дана надбавка в количестве 5 моргов 21½ прута, так как земли Борзобогатого были лучшего качества, а ему давались в виде отмены негодные земли [152]. Та же судьба постигла и Якова Грициновича, у которого отобрали под крестьянские хозяйства 2 волоки 20 моргов 11½ прутов земли посредственного качества и негодной земли 1 волоку 10 моргов 14½ прутов. Кроме того, в другом селе у него было взято 9 волок посредственного качества. Отмену же упомянутый Грицинович получил не за все свои земли, а только за отошедшие под крестьянские хозяйства. Следовательно, и в данном случае выигрывало только правительство [153]. Точно так же и Иван Курейша отдал лучшую землю в сравнении с тем, какую он получил в качестве отмены, хотя ему и был дан небольшой наддаток [154]. По той же причине получил надбавку и Иван Писаревич, владелец села Захаровичи, у которого было взято 4 волоки

[150] ПКПС, ч. II, стр. 571—573.
[151] Там же, стр. 579.
[152] Там же, стр. 573—575.
[153] Там же, стр. 579.
[154] Там же, стр. 581.

29 моргов 16½ прутов земли посредственного качества и 5 волок 9 моргов 15 прутов негодной земли и вместо всего этого было дано 4 волоки посредственной земли, 7 волок 2 морга 2½ прута негодной земли, да еще надбавка дубровами и лесами в размере 23 моргов 1½ прута негодной земли [155]. В отмену Валента Чериковского исключительно вошли лишь земли плохого качества, тогда как у него было 7 волок 29 моргов 20 прутов посредственной земли и 7 волок 20 моргов 8½ прутов плохой. Он же получил взамен 12 волок 24 морга негодной земли [156]. И у земянина Василия Пилецкого отобранные земли были значительно лучше полученных в отмену. Та же судьба постигла и Федора Кривецкого [157].

Иногда отмены давались по размерам, значительно уступавшим качеству отобранной земли, и причины такого явления не всегда объяснимы. Так, у земянина Войны Грициновича отошла под крестьянские хозяйства 1 волока 22 морга 19½ прутов земли посредственного качества, а взамен ему было дано только 20 моргов 18½ прутов, впрочем, тоже посредственного качества [158]. Рогачевская старостина в отмену за отобранную землю в количестве 1 волоки 2 моргов 27½ прутов земли посредственного и негодного качества получила только 2 морга 27½ прутов [159].

Такие же односторонние действия и распоряжения правительственных агентов можно отметить и при производстве реформы в Гродненской экономии. Сохранившаяся писцовая книга, составление которой было начато дворянином Ст. Девялтовским и ревизором Андреем Дыбовским, также прекрасно иллюстрирует некоторую односторонность действий господарских агентов. Так, у Адама Горинки под крестьянские хозяйства было взято 12 моргов 2½ прута земли среднего качества, а в отмену ему было дано 13 моргов 10 прутов земли частью средним грунтом, частью подлым. Такая надбавка была дана по известной уже причине: отобранная земля была лучшего качества в сравнении с полученной в отмену [160]. Точно так же и Подляшский воевода пан Михаил Сапега получил отмену худшими по качеству землями [161]. Иногда же надбавка давалась только потому, что отведенная отмена находилась в весьма далеком расстоянии от пашни владельца [162]. Едва ли, конечно, неболь-

---

[155] ПКПС, ч. II, стр. 583.
[156] Там же, стр. 585.
[157] Там же, стр. 587, 589.
[158] Там же, стр. 579.
[159] Там же, стр. 587.
[160] ПКГЭ, ч. II, стр. 505.
[161] Там же, стр. 506.
[162] Там же, стр. 514.

шой наддаток мог вознаградить за убытки, полученные в этом случае землевладельцами.

Конечно, встречались на практике и такие отмены, которые по своим качествам и по размерам вполне соответствовали отобранной земле, приписанной к господарским землям. Случалось также в практике аграрной реформы давать отмены значительно лучшими по качеству землями или в большем размере в сравнении с отобранными на господаря [163]. Но такая щедрость — слишком исключительное явление для правительства, производившего задуманную реформу. Так, у жмудского дворянина Каспера Яновича Кградовского было отобрано под господарские хозяйства 69 волок 13 моргов земли подлого грунту. Отмена же вся состояла исключительно из земли «доброй» по своим качествам [164].

Приступив к описанию Волпениской пущи, правительство принуждено было отобрать двор Шимона Грибовского с землею и людьми, лежавший под самой пущею и необходимый для «лепшее» сторожи. Приписанная земля была вся исключительно подлого качества, и правительству пришлось дать отмену «лепшим кгрунтом» [165]. Но в общей массе такие щедрые отмены являются ничем иным, как исключением.

На основании всех этих данных мы думаем, что, хотя правительство и стремилось разного рода надбавками восстановить ущерб, нанесенный отобранием земель лучшего качества, однако, эти надбавки не возмещали хозяйственных убытков, полученных землевладельцами благодаря аграрной политике Сигизмунда-Августа, и литовско-русская шляхта имела некоторое законное основание быть недовольной аграрной политикой своего господаря. Систематическое же отбирание на господаря земель лучшего качества только обнаруживало односторонность и некоторую своекорыстность аграрной политики Сигизмунда-Августа и отчасти его ближайших преемников.

Устава на волоки категорически предписывала давать отмену в тех случаях, когда не было никакого сомнения в праве владения землей того или иного шляхтича, да и господарские резолюции на просьбы «станов» сейма говорили о том же; тем не менее и эти требования господарской уставы и великокняжеские обещания не всегда исполнялись господарскими агентами, и притом исключительно по небрежности, а может быть, и по каким-либо другим соображениям. Они, отбирая на господаря частновладельческие земли, сплошь и рядом не давали никакой отмены. Вполне понятно, что такой образ действий государственной администрации, причинявший шляхте серьезные мате-

[163] ПКПС, ч. II, стр. 519, 514.
[164] ЦГАДА, ЛМ, КЗ, XLVIII, л. 77.
[165] Там же, л. 70.

риальные затруднения, заставлял ее торопиться с восстановлением своих нарушенных прав. Средством восстановления нарушенного права могло быть только обращение к господарю с просьбой о даровании соответствующей отмены. Такого рода упущения со стороны господарских агентов нельзя считать случайным явлением. Наоборот, обилие господарских ответов на шляхетские челобития о неполучении отмены вполне определенно показывает, что такие упущения со стороны великокняжеской администрации, создавшие так много шуму и раздражения вокруг реформы Сигизмунда II, носили систематический характер.

Многочисленные шляхетские челобитья об отводе отмены можно разделить на три группы.

К первой следует отнести те челобитья, предъявители которых имели бесспорное право на получение отмены. Права их на владение землей не вызвали никаких недоразумений с правительственными агентами. А между тем им все-таки отмена не была дана. Так, один жаловался, что «его ту властность забрана и местечко де на его земли посажено и на инших местцах с померы волочное многое дей земли набрано, а между тем до сих пор ему не была дана отмена»[166]. Удивление челобитчика господарского маршалка Павла Сапеги было вполне законно, так как агент, производивший волочное измерение, не поднимал вопроса о праве собственности Сапеги на данную землю. Следовательно, неполучение Сапегой отмены можно рассматривать, как нарушение законного права владельца, как злоупотребление со стороны великокняжеской администрации. Не получил также «жадной отмены» и дворянин Иван Коптевич совместно со всеми своими родственниками, у которых «земли их самих и бояр и людей на волоки померили», а отмены не дали, хотя соответствующие документы, по-видимому, не вызывали никаких сомнений[167]. Дворянин Иван Васильевич сначала молчал, когда не получил отмены, вероятно предполагая, что он получит ее в весьма недалеком будущем. Долгое ожидание последней заставило его поторопиться с подачей челобитья[168]. Дворянин Андрей Жеховский считает, что у него земли отобраны на господаря незаконно, поэтому он просит или дать ему отмену за его шляхетские земли, или возвратить ему их обратно как незаконно отнятые[169].

Считали себя обиженными и земяне Виленского повета Скиндери, у которых «с помери волочное не мало кгрунту их взято у волоки», благодаря чему у них осталась «вельми малая часть».

[166] ЦГАДА, ЛМ, КЗ XXXVII, л. 39.
[167] Там же, КЗ, XIII, л. 21.
[168] Там же. Книга Судных Дел XLIV, л. 3. (В дальнейшем — КСД)
[169] Там же, КЗ XXXVII, л. 123.

Поэтому они ходатайствовали об отмене [170]. О том же просил и Остафий Волович от своего имени и от имени других околичных земян, так как они за отобранные земли до сих пор не получили никакой отмены [171]. Такого же характера была жалоба и дворянина Мартина Пелецкого, представившего судовый лист «судей дворных короля его милости Жигимонта» [172] для подтверждения своих прав на получение отмены.

Обилие шляхетских челобитий об отмене, когда у владельца были для этого все права и все данные, показывает, что такую забывчивость господарских агентов нельзя считать случайным явлением. Скорее это — целая система.

Ко второй группе шляхетских челобитий об отмене следует отнести те, когда лица не получали отмены только потому, что право их на отмену не было доказано. Это бывало обыкновенно тогда, когда у правительственного агента являлось сомнение в подлинности шляхетского происхождения челобитчиков, которое им самим было совершенно ясно. Так, земяне слонимские «с села Радивиловичи» настаивали перед господарем о возвращении им их земель или об отводе отмены, так как они «с предков своих шляхта» [173]. Точно так же бельские земяне Курило Григорьевич и братья Кусевичи считали незаконным отобрание их земель в волочную померу и неполучение соответствующей отмены, так как они «с предков своих земяне» [174].

Наконец, к третьей группе челобитий следует отнести те, когда у челобитчиков не было никаких прав на отмену, когда отбирались на господаря земли, данные «до воли и ласки господарской». По существу, отобрание таких земель на господаря было актом вполне законным. Поэтому лишившиеся земель хлопотали не столько о получении отмены, сколько о новом земельном пожаловании, выставляя при этом те или другие основания. Когда у господарского кухаря Яна Остроуха была отобрана к господарским землям пустовщина, которой владел его отец на основании пожалования Сигизмунда I, причем это пожалование давалось на неопределенное время «на оном листе вечности ему не писано», он не получил никакой отмены. Считая для себя такую конфискацию убыточной, упомянутый кухарь просил об отмене, указывая при этом в своем челобитии и на тот участок, который является для него наиболее подходящим «три волоки земли, неоселые споруч ему прилеглые» [175].

Шляхетские челобитья об отмене не переставали подаваться

[170] ЦГАДА, ЛМ, КЗ XLI, л. 133.
[171] Там же, КЗ XXXVIII, л. 218.
[172] Там же, КЗ XLIX, л. 50.
[173] Там же, КЗ XXXVII, л. 364.
[174] Там же, КЗ, XXXVIII, л. 134.
[175] Там же, КЗ XLI, л. 319.

великому князю и после смерти Сигизмунда II. В одних из них шляхтичи стремятся восстановить свои права, нарушенные при Сигизмунде, и тогда же неизвестно почему не восстановленные. Так, по словам господарского ответа на челобитье, земянин воеводства Берестейского староства Кобринского Юрий Миколаевич жаловался Стефану Баторию, что ревизор Димитрий Сапега «помераючи кгрунты места подданых замку Кобринскаго волости двора Добучинского и сел наших» забрал у него земли, а отмены не дал [176]. Поэтому вышеназванный земянин и просит преемника Сигизмунда II об отмене. Та же судьба постигла и земянина воеводства Троцкого Димитрия Андреевича Быховца и его братьев. Их имения забрали под господарские волоки. Об этом говорил соответствующий ревизорский лист, а отмена дана не была. Поэтому челобитчики обратились к Стефану Баторию за восстановлением своих законных прав на отмену [177]. С той же просьбой обратился к Стефану Баторию «судья кгродский» Юрий Войнят, у которого во время волочной померы «земли его власные вечные на разных местцах в померу забранные и ку некоторым селам привернутые». Между тем отмены он тогда не получил [178]. В других челобитных истцами выступали дети, так как их отцы успевали умереть, не получив отмены.

Так, стольник «повету Пинскаго» уроженый Федор Иванович Кгодебоский хлопотал перед Стефаном Баторием об отмене за земли его покойного отца [179]. Среди поданых Стефану Баторию челобитий об отмене встречаются и такие, в которых подробно объясняются причины запоздания просьбы об отмене — это отсутствие средств, которое мешало своевременно выступить с подачей челобитья об отмене [180].

Рассмотренные выше челобития очень характерны для аграрной политики Сигизмунда II. Приходится признать, что правительство Сигизмунда-Августа в своей аграрной политике иногда хватало через край и несколько утрированно понимало свои задачи и цели.

Несомненно, такие приемы Сигизмунда-Августа разорили немало мелкой шляхты, с которой не приходилось считаться и которая по своей бедности не могла тратиться на посылки челобития об отмене. Можно предполагать, что неточное соблюдение правил об отмене явилось одной из причин образования безземельной и малоземельной шляхты.

Устава на волоки требовала, чтобы великокняжеские аген-

---

[176] ЦГАДА, ЛМ, КЗ LXIX, л. 12.
[177] Там же, КЗ XIX, л. 553.
[178] Там же, КЗ XXVI, л. 19.
[179] Там же, л. 34.
[180] Там же, л. 207.

ты, производившие «поравненье кгрунтов», давали отмену «ровную» и притом «слушным грунтом». Это требование уставы, как мы видели, сплошь и рядом не исполнялось. Не всегда оно выполнялось и в том случае, когда отмена давалась. Следует указать на многочисленные случаи, когда отмена, по мнению заинтересованных землевладельцев, была не «слушная» и «не ровная». Поэтому вполне понятно отчасти то раздражение, которое охватило шляхту во время осуществления аграрных мероприятий правительства, раздражение, выразившееся в тех просьбах, с которыми, как нам уже приходилось говорить выше, господствующее сословие обращалось к великому князю на многочисленных вальных сеймах. Помимо подачи «просьбы» от имени всего шляхетского сословия, за каждым шляхтичем оставалось неотъемлемое право обратиться с челобитьем к самому господарю и тем самым попытаться восстановить нарушенное при производстве реформы право собственности. И эти отступления от принципов уставы никоим образом нельзя признать случайными.

Обилие шляхетских жалоб, поскольку об этом можно судить на основании господарских ответов на них, с полным основанием дает право думать, что такие нарушения уставы со стороны великокняжеских агентов приняли систематический характер. Это было тем более возможно, что великокняжеские агенты, постоянно нарушавшие в своем чиновничьем усердии права частного земельного собственника, решительно ничего от этого не теряли, так как правительство не знало никаких сдерживающих мер, которые заставили бы агентов более внимательно относиться к выполнению требований уставы. Когда знакомишься с шляхетскими челобитиями, почти невозможно определить мотивы, почему в каждом данном случае господарский агент поступил именно таким образом, почему один землевладелец получил «слушную» и «ровную» отмену, другой же этого не удостоился и в отведенной отмене увидел по отношению к себе только одну «кривду».

Шляхетские челобитья о дополнительной или новой отмене можно также разделить на несколько категорий. К первой из них можно отнести те, когда землевладелец хлопочет о дополнительной отмене, так как последняя дана далеко не за все количество отобранной земли. Так, господарский агент дал дворянину Андрею Жеховскому отмену за «шляхетския земли», а за огороды, составляющие также «власность» вышеупомянутого дворянина «никакой отмены до сих пор не давано», как заявил в своем челобитии Жеховский. Естественно, что последний обратился к господарю с просьбой о дополнительной отмене[181].

[181] ЦГАДА, ЛМ, КЗ XXXVII, л. 123.

Ко второй категории можно отнести те шляхетские ходатайства о новой отмене, когда землевладелец считал, что он получил отмену «не слушную» и «не во всем ровную». У дворянина Виленского повета Матвея Филипповича при производстве волочного измерения в Ошменах отобрали и размерили на волоки господарскую данину. Последнее обстоятельство не вызывает в нем решительно никакого протеста, никакой жалобы. Ведь отобрать данину — это право господаря. Но помимо данины у него отобрали под господарские волоки и его «властность», за которую ему дали земли «неровныя, неспоручныя ку его двору» и притом разбросанные по разным местам. Такая отмена была неприемлема и разорительна для Филипповича. Это обстоятельство и заставило виленского дворянина обратиться с челобитьем об отводе ему «слушной и ровной» отмены [182].

К третьей категории можно отнести челобитья о дополнительной отмене с сохранением отмены, данной ранее. Так, вдова бельского судьи Ганка Левицкая, находя, что ей дали «неполную отмену», и притом находящуюся среди господарских земель, ходатайствует о полной отмене. Помимо этого, отведенная ревизорами земля в виде отмены была неправильно измерена на волоки [183]. О такой же дополнительной отмене просит Сигизмунда II и сын дворянина Алексей Новицкий «с братьей своей рожоной», у которых при измерении на волоки Лидского замка «не мало земли, лесов, сеножатей», дарованных Сигизмундом I их отцу, было приписано к замку. Отмену за отобранные земли они получили «нижли не так много, яко в него взято и за то не стоити». Поэтому он просит дать отмену за то, что ему «недодано» [184].

К четвертой категории можно причислить те челобитья, когда владелец ходатайствует о новой отмене не потому, что данная ему отмена является для него кривдой, а исключительно только вследствие создавшихся на местах невозможных отношений. Так, жмудский тиун пан Иван Андреевич Илькговский просит господаря об отобрании у него отмены и об отводе ему новой, «так как он терпит не мало кривды от людей волостей», живших около отведенной ему отмены [185]. Наконец, к последней категории можно отнести челобитья, в которых просят о дополнительной отмене, так как припускание земель к господарским дворам сопровождалось перенесением и самого двора в другое место, что, конечно, не могло не сопровождаться существенными материальными убытками для частных владельцев. Земянка Берестейского повета Ганна Костюшковна «пове-

---

[182] ЦГАДА, ЛМ, КЗ XXXVII, л. 399; XXXVIII, л. 482.
[183] Там же, КЗ XXXVII, л. 401.
[184] Там же, КЗ XXXVIII, л. 182.
[185] Там же, КЗ XXXIX, л. 598.

дила» перед господарем, што за переселенье дворца ее Плотеньскаго под местом Каменецким, который к тому месту привернен», получила отмену с добавлением 20 моргов за переселение. Но так как в застенках не оказалось достаточно свободной земли, то ревизоры отвели ей землю в другом месте и дали ей те же 20 моргов. Чтобы укрепить свое имущественное положение, земянка Ганна Костюшкова просит господаря разрешить ей «держати и вживати на вечныя времена» отведенный ей застенок[186]. Рассматривая многочисленные челобитья о новой или дополнительной отмене, нельзя не признать, что они еще больше укрепляют мысль об односторонности аграрной реформы Сигизмунда-Августа. Могла ли быть спокойной шляхта, когда у нее отбирали земли и не давали совсем отмены, или давали непригодную или слишком миниатюрную? Могла ли шляхта спокойно созерцать свое экономическое разорение, когда аграрная реформа сопровождалась сплошь и рядом перенесением и самого двора на другое место? Конечно, нет. Правда, шляхта волновалась и по другой причине — боясь проверки прав на землю. Это надо учитывать при анализе шляхетского настроения. Но едва ли оно было доминирующим. Это шляхетское недовольство имело, на наш взгляд, и серьезные политические последствия.

Ведь как раз в разгар аграрной реформы шляхта определенно и резко становится на сторону унии. Ее настроение изучено исследователями с достаточной полнотою и нет нужды опять возвращаться к этому совершенно ясному вопросу. Но вот что упущено, забыто — это аграрная реформа Сигизмунда II. Она также толкала на путь унии с Польшей. Только при условии шляхетизации государственного строя Великого княжества Литовского можно было быть спокойным за свои земельные права и не опасаться несправедливых действий и мероприятий самого центрального правительства и его агентов. Этим объясняются решительные симпатии шляхты в отношении унии с Польшей. Когда, согласно уставе, давалась отмена за отнятые и присоединенные к господарским волокам земли, то лицо, производившее измерение на волоки и давшее отмену, выдавало землевладельцам свой «ревизорский лист», в котором подробно описывалась отведенная отмена и весьма точно определялись ее границы по отношению к господарским землям и волостному населению. Такой ревизорский лист сам по себе имел такую же силу и значение, как и земельные пожалования воевод или старост, и поэтому нуждался в господарском подтверждении. Только последнее делало прочным права на владение или пользование отменой. Только после получения

186 ЦГАДА, ЛМ, КЗ XLIV, л. 98.

господарского листа землевладелец мог считать отмену своею «власностью».

Поэтому землевладельцы-шляхтичи, получившие «слушную отмену» и принявшие ее, спешат озаботиться получением подтвердительных привилеев. С этой целью землевладельцы подают великому князю «челобития» о подтверждении отмены. Впрочем, иногда от имени землевладельцев ходатайствовала и местная высшая администрация, как представительница и охранительница интересов местных землевладельцев. Так, староста жмудский пан Александр Ходкевич довел до сведения центрального правительства, что ревизор Дмитрий Федорович Сапега «помераючи на волоки кгрунты волости нашое Зидунинское» отобрал у многих земян и у пани Ганны Яновны Шеметовны их собственные земли, без которых «помера кончити и выполнити быти не могла». Отмена Сапегой не была дана. Поэтому Ходкевич просит господаря подтвердить «пашни и волоки лесные», данные им ей в виде отмены [187].

Характер челобитий о подтверждении отмены сильно зависел от того, на каком праве тот или другой землевладелец владел своим земельным участком. Обыкновенно первоначальное челобитие состояло в просьбе о закреплении за землевладельцами отмены на тех же основаниях, на которых они владели землей до производства волочной померы. Землевладельцы, державшие в своих руках землю временно, до воли и ласки господарской, конечно, могли хлопотать о подтверждении отмены совершенно на тех же правах. Так и поступил земянин Василий Иванович, которому в Кобринском повете дали участок земли «до воли и ласки господарской» [188]. Впрочем, лицу, получившему условную отмену-данину, открывалась полная возможность ходатайствовать о расширении его права владения и о закреплении за ним данины на вечность. Скарбный писарь Иероним Квилецкий получил сначала данины 43 волоки и пустовскую землю «з людьми на оных землях оселыми и зо всими платы и пожитки и зо всякими кгрунты и застенки, к тым селам и земли пустовской прислухаючими». Однако она впоследствии была забрана под волоки, за что ему дана была отмена. Этой отменой упомянутый Квилецкий мог владеть пожизненно. После его смерти на правах заставного имения за 1200 коп грошей она переходит к его жене и детям «покуды тая сумма вышемененая з скарбу господарскаго жене и детям была отъдана и сполна заплачена». Однако Квилецкий обратился с ходатайством о подтверждении полученной им отмены «на вечность», как награду за его «службу господарскую» [189]. Если шляхтич-землевладе-

[187] ЦГАДА, ЛМ, КЗ XXXVIII, л. 321.
[188] Там же, КЗ XXXVII, л. 217.
[189] Там же, КЗ XLII, л. 34.

лец имел основание считать свои земли «своею власностью», то обыкновенно его ходатайство о подтверждении отмены заключало в себе просьбу о предоставлении ему отведенной отмены на вечность. С таким ходатайством через виленского воеводу обратилась земянка Зубкова, которая владела собственным дворцом и купленными землями и сеножатями. Следовательно, ее ходатайство имело полное основание и было вполне законно [190].

Для доказательства своего права на получение отмены челобитчик был обязан представить ревизорский квит с печатью ревизора, и притом подписанный как самим ревизором, так и местным державцей. Впрочем, иногда ревизорские квиты представлялись и без подписи местного державцы, если последний отказывался его подписать по тем или другим соображениям. Так, ляховецкий державца пан Иван Александрович Солтан отказался подписать квит, выданный ревизором дворянином Илькговским дворянину Станиславу Кгровскому на том основании «что он замок Ляховецкий держит в пенезех», вследствие чего он считает незаконным отвод отмены ляховецкими землями [191]. И тем не менее квит ревизора оказался действительным. Впрочем, кажется, подпись местного державцы на ревизорском листе не была обязательной. По крайней мере, когда дворянин Шимон Грибовский подал господарю челобитие о подтверждении за верность отведенной ему отмены, то на листе, представленном господарю, отсутствовала подпись местного державцы. Лист был подписан «справцой пожитков в замках и дворах господарских паном Петром Фальчевским, секретарем плебаном Адамом Пильховским, справцей дворов Городенских паном Себастианом Дыбовским и наместником красницким и квасовским паном Лаврином Войной, как лицами, бывшими «на справе померы волок» [192].

С просьбой о подтверждении отмен, полученных еще при

---

[190] ЦГАДА, ЛМ, КЗ XLI, л. 87. Точно так же поступил пан Станислав Андреевич Довойна, получивший в отмену 1 населенную волоку и 5 волок пустых (КЗ LXI, л. 101). Маршалок дворный Остафий Волович, у которого «померили и заняли» его собственных земель 9 волок, разбросанных по разным местам, и за что ему была дана своевременно отмена, просил господаря о «вечности» (КЗ XLI, л. 307). Дворянин Станислав Девялтовский просил о подтверждении на вечность отмены так как великий князь Александр дал записку его предку Петру Канде, которую Сигизмунд I в 1506 г. подтвердил на вечность ему самому, жене и детям их «и напотом будучим им нащадъком» (КЗ XLI, л. 162). Староста галицкий подкоморий каменецкий пан Ярош Синявский вместе с женою просил господаря о подтверждении на вечность волок, данных ему отменою вместо их собственных озер, бывших в ковенской пуще и отошедших на господаря (КЗ XLI, л. 218).

[191] ЦГАДА, ЛМ, КЗ XXXVIII, л. 312.

[192] Там же, КЗ XXXIX, л. 408.

Сигизмунде II, шляхта обращалась и к его преемникам. Впрочем, причина некоторой запоздалости в подаче челобитья остается невыясненной. Земянин воеводства Берестейского, староства Кобринского просил Стефана Батория о подтверждении ему отмены, данной ему паном Дмитрием Сапегой, когда последний измерял «кгрунт места и подъданых», приписанных к Кобринскому замку [193]. С такой же просьбой обратился к господарю в 1583 г. дворянин Семен Орынский, представивший лист ревизора «небожчика» пана Сапеги [194]. Урожоный Николай Петрович Владычца просил в 1584 г. о подтверждении отмены, полученной еще в 1574 г.[195] Жмудский земянин пан Балтромей Миколаевич Кимбут просил Сигизмунда III в 1587 г. о подтверждении отмены, отведенной ему паном Яном Ходкевичем в бытность его жмудским старостой [196].

Помимо челобитий об отмене, литовско-русская шляхта в эпоху проведения аграрной реформы забрасывала Сигизмунда-Августа самыми разнообразными челобитиями. Обилие последних и удивительное однообразие их могут служить прекрасным источником для изучения отношения шляхты к правительственным мероприятиям Сигизмунда-Августа.

Что шляхта была недовольна реформой и не желала ее осуществления, этот вопрос был уже достаточно освещен выше. И вот как отражение этого недовольства литовско-русские бояре-шляхта забрасывают правительство просьбами не трогать их имений и не измерять на волоки. Мотивы такого недовольства ясны: с одной стороны, при измерении проверялись права на землевладение и на шляхетство, а с другой стороны, всякая «припуска» частновладельческих земель к господарским, была, несомненно, разорительна для землевладельца. Поэтому челобития о нетрогании земли не всегда отражали только боязнь проверки прав на землю и доказательств своего шляхетства в случае сомнения в действительной принадлежности его к шляхетскому званию, но и желание оставить свои земли неприкосновенными, просто из-за чисто материальных расчетов. Когда правительство в 1560 г. приступило к измерению земли на волоки в Кгероинской волости, то местные бояре-шляхта обратились к господарю с просьбой приказать «абыхмо именей их не мерили» [197]. Шляхетство их было вне сомнений. С такой же просьбой «приездили» к господарю бояре трабские во главе с своим хоружим [198]. Представление таких челобитий со-

[193] ЦГАДА, ЛМ, КЗ LXIX, л. 12.
[194] Там же, л. 214.
[195] Там же, КЗ LXXIII, л. 159.
[196] Там же, л. 379.
[197] Там же, КЗ XLII, л. 45.
[198] Там же, лл. 49—51.

провождалось ссылками на разного рода документы. Главная цель последних — доказать, что «бояре мають одъно службу земъскую военную служити». Очевидно, с понятием о волочной помере у них связывалось представление об изменении их правового положения и превращения их в разряд тяглых людей. Неизмерение же земель явилось бы своего рода наглядным показателем неизменяемости их юридического состояния.

При осуществлении аграрной реформы было немало служебных ошибок и даже злоупотреблений со стороны правительственных агентов. Особенно возможны были последние при отобрании земли под волоки, благодаря неправильному их вычислению. От всех этих мероприятий страдали интересы шляхты, которая стремилась при первом же случае восстановить свое нарушенное право. Земяне Скиндери жаловались Сигизмунду II, что воевода виленский и староста мозырский пан Альбрехт Мартынович Гаштольд «забрал их людей и земли», принадлежавшие их имению Саковскому, а также и данников, лежавших за волостью Глушской, и привернул к господарскому двору. Помимо этого, при производстве реформы и у них под волоки было взято много земли, и только «вельми малая часть при них зостала», а между тем, они имеют все права на владение имением Саковщиной. Поэтому они просят о пересмотре их недоразумений со старостой и о соответствующей награде за понесенные убытки [199]. При осуществлении аграрных мероприятий литовско-русского правительства в особенно тяжелом положении оказывались лица, владевшие данинами «до воли и ласки господарской». Такие земли отбирались на господаря, и прежним владельцам предстояло хлопотать о новой данине. Татарин Осман Здилич владел в Городенском повете пустой землей, полученной им от Сигизмунда I, но так как в господарском листе «вечности» не было написано, то, после измерения на волоки, пустовщина Здилича была отдана господарскому боярину. Так как без этой земли вышеупомянутый татарин не мог нести земской службы, то он просил Сигизмунда II или «оставить его водле листу его милости отца нашого, альбо отмену против того листу дать» [200].

Вообще, эпоха аграрной реформы Сигизмунда-Августа — время, когда шляхта забрасывала господаря просьбами о пожаловании земель. Этому благоприятствовало много обстоятельств. Шляхта прекрасно поняла экономическое значение предпринятой Сигизмундом-Августом реформы и поэтому стремилась всеми средствами захватить в свое пользование то или другое количество волок. Этому же содействовал ряд обстоя-

---

[199] ЦГАДА, ЛМ, КЗ XLI, л. 133.
[200] Там же, КЗ XXXVIII, л. 428.

тельств, в частности война, бывшая причиной разорения многих землевладельцев. Естественно, что правительство должно было награждать таких лиц «ради военнаго разоренья» землями, уже измеренными на волоки. Случаи челобитий о пожаловании «ради военного разоренья» чрезвычайно многочисленны. Не будет преувеличением сказать, что литовско-русское правительство прямо-таки забрасывалось такими челобитьями, да и само оно сплошь и рядом без всякого челобитья поспевало на помощь разорившемуся от войны шляхтичу и давало ему несколько волок в пользование. Так, державца кричевский Беркулаб Иванович Корсак бил челом господарю и «поведил» перед ним «штож непрыятель наш князь московский за посягъненьем зрадливым замъку нашого Полоцкого именья его некоторыя забрал, а инъшые от тогож неприятеля и войск его суть спустошены».

Он получил в награду 20 служб людей в Могилевской волости. Но и сюда вторгся неприятель и захватил волость Могилевскую. Поэтому у него не осталось «жадного пожитъку», и «никакого поживенья» он не получает со своих 20 служб. На этом основании Корсак бил челом господарю и просил его «абыхмо ему ласку господарскую вчинили и ку оной першей данин инъшим имением его опатрили, и там же в волости Могилевской дали ему шестьдесят служб людей и пол службы»[201].

Нельзя не заметить, что Корсак немало запросил за свое разоренье. Впрочем, не все челобитчики, пострадавшие от военных действий, отличались такими аппетитами. Дворянин пан Павел Маскевич бил челом о пожаловании его землей «для служб его цнотливых», которые он, будучи «в битве сее прошълое зимы, кгды за ласкою Божью войско неприятельское московское с Шуйским поражоно значне было, яко на рыцарскаго человека надлежало», и ссылался при этом на получение раны и потерю части имущества[202].

Другие челобитчики были скромнее. Дворянин пан Петр Жижемский, ссылаясь на свое разорение от неприятельских рук, просит о пожаловании, не определяя ни его размеров, ни места[203]. О том же просил князь Андрей Андреевич Лукомский, лишившийся во время войны «дома а всей домовой маетности»[204].

Иные челобитчики, хлопоча о вознаграждении, в виде довода ссылались на «выезд из непрыятельской земли». Так поступил князь Гаврила Комбулатович[205].

---

[201] ЦГАДА, ЛМ, КЗ XXXVIII, л. 544.
[202] Там же, л. 511.
[203] Там же, КЗ XXXIX, л. 530.
[204] Там же, л. 531.
[205] Там же, КЗ XLI, л. 346.

Среди шляхетских челобитий о пожаловании землями видное место занимают просьбы об отводе земли «на хлебокормление». Мотивы таких челобитий были различны. Одни не считали нужным более или менее детально обосновывать свою просьбу, предполагая, что поддержка его челобития авторитетным мнением какого-нибудь старосты имеет бо́льшее значение, чем те или другие аргументы. По крайней мере, земянин Станислав Семенович Ореховинский никакими доводами не обосновал своей просьбы, зная, что за него вступится воевода виленский пан Михаил Юрьевич Радивилл [206].

Другие, прося «о хлебокормлении», в качестве мотива выставляли бегство «з рук незбожного неприятеля» и просили господаря «абыхмо ласку господарскую вделали, а его хлебокормленьем опатрили, потому яко инъших слуг и верных подданых наших» [207]. Вообще, «бегство з руки непрыятельской», «разорения» от неприятельского нашествия в челобитиях о хлебокормлении имеют решающее значение. С такими же просьбами «о хлебокормлении» обращались к господарю и лица, выехавшие из Москвы и нашедшие приют при дворе князя литовского, гостеприимно встречавшего всех московских беглецов. Дети боярские Григорий Иванович Солнцев, Федор Матвеевич, Микита Гаврилович, Азык Семенович, «которые з Москвы прыехали», просили о пожаловании земель на «хлебокормление» [208]. И Богдан Микитич Колычев, приехавший «на господарское имя з Москвы» обратился с просьбой к господарю «абыхмо нашу ласку господарскую уделали и хлебокормление именейцом у волости нашей Белиской пожаловали» [209].

В общем приходится признать, что челобития о пожаловании землей «на хлебокормление» среди шляхетских ходатайств о пожаловании землей занимали весьма видное место.

Далее идут челобития о пожаловании дворищами-волоками с указанием определенных дворов без представления мотивов, но с ссылкой на обычную «господарскую ласку». Земянка Пинского повета Людмила Бахейловна била челом господарю, «абыхмо ласку нашу господарскую вчинили» и дали ей три дворища в волости Пинской. Впрочем, вышеприведенная земянка заручилась согласием со стороны виленского воеводы для поддержания своего ходатайства [210].

Пустые земли, измеренные на волоки и неразмеренные, обыкновенно местные старосты раздавали шляхтичам на тех или других условиях — платеже чинша или отправлении воен-

---

[206] Там же, КЗ XLVIII, л. 248.
[207] Там же, КЗ XXXVIII, л. 523.
[208] Там же, КЗ XXXVII, л. 105.
[209] Там же, КЗ XXXIX, л. 525.
[210] Там же, КЗ XXXVIII, л. 616.

ной повинности. Такое пожалование имело условное значение. Его могли отнять во всякое время. Поэтому землевладельцы, получившие от воеводы данины, спешат укрепить их за собой и ради этого обращаются с челобитьем к господарю. Такие челобития чрезвычайно многочисленны, и обилие их служит прекрасным показателем того, что воеводам и старостам приходится раздавать пустовские земли-волоки довольно часто[211].

Укрепив за собой данину до воли и ласки господарской или ленным правом, землевладельцы обычно выступают с другими просьбами. В них идет уже речь об укреплении данин на вечность. Жмудский земянин пан Ян Ездатый, получивший на «хлебокормление» «6 волок земли оремые, лесу сеножатей кгрунту подлаго, а седъмую на выпусту у волости Кгондиньской, в войтовстве Мишанском» под условием военной службы, просил об отдаче их ему на вечность[212]. О том же хлопотал земянин Ян Станиславович Одаховский, получивший от жмудского старосты пана Яна Ходкевича сначала пожалование в размере «34 волок населенных и лесных пустых 6 волок». Он просил «абыхмо ласку господарскую вделали в тые села, преречоные з людьми в них оселыми и оные волоки лесные ему дали и листом господарским подтвердили на вечность»[213]. Вообще, ходатайства о превращении данин в вечное владение в эпоху реформы — явление самое обыкновенное. Может быть, шляхта хотела ими восполнить все убытки и ущербы, понесенные ею вследствие аграрных мероприятий Сигизмунда-Августа.

Аграрная реформа преследовала округление господарских имений и уничтожение чересполосицы. Для частного же собственника она создавала множество неудобств: изменяла границы его владений, сокращала земельную площадь в одном месте и увеличивала в другом, в результате чего все хозяйственные планы шляхтича могли быть совершенно расстроены.

Не имея возможности предотвратить производство аграрной реформы, шляхта не могла примириться с ее последствиями. Отсюда у шляхты является желание захватить несколько соседних волок, лежащих вблизи имения и с помощью их хотя бы немного округлить свое имение. Такого рода шляхетские челобития чрезвычайно обильны, и обилие последних может служить показателем того, как сильно реформа Сигизмунда-Августа задела материальные интересы шляхты.

В некоторых челобитиях о наделении волоками шляхта оправдывала свою просьбу тем, что просимые волоки «споруч прилеглые к имению». Так например, пан Станислав Райский

---

[211] ЦГАДА, ЛМ, КЗ XXXVIII, л. 455; XLI, лл. 20, 22, 221, 222.

[212] Там же, КЗ XLVIII, л. 267.

[213] Там же, КЗ XXXIX, л. 626; XXXVIII, л. 494; XXXIX, л. 636; XLVI, л. 20; XLVIII, л. 213; XLI, лл. 35, 103, 145, 162, 261 и др.

просил господаря «абыхмо пожаловали ему и дали два застенка 49 моргов земли», приписанных к фольварку Вороневскому при господарском селе Ромейках, так как они были «прилеглыми» к его имению Бурбенискому [214]. И писарь скарбный Мановский-Федорович, получивший несколько раньше от господаря дворец в волости Виликейской, просит об отводе ему 10 волок «прилеглых ку тому двору с людьми на них оселыми и с их службами и податками» [215]. Просьба писаря уже более основательная. Здесь идет речь не об отдаче бесполезного для господарского хозяйства застенка, а о целом куске доходной территории.

Впрочем, иногда просьба о пожаловании волок «споруч имению прилеглых» сопровождалась просьбой взять такое же количество волок на господаря, благодаря чему в общем происходила обоюдная сделка, небезвыгодная для обеих сторон, в особенности для частного собственника, так как этим достигалось округление его имений. Подкоморий ковенский и ревизор дворов и замков Понеманских пан Войтех Девялтовский просил пожаловать ему четыре села «прилеглых к его имению», в которых было 40 волок, а взамен этого приписать к господарским землям три его села, которые «широкостями кгрунтов и иными пожитками оным селам суть ровны» [216]. И воевода витебский, округлявший свое имение в Витебском повете по соседству с земянином Федором Данилевичем, просил об уступке села Должки вместо села Козловичи, которые были совершенно одинаковой ценности [217]. Так жизнь заставляла вносить некоторые и, притом весьма существенные, поправки в действия господарских агентов, осуществлявших аграрные мероприятия правительства.

Сплошь и рядом шляхта разбирала свободные волоки, оставшиеся не разобранными подданными, с обязательством уплаты в господарскую казну определенного чинша. Отдачей волок в аренду заведывала местная администрация, а шляхтичам, взявшим волоки под условием определенной платы «на плате врочистому», оставалось только обратиться к господарю с просьбой оставить их при «тых землях». Так, державца мостовский дал дворянину Прокопу Григорьевичу «две земли пустовские», лежавшие при Мостовском дворе, а последний бил челом господарю «абыхмо ласку господарскую вчинили и при тых землях его заставили» [218]. Иногда лица, бравшие земли «на врочистом

---

[214] ЦГАДА, ЛМ, КЗ XXXVIII, л. 301.
[215] Там же, КЗ XXXVII, л. 105.
[216] Там же, КЗ LV, л. 316.
[217] Там же, КЗ XXXVIII, л. 29.
[218] Там же, л. 434.

плате», получали некоторую льготу в платежах, освобождались на некоторое время от уплаты последних.

Земянин Петр Михайлов получил в Чечерской волости пустовщину и три земли куничных, а потом, когда староста слонимский пан Григорий Волович совместно с писарем и секретарем державцей марковским Михаилом Нарушевичем «тыя земли на плате врочистом положили и наклад не малый положили, то з ласки господарской» он был освобожден от давания платов и чинша на три года [219].

Но, с другой стороны, те же держатели волок «на врочистом плате» забрасывали господаря челобитиями с просьбой об освобождении их от платежа чинша, с оставлением волок в их руках на определенных условиях. Благодаря таким челобитиям держатели волок проделывали весьма выгодную для себя материальную сделку: и земля оставалась в их руках, и чинша в господарский скарб не платили. Правда, такая земля была всего только даниной, условным пожалованием, но ведь ее-то, при известных условиях, путем того же челобития можно было сделать вечной. Освобождение волок от чинша и превращение их в данину сопровождалось возложением на челобитчика обязанности военной службы, причем правительство в листах, выданных челобитчику, всегда подробно определяет и размеры последней. Конечно, это было необходимо, так как сеймовое постановление 1528 г. о военной службе было неприменимо к землям, измеренным на волоки, и потому приходилось всякий раз определять размеры такой службы.

Иногда такие челобития сопровождались ссылкой на разорение от московского государя, а больше ссылались на господареву ласку [220]. Так, при производстве аграрной реформы в Кременецкой волости дьяк Андрей Иванов дал земянину Матею Войтеховскому 10 волок, в числе которых было 6 волок средних по качеству и 4 волоки «дубровы, на проробок годное» за «певный» плат. Но земянин обратился с просьбой «абыхмо ласку господарскую вчинили и з давания плату его вызъволили и дали ему тый десять волок до воли и ласки господарской» [221]. И дворянин Григорий Иванович, державший «на врочистом плате» 50 моргов «земли оромое, форосту и сеножатей кгрунту подлого», с которых «плат вельма малый» поступал в господарский скарб, просил господаря об освобождении его от «плата» и о присоединении вышеназванного участка к его именьицу Козловскому под условием земской службы [222]. Иногда челобитчики в ходатайстве об освобождении их от чинша приводили

---

219 ЦГАДА, ЛМ, КЗ XXXIX, л. 455.
220 Там же.
221 Там же, КЗ XLI, л. 270.
222 Там же, КЗ XLVIII, л. 226.

и более серьезные аргументы для подкрепления своей просьбы. Так, служебник пан Юрий Бобович получил 6 волок «пустых кгрунту леса не разробленого з надбавками и моргами у трох застенках» с обязательством платить «на каждый год с каждое волоки по 2 злотых польских». Но так как для разработки «кгрунта» было необходимо истратить немалые деньги, то за Бобовича хлопотал староста берестейский и кобринский Остафий Волович об освобождении его от платежа чинша [223].

С осуществлением аграрной реформы выяснилось, что далеко не все волоки были разобраны подданными. Немало оставалось пустых участков в особенности там, где была земля плохая, болотистый грунт, так что, вероятно, никто из подданных не соглашался сесть на такой земле, на тяглой службе или осаде. Такая земля, лежавшая «впусте», не приносила господарскому скарбу никаких доходов, а между тем сплошь и рядом случалось, что она была небесполезна землевладельцу-шляхтичу. Поэтому последние, пользуясь тем, что земля пустая, бездоходная, обращаются к господарю с просьбой об отводе им пустых никчемных волок, прекрасно понимая, что в данном случае не может быть никакого отказа со стороны господаря. Так, служебник Ян Двиронский бил господарю челом и просил его «абыхмо ему дали $1^1/_2$ волоки пустых», приписанных к Кревскому замку. Грунт этот плохой, никуда не годный — «болота ниж сухого кгрунта» [224]. Господарский служебник Теофил Младецкий просил о пожаловании 4 волок пустых, лежавших при Трабском дворе. Получив последние, он, спустя некоторое время, снова бил челом господарю «абыхмо ему ласку господарскую вделали, а ку тым чотыром волокам земли пустых», ранее данных, еще «три волоки земли пустых людьми неоселых», там же в волости Трабской и при селе Иванковичах ему дали [225]. Точно так же и князь Михаил Оболенский просил о добавочном вознаграждении застенком в размере 5 волок «с котораго жадного пожитку» не было, и только шли с него дрова на господарский двор [226].

Равным образом в руки шляхтичей могли попасть и местские волоки. Если мещане не разобрали всех волок, и оставалось еще некоторое количество свободных, то последние отдавались на «голом плате» и немещанам. Благодаря этому немало шляхтичей оказалось держателями местских волок. Обыкновенно это делалось самими ревизорами при первоначальной раздаче волок. Так, земянка Катерина Приклоцкая получила от «ревизора замков и дворов наших Подляшских» Ивана Сапеги,

---

223 ЦГАДА, ЛМ, КЗ LXX, л. 213.
224 Там же, КЗ XXXVII, л. 114.
225 Там же, КЗ XXXIX, л. 252.
233 Там же, КЗ LXXVI, лл. 169, 171; LXXIV, л. 244.

«землю местскую» застенок места «Берестье», в котором было «4 морга грунту посполитого поля и сеножатеи». С данного застенка земянка должна была платить чинш в местский скарб [227]. Чтобы укрепить местские волоки за собою, надо было получить господарское подтверждение. Иначе такое держание волок во всякое время могло быть отобрано как незаконное.

Кроме того, шляхтич мог стать держателем местских волок посредством покупки их у мещан, конечно, с соответствующим господарским утверждением. Шляхтич, тем или другим способом державший в своих руках местские волоки, становился под присуд нового суда, наравне со всеми нешляхтичами-землевладельцами, и, кроме того, он был обязан принимать некоторое участие в отправлении местских повинностей и во внесении в местскую казну соответствующей доли расходов, как «иншие мещане». Наконец, шляхтичи и сами обращались к господарю с просьбой о пожаловании местскими волоками. По всей вероятности, это делалось тогда, когда местские волоки были «прилеглыми» к землям челобитчика и таким образом были для него большой хозяйственной ценностью. Так, шляхтич Сципион Кампо просил Сигизмунда III о пожаловании ему под местом Новодворским 4 волок пустых и застенка в количестве 8 волок, так как эти волоки были прилеглыми к его фольварку. Челобитчик просит об отводе их на голом чинше [228].

Шляхтичи могли также стать мещанами в собственном смысле этого слова. Стоило только шляхтичу приобрести дом и место в городе. Большей частью это делалось посредством покупки у мещан дома или плаца [229]. Шляхтич, приобревший в городе место или дом, приравнивался по своему юридическому состоянию к обыкновенному мещанину, т. е. подлежал городскому присуду как владелец недвижимого имущества в городе и был обязан наравне с другими мещанами платить местские налоги и отправлять городские повинности.

Нельзя сказать, чтобы шляхтичи, ставшие держателями мещанских волок или собственниками недвижимого имущества в городах, вполне примирились с своим положением. Изучение обильного, но довольно однообразного материала, позволяет составить определенное впечатление о желании шляхтичей избавиться от тех новых обязанностей и повинностей, которые падали на их голову как владельцев недвижимого городского имущества. Прежде всего, шляхтичи желают освободиться от платежа чинша за мещанские волоки. Челобитчики, выступая с ходатайством о сложении чинша с мещанских волок, не всегда аргументировали свою просьбу, а прибегали к обычному

[227] ЦГАДА, ЛМ, КЗ XXVI, л. 255.
[228] Там же, КЗ XLI, л. 327.
[229] Там же, КЗ LXXVI, лл. 169, 171.

в таком случае выражению «вчинити господарскую ласку». Так поступил известный деятель аграрной реформы Лаврин Война,— господарский писарь, державца олитский — человек с большим положением и политическим весом. Понятно, что ему не приходилось аргументировать своей просьбы. Здесь главным аргументом была личность самого просителя [230]. Но не все так поступали. Другие считали целесообразным привести те мотивы и соображения, коими обусловливалось их обращение с челобитием к господарю. Одни из челобитчиков объясняют свое ходатайство тяжелым материальным положением, полной невозможностью отправлять исправно все местские повинности. Так, служебник Якуб Желикговский, купивший у городенских мещан некоторое количество волок «то пак теперь уплачению цинъшу и в повинностях местских трудности собе быти менуючи», просил об освобождении его «от платы повинностей местских» [231]. Так точно поступила и вдова Анна Дыбовская, владевшая 12 волоками в селе Колбамне, с которых ее муж исправно платил чинш в местский скарб и отправлял все местские повинности. После его смерти «немогучи повинностям с тых волок местских належачим досыти чинити», она обратилась к господарю с ходатайством об освобождении ее «от плачения чиншов и инших повинностей местских, належачих з оных волок» «ради» заслуг «малжонка ее небожника Андрея Дыбовского» [232].

В других челобитиях высказывалось желание освободиться от присуда замкового суда и об отдаче челобитчика «под присуд майборского права». С такой просьбой обратился шляхтич Сципион Кампо. Впрочем, такие челобития встречаются довольно редко. Вернее, такие просьбы можно считать исключением. Шляхтич желал оставаться шляхтичем и даже косвенным образом не желал принадлежать к мещанству. Недаром шляхтичи, приобревшие в городе недвижимое имущество, немедленно обращались к господарю с просьбой о «вызволении их от местского присуда, замковых и местских повинностей», которые они должны были нести наравне со всеми мещанами [233]. Впрочем, не всегда просьба об освобождении от местского присуда непременно влекла за собой ходатайство об освобождении от местских повинностей. Так, земянин Иван Федорович Бока, купивший в Городне место и плац, просит об освобождении его от «присуду местъскаго» и об освобождении его от замковых повинностей, соглашаясь нести местские повинности, «которые перве з него полнены бывали» [234]. Бока просит о подтверждении их особым господарским листом. Просьба об освобождении от

[230] ЦГАДА, ЛМ, КЗ XLVIII, л. 379.
[231] Там же, л. 364.
[232] Там же, КЗ XLVIII, л. 348.
[233] Там же, КЗ LXXVI, лл. 169. 171; LXXIV, л. 244.

местского суда сопровождалась параллельным ходатайством об отдаче челобитчика «под присуд шляхетского права». По существу такая просьба являлась некоторым нарушением действующего права, так как присуду шляхетскому подлежали только лица, владевшие в том или другом повете недвижимым имуществом. Но такие нарушения уже стали обычными в Литовско-Русском государстве с 60-х годов XVI в. и это вполне понятно, раз в это время совершалась окончательная шляхетизация Литовско-Русского государственного строя.

К шляхетским челобитиям, подававшимся шляхтой в связи с аграрными мероприятиями правительства, следует также отнести и челобития о разрешении устраивать в собственных имениях корчмы, торги, ярмарки, местечки. До 1552 г. шляхетские челобития об этом предмете можно считать единицами. С 1552 г. количество их ежегодно увеличивается. И это вполне понятно. До половины XVI в. в стране не было заметно большого торгового оживления. Дороги были пусты. С половины XVI в. наоборот, происходит большое оживление в торговых делах. С ростом внутренней и внешней торговли оживились торговые дороги, местные ярмарки и еженедельные торги. Это оживление было учтено шляхтой, предполагавшей извлечь из него и для себя некоторую выгоду. Устраивая на торговой дороге корчму, гостиницу, получив право торговать спиртными напитками, шляхтич тем самым мог существенно увеличить свои доходы. Такое же материальное значение для шляхты имело и устройство местечек и открытие в них ярмарок и торгов. Учитывая все эти хозяйственные выгоды, шляхтичи и забрасывают господаря просьбами об разрешении устроить корчмы и стодолы. Все эти многочисленные шляхетские челобития довольно однообразны. Шляхтичи просят об устройстве корчмы и стодолы в собственном имении, лежащем на такой-то дороге. Такими дорогами являлись для шляхтича пути, шедшие из Вильны в разные стороны или соединявшие между собою какие-нибудь местные крупные хозяйственные или административные центры или дороги, по которым отправлялись разного рода товары [235].

В других челобитиях просьба об открытии корчмы соединяется с ходатайством о разрешении устроить новое место, с позволением осаживать в нем вольных людей и иметь в нем еженедельный торг. Такие местечки устраивались около господарских замков, больших дорог, речных пристаней [236].

---

[234] ЦГАДА, ЛМ, КЗ LXXI, л. 266.

[235] Там же, КЗ LXXVIII, лл. 19, 22, 71, 108, 143, 223, 293, 300, 333, 343, 399, 400, 424, 484, 507, 635; XXXIX, лл. 139, 173, 199, XLIII, лл. 16, 34; XXIII, л. 38 и др.

[236] Там же, КЗ XXXVIII, лл. 52, 84, 175. 178, 203, 342

В третьих челобитиях просьба об устройстве местечка соединяется с ходатайством о разрешении устраивать в данном местечке ежегодную ярмарку [237]. Иногда в челобитиях просьба об осаде местечка соединялась и с просьбой о разрешении открыть в нем корчму и завести еженедельный торг и, наконец, ярмарку [238]. В некоторых челобитиях просители, ради подкрепления своей просьбы, указывали правительству «иж дей тая корчма его не будет на жадной шкоде и переказе местом, торгом и ярмарком нашим господарским» [239]. Наконец, к числу челобитий, тесно связанных с аграрной реформой, следует отнести и ходатайства об устройстве мостов через реки, протекавшие среди частновладельческой земли. Устраивая мост и получая разрешение собирать «мостовое» в свою пользу, владелец моста извлекал довольно большую материальную выгоду. Вполне естественно, что он был заинтересован в постройке моста. Иногда отсутствие моста через реку причиняло частному землевладельцу немалые убытки. Так, один из них, некто пан Лукаш Ленский, ходатайствуя о разрешении устроить мост через реку Жижму, ссылался на то, что отсутствие последнего приносит ему большой убыток, в особенности во время половодья, так как ездоки «не могучи подчас за великим половодьем через реку Жижму под двором его Койцунишени есть переежджати» направляют свой путь к его гребле, но при этом, переезжая «новые дороги сеножатьми и польми его собе покладають». Помимо этого, от частых переездов и самая гребля портится [240].

Аграрная реформа Сигизмунда-Августа создавала для шляхты целый ряд весьма существенных неудобств. Сплошь и рядом шляхте приходилось убеждаться в том, что хозяйственная политика литовско-русского правительства ставила частновладельческое хозяйство в совершенно невозможные условия существования, с которыми, конечно, мириться было нельзя, но, с другой стороны, и изменить приемы хозяйственной деятельности господарских агентов было невозможно.

В таких случаях и для правительства, и для частного собственника оставался один выход — поменяться имениями. От такой мены выигрывало только правительство. Шляхтич, согласившийся заменой имений устранить возникавшие недоразумения, материально очень страдал, так как ему приходилось бросать свое заведенное и налаженное хозяйство и устраиваться на новом месте. Правительство же такого неудобства совершенно не испытывало.

---

[237] Там же, лл. 221, 225, 424.
[238] Там же, лл. 226, 230 и др.
[239] Там же, л. 635.
[240] Там же, КЗ XLIII, л. 16.

Вопрос о мене имениями подымается или правительством, или по инициативе частного лица. И в том, и в другом случае мотивы были разнообразны. Иногда правительство уже при самом волочном измерении видело необходимость «привлащения» всего имения к господарским землям. Сделать это без согласия собственника было совершенно невозможно. Вот почему правительству оставалось предложить тому или другому лицу отдать свои земли господарю, получив взамен соответствующую компенсацию. Когда шло измерение на волоки Волкиниской пущи, то выяснилось, что для «лепшой сторожи» необходимо привернуть к господарскому двору двор, села и людей Шимона Грабовского, за что последний, конечно, получил соответствующую отмену, благодаря которой увеличилось его имение Сперское в Городенском повете. Нельзя не считать такую мену выгодной для шляхтича, так как расширение его имения за счет «споручных» господарских земель давало ему возможность расширить на одном месте поле своей хозяйственной деятельности [241]. И земельные собственники в заботах об улучшении своего хозяйства приходили к мысли о целесообразности округления имения за счет господарских земель и, со своей стороны, предлагали правительству совершить сделку — замену одного имения другим. Когда виленский воевода убедился, что господарские села двора Волкениского Белевичи и Мелечики и, в особенности, село Пацевичи, приписанные к Мстибоговскому замку, «споручны и потребны» для его Супрасьскаго замка, так как тогда он может устроить «став» на реке Супрасле, то он просил взять на господаря его село Корапульское, а ему дать в замену вышеупомянутые села. Так как количество волок было одинаково в трех господарских селах и в селе виленского воеводы, то Сигизмунд-Август счел возможным произвести такую замену тем более, что село Карапульское лежало поблизости господарского места Васильков и было ему «весьма споручно» [242]. Конечно, такая мена имениями была небезвыгодна для виленского пана, но в ней для господаря не было крайней необходимости. Не будь челобитчиком сам виленский пан, едва ли правительство удовлетворило такого рода челобитие.

Но в практике правительства бывали и другие случаи, когда замена вызывалась необходимостью, когда без нее не могли обойтись ни правительство, ни землевладелец, в особенности последний. Правительство Сигизмунда-Августа, озабоченное улучшением своего хозяйства, поставило на реке Лососенице «став», который совершенно залил большую часть земель земянина Тимофея Григорьевича Олизаровича, так как они были

---

[241] ЦГАДА, ЛМ, КЗ XLVIII, л. 70

[242] Там же, л. 58.

расположены на берегу той же реки. Тогда Олизарович обратился с челобитием к господарю взять у него «остаток земель отчизных ку добрам вашим привернувши», а ему за это дать отмену на каком-нибудь «иншом» месте[243]. Иногда земянину приходилось просить о замене, так как создавались между собственником и господарским населением совершенно невозможные отношения. Господарский агент при производстве реформы в Городенском старостве разрешил городенским подданным не возить своего хлеба на мельницы в имение Остафия Воловича. С этим не мог помириться последний, видя в этом «уближене собе пожитков», и продолжал отбирать от тамошних мещан «меру от млына». Последние, естественно, не имели ни малейшего желания платить и протестовали как могли. С своей стороны, Остафий Волович обратился к господарю с просьбой «заховать его водле старых листов», но господарь предпочел дать ему замену мозырскими новоселами, а его имение приписать к господарским землям. Замена была дана в другом повете, так как в Городенском старостве совершенно не оказалось подходящей земли[244].

Аграрная реформа довольно сильно взволновала и задела шляхетство. Не успокоилось оно и после проведения в жизнь волочного измерения. Шляхтичи, считая себя обезземеленными господарскими агентами, насильно захватывали земли подданных, и правительство для разрешения этих, уже сильно надоевших, несогласий посылало особых комиссаров для производства судебного следствия, разбора дела на месте и определения спорных границ. Земянин Троцкого повета Николай Кгурский «своевольне» и «без жадного права» забрал господарские земли, прилегавшие к Сомилишскому двору, присоединил их к своим землям и устроил на них двор. Посланы были комиссары. Рассмотрев дело, они отдали распоряжение вернуть земли обратно господарскому двору, а возведенный дом Кгурский должен был снести совсем. Впоследствии он старался оправдать перед господарем свой проступок тем, что ему эти земли были даны в качестве отмены за земли, отошедшие под господарские грунты, и представил лист ревизора, которого комиссары не видели, и, не имея никаких оснований для оставления у него земли, отобрали ее. Господарь принял во внимание заявление Кгурского и поручил Лаврину Войне и ревизору двора Сомилишского произвести соответствующее расследование. Но когда последние приехали на место, то местного державцы не оказалось, и они не могли выехать на спорные земли. Так как Кгурский «поравненье» волок считал для себя «кривдой и шко-

[243] ЦГАДА, ЛМ, КЗ LXXIV, л. 155.
[244] Там же, КЗ LXXIII, л. 529.

дой», то Сигизмунд-Август, «постерегаючи, абы никто на власности своей не шкодовал», и чтобы Кгурский «управу оных комиссаров не поносил», решил послать новых комиссаров, которые должны были сызнова пересмотреть дело. Если оказалось бы, что земли забраны им «свовольне», то необходимо привернуть их к господарскому двору. Если же выяснится, что ему эти земи даны в качестве отмены, то надо немедленно дать ему «слушную» отмену [245]. Если данный захват земли имел хотя бы некоторое подобие законности, то нередко были случаи, когда расследование показывало полное отсутствие у землевладельца прав на тот или другой земельный участок. Тогда последний отбирался на господаря.

Подкоморий земский пан Лаврин Война получил в отмену 20 волок в Беловежской пуще, а потом «гвалтом» захватил еще 20 волок. Для проверки прав на землю были посланы комиссары, которые должны были привернуть незаконно захваченные волоки к господарским пущам. Документы, представленные опекунами детей Лаврина Войны, дали возможность комиссарам «для успокоения» оставить 40 волок земли за женою и детьми [246].

Иногда на почве захвата господарских земель возникали серьезные недоразумения с населением, которое, считая ту или другую землю своей, не могло помириться с состоявшимся захватом и обращалось к господарю с просьбой о расследовании, для чего обыкновенно посылалась специальная комиссия. Земянин Ян Курош забрал себе немало господарских земель в Борисовской волости, а между тем, по утверждению жителей Борисовской волости, они «спокойне з давных часов от колико десять лет они спокойне držачи уживали, и тот кгрунт здавна належал и прислухал к их землям». Были высланы комиссары, которые и решили дело в пользу подданных Борисовской волости [247].

Забрасываемый челобитиями со стороны шляхты, Сигизмунд-Август, как и его ближайшие преемники, если только основывать свое впечатление на документах литовской метрики, в общем относились к ним довольно внимательно. Впрочем, другого отношения и не могло быть. Не говоря уже о том, что начавшийся процесс шляхетизации литовско-русского государственного строя и сложные вопросы внешней политики, выдвинутые войной с Московским государством, заставляли правительство считаться с желаниями и настроениями шляхты, Сигизмунд-Август не мог, конечно, не знать того, что при осуществ-

[245] ЦГАДА, ЛМ, Книга Публичных Дел, X, л. 46. (В дальнейшем — КПД).
[246] Там же, КЗ LXVIII, л. 17.
[247] Там же, КСД XLIV, л. 196.

лении аграрных мероприятий было допущено немало вольных и невольных злоупотреблений со стороны правительственных агентов, злоупотреблений, которые нужно было поскорее исправить для «успокоенья» шляхетского народа. Уже одним этим можно объяснить полное внимания отношение Сигизмунда-Августа к челобитиям шляхты, в которых затрагивался вопрос об отмене. Среди последних, конечно, первое место занимали челобития, в которых указывалось на неполучение отмены. Это не только злоупотребление со стороны правительственного агента, но и нарушение прав шляхты. Это посягательство на права и привилегии, фиксированные в статуте 1529 г. Такого рода просьбы подлежали немедленному удовлетворению, так как правительственные агенты действительно допускали злоупотребления в вопросах первостепенной важности. Но, признавая необходимым удовлетворение таких челобитий, правительство считало нужным убедиться в правильности поданного челобития. Назначалось предварительное расследование. Оно поручалось местному державце. Так, каменецкий державца Мартин Тур должен был проверить сколько «властности» Сапеги взято под волоки, и только после соответствующего донесения Тура — Сапега мог получить следуемую ему отмену [248]. Если же правильность челобития была для правительства вне сомнения, то ответом на поданное челобитие являлось господарское распоряжение о производстве отмены.

В ответ на просьбу пана Ивана Кортевича и его брата о неполучении отмены Сигизмунд немедленно дал распоряжение берестейскому старосте «росказать за тые земли их у волоки наши помененные отмену так много и так доброе земли дати, где бы споруч было» [249]. Та же обязанность возлагалась на местного державцу и господарского правительственного агента, находившегося в данной местности. Остафию Воловичу и земянам была дана отмена «державцей трабским паном Станиславом Миколаевичем Пацом и дворянином паном Яном Стелецким». Они должны были дать им отмену «также добрыми землями и также много, яко в них взято» и дать там, «где бы им было споруч». Для того, чтобы «ровная и слушная отмена» была действительно «споруч лежачая», пану Пацу и Яну Стелецкому господарским листом разрешалось широко пользоваться землями дворов Трабского, Кревского, Ошмянского, которые также «близко прилеглы к их имениям [250].

Так поступало правительство Сигизмунда-Августа тогда, когда права челобитчика на отмену были вне сомнения и не вызывали никаких возражений со стороны правительственной

[248] ЦГАДА, ЛМ, КЗ XXXVIII, л. 39.
[249] Там же, КЗ XIII, л. 24.
[250] Там же, КЗ XXXVIII, л. 218; XXIX, л. 596.

власти. Если же права тех или других лиц на отмену не были доказаны, то порядок удовлетворения шляхетских челобитий был несколько иной. Если отмена не давалась только потому, что шляхетство самого челобитчика находилось под некоторым сомнением, то назначение отмены делалось уже после вывода шляхетства. В таком случае делалась справка по листам, действительно ли земли были отобраны; потом производился «вывод» шляхетства, и уже затем делалось распоряжение о восстановлении нарушенного права. Так, Сигизмунд III только тогда разрешил дать соответствующую отмену группе жмудских земян, когда они соответствующим образом доказали свое шляхетство [251].

Что же касается тех просьб, с которыми просители обращались к господарю о новой данине — отмене, когда просители не имели «вечности» на имение, то такие просьбы большей частью удовлетворялись и Сигизмундом II, и его преемниками, но при этом в новом листе еще настойчивее подчеркивалось право господаря отобрать такие земли без всякой отмены, а новое пожалование квалифицировалось как акт господарской милости в силу тех или других обстоятельств [252].

Многочисленные шляхетские челобития о дополнительной или новой отмене заставляли правительство быть очень внимательным к таким просьбам и тщательно проверять каждое челобитие, чтобы, с одной стороны, поспешное решение не принесло сильного материального ущерба господарскому скарбу, а с другой стороны, расследованием ходатайств того или иного шляхтича исправить вольные или невольные пробелы и даже злоупотребления со стороны деятелей самой реформы при ее проведении. Если жалоба шляхтича на неполучение отмены была совершенно справедлива, то обыкновенно возвращалась уже «размеренная на волоки земля» [253]; а если выяснялось, что без данной шляхетской земли невозможно «поравнение» господарских земель, то эта отобранная земля оставалась в составе господарских земель, а ее собственнику давалась соответственная «слушная и ровная отмена» [254]. Конечно, до отвода отмены господарским агентом предварительно вычислялось, какое именно количество земли отобрано под господарские волоки. И только тогда давалась определенная отмена [255].

Само собой разумеется, что господарю приходилось удовлетворять и просьбы о дополнительной или новой отмене, когда вполне выяснялась законность жалобы того или другого шлях-

---

[251] ЦГАДА, ЛМ, КЗ LXXVI, л. 207.
[252] Там же, КЗ XLI, л. 319.
[253] Там же, КЗ XXXVII, л. 123.
[254] Там же, КЗ XXXVII, л. 364.
[255] Там же, л. 339.

тича. Так, господарь признал, что земянину Виленского повета Матвею Филипповичу была дана «неровная» отмена, а потому дается распоряжение дать ему в отмену за его дворец равное количество земли, и при этом непременно в одном месте. Это было тем более необходимо, что Филиппович владеет отчизной землей не один, а совместно с шестью братьями. Имение их небольшое и другого «поживенья слушного» они иметь не могут [256]. Впрочем, не всегда господарская резолюция была так категорична, как вышеназванная. Так, господарь соглашался только в том случае дать земянину Алексею Новицкому с его братьями «слушную и ровную отмену, споруч к двору их прилеглую», если действительно окажется, что ему «по справедливости» дано мало, т. е., другими словами, окончательное решение вопроса господарь передавал на рассмотрение или местного старосты-державцы, или господарского ревизора [257]. Вообще, Сигизмунд-Август удовлетворял все челобития о новой или дополнительной отмене, если только они имели хоть какое-нибудь основание. Конечно, другого отношения к шляхетским челобитиям быть не могло. Во-первых, шляхта была крупной политической силой, с которой литовско-русское правительство не могло не считаться, во-вторых, разрешениями на дополнительную или новую отмену правительство стремилось исправить некоторые недостатки проведенной реформы, и их исправлением успокоить взволнованную и раздраженную литовско-русскую шляхту.

Точно так же обстояло дело и с шляхетскими челобитиями о подтверждении отмены. Великий князь должен был удовлетворить все шляхетские челобития или ходатайства отдельных чинов администрации. К тому же сам господарь на сейме 1564 г. обещал подтверждать отведенные отмены. Следовательно не было никаких оснований задерживать их утверждение. Так поступали и Сигизмунд-Август, и Стефан Баторий, и Сигизмунд III, раз самая отмена не возбуждала сомнения. Они выдавали господарские листы, укреплявшие господарскую отмену на «вечные часы».

И к другим шляхетским челобитиям правительство Сигизмунда-Августа относилось не менее внимательно. В ответ на многочисленные челобития бояр-шляхты, «абыхмо их имений мерить не казали», правительство давало ответ на него в особом листе ревизору той или иной волости, в котором подчеркивалось желание правительства оставить местную шляхту на правах военно-служилого класса. Этим самым у бояр-шляхты от-

[256] Там же, л. 399. В ответ на челобитие господарского слуги Юрия Миколаевича о том, что он считает данную ему отмену «себе кривдой», Сигизмунд послал ревизорам распоряжение дать ему отмену на «иншом месте». (Там же, КЗ XXXVIII, л. 182).

[257] Там же, КЗ XXXVIII, л. 182.

падала боязнь превратиться в разряд путных людей. Что же касается ходатайства «не мерить земель», то ревизору отдавалось распоряжение, чтобы он «достаточъне и справедъливе выведавши... которые з них служъбу земъскую шляхетъскую служивали и именей своих под шляхетъской волностью уживали», таковые земли измерил «гонеными волоками», где последнее возможно осуществить. Если же где-нибудь «гоненые волоки» не могут быть измерены, то оставшаяся земля все-таки должна быть записана в особом реестре. Однако измеренное и записанное в реестре имение только в том случае может быть присоединено к господарским землям, если «поравнение» господарских земель невозможно без присоединения его. За земли, которые отойдут «ку выполнению» господарских волок, безусловно необходимо было дать «слушную» отмену [258]. Если шляхетское челобитие содержало в себе жалобу на неправильные действия провинциальной администрации, то правительство тщательно проверяло жалобы и затем давало соответствующий ответ. Так, когда выяснилось, что староста мозырский пан Альбрехт Гаштольд не имел никаких оснований на владение «данниками», приписанными к имению «Саковъщина», то эти данники были возвращены земянам Скиндерям «яко властность и дедизна их». Так как Скиндери жаловались на то, что у них отобрали много земли, а отмены им не дали, то «господарским выроком» им была дана соответствующая отмена [259]. Этот юридический случай был тем любопытен, что лицом, завладевшим шляхетской маетностью являлся весьма видный и крупный магнат, которому пришлось все-таки отказаться от захваченной земли.

Что же касается шляхетских челобитий о земельных пожалованиях «ради разоренья» «на хлебокормление», то, конечно, все они удовлетворялись литовско-русским господарем. Действительно, не мог поступить Сигизмунд-Август иначе, раз в государстве земля являлась по-прежнему главным источником содержания военно-служилого класса. Но эта раздача господарских земель, измеренных на волоки или положенных на «платы», имела большое значение для господарского скарба. Из его ведения ушло немалое количество «волок и служб», а это уже в значительной степени подрывало и самое реформу, которая все-таки, в конечном счете, преследовала увеличение «господарских платов и повинностей».

Земли, розданные господарем литовско-русской шляхте, пострадавшей прямо или косвенно от неприятельского нашествия, жаловались на разных условиях и на основании различных

---

[258] ЦГАДА, ЛМ, КЗ XLII, лл. 45, 49, 50, 51.
[259] Там же, л. 133.

мотивов. Так, господарская земля раздавалась челобитчикам «ради послуг учестивых и потребных з залещания а посветчанья пана гетьманова и нашое ведомости» «для служб цнотливых» [260]. Но едва ли не главным основанием было ходатайство и свидетельство пана гетмана наивысшего, дававшего правительству вполне достаточные сведения о служебной годности того или другого челобитчика. Такие земли давались обыкновенно на правах данины с соответствующим обязательством нести военную службу. Раздавая такие данины, правительство большею частью не указывало срока, на который давалась жалованная данина, так что, по всей вероятности, такие данины были пожизненными. Но иногда в господарских листах точно обозначалось время, на которое давалось «хлебокормление». Так, последние давались до «очищения имения из руки непрятельския». Волоки раздавались как пустые, так и населенные. Впрочем, последние несомненно доминируют. Раздавались «хлебокормления» и на вечность [261].

Несколько затруднительнее было положение правительства при разборе тех челобитий, в которых просители, ходатайствуя о пожаловании, однако ничем не обосновывали своего ходатайства, за исключением только обычной ссылки на «господарскую ласку». Правда, в таких случаях челобитчики заручались содействием кого-нибудь из видных административных лиц, и, кажется, такое содействие-ходатайство имело для господаря решающее значение в смысле удовлетворения просьбы челобитчика. По крайней мере, правительство, выдавая лист на ввод во владение, обыкновенно объясняло выдачу такого листа «причиной и жеданьем пана воеводы виленского», пана гетмана [262]. В ответ на такие ходатайства давались пожалования «ради служб верных и пильных» челобитчика [263]. Точно так же обыкновенно господарем укреплялись пожалования, произведенные старостами и воеводами. Такие земли давались «до воли и ласки господарское». Держатели их освобождались от всяких служб и повинностей по отношению к господарскому двору [264].

Не менее затруднительно было положение правительства при рассмотрении челобитий о превращении данин в «вечность». В общем, и в данном случае челобитчики не получали отказа. Господарь по разным соображениям счел возможным их удовлетворить. Делалось это «з ласки господарское на причину пана старосты жомоитского и на челобитье» [265], «з ласки нашое

---

260 ЦГАДА, ЛМ, КЗ XXXVIII, лл. 333, 511, 544.
261 Там же, КЗ XLVIII, л. 267.
262 Там же, КЗ XXXVIII, л. 616.
263 Там же, л. 449.
264 Там же, КЗ XXXIX, л. 636.
265 Там же, л. 626, XXXVIII, л. 494.

господарское и для его нам службы», «маючи ласкавый взгляд на службы его... которыми он нам господару пану своему прирожоному обецне на дворе нашому будучи, пильне и верне ласку нажу заслужуеть и наперед его ко службам нашим охотнейшаго делаючи»[266].

При рассмотрении шляхетского челобития о присоединении господарских волок «споруч прилеглых» к частновладельческим землям, литовско-русское правительство, по всей вероятности, только тогда давало положительный ответ, когда убеждалось, что от таковой сделки не будет «никакой шкоды» господарским землям. Так, ревизору «дворов понеманских» пану Григорию Дельницкому было разрешено удовлетворить просьбу державцы олитского пана Станислава Райского о предоставлении ему двух застенков, когда выяснилось, на основании донесения того же ревизора, что от такой сделки господарским землям не будет никакой шкоды[267]. Конечно, если присоединяемая земля была заселенная, то и население данных застенков или волок переменяло владельца. Господарь передавал в руки частного владельца «службы и подданных»» «со всим тым яко на нас господаря держано было»[268].

Если же челобитчик в хлопотах об округлении имения предлагал господарю часть своего имения взамен господарского, то, в данном случае, господарское хозяйство не терпело никаких убытков, и правительству оставалось до совершения меновой сделки убедиться в том, что предлагаемые шляхтичем земли «широкостями кгрунтов и иными пожитками оным селам суть ровны»[269].

Точно так же не бывало отказа в просьбах о подтверждении раздачи волок на чинше. Раз волоки оставались неразобранными, то принятие волок шляхтичем под условием уплаты чинша, вполне, конечно, соответствовало хозяйственным планам правительства. Но дело в том, что те же самые шляхтичи торопились освободиться от стеснительного чинша и хлопотали об его сложении. Сохранившиеся господарские листы указывают, что и в данном случае челобитчик не получал отказа. Волоки, принятые на чинш, становились «данинами». Впрочем, так бывало не всегда. Иногда челобитчик просил о полном освобождении от всяких платов и повинностей, а ему давалась только льгота — освобождение от платежа на точно определенное время[270]. Держатель данины был обязан нести военную службу, а размеры последней всегда определялись в господарском листе. Земянин

---

[266] ЦГАДА, ЛМ, КЗ XLI, л. 103.
[267] Там же, КЗ XXXVIII, л. 301.
[268] Там же, КЗ XXXVII, л. 105.
[269] Там же, КЗ XLI, л. 316.
[270] Там же, КЗ XXXIX, л. 455.

Матей Войтеховский, добившийся превращения 10 чиншевых волок в данину «до воли и ласки господарской», был обязан ставить с них «двух пахолоков конно и збройно»[271]: Но такая господарская «данина» могла стать и наследственной, если только в господарском листе право пользования такой даниной передавалось «жене, детям и потомкам» челобитчика, фактически превращаясь в потомственное владение. Дворянин Григорий Иванович, освободившийся от платежа денег за находившиеся в его пользовании 50 моргов, с которых поступал в господарский скарб «плат вельми малый», получил данину на правах потомственного пользования[272]. Наконец, что касается шляхетских челобитий о присоединении к частновладельческим землям господарских волок, не приносивших господарско́му скарбу никаких доходов, то как только правительство тем или другим способом убеждалось в этом, сейчас же давалось соответствующее разрешение; точно так же удовлетворялись шляхетские просьбы об освобождении от местских повинностей, и от суда по магдебургскому праву, и от платежа чинша за пользование местскими волоками, и об отдаче просителя из-под замкового присуда под присуд магдебургского права. Такого рода челобития свободно могли быть удовлетворены правительством, так как они существенным образом не затрагивали интересов господарского скарба[273]. И к шляхетским челобитьям о корчмах, местечках, еженедельных торгах, ярмарках литовско-русское правительство относилось весьма благожелательно, так как само было заинтересовано в оживлении торговых путей и торговых сношений. Но выдача соответствующего разрешения на удовлетворение той или другой просьбы челобитчика могла сопровождаться нанесением весьма существенного убытка господарским интересам. Поэтому вполне понятно, что такие просьбы частного лица вызывают расследование со стороны правительства, не будет ли выдача того или другого разрешения убыточна для господарского хозяйства. И только по предварительном расследовании удовлетворялась часть таких просьб. Выдавая разрешение, правительство объясняло мотив данного разрешения. Собственно во всех господарских листах один и тот же мотив. Удовлетворение просьбы того или другого челобитчика не может быть убыточно для господарского хозяйства, ввиду того, что имения челобитчиков лежат «поодаль мест наших господарских». Поэтому, если челобитчик на своем «властном кгрунте» устроит корчму, то «тая корчма его без шкоды корч-

---

[271] ЦГАДА, ЛМ, КЗ XLI, л. 270.
[272] Там же, КЗ XLVIII, л. 226.
[273] Там же, КЗ XXXVII, л. 114; XXXIX, л. 252; XLI, л. 341; LXXVI, лл. 169, 171; LXXIV, л. 244.

мам нашим будет», или «тая корчма его на жадной переказе не будет»[274].

И разрешения на устройство местечка, открытия ярмарки или еженедельного торга сопровождались также указанием, что данное правительственное разрешение не повлечет никаких убытков для государственного хозяйства, так как указанное челобитчиком место лежит «далеко от местечком торгу нашим», а потому и не может нанести им никакого убытка[275]. Господарские разрешения, выдаваемые на устройство стодол и корчем «на гостинце» были далеко не все одинаковы. Прежде всего, разрешения на устройство корчмы и права в ней продавать «вольно мёд, пиво, горелку и иные стравные речи» выдавались под условием платежа в господарский скарб соответствующей капщизны и других податей, поступавших в господарский скарб[276].

Другие господарские листы уступали в пользу челобитчиков капщизну и иные господарские доходы, так что челобитчик не платил никакого «жадного плату нам господару, воеводам, старостам и врадникам нашим»[277]. Наконец, встречается немало челобитий, в которых на челобитчиков, освобожденных от платежа «господарских платов» возлагаются своего рода полицейские обязанности. Устроители корчмы должны были озаботиться и принять все меры к тому, «иж бы з оные корчмы их злодейств не множилося» или чтобы «никакого злодейства в тых корчмах» не делали[278]. Разрешение на устройство корчмы и стодол выдавалось обыкновенно на имя просителя, его жены, детей и потомков их, и таким образом приобретало характер потомственной привилегии[279]. Впрочем, не все господарские листы имели потомственное значение. Среди них встречалось немало таких, где выдача разрешения производилась только на имя самого челобитчика без передачи этой привилегии наследникам челобитчика[280].

Выдача разрешения на устройство «местечка» на заранее определенном просителем месте сопровождалась господарским распоряжением «засаживати местечко людьми вольными и похожими, а не отчичами и невольниками нашими, а не князьскими, панскими, земянскими доброволно садити». Затем челобитчик получал право иметь торг один раз в неделю[281].

---

[274] ЦГАДА, ЛМ, КЗ XLIII, лл. 15, 16, 25, 34.
[275] Там же, КЗ XXXVIII, лл. 84, 178 и др.
[276] Там же, лл. 55, 56.
[277] Там же, лл. 71, 76, 89, 173, 283, 300 и др.
[278] Там же, КЗ XLIII, лл. 15, 37, 71.
[279] Там же, КЗ XXXVIII, лл. 635; XLIII, л. 15.
[280] Там же, КЗ XXXVIII, л. 218 и др.
[281] Там же, лл. 84, 203.

Разрешая осаживать местечко и иметь в нем еженедельный торг и ярмарку один или два раза в году, господарский лист передавал в руки владельца местечка и судебную юрисдикцию «в дни торговые и ярморочные» «яко и иншие панове в панстве нашом отчизном». Конечно, и судебные пошлины переходили в руки владельца местечка. Но суд по так называемым «старостинским артыкулам» оставался во время торгов и ярмарок в руках провинциальной администрации[282]. Так же внимательно и благосклонно относился господарь к шляхетским просьбам о разрешении устроить мост через ту или другую реку. Господарь не отказывал шляхте в таких просьбах. С постройкой моста владелец его получал право собирать в свою пользу пошлины за переезд через новопостроенный мост. Уплата пошлины рассматривалась господарем «как наклад», вознаграждение за расходы по постройке моста. Обыкновенно в господарском листе отмечались и размеры мостового. Большею частью эта пошлина равнялась двум пенязям с воза, запряженного двумя конями и одному пенязю от воза «одъным конем». Платежу такой пошлины «на вечные времена» подвергались «за працу и наклад» все те, «кто тыми дорогами» будет ехать, и, следовательно, будет проезжать через нововыстроенный мост[283].

Всё вышеизложенное можно резюмировать в следующих положениях.

Аграрная реформа Сигизмунда-Августа была встречена литовско-русской шляхтой в высшей степени враждебно, так как она задевала ее материальные интересы. Свое недовольство шляхта выражала в челобитиях, подаваемых Сигизмунду-Августу на великих вальных сеймах 1554—1569 гг. В своих челобитиях шляхта просила о непредъявлении листов на землю, жаловалась на недобросовестные действия господарской администрации, на нарушение местных прав и вольностей, просила о том, чтобы отмена давалась непременно, ходатайствовала о том, чтобы в Жмуди староста давал отмену, если господарские ревизоры уедут, не дав ее.

Кроме того, шляхта просила, чтобы отмена не давалась тогда, когда она занята военною службой, ходатайствовала об ускорении процедуры отвода отмены. Сигизмунд II отнесся к шляхетским челобитиям отрицательно. Основные просьбы шляхетства оставались неудовлетворенными. Правительство считало, что шляхта не имела никакого основания вмешиваться в его аграрные распоряжения. Уступки, сделанные шляхте правительством, были ничтожными по своему характеру и нисколько не изменили основных приемов, с помощью которых осуществля-

---

[282] ЦГАДА, ЛМ, КЗ XXXVIII, лл. 203, 342.
[283] Там же, КЗ XLIII, л. 17.

лись аграрные мероприятия правительства. Определенный курс политики правительства заставил шляхту дать иной характер своим просьбам. В основе шляхетских прав на землю лежали шляхетские привилеи, начиная с 1447 г. Законность шляхетского землевладения достигалась при наличности тех или других письменных документов. Захватное землевладение было довольно распространенным явлением в Литовско-Русском государстве. Косвенным показателем этого может служить волынская ревизия 1545 г. и «Ревизия пущ и переходов», произведенная Воловичем. Осуществление аграрной реформы сопровождалось проверкой прав на шляхетство. Многие лишившиеся шляхетства добивались «вывода». Это достигалось на основании действующих узаконений 1522 и 1529 гг. Кроме того, практика «вывода» значительно расширила содержание вышеназванных узаконений. Восстановленные в шляхетских правах немедленно восстанавливались и в земельных правах. Условия производства отмены были довольно неопределенного и даже противоречивого характера. Шляхтич не мог отказываться от предложенной отмены, но ему предоставлялось право ходатайствовать перед господарем о восстановлении нарушенного права. Аграрная реформа Сигизмунда-Августа была проведена довольно односторонне, исключительно имея в виду только интересы господарского скарба. «Поравненье кгрунтов» было очень разорительно для землевладельцев, так как под волоки обыкновенно отбирались земли лучшего качества в сравнении с тем, какой была почва отмены. Отмену получали только те из землевладельцев, права которых были неоспоримы. Не получившие отмены по тем или другим соображениям должны были ходатайствовать перед господарем о ее назначении. В эпоху реформы литовско-русское правительство забрасывалось шляхетскими челобитиями. Шляхта просила о наделении отменой, о новой или дополнительной отмене или о подтверждении уже данной. В ту же эпоху шляхта обращалась к господарю с многочисленными ходатайствами о земельных пожалованиях. Мотивы ходатайств были чрезвычайно разнообразны. Озабоченная округлением своих земель и улучшением своего хозяйства, шляхта хлопотала о пожаловании земель пустых «споруч прилеглых» на чинше, так как не все волоки были разобраны господарскими подданными. Взяв волоки под условием уплаты чинша, шляхтичи по разным соображениям хлопотали об освобождении их от платежа чинша. Разбирая местские волоки, шляхта становилась подсудной магдебургскому суду и обязывалась платить мещанские подати и нести соответствующие повинности. Поэтому она хлопотала об освобождении от последних. Однако некоторые ходатайствуют о присуде по магдебургскому праву; впрочем, большинство шляхтичей, ставших мещанами, владель-

цами недвижимых имуществ в городах, просили об освобождении от городского суда и мещанских повинностей с отдачей их под присуд шляхетский. Учитывая торговое оживление в стране, шляхта подает Сигизмунду-Августу челобитие о разрешении устраивать в имениях «на властном кгрунте» «корчмы и стодолы», осаживать местечки, открывать в местах и местечках еженедельные торги и ярмарки. Различные хозяйственные условия иногда заставляли правительство, уже после волочного измерения, производить мену имениями — господарских на частновладельческие и наоборот. Осуществление аграрной реформы создавало для частных владельцев немало недоразумений с населением господарских земель и волостей, на почве чего возникали судебные процессы. Отношение господаря ко всем шляхетским челобитиям было самое благожелательное. Господарь, по возможности, старался удовлетворить все шляхетские просьбы, если они имели какое-либо законное основание, и тем успокоить шляхту, взволнованную и раздраженную его аграрной политикой.

XI. АГРАРНАЯ РЕФОРМА И ВОЛОСТНОЕ НАСЕЛЕНИЕ

Боярская отмена. Землевладельческие права бояр. Просьбы бояр об отмене, о сложении чинша, о наделении землей, о подтверждении земельного владения, об оставлении в боярском звании. Недоразумения бояр с соседями. Господарь и боярские ходатайства. Ходатайства подданных, несших специальные службы и отправлявших специальные повинности. Отношение господаря к челобитиям привилегированного крестьянства. Ходатайства тяглых и осадных подданных и ответы на них господаря. Итоги.

Аграрная реформа Сигизмунда-Августа должна была существенным образом задеть интересы бояр, земли которых измерялись на волоки, и которым так же давалась отмена, как и привилегированным духовным и светским землевладельцам.

Среди бояр [1], весьма близко примыкавших к шляхте, так что разница между ними почти не была заметна, имелся особый разряд, владевший землями и могущий подкрепить свое право на землю соответствующими документами. Это, конечно, не были полные собственники своих земель. Это были большею частью наследственные держатели земель, обязанные наравне «с иншей шляхтой» нести воинскую повинность. В таком случае, владел ли боярин землей потомственно или пожизненно на основании так называемого «леннаго права», «по уставе» при производстве аграрной реформы ему должна была отводиться полагавшаяся отмена. Впрочем, последняя не всегда давалась.

[1] Боярами в Великом княжестве Литовском называлась прослойка населения, занимавшая промежуточное положение между шляхтой (феодалами) и верхушкой крестьян. Но так как в середине XVI в. главной повинностью массы бояр была воинская служба, то боярство в то время стояло ближе к шляхте, чем к крестьянам, почему В. И. Пичета и употребляет часто выражение «бояре-шляхта», обозначая так тех бояр, которые не выполняли никаких других повинностей, кроме воинской. *(Прим. ред.)*

Господарские агенты и в данном случае оказывались довольно забывчивыми, и самим боярам приходилось восстанавливать нарушенное право. Но это было своего рода злоупотреблением властью, нарушением принятого закона.

Важно принципиальное мнение правительства о необходимости в известных случаях давать отмену боярам. Позиция же, занятая правительством в данном вопросе, настолько определенна, что не вызывает никаких сомнений. В этом можно убедиться на основании следующих господарских распоряжений. Когда правительство выяснило, что мстиславский боярин Михаил Константинович Викгура владел землею «ленным правом» в Кричевском повете и имел на него лист — данину и что «при поравненьи кгрунтов в волостех русских» у него была отнята ранее пожалованная земля и «привернута» к Кричевскому замку, «для того иж он на тую землю вечности на листе нашом не мел»; то ему была возвращена прежняя земля «со всими пожитками» на условии несения военной службы наравне с прочей мстиславской шляхтой. Правда, здесь не была дана отмена в прямом смысле этого слова [2]. Тут шла речь о возвращении боярину приписанного участка к господарскому замку. Но в самом акте возвращения земли прежнему владельцу содержится принципиальное признание необходимости давать в таких случаях отмену. Что отмены давались боярам и что получение их было их неотъемлемым правом — это признал и сам Сигизмунд-Август в следующем господарском листе. Он констатирует, что боярин Городенского повета Каменискии владел отцовскими землями, полученными им за службу при князе бискупе виленском Радивилле. Эти земли были отобраны «в померу и на пашню оберено», за что он получил отмену «волок, або трое больше». Если же в данное время он ею не владел, то только потому, что до сих пор не получил господарского листа. Особым листом на имя справцы старосты городенского господарь подтверждает право Каменискою на 6 волок с освобождением его от всяких повинностей, за исключением только, конечно, военной службы [3]. Итак, правительство признает, что за отчизные земли необходимо давать отмену. Во всяком случае, бояре могли получить отмену только в том случае, если они представляли господарским агентам и великокняжеские привилегии на право владения землей. Если этого не было, то такая земля отбиралась как незаконно захваченная и приписывалась к господарским землям. Когда мстиславский боярин Яков Федорович Левток с сыном не представил документов на право владения землей, то земля их была привернута к Мстиславскому замку [4].

[2] ЦГАДА, ЛМ, КЗ XXXVIII, л. 418.
[3] Там же, л. 389.
[4] Там же, КЗ XLI, л. 156.

Это — общий порядок. Но иногда и при отсутствии документов бояре получали отмену, если могли объяснить отсутствие у них документов и могли показаниями свидетелей доказать свое право владения. Могилевские бояре Гаврило Кононович и Иван Федорович получили отмену за свои земли, приписанные к Могилевскому замку, хотя не имели документов, которые, по их словам, забрал у них неприятель, но зато могли сослаться на показания соседей-бояр [5].

Тогда как в сознании правительства окрепло убеждение, что и бояре в некоторых случаях получают отмену, сами же бояре неполучение отмены считают резким нарушением их прав и требуют от правительства немедленного их восстановления, так как их земли как родовые, не подлежат измерению на волоки. У боярина Троцкого повета Зеника Грыниковича было отобрано под господарские волоки его имение и роздано подданным. Проситель считает это совершенно незаконным распоряжением, так как его предки владели этой землей и несли военную службу еще со времен Витовта. Поэтому он хлопочет о возвращении незаконно отнятой у него земли [6].

При производстве аграрной реформы Сигизмунда-Августа господарские агенты проверяли права на землю тех или иных бояр. Если фактическое владение землей не соответствовало тому, что было записано в господарской данине, то, как бы ни минимальна была разница, таковой участок отбирался у боярина и приписывался к господарскому замку: боярское владение считалось незаконным. Когда при производстве реформы в Кричевской волости ревизоры заметили, что боярин Протас Константинович Ярцов владеет несколькими дымами, тогда как согласно данине он может владеть только «пустовщиной», то ревизоры, заметив противоречие между фактическим владением и пожалованием, отобрали у боярина землю и присоединили ее к Кричевскому замку. Такие мероприятия господарских агентов — явление обыкновенное в эпоху волочного измерения [7].

Отмена принципиально давалась боярам лишь в случае представления документов на право владения землей. Так, группа бояр Ясвойнской волости не представила ревизору Кунцевичу «жадных твердостей на отчизны свои», ограничившись лишь указанием, что они «с давных часов с предков шляхтою быти мели». Но с таким доказательством права на землю ревизор не

---

[5] ЦГАДА, ЛМ, КЗ XLI, л. 126.

[6] Там же, XXXVII, л. 214. Жмудские бояре Амброжей и Миколай Станиславовичи, Щепан и Матей Пацевичи также жалуются на ревизоров, отнявших у них их отчизные земли, которые они просят либо им вернуть, либо дать отмену (АВК, т. XXIV, № 163).

[7] ЦГАДА, ЛМ, КЗ XXXVII, л. 430.

согласился, и все их земли были «достаточне выморгованы» [8]. Точно так же и померчий Скирстомонского двора Войтех Надаринский не дал никакой отмены боярину Бартоломею Станевичу, так как последний «не указывал жадных листов на именя его королевской милости, менечи ся здавна власным отчичем тых земель» [9]. И ревизор Войтех Тольвинский имел полное основание не дать отмены двум боярам Грустевской волости, считавших себя «стародавнеми боярами», но, однако, не представивших никаких «твердостей» на земли [10]. Разумеется, в таких случаях таким образом поступали все господарские ревизоры, и действия их следует признать совершенно законными.

Но принципиальное признание недопустимости отмены в определенных случаях на практике в значительной степени смягчалось. Ревизоры иногда давали отмену, но только с оговоркой «до ласки и воли господарской». Тот же Тольвинский, отобрав земли около 3 волок, дал боярам в отмену 4 волоки «подлейшим грунтом», «с правом держать и уживать до воли и ласки господарской». Правда, это было сделано «з ведомости» подстаросты жмудского пана Аврама Гавриловича Внучка [11]. Аналогичными были распоряжения и других деятелей реформы. Пан Войтех Надаринский, убедившись в невозможности дать боярину Станкевичу по формальным соображениям «слушную отмену», однако дал ему лист ревизорский «до воли и ласки господарское», в котором была помечена возможная в будущем отмена [12]. Ревизор не знал, как поступить в данном случае, так как не успел увидеться со «съправцой дворов господарских» паном Рудницким и поступил на свой собственный страх и риск. И померчий Валент Залесский дал боярину Козаковичу отмену «до воли и ласки его королевской милости и до расправы справ всяких» [13]. Ревизоры, дававшие боярам условную отмену, имели полное основание так поступить, так как не могли оставить без земли целые группы бояр, владевших раньше землей и имевших свое собственное хозяйство, но зато они и были вправе не дать отмены, предоставив боярину право подачей челобитья хлопотать об отводе ему «слушной и ровной отмены».

Однако в практике аграрной реформы возможны были случаи неполучения боярами отмены, несмотря на то, что их права на землю не вызывали никаких сомнений со стороны ревизора. Так, Иван Андреевич Илькговский ни в чем не заподозрил прав

---

[8] АВК, т. XXIV, № 82.
[9] Там же, № 89.
[10] Там же, № 108.
[11] Там же.
[12] Там же, № 89.
[13] Там же, № 96, 128.

бояр Корклянской волости, однако «слушной отмены» им не дал, выдав свой «квит» для ее получения [14].

Отмена не давалась боярам и в том случае, если самое боярство подданных вызывало со стороны ревизора некоторые сомнения. Ревизор Градовский отобрал земли у бояр Станиславовичей и Пацевичей «менуючи их быти не шляхтою» и раздал их крестьянам, а самих бояр посадил на волоки [15].

Тот же ревизор отобрал земли у боярина Станислава Юцайтиса и посадил его на волоки, хотя, по словам потерпевшего боярина, он издавна «конем служил» [16].

Отмена боярам давалась ревизором, который немедленно выдавал соответствующий лист за своею подписью и печатью. Кажется, такой ревизорский лист не нуждался в господарском подтверждении.

Характер боярских отмен зависел от наличных хозяйственных условий и обстоятельств. Так, иногда количество земли, данной боярину в виде отмены, и по размерам, и по качеству почвы вполне равнялось отобранному грунту. Боярам Ойракгольской волости было дано в виде отмены столько же, сколько у них было отобрано на господаря [17]. Иногда отведенная отмена по разным хозяйственным соображениям оказывалась худшей по качеству. В этом случае происходило обычное «уравненье кгрунтов». У бояр Вилкийских было отобрано на господаря 5 волок «добраго грунту», а в отмену они получили 8 лесных волок [18]. Грустевские бояре получили в отмену 4 волоки 8 моргов 10 прутов вместо 3 волок 28 моргов 10 прутов. Надбавка на 10 моргов была вызвана тем, «иж ся им подлейшим кгрунтом оддало, а в них лепшим се взяло до волок подданых короля его милости» [19].

Иногда ухудшение отмены по качеству почвы могло серьезно задеть хозяйственные интересы боярина. Так, у боярина Михаила Давсиновича было взято на господаря 6 волок 3 морга 18 прутов средней по качеству земли; отмена же была дана исключительно подлым грунтом в количестве 13 волок [20]. Бывали случаи, когда отмена была по качеству земли лучше отошедшей на господаря.

У боярина Бурнейкова было отобрано 146 моргов 24 прута «добрых, средних и подлых», в числе которых было перворазрядных 8 моргов и 21 прут, средних — 11 моргов 25 прутов и

---

[14] АВК, т. XXIV, № 110.
[15] Там же, № 163.
[16] Там же, № 182.
[17] Там же, № 186 и иные случаи № 120, 128.
[18] Там же, № 96.
[19] Там же, № 108, 129, 131.
[20] Там же, № 109.

подлых — 126 моргов 7 прутов. В отмену было дано только 140 моргов 20 прутов; при этом ввиду того, что в отведенном порубе было немало «кгрунту ничомного» — песков, то ему были даны в большем количестве «добрые и средние морги» [21]. Бояре Жоранской волости лишились 409 моргов 17½ прутов, а получили в отмену 390 моргов после уравнения земель по качеству с отобранными грунтами [22].

Иногда ревизоры, отводя отмену, сознавали, что последняя хуже той земли, которая отошла на господаря. Тогда ревизор прибавлял некоторое количество прутов земли для того, чтобы уравнять отмену с отошедшей на господаря землей. Так, боярин Мартин Юрьевич лишился 4 моргов 20½ прутов, получив в отмену только 3 морга 18 прутов. Впоследствии ревизор счел необходимым прибавить 19 прутов «для тое причыны, иж в него больш грунту взято нижли ему дано» [23]. У группы бояр Медынглянской волости было отписано на господаря 99 моргов 8¼ прутов, отмена же равнялась 95 моргам 25 прутам, а так как оказалось, что у бояр взято «лепшим грунтом», то ревизор дал им еще 3 морга 18¾ прута [24].

Иногда боярин оказывался держателем земли в двух местах, и в обоих случаях часть земли отходила на господаря. Отмена же отводилась обыкновенно в одном месте. Боярин Видуклеевской волости Миколай Хрщанович владел землями в двух селах — Молнянах и Сонульках. Часть их в обоих селах была измерена на волоки. Отмена же была дана в селе Молнян [25]. Получали отмену такую и боярки, если их права на землю не вызывали никаких сомнений. Боярка Россиенской волости Екатерина Мартинкова, владея «вечностью», получила отмену взамен земель, отошедших на господаря [26].

Измерение боярских земель на волоки и замена их участками господарских земель производились все время в течение XVI в. при производстве дополнительных и контролирующих ревизий [27].

Права бояр на землю были неодинаковы и в пореформенное время. По существу, они ни в чем не отличались от их прав на землю в дореформенное время. В зависимости от характера прав на землю того или другого боярина определялись условия, на которых давалась отмена. Бояре могли держать землю как господарскую данину, с обязательством отправлять службу «як

[21] АВК, т. XXIV, № 111.
[22] Там же, № 112.
[23] Там же, № 121.
[24] Там же, № 122, 134.
[25] Там же, № 147.
[26] Там же, № 159, 170.
[27] Там же, № 215, 222, 223.

и перво сего здавна служивали»[28]. По всей вероятности, такая данина была лишь пожизненным владением, и держатели могли эксплуатировать ее для своих собственных нужд. Затем бояре могли оказаться держателями земли по распоряжению провинциальной администрации «до воли и ласки господарское» с обязательством несения военной земской службы[29]. Такое владение все время сохраняло свою условность, и в любой момент могло быть отобрано на господаря. Наконец, бояре были собственниками земель, на которых они сидели. В этом случае они получали право «держати и уживать всякие пожитки... яко власностью своею шафовати вечны часы»[30]. Такие земли переходили по наследству, к жене, детям и потомкам боярина, но они не могли быть отчуждаемы, так как все-таки эти земли не были собственностью. Но такое владение, будучи наследственным и обусловливаемое отправлением земской службы, по существу можно назвать владением на ленном праве. Но бояре могли оказаться и полными собственниками своих земель. В таком случае господарская грамота давала право боярину, его жене и потомкам распоряжаться своими владениями «яко власностями своеми» с правом «дать, даровать, продать и заменять и на вечные часы свои пожитки ку найлепшему оборочати»[31].

Права бояр на отмены зависели вообще от их землевладельческих прав. Так, бояре, не представившие документы на право владения землей, получали отмену условно «до воли и ласки господарской», «до воли и выроку его королевской милости»[32]. Затем бояре могли получить отмену на ленном праве, что давало им полную возможность «вечне и спокойне держати», «держати и их уживати вечными часы»[33].

Затем бояре получали отмену на правах вечного владения, которое они «мають яко власные отчизны своее спокойне на вечные часы держати и их уживати»[34]. Наконец, в руках бояр могли оказаться дополнительные участки земли, которые они держали на правах аренды. Ее условность определялась обыкновенно термином «до воли и ласки господарской»[35].

Что же касается права распоряжения землей, то бояре пользовались последним правом только по отношению к земле, которой они владели на правах «властной отчизны». Такие земли прежде всего могли быть проданы. Проданная земля станови-

---

[28] АВК, т. XXIV, № 138.
[29] Там же, № 158, 179, 213.
[30] Там же, № 108.
[31] Там же, № 169.
[32] Там же, № 103, 108, 112, 128, 129.
[33] Там же, № 121, 122.
[34] Там же, № 111, 112, 127.
[35] Там же, № 123.

лась вечным владением покупщика, которую последний мог «продати, отдати и даровати, где хотечи ку своему найлепшему, а вжиточному обернути». Такая продажная сделка могла быть совершена только с согласия родственников продавца. Поэтому в купчей крепости в отказе от права собственности на проданную землю упоминались не только имена боярина, но и его наследников: жены, детей и близких, которые отказывались от права владения продаваемым участком земли. Для укрепления прочности купчей крепости обыкновенно в нее вписывалось условие об уплате всех убытков, понесенных покупателем, а также и штрафа, поступавшего в распоряжение провинциальной администрации, если только заключенная сделка будет нарушена кем-либо со стороны семьи продавца [36].

Затем боярские земли могли подлежать разделу, если они находились в совладении нескольких братьев. В таком случае каждый из выделившихся братьев продолжал владеть землей на правах полной собственности «отчизны» [37]. Раздел отчизного боярского имения мог иметь место и в том случае, когда у боярина оказывался взрослый сын, которому отец добровольно, в присутствии околичных бояр, отдавал часть своей отчизной земли [38].

Бояре имели право менять свои земли на земли других бояр; при этом от имени владельца земли и его семьи составлялась «меновая» запись, служившая гарантией ненарушимости заключенной сделки и в будущем. Уступленная земля передавалась обеими сторонами на правах полной собственности, что обыкновенно подчеркивалось в составляемой при этом меновой записи [39].

Бояре имели возможность отдавать свои земли в заставу. Обыкновенно бояре, отдававшие в заставу землю, подчеркивали, что это они делают «ни з чыего намовеня, а ни з жаднаго принуженя, одно по своей доброй воли, потребуючи на свою пильную потребу». Земля, предназначенная для отдачи в заставу, должна была быть «никому ничем не пенная, а ни в долзе заведенная». Разумеется, в заставной записи определялось время, на которое боярская земля отдавалась в заставу, а также условия, на основании которых она снова могла быть возвращена своему первоначальному владельцу [40].

Как собственники земель, бояре имели право распоряжаться ими по духовным завещаниям; при этом наследователь совместно с своей «малжонкой и детьми» получает право полного

---

[36] АВК, т. XXIV, № 124, 231, 234, 225, 227, 241.
[37] Там же, № 125.
[38] Там же, № 230.
[39] Там же, № 174, 195, 234.
[40] Там же, № 181.

распоряжения таковой землей. Они могут ее «отдати, продати, записати и где хотячы розумеючы ку своему налепъшому пожытку и оборочати»[41].

Наконец, бояре могли при жизни выдавать дарственные записи. Они выдавались родственникам-детям, когда боярин по разным соображениям желал передать им часть своей земли. Так, боярин Мацко Венцкович, «дознавши повольныя послуги сынов своих... дал, даровал и на вечность им записал, отдаляючы от инъших близких и детей своих, именейцо свое властное отчызное». Земля по дарственной записи переходила к новым владельцам на правах полной собственности[42].

Если боярин в некоторых случаях имел право на отмену, и если последняя все-таки не давалась, то ему оставалось обратиться к верховной власти за восстановлением нарушенного права. В этом отношении приемы его восстановления были совершенно те же, к каким прибегала и шляхта. Боярских челобитий об отмене много. Их обилие также служит показателем, что забывчивость агентов относительно отмены боярам далеко не была случайна и что это был своеобразный хозяйственный прием «привлащанья господарских земель и кгрунтов». По всей вероятности, с боярами господарские агенты церемонились еще менее, так как они были «не шляхтичи», земля их — не шляхетская, да и вообще для них был спорен вопрос, давать ли отмену или нет боярам, владевшим землями на основании листов. Но для боярства этот вопрос был совершенно ясен. Земли, на которых сидели их отцы и на которые они могли представить определенные документы, они считали своими, отчизными. Неполучение же отмены — нарушением их права. Вопрос же о том, кто являлся верховным собственником их земель, кто они — наследственные ли держатели или собственники,— этот вопрос бояр не интересовал. Впрочем, если допустить, что господарские агенты всех бояр считали временными держателями земли, а собственником их земель — господаря, то образ их действий может найти юридическое оправдание. Но мы не располагаем данными, подтверждающими высказанное соображение. Скорее можно допустить здесь небрежность, одностороннюю защиту господарских интересов. Ведь в одних случаях отмена давалась, в совершенно аналогичных случаях она почему-то не давалась. Что руководило агентом — мы не знаем, Во всяком случае, бояре не желали мириться с потерей отчизной земли. Потеря ее имела для них и большое принципиальное значение, так как, получив землю на «плате», боярин становился тяглым

---

[41] АВК, т. XXIV, № 242.
[42] Там же, № 258.

человеком и терял свое привилегированное служебное положение. Поэтому получение отмены было для боярина вопросом первостепенной важности. Получением ее не только укреплялась его отчизна,— укреплялось и его юридическое положение как боярина, нетяглого человека, лица, обязанного отправлять преимущественно только военную службу со своего земельного участка. Бояре Городенской волости Фараловской — Павел и Степан Пелокотовичи совместно с своею братьею подали господарю челобитие о том, что во время производства волочной померы в Городенском старостве «земли их не мало» взяли под господарские волоки, а отмены им за то не дали. Между тем, на основании привилея Сигизмунда I, они этими землями издавна владели и службу земскую военную служивали. К челобитью был приложен и привилей, на который ссылались челобитчики [43]. Если бояре Пелокотовичи, требовавшие соответственной отмены, почему-то не называли своей земли отчизной, то бояре Городенского повета Ярмола Андреевич и Семен Федорович совместно с обрусным Лукашем Гостиловичем настаивали на отмене на землю их «отчизную», отошедшую под господарские волоки. Основание просьбы — привилей Сигизмунда I, выданный их отцу [44]. И бояре волости Шовленской жалуются также на неполучение отмены взамен отобранных земель [45]. Если одни из бояр настаивали на отмене, так как считали себя владельцами отчизн, что оправдывали ссылкой на господарские листы Сигизмунда I, то другие бояре владели землей на несколько ином основании, так что последняя в полном смысле была их собственностью. Встречались бояре, получившие от частных землевладельцев земли в вечное владение, в удостоверение чего ими выдавался и соответствующий лист. Конечно, за такую землю, которая с полным правом могла считаться их «власностью», они должны были получить отмену. А на деле они ее не получали. Поэтому и они били челом господарю. Так, лысковский боярин Матей Котович представил лист — данину, выданный паней Катериной Станиславовной «старостиной Жомоитской», по которому земля давалась на вечность ему самому и его детям. Между тем, вся земля была разделена на волоки, а отмены никакой не было дано. Поэтому челобитчик, считая свои имущественные права нарушенными, хлопочет об их восстановлении перед господарской властью [46]. Случалось, что во время производства аграрных мероприятий правительства, бояре не могли представить оправдательных на землю документов просто потому,

[43] ЦГАДА, ЛМ, КЗ XXXVII, л. 356.
[44] Там же, КЗ 361.
[45] Там же, КПД IX, л. 191.
[46] ЦГАДА, ЛМ, КЗ XXXVII, л. 377.

что их в данный момент не было на руках. Разумеется, как только данные документы попадали в руки владельца, немедленно вчинялось челобитие об отмене. Боярин мстиславский Яков Федорович Обакумович Левтик от своего имени и имени сына хлопотал о возвращении земель, отобранных у них во время «постановенья платов и пожитков» в Мстиславле. В момент прибытия ревизоров — панов Григория Воловича и Михаила Нарушевича — дома оставался только один сын. Документы были на руках отца. Поэтому земли были отобраны и привернуты к Мстиславскому замку. Конечно, боярин, вернувшись домой и убедившись в постигшем его несчастье, немедленно обратился к господарю с просьбой о восстановлении нарушенного права и о возвращении неправильно отчисленной к господарскому замку земли [47].

Во время производства аграрной реформы господарские земли, данные боярам «до воли и ласки господарское», отбирались на господаря и от милости последнего зависело, дать ли такому боярину отмену или нет. Однако пострадавшие при этом бояре все же обращались к господарю с просьбой об отмене, хотя на это не имели никакого права. Боярин Городенского повета Андрей Ольшевский получил «на проживание, до воли и ласки господарское — одну службу людей и пять земель пустовских», которые у него были отобраны ревизором и на волоки померены. Поэтому вышеназванный боярин хлопочет, «чтобы от тых земль его отдалять не велели» и все ему вернули обратно, или дали ему за это отмену, при этом челобитчик ссылается на лист Сигизмунда, выданный его отцу. Но данный лист едва ли мог служить подкреплением просьбы челобитчика. В нем шла речь о временном, условном пожаловании. Земля была не отчизная, не вечная, а потому за нее отмены можно было и не давать [48].

После производства аграрной реформы многие из бояр оказались держателями господарских земель под условием платежа чинша. Однако по разным соображениям они ходатайствуют о его сложении. Мотивы боярских челобитий довольно различны. Одни отказываются платить потому, что они издавна были бояре-шляхта и на основании этого ходатайствуют о сложении чинша. На этом основании просил об освобождении от чинша героинский боярин Гришко Комоевич [49]. Другие же бояре, признавая наложение на них чинша принципиально правильным, все же хлопотали о его сложении и при этом ссылались на свое тяжелое имущественное положение и отсутствие средств. На основании последнего соображения высту-

[47] ЦГАДА, ЛМ, КЗ XLI, л. 156.
[48] Там же, КЗ XXXVIII, л. 254.
[49] Там же, КЗ XXXVII, л. 386.

пил с ходатайством об отмене чинша боярин Петр Пацевич[50]. Третьи из челобитчиков считают наложение на них чинша актом неправомерным, при этом они могли сослаться на то, что они издавна отправляли военную службу. Но слабость их челобитий заключалась в том, что они не могли представить никаких господарских листов, подтверждавших их военную службу, за исключением только листов «врядников». Естественно, что такого рода челобития могли иметь весьма слабое значение в глазах господаря[51]. Четвертые из челобитчиков могли сослаться на привилеи матери великого князя королевы Боны, освободившей того или другого боярина от платежа чинша в собственных имениях. Так, боярин Щасный Степанович Ейсимонтович сослался на лист королевы Боны, которая дала ему сначала земли «на плате урочистом», а затем совсем отпустила тот плат и «ку службе никакой принуждати не казала»[52]. Пятые из челобитчиков в подкрепление своей просьбе не ссылаются ни на какие листы, и освобождение от платежа чинша склонны считать проявлением «господарской ласки». Так, кричевские бояре Беличи владели пустовщинами, которые у них были отобраны при волочной помере. Ревизоры заставили их платить с тех пустовщин «на кождый год по 4 копы грошей и по 52 гроша». В свою очередь, они били «чолом господарю», чтобы «их померены земли дали им на службу земскую»[53]. Шестые из челобитчиков считают платеж чинша большим для себя «накладом», а потому хлопочут о его сложении. Боярин Чечерского повета Антон Валентинович Кгаталинский владел в Чечерской волости селищем-пустовщиной и двумя куничными землями под условием несения боярской службы. При установлении платов в Чечерской волости паном Григорием Воловичем эти земли были положены «на плате урочистом». Считая для себя последнее распоряжение накладом, челобитчик просит об освобождении от чинша[54]. Если иногда случалось боярам получить небольшие земельные участки среди «местских волок», благодаря чему они также становились под местский присуд, то они должны были наравне с прочим мещанским населением нести городские повинности и вносить в городскую казну соответствующие платы. Обыкновенно в таких случаях бояре пытались освободиться от городских повинностей и спешили обзавестись господарским листом, по которому они «вызволялись от оных повинностей и послушенства месткого». Так, мозырский боярин Томила Шиметич получил

---

[50] ЦГАДА, ЛМ, КЗ XXXVII, л. 146.
[51] Там же, лл. 428—429.
[52] Там же, л. 111.
[53] Там же, л. 424.
[54] Там же, КЗ XXXIX, л. 452.

от ревизоров «в месте мозырском два огорода и волоку земли» среди мещанских волок и, кроме того, он владел 18 моргами земли «на плате певном». Поэтому он просил Сигизмунда II об освобождении от чинша и местских повинностей[55]. Точно так же мозырский боярин Федор Ходыка, отец которого владел в Мозырском месте огородами и двумя участками земли — Пашковщиной и Чертковщиной,— платил чинш и нес повинности «поспол з иншими мещаны». А теперь он просил его перевести на боярскую службу[56].

И боярская масса набрасывается с такой же жадностью на землю, как и шляхта. И тут заметно стремление округлить свои земли в интересах своего маленького хозяйства. Боярские челобития о наделении землей так же многочисленны, как и шляхетские, что указывает на единство настроения, охватившего боярство в эпоху аграрной реформы. Обращаясь с просьбами к господарю, просители выставляли разные мотивы для подкрепления своей просьбы. В одних челобитиях в качестве мотива лежит просьба о награде «за земскую службу». Речь идет почти исключительно о пустовщинах, которые «с давних часов впусте лежали», но зато были «прилеглыми» к боярской пашне. Таковы были мотивы боярина Льва Григорьевича Волка[57]. В других ходатайствах мотивы еще проще. Челобитчики просят об учинении господарской ласки и «землю пустовщины»..., «которая де им к дому и к землям прилегла, а есть на волоки не померена и лежить в пусте, а жадного пожитку нет», отдать им[58]. В третьих ходатайствах заключалась просьба о наделении землей-волоками для несения военной службы. Так, боярин Новгрудского повета Петр Григорьевич бил челом «а быхъмо ему в повете Новъгородском в селе Городечна дали три волоки на службе конъной»[59]. В четвертых челобитиях просьба о возвращении отнятой земли соединяется с жалобой на неправильные действия господарских агентов. Боярин Гомельского повета Иван Хомарович держал «на службе конной» пашню-пустовщину, полученную им от гомельского старосты и скрепленную господарским листом. Тем не менее господарские ревизоры пан Григорий Волович и пан Михаил Нарушевич отобрали эту пашню и привернули ее к Гомельскому замку «на фольварк», а впоследствии отдали «поручнику Яну Фащу». Тогда боярин, представив господарские листы, обратился с просьбой о возвращении ему неправильно отня-

---

[55] ЦГАДА, ЛМ, КЗ XXXVIII, л. 339.
[56] Там же, л. 340.
[57] Там же, КЗ XXXVII, л. 390.
[58] Там же, КЗ XXXVIII, л. 284.
[59] Там же, КЗ XLIV, л. 81.

той земли для несения той же службы конной [60]. В пятых челобитиях заключается просьба о возвращении боярам земель, неправильно отнятых, так как в свое время не были представлены соответствующие документы. У мстиславского боярина Якова Федоровича Обакумовича Левтика отобрали село Стецково в Мстиславской волости, которым владел еще его прадед. Когда в Мстиславль приехали господарские ревизоры Григорий Волович и Михаил Нарушевич «для постановленья платов и пожытков», то сын его не показал листов на землю, а отец был в отсутствии [61]. Поэтому эти земли были у него отняты и «ку замъку нашому Мстиславскому привернены». Но так как листы на право владения в действительности имелись у отца, то последний по приезде стал хлопотать о возвращении неправильно отнятой у него земли. В шестых, боярских ходатайствах заключается просьба о отдаче свободных волок лесных «на разъробки поли и сеножати» под условием платежа чинша, но с льготой в платеже последнего. Так, боярин могилевский Ермола Федорович Стародубцевич взял на «осаженье» некоторое количество неразработанного леса и просил о воле в платеже чинша [62]. В седьмых челобитиях ходатайство о пожаловании волок объясняется тем, что проситель имеет «отчизну малу», как выразился жмудский боярин Кгибрилла Рукович и, следовательно, не может нести взятую на себя военную повинность [63].

И боярская масса, подобно шляхетской, забрасывала господаря челобитиями о подтверждении земельных участков, бывших в ее владении. Эти земельные участки могли очутиться в руках бояр в силу разных причин. Прежде всего провинциальная администрация раздавала этим боярам господарские волоки под условием несения военной службы. Если припомнить, что осуществление аграрных мероприятий правительства совпало с войной с Москвой, то такие многочисленные раздачи не на чинш, а под условием военной службы вполне понятны. Правительство нуждалось в увеличении боевых сил армии, и это достигалось с помощью всех средств, которыми располагало тогда правительство. Для боярина было, конечно, важно упрочить свое земельное владение и оставить за собой и за своим потомством право нести военную земскую службу на тех правах, на каких ее отправляли соседи-шляхта. Направляя свои челобития господарю, челобитчики представляли ему и документы, на основании которых они хлопотали об оставлении за ними волок. Боярин речицкий Федор Борисович получил от

[60] ЦГАДА, ЛМ, КЗ XLIV, л. 95.
[61] Там же, КЗ XLI, л. 156.
[62] Там же, КЗ XLIV, л. 27.
[63] Там же, КЗ L, л. 58.

тамошнего державцы князя А. М. Вишневецкого около Речицкого замка куничную землю и островок, за что был обязан нести военную службу «конем» и в удостоверение чего «покладал» перед господарем лист державцы князя Вишневецкого [64]. На тех же основаниях от старосты чечерского и пропойского пана Юрия Миколаевича Зиновьевича получил землю пустую и волоку на пашне боярин чечерский Иван Иванович, так как с той пустовщины не было «жадного пожитку» до господарского скарба. Конечно, такое пожалование имело условный характер «до воли и ласки гоподарское». Поэтому челобитчик просит его оставить «при той пустовщине и волоце на пашъню» [65].

Впрочем, не всегда челобитчики, прося о подтверждении земли могли сослаться на лист-данину господарского агента. Некоторые не имели никаких документов и могли только сослаться на 10-летнюю давность. Так поступили бояре Троцкого повета Петр и Мартин Яновичи, сообщившие, что «земли пустовския» в волости Лепунской они получили от отца и притом «на себе держат» ее 10 лет. Поэтому они просят «не привлащать» пустовщины к Лепунскому двору, а оставить за ними [66].

Земельные пожалования бояр были большею частью пожизненными. Но, конечно, среди них всегда было стремление передать свои земли детям еще при своей жизни и таким образом и боярское звание, и самое владение землей сделать наследственными. Это заставляло бояр обращаться к господарю с новым челобитием. Боярин пропойский Андрей Клевещ держал «до живота» пустовскую землю «на службе бояръской конной», но так как «он вже есть человек летъний, для чого службе бояръской конъной досыти вчинити не может», то его три сына обратились к господарю с челобитием, «абыхмо на их

---

[64] ЦГАДА, ЛМ, КЗ XXXVII, л. 329.

[65] Там же, КЗ XXXVIII, л. 539. Вот еще аналогичные примеры. Боярин Белоцерковского замка хлопочет о подтверждении пожалования киевского воеводы «на службе земской боярской» (там же, КЗ XXXIX, л. 14). Боярин Кричевского повета Иван Богданович Корунова ходатайствует о подтверждении двух пустовских селищ в Кричевском повете (там же, л. 129). О том же хлопотала и группа чечерских бояр, владевших «на службе конной» несколькими пустовщинами (там же, л. 453). С таким же челобитием обратился и рогачевский боярин Матфей Мартинович, получивший от рогачевского державцы «до воли и ласки господарское» две земли пустовские (там же, КЗ XLI, л. 244). Мстиславский боярин хлопочет об укреплении за ним «на службе земской» четырех пустовщин, с которых не было до сих пор никаких доходов в господарский скарб, и «которые здавна в пусте лежать» (там же, л. 115). О том же хлопочет и боярин кричевский Михаил Ивицкий, получивший «до воли и ласки» от тамошнего державцы дворец и землю другого боярина, убежавшего в Москву и уже «привернутый» к замку (там же, л. 272); XLI, л. 114; XLI, л. 140; XXXIX, л. 503.

[66] Там же, КЗ XXXIX, л. 20.

особы тую земълю потвердили»[67]. Таким образом, основанием такой передачи детям своего боярского звания и земли, бывшей во владении боярина, являлась старость боярина как условие, не дававшее ему возможности правильно и своевременно отправлять взятые на себя повинности. С таким же аналогичным ходатайством обратился и сын боярина Хомы Наумовича[68]. Но не всегда удавалось еще при жизни передать боярское звание своим детям. Боярин умирал, а его дети не успевали выхлопотать себе соответствующего подтверждения. Тогда дети выступали челобитчиками о передаче им земли уже после смерти их отца. К господарю приезжали сыновья чечерского боярина Богдана Дмитровича — Гришка, Иван и Васько и просили его «при тое земле их оставити». Земля эта совершенно свободна. На нее никто не заявлял притязания, но все-таки она должна была «быти привернена ку замъку»[69]. С аналогичным ходатайством выступили также сыновья умершего чечерского боярина Конъши Ивановича[70].

Хлопотал также об неотнятии земли отца и мстиславский боярин Остаф Левонович[71]. Если земля находилась в совладении братьев и последние умирали, то оставшийся в живых хлопотал об оставлении за ним всей земли. Так, боярин Кричевского повета Степан Коботович хлопотал об оставлении за ним пустовщины, которая была дана паном Андреем Шелухой — кричевским державцей ему и его двум братьям — Семену и Остапу, которые теперь умерли[72]. Такие челобития, конечно, были необходимы, так как после смерти боярина имение последнего, в некоторых случаях, «привлащалось» к господарскому замку[73]. Иногда вымороченное имущество могло быть справлено за боярином, женившимся на вдове владельца земли. Боярин Троцкого повета Петр Массальский женился на вдове боярина Богдана Петровича Лысаго, владевшего землей около Мерецкого двора. Эту землю последний получил от своего отца. Умер он бездетным. Вдова вышла замуж за Массальского, принеся ему в приданое имение умершего мужа, которое он беспрепятственно на себя держал, хотя и не было документов на право владения. Их потерял еще Богдан Лысый. Тем не менее боярин Массальский просил господаря, «абыхмо ласку нашу господарскую уделали а его при том именьице заставили и лист на то дати и утвердити ему казали»[74].

[67] ЦГАДА, ЛМ, КЗ XLI, л. 140.
[68] Там же, л. 141.
[69] Там же.
[70] Там же, л. 143.
[71] Там же, КЗ XLIX, л. 36.
[72] Там же, л. 37.
[73] Там же, КЗ XLI, л. 161.
[74] Там же, КЗ XXXIX, л. 468.

Иногда в руки бояр переходили земли, которыми они владели по пожалованию частных владельцев. Чтобы укрепить их за собой, бояре обращаются к господарю с челобитием. Довольно часто раздавала такие листы королева Бона. Так, боярин бержиницкий Лаврин Зарупа получил привилей на право владения в Бержиницкой волости 3 волоками [75]. Бояре Васильевские из Кременецкого повета получили «сельцо Молодковское на сыром коренью» с разрешением «став ссыпати» [76]. Последнее пожалование Боны было совершенно незаконным. В Кременецком повете у нее не было никакой своей «власности», а потому и выдавать какие бы то ни было привилеи она не имела никакого права. Иногда в руках господарских бояр оказывались выслуженные земли у частных лиц. Так, бояре героинские «выслужили» земли под панами Гаштольдами и потому просили об оставлении этих земель за ними [77].

Затем встречается немало челобитий о подтверждении уже данных отмен. Бояре Троцкаго повета Кгирдовичи совместно с зятем и сестрою хлопотали о подтверждении отмены, данной им «господарским померчим» вместо части их отчизных земель, «которые у померу волок наших ку двору Лепуньскому приняты были». Челобитчики представили при этом лист «мерчаго», дававшего отмену, и затем привилей Казимира, выданный их деду, и Сигизмунда I, выданный их отцу с братьями на право владения указанными землями [78]. Но иногда по независящим от челобитчиков обстоятельствам, они, хлопоча о подтверждении отмены, могли представить только лист правительственного агента, который счел, несмотря на отсутствие документов, возможным дать им отмену. Это бывало обыкновенно в тех случаях, когда документы пропадали, но местное население не только не предъявляло никаких претензий на землю, бывшую в их держании, но своими показаниями укрепляло право на владение землей тех бояр, которые не имели налицо документов. Господарскую отмену получили два могилевских боярина Гаврило Кононович и Иван Федорович, листы которых были увезены неприятелем, но зато нашедшие себе свидетелей в лице других могилевских бояр, на основании чего могилевский наместник пан Корсак и дал им отмену за земли, привернутые к Могилевскому замку [79].

Господарские державцы также раздавали боярам земли на чинше. Чтобы оставить за собой эту раздачу, бояре хлопотали о подтверждении ее господарскими листами. Боярин Добошевский получил от державцы гнушского и быховского князя Ивана

---

[75] ЦГАДА, ЛМ, КЗ XXXVII, л. 226.
[76] Там же, КЗ XXXVIII, л. 438.
[77] Там же, КЗ XXXVII, л. 326.
[78] Там же, КЗ XLI, л. 121.
[79] Там же, л. 126.

Соломерецкого «землицу пустовскую» с зарослями с уплатой ежегодного чинша в размере 12 грошей. Но, хотя действия державцы были правильны, боярин все-таки бил господарю челом «абыхмо при той земле его зоставили» [80].

Боярам приходилось обращаться к господарю с просьбой о подтверждении их земельного владения даже в том случае, когда эти права не вызывали никаких сомнений. Вероятно, это делалось только в крайних случаях, когда соседние паны пытались захватить или в действительности захватывали боярскую землю. Обращение с просьбой о подтверждении было в то же время поводом для господаря разобрать дело и выдать новый лист, который раз навсегда положил бы конец недоразумениям из-за земли между боярами и панами-земянами. Группа бояр Виленского повета владела землей, которая была пожалована их предкам еще великим князем Казимиром. Тем не менее, сосед их пан Ян Кучунович «земълю отъчизную в них отънял и ку именью своему Жировуньскому привернул», впрочем предполагая дать им в отмену пустовщину. Не желая ее получать, они обратились к господарю с просьбой об укреплении за ними отчизной земли, в подкрепление чего ими был представлен лист Казимира, согласно которому предки с этих земель «завъжды до животов своих службу боярскую военную, а по них дей сынове их... служивали». При Александре наместник ожский и переломский пан Андрей Алехнович, считая эту землю «волостной» хотел ее «ку службе правити». Но после расследования, произведенного по поручению великого князя Александра, лист Казимира был подтвержден. Поэтому они представили и этот судовой лист великого князя Александра. На основании всех этих данных бояре просили утвердить за ними землю, пожалованную их предкам еще при Казимире [81].

Земли бояр могли переходить от одного к другому при посредстве разного рода сделок, например, купли. Бояре продавали друг другу земли и невольную челядь, сидевшую на этих землях, а затем хлопотали об утверждении уже совершившейся сделки. Жмудский боярин Петр Павлович купил у жмудских же бояр Яна и Матвея Пацевичей их отчизную землю — пашную с пятью невольниками. Сделка была записана перед жмудским старостою паном Иеронимом Ходкевичем, и после этого они вступили во владение купленой землей. Затем, представив господарю имевшиеся у них документы, «били чолом, абыхъмо при оных землях купъли его власъной его зоставили и то листом ему нашим подтвердили» [82]. Впрочем, количество таких сделок в общем было небольшое, да это и вполне понятно, откуда мог-

---

[80] ЦГАДА, ЛМ, КЗ XXXIX, л. 26.
[81] Там же, КЗ XLI, л. 69.
[82] Там же, л. 139.

ли найтись у боярской массы свободные средства для покупки шляхетских и нешляхетских земель.

Общественное положение боярина было в общем мало устойчивым. Превращение его в тяглого человека с проведением аграрной реформы стало явлением обыкновенным. И многим из бояр пришлось опуститься до положения тяглого человека. Но не все легко мирились с потерей боярского звания и соответствующими челобитиями старались вернуть себе прежнее звание. Когда ревизор Илькговский измерял на волоки земли Троцкого воеводства, то земли бояр Пацевичей были измерены на волоки, а сами они были назначены к несению путной службы. Между тем на основании листов великого князя Александра они освобождались от «работ тяглых» и были обязаны только нести одну военную земскую службу. Поэтому они просили, чтобы с ним «чиншов не брали и ку службе путной не припущали» [83]. Ходатайство Пацевичей имело серьезное основание, так как они могли сослаться на господарский лист, а это уже был достаточный повод для решения дела в желательном для Пацевичей смысле.

Положение других бояр с осуществлением аграрной реформы могло стать еще хуже. Они могли превратиться прямо в тяглых людей. Так, ревизоры стали «примучать» к тяглой службе группу лепунских бояр. Считая их «тяглыми», они не позволили им даже убирать посеянный ими хлеб, а земли их собирались раздать подданным. Такие действия ревизоров, по мнению бояр, были совершенно незаконны, так как они издавна были боярами-шляхтой и никакой другой службы, кроме земской, они «не служивали», в удостоверение чего представили лист Сигизмунда I [84]. О том же хлопотали и слонимские бояре, ссылавшиеся на лист Витовта, по которому они освобождались от всякой службы. Это давало основание слонимским боярам причислять себя к разряду бояр-шляхты [85]. Со своей стороны, и межирецкие бояре били челом на своего державцу, что он им «кривды и тиски чинит» и «цинш» на них правит, тогда как они «с предков своих неповинны» были это делать, в удостоверение чего они представили лист «старосты жомоитского» [86].

Поэтому неудивительно, что многие из бояр, как только начиналось в их местности измерение земель на волоки, обращались к господарю с просьбой, «абыхмо их заховали при такой же службе и повинностей боярской», какую они несли раньше. С такой просьбой обратились к господарю группы вымороченных бояр трабских, несших боярскую службу с очень давних

[83] ЦГАДА, ЛМ, КЗ XXXVII, л. 433.
[84] Там же, КЗ XXXVII, л. 376.
[85] Там же, л. 352.
[86] Там же, КЗ XXXVIII, л. 24.

времен, еще при пане Гаштольде[87]. Такая предусмотрительность, как показывают распоряжения господарских агентов, имела полное основание. Этою же боязнью объясняется, почему бояре, несшие военные повинности наравне со шляхтой, хлопочут о неизмерении их земель на волоки, видя в этом угрозу своему положению[88].

Иногда бояре, отстаивавшие свою боярскую службу, не могли представить господарских листов, подтверждающих их положение. Вместо юридического документа они могли сослаться только на «стародавнюю службу», что, конечно, само по себе имело некоторую юридическую силу. Ссылка на старину, по всей вероятности, только тогда принимала характер неоспоримого документа, если ее можно было подтвердить какими-либо косвенными данными, имевшимися в распоряжении правительства. Бояре Пенянской волости били челом и жаловались на господарского ревизора дворянина пана Авраамия Кунцевича за то, что их земли «в платы положены», а между тем они никогда никаких платов не платили и все их повинности заключались только в отправлении военной повинности «конно и збройно». Никаких других оснований бояре не приводили, и господарскому правительству приходилось самому озаботиться проверкой заявлений пенянских бояр. Справка со скарбовыми реестрами подтвердила показание, и боярское звание было за ними сохранено[89].

На почве боярского землевладения между боярами и подданными происходили частые недоразумения: подданные заявляли притязания на право владения тем земельным участком, который согласно господарскому листу должен был находиться в боярском владении. Большею частью это происходило тогда, когда боярин получал не пустовщину, а землю, тоже находившуюся во владении и с которой при этом в господарский скарб поступал ежегодный плат. Такие ошибки в раздаче могли произойти от неосведомленности администрации, быть может, ее небрежности. Раз на одну и ту же землю выступало два претендента, то дело переносилось в господарский суд, который и выносил окончательную резолюцию. Боярин гомельский Сава Богданович получил «до воли и ласки господарской» две пустовщины, которые считали своими «властными землями» господарские гомельские подданные, и с них они давали в господарский скарб, по выражению господарского листа, «дани медовую и платы грошовые и выполняли всякии повинности ку замку поспол з иншими подъдаными нашими тамошними». Доиски-

---

[87] ЦГАДА, ЛМ, КЗ XXXVIII, лл. 8—9.
[88] Там же, КЗ XLIII, лл. 49—51.
[89] Там же, КЗ XXXVII, л. 442.

ваясь возвращения своей «властности» подданный Тишко Полуянович представил и соответствующие документы, подтверждавшие его право на держание земли. Конечно, принципиально для господаря такие документы не имели никакого значения. Отдавая «тяглую» землю вместо пустовщины, господарь тем самым уменьшал податные поступления в свой скарб, а это, несомненно, не могло не оказать влияния на господарское решение [90]. Возникали недоразумения и по другой причине: господарские подданные просто не желали признавать факт раздачи и считали, что та земля захвачена «своевольне» и поэтому мешали держателю земли пользоваться своими правами.

Естественно, что дело в таких случаях поступало также на рассмотрение господаря. Кричевский боярин Протас Константинович получил еще от Сигизмунда I «селище пустовское» в Кричевской волости «на хлебокормленье», в доказательство чего он представил и господарский лист. Когда же он вступил во владение землей, то группа кричевских бояр, сами от себя и от своих потужников, стали делать ему «трудности», «менечи, иж бы он тое своволне под себе забрати мел». Поэтому боярин-держатель просил господаря оставить в его пользовании данное ему селище и в удостоверение этого выдать ему соответствующий лист [91].

Всевозможного рода недоразумения происходили у бояр не только с господарскими подданными и своею братьею-боярами, но и с соседями-шляхтою. Сплошь и рядом шляхтичи находили боярские земли выгодными для них самих. Поэтому они своевольно отнимали у бояр эти земли и выдавали им соответствующую отмену. Бояре же с такой сделкой не могли никоим образом примириться и хлопотали перед господарем о восстановлении нарушенного права. Так, группа родственных бояр Виленского повета владела землями, которые предки их получили еще от великого князя Казимира. Между тем сосед их Ян Кущлович отнял у них эту отчизную землю, а «им дати рачил земълю пустовъскую на имя Кирклевъщину в волости Бортъской-Бродецъкой». Поэтому они просят господаря вернуть им захваченную землю [92].

Изучение господарских резолюций в ответ на боярские челобития дает право вынести определенное суждение об отношении господаря к боярским челобитиям вообще. В общем отношение к ним весьма благожелательное. Боярские челобития обыкновенно удовлетворялись, если только челобитчик имел хотя какое-нибудь право на удовлетворение своей просьбы. Такое

---

[90] ЦГАДА, ЛМ, КЗ XXXVII, л. 355.
[91] Там же, КЗ XXXIX, л. 25.
[92] Там же, КЗ XLI, л. 69.

благожелательное отношение вполне понятно. Удовлетворением боярских челобитий восполнялись некоторые существенные пробелы и дефекты аграрной реформы, а с другой стороны, укреплялось положение бояр, обязанных нести военную службу «конно и збройно», нужду в которой правительство особенно чувствовало в эпоху реформы в связи с внешним положением Литовско-Русского государства.

Принимая во внимание все эти соображения, правительство с отменным вниманием относилось к боярским челобитиям об отмене и обыкновенно их удовлетворяло, если челобитчик имел право на отмену, в результате чего или местный державца-староста, или справца господарских дворов, или ревизоры получали приказание «за тую землю их у волоки через вас взятую, за штобы слушно належало отмену вчинити кгрунтом нашим так же равным и так много яко в них взято, отмену дали, нехай тую землю держать»; конечно, при условии отправления «конно и збройно» военной повинности [93]. Иногда содержание резолюции было другое. Господарь предписывал ревизору возвратить отобранную боярскую землю и только в случае, если боярская отчизная земля была уже отдана кому-нибудь другому, то дать отмену где-нибудь в другом месте, «где бы споруч им ку домом их было» [94]. Точно так же, если под волоки была забрана земля, которую владелец получил от частных лиц, то после удостоверения этого факта земля возвращалась обратно их собственнику или давалась отмена [95]. Правительство иногда удовлетворяло просьбы бояр об отмене даже тогда, когда челобитчики прямого права на нее не имели. Мстиславский боярин Ходко Андреевич владел двумя пустовщинами «до воли и ласки господарской», на которых он выстроил себе дом, распахал пашню. Однако когда паны Григорий Волович и Миколай Нарушевич устанавливали «платы» в русских волостях, то земли были у него отобраны и розданы подданным. И на такое распоряжение они имели полное юридическое основание. Тем не менее Сигизмунд II отдал приказ возвратить ему отобранные земли, очевидно, имея в виду материальные и трудовые затраты, потраченные челобитчиками на приведение своего участка в культурное состояние [96]. Если же возвращение земель было невозможно, то челобитчику давалась отмена, хотя бы он «вечности» не имел. Такое распоряжение господаря мотивировалось нежеланием отдалить «челобитчика от хлебокормленья», то есть сделать его негодным для отправления военной повинности. Такие отмены давались только в держание, во временное поль-

[93] ЦГАДА, ЛМ, КЗ XXXVII, л. 355.
[94] Там же, л. 361.
[95] Там же, л. 377.
[96] Там же, л. 455.

зование. Что же касается челобитий о сложении чинша, то эти просьбы обыкновенно удовлетворялись, если челобитчиками представлялись доводы, заслуживающие внимания со стороны правительства. Безусловному и немедленному удовлетворению подлежали челобития, где бояре считались шляхтой, а потому за владение землей они несли военную повинность, а не платили чинш. Как только правительство в этом убеждалось, господарскому старосте посылалось распоряжение, чтобы он «с тых волок примучати не велел и в реестре своем за шляхту их описал, нехай они с того службу земскую служать» [97].

Для правительства Сигизмунда-Августа, конечно, имели большое значение те челобития, в которых бояре, владевшие волоками, просили о снятии чинша. В этом отношении, надо полагать, правительство применялось к каждому случаю в отдельности, и в зависимости от разных обстоятельств удовлетворяло и отклоняло просьбу челобитчика. Впрочем, следует заметить, что мы не встречали отрицательных резолюций государя. Это и понятно: едва ли какой-либо боярин решился бы обратиться к государю с просьбой о снятии с него чинша, не имея на это серьезных оснований. Когда боярин Пацевич хлопотал об освобождении от чинша за недостатком средств и вследствие старости, то правительство удовлетворило его просьбу и, упомянув с своей стороны, что он «в руках непрыятельских на Москве у везенье сидел», освободило его от чинша и от всяких служб, то есть пошло гораздо дальше, чем просил сам боярин [98]. Поэтому вполне естественно, что если правительство находило просьбы челобитчиков необоснованными, то оно им отказывало. Так, пропойские бояре получили принципиальный отказ на свою просьбу об освобождении от чинша с земель, данных им местным старостой, так как бояре не имели господарского подтвердительного привилея. Однако принимая во внимание, что бояре эти земли распахали, правительство разрешило им временно владеть ими под условием несения военной службы, но без всяких «плат». Спустя три года им будут отведены участки в господарской пуще [99]. Очевидно, правительство нашло возможным удовлетворить незаконную просьбу бояр только потому, что последние вложили немало труда в бывшую в их пользовании землю, а потому наложение на них чинша было бы большой несправедливостью и «накладом». Точно так же удовлетворялись челобития с представлением листов королевы Боны, хотя она не могла распоряжаться на господарских землях. Но удовлетворение просьб челобитчика, по всей вероятности, делалось

---

[97] ЦГАДА, ЛМ, КЗ XXXVII, л. 386.
[98] Там же, л. 146.
[99] Там же, КЗ XXXVIII, лл. 428—429.

по родственным симпатиям и чувствам. Неудобно же было сыну признать неправомерными пожалования матери [100].

Гораздо затруднительнее было положение тех челобитчиков, которые не могли представить никаких оснований для своей просьбы и только ссылались на «господарскую ласку» для освобождения их от чинша и возложения на них военной службы. Правительство удовлетворяло и такие челобития, так как было весьма заинтересовано в возможно большем увеличении боярского класса [101]. Так, челобитие боярина Чечерской волости об освобождении от чинша не было удовлетворено, но принимая во внимание, что наложение платов явилось бы для него «накладом великим», правительство освободило его от платежа чинша на три года [102]. Сохранившиеся господарские ответы также говорят, что правительство не находило никаких препятствий для освобождения боярина от местских повинностей, местского присуда, если боярин нес военную службу. И опять-таки главное соображение здесь было — увеличение кадров армии [103].

Вопрос о наделении бояр землями не имел большого значения. Челобитчики большею частью просили о наделении их пустовщинами, с которых никаких платов не поступало в господарский скарб. Следовательно, отдавая пустовщину по просьбе того или другого челобитчика, правительство в финансовом отношении ничего не теряло, но зато в военном отношении выигрывало, так как при этом или увеличивались кадры боярского класса, обязанного нести службу «конно и збройно», или улучшалась служебная и боевая готовность уже наличных бояр. Если принять еще во внимание затруднительное внешнее положение Литовско-Русского государства, то земельная политика правительства в эпоху аграрной реформы по отношению к боярскому классу станет совершенно понятной.

Когда правительство убеждалось, что та или другая просимая земля лежит «впусте» и с нее «жадных платов не бывало», то правительство обыкновенно спешило удовлетворить ходатайства своих челобитчиков, не обращая внимания на те мотивы, которые выставляли челобитчики [104]. Точно так же, если челобитчик просил отдать ему землю «на службе конъной» то или другое количество волок, то просьба удовлетворялась, если «тые волоки в пусте лежать» и «будет то без шкоды нашое господарское» [105]. Конечно, староста или державца той волости, в

---

[100] ЦГАДА, ЛМ, КЗ XXXVIII, л. 111.
[101] Там же, КЗ XXXVII, л. 424.
[102] Там же, КЗ XXXIX, л. 452.
[103] Там же, КЗ XXXVIII, лл. 339—340.
[104] Там же, КЗ XXXVII, лл. 284, 390.
[105] Там же, КЗ XLIV, л. 81.

которой челобитчику отводилась земля, получал немедленное уведомление о состоявшемся господарском решении. Точно так же удовлетворялись просьбы о возвращении незаконно отнятой боярской земли. Представленный при этом господарский лист являлся лучшим доказательством справедливости просьбы челобитчика. Если при этом земля была «отчизная», то просьба подтверждалась самому челобитчику, его жене и детям «мужчизъного роду», разумеется, при условии несения военной службы, «яко и иные бояре-шляхта» [106], а местный державца или староста получал распоряжение «тую землю з сеножатьми к нему прислухаючими» отдать немедленно челобитчику. С неменьшей благосклонностью и вниманием господарь должен был отнестись и к тем челобитчикам, которые просили об уступке им леса для разработки под условием уплаты чинша, но с льготой на некоторое количество лет. В данном случае, это прямо было выгодно господарскому скарбу, и правительство, весьма заинтересованное в разработке леса под пашни, давало на просьбы челобитчиков положительный ответ [107]. С таким же вниманием правительство относилось к тем челобитчикам, которые просили о добавочном вознаграждении вследствие того, что у них была отчизная земля слишком малой. В ее увеличении было заинтересовано и само правительство, так как при большем обеспечении землей и боярская военная служба отправлялась бы более исправно [108].

Ходатайства бояр о подтверждении полученных земель не встречали отрицательного отношения со стороны господаря. Все ходатайства бояр о подтверждении им земель-пустовщин, отведенных старостами и державцами, обыкновенно утверждались. Лист, представленный челобитчиком, являлся вполне достаточной гарантией того, что челобитчик-боярин просит о земле пустой, ненаселенной, с которой уже давно не было никаких поступлений в господарский скарб. Правительство оставляло за челобитчиками земли и в том случае, когда просители вместо представления листа от провинциального агента ссылались на право давности. Конечно, такое подтверждение было, действительно, «лаской господарской», и если господарь находил возможным удовлетворить просьбу челобитчика, то, очевидно, имел в виду, как и в других аналогичных случаях, ту затрату труда и капитала, которые были вложены в данную землю, вследствие чего господарь находил, надо полагать, невозможным отдалять боярина от его земли. По существу, правительство от этого ничего не теряло. Отобрав такую землю и припу-

[106] ЦГАДА, ЛМ, КЗ XLIV, л. 95.
[107] Там же, л. 27.
[108] Там же, КЗ L, л. 58.

стив ее к господарскому замку, правительство все равно должно было дать боярам-просителям землю в другом месте. Отдача же той земли, которой они владели, с точки зрения боевой готовности бояр, была даже предпочтительнее [109]. Точно так же, с точки зрения финансовой и военной, правительство не могло ничего иметь против боярских просьб о передаче земель при жизни отца детям, или им же после его смерти, или брату — после смерти других совладельцев-братьев. Раз дети получали во владение землю, уже бывшую в пользовании отца, следовательно, более или менее культурную, то правильное отбывание боярской военной службы было, фактически, гарантировано. Естественно, что челобитчики не встречали отказа. Земли по просьбе отца закреплялись за сыновьями [110]. По просьбе сыновей земли умершего отца оставались за ними, «потому яко и отец их то на собе держал», при условии, конечно, отправления военной повинности «конъно и збройно», «до достаточнейшого выведения и постановенья» [111]. Так же относился господарь к просьбам об оставлении за просителем имения, принесенного женой в качестве приданого. При удовлетворении всех этих ходатайств правительство, разумеется, имело в виду государственные интересы, да к тому же все просьбы бояр имели вполне законные основания. Совсем в другом положении находилось правительство, разбирая ходатайства о подтверждении земель на основании листов, выданных королевой Боной. Таких пожалований встречается не особенно много. Тем не менее они существуют и назвать их законными нельзя. Мать короля — Бона — не занимала никакого официального положения, а потому и делать какие бы то ни было раздачи не имела права. Это прекрасно сознавал сам господарь, когда писал в своих листах, что «королевая ее милости и великая княгиня Бона пани матка наша не мела жадное моцы никому властности нашое отъдавати». Однако, находя неудобным «на сторону отъкладывати» ее листы, Сигизмунд II, в конце концов, находил возможным утвердить пожалование Боны, хотя бы последнее было произведено незаконно. Но это был акт милости, это была «ласка господарева» [112].

Утверждались также и все отмены, отведенные боярам. Раз правительство принципиально признавало необходимым дать боярам отмену за их «отчизные земли», то, естественно, что все челобития об отмене должны были быть утверждены господарем. В сущности, в данном вопросе господарю принадлежала только регистрирующая роль. Он должен был во всем

---

[109] ЦГАДА, ЛМ, КЗ XXXIX, л. 20.
[110] Там же, КЗ XLI, л. 140.
[111] Там же, л. 141—143.
[112] Там же, КЗ XXXVIII, л. 438.

положиться на действия своих агентов. Точно так же не могло встретить возражений со стороны господаря и ходатайство об оставлении за боярином земли под условием платежа чинша, так как правительство было весьма заинтересовано в том, чтобы возможно больше земель было разобрано на чинш. При подтверждении всех видов вышеназванных челобитий правительство не проявляло особенной активности, смотрело лишь за тем, чтобы все представленные документы были в исправности. Но иногда приходилось выступать и в более активной роли. Это бывало в тех случаях, когда на одну и ту же землю заявляли притязания два лица. В таком случае приходилось произвести судебное следствие — проверить представленные документы и потом вынести соответствующую резолюцию. Когда господарь убедился, что у группы бояр Виленского повета паном Кочуновичем была отнята земля, на которую последний заявлял притязание незаконно, он немедленно выдал новый подтвердительный привилей [113]. Наконец, господарь находил возможным утверждать разного рода земельные сделки, совершавшиеся между боярами.

Что же касается боярских челобитий об оставлении их в боярском звании, то безусловно в положительном смысле удовлетворялись те челобития, в которых просители могли сослаться на какие-нибудь документы, оправдывающие просьбы. Конечно, такой документ должен был относиться ко времени предшественников господаря. Когда бояре Пацевичи хлопотали об оставлении за ними боярского звания, они имели полное основание добиваться удовлетворительного выполнения их просьбы, ибо могли сослаться на привилей великого князя Александра. И, конечно, господарь, ознакомившись с челобитием Пацевичей, не мог не вынести никакой иной резолюции, кроме той, согласно которой упомянутые бояре получали обратно свою землю, уже измеренную на волоки, а также были оставлены в прежнем боярском звании под условием несения соответствующей военной службы [114]. И группа жмудских бояр Озахаревичей выиграла дело только потому, что положила перед господарем «лист короля его милости Жигимонта» и, кроме того, доказала, что еще раньше державцы пытались их «примучить» к тяглой службе, но довольно скоро отказались от своего намерения, убедившись, что они несут боярскую службу наравне со шляхтой [115].

Иногда господарю приходилось разбираться в довольно большом количестве документов, прежде чем вынести соответствующее решение.

Так, бояре Виленского повета Лидской волости Якуб Блеж-

[113] ЦГАДА, ЛМ, КЗ XLI, л. 69.
[114] Там же, КЗ XXXVII, л. 433.
[115] Там же, КЗ XXXVII, л. 376.

ный, Миколай Лавринович, Болтромей Радивонович, Миколай Венцукович, Томко Томтвилович «з братьею своею» решительно настаивали на своем боярском звании, ссылаясь на лист великого князя Казимира, выданный их предкам и закрепивший за ними их отчизную землю. Однако несмотря на это, пан Ян Кучунович отнял у них отчизные земли и присоединил их к своему имению, отдав им за это «Кирклеевщину» пустовщину. При короле Александре их отцов постигла новая неприятность. Наместник ожский и переломский пан Андрей Алехнович стал их привлекать «ку службе», ссылаясь на то, что данная земля «Кирклеевщина» — волостная. Было подано челобитие королю Александру. Разбор дела был поручен господарскому маршалку пану Войтеху Яновичу, который признал их тебование справедливым «нашол есьми тых бояр от тяглое службы и от дякла правых и казал есьми им во всем дати покои, не казал есьми их на службу тяглую гнати, и дякла на них правити, ни инъшых поплатов, яко у себи они служивали подлуг милости и данины господаря короля Казимера». Ссылаясь на документы — на лист короля Казимира и судовый лист господарского маршалка — господарские бояре просили об оставлении их при боярской службе подобно тому, как ее раньше несли их предки [116].

Однако не всегда бояре, отправлявшие земскую службу, выигрывали дело, даже если представляли соответствующие документы. Слонимские бояре Марко Дорофеевич и Тимофей Нестерович, хлопотавшие от своего имени и от имени своей братии, хотя и ссылались на листы великого князя Витовта, который приказал им никакой иной службы, кроме земской, не нести, добились только одного: господарь сообщил старосте слонимскому пану Григорию Воловичу и ревизору пану Андрею Илькговскому, «абы есте их и братию их ку службе тяглой не примучали, але осадили есте их и братию их на плате, яко путных людей заховываючи ся в том подлуг уставы волочное и водле розсказанья нашого» [117].

В практике аграрной реформы попадалось немало случаев, когда лица, хлопотавшие об оставлении их в боярском звании, получали удовлетворительный ответ на их просьбу, хотя могли представить не листы великого князя, а только листы крупного администратора, не подтвержденные господарем. Конечно, для последнего такие листы не имели никакого значения и ничем не могли стеснить его волю, и если господарь соглашался «вчинить ласку» и удовлетворял челобитчиков, то, по всей вероятности, исключительно в силу значения и веса того лица, который выдал соответствующий лист боярам. Так, бояре межирицкие

---

[116] ЦГАДА, ЛМ, КЗ XLI, л. 69.
[117] Там же, КЗ XXXVII, л. 352.

были оставлены при своих землях и вольностях, а между тем они могли сослаться только на листы пана Матвея Войтеховича Яновича, старосты жмудского. Несомненно, вчинение ласки — результат внимания господаря к политическому весу и значению старосты жмудского [118]. Точно так же бояре трабские «втекли до господаря», чтобы их оставили «при той же службе и повинностях», какие они несли при покойном Гаштольде. Господарь удовлетворил их просьбу и приказал им «службу боярскую ку двору Трабскому служити». Основанием для такой резолюции могло быть то, что Гаштольд — крупная фигура на политическом горизонте великого княжества. Затем, двор Трабы только недавно перешел в руки господаря. Естественно, последний хотел оставить все так, как было при Гаштольде. Это делалось в целях успокоения населения [119].

Центральное правительство очень внимательно разбирало все недоразумения между боярами и соседями-подданными, но стремилось при этом к тому, чтобы не пострадали господарские интересы, вернее, интересы скарба. Когда при разборе дела между гомельским боярином Саввой Богдановичем и господарским подданным Тишко Полуяновичем выяснилось, что первый хлопотал о данине-пустовщине, а получил землю населенную, и так как в господарском листе даны «тые две земли пустовские, неоселые», то эти же две земли оказались за подданными, в удостоверение чего они представили господарские листы. Так как подданные с этих земель должны «плат до скарбу нашого платити и повинности замковые полнити», то земли были оставлены за подданными, пока они не потребуются господарю [120]. Разумеется, другой резолюции быть не могло, раз правительство, раздавая земли, старалось обеспечить и интересы своего скарба. Если же подданные, заявившие претензии на боярские земли, на самом деле никаких прав на них не имели, а права боярина были вне всякого сомнения, то дело выигрывал боярин. Так, господарь подтвердил право владения «селищем» кричевского боярина, так как выяснилось, что он имел на него законные права. Следовательно, поступал «своеволне» не боярин, а господарские подданные, не желавшие иметь соседом боярина Константиновича и косвенным образом пытавшиеся захватить свободную пустовщину [121].

Когда господарю приходилось разрешать недоразумения между боярами и шляхтой, то права бояр всегда находили в господаре защитника, если только бояре могли представить какие бы то ни было документы, подтверждавшие их право вла-

---

[118] ЦГАДА, ЛМ, КЗ XXXVIII, л. 24.
[119] Там же, лл. 8—9.
[120] Там же, КЗ XXXVII, л. 355.
[121] Там же, КЗ XXXIX, л. 25.

дения. Когда выяснилось, что шляхтич Ян Кучунович совершенно незаконно отнял земли у группы бояр Виленского повета, то господарь подтвердил представленные ими листы своих предков — «им самим, жонам, детем и потомъком». И, конечно, пану пришлось отказаться от своей экспроприации[122].

Проведение в жизнь аграрных мероприятий правительства, нарушивших извека сложившиеся отношения, создавало немало недоразумений среди господарских подданных. Кажется, ревизоры не особенно считались с тяглым населением и были исключительно заняты точным выполнением возложенного на них поручения, для чего устава на волоки давала правительственным агентам самые широкие полномочия. Занятые «приумножением пожитков» великокняжеского скарба, ревизоры мало считались с отдельными разрядами сельского населения, произвольно переводили из одного разряда в другой, чем, конечно, сильно задевали заинтересованных лиц, не желавших опуститься до положения обыкновенного тяглого человека. Конечно, активно противодействовать воле ревизора пострадавшие лица не могли. Поэтому у них оставалось только единственно законное средство — выступить с протестом против действий агентов в виде подачи соответствующего челобития господарю. Обилие господарских ответов на такие челобития служит прекрасным доказательством того волнения и недовольства, которое охватило господарских подданных из числа несших особые службы и отправлявших специальные повинности.

Устава на волоки, указывая на необходимость увеличения «господарских пожитков», рекомендовала увеличение разрядов тяглого населения в собственном смысле этого слова. Это обстоятельство заставило ревизоров посадить на чинш и тягло такие разряды сельского населения, которые до последнего времени были совершенно свободны от тяглой службы. Ревизоры имели полное основание так поступать, так как устава предоставляла им право определить, сколько лиц, не несших тяглой службы, необходимо оставить для нужд двора. Несомненно, ревизоры были очень усердны. Они заботились о том, чтобы возможно большее количество земли было разобрано, и потому сажали на волоки всех, кто для этого подходил, не считаясь с его прошлым юридическим состоянием и даже не пытаясь разобраться в вопросе, на каком праве тот или другой крестьянин нес особую службу и отправлял специальные повинности. Между тем, дело обстояло далеко не так просто. Среди лиц, отправлявших особую службу, попадались элементы, посаженные на эту службу старостой, державцами, исключительно имевшими в виду удовлетворение потребностей господарского двора.

---

[122] ЦГАДА, ЛМ, КЗ XLI, л. 69.

Положение такого разряда населения было юридически неустойчиво, и ревизор имел полное основание обратить его в положение тяглого человека и заставить платить чинш. Но иногда ревизоры совершали прямо-таки нарушение законного права. Это бывало в том случае, когда они принуждали население к тяглой службе, а между тем пострадавшие лица имели на руках документы, имеющие обязательную силу и делающие их положение юридически устойчивым. В этом случае заинтересованные лица могли сослаться на привилеи литовско-русских господарей, выданные их предкам и удостоверявшие старинность их службы, на что ревизоры все-таки не обратили внимание. Когда ревизор Авраам Кунцевич «повернул в тяглую службу» подданных Неменчицкой волости, «сел Трошкуны, Кемешили, Локшиниски», то последние, считая себя «боярами путными стародавными» и ссылаясь на «листы королей Казимира и Александра», и не желая быть «не в путных боярах», просили великого князя Сигизмунда «заховать их водле уставы», оставить за ними волости, «которые под собою мають», освободить от тяглой службы и «без росказанья господарского никогда не посылать их в дорогу». Челобитие подданных — путных бояр — отличается довольно категорическим и решительным тоном, и это понятно: путные бояре прекрасно понимали, что на их стороне право, а потому, естественно, не желали смягчать своего тона и переносить вопрос из области права в область господарского усмотрения — господарской ласки [123].

Среди челобитий, поданных путными боярами, немало найдется таких, в которых челобитчики просят о подтверждении путной службы, даже если последняя была оставлена ревизором за челобитчиком и не вызывала с его стороны никаких возражений. Такая осторожность вполне понятна: господарское подтверждение ревизорского распоряжения превратит состояние путного боярина в наследственное и в то же время на будущее время обеспечит его от всякого рода поползновений со стороны ревизоров. Так поступил путный боярин двора Вилькейского Споняважи Ян Мацкович Болес, которого ревизор Войтех Девялтовский оставил в путных боярах. Ревизор имел полное основание для такого рода распоряжения. Упомянутый путный боярин купил землю «за свои властные пенези» у бояр-шляхты, что было подтверждено соседями-шляхтичами. Понятно, что ревизор был обязан оставить Яна Мацковича в боярском звании, обложив его только чиншем «за вси повинности» с тех господарских земель, которые находились в держании Яна, но при этом освободил его от всяких повинностей — «ку двору Вилькейскому чинити и полнити, ку подводы ходити», за исклю-

[123] ЦГАДА, ЛМ, КЗ XXXVII, л. 376.

чением только одной военной службы [124]. Челобития об оставлении в путных и панцырных боярах подавались и при преемниках Сигизмунда II, когда проверялись итоги произведенной реформы и исправлялись разного рода недостатки. Эта проверка и исправление недочетов реформы были так же опасны для путных и панцырных бояр, как и самая реформа. Подачей же челобития и получением господарского листа, если такового у боярина не было, путный боярин укреплял свое положение и делал его забронированным по отношению к господарским агентам. Боярин Мстиславского повета Андрей Рогословский хлопотал о подтверждении своей панцырной службы, которую нес его отец, и которая, согласно пожалованию мстиславского воеводы, должна была быть наследственной в его семье. С этой целью он представил выпись из градских книг «под печатью его милости пана Павла Паца, воеводы мстиславского, выданную под датой 1580 г. [125] Другие бояре, например пропойские — Иван Омельянович с сыном ограничились предъявлением листов старосты, ссылаясь на которые они хлопотали об оставлении за ними земли и несения службы конем «з иншими боярами» [126].

Иногда путные бояре хлопотали перед господарем о даровании им отмены или о возвращении им земель, отобранных под господарские волоки. Трудно установить, в каких случаях путный боярин мог требовать отмены, в каких случаях нет. По всей вероятности, отмена давалась только в том случае, когда путный боярин располагал каким-либо документом, удостоверявшим его право на владение землей, когда присоединение «путной земли» к господарским землям без отмены могло считаться нарушением права земельной собственности. Так, у путных бояр Ейшишской волости отобрали селица Строчевичи и Яхневичи и дали их в отмену маршалку и господарскому писарю, старосте тыкотинскому пану Яну Шимковичу. Поэтому путные бояре били челом, чтобы им была дана отмена землями в том же размере, «як взяли» [127].

Аграрная реформа Сигизмунда-Августа создавала немало беспокойств и для других разрядов населения, отправлявших специальные повинности. Им тоже грозило обращение в тяглое состояние. Поэтому заинтересованные лица спешили с подачей господарю челобития об оставлении их в прежнем состоянии. В некоторых случаях это было прямо необходимо, так как возложение на подданного той или другой специальной повинности делалось по частному распоряжению и, следовательно,

[124] ЦГАДА, ЛМ, КЗ XXXIX, л. 492.
[125] Там же, КЗ LXXVI, л. 190.
[126] Там же, л. 154.
[127] Там же, КЗ XXXVII, л. 347.

для укрепления положения нуждалось в господарском подтверждении. Старосты пограничных замков, озабоченные приведением замков в должную боевую готовность, раздали немало земель на пушкарской службе. Так же поступала и королева Бона в Пинском старостве. Показателем того, насколько такие пожалования были неустойчивыми, может служить следующий пример. Королева Бона посадила на службу пушкарскую в замке Пинском Васька Бакуновича с выдачей ему ежегодно определенного юркгельта, состоявшего «из дванадцати коп литовское личъбы, а по двадцати бочок жита», «и без меръки жита ему молоти дозволила», «тысечу соли, две бочъки солоду, бочъку круп, бочъку гороху, бочъку рыбы». За этот юркгельт пушкарь был обязан ежегодно «до замку робити по шести гаркабузов з железа нашого, а два гаръкабузы з железа своего доброго ку стрельбе зовъсим готовые, а камень пороху доброго дельного давати, а уголье з замку нашого». Наконец, пушкарь получал еще плац для дома. Пока Бона была жива все шло благополучно: пушкарь получал юркгельт и отправлял свою пушкарскую службу. Когда же во главе Пинского староства стал пан Станислав Фальчевский, то пушкарские повинности были возложены на другое лицо. Естественно, что прежнему пушкарю оставалось только ходатайствовать перед господарем «абыхъмо его водле того листу королевое ее милости Боны зоставили на той службе пушъкарской» [128]. Конечно, ничего подобного с пушкарем не случилось бы, если у него под руками находился бы соответствующий господарский лист. Немало, конечно, пушкарей стало тяглыми во время производства аграрной реформы, когда во всех замках было оставлено минимальное количество разного рода слуг. Обилие пушкарских челобитий является прекрасным доказательством того, как реформа задевала интересы этого разряда населения. Особенно это было неприятно для тех пушкарей, которые считали свое состояние наследственным. Конечно, эти перемены стали возможны только потому, что пушкари не приобрели своевременно господарского подтвердительного листа. Господарские подданные Войтех Криштоф и Ян Станиславович жаловались господарю на действия писаря пана Лаврина Войны и на справцу староства городенского пана Себастиана Дыбовского, производивших аграрную реформу в Городенском старостве и отобравших у них три земли: одну — отчизную, а две другие — полученные от королевы Боны, которые спокойно держал их отец «небожчик Станислав» и которые отписаны на господаря при производстве волочной померы. Господарские агенты заставляли их нести стрелецкую службу и платить

[128] ЦГАДА, ЛМ, КЗ XLI, л. 200.

чинш, а между тем, по словам челобитчиков, они не несли до сих пор никакой службы, «одно службу пушкарскую». Поэтому представив листы королевы Боны, два пушкаря просили господаря оставить их «под повинность их стародавную» и не велеть «ку службам стрелецким примучати и циншу на них брати», но оставить «их при службе звыклой пушкарской»[129].

Господарские подданные, ставшие пушкарями, стремились свое состояние сделать наследственным, с каковой целью хлопотали перед господарем о передаче детям при жизни своих пушкарских обязанностей. Обыкновенно мотивом для такого ходатайства была фактическая невозможность выполнять пушкарские повинности. Одновременно с ходатайством о передаче пушкарского звания сыну пушкарь возбуждал ходатайство и об оставлении за его сыном тех селищ, на которых он сидел для исправного выполнения пушкарской службы. Так, пушкарь замка Кричевского Иван Герцык, будучи не в силах «службы пушкарской чинити», просил об оставлении службы за его сыном Семеном, а также и селища, на котором он «домом в месте Кричовском промышляет з двумя огородами», и кроме того, принадлежавшей ему около города пашенной земли[130]. Точно так же и братья какого-нибудь пушкаря неоднократно хлопотали о передаче им после его смерти «пушкарской службы и селищ». По всей вероятности, в данном случае покойный пушкарь не оставил детей «мужскаго рожаю», и это обстоятельство открывало свободный путь для ходатайства братьев об оставлении за ними и пушкарского звания, и земли, бывшей во владении брата[131].

Не оставались спокойными и пушкари, получившие на пушкарство волоки, записанные в волочные реестры. Для них было очень важно точное определение пушкарских повинностей, чтобы впоследствии было немыслимо произвольное их увеличение, благодаря односторонним действиям старосты или державцы. Поэтому у пушкарей является желание закрепить господарским листом те повинности, которые они должны были нести.

Конечно, не все пушкари были так предусмотрительны, но все же такая подача челобития не может быть рассматриваема, как нечто экстраординарное, выходящее за пределы установившихся традиций и обычаев.

Так, пушкари Могилевского замка, сообщая господарю, что могилевские наместники пан Беркулаб Иванович Корсак и дьяк Андрей Иванович «помераючи земли на волоки в месте Могилевском» дали им 8 волок земли, то есть на каждого по

---

[129] ЦГАДА, ЛМ, КЗ XLVIII, л. 56.
[130] Там же, КЗ LXXIII, 181; LXXIV, л. 99.
[131] Там же, КЗ LXXIV, л. 112.

2 волоки вольных. Кроме того, им же было постановлено давать из господарского скарба ежегодно по 12 коп грошей, за что они были обязаны «стрелбу тамошнего замка справовати и на замок по 60 фунтов пороху каждый год давати, и порох робити». Кроме того, для выделки селитры староста должен был давать все необходимое, а также и нужное количество рабочих рук в зависимости от работы и потребностей в ней. Поэтому пушкари просили господаря выдать им соответствующий подтвердительный лист, который закрепил бы за ними их пушкарские повинности [132]. Если же, даже при производстве аграрной реформы, положение пушкарей оставалось без изменения, и ревизоры осаживали их на пушкарской службе, то им грозила другая опасность — быть посаженными на иных земельных участках, что, конечно, не могло не нанести удара их хозяйственному положению. Для своего укрепления пострадавшие пушкари обращались к господарю с просьбой об оставлении за ними земельных участков, на которых они сидели. Так, городенские пушкари жаловались господарю на то, «иж што они здавна за предъков наших и за годное памяти королевое ее милости и великое кнегини Боны — пушкаръми были и на тую службу пушкарское земъли под собою мели». Однако во время производства аграрной реформы эти земли были отписаны на господаря, и им дано было по 2 волоки земли, которыми они беспрепятственно до сих пор пользовались. Но справцы дворов городенских пан Лаврин Война и пан Станислав Дыбовский стали гнать их с этих волок. Поэтому они ходатайствовали перед господарем, «абыхмо им ласку нашу учинили и при тых волоках на той же службе пушкарской зоставили» [133].

Впрочем, не всегда пушкари довольствовались получением волок вместо наследственной земли. Тогда они возбуждали особое ходатайство перед господарем об оставлении за ними старых земель, если новые по какой-либо причине были им мало удобны. Так, пушкари Городенского замка Андрей Янович и Петр Балтромеевич «з братьею своею» заявляли, что они 2 волоками земли, лежавшими в Ивасовской волости, владели «стародавне». Эти волоки составляли их «отчизную землю», с которой они сами и их предки «службу пушкарскую служили». Кроме того, по распоряжению Боны, отцу их были даны 2 волоки в качестве отмены за те земли, которые пан гетман наивысший маршалок дворный пан Юрий Миколаевич Радивилл дал их предкам для службы пушкарской. Благодаря же волочной помере, теперь эти земли у них отбираются, и они

[132] ЦГАДА, ЛМ, КЗ XXXVII, л. 420.
[133] Там же, КЗ XLII, л. 20.

должны с тех селищ, на которых «предъки отъцы их и они сами домами своими седели прочь зноситися», так как этими землями «старожитными» собираются дать отмену городенскому боярину Курчу. Поэтому они просят господаря «абыхъмо их с тых земль садиб и земль стародавных рушати не казали». Они даже готовы перейти на стрелецкую службу, лишь бы только остаться держателями отчизных земель[134].

Иногда пушкарям удавалось купить немного земли у соседей-земян. Сделка обыкновенно записывалась в книги уряда замка или двора. Покупщик брал из них выпись, представлял ее господарю и ходатайствовал о подтверждении за ним его купли. Когда пушкарь Кричевского замка Митко Иванович Корыпач купил землю у кричевских земян Пчелод, продавших ему часть своего имения, бывшего выслугой их отца и предоставленной Сигизмундом II их отцу на вечность, то с представлением выписи из книг замкового уряда пушкарь хлопотал перед господарем об оставлении за ним купленной земли[135].

Немало беспокоили господаря своими челобитиями и «кухари». Среди них следует отметить два разряда кухарей — одни несли кухарскую повинность еще до производства аграрной реформы, другие стали кухарями только после волочного измерения, будучи раньше просто тяглыми людьми. Принципиально кухари сидели на волоках, вольных от всяких повинностей. Это было общее положение волочной уставы. Но в руках кухаря могла как-нибудь очутиться волока или две земли, с которых он был обязан нести тяглую службу, так как волока могла быть «тяглой». Иногда в таких случаях кухарь подавал господарю челобитие и просил об освобождении от тяглой службы с той волоки, которая попадала в его руки. Так, в руках кухаря Щастного Богдановича Курембича очутилась волока земли, которую его отец Богдан Куремба купил у господарского подданного волости Скидельской. Отец кухаря платил с нее чинш и «служъбу тяглую поспол з инъшими поддаными нашими служивал». Сын, став кухарем, стал хлопотать перед господарем об оказании ему господарской ласки в виде освобождения его от «подачек» и «службы» с той волоки, которая перешла к нему по наследству от его отца. Правда, челобитчик просил еще об отводе другой волоки земли, так как отец его и он сам раньше кухарями не были[136].

С производством аграрной реформы земли кухарей как господарских подданных измеривались на волоки. Конечно, такое измерение на волоки и возможное отобрание наследственных

---

134 ЦГАДА, ЛМ, КЗ XLII, л. 29—30.
135 Там же, КЗ LXXIII, л. 80.
136 Там же, КЗ XLII, л. 1.

земель было нежелательно для кухарей. И только подача челобития могла остановить ход волочного измерения. Кухари так и поступали. Городенский кухарь Радюк Игнатович заявил господарю, что еще при жизни королевы Боны он получил 2 волоки в селе Родевичах для несения кухарской службы, в удостоверение чего он представил соответствующий лист, выданный Боной. До производства аграрной реформы право его собственности на землю не было никем заподозриваемо. Он спокойно «держал и уживал» землю. С началом производства новой аграрной реформы его землю стали мерить на волоки. Поэтому кухарь обратился к господарю с челобитием, «абыхмо ему в том кривды делать не казали» [137].

Иногда кухари, ходатайствуя об оставлении за ними волок, данных ранее при Боне, указывали, что им приходится переносить свои усадьбы «не на такой добрый кгрунт», а потому просили господаря оставить их при старых волоках и «з тое усадьбы рушати его не казали». Так ходатайствовал перед господарем городенский кухарь Криштоф Янович [138].

Если господарские агенты в одних дворах увеличивали число кухарей, а в других сокращали, то немало было случаев, когда кухарь, считавший свою службу наследственной, благодаря одностороннему действию правительственного агента, превращался в тяглого человека. В поисках защиты и восстановления нарушенного права кухарь обращался к господарю. Так, господарские кухари Ян Томасович и Якуб Юрьевич жаловались господарю, что сначала они имели на службе кухарской 4 волоки. При производстве аграрной реформы эти волоки оказались присоединенными к волости Олитской. Державца стал считать их тяглыми людьми, обложил их чиншем и стал собирать с них серебщину. Такие действия державцы, по мнению челобитчиков, совершенно незаконны, так как они «с предков своих с тое земли, которую мають под собою, николи службы тяглое не служивали цынъшов и серебщызъны не давали, одъно службу кухарскую служивали», в удостоверение чего они сослались на листы великого князя Александра. Основываясь на этом, челобитчики, по словам господаря, просили его «абыхмо им в том кривды чинити не казали», а их «при тых чотырох волоках на службе кухаръской подлуг уставы нашое зоставили, а от службы тяглое и от цыншов вольными их втянили» [139].

Если земли, которые лица, несшие специальные службы, считали наследственными, все-таки отбирались и измерялись на волоки, и притом держатели земель получали за это соот-

[137] ЦГАДА, ЛМ, КЗ XLII, лл. 21—22; XLIII, лл. 22, 23, 25, 32.
[138] Там же, КЗ XLII, л. 25.
[139] Там же, л. 78.

ветствующую отмену, то владельцы тогда просили господаря об оставлении за ними земель нетронутыми. Такое челобитие вполне понятно: переход на новое место даже при совершенно одинаковых условиях материально был разорителен. Так, кухарь дворный Петр Мытища сообщил господарю, что его земля «Гриневщина», которой владел его отец Михно на основании листов великого князя Александра и Сигизмунда для несения кухарской службы, теперь паном Григорием Воловичем взята под господарские волоки, а ему было дано 2 волоки в другом месте. Челобитчик, однако, недоволен отведенными двумя волоками и ходатайствует о возвращении ему земли, бывшей во владении его отца [140].

Иногда кухарям случалось возбуждать перед господарем ходатайства о даровании им отмены. Подобного рода челобития могли быть возбуждены только в том случае, если челобитчик имел какие-либо документы в подкрепление своей просьбы, и если при этом при производстве реформы он не был записан, за ненадобностью, на службу тяглую. Эта запись всецело, конечно, зависела от усмотрения того или другого справцы господарских дворов. Так, кухарь Тарас Лавринович жаловался господарю, что у него отобрали 2 волоки земли, которыми владел его отец Лаврин Савич на основании листов великого князя Александра и королевы Боны. Последний был написан на имя кринского наместника. Согласно листу Боны, явившемуся копией листа великого князя Александра, отец челобитчика был записан на службу кухарскую. Несмотря на предъявленные документы, ревизоры при производстве новой померы в Городенском старостве померили его земли на волоки, а его прогнали прочь «с того селища, на котором он мешкал», и при этом ему за отнятую землю не было дано никакой отмены. На этом основании челобитчик просит господаря об отводе ему отмены за отнятые незаконно земли [141].

Аналогичными были просьбы и других элементов, отправляющих специальные повинности. Стрельцы при определении на господарскую службу обыкновенно получали в пользование 2 волоки земли, свободные «от плату а всяких повинностей тяглых». При разборе стрельцов могло случиться, что лицо, предназначенное для стрелецкой службы, сидело на тяглых волоках и было записано в реестровых книгах. Создавалось странное положение: как стрелец подданный сидит на 2 волоках и свободен от всяких повинностей; как лицо, сидящее на тяглых волоках, он обязан отправлять последние. Чтобы выйти из этого двусмысленного положения, стрельцы в таком случае

---

[140] ЦГАДА, ЛМ, КЗ XLII, лл. 43—44.
[141] Там же, л. 28.

били челом господарю «абыхмо ласку господарскую вчинили» и освободили его от платежа чинша, а тяглые волоки дали бы ему для несения стрелецкой службы. Так поступил подданный жосленский Станислав Мартинович, предназначенный для стрелецкой службы и издавна сидевший на тяглых волоках [142]. Если же случалось, что лицо, предназначенное для отправления стрелецкой повинности, сидело только на одной тяглой волоке, то обыкновенно ходатайство стрельца заключалось в оставлении за ним его волоки и прибавлении еще другой волоки для отправления стрелецкой службы. Господарский олитский подданный Ян Петрович просил господаря «вчинить» ему господарскую ласку и оставить за ним волоку земли, которую раньше он держал на чинше, для отправления стрелецкой повинности с прибавлением ему для полноты стрелецкого надела еще другой пустой волоки, «прилеглой» к его волоке [143]. Отвод волок под стрелецкую службу зависел от распоряжений или местного державцы, или ревизора. Стрельцы должны были беспрекословно садиться на отведенные им участки земли. Но иногда лица, предназначенные для отправления стрелецкой службы, ходатайствовали перед господарем об отводе им волок, по тем или другим причинам им подходящих, если при этом такие подданные не имели никаких тяглых волок. Олитский подданный Мартин Бартошевич просил господаря дать ему «на тую службу стрелецкую две волоки земли, которые въпусте лежат за озером над рекою Пригою» [144].

Иногда стрельцы, посаженные на волоки для стрелецкой службы в одном месте, хлопотали перед господарем о переводе их на службу по тем или другим основаниям в другое место, на котором они сидели раньше. Стрелец Стась Панюкович, несший совместно со своим братом Романом службу при дворе Симненском, просил господаря «вчинить ему ласку» и дать ему волоки для службы во дворе Вороновском, которые они раньше «держали на циншу» [145]. Точно так же, если стрелец находил полученные им волоки для несения стрелецкой службы недостаточными, он хлопотал о дополнительном наделении. Так, стрельцы Мстиславского замка, поставленные паном Михаилом Нарушевичем, нашли, что полученные ими 2 волоки недостаточны для «пильнаго» выполнения стрелецкой повинности. Это обстоятельство и заставило стрельцов просить о дополнительном наделении [146].

---

[142] ЦГАДА, ЛМ, КЗ XLII, л. 78.
[143] Там же, л. 3.
[144] Там же.
[145] Там же, л. 60.
[146] Там же, КСД XLII, л. 11.

До производства аграрной реформы многие из подданных, отправлявших специальные службы, сидели на землях, с которых несли свою службу, и, кроме того, держали на чинше некоторое количество близлежащих земель. При производстве аграрной реформы последние земли обыкновенно отписывались на господаря, и благодаря этому держатели специальных волок попадали в довольно затруднительное материальное положение, и им приходилось ходатайствовать перед господарем о «вчинении ласки» в виде оставления за ними добавочной земли под условием платежа чинша. Одверный Михайла Костюшкович совместно со своим братом Яцком, кроме волок для одверницкой службы, держал 2 волоки земли в селе Хлистовичах под условием взноса в господарскую казну 80 грошей. С производством нового измерения в Городенском старостве эти земли отошли к господарскому двору, и благодаря этому они сами «з братьею и з детьми своими» не могли прокормиться, владея только одними одверницкими волоками. Поэтому, чтобы выйти из создавшегося тяжелого материального положения, челобитчики просили господаря оставить за ними добавочные земли при условии, чтобы они «водле уставы осадный плат врочистый, также за овес, за сено, за гуси, куры за отвоз и за всё то, што бы с тых волок давати и полнити были повинни, пенезами платити» [147].

Иногда лица, несшие одверницкую службу, попадали в довольно затруднительное положение. Господарь отдавал распоряжение отвести тем или другим лицам по 2 волоки «для одверницкой службы», а между тем оказывалось, что свободных волок в данной местности нет. Тогда заинтересованные лица сами подыскивали подходящий участок земли и ходатайствовали об оставлении его за ними для отбывания одверницкой службы. Господарь распорядился дать Яну и Езофу Юшкевичам по 2 волоки «на службу одверницкую». Между тем ревизор дворов городенских пан Лаврин Война довел до сведения господаря, «иж вжо волок пустых неоселых так много при одъном местъцу так у волости Городенской нет». Для одверных создалось весьма критическое положение. Тогда они подыскали в Бельском повете в Саражской волости небольшой обрубец, в котором было 5 волок и с которых поступало в господарский скарб только 3 копы грошей. Поэтому братья Юшкевичи ходатайствовали перед господарем об отводе им 5 волок для несения одверницкой службы. Конечно, челобитие Юшкевичей было вполне законно, но затруднительность их положения заключалась в том, что они ходатайствовали об отводе 5 волок,

---

[147] ЦГАДА, ЛМ, КЗ XLII, л. 24.

тогда как согласно уставы они не могли держать больше 4 волок, свободных от всяких платов и чиншев [148].

Случалось, что одверные не получали волок для одверницкой службы, а последнюю все-таки приходилось нести. Обращение к господарю с просьбой о наделении их волоками являлось тогда единственным выходом из создавшегося положения. После соответствующего челобития господарь поручил справце дворов староства Городенского пану Себастиану Дыбовскому дать одверным Богдану Глебовичу и Яну Грыньковичу по 2 волоки, так как они не получили до сих пор соответствующих волок. Между тем остальные лица, обязанные нести ту же службу, все своевременно получили, а челобитчики, не получившие одверницкого надела землей «вжо от не малого часу служать» [149]. Бывало также, что лица, издавна несшие специальную службу, оказывались недостаточно наделенными землей. Тогда они ходатайствовали о наделении с указанием того участка, о котором они просили. Так, обрусный Лукаш Гостилович, который нес обрусную службу при дворе еще со времен Сигизмунда I, не имел, однако, достаточного количества земли, кроме небольшой землицы, да и то для несения военной земской службы. Для несения же обрусной службы у него не было совсем земли. Поэтому челобитчик ходатайствовал перед господарем об отводе ему в Городенской волости земель тяглых людей, которые лежат вдали от других господарских грунтов, разбросаны среди шляхетских земель, но зато они прилегли «под дом и ку земълицы его отчизное» [150]. Точно так же и одверный Филипп Опанасович, уже издавна отправлявший при дворе одверницкую службу, сообщил господарю, что он «жадъное земъли, а ни волок водъле уставы нашое на служебных вчиненое на той службе своей одверницкой не маеть». Правда, производивший новую померу в Городенском старостве пан Лаврин Война дал ему 2 волоки в Городенской волости, но отвести ему их во владение он не хотел без воли и разрешения господаря. Поэтому челобитчик просил господаря о выдаче соответствующего распоряжения. Конечно, челобитие одверного имело полное основание. Его одверницкое звание не возбуждало никаких сомнений. Следовательно, он имел право требовать отвода ему 2 волок, полагавшихся по уставе для несения «уставичне» при дворе одверницкой службы [151].

Иногда лица, отправлявшие специальные службы, не могли получить 2 полных служебных волок, а между тем они оказывались собственниками дома и плаца в городе. Не желая рас-

[148] ЦГАДА, ЛМ, КЗ XLII, л. 34.
[149] Там же, л. 76.
[150] Там же, л. 38.
[151] Там же, л. 42.

ставаться с домом, собственник, на которого возложили специальную службу, подавал господарю челобитие об освобождении его дома и плаца от всяких податков и о предоставлении ему права иметь в своем доме «шынк медовый, пивный, горельчаный», но без уплаты капщизны. Так поступил обрусный «королевое ее милости и великое княгини Катерины» Миколай Карпович [152].

Впрочем, такая замена оказалась в скором времени для обрусного невыгодной. Дело в том, что ввиду военного времени в 1562 г. был положен особый побор на всех тех, «которые не повинъни войны служити в местех наших». Налог носил временный характер, «поколь ся война спокоить». Однако обрусный оказался не в силах уплатить новый налог, так как, по авторитетному заявлению самого господаря, «с тое корчмы, не только пожитъку, але и выживенья мети и того службою в двору нашом послужити не может», ввиду конкуренции со стороны арендаторов-евреев. Поэтому Миколай Карпович бил челом господарю, «абыхмо ему ласку господарскую вчинили и ему на тую службу его, яко и инъшым тым, которые службою обрусною у двору... служать подлуг уставы... две волоце або ку той корчме его волоку земъли вольную придати казали» [153].

Так как производство волочной померы могло существенно изменить служебное и материальное положение подданных, то, случалось, что более предусмотрительные из них ходатайствовали перед господарем о неизмерении их земель. Конечно, такая просьба была возможна только в том случае, если челобитчики могли представить какие-либо документы в оправдание своего ходатайства. Обрусный Ян Васкевич Кголек «з братиею своею» — Гришкой Алексеевичем и Павлом Климовичем, ходатайствовал перед господарем, чтобы «при теперешнеи новой помере волочъной их с селиц и земель рушати не велели». Обрусную службу они несли на основании листа короля Сигизмунда, который был представлен в господарскую канцелярию через могилевского старосту пана Остафия Воловича. В случае отсутствия надобности в обрусной службе, указанные выше лица должны были нести только земскую военную службу подобно другим боярам.

Хлопоча об оставлении за ними земли, челобитчики указывали господарю на то, что та земля их нигде «до грунтов наших не прилегла», и потому не годится для округления господарской земли [154]. Просьба обрусного имела все данные для ее удовлетворения.

---

[152] ЦГАДА, ЛМ, КЗ XLII, л. 77.
[153] Там же.
[154] Там же, л. 36.

Точно так же, если какой-нибудь подданный, занятый отправлением какой-либо службы, мог оказаться собственником земли, купленой еще предками, то такие лица подавали челобитье о признании господарем их купли и неизмерении их земель на волоки. По существу, такое челобитие могло иметь силу и значение исключительно только в том случае, когда просители могли представить господарю документ, согласно которому купля, совершенная предками челобитчиков, была закреплена господарским листом. Господарские обрусные Степан Васкевич и Миколай Карпович сообщили господарю, что обрусный Васко Зенкович продал их предку свою обрусную землю, лежавшую в Городенской волости за 6 коп грошей. Сделка была подтверждена Сигизмундом, и предок был оставлен для несения обрусной службы. Для этого ему был выдан особый лист, подтверждавший господарское распоряжение. На этом основании они просили господаря «им ласку господарскую вделати» и при производстве волочной померы не трогать их купли. Помимо юридических оснований, челобитчики привели и соображения чисто практического характера: обрусная земля лежит в стороне от господарских грунтов, она находится среди шляхетских земель и поэтому никоим образом не может быть измерена на волоки, да к тому же еще ее очень мало — всего «чотыри волоки, або трохе больш» [155].

Если положение господарских подданных, несших специальные службы, было неустойчивым, то таким же неспокойным было состояние и крестьян, отправлявших специальные повинности. Сплошь и рядом такого рода подданные при производстве реформы обращались в тяглых людей, несмотря на то, что их служба была старинная, и ссылка на старину, конечно, имела уже юридическое основание для ходатайства о возвращении челобитчиков в прежнее состояние. Господарские пекари Лабеньской волости Грышко и Ивашко Яцутичи-Шелпуковичи и Андрей Иванович Микитич жаловались господарю на ревизоров пана Себестиана Дыбовского и пана Лаврина Война, которые измерили на волоки те земли, которые они держали «на службе пекаръской». Взамен их ревизоры дали им по одной волоке, а наместник местный, считая их тяглыми людьми, заставлял их ходить на работу на господарский двор, хотя они раньше никакой тяглой службы не несли. Пекарская служба для них — наследственное состояние, так как ее несли их деды и отцы. В подкрепление своего челобития Шелпуковичи представили господарю лист великого князя Александра, данный их предку «дядьку», согласно которому подтверждалось и право владения их землей, и пекарская служба. Кроме того, Андрей

---

[153] ЦГАДА, ЛМ, КЗ XLII, л. 37.

Микитич представил лист Сигизмунда, данный его отцу и дядьям — Ивану, Андрею и Ермолаю, по которому за ними оставалась землица пекарская, купленная ими, и четвертая часть земли Соловьевщины, отписанной Мартином Соловьевичем Ивану Микитичу, и, кроме того, на них возлагалась обязанность отправлять пекарскую повинность. На этом основании они просили господаря не чинить им «кривды» и «в службу тяглую их не приворачивать». Такого рода челобития только лишний раз подчеркивали, сколько самоуправства допускали господарские агенты, и как они мало церемонились с правами крестьянского населения.

С другой стороны, эти же самоуправные действия указывают и на шаткость земельных прав господарского крестьянства [156].

Лица, отправлявшие специальные повинности, не всегда получали соответствующее по уставе количество волок. Иногда ревизоры почему-то забывали им их давать, и тогда им самим приходилось хлопотать об отводе волок для отправления той или другой специальной повинности. Так очутился без волок машталер Ян Богданович. Поэтому он просил господаря об отводе ему 2 волок для машталерской службы с указанием и того места, где ему было бы желательно сидеть на машталерских волоках [157].

И крестьяне, отправлявшие специальные повинности, заботились об укреплении своего положения. Это было особенно необходимо в тех случаях, когда та или другая повинность возлагалась на подданного державцей, и, следовательно, положение имело неустойчивый характер, если не было подтверждено господарем. Когда подданные Артем и Прохор Якимовичи были посажены могилевским наместником на службу тесельскую с предоставлением в их распоряжение по 2 волоки, то указанные Якимовичи немедленно обратились к господарю с просьбой об утверждении наместничьего распоряжения [158]. Иногда в руках такого подданного оказывалось больше земли в сравнении с нормами уставы. В таких случаях, хлопоча о подтверждении своего состояния, челобитчик просил и об оставлении за ним лишней земли, конечно, на тех или других условиях. Коваль Городенского замка Миколай Котович просил об утверждении за ним 3 волок, данных ему королем Стефаном, из числа которых он просил оставить 2 вольных — для несения ковальской службы, а третью — на чинше. Конечно, такое ходатайство было необходимо, так как при производстве ревизии волока на чин-

---

[156] ЦГАДА, ЛМ, КЗ XLII, л. 33.
[157] Там же, л. 53.
[158] Там же, КЗ XXXVII, л. 421.

ше могла быть отобрана у коваля и отдана кому-либо другому [159].

Во время производства аграрной реформы и значительное время уже после нее, центральное правительство было забрасываемо челобитиями привилегированного крестьянства. Конечно, не все челобития имели достаточную юридическую обоснованность. Некоторые из них, благодаря бездоказательности, не имели для господаря никакой силы. Однако их все-таки приходилось читать, приходилось разбирать и давать на них тот или другой ответ. Все это переобременяло в значительной степени деятельность господарской канцелярии, и частые «набегания» населения, в конце концов, надоедали господарю. Изучая большое количество господарских ответов на челобития привилегированного крестьянства, можно отметить очень внимательное отношение господаря к просителям. Челобития населения, по всей вероятности, никогда не встречали отказа, если челобитчики в оправдание своих просьб могли представить «листы» предшественников Сигизмунда II. Конечно, эти листы не могли не иметь для господаря обязательной силы и значения. С другой стороны, внимательное отношение господаря к просьбам привилегированного крестьянства было вызвано желанием внести спокойствие в среду самого крестьянства, взволнованного действиями, и притом довольно произвольными, господарских агентов. Правда, деятельность последних имела в виду интересы исключительно господарского скарба, но интересы последнего были тесно связаны с положением самого населения. Эта тесная зависимость между скарбом и населением была упущена из виду господарскими агентами, но господарские резолюции в ответ на челобития подданных вносили известный корректив в деятельность господарских ревизоров.. Делая известные поправки в их односторонние распоряжения, Сигизмунд II вносил также и спокойствие в заинтересованную среду, приобретал ее доверие и делал ее «пильной» при отправлении разного рода господарских служб.

Крестьянские челобития и господарские ответы любопытны и в другом отношении. Челобитчики подавали свои просьбы в сознании своего права, правда не писанного, а обычного, с которым они сроднились и сжились. Господарю же приходилось считаться с нормами этого неписаного права и пойти, тем самым, навстречу желаниям самого населения. Сознательное отношение привилегированного крестьянства к своему положению подчеркивало его довольно развитое юридическое сознание, отсутствие забитости и угнетенности. Как бы ни были благожелательны ответы господаря на просьбы челобитчиков, они все-таки

[159] ЦГАДА, ЛМ, КЗ LXXIII, л. 537.

имели характер не закона, а только одностороннего хозяйственно-политического распоряжения. Преемники Сигизмунда II морально были связаны в своих действиях листами предшественника, но юридически были свободны, и при производстве ревизии всегда происходили весьма существенные перемены в положении привилегированного крестьянства. Последнее сознавало всю шаткость своей юридической позиции, всю непрочность своего положения, которое к тому же всегда могло измениться в зависимости от того или другого направления хозяйственной политики правительства.

Этим, разумеется, и можно объяснить подачу новых челобитий о подтверждении преемниками Сигизмунда его пожалований и разного рода распоряжений.

Анализ господарских ответов позволяет составить общий вывод относительно их характера. Несомненно, что если челобитчики могли сослаться в своем ходатайстве на листы, выданные предшественниками Сигизмунда II, то ответ господаря всегда был благоприятен для просителей. Путные бояре волости Неменчицкой села Трошкуны были оставлены в своем звании, и господарский ревизор Авраам Кунцевич получил распоряжение не «примучать» их ни к какой иной службе, так как ими были представлены листы великих князей Казимира и Александра, выданные их предкам [160], что они «здавна суть бояре путные». Конечно, господарь в данном случае не мог пойти вразрез с ходатайством челобитчиков. Принятие другого решения было бы актом неуважения к действиям и распоряжениям своих предшественников. Точно так же господарь утвердил челобитие группы путных бояр Лидской волости, представившей лист великого князя Казимира и, кроме того, судовый лист господарского маршалка Войтеха Яновича, которому по поручению великого князя Александра приходилось разбирать дело и устанавливать их путное боярство. Юридическая обоснованность челобития группы бояр Лидской волости была ясна и неоспорима. Господарь без возражения дал благоприятный ответ на ходатайство лидских путных бояр [161].

Позиция Сигизмунда II была затруднительна при составлении ответов на челобития путных бояр, когда последние не могли представить никаких документов, за исключением ссылки на «старину». Последняя тоже считалась доказательством, имеющим силу и значение, если ее можно было еще чем-либо подкрепить. Путные бояре Пенянской волости получили благоприятный ответ от господаря, и земли их были освобождены от платов только потому, что справка в скарбовом реестре под-

---

[160] ЦГАДА, ЛМ, КЗ XXXVII, л. 376.
[161] Там же, КЗ XLI, л. 69.

твердила справедливость их заявления и наглядно доказала. что они никакого чинша не платили [162]. Если челобитчики могли представить какие-либо доказательства в подкрепление своих просьб, то благожелательные господарские резолюции обыкновенно укрепляли их положение на все время правления господаря, выдавшего лист. Но не всегда господарские ответы были таковы. Иногда боярское путное звание сохранялось только «до воли и ласки господарской». Так, бояре трабские были «захованы» в боярской военной службе «до воли и ласки господарское». Никаких документов, кроме ссылки, что они были боярами при Гаштольде, ими не было представлено. Благоприятный ответ господаря можно объяснить только данью уважения к памяти крупного политического деятеля [163]. Зато, вероятно, все челобития путных бояр, оставленных в этом звании господарскими ревизорами, укреплялись господарем не только без всяких оговорок, но даже с передачей этого состояния сыну, вследствие чего пожалованное звание приобретало характер наследственного состояния [164].

При составлении господарем ответов на челобития путных людей правительство менее всего имело под собой почву в вопросе о даровании отмены путному человеку, когда последний обращался с подобной просьбой.

Затруднительность положения правительства в данном вопросе заключалась в том, что права собственности на землю для путных людей не существовало, если земля была господарская. Только купленные земли были их собственностью. Поэтому всякое отобрание земли у путных бояр было действием вполне законным, и если все-таки они получали отмену, то это было актом милости со стороны правительства, но не актом принуждения. Впрочем, правительство было вынуждено давать отмену по чисто государственным соображениям. Если земли путных бояр были отданы в отмену частным владельцам или отписаны на господаря, то правительство было поставлено в необходимость дать соответствующую отмену. В противном случае путный боярин, лишенный земли или владеющий недостаточным ее количеством, не мог исправно отбывать своей «путницкой службы», чем дворовое хозяйство ставилось в весьма затруднительное положение. Если челобитчики получали ответ в благоприятном для них смысле, то он вызывался исключительно хозяйственными соображениями; да и сами путные люди, хлопоча об отмене, нигде не говорят о своем праве на получение ее, даже если они сидели на земле отчизной. И в данном слу-

[162] ЦГАДА, ЛМ, КЗ XXXVII, л. 442.
[163] Там же, КЗ XXXIII, л. 89.
[164] Там же, КЗ XXXIX, л. 492.

чае, отвод отмены — это только милость правительства. Последнее могло ничего не дать, оставить просьбу челобитчиков без ответа, и в таком акте не было бы никакого правового нарушения[165]. Благожелательное отношение господаря к челобитиям привилегированного населения можно отметить и при рассмотрении господарских ответов на челобития пушкарей. И в этом случае при анализе этих ответов следует отметить, что пушкари немедленно восстанавливались в своих правах, если они располагали господарским листом, выданным предшественниками Сигизмунда II. В таком случае все было ясно, ничто не вызывало никаких недоумений, и правительству нетрудно было восстановить прежнее состояние пушкарей и, тем самым, исправить чрезвычайную ретивость господарских агентов при проведении аграрной реформы. Но при разборе пушкарских челобитий Сигизмунду-Августу приходилось касаться немалого количества челобитий, в которых челобитчики могли представить только листы королевы Боны, матери Сигизмунда II, благодаря которым они стали пушкарями. Для ревизоров такие листы не имели никакого юридического значения, и действия их приходится считать совершенно правильными, когда они стали «примучать» пушкарей к той или иной службе. Но положение Сигизмунда II в данном вопросе нельзя не считать щекотливым. И для Сигизмунда II пожалования и листы королевы Боны юридического значения не имели. Господарь имел полное основание не утвердить их челобитий и оставить челобитчиков в том состоянии, в каком они находились согласно ревизорскому распоряжению. Но тут, помимо юридической стороны, в решении данного вопроса имела значение и моральная, и господарь не мог не считаться с ней. Признать листы королевы Боны не имеющими никакой силы и значения — это означало бы оказать неуважение к памяти матери, обнаружить свое сыновнее непочтение. Поэтому Сигизмунду, связанному моральными соображениями, приходилось удовлетворять просьбы челобитчиков, оставлять челобитчика в пушкарском звании, согласно листу и решению королевы Боны[166]. Челобитчики «заховывались» в пушкарской службе и не должны были нести никаких «инших служб» и отправлять каких-либо других повинностей[167].

Точно так же просьба о передаче пушкарского звания и земельного надела сыну или от брата к брату со стороны господаря не вызывала недоразумений. Такая передача, вызываемая фактической невозможностью нести пушкарскую службу, облег-

---

[165] ЦГАДА, ЛМ, КЗ XXXVII, л. 347.
[166] Там же, КЗ XLI, л. 200.
[167] Там же, КЗ XLVIII, л. 56.

чала положение правительства, не принуждала последнее подыскивать лиц, годных к пушкарской службе. С другой стороны, передача в руки пушкаря — сына или брата и того участка, которым владел отец или брат, делала пушкарей-наследников более годными к отправлению пушкарской повинности. Следовательно, и с этой стороны передача звания по наследству была актом, вполне отвечавшим требованиям самого правительства[168]. Руководствуясь теми же соображениями целесообразности и правительственной выгоды, правительство оставляло пушкарей на их наследственных землях, отдавая в этом случае державце приказ «никоторое трудности им не чинити». В крайнем случае, если выяснялось, что без «стародавних» пушкарских волок нельзя обойтись при производстве реформы, господарь отдавал приказ дать им отмену «споруч близкую»[169]. Однако не всегда просьбы пушкарей оставались удовлетворенными. Господарю приходилось преимущественно отказывать в тех случаях, когда пушкари просили их оставить в пушкарском звании, а для потребностей господарского двора и без того пушкарей было немало. В таких случаях правительство не считалось ни с тем, что пушкари могли сослаться на листы королевы Боны, ни с тем, что «здавна» несут пушкарскую службу[170]. Указывая, что в дальнейшем увеличении пушкарей при замке нет никакой потребы, господарь отдавал приказ перевести пушкарей на какую-либо иную службу, например, стрелецкую, оставляя за ними те волоки, какие были им даны для несения службы пушкарской.

Не встречали возражений со стороны господаря и земельные сделки привилегированного крестьянства, если последнему удавалось каким-либо образом прикупить землицу. Расширение землевладения такого крестьянства нисколько не противоречило господарским интересам, наоборот, делало его более годным и устойчивым к отправлению возложенных на него повинностей[171].

Такое же внимательное отношение со стороны господаря можно отметить и по отношению к кухарям. Все их просьбы, поскольку они не задевали интересов господарского хозяйства, безусловно удовлетворялись господарем. Когда подданный, ставший господарским кухарем, оказывался сидевшим на тяглых волоках и просил господаря об оставлении этих волок за ним для отбывания кухарской службы, так как ему приходилось переходить на иное место и иногда не на такой же добрый грунт, то Сигизмунд II принципиально ничего не имел против

[168] ЦГАДА, ЛМ, КЗ LXXIII, л. 181; LXXIV, лл. 99, 112.
[169] Там же, КЗ XLII, л. 29.
[170] Там же, л. 20.
[171] Там же, КЗ XXXVIII, л. 80.

оставления за ним волок, находившихся в его владении и полученных по наследству. Только господарские листы требовали, чтобы земли, о которых просил челобитчик «водъле порадъку волочъного были померены». Если же это не было сделано, то кухари получали 2 волоки «на ином местцы»[172]. В некоторых своих листах господарь разрешал остаться им при старых землях, однако требуя надзора со стороны агентов не только в том смысле, правильно ли измерены на волоки их земли или нет, но также с точки зрения целесообразности и полезности их самих интересам господарских подданных. Справцам господарских дворов в таком случае приходилось убедиться, не придется ли «иным подданым нашым суседом его от толь переноситися»[173]. В противном случае господарские ревизоры должны были дать землю на другом месте и притом в таком же количестве, в каком была первая[174]. Трудно сказать, насколько точно все эти требования господарских листов выполнялись на практике, и не были ли они только одной буквой, с которой господарские ревизоры мало считались. Впрочем, отсутствие в метрике дополнительных жалоб со стороны кухарей, быть может, говорит в пользу того, что господарские ревизоры, получив точные и строго определенные инструкции, считали нужным руководиться ими во время производства реформы.

Однако просьбы челобитчиков правительство иногда удовлетворяло без ограничений. Практика реформы знает случаи, когда просьбы челобитчика исполнялись сразу без всяких оговорок, и местный державца тотчас получал распоряжение, чтобы он оставил челобитчика при той его земле и никаких «подачок с него не правил». Так было с господарским кухарем Щастным Богдановичем Курембичем. Правда, последний ходатайствовал только об одной волоке, притом купленной его отцом. Разрешив оставить за ним эту волоку «яко его властность», Сигизмунд II отдал одновременно распоряжение об отводе ему для кухарской службы другой волоки, как это ему полагалось[175], согласно кухарской уставе. Что же касается челобитий об оставлении просителей в кухарском звании если они были переведены ревизорами на положение тяглого человека, то господарь только в том случае отдавал приказание не гнать их на тяглую службу и не брать с них ни «серебщины, ни иных податков», если они могли представить листы, удостоверявшие стародавность их кухарской службы[176]. Иногда господарь находил возможным дать отмену бывшему кухарю за его земли,

[172] ЦГАДА, ЛМ, КЗ XLII, л. 24.
[173] Там же, л. 28.
[174] Там же, л. 21.
[175] Там же, л. 1.
[176] Там же, л. 78.

которыми он владел на основании господарских листов и которые при производстве реформы были записаны на господаря. При этом господарь восстанавливал его в наследственном кухарском звании. Господарь, конечно, не мог не считаться с листами своих предшественников и не исправлять совершенно незаконные действия своих агентов по производству аграрной реформы. Впрочем, такого рода челобития со стороны кухарей встречаются очень редко.

Анализ господарских ответов на стрелецкие челобития тоже позволяет прийти к тому выводу, что отношение господаря к их просьбам всегда было самым внимательным. Обыкновенно все челобития стрельцов удовлетворялись господарем полностью, если только они прямо или косвенно не задевали интересов господарского хозяйства. Стрельцы при дворах и замках были необходимым служебным элементом. Поэтому господарь всегда удовлетворял их просьбу о предоставлении во владение для несения стрелецкой повинности тех волок, на которых они раньше сидели на положении тяглых людей. Господарь в этом случае отдавал распряжение местному державце «штобы с тых двух волок... никоторого плату на нем не правил и повинности тяглую его не вернул, а он з них нам господару ничим инъшим, только службою стрелцъкою служити маеть». Финансовый иммунитет касался исключительно только 2 волок. Местный державца должен был строго следить за тем, чтобы у стрельца не оказалось в распоряжении большее количество волок. Поэтому если бы оказалось, что в распоряжении стрельца имеется что-нибудь «звыши тых двух волок земли», то державца должен был смотреть, чтобы с лишних земель стрелец отправлял повинности «водле постановения ревизоръскаго»[177].

Просьба стрельца удовлетворялась и в том случае, когда последний просил оставить за ним ту тяглую волоку, на которой он сидел раньше, с добавлением другой волоки, согласно требованиям волочной уставы. При этом державце давалось распоряжение «не править» с этой волоки никаких тяглых повинностей и, кроме того, предписывалось ему дать еще одну пустую волоку, «прилеглую» к первой волоке для несения стрелецкой службы[178]. Соглашался господарь на отвод стрельцу им самим выбранных волок при условии, чтобы волоки оказались пустыми, неоселыми, и притом лежащими вдали от господарских пущ и ловов. Такой отвод земли имел характер временной меры «до воли и ласки господарское» или до «инъшаго постановенья господарского»[179]. Также соглашался господарь

---

[177] ЦГАДА, ЛМ, КЗ XLII, л. 2.
[178] Там же, л. 3.
[179] Там же.

на замену одних волок другими для отправления стрелецкой службы, если оказывалось, что указанные просителями волоки «суть людьми не оселые». Державца должен был отвести эти волоки и требовать со стрельцов только отправления одной стрелецкой службы. Такая замена одних волок другими для господарского хозяйства была совершенно безразлична [180]. Господарь удовлетворял челобитья и тех слуг, которые просили об оставлении за ними добавочных волок при условии платежа чинша. Господарь отдавал распоряжение или местному державце или справце господарских дворов отвести им просимые волоки под условием платежа «осадного плата», а также платов «за овес, за сено, за гуси, куры, за отъвоз и за все то што бы с тых волок давати и полънити были повинъни». Других повинностей никто не мог требовать с них [181]. Удовлетворяя просьбы своих слуг, правительство Сигизмунда II в некоторых случаях поступало даже вопреки уставе, предоставляя в распоряжение челобитчиков большое количество волок, в сравнении с нормами уставы. Впрочем, такое удовлетворение просьбы всегда объяснялось чрезвычайными соображениями. Господарским одверным братьям Юшкевичам было предоставлено 5 волок для несения одверницкой службы. Господарь подтвердил этот отвод земли, отчасти руководясь тем, что с волок поступал в казну «весьма малый плат», отчасти принимая во внимание их прежнюю господареву службу [182]. К этим соображениям следует еще добавить и то, что господарь фактически был вынужден отвести просимые 5 волок, так как челобитчики остались без земли благодаря тому, что свободных волок не оказалось там, где предполагалось сначала отвести им волоки согласно господарскому распоряжению. Если же челобитчики не получали земель и сами не могли указать тех волок, которые были бы желательны для них, но, несмотря на отсутствие земельных наделов, продолжали нести одверницкую службу, то господарь немедленно поручал справце господарских дворов отвести тот или другой земельный участок, о котором были сведения в господарском скарбе, что он свободен и не приносит особых доходов господарскому скарбу [183]. В аналогичном положении находился господарь и в том случае, когда ему приходилось удовлетворять просьбу челобитчиков, ходатайствовавших о дополнительном наделении землей, так как нормы их земельных владений были весьма недостаточны для отправления той или другой службы. Господарь немедленно доводил до сведения соответствующих лиц о состоявшемся добавочном наделении с ука-

[180] ЦГАДА, ЛМ, КЗ XLII, л. 60.
[181] Там же, л. 24.
[182] Там же, л. 34.
[183] Там же, л. 76.

занием и тех волок, которые предназначались господарским скарбом для добавочного наделения и которые были указаны просителем. Господарь только требовал, чтобы администрация убедилась в правильности ходатайства челобитчика и что земля лежит вдали от господарских земель и поблизости к волокам челобитчика и, следовательно, не может войти в общую систему волок. Тогда земельный участок немедленно отводился челобитчику [184]. Зато, конечно, никакого затруднения для господаря не представляла просьба об оставлении за челобитчиком тех земель, которые были отведены ревизором для несения той или другой службы, однако не решившимся отвести ее просителю до получения на этот счет господарского вырока. Причины колебания ревизоров неизвестны, хотя устава в этом отношении их ничем не связывала. Для господаря указание, что земля отведена ревизором, было достаточным, чтобы внимательно отнестись к просьбам челобитчика и немедленно удовлетворить его желание. Удовлетворяя просьбу челобитчика, господарь иногда поручал справце отвести просимую землю только в том случае, если без этих волок было возможно приведение в исполнение намеченной реформы. Если же окажется обратное и волоки понадобятся для «волочной померы», то господарь предоставляет справце господарских дворов отвести две волоки «на инъшом местъцу водъле порадъку и постановенья волочное» [185]. Может быть колебание господарского ревизора тем и объясняется, что он был поставлен в тупик — с одной стороны, надо было отвести волоки для несения одверной службы: этого требовали интересы придворной службы; с другой стороны, отвод волок мог быть ущербом для господарского хозяйства, так как волоки были необходимы для последнего. Не желая брать на себя ответственности, ревизор ожидал получения господарского листа, который, впрочем, не мог вполне его удовлетворить, так как ему все-таки приходилось решать, выгоден или невыгоден данный отвод волок для интересов господарского хозяйства.

Не мог не удовлетворить господарь просьбы служебных людей и в том случае, когда они ходатайствовали об изменении условий, на основании которых были обязаны отправлять ту или другую службу. Господарь был заинтересован в том, чтобы данное лицо было способно отправлять господареву службу. Поэтому его просьба удовлетворялась. Обрусный Миколай Карпович, несший свою службу за право вольного владения домом и плацом в Кринском месте и за право вольной эксплуатации корчмы, получил по своей просьбе одну пустую волоку, как до-

---

[184] ЦГАДА, ЛМ, КЗ XLII, л. 38.
[185] Там же, л. 42.

бавление к корчме просителя, ибо в противном случае челобитчик был не в силах отправлять свою обрусную службу [186]. Что же касается господарских ответов на просьбы челобитчиков о неизмерении сызнова их земель на волоки (дело идет о помере королевы Боны), то они отличались некоторой условностью. Господарь не мог не считаться с документами, удостоверявшими их права владения, но, с другой стороны, приказание о неизмеряемости их земель могло вредно отразиться на интересах господарского хозяйства. Господарь в таком случае мог отдать распоряжение не трогать земли челобитчика, но в то же время измерить его землю на волоки. О размерах владения ревизор должен был немедленно довести до сведения господаря, который, обсудив полученные от ревизоров сведения, давал потом соответствующую «науку», а впредь до получения последней «нехай они тую землю державть подлуг данины и листу короля его милости» [187]. Аналогичные ответы давал господарь и в том случае, когда ему подавались челобития о непроизводстве вторичного измерения на волоки купленной земли. Если же при производстве аграрной реформы оказывалось, что данная земля прилегла к господарскому грунту и без нее невозможно осуществить задуманную реформу, то справцы господарских дворов в таком случае должны были поступать «водле постановенья и уставы волочное» [188].

Господарю приходилось также рассматривать многочисленные челобития крестьян, отправлявших специальные службы и обращенных в тяглое состояние ревизорским распоряжением. При составлении господарского листа в ответ на просьбу челобитчика, господарь считался с тем, имеет ли челобитчик какой-либо документ, который бы устанавливал его право оставаться в прежнем звании. Если челобитчики могли представить такие документы, то господарский ответ всегда был очень благоприятен для просителей. Державцы получали распоряжение «не чинить им кривды и не приворачивать их ку службе тяглой, на работу и в подводы их не гнать», требуя с них ту службу, которую они отправляли согласно имевшимся у них документам. Такое господарское распоряжение имело условный характер «до воли и ласки господарской и до инъшаго постановенья» [189]. Точно так же господарь удовлетворял просьбы о наделении землей крестьян, предназначенных для отправления специальных повинностей, если ревизоры забывали это сделать. Обыкновенно сам челобитчик указывал на желательные для себя волоки. Господарь, соглашаясь дать их ему, в то же время отдавал распо-

[186] ЦГАДА, ЛМ, КЗ XLII, л. 77.
[187] Там же, л. 36.
[188] Там же, л. 87.
[189] Там же, л. 37; КЗ XXXVII, л. 421.

ряжение об отводе волок на другом месте, если бы оказалось, что на указанном челобитчиком месте нет свободных волок [190].

Аграрная реформа Сигизмунда-Августа поставила сельское население в строго определенные повинностные отношения к господарскому скарбу. Державцы, стоявшие во главе господарских дворов, имели реестр податей, которым они должны были руководиться в своей деятельности и которым они отчитывались перед господарским скарбом. Но устава на волоки — это устава, могущая быть осуществленной только при обыкновенных нормальных условиях жизни, устава, совершенно не предусматривавшая условий, благодаря которым делалось совершенно немыслимым ее правильное функционирование. Разного рода бедствия могли пасть на голову крестьянства и, совершенно его разорив, сделать его маломощным при уплате правительству тех денег, которые должны были поступать с той или другой волости. Сами державцы, прекрасно знавшие тяжелые условия жизни крестьянства в той или другой волости, не могли своей властью облегчить положение крестьянства. Последнее тогда было вынуждаемо действовать самостоятельно. Оно и подавало соответствующие челобития с целью заставить правительство прийти к нему на помощь и специальным распоряжением временно облегчить его тяжелое экономическое положение. В таком случае показания старосты или державцы как лица, близкого к населению и хорошо знакомого с его материальными нуждами и экономическим состоянием волости в данный момент имели для правительства решающее значение в смысле удовлетворения просьбы в благоприятном для населения отношении.

Челобития, подаваемые населением с заявлением своих нужд, были двоякого характера: коллективные — от имени волости или группы лиц, и индивидуальные. Обилие этих ходатайств может служить прекрасным показателем и экономического состояния края, где реформа была осуществлена, а также и некоторого, пожалуй весьма значительного бюрократизма самой реформы, совершенно забывшего об изменяемости условий, среди которых приходиться жить населению, и которые могут влиять положительно или отрицательно на сельское хозяйство и, следовательно, на экономическое положение крестьянской массы и на ее платежеспособность по отношению к господарскому скарбу.

Крестьянские челобития начинают подаваться правительству чуть ли не с самого момента осуществления реформы. Не следует забывать, что реформа была предпринята в разгар весьма напряженного внешнеполитического положения княжества, и

---

[190] ЦГАДА, ЛМ, КЗ XLII, л. 53.

последнее, помимо разного рода других условий, не могло не отразиться на экономическом положении населения, заставившем его ходатайствовать перед правительством об облегчении своего тяжелого положения.

Среди крестьянских челобитий, содержание которых можно проследить на основании господарских хозяйственных распоряжений, последовавших в ответ на жалобы населения, наибольшее количество относится к просьбам об уменьшении или освобождении от чинша на некоторое время. Это главные просьбы и коллективных челобитчиков, и индивидуальных. Конечно, мотивы, которыми руководилось население, подавая челобития правительству, были различными. Прежде всего, немало было челобитий, ходатайствовавших о сложении чинша под влиянием разорения, явившегося результатом военных действий, происходивших на той или иной территории. Так, в 1560 г. подданные Упитской волости просили об уменьшении повинностей, ибо через их волость прошло войско, причинившее им, по словам официального документа, «шкоду в жите и в збожьи», вследствие чего они были разорены и не могли отправлять возложенных на них повинностей [191].

Упитская волость пострадала только частично. Но больше всего пострадали местности, пограничные с Московским государством и бывшие театром военных действий. Вот из этих местностей и раздавались жалобные просьбы господарю об уменьшении повинностей. В 1564 г. вся Пропойская волость послала челобитие господарю с сообщением «иж от неприятеля господарского ку великому знищенью пришли есте», а потому она просила господаря дать распоряжение местному уряду, чтобы последний «для такого знищенья серебъщины платов и дани не брал» [192]. Таким образом, Пропойская волость пока ограничивалась только просьбой о частичном уменьшении тех повинностей, которые падали на население. Аналогичные челобития подавались господарю и из других местностей, затронутых войной.

Подача челобитий об уменьшении повинностей вызывалась также и стихийными бедствиями, падавшими на голову населения. Подданные довольно часто подавали челобития об уменьшении повинностей, несобирания с них серебщины «за убожество», в которое население впадало благодаря «неурожайным летам», градобитию и другим естественным бедствиям. Такие явления были постоянными, а потому жалобы населения довольно частыми. Местная администрация иногда не считалась с экономическим положением населения, и за невыполнение

---

[191] ЦГАДА, ЛМ, КЗ XXXVII, л. 368.
[192] Там же, КЗ XLV, л. 63.

повинностей, за невзнос следуемых платежей местный наместник не только накладывал руку на имущество, но и пытался даже подвергнуть пострадавшее население тюремному заключению. Впрочем, таких ретивых администраторов сказывалось очень мало, и жалобы на подобные действия администрации следует считать единицами [193].

Случалось, что разорение населения и понижение его платежеспособности зависело от несколько односторонних действий администрации, приводившей население своими распоряжениями к полному обнищанию. Вероятно, такого рода администраторы были редкостью в пореформенное время. Жалобы на злоупотребления администрации раздавались и в пореформенное время, но случаи разорения населения из-за действий администрации следует считать единицами. По крайней мере, в документах, бывших в нашем распоряжении, нам не удалось отметить частого повторения этих жалоб. Подданные крестьяне села Стрежевич, приписанного к Радунскому двору, Юрий и Андрей Стацевичи подали господарю челобитие от своего имени и от имени всех своих потужников, что благодаря урядникам воеводы полоцкого, державцы свислочского они «не по малу скрывъжоны и зубожоны суть». Вследствие этого они не могут выполнять лежавших на них повинностей и заплатить следуемые с них платы. Указывая на свое бедственное положение, челобитчики просят освободить их от платежа денег за волоки только на один 1560 год [194].

Военное время, которое приходилось переживать Великому княжеству, вызывало ряд новых податей и повинностей, значительно увеличивших норму повинностей, установленных правительственными агентами. Конечно, не все местности оказались в состоянии выполнять исправно новые повинности. Для некоторых они оказывались не под силу и, чтобы добиться облегчения или освобождения, оставалось ходатайствовать об этом перед господарем, высказывая при этом те или другие соображения, на которые литовско-русское правительство не могло не обратить внимания. Так, подданные, приписанные к пограничному замку Любеч, находя для себя тяжелым двойной взнос за подводную повинность, хлопотали перед правительством об оставлении на них только новых платов, указывая при этом на свое убожество и разорение [195].

Не оставались также спокойными и равнодушными подданные в тех случаях, когда местная администрация произвольно заменяла одну повинность другой, тогда как она не имела на это, по мнению челобитчиков, никакого юридического основа-

---

193 ЦГАДА, КПД IX, л. 105; КЗ LII, л. 43.
194 ЦГАДА, ЛМ, КЗ XLII, л. 59.
195 Там же, л. 58.

ния. Подданные села Скокох сообщили господарю, что их предки и они сами всегда ставили двух коней на господарскую военную службу и этим ограничивались все их повинности. Берестейский же староста князь Василий Гнилистый отнял у челобитчиков господарский лист и отдал им приказ выходить на работу с двумя топорами в замок — «на работу тесельную». Конечно, такая замена одной повинности другой была совершенно неправомерна. Естественно, что они не могли помириться с распоряжением берестейского старосты и стали ходатайствовать перед господарем о восстановлении их прежней службы [196]. Точно так же не могли успокоиться подданные, когда их землю, которой они владели на основании господарских листов, выданных их предкам, облагали податками и рассматривали их как тяглых людей, тогда как, по мнению пострадавших, их считать тяглыми людьми никоим образом было невозможно. Так, подданные Берестейского повета Юхно Яривонович, Иван Малкович, Васко Антонович жаловались на подсудка Льва, померившего их отчизны земли на волоки. Так как они были не в состоянии заплатить ему большой «поклон», то Лев отдал приказ нести им тяглую службу, как того требовала устава. По мнению челобитчиков, такое распоряжение совершенно незаконно. Ни они, ни их предки никогда тяглой службы не несли, а, будучи «сенничими», несли только службу конную, в удостоверение чего представили лист, выданный им старостой Берестейским, князем Александром Юрьевичем. Этот документ удостоверял, что опрос старостой местных бояр оказался в пользу челобитчиков. Бояре перед старостой показали, «иж отец их и они сами с топором на город не хаживали, дякла и подачек никоторых не даивали». Разбор дела, произведенный старостой А. Ю. Ходкевичем был утвержден Сигизмундом I. Поэтому челобитчики имели полное основание ходатайствовать перед господарем «абыхмо их и при тых листех заховали и в службу тяглую вернуть не казали» [197].

Между господарскими подданными и соседними шляхтичами возникали постоянные споры и всякого рода недоразумения. Разбор их, собственно, лежал на обязанности ревизоров, но ревизия — явление непостояннное. И вот для восстановления своих прав на землю приходилось жаловаться господарю. Инциденты, происходившие между шляхтой и господарскими подданными, были однообразны. Шляхтичи объявляли землю подданных своей и прогоняли их оттуда. Тогда подданные «втекали» до господаря и своим «набеганьем» старались вернуть отнятую землю. Так поступали все господарские поддан-

---

[196] ЦГАДА, ЛМ, КЗ XIII, л. 45.
[197] Там же, л. 47.

ные. Берестейские подданные Зенико, Наливайка и Левон Пужичане, когда земяне Ивашко, Яцко и их братья Токаревские отняли у них земли «пашъные и бортъные и сеножати», вследствие чего они не могли нигде «поставити господарское стадо», немедленно ходатайствовали о возвращении отнятой у них земли. Такие недоразумения были часты. Аграрная реформа не успокоила в этом отношении провинциальное земянство [198].

Иногда подача челобития господарскими подданными вызывалась неправильными действиями и злоупотреблениями сельских войтов. Подданные Бельской волости жаловались на своего войта, забравшего у них деньги, заработанные ими на работах в Тыкотинском замке, и вообще причинявшего им всякого рода грабежи. Впрочем, такие жалобы очень редки. Надо предполагать, что все недоразумения между населением и войтами обыкновенно разрешались местной администрацией, и только в экстренных случаях населению приходилось обращаться за помощью к господарю [199].

В общем, изучение господарских ответов на крестьянские челобития и хозяйственных распоряжений правительства, опубликованных под влиянием челобитий, позволяет прийти к тому выводу, что в коллективных челобитиях податного населения исключительно преобладали хозяйственные интересы. Конечно, эти условия возникали неожиданно и требовали немедленного удовлетворения. Что же касается отсутствия жалоб на действия администрации, то, по всей вероятности, это можно объяснить не тем, что данная администрация была безупречна. О безупречности говорить не приходится, но ревизии господарских дворов и замков, частичные или общие, благодаря полномочиям ревизоров, могли исправить все ошибки администрации и прекратить злоупотребления, если таковые были замечены ревизорами.

Помимо коллективных челобитий хозяйственного характера, население волостей иногда выступало с просьбами об изменении своего специального и, следовательно, податного положения. Некоторые из подданных староства Чечерского и Пропойского получили от местных урядников земли, лежавшие «впусте». Земли были даны «до воли и ласки господарское» с обязательством нести конную службу. Ревизоры при постановлении платов привернули эти пустовщины к замку, на что имели полное юридическое основание, и обложили эти земли чиншами. Лица, сидевшие на этой земле, разумеется, не могли остаться равнодушными к перемене своего социального и по-

[198] ЦГАДА, ЛМ, КЗ XIII, л. 68.
[199] Там же, КЗ LII, л. 34.

винностного положения и хлопотали об оставлении их при прежних повинностях. Конечно, данное челобитие не имело никакого значения для господаря. Подданные не могли сослаться ни на какой документ, который заставил бы обратить на себя внимание господаря и благодаря которому действия господарской администрации были бы признаны неправомерными и заслуживающими немедленного исправления [200].

Среди индивидуальных крестьянских челобитий следует отметить челобития об освобождении от уплаты чинша. Мотивы для такого ходатайства были различны. Господарский подданный Петр Войтехович, сидевший на 3 волоках, просил об освобождении его от платежа чинша, так как его отец и брат владели 3 пустыми волоками в Мойшакгольской волости и давали в господарский скарб по полкопы грошей с каждой волоки. Челобитчик просил об оставлении за ним этих волок [201].

Другие подданные хлопотали об освобождении от уплаты чинша, ссылаясь на юридическую давность и на распоряжения королевы Боны. Господарский подданный Щасный Степанович Ейсимонтович хлопотал об освобождении его 3 волок от платежа чинша. Эти волоки были даны просителю королевой Боной — сначала «на плате врочистом» по 55 грошей ежегодного взноса, но впоследствии челобитчик был освобожден и от этой незначительной суммы, и, кроме того, той же Боной были изданы распоряжения не принуждать его ни к какой службе. Конечно, такое челобитие для господаря не имело юридической силы. Распоряжения матери господаря могли иметь для Сигизмунда не юридическое, а моральное значение, на что, вероятно, и рассчитывал челобитчик, подавая господарю свое прошение. Такие челобития обыкновенно подавались господарскими подданными, жившими в бывших владениях Боны [202].

Если при анализе господарских ответов на ходатайства бояр и привилегированного крестьянства приходилось констатировать самое благожелательное отношение к ним, то то же можно наблюдать в ответах на челобития обыкновенного крестьянства. Некоторые из этих ходатайств серьезно задевали интересы господарского скарба, ибо грозили временным уменьшением «податков», но, с другой стороны, все просьбы населения не могли не быть особенно близки правительству, опять-таки по тем же финансовым соображениям. Правительство не стремилось форсировать во что бы то ни стало платежные силы населения, наоборот, разумным распоряжением, всецело отвечающим интересам крестьянства, оно облегчало население в его повинно-

---

200 ЦГАДА, ЛМ, КЗ XXXVII, лл. 428—429

201 Там же, л. 358.

202 Там же, КЗ XXXVIII, л. 111.

стях и податках по отношению к скарбу и тем самым давало возможность ему пережить тяжелые годы, вызвавшие разного рода хозяйственные затруднения. Когда поступало на рассмотрение правительства челобитие подданных, касавшееся хозяйственных нужд населения, то последнее удовлетворялось обыкновенно частично или полностью. Если при этом подданные в подкрепление своего ходатайства находили поддержку и защиту среди чинов провинциальной администрации, с мнением которой центральное правительство не могло не считаться, то ходатайство подданных удовлетворялось немедленно без производства предварительного дознания. Так, челобитие Упитской волости, о котором нам приходилось говорить, было немедленно удовлетворено, потому что ее ходатайство поддержал воевода Виленский пан Николай Радивилл, убедившийся на месте лично, что упитское население испытывало большой недостаток и весьма затруднялось выполнять лежавшие на нем повинности[203]. Свидетельство такого авторитетного лица, конечно, было достаточным основанием к удовлетворению ходатайства населения Упитской волости в смысле получения разных податных и повинностных льгот.

Но такой порядок ответа на просьбы населения нельзя признать нормальным. Население не всегда могло найти высоких покровителей. В этом случае удовлетворение просьб населения требовало предварительного расследования дела на месте. Производство расследования обыкновенно возлагалось на подскарбия земского, который должен был послать в волость «для певънейшого выведанья» какого-нибудь «доброго человека» с поручением ему произвести расследование и убедиться в налоговой платежеспособности каждого из членов волости. Подскарбий земский, обыкновенно, поручал такое следствие местному державце, как лицу, стоящему близко к населению и знакомому с условиями его жизни. Когда державца получал такое поручение, то он приступал к производству следствия. В русских волостях он вызывал к себе старцев и десятников, которых приводил к присяге и которые были обязаны показать наличность владения каждого из членов волости и характер повинностей по отношению к господарскому скарбу, ничего не утаивая. Справка, данная старцами и десятниками волости от имени всей волости, являлась вполне достаточным для правительства материалом для удовлетворения или отклонения просьбы населения. Конечно, такие жалобы не могли быть отклонены правительством. Оно не могло игнорировать вопль населения, когда специальное следствие устанавливало факт тяжелого материального положения, в особенно-

---

[203] ЦГАДА, ЛМ, КЗ XXXVII, л. 368.

сти, если данная местность лежала в районе военных действий [204].

Когда население Радунского двора подало челобитие по поводу злоупотреблений свислочского державцы, полоцкого воеводы пана Станислава Довойны, то правительство отдало распоряжение, чтобы ревизоры данного двора убедились на месте в правильности жалоб населения. Когда господарские ревизоры дали господарю справку, что «люди пана воеводы Полоцького сего лета жита мало не вси тых подданых пожали и сеножати покосили», то господарь «за такой справой» ревизоров, принимая во внимание убожество населения, счел возможным уменьшить их повинности наполовину, о чем немедленно был извещен местный державца [205].

Основанием для того или другого отношения правительства к ходатайствам населения служили скарбовые списки. Так, правительство сочло возможным удовлетворить ходатайство людей Любечского замка относительно несения двойной подводной повинности, когда справилось в скарбовых реестрах относительно повинностей населения. Но скарбовые списки были только материалом для принятия того или другого решения. Правительство считалось и с положением самой территории. Любечский замок находился на «небезъпечной Украине», благодаря чему население, по словам господарского листа, «часто крат бывають от непрыятеля наших воеваны сами и з местностью своею забираны». Господарь, принимая во внимание столь невыгодное пограничное положение и не желая им делать какой-либо «обтяжливости», освободил их от некоторых податков, которые они вносили в скарб за отправление подводной повинности. Местный державца получил уведомление «не чинить им никаких трудностей», но выбирать с населения подводный податок согласно положению о новой уставе [206].

Господарь мог удовлетворить просьбу населения и не производя никакого специального расследования. Это, обыкновенно, делалось в тех случаях, когда население ходатайствовало об облегчении повинностей под влиянием разных стихийных бедствий, обрушившихся на население [207].

Не оставалось равнодушным литовско-русское правительство и в том случае, когда отдельные группы подавали жалобы на произвольные действия администрации. Обыкновенно челобитчики выигрывали дело, если при этом могли представить господарский лист, так или иначе определявший их положение. Так поступили берестейские подданные Кливойды, не пожелав-

[204] ЦГАДА, ЛМ, КЗ XLV, л. 63.
[205] Там же, КЗ XLII, л. 59.
[206] Там же, л. 58.
[207] Там же, КЗ LII, л. 43; КПД IX, л. 105.

шие нести «тесельной» службы, произвольно назначенной им старостой. Желая нести только одну конную службу, они в подкрепление ходатайства представили господарский лист относительно конной службы и, кроме того, выставили «земян слушных», которые, очевидно, своими показаниями должны были удостоверить изстаринность их службы[208].

Так же поступало правительство и в том случае, когда подданные хлопотали об оставлении за ними земли, которой они владели на основании господарских листов и которая независимо от представленных документов ревизорским распоряжением записывалась как земля тяглая, тогда как владельцы земли до этого времени никакой тяглой службы не несли. Впрочем, иногда правительство не довольствовалось представленными доказательствами и считало нужным произвести дополнительное расследование. Подстароста берестейский совместно с хорунжим и местными земянами произвел расследование по поводу ходатайства подданных Юхна Яривоновича, Ивана Малковича и Васки Антоновича. Дело оказалось довольно запутанным, и господарь отдал распоряжение пока все оставить по-старому — «не приворачивать в тяглую службу и не брать никаких чиншов» вплоть до приезда «справцы замков и дворов господарских» пана Петра Фальчевского, которому придется разрешить окончательно возникшее недоразумение[209]. Расследование Фальчевского окончилось в пользу челобитчиков. Господарь оставил их «до ласки господарское» в прежней службе[210]. Правда, это было далеко не то, чего добивались челобитчики. Господарская резолюция отказывалась признать за ними «наследственность» их службы. Этот отказ делал положение челобитчиков весьма неустойчивым и грозил им возможностью в будущем превратиться в тяглых людей. Впрочем, такая резолюция понятна. Представленный документ был не господарский лист, а лист берестейского старосты, притом не подтвержденный господарем. Следовательно, он не имел для господаря юридического значения. Оставление же челобитчиков в прежнем звании объясняется, быть может, нежеланием резко изменить повинностное положение людей, до сих пор отправлявших конную службу; с другой стороны, государь не мог игнорировать листа старосты князя А. Ходкевича. Юридического значения этот лист не имел никакого, но морально господарь не мог с ним не считаться. Князь А. Ходкевич на политическом горизонте Литвы фигура весьма видная, и его распоряжениями нельзя было пренебрегать. Что же касается разного

---

208 ЦГАДА, ЛМ, КЗ XIII, л. 45.
209 Там же, л. 48.
210 Там же, л. 49.

рода земельных недоразумений, происходивших между господарским крестьянством, с одной стороны, и соседями-землевладельцами — с другой, то высылка особых комиссаров, производство следствия на месте и осмотр документов решали все возникавшие на местах недоразумения[211]. Если же дело касалось недоразумений между подданными и их войтами, то господарь посылал соответствующее уведомление старосте, который и разбирал возникшее недоразумение[212].

Аналогичными приемами правительство разбирало и индивидуальные челобития подданных. Господарь удовлетворял челобития, если подданные могли представить документы, хотя бы имевшие только моральную силу, как пожалования Боны[213]. Если же господарь удовлетворял челобития подданных, не представивших соответствующих документов, то такое удовлетворение всегда носило временный характер и объяснялось исключительными мотивами и соображениями. Господарь счел возможным оставить земли на три года за группой чечерских и пропойских подданных только потому, что, сидя раньше на землях пустых и, после постановления платов, присоединенных к господарскому двору, они вложили в них свой труд на приведение земельных участков в культурное состояние. Этим и объясняется, почему правительство оставило за ними земли во временное пользование. Спустя три года подданные должны были выселиться в господарские пущи на новые участки, указанные ревизорами[214].

Таково общее отношение господаря к челобитиям подданных. Следует, во всяком случае, указать на умеренное отношение к подданным. Нигде не видно желания преследовать во что бы то ни стало фискальную точку зрения. Желание считаться с обстоятельствами, в которых находится народный труд, красной нитью проходит через все господарские ответы. Конечно, разумная хозяйственная политика и правильно понятые интересы господарского скарба не могли продиктовать иного отношения со стороны правительства к ходатайствам государственного тяглого населения.

Подведем итог всему сказанному. Земли бояр не составляли их собственности в прямом смысле этого слова, а потому их земельными владениями давалась отмена духовным и светским землевладельцам.

Однако и боярам давалась отмена, если только они могли доказать свое право на потомственное владение тем или дру-

---

[211] ЦГАДА, ЛМ, КЗ XIII, л. 68.
[212] Там же, КЗ LII, л. 34.
[213] Там же, КЗ XXXVIII, л. 111.
[214] Там же, лл. 428—429.

гим земельным участком. Для этой цели необходимо было представить соответствующие оправдательные документы.

Отмена, тем не менее, и в последнем случае давалась далеко не всем. Но это следует отнести к правонарушениям со стороны господарских агентов.

Волочное измерение сопровождалось также проверкой боярских прав на землю, и все участки, не соответствовавшие господарской данине, отписывались на господаря.

Не получившие отмены подавали господарю челобитья с просьбой об отмене, ссылаясь на различные документы.

Хлопотали об отмене и лица, владевшие землей «до воли и ласки господарской».

Помимо того, бояре хлопотали перед господарем об отмене чинша, который они вносили в господарский скарб за право держания господарских земель. Мотивировка бояр была довольно разнообразна.

Во время аграрной реформы боярство обращалось к господарю с ходатайствами о наделении его землями: одни для несения военной службы, другие потому, что с них «скарбу жадного пожитку» нет, третьи ходатайствовали о награде за земскую службу, четвертые просили о возвращении им их земли, как неправильно отнятой, пятые просили о возвращении земель, так как в свое время не были представлены соответствующие документы, шестые просили об отдаче лесных волок для разработки.

Одновременно бояре возбуждали ходатайства о подтверждении земель, оказавшихся в их руках и полученных ими или от ревизоров, или приобретенных в результате покупки, или перешедших по наследству детям, или полученных боярами в виде отмены.

Положение боярина было мало устойчивым. Он легко мог сделаться тяглым человеком и часто становился таковым, благодаря ревизорскому распоряжению. Поэтому пострадавшие бояре хлопотали перед господарем об оставлении их в боярском звании.

Благодаря неопределенности боярского звания и неопределенности боярского землевладения, между боярами и соседями возникали разного рода недоразумения.

Отношение господаря к боярским челобитиям, можно сказать, было самым внимательным. Господарь удовлетворял обыкновенно все просьбы, если они имели хоть какое-нибудь законное основание и удовлетворение их не грозило интересам господарского скарба.

Неустойчивым было также положение и «путных бояр». Они часто попадали в разряд тяглых. Желание остаться в прежнем звании побуждало бояр подавать господарю челоби-

тия об оставлении их в «путных или непутных боярех». Такие челобития подавались и после Сигизмунда-Августа, при его ближайших преемниках.

Путные бояре в некоторых случаях получали также отмену за земли, приписанные к господарским землям.

Пушкари ходатайствовали перед господарем об оставлении их в пушкарском звании, о передаче своего звания детям и родственникам, об оставлении за ними наследственных отчизных земель и о подтверждении за ними волок, розданных им для несения пушкарской службы, об укреплении за ними купленной земли.

Ходатайства кухарей сводились к просьбам об освобождении от чинша тяглых волок, оказавшихся в их владении, об оставлении их на кухарской службе, об оставлении в их руках тех земель, которыми они владели по наследству.

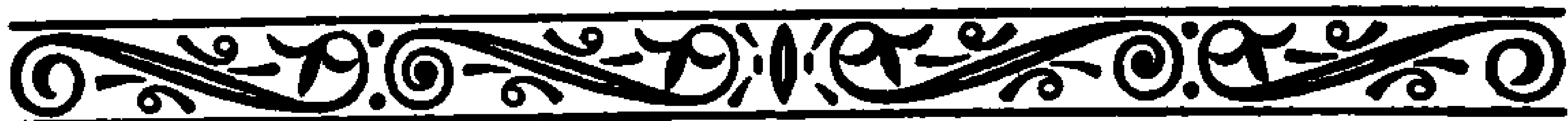
Аналогичными были просьбы и других разрядов привилегированного крестьянства.

Господарские ответы весьма доброжелательны по отношению к привилегированному крестьянству. Господарь по возможности удовлетворял все ходатайства, если находил к тому какие-либо законные основания.

Ходатайства подданных сводились к просьбам об уменьшении повинностей, жалобам на администрацию, просьбам об оставлении прежних повинностей, жалобам на соседей и на свою сельскую администрацию.

Осторожное и внимательное отношение к просьбам податного населения можно отметить и при анализе господарских ответов по поводу челобитий господарских непривилегированных подданных.

XII. АГРАРНАЯ РЕФОРМА И МЕЩАНСТВО

Дореформенные города. Город и реформа. Ходатайства мещан. Ответы на них господаря.

О городах Великого княжества как хозяйственных центрах, не приходится говорить до конца XIV столетия. Составляя одно целое с волостью, литовско-русские города были для волости лишь политическими и административными центрами, куда сбегалось население под охрану городских укреплений и куда оно тянуло «по суду, наряду и повинностям». С течением времени жизнь городов, в особенности в западной части Литовско-Русского государства, значительно усложняется. Города становятся для волостей и хозяйственными центрами.

Помимо больших городов, Литовско-Русское государство было покрыто малыми городами, большими и малыми местечками, в которых производился торг и были разного рода промышленные и торговые учреждения[1]. Сравнительно много их было в западных областях Великого княжества, где экономическая жизнь развивалась более быстрым темпом, благодаря торговым путям, связывающим эти области с Западной Европой. Первоначальная ограницазия управления городов, как это верно замечено Ф. И. Леонтовичем, почти ничем не отличалась от волостной организации. По крайней мере памятники молчат о каких-либо специальных городских урядах. Но строй городов должен был значительно измениться, как только некоторые из них стали более или менее видными центрами хозяйственной жизни волости. С конца XIV в. в западной части Великого княжества начинает распространяться магдебургское право. Рань-

[1] М. К. Любавский. Областное деление и местное управление..., стр. 496.

ше всего, в 1387 г., его получила Вильна, в 1390 г.— Берестье, в 1391 г.— Гродно и Ковно[2]. Помимо магдебургского права, в некоторых городах Подляхии (Нарве, Клещеле, Крабове) и Литвы (Медники и Ворняны) распространялись разновидности его — права хелмское и шродское[3]. В 1424 г. последнее было пожаловано городу Соколу в Дорогичинском повете.

Вопрос о причинах распространения магдебургского права требует некоторого разъяснения. М. Ф. Владимирский-Буданов[4] считает, что его распространение было одним из средств полонизации края и литовско-русское правительство стало на этот путь вполне сознательно. К тому же выводу пришел и В. Б. Антонович, указавший, что распространение магдебургского права привело к развитию сословности и уничтожению всесословного общества[5]. М. К. Любавский тоже считает распространение магдебургского права одним из результатов польского влияния на Литву[6]. Краковский профессор Кутшеба также видит в распространении магдебургского права влияние, и притом весьма благотворное, польской общественности на литовско-русский государственный строй. Весьма вероятно, что значительная доля правды есть во всех этих предположениях, но едва ли возможно их принять вполне. Исследователи, изучавшие городское право в Литве, сделали целый ряд весьма ценных наблюдений, но в то же время прошли мимо других, и притом весьма важных, вопросов. Несомненно магдебургское право заимствовано из Польши, куда оно перешло из Германии. Городское самоуправление было введено в Литве правительством, тогда как на Западе оно большею частью завоевывалось горожанами, лишь только города достигали известной степени экономического развития и благосостояния. Все эти наблюдения совершенно справедливы, но этим все-таки не решается вопрос о причинах распространения магдебургского права.

Мы не знаем тех мотивов, которыми руководилось правительство, выдавая городам Вильне, Трокам, Гродне, Берестью привилеи на магдебургское право, но мы не располагаем также никакими данными, которые подтвердили бы предположение, будто распространение магдебургского права произво-

[2] Ф. Тарановский. Обзор памятников магдебургского права, стр. 18.

[3] Ф. И. Леонтович. Областное управление в Великом княжестве Литовском до и после Люблинской унии. Юридические записки, вып. 1. Ярославль, 1910 г. стр. 379.

[4] М. Ф. Владимирский-Буданов. Немецкое право в Польше и Литве.

[5] В. Б. Антонович. Исследования о городах в юго-западной России по актам 1732—1798 гг. Киев, 1870.

[6] М. К. Любавский. Очерк истории Литовско-Русского государства, гл. XXV.

дилось с определенной целью. Точно так же ошибочно и суждение В. Б. Антоновича, так как процесс разрушения всесословного строя развивался в Литве в значительной степени независимо от польского влияния и воздействия.

При разрешении вопроса, впрочем весьма предположительном, о распространении на города самоуправления, нам кажется, что не следует придавать большого значения тому неоспоримому факту, что формы городского самоуправления заимствованы из Польши. Этот факт сам по себе ничего одиозного не содержит и не дает никаких данных для подтверждения наблюдений, ранее высказанных исследователями.

Образование Литовско-Русского государства застало Литву при весьма примитивных хозяйственных формах. Города почти не имели никакого экономического значения. Как военные центры они занимали особенное положение в волости и представляли собою в некотором отношении особую административную единицу, правда, находившуюся в ведении военных властей. Бедность средств правительства и примитивная хозяйственная структура государства в связи с внешним положением Литвы заставляли правительство задумываться над вопросом об увеличении доходов господарского скарба и развитии экономической жизни княжества. Предоставляя городам-крепостям самоуправление и выделяя их в особую административно-хозяйственную единицу, князья, тем самым, желали поднять экономическое развитие страны путем возбуждения хозяйственной производительности и деятельности городского населения. Пример европейских и польских городов давал правительству некоторые основания для оправдания своей политики относительно городов. Только князья не знали, что предоставление немецким городам самоуправления явилось следствием их экономического процветания. Литовские же князья поступали совсем наоборот. Но деятельность их не пропала даром. Крупные города довольно рано стали большими экономическими центрами, процветание которых зависело от полученного ими самоуправления. От этих городов шли торговые дороги в самых разнообразных направлениях. Узловое положение содействовало их расцвету. Князья прекрасно разобрались в вопросе, какие именно города в первую очередь должны были получить магдебургское право [7]. Высказанная мысль находит себе подтверждение еще в том явлении, что раздача привилеев на магдебургское право была особенно многочисленна во второй половине XVI в., когда экономический строй государства претерпевал серьезные изменения. Только во второй половине XVI в. многие из городских общин сами хлопотали о предо-

---

[7] См. гл. III.

ставлении магдебургского права, оценив его значение и влияние[8].

Благодаря образованию привилегированного землевладения разрушалась в Литве всесословность строя и укреплялась его сословность. Магдебургское право в этом отношении никаких новшеств не вносило, а только ускоряло естественный процесс выделения города в отдельную сословно-административную единицу. Мнение В. Б. Антоновича не находит подтверждения при более внимательном изучении сословности в Литве.

Магдебургское право распространялось до конца XV в. только в западных областях. В восточных областях было мало городов. Хозяйственный строй их был более примитивен, и сословность там пока не пустила глубоких корней. С половины XVI в. и тут начался процесс хозяйственной эволюции и разложения всесословного строя, что повело к росту городов и местечек и получению ими магдебургского права. В общем, последнее право только ускорило здесь процесс выделения города в самостоятельную административно-хозяйственную единицу. Это произошло бы и само по себе, независимо от магдебургского права, но исключительно в силу экономического развития страны.

Благодаря получению «местами» самоуправления, они стали делиться на привилегированные и непривилегированные. И повинностное отношение их к господарскому скарбу, и система управления в них были совершенно различны. Города, получившие магдебургское право, были независимы в судебно-административном отношении от правительственного должностного лица, зависимость от которого ограничивалась только уплатой определенных податков с разных городских статей. Повинностное же отнощение к господарскому скарбу отличалось точностью и ясностью. Правительство брало в свою пользу полностью или частично поступления от ряда доходных городских статей, при этом население освобождалось от натуральных работ совместно с волостными людьми. Благодаря магдебургскому праву городские самоуправляющиеся общины находились в сравнительно хорошем состоянии, так как фактически исчезла возможность злоупотреблений со стороны провинциальной администрации. Если же последние случались, то вследствие определенности отношений к администрации эти злоупотребления легко были исправимы. Поэтому городские общины имели полное основание быть довольными своим хозяйственно-правовым положением. В несколько ином положении находились непривилегированные места. Они составляли в хо-

[8] Особенно много было пожалований при Стефане Батории (ЦГАДА, ЛМ, КЗ XXV).

зяйственно-административном отношении одно целое с волостью. В этом случае не было разницы между восточными и западными городами. Показателем тесной связи места с волостью служит отсутствие специальной местской администрации. Благодаря этому надзор за выполнением мещанами лежавших на них повинностей сосредоточивался в руках великокняжеского урядника и его слуг[9]. Так как повинности непривилегированных мест определялись обычаем и городская община не имела своего представителя, который мог бы защитить городское население, то на этой почве были возможны злоупотребления со стороны администрации, вызывавшие в массе населения недовольство. Необходимость урегулирования отношений стала очевидной для правительства с того момента, как оно стало на путь более или менее планомерной хозяйственной политики.

Что же касается повинностного положения непривилегированных мест, то прежде всего в господарский скарб со всех мещан поступала поземельная подать. Размер ее был точно определен только для Берестейско-Подляшских мест, где уже в начале XVI в. было произведено волочное измерение. В других местах она определялась обычаем, который в половине XVI в. нарушался господарской администрацией, что в свою очередь подталкивало правительство в сторону определения размеров поземельной подати. Последняя подать — это налог обыкновенный. Но, кроме того, собирались и экстренные налоги — серебщина и ордынщина, которые своими размерами часто разоряли население и заставляли его обращаться к правительству с просьбой о льготе. Правительству волей-неволей приходилось удовлетворять эти просьбы, так как, по словам челобитчиков, население разбегалось, а его уменьшение, конечно, могло грозить неисчислимыми убытками для господарского скарба[10]. Поземельная подать, серебщина и ордынщина — это прямые налоги, поступавшие в господарский скарб и собиравшиеся со всех мест на всем протяжении Литовско-Русского государства. Кроме того, в распоряжение правительственного скарба поступали различные косвенные налоги, собиравшиеся обыкновенно местными державцами. Впрочем, устава 1529 г. не всегда на практике выполнялась; в этой области существовали многочисленные исключения. Отдельные доходные статьи отдавались правительством в аренду[11]. Иногда сбор налогов поручался специально посланным для этой цели дворянам,

---

[9] М. К. Любавский. Областное деление и местное управление..., стр. 497—501.

[10] Там же, стр. 501.

[11] Там же, стр. 503.

становившимся помощниками администрации[12]. Жаловались также доходные статьи в награду за службу, в особенности корчмы, с освобождением от платежа всяких податков в господарский скарб. Точно так же господарские корчмы отдавались государственным кредиторам на определенный срок «для выбирания пенезей»[13]. Наконец, помимо общих налогов, собиравшихся со всех мест, существовали кое-где и специальные местные налоги, сбор которых в других городах нельзя отметить на основании существующих источников[14]. Помимо указанных выше налогов, прямых и косвенных, население непривилегированных мест вносило в господарский скарб ряд натуральных податей и отправляло повинности совместно с волостным населением[15]. Такая связь интересна как показатель примитивного состояния хозяйства в Литовско-Русском государстве. Впрочем, с половины XV в. это общее правило постепенно нарушается. Отдельные города получают от правительства «листы», коими они освобождаются от тяглых работ, гвалтов, подвод, сторожи, дякол, пригона и разного рода других повинностей. Эти изъятия делались литовско-русским правительством под влиянием разного рода соображений[16]. Но каковы бы ни были эти соображения, мероприятия правительства разрушали связь города с волостью и постепенно подготавливали окончательное выделение города из волости, еще задолго до получения городами магдебургского права.

Аграрная реформа Сигизмунда-Августа весьма существенно коснулась и городов, впрочем, не всех. Вне ее влияния остались города, имевшие магдебургское право. Повинности этих городов оставались без изменения. Но на деле и в данном случае не обходилось без нарушения. Ревизоры, игнорируя местные вольности, налагали на города новые повинности, отмены которых приходилось добиваться. Вообще, привилегированным городам надо было быть все время настороже своих прав, и всякое упущение со стороны города грозило ему финансовыми тяжкостями.

Аграрная реформа коснулась главным образом непривилегированных городов. Ревизоры описывали земли, пахотные, огородные и сенокосные, домовые плацы и облагали все эти земли соответствующим поземельным налогом. Последний, конечно, не однообразен. За земли, лежавшие за городской чертой, вносился чинш и отдельная плата за отбывание толоки

[12] Там же, стр. 507.
[13] Там же, стр. 510.
[14] Там же, стр. 517—518.
[15] М. В. Довнар-Запольский. Государственное хозяйство Великого княжества Литовского, стр. 331—338.
[16] М. К. Любавский. Областное деление и местное управление..., стр. 331.

Размеры чинша зависели от качества почвы. Толока оставалась одинаковой для всех держателей местских волок. Что же касается усадебных земель, то размер падавшего на них обложения всецело зависел от местоположения усадьбы. Более близкие к центру усадьбы облагались выше, чем находившиеся в отдаленных улицах. Волочная устава учитывала выгоды местоположения при определении поземельного сбора и, стремясь к справедливому, равному обложению, поступала совершенно правильно. Однообразным налогом облагались земли огородные и гуменные пруты в предместье [17]. Впрочем, нормы чинша, принятые уставой, не всегда на практике соблюдались. Их приходилось изменять в зависимости от разного рода условий и обстоятельств. В месте Клещеве был установлен один чинш в количестве 30 и 5 грошей за бочку овса, причем этот чинш одинаково падал и на хорошие и на плохие по качеству земли. На это несоответствие между нормами чинша и качеством земли было указано правительству самим населением. Тогда правительство, руководствуясь принципом неуменьшения податей, поступавших с места в казну, нашло возможным ввести новые нормы чинша «з добрых кгрунтов цинш большей, а с худых — меньший». Поэтому жители Клещева стали платить 47 грошей с доброй волоки, 28 грошей с подлой волоки и 15 грошей с «вельми подлой» [18].

Несмотря на то, что устава не распространяла своего действия на городские общины, занимавшие привилегированное положение, тем не менее, как было указано М. В. Довнар-Запольским, они должны были платить прутковые пенези за усадебные места, тогда как, согласно привилеям на магдебургское право, города были совершенно свободны от платежа денег за пользование в городах усадебной оседлостью [19]. Таким образом, и города с магдебургским правом не остались без косвенного воздействия на них волочной померы. Впрочем, общей нормой признать это нельзя, так как были общины, которые не желали примириться с новшествами уставы и отстаивали, ссылаясь на привилей на магдебургское право, свое прежнее положение. И господарю, как это видно из его ответа на челобитие Гродненской общины, приходилось идти на уступки и отказываться от требования прутовых денег «за пляцы и огороды» [20]. Поступали ли так все города или нет,— на это наши источники не дают ответа. Может быть, молчание других городов является лишь показателем, что справцы некоторых

---

[17] РИБ, т. XXX, Устава, арт. 9.

[18] ЦГАДА, ЛМ, КЗ IX, лл. 74—152.

[19] М. В. Довнар-Запольский. Государственное хозяйство Великого княжества Литовского..., стр. 340—341.

[20] ЦГАДА, ЛМ, КЗ XLI, л. 182.

волостей были более внимательны к городским правам и не решались нарушать их распространением на них нового обложения.

Облагая городские земли особым поземельным налогом, устава вводила и новое однообразное промысловое обложение: акцизный сбор с корчем, устроенных в пределах городской черты, и резницкий сбор [21]. Наконец, вводился и личный налог в размере двух грошей со всех лиц, которые не владели в городе недвижимым имуществом [22].

В административном и судебном отношениях город, в котором была введена волочная померa, находился в зависимости от провинциальной администрации, получавшей за свой труд определенную часть городских доходов, так что на этой почве между городом и администрацией не могло возникнуть никаких недоразумений [23].

Для заведования специально городскими делами и для надзора за правильным отбыванием населением лежавших на нем повинностей и податей во главе города ставился войт. О его обязанностях и соответствующем их материальном вознаграждении уже приходилось говорить [24]. Аграрные мероприятия правительства сопровождались выкупом старых войтовств и назначением на их места новых [25]. Это, вероятно, делалось в тех целях, чтобы и в городах с магдебургским правом войты занимали то же положение и пользовались теми же доходами, как и войты местностей, где прошла аграрная реформа. Действительно, оставить положение войтов по-старому было невозможно. Неравномерность материального обеспечения старых и новых войтов резко бросалась бы в глаза. Насколько велика могла быть разница, можно судить уже по тому, что кнышинский войт имел в своем распоряжении 10 волок [26]. Выкуп давался только за земли, на которые войты могли представить соответствующие документы; если же оказывалось, что войты владели землями «без жадного права и листов» «ку шкоде господарской и господарскому пожитку», то эти земли отбирались в казну и за них «им жадного гроша не платили». Выкупу подлежали и купленные волоки, только войту разрешалось убрать хлеб, который он посеял и который он мог унести с собой. Выкуп войтовства мог быть произведен только тогда, когда войты представят в господарский скарб «личбу достаточную», почему они держали больше волок «нижли им войтом

[21] РИБ, т. XXX, Устава, арт. 10—11.
[22] Там же, арт. 12.
[23] Там же, арт. 10, 11.
[24] См. гл. VI.
[25] ЦГАДА, ЛМ, КЗ XXXVIII, л. 12.
[26] Там же.

належало и в листех их стоить описано», а также ответят перед господарем «про которую причину з немало волок оселых под нашими подданными в их же войтовстве плату до скарбу нашого не давали». Многие из войтов игнорировали господарские выроки, ссылаясь на их неполучение, «и в скарбе до сих часов не справовали и никоторое личбы не вделали»[27]. Однако и при соблюдении этих условий выкуп войтовств был произведен не повсеместно. Некоторые из них оставались невыкупленными, о чем «справце господарских дворов и замков» были даны соответствующие указания. Другие войтовства оставались без выкупа «до воли и ласки господарской»[28]. Войтовства могли попасть обратно в руки господаря, если сам войт, по тем или другим соображениям, отказывался от войтовства[29]. Войты назначались господарем из мещан или шляхтичей[30]. Но господарь мог поручить местному старосте от своего имени назначить войтом подходящее лицо. Когда витебский войт Гришка Гутор отказался добровольно от войтовских обязанностей, господарь послал витебскому воеводе уведомление, «иж бы которого доброго звлаща человека именем нашим на войтовство учинил» и дал ему некоторое количество земли в виде вознаграждения за исполнение войтовской должности[31]. Обыкновенно сам господарь выбирал на должность войта. И господарь, отдавая войтовство намеченному лицу, сообразовался при этом с его заслугами и качествами[32]. Иногда кандидатура выдвигалась панами-радой[33]. Бывало, что и сам войт выставлял кандидатуру того или другого лица на войтовство.

Так, пинский войт Федор Демьянович, будучи человеком в «летах зошълых злого здоровья», был не в состоянии отправлять войтовские обязанности. Поэтому он «уряд войтовский з себе зложил и доброволне пустил», но вместе с тем просил господаря назначить войтом земского судью Фурса, считая последнего «прилеглым и справным в праве, беглым всим потребам и правам местским»[34].

Конечно, это было возможно только в том случае, если войтовство было наследственным, а у войта не было наследников, к которым могла бы перейти его должность. И население места иногда хлопотало о назначении на должность войта своего кандидата.

---

[27] ЦГАДА, ЛМ КЗ XXXVIII, л. 12.
[28] Там же.
[29] Там же, л. 2.
[30] Там же, КЗ LXXIII, л. 401.
[31] Там же, КЗ XXXVIII, л. 2.
[32] Там же, КЗ LXXIII, л. 401.
[33] Там же, КЗ XXXVIII, л. 401.
[34] Там же, КЗ LXXIII, л 40

Так, просьба больного пинского войта Федора Демьяновича о назначении войтом земского судьи Фурса была поддержана жителями Пинского места [35].

Затем господарю иногда подавались челобития с просьбой о назначении на должность войта. Так, на должность войта в 1588 г. в Троцком месте, по его челобитию, был назначен земянин Адам Тышкевич [36].

Конечно, и местные староста или воевода могли назначить войтом то или другое лицо, но такое пожалованье имело только условный характер и нуждалось в подтверждении господаря [37].

Войтовства давались на разных условиях. Самым неприятным для войта было получение войтовства «до воли и ласки господарское». Такое пожалование делало положение войта места непрочным и грозило ему возможностью в любой момент лишиться своего войтовства [38]. На практике это бывало часто. В Кричевском месте королем Стефаном было дано войтовство некоему Молодецкому «до воли господарское». Но когда на это место стали выдвигать кандидатуру господарского дворянина Славина, поддержанную некоторыми из радных панов, то господарь, принимая во внимание ходатайство родных панов и его службу господарю и считая его годным к отправлению должности войта, решил дать ему упомянутое войтовство. Давались войтовства и «доживотным правом» [39].

Бывали, конечно, и наследственные войтовства. Иногда на почве борьбы из-за войтовства возникали серьезные недоразумения между несколькими наследниками, разделившими между собой войтовство и не желавшими заботиться об интересах города и о правильном выполнении войтовских обязанностей. И только вмешательство населения путем подачи соответствующего челобития вносило, наконец, порядок в отправление войтовской должности, ибо вызывало соответствующее вмешательство господаря. В Воинском месте Гаврила Гричина был наследственным войтом. Наследственность должности была закреплена привилеем Сигизмунда I. После смерти Гаврилы войтовство держал его сын Яков, но ввиду того, что после смерти Гаврилы осталось «колькось сынов», то они поделили на равные части все земли, принадлежавшие войтовству. Тогда городское общество в лице бурмистров и радцев просило господаря «иж быхмо под ровную справу всим сыном небожчика Гаврилы Гричины не подавали альбо одного с их брата старшого Якова Гричина войтом дали». Господарь согласился с

[35] Там же, л. 59.
[36] Там же, л. 70.
[37] Там же, л. 210.
[38] Там же, л. 401.
[39] ЦГАДА, ЛМ, КЗ LXXIII, л. 401.

челобитием Воинского поспольства, так как, по словам господарского ответного листа, «во всех местах наших не ровные але одна особа таковым врадом войтовства справують»[40].

Несмотря на то, что положение непривилегированного места после осуществления аграрной реформы было значительно лучше в сравнении с дореформенной эпохой,— жители мест не желали с этим помириться, и предметом их мечтаний было получение магдебургского права, дававшего им внутреннюю автономию и судебную независимость от провинциального администратора, с которым, по всей вероятности, могли происходить всякие недоразумения. Выдавая таким местам лист на магдебургское право, правительство изменяло и положение их применительно к нормам магдебургского права. Население мест по-прежнему было обязано уплачивать все повинности согласно нормам устава. С освобождением от административной опеки господарского урядника города не были обязаны выплачивать господарскому уряду шедшие на него ранее платы. Кроме того, в пользу города правительство отдавало разного рода доходные статьи, так как теперь вся забота о благосостоянии города падала на население[41]. При Стефане Батории было роздано огромное количество привилеев на магдебургское право. Можно сказать, что при нем все западные волости покрылись сетью свободных общин. Это желание получить привилей на магдебургское право — факт очень важный, с которым необходимо считаться будущему историку литовско-русского города при оценке вопроса о значении магдебургского права для города Великого княжества и об отношении к нему населения.

Когда осуществлялась аграрная реформа, деятелям последней было поручено осаживать «на сыром кореню» на «новые места». Благодаря этому страна покрылась множеством мелких мест и местечек, имевших свои торги и ярмарки. В такое «место» население приходилось привлекать. Последнее было выполнимо только благодаря разным льготам, предоставляемым новоселам. Обыкновенно население освобождалось на десять лет «от плаченья всяких платов, подачок и повинностей». По истечении десяти лет подданные были обязаны давать «вси платы и подачки», которые должны поступать в господарскую казну и на господарский уряд, не исключая и тех экстренных налогов, которые могли быть собираемы с населения ввиду затруднительного внешнего положения Литовско-Русского государства[42].

---

[40] ЦГАДА, ЛМ, КЗ XLIX, л. 20.
[41] Там же, КЗ L, л. 44.
[42] ЦГАДА, ЛМ, КЗ XLV, л. 34.

При производстве реформы, несмотря на то, что господарский лист на магдебургское право являлся щитом городских вольностей, реформа все-таки существенно касалась и городов с магдебургским правом. Реформа оставляла в неприкосновенности только подати и повинности города. Территория же города и его земельные угодья подвергались соответствующему измерению. Последнее не было простой формальностью для города и иногда серьезно угрожало ему, так как городские земли, которые были необходимы для «поравненья кгрунтов», отбирались на господаря, а города должны были получить соответствующую отмену. Независимо от того, где и в каком виде давалась отмена,— лишение части городских земель, которые подвергались той или другой эксплуатации, было явлением безусловно нежелательным и отчасти даже разорительным.

Жители городов были очень заинтересованы в том, чтобы их земли не подвергались измерению на волоки и, следовательно, возможному отчуждению. Правительство иногда временно шло навстречу обывателям города и оставляло его «при кгрунтех их местских», но когда выяснялась необходимость «в перемеранию волок и в поравнению волок на фольварки и села», тогда приходилось часть городской земли отчуждать для приписки «к господарским фольваркам», если, конечно, без мещанских земель нельзя было выполнить «постановенье волочное господарских сел и волостей». Тогда выступали на сцену мещане и, ссылаясь на господарские привилеи, хлопотали об оставлении мещанских земель нетронутыми. И это понятно — на городских землях разводились сады и устраивались сажалки, и отнятие их, по словам бельских мещан, являлось большим «накладом» для собственников. На правительство такие ссылки на убытки производили известное впечатление, но, с другой стороны, всякие изъятия нарушали план задуманной реформы. Если правительство не церемонилось с землями привилегированного сословия, которое тоже могло сослаться на господарские листы и для которого земельная перетасовка могла привести к разного рода убыткам, то не было основания делать какое-либо исключение и для мещан. Правительство часто игнорировало заявления городских общин, и ревизоры получали распоряжения измерять мещанские земли, однако, давая «за тые земли також много и таким добрым кгрунтом, яко в них взято, отмену слушную» и предоставляя самому месту распределять между заинтересованными лицами данную отмену «водле померы волочное и уставы, не чим с нее не выступаючися». Ревизоры должны были в точности исполнить приказание господаря, сообщая ему о всех тех лицах, которые оказали какое-либо противодействие действиям ревизоров.

Итак, городские земли отписывались на господаря, и мещане получали за них «слушную и ровную отмену»[43].

По всей вероятности, производство отмены господарским местам производилось более внимательно, так как не видно, чтобы мещане возбуждали ходатайства о производстве новой отмены или о дополнительных наделениях. По существу, так и должно было быть, ибо нарушение материальных интересов городов означало нанесение убытков господарской казне, что находилось в полном противоречии с теми общими задачами и целями, которые преследовала аграрная реформа.

Если производство волочного измерения вызывало недовольство, впрочем бесполезное, со стороны некоторых мест, то другие города даже выигрывали от производившегося измерения. Ревизоры, убедившись в отсутствии у городов в достаточном количестве собственной земли, наделяли город новой землей, благодаря чему ставили его в лучшее с прежним положение. Это ведь и требовалось согласно духу реформы. Производство аграрной реформы окончательно выделило городские общины из волостей, но это быстрое выделение еще не говорит о промышленной физиономии того или другого места. Отсутствие ремесленных цехов, появляющихся в городах только с конца XVI в., указывает на слабую городскую промышленность, начавшую крепнуть только в конце века. Несомненно, многие из вновь устроенных местечек довольно скоро захирели, не успев расцвести и сохранив преимущественно свою сельскохозяйственную физиономию.

Как бы то ни было, реформа была встречена непривилегированными местами весьма сочувственно. Действительно, ни откуда не слышно никаких голосов недовольства, которых, впрочем, и не могло быть, так как реформа ставила непривилегированные места в более хорошее, сравнительно с прежним, положение. Это положение не изменялось и в том случае, когда правительство под влиянием затянувшегося военного столкновения должно было искать денег на стороне и отдавало города и местечки в заставу. Раздача в заставу крупных мест — явление обыкновенное и довольно частое. Но городская община, по существу, мало страдала от этого. Лицо, бравшее в заставу городское место, получало право использовать те подати и повинности, которыми население было связано с господарским скарбом. Отдача в заставу городов являлась своего рода внутренним займом с известным только обеспечением.

Установление платов и повинностей в восточных областях, предпринятое в связи с аграрной реформой, существенно изменило и юридическое, и материальное положение городов во-

[43] ЦГАДА, ЛМ, КЗ XXXVII, лл. 270, 271.

сточных волостей. До 1560 г. города и волости в административном отношении составляли одно целое. Эта связь была совершенно естественна. Восточные города были скорее укрепленными замками, и занятия городского и сельского населения были сходны.

С установлением платов разрывалась вековая связь города с волостью. Город выделялся в особую административно-хозяйственную единицу, благодаря чему жизнь его протекала совершенно самостоятельно и не находилась ни в каком отношении к жизни волости.

Административно-хозяйственное положение городов восточных волостей уже было определено в волочной уставе, на основании которой и действовали командированные господарем лица. Но для городов ревизорского постановления было мало. Для них было крайне важно закрепление особой королевской грамотой того положения, которое было создано для городов ревизорами 1560 г. Королевские уставы закрепили бы ревизорское постановление, принимавшее в таком случае характер юридической обязательности и для преемников Сигизмунда-Августа, если бы последние пожелали каким-либо образом изменить экономическое положение городов. Но особенно это было необходимо для прекращения возможных злоупотреблений со стороны местной провинциальной администрации.

Поэтому естественно, что заинтересованные города стремились получить от Сигизмунда-Августа особую королевскую уставу, привилегию, а от его преемников добиться подтверждения ранее выданной привилегии.

Выдача уставы и подтвердительного на нее привилея обыкновенно производилась по инициативе самих мещан [44]. По всей вероятности, такое постановление делалось на городском сходе, от имени которого отправлялись к господарю уполномоченные с просьбой дать им уставу «и то все, на што они повинни быти мають, на уставе нашой господарской выписали», как говорит об этом уставная королевская грамота могилевским мещанам, выданная 20 февраля 1561 г.[45], или же представляя господарю листы прежних ревизоров и самого Сигизмунда-Августа, мещане просили господаря, «абыхмо тую уставу ствердивши», выдать им соответствующий привилей и записать его в книгах господарской канцелярии, как сказано в подтвердительной грамоте речицким волостным и городским жителям [46]. Такого же происхождения сохранившиеся отрывки Бобруйской уставы и уставы, выданной Сигизмундом III оршанским мещанам [47].

---

[44] АЗР, т. III, № 28, т. IV, № 93.
[45] Там же. № 28, стр. 100.
[46] Там же, т. IV, № 93.
[47] АВК, т. XXV, стр. 329; АЗР, т. IV, № 40.

М. В. Довнар-Запольский совершенно прав, настаивая на подтвердительном происхождении Оршанской уставы, указывая на ее неполноту, которую можно объяснить или тем, что по какому либо случайному обстоятельству опущены обычные формы подтверждений, или же тем, что до нас дошёл неисправный список, притом плохо изданный [48].

Королевские уставы — драгоценный источник для изучения административно-хозяйственного положения городов, отчасти дополняемый сохранившимися инвентарями отдельных городов.

В административно-хозяйственном отношении, согласно уставам, город составляет особую единицу. Городскими жителями, мещанами, считаются те, «которые в месте домы свою мають и фольварки за местом в пашнях держать». Во главе города стоит войт [49]. Могилевская устава 1561 г. говорит о назначении войта администрацией [50]. По всей вероятности, все войты сначала были назначаемы. Но такое положение постепенно изменилось. М. В. Довнар-Запольским уже было указано, что ревизоры Гр. Волович и М. Нарушевич иногда назначали войтами лиц, излюбленных населением, согласно возбужденной последним просьбе [51].

Подтвердительная грамота оршанским мещанам допускает «обиранье межи ними войта з зезволенья их». Впрочем, эта привилегия была получена оршанскими мещанами при Стефане Батории [52]. Но едва ли это было явлением общераспространенным, так как еще по уставе 1639 г., выданной бобруйскому мещанству, местный староста назначал войта [53]. Войтовства были пожизненны [54].

Стоявшие во главе города войты получали за исполнение своих обязанностей одну волоку земли «пры болшом месте», и полволоки «пры меншом» [55]. Эти постановления уставы были обязательны и для городов восточных волостей. Так, согласно Могилевской уставе 1561 г. войту «за працу» «водле уставы» дается «волока одна и дом в месте от плату вольный» [56]. В Речицкой подтвердительной уставной грамоте ничего не говорит-

---

[48] М. В. Довнар-Запольский. Очерки по организации западнорусского крестьянства..., стр. 258.
[49] ДМАМЮ, т. I, стр. 126.
[50] АЗР, т. III, стр. 113.
[51] М. В. Довнар-Запольский. Очерки по организации западнорусского крестьянства..., стр. 257, и прил. № 35.
[52] АЗР, т. IV, № 40.
[53] АВК, т. XXV, стр. 156.
[54] АЮЗР, ч. VIII, т. V, стр. 194.
[55] РИБ, т. XXX, Устава, арт. 9.
[56] АЗР, т. III, № 28, стр. 113.

ся о материальном обеспечении войта. Очевидно, это подразумевалось само собой и, вследствие очевидности, не нуждалось ни в каких других подтверждениях [57]. Одноволочное обеспечение войта было сохранено и в Бобруйском старостве, при измерении его на волоки в 1639 г. [58]. Впрочем эти нормы нельзя считать обязательными для господарских ревизоров.

Так, оршанский войт Мишка Мыльников, став войтом по избранию всего мещанства, получил в свое распоряжение 30 бочек земли. Можно думать, что вышеприведенная норма равнялась одной волоке, так как наделение войта землей производилось не по специальному господарскому распоряжению, а «водле уставы» [59].

Быть может, определение величины войтовского участка в бочках было вызвано тем, что к моменту назначения войта еще не состоялось измерение на волоки городских земель. Устава на волоки довольно неопределенно говорит о должности войта. Более детальны в этом отношении королевские подтвердительные уставы, выданные городам, в особенности Могилевская устава. По всей вероятности, составители уставы наметили обязанности войта только в общих чертах, а ревизорам-практикам приходилось определить их уже детальнее. Кроме войта, в состав должностных городских лиц, вместо лавников, входили сотники. В Могилеве по уставе полагалось четыре сотника, но было ли это явлением распространенным и назывались ли всюду помощники войта сотниками, как предполагает М. В. Довнар-Запольский,— об этом едва ли можно сказать с точностью [60]. Дошедшие до нас королевские уставы говорят о должности войта и умалчивают о его помощниках. Инвентарь Оршанского замка, составленный 12 июля 1560 г., также о сотниках ничего не говорит [61]. Бобруйская устава 1639 г. тоже умалчивает о должности сотников, но, с своей стороны, дает войту помощника, так называемого «подвойского» [62]. Поэтому едва ли возможно согласиться с вышеприведенным категорическим утверждением М. В. Довнар-Запольского.

При назначении того или другого лица войтом, ревизоры Г. Волович и М. Нарушевич выдавали поставленным войтам особые листы — удостоверения об их избрании на эту должность. Помимо этого, в таком листе ревизор останавливался

---

[57] Там же, т. IV, № 93.
[58] АВК, т. XXV, стр. 141.
[59] М. В. Довнар-Запольский. Очерки по организации западнорусского крестьянства..., прил. № 35.
[60] М. В. Довнар-Запольский. Очерки по организации западнорусского крестьянства..., стр. 256.
[61] ДМАМЮ, т. I, стр. 126.
[62] АВК, т. XXV, стр. 156.

на обязанности войта более подробно, чем это сделано в уставе на волоки [63].

В сохранившихся уставах, выданных Сигизмундом-Августом городам восточных волостей, обязанности войта и его товарищей наиболее отчетливо сформулированы в Могилевской уставе. В других уставах таких подробностей нет, да и по существу им не было места в господарских уставах, так как должность войта была пожизненной. Его обязанности и права определялись выданным ему ревизорским листом.

Обязанности войта, как об этом можно заключить на основании листа, выданного господарскими ревизорами на Любечское войтовство, состояли в следующем: а) «порадку в том месте межи мещаны догледати», в) в заботе о своевременном и правильном поступлении в скарб соответствующих сборов, «подле теперешние уставы справедливе и зуполне», с) в присутствии «при отбранью платов и доходов господарских при враде», и, наконец, в разборе дел, возникавших по поводу нарушения меж, порчи бортей и потравах, причем соответствующие вины войт должен собирать с населения «водле уставы» [64]. Таким образом, в руках войта сосредоточивалась в общем незначительная власть. Это был господарский приказчик, поставленный для надзора за городским населением, чтобы последнее правильно и своевременно уплачивало подати в господарский скарб. В этом отношении обязанности городских войтов русских волостей соответствовали обязанностям сельских войтов западных волостей. Кроме того, на них возлагались и полицейско-административные функции и, по всей вероятности, суд по делам, связанным с полицейскими правонарушениями. Наконец, войт располагал и чисто судебными функциями по нарушению земельных прав мещанского населения. Ревизорский лист не упоминает ни одним словом о помощниках войта. Надо полагать, что последние были далеко не во всех городах, и если кое-где они находились, то это необходимо было особо оговорить или в ревизорском листе, или в королевской уставе выданной городам.

Ревизорские листы, определяя существенные черты административно-хозяйственных функций городских войтов, намечают их деятельность только в общих чертах. Специальная королевская устава, выданная городам, должна была коснуться этого вопроса подробнее. Это было сделано с наибольшими деталями в Могилевской уставе. Другие уставы (Речицкая, Оршанская, Бобруйская) довольно кратки в этом отношении.

---

[63] АЮЗР, ч. VIII, т. V, стр. 194; М. В. Довнар-Запольский. Очерки по организации западно-русского крестьянства..., стр. 257.

[64] АЮЗР, ч. VIII, т. V, стр. 194—195.

Обязанности войта, согласно Могилевской уставе, сводятся к выполнению им прежде всего полицейских функций. Он следит за сохранением внутреннего порядка в городе. Помощниками его являются сотники, которые должны «во всем чинити послушенство» войту. Могилевская устава считает войта посредником между мещанами и господарским урядом, которому он должен доносить о «потребах местских». Далее, войт должен заботиться о приумножении господарских пожитков и смотреть, чтобы при сборе платов и определении штрафов не нарушалась господарская устава. Помимо этого, войты присутствуют при отдаче денег уряду, но сами этих платов не собирают. По всей вероятности, это делали их помощники — сотники. Судебные функции войта по Могилевской уставе те же, что и в вышеприведенном ревизорском листе [65]. Так же определяет судебные функции и Речицкая устава, однако несколько дополняющая наши сведения о судебной власти войта: суд войта является окончательным «и вряд замковый до того вступоватися не маеть». Войт только доводит до сведения уряда о состоявшемся решении, «врадови замковому суд откажет» [66]. С получением городом уставы значительно сокращались функции городского схода. Мещане теряли право раскладывать между собою «разрубы и разметы». Это была обязанность войта, как об этом говорит Бобруйская устава [67]. Наконец, войт охраняет интересы горожан при выполнении ими оборонительных работ [68].

Таковы функции войта, как они обрисовываются по королевским уставам.

Несмотря на довольно узкую компетенцию, войт весьма несамостоятелен в своих действиях. Никаких «местских справ» войты не могут решать «без сполное намовы с сотниками и с иншими мещаны головнейшими» [69]. Во всяком случае, это ограничение более существенно, чем думает М. В. Довнар-Запольский, считающий, что войты не могут сами самостоятельно расходовать только местские суммы [70]. О таком ограничении прав войта нет упоминания в других городских уставах, и едва ли это можно считать типичным явлением для городского строя в русских волостях. Точно так же трудно говорить определенно о контроле замкового уряда над деятельностью войта, хотя об этом говорится в более поздней (1639 г.) Бобруйской уставе [71]. Со-

[65] АЗР, т. III, стр. 113.
[66] Там же, т. IV, № 93.
[67] АВК, т. XXV, стр. 156.
[68] АЗР, т. III, стр. 114.
[69] АЗР, т. III, № 28, стр. 113.
[70] М. В. Довнар-Запольский. Очерки по организации западнорусского крестьянства..., стр. 258.
[71] АВК, т. XXV, стр. 156.

гласно последней, мещане могут потребовать от войта финансовый отчет только в присутствии уряда. В других же памятниках не имеется никаких указаний на такой контроль со стороны общества. Может быть, это было явление уже известное, привычное во второй половине XVII в., но никак не в первой половине XVI в. Во всяком случае, определенного заключения делать не приходится.

Могилевские войты имеют помощников-сотников. Ввиду того, что их «праца» значительно меньше, чем войта, они получают в свое распоряжение только полволоки, совершенно свободной от каких-либо платежей. За держание другой половины волоки сотник уплачивает все положенные по уставе платы. Такая половина волоки дается сотникам «до воли и ласки» господаря, за что они обязаны «тых людей, в справу им порученых в дозренью своем мети и потребы их вряду доносити»[72]. Это, так сказать, административные функции сотника. В случае же военной опасности для города, как это было совершенно правильно замечено М. В. Довнар-Запольским, сотник являлся начальником подведомственных ему людей; совместно с ними он принимает участие в обороне замка, а также в производстве разного рода оборонительных сооружений[73].

Затем королевские городские уставы довольно детально определяют юридическое и экономическое положение мещан. Прежде всего, мещане освобождаются от обязанностей по постройке украинских замков, что им до сих пор приходилось выполнять совместно с волостью. Устава на волоки, порвавшая старинные связи с волостью, должна была уничтожить и эту повинность. На жителях городов оставалась обязанность отбывать замковую работу только в своем замке. Эти замковые работы производятся, однако, совместно с волостными людьми. Могилевская устава определяет размеры работ мещан и волостных людей, считая, что работа первых равняется только $^1/_4$ всех работ по обороне замка[74]. В Речицкой уставе такого разграничения нет: мещане и волость работают сообща[75]. Но в Бобруйской уставе замковая повинность определена точно: мещане должны содержать в исправности за свой собственный счет некоторые части Бобруйского замка под высшим надзором самого пана-старосты[76].

Таким образом, в области «замковой повинности» была принята двойная система: а) совместное выполнение ее с волостью

---

[72] АЗР, т. III, № 28, стр. 113, 114.

[73] М. В. Довнар-Запольский. Очерки по организации западнорусского крестьянства..., стр. 258; АЗР, т. III, № 28, стр. 114.

[74] Там же, № 28, стр. 111.

[75] Там же, т. IV, № 93.

[76] АВК, т. XXV, стр. 156.

без определения доли работ, падавшей на мещан, б) выполнение строго определенной части собственными силами и средствами. Какая из этих систем преобладала, сказать положительно нельзя за отсутствием данных. Можно думать, что во второй половине XVI в. в украинских замках едва ли уже была порвана связь города с волостью по выполнению разного рода оборонительных сооружений.

В тех городах, где размеры оборонительных работ были определены уставой, войты с сотниками следили за тем, чтобы замковая администрация не предъявляла к ним повышенных требований, что было закреплено в Могилевской и Бобруйской уставах, но, конечно, общий надзор входил в круг обязанностей местного старосты.

Затем городам приходилось отбывать сторожевую повинность. О единообразной ее организации тоже не приходится говорить. В Могилеве мещане за несение сторожевой службы получают особое вознаграждение из числа доходов, которые должны были поступать от Могилева в господарский скарб. Впрочем, это отчисление некоторой части господарских доходов в «местскую казну» носило характер временного пожалования «до воли и ласки» господаря. Этим, по всей вероятности, и объясняется, почему о подобном отчислении денег нет намека в других городских уставах, Эти отчисления в пользу города заключались в виде уступки городу части доходов «с крамниц местских, и з яток мясных, также и з лавок рыбных и хлебных и с каждого дробнаго товару полный плат»[77]. При этом мещане обязаны выставить четырех сторожей, для найма которых они могут собрать, посредством самообложения, необходимую сумму[78]. В Бобруйске сторожевая повинность была для населения несомненно более тяжелой. Правда, отправление ее облегчалось тем, что и волостные люди были обязаны ее нести; тем не менее, каждый мещанский дым был обложен двумя пенязями. К тому же каждый из мещан нес и лично сторожевую однодневную службу по очереди[79]. В Речице сторожа отбывается также сообща всей волостью, для каковой цели вся волость собирает 10 коп грошей. Устава ничего не говорит о размерах сбора, падавшего на город. По всей вероятности, размеры его определялись на собрании всей волости. Мещане выставляли одного сторожа «до двух брам местских»[80]. Остается неясным организация отправления сторожевой службы в Орше. Устава ни слова не говорит об этом, а в сохранившемся инвентаре Оршанского замка находится только краткое упоминание об обязанности «сторожу

[77] АЗР, т. III, № 28, стр. 111.
[78] Там же, стр. 112.
[79] АВК, т. XXV, стр. 153.
[80] АЗР, т. IV, № 93.

замковую полнити»[81]. Во всяком случае, городам приходилось отбывать сторожевую повинность двояко: лично, как в Могилеве и Орше; или, как в Речице и Бобруйске, личная сторожевая повинность соединялась с уплатой некоторой денежной суммы.

По всей вероятности, и само правительство не считало нормальным явлением такую организацию сторожевой повинности. Недаром, желая оправдать ее, Сигизмунд-Август поспешил объяснить это пограничным положением города «для небезпечности от непрыятеля земского»[82]. В таком виде представляются общегосударственные земские повинности мещан.

В уставах много места отведено и довольно подробно разработан вопрос о податном обложении того или другого места. В данном случае нет недомолвок,— все определенно и точно, и это понятно, так как в правильной организации податного обложения весьма существенно был заинтересован господарский скарб. С городов в господарскую казну поступали налоги двоякого вида: прямые и косвенные, которые иногда можно причислить к так называемым промысловым сборам. Единицей прямого обложения в городах были пруты и локти — в собственно городской черте, и волоки — за пределами последней. К городским землям относились и усадебные плацы и огороды. К землям внегородским — пашенные волоки, сеножати и отдельные застенки, которые не могли быть использованы для волочного измерения. Что же касается размеров прямого обложения, то составители королевских грамот при определении его высоты считались с характером и свойствами того земельного участка, который подлежал обложению. Так, в дошедших уставах, как и в волочной уставе, пруты в центре города облагаются выше, чем на улицах, вдали от центра. Волоки и огородные земли делились на группы в зависимости от качества почвы. Застенки тоже оцениваются неодинаково, также в зависимости от качества почвы. Определяя размеры прямого обложения, королевские городские грамоты должны были считаться с нормами платежей, принятыми в уставе, хотя, конечно, на практике могли быть допущены и отклонения в сторону. Однако причины такого уклонения в сторону от уставы остаются неясными. Так, обложение, принятое в Бобруйской уставе 1560 г., совершенно совпадает с нормами уставы на волоки[83], но в Могилевской уставе существуют кое-какие отклонения в расценке. Правда, эти отклонения незначительны, но все же они есть. То же следует заметить и относительно Речицкой уставы, где вообще вопрос о прямом обложении трактован довольно бегло[84]. Эти разногласия с

[81] ДМАМЮ, т. I, стр. 127.
[82] АЗР, т. IV, № 93.
[83] АВК, т. XXV, стр. 339.
[84] АЗР, т. III, № 28; т. IV, № 93.

основной королевской уставой лишь указывают, что устава только давала общие указания, а применение ее норм уже зависело от ориентировки на местах самих ревизоров.

Косвенное обложение в Могилеве падало на лиц, торговавших «едвабными речми», «суконными и иншими крамными товары» и драгоценными металлами. Обложение первых было вдвое больше обложения остальных, и его можно назвать промысловым, так как оно давало мещанину право торговли соответствующими товарами. К промысловому обложению также надо отнести и поступления с ремесленников за право заниматься соответствующим ремеслом. Товарищи ремесленников были свободны от обложения. Кроме того, в скарб поступала капщизна — по грошу «от меду и пива»[85]. Косвенное обложение г. Речицы проще могилевского. Мещане Речицы вносили в скарб только платы за аренду местной корчмы и аренду мыта «водяного и сухого»[86]. О платах за право торговли разными «речми» и за право занятия ремеслом в Речицкой уставе ничего не сказано. Можно думать, что эти платы остались такими же, какими они были до ревизии 1560 г., и были общеизвестны. Поэтому составитель уставы даже не счел нужным о них упомянуть.

Королевские грамоты освобождали мещан от всяких натуральных повинностей. Большая часть этих повинностей отменялась бесплатно. Но некоторые из них становились денежными. Так, могилевские мещане были обязаны вносить особую плату с каждой волоки «за пригоны и иные повинности старые». Но все-таки, видимо, не везде все повинности отменялись. Мещане Орши были обязаны выходить в замок на работу: «5 дней жати, а 5 дней орати, сеножати сена на 100 воз покосити и поховати и замку одну стену оправовати и перед замком мост будовати». Кроме того, оршанские мещане были обязаны «стацею послом и гонцом давати.... и сторожу замковую полнити». Вместо же натуральной подводной повинности уплачивались так называемые «подводные пенязи» согласно требованиям господарской уставы[87].

Могилевские мещане были освобождены от разных натуральных повинностей, не исключая и подводной, вместо которой население вносило в скарб «подводные пенязи». Впрочем, освобождение от подводной повинности было неполное. Господаревы посланцы на основании господарского листа имели право требовать у населения для себя подводы. Население не могло им отказать в этом, но господарь гарантировал, что им «будет

---

[85] Там же, т. III, № 28, стр. 114.
[86] Там же, т. IV, № 93.
[87] ДМАМЮ, т. I, стр. 127.

плачено от того, кому будуть подводы давати, водле уставы нашое господарское»[88].

И Речицкие мещане были свободны от натуральных повинностей, не исключая и подводной. Как и могилевские мещане, население Речицы было обязано давать подводы, когда «то вжо з скарбу господарского отправовано быти маеть»[89].

Уставы также касаются привилегий мещанства, но сущность их далеко не в равной степени описана в господарских грамотах. В этом отношении наибольшими подробностями отличается Могилевская устава. Оршанская устава крайне лапидарна. Бобруйская устава сохранилась далеко не в полном виде, и отдел о вольностях не дошел до нас. Данные Могилевской и Речицкой устав, конечно, не могут быть признаны достаточными для полного выяснения привилегий мещанства, но зато они позволяют составить общее представление о характере этих привилегий.

Говоря о «вольностях» мещанских, необходимо их разграничить на две категории. К первой следует отнести индивидуальные права мещан, ко второй относятся привилегии, имеющие отношение к месту как юридическому лицу.

К первым можно отнести: 1) право отдельных мещан несколько раз в год «к веселью, к выданью девки и к ожененью сына и на коляцыю» варить мед и пиво «на властную потребу», при условии доведения об этом до сведения мытника; 2) право всех мещан «горелку... в домех их палити» «к божьему нароженью, к запустом великим на неделю масленую, к великодню, к святой тройцы и к святому Николе осеннему»[90]. Ко вторым надо причислить: 1) точное определение замковой и сторожевой повинности; 2) освобождение от ряда повинностей и платежей в пользу уряда. Мещане не должны давать уряду ни жита, ни овса, ни сена, ни дров. Они не обязаны «волочити на замок невода», «езов забивати», «ни в подводу по потребе врадовой ходити и ни коней своих под слуги и посланцы врадовые также давати»[91]; 3) города освобождаются от давания стаций послам и гонцам, если только не будет на это специального господарского распоряжения[92]; 4) мещане получают право свободной торговли по волости[93] и 5) сохраняют за собою по-стародавнему ловление рыбы зимой и летом[94]; 6) могут «езы бити и котцы по лугам мети по старине, також и перевесья на звыклых

---

[88] АЗР, т. III, № 28.
[89] Там же, т. IV, № 93.
[90] АЗР, т. III, № 28.
[91] Там же, т. IV, № 93.
[92] Там же, т. III, № 28; т. IV, № 93.
[93] Там же, т. IV, № 93, т. III, № 28.
[94] АЗР, т. III, № 28; т. IV, № 93.

ловищах»[95]; 7) кроме того, мещане имеют право входить в господарские леса, в определенный район, «по дерево, на будованье и на дрова и пильные потребы свои»[96]. Наконец, городские сеножати защищены от посягательства на них со стороны замкового уряда[97].

Но, с другой стороны, так как при Могилевском замке будет выстроен «млын для пожитков господарских и потреб местских», то за могилевскими мещанами сохраняется обязанность выходить «на ратунок от воды, яко на кгвалт», «естли бы коли веснюю, альбо в осень, также летом, альбо зимой вода кгвалтовная пришла»[98].

По королевским уставам город выделяется в обособленную экономическую единицу. В городах устраиваются еженедельные торги. Помимо этих дней, приезжающим в город «людям князьким, панским и боярским» запрещено торговать в городе. Приезжие купцы могут останавливаться только на гостинном дворе[99]. По Речицкой уставе все приезжие могут торговать в розницу только в торговый день. Оставшийся товар на другой день они могут продавать оптом местным купцам, и только, если бы последние «уздоймом купити» не хотели, тогда разрешается продажа этих товаров в розницу и в дни, не предназначенные для торговли[100].

Господарские городские уставы, выданные русским городам, в значительной степени изменили юридическое положение города, выделив его в самостоятельную хозяйственно-податную единицу и предоставив ему некоторое самоуправление, бывшее промежуточною ступенью между старой организацией управления городом и магдебургией. Некоторая зависимость городов от местного уряда была прекрасной иллюстрацией того половинчатого самоуправления, которое получили русские города при установлении платов.

Аграрная реформа Сигизмунда-Августа окончательно отделила город от деревни-волости и выделила его в особую экономическую и финансовую единицу. Такая политика правительства только ускорила естественный процесс выделения города из волости. Конечно, этот процесс шел не везде одинаковым темпом. В западных областях ко времени реформы процесс выделения уже превратился в реальный факт; в восточных областях экономически более отсталых это выделение лишь намечалось и приняло стихийный характер только к кон-

---

[95] Там же.
[96] Там же.
[97] Там же.
[98] Там же, т. III. № 28.
[99] Там же, т. III, № 28; т. IV, № 93.
[100] Там же, т. IV, № 93.

цу XVI в., когда там производилась аграрная реформа, когда города стали получать привилеи на магдебургское право.

И магдебургское право, и волочная устава, выделяя город в особую административно-финансовую единицу, считают мещанами всех жителей данного города, без различия их сословного происхождения. Если при этом не мещане, в узком смысле этого слова, владели в городе домом, плацом или огородами и сидели на местских волоках, то такие лица были обязаны платить подати в местскую казну, отправлять сообща с мещанами лежавшие на городе повинности и находиться под юрисдикцией местского права. На деле же это не всегда выполнялось. Обыкновенно шляхтичи (о чем нам приходилось уже говорить) старались освободиться от местских повинностей и местского присуда. Господарь, обыкновенно, удовлетворял такого рода челобития, и благодаря этому город постепенно изменял свою физиономию и превращался в сословную замкнутую корпорацию, в состав которой входили по преимуществу лица, жившие в городе и занимавшиеся торгами и промыслами. Но и среди последних иногда замечалась тенденция освободиться от городского присуда и городских повинностей. Такие челобития подавались, обыкновенно, господарскими ремесленниками, владевшими в городе маетностями. Трудно сказать, были ли такого рода челобития случайными, или, наоборот, подача их была явлением обыкновенным, но, во всяком случае, удовлетворение таких челобитий вносило некоторое разложение в городскую среду и шло вразрез с теми принципами, какие были положены в основу магдебургского права, и с принятыми правительством финансовыми мероприятиями относительно городов.

Господарские подданные — ремесленники места Героин — Ильяш Якубович, Себастиан Станиславович и другие подали господарю челобитие с жалобой на местского урядника, который собирает чинш «с прутов их, на которых они водъле порадъку волочъного там в месте кгероинском домами седять и огороды мають». Между тем они несут на господаря службу возниц, поэтому они просят об освобождении от платежа чинша, а также от корчемных пенязей. Таким образом, вышеназванные ремесленники ходатайствовали только о финансовом иммунитете [101]. От этого не страдала городская община, в известной степени уменьшались только доходы самого скарба. Но не все ремесленники ограничивались только ходатайством о финансовом иммунитете. Некоторые из них шли гораздо дальше. Указывая, что своим ремеслом они несут господарскую службу, ремесленники просили «об вызволеньи» не только «от

[101] ЦГАДА, ЛМ, КЗ XLII, л. 56.

всих повинъностей, платов и подачек и всяких пошлин», но также и от «присуду местского». Так поступил слесарь Андрей Грек, очевидно, найдя для себя невозможным выполнение двойной повинности: по отношению к господарю и к господарскому месту [102].

Устава на волоки создавала новые финансовые отношения городов и местечек к господарскому скарбу. Но в некоторых случаях возникало противоречие между характером платежей, которые место было обязано вносить в господарский скарб по волочной уставе, с нормами податков, которые жители городов должны были уплачивать на основании привилея на магдебургское право. Это несоответствие могло быть двоякое: в пользу города и против него. Если повинности по волочной уставе были менее повинностей, которые жители должны были нести согласно магдебургскому праву, то в таком случае жители городов, вероятно, молчали и не подымали никакого вопроса, хотя для них привилей на магдебургское право имел большее юридическое значение, чем хозяйственные распоряжения правительства, предпринятые в связи с аграрной реформой. Совсем другое отношение города было в том случае, если устава на волоки вводила такие повинности, которые отнюдь не были предусмотрены магдебургским правом. С таким новшеством население городов согласиться не могло и подавало правительству челобитие с ходатайством об освобождении от новых податей и повинностей. Так, городенский бурмистр Симон Керонда совместно с местским радцей и местским писарем, являясь представителями всего города, представили господарю привилей на магдебургское право, выданный Сигизмундом I и бывший копией привилея великого князя Александра. По словам челобитчиков, в привилее ясно написано, что мещане освобождены от всяких толок, тогда как по волочной уставе «за толоки урочные» с них требовали по 12 грошей с каждой волоки. Опираясь на господарские листы, челобитчики просят господаря «иж быхъмо водлуг оного привилья верхумененого заховали а от плачения с каждое волоки по 12 грошей за таковые толоки их вызволили». Кроме того, согласно тому же привилею, они считали себя свободными и от платежа каких-либо денег «от пляцов местких и огородов, которые при домех своих мають». Поэтому челобитчики просили господаря не брать с них этих новых податков, а оставить их при старых повинностях и податях [103]. Челобитие городенских мещан имело полное основание, так как права их определенно были выражены в привилее, игнорировать который литовско-русское правительство не могло. Правда, в финансовом

[102] ЦГАДА, ЛМ, КЗ XLII, л. 57.
[103] ЦГАДА, ЛМ, КЗ XLI, л. 182.

отношении удовлетворение такой просьбы грозило некоторым ущербом казне, но едва ли правительству приходилось считаться с данным условием, раз челобитчики могли подкрепить свои пожелания вескими юридическими доводами. По всей вероятности, такое нарушение привилея на магдебургское право было исключением, так как челобитий, подобных поданному городенскими мещанами, почти не встречается.

С другой стороны, документы сохранили немало господарских ответов и распоряжений на ходатайства мещан относительно разного рода хозяйственных потребностей городов. Конечно, при возбуждении того или другого ходатайства население городов руководилось основательными соображениями, на которые правительство не могло не обратить внимания, и с которыми оно не могло не считаться. Эти челобития необходимо было надлежащим образом аргументировать еще потому, что финансовые изъятия наносили некоторый ущерб господарской казне, на что правительство никогда не согласилось бы, если бы челобитчики не приводили более или менее основательных доводов.

Когда вчитываешься в содержание челобитий, поскольку его можно уловить из господарского ответа, то нельзя не заметить, что ходатайства мещан финансового характера всегда вызваны соображениями исключительного характера. Это — не желание отделаться от платежа податей, а просьба, вызванная экстраординарными обстоятельствами, заставившими население городов обратиться с ходатайством к господарю.

Среди мещанских челобитий финансового характера на первое место следует поставить те, в которых идет речь о частичном или полном освобождении от платежа повинностей. Такие челобития подавались под влиянием разных соображений. Городенские мещане, ссылаясь на привилей Сигизмунда I, оказались недовольными распоряжениями справцы господарских дворов пана Петра Фальчевского, наложившего на них плат в количестве 15 грошей на камень лоя, которого они не должны были платить в виду привилея Сигизмунда, и просили поэтому освободить их от новых платежей [104].

Но чаще всего мещане подавали челобития об освобождении от чинша из-за стихийных бедствий, обрушившихся на местность и причинивших населению большие материальные убытки. Бельские мещане оказались не в силах уплачивать чинш, так как их местность постигло градобитие. Естественно, им оставалось только ходатайствовать о помощи перед господарем [105]. Мещане кнышинские просили об освобождении от податей «для

[104] ЦГАДА, ЛМ, КЗ XXXVII, л. 397.
[105] ЦГАДА, ЛМ, КЗ XLII, л. 43.

погорения»[106]. Ковенские мещане хлопотали об освобождении от податка в количестве 300 коп грошей, так как они «ради знищения и за поветрием моровым» не могут их заплатить[107].

Гораздо чаще население мест хлопотало об уменьшении повинностей, вследствие разорения, постигшего город из-за военных действий. Так, оршанские мещане хлопотали перед правительством об освобождении от замкового пригона «з сохою, на жниво з серпом, на сеножати с косою, на воженье льду» и, кроме того, от всяких работ «на потребы замковые». По словам челобитчиков, они сильно пострадали от жолнеров неприятеля, и кроме того, они подымали подводами московских послов[108].

Иногда челобитие мещан сводилось к просьбам о замене одной повинности другой. Могилевские мещане хлопотали перед правительством об освобождении их от ежегодного платежа 12 коп грошей, предназначенного для пушкарей. Вместо этого они готовы поддерживать паркан, построенный в могилевском месте[109].

Случилось так, что держатели местских волок считали определение повинностей неравномерным и просили о новом их распределении. Мещане клещевские, указывая господарю, что они платят с каждой волоки по 30 грошей и за бочку овса 5 грошей, однако, находили такой податок высоким, так как их земли лежат в разных местах и независимо от того, плохой или хороший грунт, податок — чинш — был везде один. Благодаря этому добрый грунт нельзя было сравнять с плохим, и держатели плохих волок не могли исправно выплачивать чинша, находя его высоким для себя[110].

С просьбой об освобождении от чинша выступали и отдельные мещане, и такие ходатайства встречаются гораздо чаще, чем просьбы от имени всего мещанства данного города. Такие челобития подавались под влиянием самых разнообразных условий. Так, дорогицкий мещанин Михаил Чех хлопотал перед господарем об освобождении его дома с тремя волоками, в котором господарь часто останавливался, от всяких поплатков на четыре года. Мотив — необходимость «лепшого будованья» дома — сам по себе мало значительный, но принимающий серьезный характер ввиду специфического назначения дома Чеха[111]. Впрочем, челобития с такими мотивами следует признать исключением. Челобитчики всегда представляли более серьезные

[106] Там же, КПД IX, л. 39.
[107] Там же, л. 89.
[108] Там же, КЗ XIX, л. 137.
[109] Там же, КЗ XXIV, л. 26.
[110] Там же, КПД IX, л. 74.
[111] Там же, КЗ XXXVII, л. 114.

соображения. Витебские мещане Семен, Сидор и Федор Ивановичи владели совместно со своими поплечниками отчизной землей «дедовичы», с которой «здавна в кождый год по десять рогатин на замок наш витебский давали». Кроме того, с закупленной ими земли у витебских подданных они вносили на замок «бобровщину и сорок грошей на Покров день и 15 рогатин на Рождество». Теперь же все поплечники разошлись, страна разорена неприятелем. Не обладая никакими средствами для жизни, челобитчики, обязанные нести конную военную службу, просили освободить их от прежних повинностей, лежавших на них как землевладельцах [112]. Конечно, такое челобитие имело большое значение для господаря и не могло не обратить внимания: серьезны были мотивы, вызвавшие его подачу.

Другие из челобитчиков, потерпевшие какой-либо ущерб от ведения военных действий, просили только о частичных льготах. Могилевский мещанин Евсей Максимович отправился в Москву для торговых сделок, где, однако, был задержан и посажен в тюрьму, откуда был выпущен лишь по заключении перемирия с королем Стефаном. Продолжительное отсутствие, по всей вероятности, весьма вредно отразилось на его делах, и это обстоятельство заставило его хлопотать об освобождении от платежа чинша с волоки и прутового «с пляцу и моргов» на восемь лет [113].

Третьи из челобитчиков хлопотали о сложении чинша вследствие пожара. У городенского бурмистра сгорел дом. Это и заставило челобитчика хлопотать об облегчении в платеже чинша и капщизны [114].

Население подавало немало челобитий с жалобой на своих войтов, допускавших разного рода злоупотребления во время отправления ими войтовской должности. Городенские бурмистры и радцы были недовольны действиями своего войта, который не выполнял повинностей, лежавших на нем, и отказывался давать подводы господарским посланцам, предоставляя это делать бурмистру и радцам. По мнению последних, это не входило в их обязанности, а в обязанности войта, которому даны три волоки, свободные от всяких платежей, и, кроме того, приданы три корчмы, тогда как бурмистры и радцы никакого «наданья» не имели и, конечно, не могли своевременно давать подвод под господарских посланцев. Поэтому челобитчики ходатайствовали перед господарем, чтобы войту было приказано исполнить то, что полагается ему делать согласно его должности, и освободить бурмистров и радцев от давания подвод и других «трудно-

---

[112] ЦГАДА, ЛМ, КЗ XXXVIII, л. 457.
[113] Там же, КЗ LXXIII, л. 547.
[114] Там же, КЗ LXXIV, л. 77.

стей»[115]. Немалое количество таких челобитий достаточно ясно иллюстрирует самоуправство городских войтов.

Войтовства были большею частью наследственными состояниями. И от наследственности войтовства население в особенности страдало, если наследников было несколько. Их самоуправные действия давали себя чувствовать населению, которое, чтобы избавиться от них, подавало господарю челобитие с изложением того, что происходило в городе, когда появлялось несколько наследников на должность войта. У воинского войта Гаврилы Гричины было несколько сыновей. Сначала войтом был старший, Яков. Потом выступили на сцену остальные сыновья, которые завладели землями, приписанными к войтовству, и поделили их между собой на равные части. Такое поведение наследников не могло вызвать одобрения города. Поэтому бурмистры, радцы и все поспольство города ходатайствовали перед господарем «иж бы под ровную справу всим сыном небожчика Гаврила Гричины их не поддавали, але одного с них брата старшаго Якова Гричина им войтом дали и установили»[116].

Точно так же, если место оставалось без войта, мещане могли хлопотать о назначении им войтом их кандидата. Так, пинские мещане хлопотали о назначении войтом земского судьи в Пинске, после того как войт вследствие «злого здоровья» сложил с себя обязанности. С своей стороны, и сам больной войт поддерживал ходатайство мещан, сообщая при этом «о прилеглости и справности» в праве выдвинутого кандидата[117]. Но, конечно, так не всегда замещались свободные войтовства. Иногда сами войты, если они были «дедичные», хлопотали о передаче войтовства их кандидату. Войт Кринкского места дворянин Павел Дорогостайский хлопотал об отдаче войтовства шляхетному Юрию Дыбовскому. Конечно, такое ходатайство не было обязательно для господаря, но все же ему не приходилось его игнорировать[118].

С проведением аграрной реформы входы в господарские пущи были стеснены, и права городского населения были точно определены. Такие мероприятия задевали интересы города и лишали его возможности получать дешевый материал для построек домов. Недовольные города подавали жалобы господарю. Удовлетворение такого челобития было актом милости со стороны господаря. Но в некоторых случаях челобитчики стояли на вполне твердой почве — это тогда, когда они могли в доказательство справедливости своих требований сослаться на ра-

---

[115] ЦГАДА, ЛМ, КЗ XLVII, л. 4.
[116] Там же, КЗ XLIX, л. 20.
[117] Там же, КЗ LXXIII, л. 59.
[118] Там же, КЗ LXXVI, л. 259.

нее выданные привилеи. Так, городенские мещане сочли действия лесничего самоуправными и противоречащими их правам, так как он не пускал их в господарские пущи «дерево брати на будованье и дрова» [119]. Ссылка на привилей, конечно,— доказательство первостепенной важности. Довольно большое количество такого рода челобитий показывает, как иногда существенно задевала интересы городов аграрная реформа Сигизмунда-Августа.

Иногда право эксплуатации определенной части господарских пущ сопровождалось внесением в господарскую казну некоторого денежного плата, утвержденного господарским привилеем. Если же эта часть пущи отписывалась на господаря, то мещане требовали отмены. Правда, отмена давалась только за земли наследственные, собственные. Но вечная аренда может быть отчасти приравнена к наследственному пользованию. Раз она была скреплена господарскими листами, то мещане имели некоторое юридическое основание хлопотать об отмене. Мещане места Милейчицкого получили право при Сигизмунде II входить в соседнюю Милейчицкую пущу, для «будованья домов». Эти входы они спокойно держали и вносили в казну «пенежный плат». В 1589 г. эти входы у них были отобраны. Ссылаясь на привилей Сигизмунда II, они просили правительство сделать распоряжение об отводе им отмены в таком же количестве — «так много, яко у них взято».

Военные действия и повинности, налагаемые на мещан, оказывались часто разорительными для населения городов. Для облегчения своего положения иногда жители городов вместо подачи челобития об уменьшении повинностей, падавших на место, хлопотали о разрешении им безмытной торговли по всему Литовско-Русскому государству. Мещане рожские жаловались господарю, что они «знищены и в убоство пришли», так как отправляли на господаря почты, не получая никакой помощи со стороны. Поэтому они просили правительство «для запоможения их» не брать с них в течение нескольких лет «мыта от торговли товаров» [120]. Хлопотали о том же, ссылаясь на разорение, и мещане браславские [121].

Иногда население городов хлопотало о безмытной торговле «сухим путем и воденым», ссылаясь на свой «упадок и знищенье», происшедшие из-за военных действий. По крайней мере, так поступило Кричевское место, сильно пострадавшее от военных действий [122].

---

[119] ЦГАДА, ЛМ, КЗ XXXVII, л. 398.
[120] Там же, КЗ LXXVI, л. 24.
[121] Там же.
[122] Там же, XXXVII, л. 348.

Случалось, что какое-нибудь стихийное бедствие поражало город. Население приходило в убожество и было не в состоянии вносить в скарб падавшие на город податки. В таком случае к господарю также отправлялось ходатайство. Кнышинские мещане взяли в аренду городские мыта, и до 1566 г. арендная плата исправно поступала в скарб, но в 1566 г. сгорело «немало домов местских и маетностей», вследствие чего мещане «ку впадку и немалей шкоде пришли» и поэтому не могли отдать следуемую с них арендную плату. Кнышинские мещане просили господаря «в тей аренде поборовой жалость вчинити»[123].

Точно так же мещане подавали господарю ходатайства об оставлении их при старых повинностях, если после новой померы на них были налагаемы новые платежи, которые городское население считало для себя «обтяжливостью». В таком распоряжении господарских агентов мещане видели нарушение выданного им привилея. Лосицкие мещане находили, что увеличение чинша с местских волок, обязательная уплата прутового и введение разных других добавочных платежей являются нарушением их привилея. Помимо этого, общее количество податков было так велико, что они «досыта учинити немогуть». На этом основании мещане просили господаря, чтобы повинности собирались с места только в соответствии с их привилеем[124].

Среди мещанских челобитий почти не встречается ходатайств об отмене. По всей вероятности, отсутствие их объясняется тем, что городские земли при производстве реформы оставались совершенно нетронутыми, или места получали своевременную отмену, «ровную и слушную», которой они были совершенно довольны. Но все-таки иногда нарушения бывали. Ревизоры забывали о местах и не давали им отмены. Подача челобития господарю служила в данном случае средством восстановить нарушенные городские интересы. Так, в 1569 г. население Августовского места жаловалось, что при производстве ревизии ксендзом Адамом Пильховским у них были отобраны «кгрунты и приробки властные на шпиталь, на фольварок урядовый и войта», и за это не было дано никакой отмены. Правда, ревизор обещал дать им 12 волок, но эти волоки не были даны, и, кроме того, подобный образ действий является нарушением выданного им привилея. Ссылаясь на него, жители места просят Сигизмунда о соответствующей отмене[125].

Устраивая места и определяя их повинности согласно волочной уставе, правительство до поры до времени оставляло их при прежнем административном устройстве, пока на место не

---

[123] Там же, КЗ LII, л. 52.
[124] Там же, л. 64.
[125] ЦГАДА. ЛМ, КЗ LII, л. 17.

распространялось действие магдебургского права. Последнее давалось по инициативе самого правительства, но в эпоху аграрной реформы были нередки случаи, когда само население обращалось к господарю с просьбой о даровании ему магдебургского права. При производстве реформы ревизор пан Григорий Волович в Городенской пуще осадил место Васильков, отведя осевшему населению плацы для домов и волоки для пашни. Однако мещане, несмотря даже на то, что данное место было «на сыром корени», хлопотали о предоставлении ему магдебургского права в том виде, в каком это право функционировало в других местечках [126]. Такого рода челобития характерны в том отношении, что в них население обнаруживало определенную симпатию к магдебургскому праву, желая, главным образом, освободиться от присуда господарской администрации. Эта тенденция очень интересна как показатель действительного отношения населения к магдебургскому праву. И правительство, учитывая данное стремление, при Стефане Батории выдало привилеи на магдебургское право огромному количеству мест и местечек.

Эпоха аграрной реформы — момент, когда шляхта, под влиянием охватившего страну экономического подъема, устраивала, с разрешения господаря, местечки и ходатайствовала об открытии в них еженедельных торгов и ярмарок. От господарских мест и местечек таких челобитий не поступало, так как при осаде места или при даровании ему магдебургского права перечислялись все торговые права и преимущества места. Но иногда жители городов не довольствовались уже существующими ярмарками и хлопотали о добавочных. Нельзя сказать, чтобы такого рода стремление охватило все места — такие просьбы единичны, но даже небольшое количество их характерно как показатель экономического подъема переживаемого Литовско-Русским государством в эпоху аграрной реформы. Конечно, такие челобития подавались от имени больших мест, уже и ранее вовлеченных в круговорот экономической жизни. Так о разрешении открыть в городе ярмарки хлопотало место Слоним с предоставлением вольностей, даваемых городу в таком случае [127].

Что же касается челобитий отдельных мещан, то они подавались правительству также по самым разнообразным поводам. Своими челобитиями мещане желали или исправить некоторые отрицательные для них стороны происходившей аграрной реформы, или предупредительными мерами защитить себя от возможных отрицательных последствий.

---

[126] ЦГАДА, ЛМ, КЗ L, л. 44.
[127] Там же, КЗ XXXVIII, л. 144

Великое княжество Литовское не знало мещанского землевладения в широком смысле этого слова. Такое землевладение с правом несения военной службы существовало только в придвинских областях. В западных областях, где обособление города от волости стало фактом, мещане — собственники земель — редкое явление.

Мещане могли быть собственниками земель или их держателями на условном праве «до воли и ласки господарское». Но господарский привилей мог такое условное владение сделать наследственным держанием. Витебские мещане Симон и Никифор Омельяновичи выпросили у витебского воеводы две пустые земли «до воли и ласки господарской». После этого Омельяновичи обратились к господарю за подтверждением. Просьба просителей была утверждена, когда наведенные справки оказались вполне благоприятными для просителей. Земли, действительно. были пустовскими, и от них не было «никакого пожитку» господарскому скарбу. Господарь оставил эти пустовщины за просителями с правом передачи жене, детям и их потомкам под условием отправления военной службы [128]. Такие мещане имели полное право на получение «слушной и ровной отмены».

Кроме того, мещанин мог оказаться собственником земли по жене-шляхтянке. В таком случае господарские ревизоры должны были отвести ему соответствующую отмену и, если последняя не давалась, то, во всяком случае, это было неправильным действием со стороны ревизора. Тогда мещанин имел полное основание возбудить ходатайство о получении отмены. Так поступил войт места Радунь Матис Жукович, у которого были отняты 3 волоки земли и присоединены к господарскому двору. Эти земли купила его жена у местного боярства. Основываясь на этом, мерчий Иван Гаевник отвел им слушную отмену, но так как это было сделано без ведома ревизора, то данная отмена юридически была недействительной. Поэтому войт обратился к господарю с просьбой об отводе ему отмены за отобранные к господарскому двору земли. Челобитие войта, конечно, имело все данные к тому, чтобы господарь его удовлетворил [129].

Если после производства реформы мещанин оказывался держателем волок, то он спешил с ходатайством о подтверждении их за собой, чтобы тем самым обезопасить себя от возможных в будущем покушений на свою землю. Господарскому мещанину Симону Барберу, имевшему «оселость» к Вильне, с согласия пана виленского и ревизора Дирвянской волости Яна Градовского были отведены 4 волоки господарского грунта,

---

[128] ЦГАДА, ЛМ, КЗ XLI, л. 71.
[129] Там же, КЗ XXXVIII, л. 184.

в удостоверение чего был выдан ему ревизорский лист. Мещанин немедленно ходатайствовал перед господарем об оставлении за ним тех 4 волок и о выдаче ему соответствующего листа на владение. Такие ходатайства для западных областей — исключение[130]. Сравнительно часто подавались такие челобития от имени придвинского мещанства, которое несло конную военную службу. Разоренное войной, оно было не в состоянии исправно отправлять лежавшую на нем повинность. Поэтому справцы витебских дворов давали им добавочные земельные владения, о подтверждении которых приходилось хлопотать самим мещанам. Мещане витебские Симон и Никифор Омельяновичи хлопотали перед господарем о подтверждении за ними тех земель, которые были им даны витебским воеводой князем Стефаном Андреевичем Збаражским «до воли и ласки господарское». Земли эти лежали пустыми и «плагу и жадного пожитку до скарбу з них не было». Конечно, эти земли даны воеводой под условием отправления военной конной службы[131].

Мещане, сидевшие на волоках, были обыкновенно лишь держателями их. Они не имели никакого права собственности на волоки и не могли совершать с ними никаких сделок. Если какой-либо мещанин продавал другому свои волоки, то такая сделка признавалась недействительной, так как подданный не имел права продавать господарских земель. Такое отношение господаря к подобным имущественным сделкам следует признать совершенно правильным. Волоки — это земля господарская, и без согласия господаря она не могла быть объектом гражданских сделок[132].

Но мещанин мог купить у мещан же или шляхты землю, которая считалась их собственностью, и на право владения которой они могли представить документы. Такая сделка была совершенно законной, и мещане или ходатайствуют предварительно перед господарем о разрешении купить те или другие земли, или обращаются к нему с просьбой о подтверждении уже совершившейся сделки, дабы в будущем на этой почве не возникало никаких недоразумений. Бурмистр места Виленского Фридрих Александрович Шумленский ходатайствовал перед господарем о разрешении ему купить в Троцком повете населенное именьице, история владения которого, по словам челобитчика, была следующая. Сигизмунд I дал виленским купцам Тише и Ивану Семеновичам в Троцкой волости пять служб людей, наследники которых теперь остались в живых. Кроме того, они получили четыре пустовщины и пять людей потужников, наследники которых еще живы, и еще две пустовские земли. Земли

[130] ЦГАДА, ЛМ, КЗ XXXIX, л. 503.
[131] Там же, КЗ XLI, л. 76.
[132] Там же, КЗ XLVIII, л. 177.

и люди давались на вечность «женам, детем, потомком и нащадкам их». Они получали право расширять свои владения и людьми осаживать: «ку своему лепшому пожитку обернути». Помимо этого, Сигизмунд I дал отдельно Тише Семеновичу в той же Троцкой волости три пустовщины «со всим, яко ся оные пустовъщины в собе мають». И эти земли были даны на вечность под условием нести земскую военную службу. После смерти купцов собственниками данных земель оказались их дочери, которые соглашались продать данные земли. Челобитчик не мог не обратиться к господарю с предварительным ходатайством, ибо покупка земли должна была радикально изменить его социальное положение, на что, разумеется, требовалось согласие господаря [133].

Когда мещане обращались к господарю с просьбой о подтверждении их купли, то в данном случае создавались две возможности: мещане хлопотали о подтверждении земель, купленных не у мещан, или просили о закреплении за ними купли у мещан. Конечно, господарь и в том, и в другом случае мог признать сделку незаконной, в особенности, если земли были куплены у господарских подданных, или если в руки мещан переходили земли бояр, обязанных нести военную службу. Если же в руки мещанина переходила мещанская же земля, то на покупщика переходила и обязанность уплачивать в господарский скарб соответствующий чинш. Степень распространенности таких сделок трудно определить, но такие челобитчики встречаются в документах довольно редко. Может быть, это объясняется тем, что правительство принципиально не желало перехода земель в руки мещан и не утверждало некоторых из состоявшихся сделок.

В таком виде представляются челобития мещан, поданные правительству в связи с аграрной реформой. По содержанию своему они так же однообразны, как и ходатайства господарского крестьянства. По количеству они встречаются в значительно меньших размерах сравнительно с челобитиями крестьянства. И это вполне понятно: аграрная реформа задевала мещанство в гораздо меньшей степени, чем сельское население. Положение большей части мест, благодаря магдебургскому праву, было вполне определенным. Для других мест аграрная реформа была большим шагом вперед; она вносила существенное улучшение в их положение, ибо определяла их повинности и податки, клала предел возможным злоупотреблениям со стороны господарской администрации. Да к тому же для городов аграрная реформа сопровождалась меньшими потрясениями, меньшими злоупотреблениями со стороны господарских агентов.

---

[133] ЦГАДА, ЛМ, КЗ, XLI, л. 84.

Этим и объясняется спокойное отношение мещанства к состоявшейся реформе и сравнительно незначительное количество мещанских челобитий с изложением своих просьб и пожеланий.

Разбираясь в господарских ответах и резолюциях на ходатайства мест и мещан, следует отметить самое внимательное отношение со стороны правительства к их пожеланиям. Челобития мест касались большею частью экономических требований. Последние были вызваны весьма серьезными причинами. Для правительства экономическая годность города имела огромное значение. Отсюда понятна та заботливость и внимательность, с какой правительство шло навстречу пожеланиям мещан.

Как могло правительство отнестись отрицательно, допустим, к ходатайству городских мещан, ссылавшихся на привилеи предков, которые для правительства были не безразличны, а обязательны, или отказать в ходатайстве оршанским мещанам, доведенным до разорения неприятельскими действиями и чрезмерным выполнением разного рода повинностей?

Государственные соображения подталкивали в данном случае правительство в сторону удовлетворения такого рода челобитий. Как, допустим, правительство могло отказать в просьбе бельским мещанам, когда весь округ был разорен градобитием и с населения нечего было взять [134]. Во всяком случае, такие удовлетворительные ответы на ходатайства мещан дают представление об осторожном обращении правительства с народным трудом, нежелании форсировать его платежные средства любой ценой. Правда, само правительство в этом отношении не проявляло никакой инициативы, но, предоставляя действовать в этом направлении инициативе заинтересованных лиц, оставляло за собой право разобраться в мотивах того или другого ходатайства мещан. Такое внимательное отношение правительства к финансовым нуждам населения можно отметить не только в господарских ответах на просьбы всего места, но и отдельных мещан, лишенных возможности, по тем или другим соображениям, платить полностью чинш или выполнять исправно лежавшие на них повинности [135]. С неменьшей готовностью шло навстречу правительству, судя по его жалобам на своих войтов, и мещанство. Игнорирование им своих обязанностей — переложение повинностей, лежавших на плечах войта, на плечи других — все это не могло не обратить на себя внимания правительства [136]. Войтовство — это особый вид господарской службы, и правительство не могло закрывать глаза на нарушение войтами своих обязанностей. Оно стремилось немедленно поставить войта в должные границы. Когда бурмистрами и рад-

[134] ЦГАДА, ЛМ, КЗ LII, л. 43.
[135] Там же, КЗ XXXVII, л. 452; LXXIII, л. 547.
[136] Там же, КЗ LXXIV, л. 77.

цами Городенского места было подано челобитие с жалобой на действия местного войта, то правительство немедленно довело о случившемся правонарушении до сведения городенского старосты с поручением отдать приказание войту, «абы он тые подводы сам роздавал и под заведаньем их маючи никоторых трудностей в даванью их бурмистром и радцам оного места не здавал, иж бы собе в том бурмистрове и радцы городские никоторое кривды не мели, и нам у том у другое не жаловали». Господарь удовлетворял просьбы мещан и в других случаях, когда они касались войтов. Он назначал обыкновенно войтом кандидата, выставленного населением, принимал меры к тому, чтобы наследники дедичного войтовства не позволяли себе никаких злоупотреблений, от которых страдали интересы населения. Удовлетворение таких ходатайств отнюдь не было обязательным для господаря, но оно определенно обнаруживает то внимательное отношение, которое правительство проявляло по отношению к мещанам.

Для правительства были весьма щекотливыми городские ходатайства относительно права пользования входами в господарские пущи. Запрещая населению входить в господарские пущи, правительственные агенты проявили чрезмерную ретивость и тем самым поставили города в довольно стесненное положение. Господарь должен был отменять распоряжения своих администраторов и пойти навстречу городам в силу двух соображений: 1) действия правительственных агентов находились иногда в полном противоречии с ранее выданными привилеями и отдельными господарскими пожалованиями, а потому подлежали немедленной отмене; и 2) распоряжения агентов ставили города в совершенно невыносимое положение, так как они лишались дров и дерева для строений, и правительство, которое было заинтересовано по финансовым соображениям в хорошем состоянии города, должно было пойти навстречу ходатайствам населения и в силу этих соображений, если, конечно, челобития мест имели действительно какое-нибудь юридическое или хозяйственное основание [137].

Аграрная реформа Сигизмунда-Августа совпала с весьма напряженным внешним положением Литовско-Русского государства. Разоренное население местами не могло выплачивать в господарскую казну падавшие на него подати и отправлять соответствующие повинности. Отсюда идут челобития об уменьшении повинностей или о разрешении беспошлинной торговли, как средства дать возможность городу улучшить материальное положение и в то же время быть исправным плательщиком приходившихся на него господарских податков. Правительство

[137] ЦГАДА, ЛМ, КЗ XXXVII, л. 398; LXXVI, л. 24.

удовлетворяло эти просьбы согласно выраженным населением желаниям, и, разумеется, не могло этого не делать.

Освобождение от уплаты мыта, конечно, делалось с большой осторожностью. Время и район таможенного иммунитета зависели от степени разорения того или другого города. Мещане рожские получили вольное мыто на 12 лет [138]. Таможенный иммунитет браславских мещан имел силу только в течение пяти лет. Браславские мещане, очевидно, меньше были разорены.

Поступая осторожно при выдаче разрешения на право беспошлинной торговли, правительство иногда было вынуждаемо расширить район своего иммунитета, так как последний оказывался недостаточным для населения. Кричевские мещане благодаря своему «знищенью», получили разрешение сухим и водным путем безмытно торговать по всему Великому княжеству. Однако такой торговый иммунитет оказался недостаточным. Правительству пришлось его расширить и разрешить «рекою Днепром, Сожом и Припетем и иншими реками, которые суть межи тых рек, и сухим путем до замков наших украинских, т. е. до Киева, Черкас, Канева и теж до Могилева и до инъших замков над тыми реками ходити, и солню, рыбами, медом, красным воском, кожми, полотном и иными всякими живностями и иными товары торговати и в замках наших Чичерску, Пропойску, Гомелю, Любечи и в Чернобыли и в наших замках таковые товарья продавати» [139]. Так, правительству пришлось расширить свои первоначальные льготы. Касаясь теперь случайных просьб об отмене, о даровании городам магдебургского права приходится отметить, что все эти ходатайства удовлетворялись правительством. По существу, другого отношения и быть не могло, так как удовлетворение таких челобитий не задевало интересов господарского скарба, но зато улучшало положение города, что для правительства было важно по финансовым соображениям [140].

Изучая господарские ответы на челобития отдельных мещан, следует и тут отметить весьма благожелательное к ним отношение. Правительство готово было удовлетворить любую просьбу, если только для ее удовлетворения были какие-либо основания. Так, господарь отдал распоряжение дать отмену войту места Радунь, так как проверка его заявления подтвердила все изложенное в челобитии; кроме того, господарь подтверждал волоки и земли, отведенные мещанам распоряжением старост и воевод, подтверждал мещанские купли, если только покупалась не господарская тяглая земля. В противном случае состоявшаяся сделка не утверждалась. Так, господарь не утвердил сделки,

[138] ЦГАДА, ЛМ, КЗ XXXVII, л. 348.
[139] Там же, КЗ XLIX, л. 31.
[140] Там же, КЗ LII, лл. 17, 44.

совершенной между мозырскими мещанами Лаврином Раницовичем и Василием, оставшимся без потомства, а потому добровольно продавшим свои волоки указанному выше мещанину. Господарь нашел, что мещанин не мог продавать этих земель, ибо они господарские. Но и такое решение нельзя считать общепринятым[141]. Иногда господарь утверждал состоявшуюся сделку с перенесением на покупщика и тех повинностей, которые лежали на проданных волоках[142]. Почему господарь принимал такое решение — на это ответить трудно за отсутствием каких-либо указаний в источниках. Во всяком случае, благожелательное отношение господаря к мещанским челобитиям налицо, и это явление следует учитывать при оценке внутренней политики Сигизмунда-Августа.

Подведем итоги. Аграрная реформа вносила серьезные изменения в положение непривилегированных мест и весьма существенно касалась городов, имевших привилеи на магдебургское право. Установление платов и повинностей в восточных волостях привело к выделению города в отдельную от волости административную и хозяйственно-податную единицу. Осуществление аграрной реформы иногда задевало интересы как целого города, так и отдельных мещан. Для восстановления нарушенных прав заинтересованные города и лица обращались к господарю с различными челобитиями, которые, обыкновенно, удовлетворялись в том случае, если челобитчики могли представить документальное оправдание своего ходатайства.

---

[141] ЦГАДА, ЛМ, КЗ XLVIII, л. 174.
[142] Там же, л. 173.

XIII. АГРАРНАЯ РЕФОРМА И ЦЕРКОВЬ

Отмена церковной десятины в западных волостях и замена их волоками. Судьба дополнительных церковных доходов. Обеспечение церквей землей и получение ими отмены. Характер церковных отмен. Обеспечение церквей землей в городах, дворах и селах Кобринской экономии, Пинского староства, Гродненской экономии, Берестейского староства. Церковь в восточных волостях. Ходатайства церкви и господарские на них ответы.

Аграрная реформа Сигизмунда-Августа коснулась также и церкви обоих вероисповеданий. Правда, это отношение было косвенное, но в то же время оно серьезно задевало материальное положение церкви. Прежде всего в господарских дворах отменялась та десятина, которая шла на церковь и которая ранее составляла основу материального обеспечения церкви. Но так как церковь надо было чем-нибудь вознаградить, то вместо десятины на ее содержание отводилась 1 или 2 волоки, свободные от всяких платежей. Впрочем, норму в 2 волоки не следует считать обязательной. При определении размеров волоки приходилось сообразоваться с размерами прежней десятины — доходы от волок должны были равняться прежней десятине. На Кревский костел давалась десятина с господарских пашен. С отменою ее господарь отвел ему $1^1/_2$ волоки, но допустил возможность и большего наделения, лишь бы только доходы с волок были равноценны доходам с господарских пашен [1]. В других случаях господарское распоряжение оказывалось менее расплывчатым, и на церковь отводилось большею частью 2 волоки. Обыкновенно волоки отводились пустые, ненаселенные. Господарь не справлялся о том, соответствуют ли доходы с волок прежней десятине или нет [2]. Виленский тиун князь Матвей Богданович Огинский отвел кляштору Виленско-

[1] ЦГАДА, ЛМ, КЗ XXXVII, л. 114.
[2] Там же, л. 361.

го монастыря св. Духа «две волоки пустых тиунства Виленскаго двора Неменчины» вместо десятины «з жита и с кождого збожья», поступавшей на монастырь с господарского соседнего двора.

Эксплуатация волок предоставлялась усмотрению самого духовенства, но правительство разрешало осаживать людей на пустых волоках [3]. Но и норму в 2 волоки нельзя считать общераспространенной.

Возможны были отклонения в сторону большего наделения. Последнее зависело от специального разрешения или распоряжения господаря. Так, в Упитской волости на плебанию Веденицкую было отведено 5 волок, но за них приходилось вносить в господарский скарб чинш и отправлять некоторые натуральные повинности [4]. Но в то же время были наделы в размере 1 волоки.

Так, на Медницкий костел вместо старой десятины была отведена только волока земли «пустая, людьми неоселая» [5]. Требования уставы об отводе волок вместо десятины не всегда исполнялись ревизорами, и церкви иногда оставались без всякого материального обеспечения; из этого положения духовенство выходило только посредством возбуждения особого ходатайства.

Медницкий плебан костела «заложения св. Троицы» довел до сведения господаря, что «за поданьем и уфундованьем литовских великих князей, на костел от давных часов, в кождый год» поступала десятина «житом и всякими яринами». С производством волочной померы и раздачей господарских земель «на плате цыншу», десятина перестала поступать на костел, который вследствие этого испытывал «немалую шкоду». Поэтому плебан обратился к господарю с челобитьем наградить его вместо десятины «чим инъшим» [6].

Но церковь, кроме десятины, иногда пользовалась и другими, преимущественно денежными, доходами. Предоставление некоторых доходов в распоряжение церкви всегда делалось по специальному господарскому распоряжению, с каковой целью церкви выдавался особый лист. Для правительства такой лист имел принудительное значение, и если даже иногда ревизоры с ним не считались, то правительство, по возбуждении соответствующего ходатайства, всегда восстанавливало нарушенные права церкви.

Господарю приходилось отыскивать источник для выдачи соответствующих денег. Обыкновенно эти деньги выдавались

---

[3] Там же, л. 397.
[4] Там же, л. 396.
[5] Там же, КЗ XXXIX, л. 143.
[6] Там же, XLIII, л. 63.

из сумм той или другой державы, управитель которой получал от господаря соответствующее распоряжение. На Крожскую плебанию, кроме десятины, поступало еще 14 коп грошей, которые перестали выдавать плебании. Но господарское распоряжение предписало местному державце восстановить нарушенное право и из сумм Крожской державы выдавать плебании следуемую ей сумму [7]. За церковью эти добавочные доходы сохранялись и в том случае, если они были пожалованы церкви каким-либо частным лицом, имение которого впоследствии становилось «спадковым». Так, после перехода двора Траб от Гаштольдов к господарю, последним было оставлено трабскому плебану наданье Гаштольда в размере 500 коп грошей, которые выдавались из доходов, получаемых с «капщизны» [8]. Точно так же церковь сохраняла и те натуральные податки, которые раньше поступали на ее содержание. Правда, теперь эти податки были положены на деньги, а потому церковь получала от местного державцы соответствующее вознаграждение, равноценное натуральным податкам. Так, плебан ожский получал на церковь из медовой дани городенской шесть медниц и 2 камени воску. Правительство отдало распоряжение местному державце выдавать костелу пенязи, оценивая камень воску в копу грошей, а медницу меда — в зависимости от рыночной цены [9]. Конечно, трудно установить, было ли это явление общим правилом, или оно действовало в виде исключения, как результат особенной господарской милости. Отмена десятины, выдаваемой на церковь, не была безусловной и окончательной. Иногда церковь возбуждала специальное ходатайство об ее оставлении, но удовлетворение такой просьбы следует рассматривать как особое «наданье», вызванное, по всей вероятности, какими-нибудь чрезмерными обстоятельствами. Пробощ бельский получил разрешение получать десятину с двух бельских фольварков, измеренных на волоки только по возбуждении специального ходатайства [10]. Правда, эти фольварки были «новомеренные». Церковь не могла развить хозяйства на своих землях. По всей вероятности, доходов с двух волок не хватало. Этим и можно объяснить отступление от начал уставы о волоках. Наконец, церковь получала разрешение брать из лесу дрова и материал «для будованья и на потребу дворную». Но для этого требовалось специальное разрешение, так как все господарские пущи были описаны, и входы в них были запрещены посторонним лицам и учреждениям. Конечно, церкви,

---

[7] ЦГАДА, ЛМ, КЗ XXXVII, л. 150.
[8] Там же, КЗ XXXIX, л. 166.
[9] Там же, КЗ XXXVII, л. 362.
[10] Там же.

находившиеся при господарских дворах, без всякого труда получали соответствующее разрешение.

Во время производства аграрной реформы, вероятно, общее количество церквей, находившихся при господарских дворах и местах, было значительно. Когда устраивались места, то строилась церковь и, независимо от того, была ли она православная или католическая, на ее содержание отводилось две волоки [11].

Материальное обеспечение церквей и духовенства в дореформенное время выражалось не только в получении десятины и других доходов. Большею частью церковь являлась более или менее крупным землевладельцем, могущим подтвердить свое право на владение соответствующими документами. И церковные земли, наравне со шляхетскими, приписывались к господарским землям [12], и им за это давалась отмена, если только учреждение могло представить соответствующие документы. В противном случае отмена не давалась, и земля, как незаконно захваченная церковью, отбиралась на господаря. Впрочем, таких случаев встречалось мало. Церкви было труднее, чем шляхтичу, захватить господарские земли. Но все-таки случаи захвата бывали. Когда владимирский городничий пан Михайло Тихонович Козицкий производил измерение «на волоки у владимирскаго замка», то присоединил к господарскому двору немало «земель церковных владычеств володимерскаго и иных церквей володимерских», и, измерив на волоки, раздал их на плате. С такими действиями Козицкого не могло помириться епархиальное духовенство во главе с владимирским владыкой и, доказывая свое право на эти земли, ходатайствовало об их возвращении.

Однако разбор дела показал, что истцы не имели никаких прав на землю и не представили поэтому никаких документов, так что владение ими землями оказалось держаньем «без данины»; поэтому в иске духовенству было отказано, и земли остались во владении господарского дьяка [13]. По существу решение господаря было совершенно справедливо, и пострадавшим церквам, подобно шляхтичам, приходилось отказаться от возможности получить эти земли обратно. Если даже допустить, что подобный захват земли был случайным явлением, то такого рода факты только лишний раз иллюстрируют, как сильно было развито в Литве захватное землевладение в дореформенный период и как необходима была проверка прав на землю, которую предприняло литовско-русское правительство. В связи с вопросом об отмене было бы желательно выяснить, как

[11] ЦГАДА, ЛМ, КЗ XXXVII, л. 317.
[12] Там же, КЗ XXXVIII, л. 151; XLIII, л. 107.
[13] Там же, XLI, л. 225.

производилась отмена и не было ли в данном случае каких-либо злоупотреблений. К сожалению, данных для выяснения почти нет. Указаний на ходатайство духовенства об отмене почти не сохранилось. Следовательно, церкви получали соответствующую отмену, и последняя, за немногими исключениями, не вызывала никаких возражений.

Но все же были случаи, когда господарские ревизоры не давали отмены, хотя на это не имели никакого права. Так, господарские дворяне пан Иван Сапега и пан Авраам Кунцевич, «помераючи кгрунты в Швинтянах», отобрали на господаря «немало, земли у плебана» и, по окончании померы, ушли, не дав отмены. Но в то же время можно отметить, что при производстве отмены правительство обнаруживало далеко неодинаковое отношение к духовенству католическому и православному. Когда приходилось для округления господарских земель взять часть земель виленского бискупа Валериана, то правительство вознаградило его должным образом, так что епископ имел полное основание быть довольным состоявшейся сделкой [14]. Впрочем, такое отношение не всегда было свойственно правительству. Сохранившиеся данные о ревизии Пинского староства позволяют утверждать, что вообще при производстве реформы церковь страдала не менее, чем шляхетство, получая отмену землей далеко неодинакового качества. Так, настоятель пинский ксендз Николай держал под городом до производства аграрной реформы 7 волок 3 морга и $1^1/_2$ прута, из числа которых 26 моргов $5^1/_2$ прутов было земли хорошего качества и 6 волок 6 моргов 26 прутов — посредственного. При измерении на волоки ему была дана отмена в количестве 2 моргов огородной земли и 1 волоки хорошей земли. Впрочем, эта отмена считалась временной, пока не будет дано полной отмены. Срок отвода полной отмены не был отмечен даже приблизительно; во всяком случае, даже временное неполучение 6 волок и $5^1/_2$ прутов должно было нанести настоятелю немалый ущерб [15]. У лещинского архимандрита Онуфрия Павловича было всего в разных местах 4 волоки 15 моргов $16^1/_2$ прутов, а, между тем, ему была дана только 1 волока хорошей земли; следовательно, осталось недоданными 3 волоки 15 моргов $16^1/_2$ прутов. Правда, вся земля была посредственного качества, но даже отвод одной хорошей волоки нисколько не улучшал экономического положения лещинского архимандрита [16]. В других случаях правительство почему-то сразу не давало отмены, и это обстоятельство являлось серьезным правонарушением. Замковому священнику Якову Тереханичу был

[14] ЦГАДА, ЛМ, КЗ XXXVII, л. 151.
[15] ПКПС, ч. II, стр. 553.
[16] ПКПС, ч. II, стр. 555.

дан только 1 морг хорошей огородной земли и 1 пустопорожняя волока, хотя в его распоряжении было 2 волоки 19 моргов 12 прутов земли, большей частью посредственного качества [17]. Не получил также отмены и другой замковый священник Богдан Суличич. Правда, у этого священника оказались еще земли, невымеренные, и измерение их было отложено до весны. Но во всяком случае, ему не было дано отмены за измеренные земли. Всего отошло 2 волоки 22 моргов 20½ прутов посредственной земли, 2 волоки 8 моргов 29 прутов и 13 моргов 21½ прута негодной. Нельзя же сказать, что волока земли для посева и морг хорошей земли под огород являются совершенно достаточными для отмены. Впрочем, и составитель книги признает, что полная отмена будет дана впоследствии, хотя срок для отвода полной отмены в ней не отмечается, а такое неопределенное обещание не было утешительно [18]. Замковый дьякон Константин Карпович имел в своем распоряжении земли 1 волоку 3 прута посредственного качества. Однако ему отмена не была дана, если не считать предоставления ему 1 морга хорошей огородной земли [19]. У Спасского владычного священника Ивана Захаровича было отобрано для городских волок 1 волока 1 морг 12½ прутов земли посредственного качества. Данная ему отмена равнялась 15 моргам земли посредственного и 15 моргам негодного качества. Составитель книги признает эту отмену недостаточной, так как ему недодано 1 морг 12½ прутов, и, кроме того, земля священника была лучше и лежала ближе, чем земли, полученные в виде отмены [20]. Недостаточную отмену получил также Юрий Кузьмич, варваринский священник. Ему не было додано 13 прутов [21]. Михайло Иванович, онуфриевский священник, у которого отобрали 1 волок 19 моргов 25½ прутов земли большей частью посредственного качества, не получил никакой отмены. Впрочем, ему была дана временно пустопорожняя волока для засева ржи впредь до окончательного удовлетворения [22].

Такое преднамеренное оставление отвода отмены на будущее можно считать не случайностью, вызванной теми или другими обстоятельствами, а целой системой; причем, главным образом, не получали отмены священники православной веры, в чем, может быть, можно видеть некоторый антагонизм и отражение взаимных отношений католицизма и православия. Иногда правительственные агенты не давали отмены ввиде

---

[17] Там же, стр. 557.
[18] Там же, стр. 557.
[19] Там же, стр. 559.
[20] ПКПС, ч. II, стр. 559.
[21] Там же, стр. 563
[22] Там же.

наказания. Так, никольским священникам Ивану и Семену Моисеевичам и Ивану Антоновичу отмена не была дана только потому, что они не предъявляли своих земель и домогались ее в то время, когда производилась таковая другим священникам по назначению[23]. Федоровский священник Яков Никитич не получил отмены «по причине его невнимания и непослушания»[24], а Михайловский священник Федор Львович — «по причине его невнимания и строптивости»[25]. Богдан и Самойло, воскресенские священники не получили отмены «по причине своей небрежности и невнимания», так как не хотели брать предложенной отмены[26]. Такое невольное наказание следует признать самоуправством со стороны правительственных агентов, ибо в уставе им были даны инструкции другого характера. И если правительственные агенты могли так поступать и даже объявить о своем отношении в официальном документе, очевидно, они прекрасно понимали, что такая их деятельность не встретит никакого критического отношения со стороны правительства, опять-таки благодаря его вероисповедной окраске. Впрочем, на основании только данных писцовой книги Пинского староства нельзя делать каких бы то ни было заключений относительно действий правительственных агентов в других частях территории Литовско-Русского государства, ибо не сохранились данные относительно отмен, отведенных в других частях государства. Но предположение, что такого рода отношение к земельным правам православного духовенства не случайность, а целая система, имеет за собою некоторые основания, так как оно вполне соответствует религиозному антагонизму в государстве, не успокоенному и привилеем 1563 г. Относясь, быть может, отрицательно к землевладению православных священников, господарские агенты, однако, должны были принять соответствующие меры к обеспечению церквей землями взамен десятины и других повинностей, ибо в противном случае за отсутствием материальных средств могло бы прекратиться отправление церковных служб, а это обстоятельство было, конечно, нежелательно для правительства. Обеспечивая церкви землями в западных областях, правительство вообще очень скупо расходует земельный материал, ограничиваясь только отведением минимального земельного надела. Волоки, которые получало духовенство в свое распоряжение, были свободными от всяких повинностей. Это следует сказать только относительно тех земель, которые отводились для удовлетворения потребностей церкви. Когда же в руках духовенства находились излишки земли, так или иначе

[23] ПКПС, ч. II, стр. 561.
[24] Там же.
[25] Там же, стр. 563.
[26] Там же, стр. 561.

попавшие в его руки, оно было принуждено платить чинш, если только держатели таких волок не располагали каким-либо отдельным распоряжением правительства. Все церкви Кобринского места были наделены 2 волоками с надбавками, из-за плохого качества грунта, незначительного числа моргов. 2 волоки — это обычная норма земельного надела, отводимого церквам. Кроме того, диакон Спасский отдельно получил 2 волоки [27]. Не получила только особого наделения кобринская Спасская церковь, но это обстоятельство, по всей вероятности, объясняется тем, что Спасская церковь имела особую фундушевую запись на два участка земли и, следовательно, материально была обеспечена [28]. Такое же двухволочное наделение получила церковь в месте Добучин [29] и в месте Городец [30]. Кроме волок, церковь иногда получала в городе некоторое количество усадебных прутов, вольных от всяких податей [31]. Так же были наделены и сельские церкви. Так, церковь двора Черевачичи получила в пользование 2 волоки земли [32]. Церковь в селе Слонимцы получила наделение 4 волоками, но такое наделение сверх нормы объясняется тем, что церковь имела особое пожалование от короля [33]. Церковь села Малеч была наделена 2 волоками [34]. Таким образом, на протяжении всего Кобринского староства была принята одна норма. Кроме того, священники иногда получали некоторое количество моргов «на приселенье». Так, попы церкви двора Черевачичи получили по 2 морга «на приселенее», вольных от платежей [35]. Священники других церквей таких моргов не получали. Наделение церквей волоками нисколько не лишало священников права держать волоки на плате [36]. Конечно, арендование волок духовенством было возможно, по всей вероятности, только в том случае, если наличные волоки не могли быть распределены среди крестьянства того или другого села.

Город Пинск значительно больше по размерам по сравнению с местами Кобринской экономии. В городе находились епископская кафедра, несколько церквей и монастырей. Поэтому известное количество городской земли, отводилось под дворы церковных лиц. Отводимые им пруты были свободны от платежа повинностей. Размеры дворов духовенства зависели от иерархического положения церковного чина. Так, под двор

[27] РКЭ, стр. 27.
[28] Там же, стр. 307.
[29] Там же, стр. 160.
[30] Там же, стр 275.
[31] РКЭ, стр. 268.
[32] Там же, стр. 106.
[33] Там же, стр. 172.
[34] Там же, стр. 211.
[35] Там же, стр. 106.
[36] Там же, стр. 172.

пинского епископа отводилось 15 прутов, игумена — 12 прутов, католического монастыря — 9 прутов, игумена Лещинского монастыря — 10 прутов [37].

Что же касается «усадебных» прутов священников, то они были значительно меньше. На одну церковь приходилось от 1 до 3 прутов, свободных от всяких платежей [38]. Правда, в одном случае дмитровскому священнику Якову Васильевичу было отведено 8 прутов под дом, но эти пруты были отведены, по всей вероятности, под причт Дмитровской церкви [39].

Материальное положение пинского епископа обеспечивалось доходами, поступавшими в епископскую казну с мещан, сидевших на епископской городской земле в количестве 257 прутов селитебных и $29^1/_2$ огородных [40]. Точно так же и Пинский монастырь имел мещан, сидевших на монастырской земле, но размеры этого землевладения были ничтожны — всего $27^1/_2$ селитебных прутов; следовательно, доходы пинского монастыря в данном случае не могли быть особенно велики [41].

Для материального обеспечения священников в их пользование отводилось некоторое количество огородной земли, освобожденной от всяких платов. Некоторые из этих огородов были заменой земель, отобранных на господаря; другие же, видимо, отводились впервые. Что же касается величины огородных участков, то минимальный надел равняется 30 прутам, максимальный — 90 [42]. Но в пределах и этих норм существовало неравенство. Надел в 60 прутов отводился и одному священнику, и причту всей церкви, и группе священников, в состав которой входило шесть человек. Следовательно, при равном праве всех на эксплуатацию, на каждого из этих коллективных держателей прутовой земли приходилось по 10 прутов [43]. Правда, двум священникам из этой группы даны дополнительные наделения в 30 прутов, так что в их руках всего оказалось по 40 прутов [44].

Кроме огородных прутов, в распоряжение группы городских священников были предоставлены в пользование 4 местские волоки [45]. Волоки как в первом, так и во втором случаях были свободны от платежа чинша. Что же касается сельских священников, то обеспечение их также было далеко неодинаково. Так, церковь, приписанная к Селецкому господарскому двору, была обеспечена 2 волоками, а церковь двора Ставецкого по-

[37] ПКПС, ч. I, стр. 9.
[38] Там же.
[39] Там же, стр. 37.
[40] Там же, стр. 71.
[41] Там же, стр. 73.
[42] Там же, стр. 77, 79, 81, 87.
[43] Там же, стр. 77.
[44] Там же, стр. 81.
[45] Там же, стр. 99, 101.

лучила в свое пользование только 1 волоку [46]. Чем объясняется такая разница — неизвестно. Из писцовой книги не видно, чтобы церковь Ставецкого двора пользовалась какими-либо иными доходами. На церковь при фольварке Дружиловском было отведено 2 волоки. Впрочем, вся земля была негодного качества [47]. В г. Гродно все пять церквей материально были обеспечены одинаково. В их пользование было отведено по 2 местских волоки [48]. Материальное же обеспечение сельских церквей в Гродненской экономии представляется в следующем виде. Церковь Преображенья в селе Коментове была обеспечена волоками, огородами, гаями. К сожалению, пропажа листов подлинника не позволяет более точно выяснить размер этого обеспечения [49]. На церковь св. Георгия в селе Некрашевичах был отведен особый застенок в количестве 2 волок, 5 моргов [50]. Церковь св. Николая в селе Лаше была обеспечена 3 волоками доброго грунта, свободными от платежей [51]. В Гродненской экономии было несколько местечек, в которых находились церкви, материальное обеспечение которых сильно разнилось друг от друга. Плебан мостовский держал 80 прутов, из них 40 — огородных, 40 — «селидебных» [52]. В распоряжении новодворского плебана находилось 28 прутов [53]. Кроме того, к Новодворской плебании приписывалась вольная волока и некоторое количество сенокосной земли [54]. Плебаны одельский и волненский владели сеножатями и грунтами [55]. В Бронском и Саражском старостве на содержание церквей отводилось от $1/2$ до 1 волоки [56]. Материальное обеспечение священников г. Нарвы в Бельском повете заключалось в 5 прутах усадебной земли и 12 прутах огородной земли в одном месте и 1 морге огородной земли в другом месте [57]. Кроме того, в распоряжение священника была предоставлена 1 волока [58]. В местечке Пещатка Берестейского староства была принята иная система материального обеспечения священников. На церковь отводилось $3^1/_2$ прута усадебной земли и 4 прута огородной [59], да еще священнику отдельно $2^1/_2$ огородных прута [60].

---

[46] Там же, стр. 121, 271.
[47] Там же, ч. II, стр. 7.
[48] ПКГЭ, ч. II, стр. 87.
[49] ПКГЭ, ч. I, стр. 64, 66.
[50] Там же, стр. 83.
[51] Там же, стр. 448.
[52] Там же, стр. 156.
[53] Там же, стр. 240.
[54] Там же, стр. 249, 250.
[55] Там же, стр. 440, 575.
[56] АВК, т. XXV, стр. 26, 49, 50.
[57] Там же, стр. 65, 68.
[58] Там же, стр. 69.
[59] Там же, стр. 87.
[60] Там же, стр. 88.

Так обеспечивался православный священник. Католический плебан получал много больше — 5 прутов усадебной и 14 прутов огородной земли [61]. Кроме того, на церковь вообще отводилось 2 волоки очень плохого болотистого грунта [62]. В местечке Дивин Берестейского староства на церковь отводилось 2 вольные волоки плохого качества [63]. В месте Ломазы и католическая и православная церковь получают для пользованья по 2 волоки 20 прутов,— правда, земля по качеству довольно низкая [64]. Кроме того, им отводится некоторое количество усадебных и огородных прутов [65]. Таким же образом было обеспечено духовенство и в месте Милейчицы [66]. Здесь на церковь отводилось 2 волоки, помимо нескольких огородных прутов. В том же месте оказалась и католическая церковь. Материально она была обеспечена много лучше православных. На костел отводилось 165 огородных прутов, 3 местских волоки и столько же волок плебан получал в свое пользование в виде вознаграждения за десятину [67]. Конечно, в таком неравенстве в обеспечении церквей землями нельзя не видеть особенного покровительственного отношения к католической церкви.

Церкви и костелы Берестья занимали в городе некоторую площадь, свободную от всяких платежей; при этом монастыри и различные церковные учреждения занимали территорию значительно большую, чем обыкновенные церкви. Так, под костел с госпиталем было отведено 20 прутов и 20 прутов на огород; а под кляштор с костелом — 30 прутов [68]. Точно так же и православный Рождественский монастырь занимал довольно значительное пространство — 65 прутов [69]. Территория, занимаемая только церквами, была сравнительно небольшая.

Одна только Михайловская церковь занимала 30 прутов [70]; площадь, находившаяся под Троицкой церковью, равнялась только 10 прутам [71]. Столько же прутов было отведено и под костел св. Доротеи [72]. На костел св. Варвары, на Спасскую и Пятницкую церкви было отведено только по 5 прутов [73]. Территория, занятая церквами и церковными учреждениями, была свободна от уплаты каких-либо взносов.

[61] АВК, т. XXV, стр. 90.
[62] Там же, стр. 96.
[63] ДМАМЮ, т. I, стр. 284.
[64] Там же, стр. 348.
[65] Там же, стр. 336.
[66] Там же, стр. 418.
[67] Там же, стр. 411, 418.
[68] Там же, стр. 209, 211.
[69] Там же, стр. 224.
[70] Там же, стр. 217.
[71] Там же, стр. 209.
[72] Там же, стр. 224.
[73] Там же, стр. 210, 217, 227.

Материальное обеспечение духовенства в Берестье было неодинаково. Духовенство католическое в общем было обеспечено лучше. Католический бискуп имел в своем распоряжении два фольварка, правда, плохой земли, размером около 20 волок [74]. Кроме того, в городской черте бискупу принадлежало довольно значительное количество прутов, дававших епископской кафедре некоторый доход [75]. Под двор капеллана костела св. Варвары было отведено 3½ прута и, кроме того, в его распоряжении находилось 30 прутов огородной земли [76]. Затем тот же костел имел в городе территорию, сдававшуюся в аренду [77].

Площади дворов и огороды православных священников были меньше католических по размерам. Величина двора колебалась между ½ и 5 прутами [78]. Впрочем, большею частью под двор православного священника отводилось от 1½ до 2 прутов [79]. Огородные участки имели не все священники, и размеры их не превышали 1½ прутов [80]. Исключение составляет священник воскресенской церкви, располагавший 5 прутами огородной земли [81]. Кроме того, на церкви Спасскую и Безмезницкую в селе Лебедево было отведено по 2 волоки, свободные от платежей [82].

Что же касается сельских церквей, то и они в Берестейском старостве были обеспечены 2 волоками [83]. Но и эта норма необязательна. Иногда церковь получала только 1 волоку, да и то в значительно уменьшенном виде. Так, в селе Олтуш церковная волока равнялась только 22 моргам 9 прутам [84]. Впрочем, вообще в этом селе волоки неполные. Но такие неполные волоки — это исключение [85].

Приведенные данные относительно материального обеспечения церквей позволяют придти к заключению, что «двухволочная норма», принятая для материального обеспечения церквей тех местностей, где была произведена реформа и где были отменены церковные десятины, не была однообразной и обязательной для всей территории великого княжества. Были отклонения в сторону от этой нормы, и местами очень существенные. Чем объясняется такое отклонение от нормы — в настоящее время

---

[74] ДМАМЮ, т. I, стр. 235.
[75] Там же, стр. 224.
[76] Там же, стр. 215.
[77] Там же, стр. 210, 215, 216.
[78] Там же, стр. 206, 217, 227.
[79] Там же, стр. 206.
[80] Там же, стр. 206, 210, 217.
[81] Там же, стр. 214.
[82] Там же, стр. 241.
[83] Там же, стр. 245, 247, 265, 299, 318, 360, 392, 431.
[84] Там же, стр. 310.
[85] Там же, стр. 312.

сказать трудно. Те же приведенные данные дают некоторый материал и для храктеристики религиозной политики литовско-русского правительства. Бросающееся иногда в глаза сравнительно лучшее обеспечение материального положения католической церкви является отражением той религиозной политики, которой правительство придерживалось во второй половине XVI в.

Аграрная реформа Сигизмунда-Августа сначала не коснулась русских волостей. Поэтому система установления «платов», принятая здесь взамен производства волочного измерения, не внесла ничего нового в положение церкви. Церковь по-прежнему владела теми же землями, которые ранее находились в ее распоряжении, и получала те же доходы, что и раньше. Несомненно, что при установлении платов производилась и проверка прав на землю с целью убедиться, не владеет ли церковь какими-либо земельными излишками. По всей вероятности, земельные владения церкви не были обеспечены какими-либо юридическими документами, ибо при проверке прав на землю приходилось обращаться к помощи волостных старцев и волостных людей как представителей волости, знакомых с распределением в пределах ее земельной собственности. При этом господарские ревизоры выдавали церкви соответствующий лист, закреплявший за церковью ее земельные права и становившийся источником земельного права для будущего. И, конечно, с ним правительство считалось. Когда священник Кричевской державы Афанасий Васильевич хлопотал в 1583 г. перед господарем об оставлении церкви, при которой он находился, приписанной земли, ему пришлось представить лист, выданный его предшественнику Григорием Воловичем и Николаем Нарушевичем в 1560 г. и который удостоверял, «иж в рок 1560 окт. 18, будучи они до замку Кричовского для становенья платов и вояких пожитков», поступавших в господарский скарб, «от старца и некоторых мужов волости» взяли ведомость, «иж две пустовщины земли, названные Заречынская и Уголковская, здавна ку тою церкви поданы были»[86]. За церковью остаются ее владения. Это было общее правило, которое распространялось и на города восточных областей. Новоназначенные священники, ходатайствуя об утверждении их на месте, просили обыкновенно, чтобы земли, которыми церковь издавна владела, оставались в ее владении[87]. Когда возникали судебные дела относительно права церкви владеть теми или другими землями, то, если ответчикам удавалось доказать изстаринность их владений, они всегда, надо полагать, выигрывали дело. Выданный ответчиком

---

[86] ЦГАДА, ЛМ, КЗ LXXIII, л. 1.
[87] Там же, КЗ LXXIV, л. 86.

судебный приговор имел для церкви такое же значение, как и листы, выдаваемые Григорием Воловичем и Николаем Нарушевичем [88].

Тем не менее церковь, владевшая старинными землями, что установилось и обычаем, и административной практикой — не всегда была спокойна за них, ибо встречала посягательства со стороны местной администрации. Такие действия администрации явно незаконны. Правительство само признавало это, подтверждая за священниками земли, издавна приписанные к церкви, как это видно из дела спасского священника в Кричеве, хлопотавшего об оставлении за церковью «землицы», которая «за продков его, бывших священников», была к ней приписана, но была отобрана местным державцем. Видимо, державца поступил совершенно противозаконно, ибо правительству пришлось удовлетворить просьбу священника и оставить за ним просимые земли [89].

Каково бы ни было отношение правительства к земельным правам церкви, ей приходилось быть постоянно настороже и защищать свои владения от неожиданных нападений. Таково было отношение правительства к вопросу о материальном обеспечении церквей и духовенства в восточных областях.

Аграрная реформа Сигизмунда-Августа существенно задевала земельные права церкви и духовенства. Ревизоры, конечно, «приворачивали» к господарскому двору церковные земли и, вопреки уставе, не давали церкви и духовенству «слушной и ровной отмены». Само собой разумеется, что церкви оставалось только жаловаться центральному правительству на его же агентов и ходатайствовать перед ним о восстановлении нарушенного права. Случаи присоединения церковных земель к господарским без соответствующего вознаграждения были довольно часты. По крайней мере, нередко встречаются господарские резолюции в ответ на челобития духовенства. Ходатайства духовенства об отмене однообразны. Церковь владела землей. Ревизоры отобрали ее и ушли, не дав за нее отмены. Неполучение отмены ставило приходское духовенство в весьма стесненное материальное положение и часто лишало его возможности совершать церковные службы, так что челобития духовенства об отмене были важны правительству с двоякой стороны: с правовой и религиозной. Это прекрасно понимали сами челобитчики. Так, плебан Швинтянской волости жаловался на господарских дворян Ивана Сопегу и Авраама Кунцевича за то, что они, «помераючи кгрунты на волоки в Швинтянах», взяли у него немало земли и затем уехали, не дав никакой отмены. Поэтому

---

[88] ЦГАДА, ЛМ, КСД XLIV, л. 43.
[89] Там же, КЗ LXXIII, л. 75.

швинтянский плебан хлопотал перед Сигизмундом-Августом об отводе ему слушной отмены [90]. Но не всегда отмена, данная церкви, вполне удовлетворяла духовенство. Если церковь владела землей не на основании господарских пожалований, а только в силу распоряжений администрации, то такие земли отписывались на господаря, а ревизоры отводили церкви то количество волок, которое полагалось по уставе. Если случалось, что церковь владела раньше большим количеством волок в сравнении с тем, что ей полагалось по уставе, то представители церкви хлопотали перед господарем об оставлении за ними прежних волок, хотя подобное ходатайство не имело никаких юридических оснований и, следовательно, челобитчики могли рассчитывать исключительно на господарскую ласку. Так, при производстве первоначально волочного измерения в Берестейской волости ревизоры отвели для церкви села Войны 3 волоки и, кроме того, подданные того села согласились давать от себя десятину с каждой волоки. Это пожалованье было записано на пергаменте, но, не утвержденное господарем, не имело никакой юридической силы. Когда производил новую ревизию, пан Иван Сапега, руководившийся нормами уставы, заметил несоответствие и противоречие уставе. Ревизор дал церкви только 2 волоки, «подле уставы господарской». Церковь не могла с этим помириться, и священник хлопотал об оставлении его «при тых волоках, ему данных, и при той десятине [91]. Шаткость своей позиции сознавал. по всей вероятности, и сам челобитчик, ибо в господарском ответе нельзя найти никаких следов юридического основания его челобития. Но в практике аграрной реформы мог быть и такой случай, когда количество земли, отведенной ревизорами на церковь, не соответствовало норме, принятой уставой. В таком случае священник хлопотал о доведении надела до нормы в 2 волоки. Так, на церковь св. Спаса, приписанную к селу Пинского замка, ревизор отвел только 1 волоку 19 моргов 20 прутов. Священник же подал челобитие о добавлении «до двух полных волок» [92]. Священники, получившие от ревизоров «поповские волоки», спешили подать господарю челобитие об оставлении за ними этих волок на «поживенье» [93]. Точно так же духовенство подавало господарю челобития с просьбой об подтверждении за ними волок, отданных им в качестве отмены. При производстве ревизии в Городенском старостве у плебана городенского отобрали на господаря 5 волок 17 моргов 11 прутов, за что ему была дана отмена землями, смежными с плебанским двором. Дано ему 6 волок 13 моргов 25 прутов, так

[90] ЦГАДА, ЛМ, КЗ XLVIII, л. 104.
[91] Там же, КЗ XXXVIII, л. 178.
[92] Там же, КЗ XLVIII, л. 198.
[93] Там же, КЗ XXXVIII, л. 573.

как отобранные земли были лучше по качеству. Господарские урядники дали духовенству соответствующий «квит», который был представлен господарю для подтверждения [94]. Случалось и так, что ревизоры отписывали на господаря земли, не давая за это отмены, если церковь владела землями незаконным образом. И в таком случае духовенство подавало господарю челобитие с жалобой на действия ревизора. Считать такие жалобы единичными отнюдь не приходится. Так, владимирский священник при церкви св. Федора Иван Михалкович представил господарю лист, выданный его предшественнику, на основании которого церковь спокойно владела полями и сеножатями [95]. Этот лист был господарем подтвержден. Тем не менее владимирский городничий пан Михайло Тихонович Козицкий померил на волоки и эти земли и раздал их на плате господарским подданным. Впрочем, не вся церковная земля была размерена. Небольшой островок и дворище в селе Федоровцы не были измерены на волоки, как лежавшие далеко от других господарских волок. Поэтому городничий счел возможным оставить эти земли за церковью. Отобрание церковной земли было, по существу, законно. Земля была дана господарем не в собственность, а в пользованье. Кроме того, священник не представил ревизору соответствующих документов, и городничий имел двойное основание присоединить эти земли к господарским волокам. Правоту действий ревизора почувствовал и сам священник. Подавая господарю челобитие, он просит оставить за ним те земли, которые были даны ему городничим, но при этом прибавляет ходатайство о вечности владения, чтобы в будущем не могло быть никаких недоразумений с господарскими агентами. К тому же земли эти для интересов господарского хозяйства не представляли никакого значения, а потому челобитчик мог рассчитывать на удовлетворение его просьбы [96].

Боязнь лишиться земель, отведенных ревизорами церкви, была, кажется, довольно распространенной среди литовско-русского духовенства. Это заставляло его позаботиться о ненарушимости владения, если последнее не имело вечности. Такие ходатайства подавались господарю довольно часто и при преемниках Сигизмунда II. Священник церкви св. Троицы, основанной в Кричеве, представил Сигизмунда III лист, выданный его предшественникам господарскими ревизорами паном Григорием Воловичем и паном Николаем Нарушевичем, согласно которому на церковь отводилось две пустовщины. Священник ходатайствовал об их подтверждении, и это челобитие имело основание, так как при производстве волочной померы в русских

[94] ЦГАДА, ЛМ, КЗ XLI, л. 160.
[95] Там же, КЗ XXXVII, л. 207.
[96] Там же, КЗ XLI, л. 287.

волостях эти земли могли быть отписаны на господаря[97]. Такие челобития подавались даже тогда, когда просителям не грозила ниоткуда никакая опасность, и трудно выяснить те мотивы, которыми руководились челобитчики, возбуждая ходатайство перед господарем. В Берестейском старостве аграрная реформа была окончена к 1560 г. Все церкви получили соответствующее земельное наделение. Был составлен реестр, который закрепил все отведенные пожалования. Тем не менее священник села Коденского Прокоп Никифорович просил о подтверждении 2 волок, отведенных на церковь. Возбуждение такого ходатайства не имело никакого основания, так как священник располагал господарским листом, согласно которому эти волоки были приписаны к церкви, и лист был выдан на имя самого челобитчика и его покойного отца[98]. Но подача челобития была решительно необходима в том случае, если на свободную церковную должность назначалось новое лицо, не имевшее никаких связей с церковью. Такому лицу приходилось хлопотать, во-первых, об оставлении за ним церковного места и, следовательно, об утверждении распоряжений духовной власти; во-вторых,— об оставлении за ним земель, ранее приписанных к церкви. Священник церкви Спаса в Кричеве Роман Стратонович, поставленный сюда киевским митрополитом Онисифором, «иж бы службу Божью водлуг закону своего отправовал», представив господарю соответствующую митрополичью грамоту, хлопотал перед Сигизмундом III, «абыхмо его при той церкви зоставили»; а так как историческая справка показала, что к церкви были приписаны земли, отнятые кричевским державцей, то одновременно хадатайствовал, «абыхмо тую землицу Левковщину до тое церкви Спасское привернути казали»[99].

Производство аграрной реформы ставило иногда духовенство в довольно затруднительное положение. Это бывало в том случае, когда ревизоры позабывали отвести на церковь соответствущее количество волок. Лишенные десятины, поступавшей «житом и всякими яринами в кождый год», и не получая никаких доходов, духовенство, видя в этом немалую для себя шкоду, ходатайствовало перед господарем, «абыхмо ласку господарскую вделали» и за прежние десятины дали бы им какое-либо другое вознаграждение. В таком же положении находилось и городское духовенство, хлопотавшее об отводе «на хлебокормленье» известного количества волок[100]. Такие ходатайства встречаются довольно редко, и забывчивость ревизоров следует признать случайной.

[97] ЦГАДА, ЛМ, КЗ XLI, л. 287.
[98] Там же, LXXII, л. 450.
[99] Там же, КЗ LXXIV, л. 86.
[100] Там же, XLI, л. 135.

Хотя по уставе церковные волоки освобождались от платежа чинша, тем не менее, как это видно из жалобы попа Максима Федоровича, бывшего священником при церкви Мядельского замка, последнее не всегда исполнялось. Мядельский державца обложил церковные волоки чиншем и соответствующими повинностями, а поп вышеназванной церкви обратился к господарю с жалобой на действия администрации и с просьбой освободить его от платежа незаконных повинностей [101].

Случалось иногда, что церковь получала в дар для своего обеспечения волоки, с которых приходилось уплачивать в господарский скарб соответствующий чинш, который лежал по-прежнему и на церкви. Поэтому представитель церкви имел законное право хлопотать об освобождении таких волок от чинша, если только не было у церкви других волок, обеспечивающих ее материальное положение. Плебан новодворский купил 2 чиншевые волоки и затем принёс их в дар церкви, до сих пор не имевшей своего фундуша. Впрочем, к этим 2 волокам была прибавлена еще одна, тоже на чинше. Однако плебан стал ходатайствовать, чтобы «две волоки, на алтарь от него фундованные, также и третью, на чинш держанную, освободили совсем от чинша» [102].

Изучение сохранившихся господарских ответов на челобития церкви дает возможность установить такое же благожелательное к ней отношение, которое приходилось отмечать при анализе господарских ответов на ходатайства других общественных групп. И это вполне понятно. Ходатайства весьма мало затрагивали интересы господарского скарба, и господарь охотно удовлетворял их.

Как поступало правительство, когда церковь подавала челобития об отмене? Ответы господаря зависели от права церкви на получение отмены. Если права церкви не встречали никаких препятствий, то правительство немедленно поручало тому или другому лицу дать «слушную отмену». Так, производство отмены в Ширвянтах было поручено господарским ревизорам Станиславу Нарушевичу и Войтеху Девялтовскому, так как просьба священника не возбуждала никаких сомнений [103]. Совсем по-другому обстояло дело в том случае, если церковь не могла документально подтвердить свое право на владение землями. Такие земли отбирались, и челобитчики проигрывали дело, как это видно из жалобы владимирского духовенства на действия ревизора пана Михаила Козицкого [104]. Если господарь счел возможным оставить за владимирским священником Федором

[101] ЦГАДА, КЗ LXXLII, л. 264.
[102] Там же, КЗ LXXIII, л. 399.
[103] Там же, КЗ XLVIII, л. 107.
[104] Там же, КЗ XLI, л. 225.

остров и дворище, которые были у него отобраны как незаконное владение, то это было актом милости господаря, отдавшего земли, не приносившие господарскому скарбу никакого дохода[105]. Точно так же, по всей вероятности, немедленно удовлетворялись ходатайства церкви о полном земельном наделении. Возбуждение такого ходатайства имело законное основание, и правительство отдавало распоряжение соответствующим должностным лицам о добавочном наделении[106]. Несколько неясна позиция правительства в том случае, когда возбуждалось ходатайство об оставлении за церковью прежних волок, что могло иметь место главным образом на Подляшьи и на территории владений, принадлежавших королеве Боне. Несколько господарских ответов, удовлетворивших просьбу церкви, не позволяют вывести отсюда какого-нибудь суждения. Но можно думать, что принципиально эти ходатайства удовлетворялись. Правительство не могло не считаться с действиями своих должностных лиц или хозяйственными распоряжениями королевы Боны. Необязательные юридически, эти распоряжения морально связывали правительство, в чем неоднократно приходилось убеждаться. Поэтому если наделение землей было сделано лицами, имевшими большой политический вес и значение, то едва ли правительство решилось бы на отказ в удовлетворении такого ходатайства. Да и сама церковь едва ли выступила бы с ходатайством, если бы не надеялась на его успех, хорошо зная отношение правительства к лицам, имевшим вес и значение в политической жизни Литовско-Русского государства[107].

Чисто формальный характер носили ходатайства церкви о подтверждении или отмене волок, отведенных ревизорами церкви. Возбуждение такого ходатайства имело целью укрепить на будущее время отведенные наделы. Конечно, такие челобитчики никоим образом не могли оказаться неудовлетворенными. Господарская санкция ревизорских действий и распоряжений имела чисто формальный характер. Их нельзя было не утвердить или каким-либо образом изменить[108]. Ходатайства о подтверждении земельных наделов удовлетворялись и ближайшими преемниками Сигизмунда II, и в отношении правительства к ходатайствам католических или православных священников не заметно никакой разницы[109]. Для преемников Сигизмунда II санкционирование пожалований — только одна внешняя формальность, так как не могло же правительство отнять волоки у церквей и оставить последние без всякого материального

[105] ЦГАДА, ЛМ, КЗ XLI, л. 287.
[106] Там же, КЗ XLVIII, л. 198.
[107] Там же, КЗ XXXVIII, л. 178.
[108] Там же, л. 573; XLI, л. 160.
[109] Там же, КЗ XXIII, л. 76.

обеспечения. Правительство должно было поступать точно так же и в том случае, если хлопотало о подтверждении владений церкви лицо, не имевшее никаких связей с приходом и назначенное со стороны высшей духовной властью. Не могло правительство не удовлетворить ходатайств церкви о наделении землей там, где это не было сделано ревизорами, и об освобождении от платежа чинша за церковные волоки, так как иногда державцы позволяли себе поступать вопреки законоположениям уставы. Распоряжения правительства — это только восстановление того, что давала практика реформы. Нового они ничего не вносили [110].

В таком виде представляется отношение правительства к ходатайствам церкви. Нового здесь нет. Внимательное отношение к просьбам населения — черта весьма характерная для деятельности литовско-русского правительства в эпоху осуществления грандиозной аграрной реформы.

Подведем итоги. Аграрная реформа Сигизмунда-Августа существенно задевала экономическое положение христианской церкви. С реформой отменялась церковная десятина, и на церковь отводилось некоторое количество волок. Дополнительные церковные доходы были сохранены за церковью и после реформы. Церковные земли, наравне с другими, приписывались к господарским дворам; при этом собственники их получали отмену, не всегда «ровную и слушную». Католические церкви с производством реформы были обеспечены землей лучше православных. Установление платов в восточных волостях не изменило материального положения церкви, так как она лишалась только тех земель, которыми владела без всяких оправдательных документов. В связи с реформой церкви приходилось обращаться к господарю с различными ходатайствами, отношение к которым со стороны господаря было всегда доброжелательным.

[110] Там же, КЗ XLI, л. 135; XXXVII, л. 264.

Часть IV

АГРАРНАЯ РЕФОРМА И ЛИТОВСКО-РУССКОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО

XIV. АГРАРНАЯ РЕФОРМА И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРАВИТЕЛЬСТВА

Общая характеристика административно-хозяйственной деятельности правительства. Административные распоряжения. Финансовая политика. Земельные раздачи. Ревизии дворов. Итоги.

Аграрная реформа Сигизмунда-Августа оказала большое влияние на административно-хозяйственную деятельность литовско-русского правительства. Задуманная реформа местами производилась очень быстро. Господарские ревизоры часто нарушали права населения, и правительству приходилось постоянно разбираться в этих жалобах и вносить существенные поправки в распоряжения администрации. Благодаря такому отношению к жалобам населения правительство в значительной степени успокоило население и заставило его относиться к реформе без особенного раздражения. Шляхетское недовольство, столь определенное вначале, постепенно улеглось. Этому способствовала не только твердая политика самого правительства, но и его отношение к просьбам шляхты, в связи с чем последняя могла быть уверенной в том, что ее законные интересы не пострадают. Не следует забывать, что реформа совпала с серьезными осложнениями во внешней политике: правительство вело войну с Москвою и в то же время заботливо принимало меры для заключения унии с Польшей. Удовлетворяя челобития широких слоев шляхты (а последняя, главным образом, и страдала от реформы), правительство не вносило раздражения в ее среду, не превращала ее в антагониста по вопросу о литовско-польских отношениях. Желание иметь шляхту на своей стороне заставляло правительство иногда удовлетворять челобития, по существу совершенно незаконные. Вообще влияние шляхты на деятельность правительства было весьма

значительное. Правительство, дав шляхте отпор в ее стремлении затормозить ход реформы, во многих других отношениях вынуждено было внешними обстоятельствами пойти навстречу ее желаниям и тем самым нарушить стройно задуманную реформу, что существенно задело интересы господарского скарба.

Осуществление реформы производилось при непосредственном участии правительства. Некоторые недоразумения и спорные вопросы разрешал справца дворов господарских пан Фальчевский, но все же он не мог разрешить ряда вопросов, в особенности, если они касались земельных споров и земельных отношений.

Во время производства реформы последние давали себя чувствовать на каждом шагу, именно вследствие некоторой неустойчивости права землевладения и неопределенности состояния некоторых общественных групп, положение которых произвольно изменялось ревизорами, и земельные наделы которых конфисковывались, вызывая со стороны пострадавших законное недовольство. И земельные споры, и юридическое положение отдельных общественных групп внимательно рассматривались правительством. Можно сказать, что последнее было прямо ими перегружено. Этой перегруженности не было бы, если бы господарские ревизоры менее формально отнеслись к своему делу. Обилие господарских ответов на ходатайства разных общественных групп является прекрасным показателем перегруженности канцелярии, чего, при соблюдении ряда условий, было бы вполне возможно избежать. Конечно, в таких действиях ревизоров отчасти сказалось отсутствие административной самостоятельности, а это обстоятельство было следствием желания правительства держать в своих руках все нити административно-хозяйственной жизни страны.

Этой своеобразной бюрократической рутины не учитывало правительство, приступая к реформе. Еще одно обстоятельство заставляло правительство принимать самое деятельное участие в осуществлении задуманной реформы — это свойства уставы. По своему характеру устава содержит правила, довольно определенно регулирующие деятельность должностных лиц. Район ее действия охватывал всю территорию, на которой было задумано осуществление реформы. Но в этом и заключался основной недостаток уставы. Устава — чисто теоретический трактат. Отражая в себе господствующие экономические идеи, она является попыткой применения их на практике, но в то же время устава не хочет знать того разнообразия местных условий, среди которых развивалось господарское хозяйство и под влиянием которых приходилось вводить задуманную реформу.

Неудивительно, что ревизоры часто бывали поставлены в затруднительное положение, единственным выходом из кото-

рого было обращение к господарю за соответствующим разъяснением и дополнением. Конечно, и это обстоятельство не могло не тормозить хода реформы и скорейшего ее осуществления. Сравнительная ее медленность объясняется не только грандиозностью реформы, но и отсутствием инициативы у ее деятелей, заставлявшее их постоянно, во всех спорных случаях, обращаться к господарю за соответствующим разъяснением и дополнением. Все эти условия вполне объясняют позицию правительства, занятую им во время реформы.

Правительство все нити реформы держало в своих руках. Ревизоры же являлись только механическими исполнителями его планов. Без сомнения, в большинстве случаев эти деятели оказывались на высоте положения. Они выполнили с честью большую и трудную работу, но все-таки творческой инициативы, самостоятельности, столь необходимой при осуществлении реформы, было незаметно. Во всем чувствовалась сильная рука и опека центрального правительства во главе с самим Сигизмундом-Августом, инициатором и вдохновителем реформы.

Хозяйственно-административная деятельность литовско-русского правительства в эпоху реформы отличалась поразительным разнообразием, и в то же время в ней не было никакой системы, никакого плана. Она служила только для удовлетворения потребностей минуты, очень живо откликалась на ежедневно возникавшие нужды, одновременно обнаруживая удивительную умелость и способность приспособляться к текущим обстоятельствам. Канцелярия господаря работала как никогда, спеша выполнить господарские требования и распоряжения. Но в такой лихорадочной деятельности, лишенной системы и плана, заключался один, и притом весьма существенный, недостаток. Правительство совершенно не думало о том, в каком отношении изданные хозяйственные распоряжения находятся к грандиозно задуманной аграрной реформе, и не расстроит ли все задуманные планы такого рода беспорядочная деятельность. Впрочем, такую лихорадочную административную деятельность, не всегда находившуюся в соответствии с аграрными планами, приходится объяснять тем внешним и внутренним положением, в котором находилось Литовско-Русское государство.

Правительство осуществляло реформу, результаты которой могли сказаться только в будущем, а жизнь ставила на очередь вопросы, требовавшие разрешения, и правительству приходилось решать их старыми средствами и приемами, заранее подрывавшими итоги той реформы, которая уже производилась самим правительством. Приступив к реформе крестьянского землепользования, правительство задумало осуществить ее

в обеих частях государства, придерживаясь при этом известной системы. Измеряя западные волости на волоки, правительство в восточных частях решило установить «платы и повинности» и тем самым прекратить постоянные пререкания администрации с подданными. Казалось, нужно было идти по этому пути. Но пока реформа налаживалась и производилась только местами, частично, правительству пришлось разобраться в жалобах, поданных мещанами и людьми Чечерской волости. Жалоба, несомненно, имела полное основание. Державцы сильно отягощали население, вводили «новизны», нарушали старину. Естественным ответом на челобитие людей Чечерской волости была бы посылка ревизоров и установление платов. Но в 1554 г., очевидно, еще не все было обдумано относительно установления платов в восточных областях, и правительство было вынуждено издать уставу, которая, точно определив все отношения к скарбу и державце, закрепила ту старину, с которой должна была вступить в борьбу предположенная аграрная реформа. Закрепление господарским листом старины делало более устойчивым положение волостного населения в финансовых отношениях, но, с другой стороны, осложняло будущую аграрную политику, которая должна была радикально изменить закрепленную старину и построить все финансовые отношения на совершенно иных основаниях [1]. Несомненно, при осуществлении реформы должна была произойти новая коллизия между подданными и правительством. Этого, кажется, правительство совсем не учитывало. Отстаивая крестьянскую старину, правительство в то же время следило за тем, чтобы не нарушались и интересы частных владельцев, так как правительство не думало о выкупе прав последних на доходы с господарских держав и волостей. Когда выяснилось, что мозырские люди почему-то не платят медовой дани, которую раньше с них получал киевский воевода пан Григорий Ходкевич, то правительство немедленно удовлетворило требования Ходкевича, послав мозырскому старосте предписание платить впредь Ходкевичу следуемую ему медовую дань [2]. Защищая интересы собственников даже в том случае, когда они задевали интересы скарба, правительство стояло на страже интересов и господарского крестьянства, попавшего во временное владение частных лиц. При отдаче господарских имений во временное владение частным лицам, в особенности при отдаче имений в заставу, правительство всегда подчеркивало необходимость сохранения прежнего податного положения сельского населения.

Лицо, получавшее имение в заставу, получало его «со всим

---

[1] ЦГАДА, ЛМ, КЗ XXXVII, лл. 101—102.
[2] Там же, л. 159.

тым, што к нему прилегло». С этого момента, согласно условию с правительством, частные владельцы имеют право собирать пожитки и доходы «водле реестров ревизорских» «и инших платов не прибавляти» [3]. На деле же часто держатели имений не выполняли требований заставной сделки и злоупотребляли своими правами. Надо полагать, что нарушение сделки было не в интересах правительства, которое в будущем должно было получить имение обратно. По всей вероятности, если до правительства доходили какие-либо слухи о возможных злоупотреблениях в этой области, то своим вмешательством оно клало предел таким возможностям. Когда правительство узнало, что воевода полоцкий пан Станислав Довойна чинил немало неприятностей путным людям волостей «Куриловского и Задорожского стану», находившимся у него в заставе, то Сигизмунд II разрешил им уйти от воеводы со всем их имуществом [4]. К сожалению, остается неизвестным, как правительство поступало в других случаях с открывавшимися злоупотреблениями, а таких злоупотреблений было, по всей вероятности, немало. Проверка их была очень затруднительна, так как обыкновенно в заставном листе правительство давало обещание не посылать ревизоров в отданные в заставу волости. Если же ревизоры, ввиду общих хозяйственных соображений, оказались бы посланными, то они не могут «судити и там справовати» [5]. Благодаря таким условиям население заставного имения уходило из сферы влияния и контроля правительства. Правда, у населения оставалась возможность подачи господарю соответствующих жалоб, но источники не сохранили их следов. Но если бы даже жалобы и подавались,— едва ли что-нибудь выходило из них: ведь держателями в заставе господарских имений были обыкновенно крупные магнаты, лица, имевшие вес и значение, и ссориться с ними, очевидно, не входило в расчеты правительства. Может быть, вследствие этого документы и не сохранили челобитий подданных с жалобами на держателей имений, так как правительство оставляло такие просьбы без внимания.

Аграрная реформа, несомненно, внесла значительное расстройство в крестьянское хозяйство. Население не сразу перешло к новым формам хозяйства и в переходное время нуждалось в полном спокойствии и освобождении от разных платежей. Между тем государство нуждалось в деньгах. Неоднократно собиралась на военные нужды серебщина, которую население не всегда было в состоянии уплатить, правительство же неукоснительно собирало ее с населения и этим самым подрывало

---

[3] ЦГАДА, ЛМ, КЗ XXXVII, лл. 402, 378, 413; XLIV, лл. 7, 12, 19, 59.
[4] Там же, л. 207.
[5] Там же, КЗ XLV, лл. 90—91.

свою хозяйственную политику. Так, все население Шовленской волости не заплатило серебщины, установленной в 1563 г. на три года, за два первых года. Несомненно существовали какие-то условия, мешавшие уплате серебщины. Однако правительство не занялось их расследованием, а распорядилось «без омешканья» собрать серебщину за 1565 г. и прошлые года и представить ее в распоряжение уряда. Помимо этого, население было обязано с каждых 20 волок выставить «двух человек и воз с двумя клячами» и снабдить их припасами. Конечно, такое распоряжение вызвано исключительно военными событиями, но едва ли оно могло содействовать укреплению хозяйственной самостоятельности подданного[6]. Такая настойчивая финансовая политика проводилась только по отношению к внутренним областям, не страдавшим от неприятельского нашествия. Если же обращалось с просьбой об освобождении от платов население пограничных местностей, пострадавших от неприятеля, то посылалось специальное лицо, которое на месте должно было убедиться в степени разоренности; и если бы обнаружилось, что кто-нибудь из населения оказался не в состоянии заплатить, то его освобождали от платов. Все остальные должны были давать плат «до скарбу господарского», ничего при этом не утаивая. Зато население освобождалось от платежа серебщины за 1561—1565 гг. Такое распоряжение было принято по отношению к Пропойской волости. Вероятно, такие административные распоряжения делались и в других аналогичных случаях[7]. Ненормальность такой финансовой политики признавалась, вероятно, и самим правительством. Недаром последнее, желая объяснить мотивы неукоснительного собирачия серебщины, ссылалось на «пильные потребы государства», ради которых приходилось игнорировать и благосостояние крестьянской массы. Все эти хозяйственные распоряжения не имели непосредственного прямого отношения к реформе, но связь с нею чувствовалась. Производя волочное измерение, ревизоры должны были устраивать «корчмы и стодолы» в интересах увеличения доходов скарба, но в то же время, выдавая огромное количество листов на право открытия корчем и стодол «на собственном грунте», правительство подрывало свои собственные корчмы. Правда, частновладельческие корчмы могли быть открываемы только в том случае, если они не служили «переказой» господарским и местским корчмам. На деле же упоминание об этом являлось стереотипной фразой, так как, если не было прямой «переказы», то отдаленная во всяком случае была. Благодаря этому разрешение на открытие частновладельческой корчмы в

---

[6] ЦГАДА, ЛМ, КЗ XLV, лл. 89, 90.

[7] Там же, л. 63.

той или другой местности не могло не отразиться на доходах господарской корчмы. К тому же, довольно часто господарь, давая разрешение на открытие корчмы, оставлял «капщизну» в распоряжении собственника корчмы [8]. При нормальном осуществлении реформы едва ли литовско-русское правительство было бы так внимательно к такого рода просьбам, но, принимая во внимание серьезные внешние осложнения и внутренние затруднения, правительство, разумеется, иначе не могло поступить, хотя бы невыгодность распоряжения по отношению к господарскому хозяйству была очевидна.

Аграрная реформа не вполне оправдала финансовые расчеты правительства, и в этом всецело оказалась виноватой провинциальная администрация, не особенно заботившаяся о правильной отчетности перед господарским скарбом. Такие действия провинциальной администрации нельзя считать исключением. Это, скорее, система. Когда правительство приступало к реформе, им не предусматривалась возможность систематических злоупотреблений, а между тем жизнь блестяще разрушила теоретические планы правительства, внося беспорядок в поступление податей в господарский скарб. Злоупотребляли своим положением и не отправляли денег в господарский скарб, вероятно, почти все администраторы как крупные, так и мелкие, словно они чувствовали свою силу. Правительство, стоявшее перед фактом войны, прилагавшее все усилия к заключению польско-литовской унии, должно было смотреть сквозь пальцы на все эти злоупотребления, боясь принять против них какие бы то ни было меры. Насколько были значительны и систематичны эти злоупотребления, могут показать следующие примеры, в изобилии встречающиеся в документах. Федор Вашкевич и Юрий Лукашевич не отдали в господарский скарб «некоторые злишки», которые должны были быть собраны с Кнышинской волости [9]. Ковенский державца пан Григорий Ходкевич, фигура весьма видная в политической жизни государства, не доплатил многих сумм в течение 1552—1554 гг., и эти недоимки-злоупотребления нисколько не помешали Григорию Ходкевичу получить ответственную и доходную должность киевского старосты [10]. Тиун виленский, державца ушпольский и пенянский имел привычку систематически задерживать поступления в господарский скарб. Эта привычка была усвоена им еще до реформы. По данным господарского скарба с 1546 по 1555 г. за ним числились недоимки, и притом довольно значительные. Он не давал отчета в деньгах, специально

[8] ЦГАДА, ЛМ, КЗ XLIII, лл. 15, 35, 36, 37, 38 и др.
[9] Там же, КЗ XXXVII, л. 104.
[10] Там же, л. 113.

предназначенных для покупки дров, не давал отчета в количестве оставшегося хлеба на господарских дворах и при этом не выставлял решительно никаких мотивов, которые в известном смысле могли бы оправдать столь недобросовестное отношение державцы к господарскому скарбу [11]. Господарский маршалок староста минский недоплатил в господарский скарб 150 грошей, которые должны были поступить с ряда волостей [12]. Несмотря на многочисленные злоупотребления должностных лиц, совершенно не видно, чтобы правительство принимало какие-либо меры для борьбы с ними. Естественно, что при таком отношении к ним правительства, едва ли эти правонарушения могли прекратиться. Предупредительные статьи уставы оказывались на деле не имеющими никакого решительно значения. И в самом деле, разве возможно было заставить какого-нибудь державцу быть исправным в своей отчетности по отношению к скарбу, когда виновные ничего не теряли. Так, правительство сначала удержало деньги, следовавшие с кнышинских волок Федору Вашкевичу и Юрию Лукашевичу, но ненадолго. Правительство отдало пану Фальчевскому распоряжение как кнышинскому старосте, заплатить им «водлуг ощацования ревизоров наших за каждую волоку» [13]. Ковенский державца Григорий Ходкевич получил воеводство Киевское, и, чтобы он скорее отправился на место, ему были прощены все недочеты и, кроме того, была дана Кормяловская держава, с которой доходы, поступавшие раньше в господарский скарб «с двора, места и волости Кормяловской», поступали в его распоряжение, словом — все доходы, в которых державца был обязан отчитываться перед скарбом [14]. Конечно, и Григорию Тышкевичу был прощен его долг в 150 грошей. Господарский маршалок был слишком видной фигурой, чтобы к нему могли быть предъявлены какие-либо требования со стороны скарба [15]. Только за неаккуратную финансовую отчетность виленского тиуна пострадали мужья его дочерей, на которых была возложена ответственность за уплату всех недоимок. Но такое решение скоро было смягчено. Зятья виленского тиуна обратились к господарю с просьбой о прощении. Господарь нашел возможным исполнить их просьбу только частично. По возвращении в Вильну они были обязаны заплатить 200 коп грошей [16]. Однако остается неизвестным, была ли заплачена эта сумма. Может быть, ими подано было второе челобитие, и долг был прощен. Если даже допустить, что с те-

---

[11] ЦГАДА, ЛМ, КЗ XXXVII, л. 116.
[12] Там же, л. 137.
[13] Там же, л. 104.
[14] Там же, л. 113.
[15] Там же, л. 134.
[16] Там же, л. 116.

чением времени такие недочеты становились меньшими, благодаря лучше организованному контролю и системе ревизии, тем не менее, все же следует помнить, что недобросовестность провинциальных администраторов и непротивление ей со стороны литовско-русского правительства не могли не нанести значительного ущерба господарскому скарбу.

И в другом отношении жизнь разбила теоретические предположения уставы. Подготавливая проект реформы, правительство было весьма заинтересовано в своевременном представлении денег в господарский скарб. В интересах контроля правительство строго держалось принципа единства кассы. Все доходы поступают в господарский скарб, оттуда выдаются деньги на различные расходы. Но единство кассы оказалось возможным выполнить только в теории. Жизнь разрушила и это, чисто теоретическое, предположение. Передача денег в скарб, хотя бы в известные сроки, требовала немало времени. Отпуск денег из скарба на те или иные нужды, естественно, тем самым сильно замедлялся. Обстоятельства военного времени требовали часто скорейшего удовлетворения этих нужд. Вследствие этого, правительство предпочитало, не дожидаясь поступлений в скарб, производить ассигновки, поручая выдавать деньги и припасы провинциальным управителям, которые, в свою очередь, должны были представлять в скарб «квиты», по которым они и отчитывались перед подскарбием земским. Такое нарушение принципа единства кассы следует признать довольно систематическим. Впрочем, оно производилось преимущественно до конца 1550 г., после которого таких нарушений почти не встречается.

Провинциальные державцы выдавали отдельным шляхтичам по распоряжению господаря «платы» из местных доходов в качестве награды. Это было пожизненным пожалованием, но только не землями, а доходами, а такие пожалования были довольно распространенным явлением. Так, староста браславский пан Станислав Петрович Кишка получил разрешение брать «с платов пеняжных» 200 коп грошей и овса чиншового «двести бочок». В его же распоряжение поступала и стация, до сих пор шедшая на господаря. Державца получил от господаря специальный лист на пожалование этими доходами, а подскарбию земскому было сообщено о состоявшемся распоряжении, чтобы он имел его в виду при учете доходов, представленных старостой [17]. Киевскому воеводе Григорию Ходкевичу были пожалованы все «цинши голые, так и вси поплатки, што з волок подданые дають» [18]. Виленскому городничему державце

[17] ЦГАДА, ЛМ, КЗ XXXVII, л. 58.
[18] Там же, л. 113.

Волькиницкому было поручено ежегодно «до живота» выдавать служебнику Яну Конарскому 20 бочек жита [19]. Дорогичинский подчаший Ян Кишка получил «для выхованья» право собирать все платы и доходы, поступавшие в господарский скарб с сел Стадники и Шипна [20].

Конюший дворный державца гераноинский и трабский пан Ярош Корицкий получил право брать в свою пользу с двора «Ремизова гумно всякого ужатья и вси цынши и иные пожитки и то, кольвек оттоли с фольварку и з волости до скарбу нашого приходити», за исключением дякольного овса и дякольного сена, которые оставались для нужд господарской конюшни. Наконец, ему было дано еще 100 коп грошей из числа доходов, поступавших в господарский скарб со всей Гераноинской и Трабской держав [21]. И державца жосленский получил также все доходы с державы, кроме «дякольнаго сена», оставленного для господарских коней [22].

Все эти пожалования носили пожизненный характер. Но такого рода милости могли раздаваться и на неопределенное время. Марковский и мядельский державца получил в свое пользование «до иншей науки» «с десятой волоки сено и овес дякольный» [23].

Из местных же доходов выдавались державцами деньги для потребностей аграрной реформы. Так, ревизор Лаврин Война получил «на выхованье мерников» 70 коп жита с держав Лапеньской, Перстуньской и Пержиницкой, которые писари скарбые должны были учесть «при личбе в скарбе» [24].

Сплошь и рядом такие пожалования вызывались военными нуждами, необходимостью держать край в оборонительном положении. Пан Богдан Васильевич Соломирецкий получил в держание замок Рогачев «со всим, што к тому замку прислухаеть и на врад его надлежить». Но чтобы оборона Украины находилась в лучшем состоянии, ему было дано «100 коп грошей, половицу дани медовой, што кольвек до ключа нашого приходит, а особливе жита и всякого збожья з волости тамошней и половицу с фольварков». Это пожалованье носило временный характер «до воли и ласки господарской» [25]. Ради той же цели было дано Ивану Соломирецкому, мстиславскому державце, «200 коп грошей, половицу дани медовое, а особливо половицу жита и всякого збожья с фольварков тамошних» [26]. По-

[19] ЦГАДА, ЛМ, КЗ XXXVII, л. 132.
[20] Там же, л. 166.
[21] Там же, л. 189.
[22] Там же.
[23] Там же, л. 221.
[24] Там же, л. 226.
[25] Там же, л. 287.
[26] Там же, л. 288.

жалование тоже носило условный характер. По всей вероятности, теми же военными соображениями было вызвано распоряжение выдавать князю К. Острожскому «дань медовую и тивунщину великую и малую, што кольвек до ключа нашого шло завжды кождого года с волости Мозырской и Бучицкой» [27]. Вероятно, это пожалование носило бессрочный характер, ибо в нем нет никаких указаний на условность распоряжения. По тем же соображениям киевский державца был обязан отослать князю К. Острожскому «600 бочок овса з гумен ковельских» [28].

Благодаря условиям военного времени иногда особым распоряжением доходы целой волости оставались на месте и поступали в распоряжение лица, которому была вверена оборона границ. В распоряжение жмудского старосты Яна Ходкевича были отданы все доходы и платы чиншевые, которые должны были поступить в господарский скарб за 1566 г. Ходкевич выдает тиунам квитанции, а тиуны отчитываются ими перед земским подскарбием [29]. Тиуны, с своей стороны, получили особый уведомительный лист с указанием требовать от Ходкевича квитанции для представления отчетности в скарб [30].

Военные обстоятельства вызвали также нарушение единства кассы и в другом отношении. Когда Ливонская война сосредоточилась на территории Полоцкой земли, правительство было озабочено приведением последней в состояние обороны. Подскарбию земскому было отдано распоряжение выдать деньги, «абы везде замъки наши украинные от непрыятеля нашого опатроны были». Если же денег не было в кассе, то центральным правительством выдавалась квитанция, которая представлялась «господаревым поборцам», а они уже должны были выдать соответствующую сумму [31]. Конечно, такое распоряжение было вызвано отсутствием в кассе металлической наличности и условиями военного времени, неблагоприятно складывавшимися для Литовско-Русского государства.

Все эти финансовые распоряжения правительства нельзя считать случайными. Наоборот, это целая система, вызванная разными обстоятельствами, система, сильно затруднявшая ведение отчетности по поступлениям в господарский скарб и не позволявшая в то же время учесть наличность поступлений, ибо все эти пожалования, все эти сепаратные распоряжения вносили немало сумятицы в финансовое хозяйство страны. Аграрная реформа Сигизмунда-Августа была построена на принципе единого и уравнительного поземельного налога. Но

---

[27] ЦГАДА, ЛМ, КЗ XXXVII, л. 310.
[28] Там же, л. 312.
[29] Там же, КЗ XLVII, л. 48.
[30] Там же, л. 49.
[31] Там же, XLVII, л. 42.

единый налог мог собираться правительством с населения только в условиях самых благоприятных. Если условия складывались неблагоприятно — либо под влиянием военных действий и, как следствия их, полного разорения, либо под влиянием естественных стихийных бедствий — правительство было принуждено идти навстречу желаниям населения и давать ему льготу в платеже податей. Эти финансовые иммунитеты не были предусмотрены деятелями реформы, и , конечно, они не могли не задеть существенным образом интересов господарского скарба. Поэтому реформа не могла сразу дать того, чего от нее ждали. Правительство не получало в свое распоряжение сразу той суммы денег, в которой оно постоянно нуждалось.

По всей вероятности, когда кончался срок льготы, и население было обязано выплачивать пенязи «водлуг реестру», то об этом особыми распоряжениями осведомлялась местная администрация. При производстве реформы население Жмудской земли получило временно льготу в платеже чинша. Но льготный срок был весьма краток. Правительство уже в 1559 г. спешит уведомить жмудских тиунов, чтобы они в настоящем 1559 г. не давали льготы в 35 грошей с каждой волоки. Требование правительства не было ничем мотивировано. Было сказано, что они еще получат соответствующую науку от жмудского старосты, в которой, весьма вероятно, будут объяснены и мотивы данного распоряжения [32].

Осуществление аграрной реформы существенно задевало интересы провинциальной администрации. Правительство это учитывало и своими финансовыми распоряжениями своевременно пыталось улучшить ее материальное положение. С производством реформы в Жмудском старостве, по официальному признанию, ряд тиунских повинностей был сложен с населения. Конечно, это задевало материальное положение тиунов. Правительство, желая «опатренье тивунам нашим уделати, и тым хтившим учинити их ку выполненью уставы волочное и размноженью государства и пожитков наших», решило временно во всех волостях, где реформа была уже осуществлена, отдать в их пользование «пеняжный плат с десятое волоки», но население никоим образом больше не должно давать тиунам те пожитки, которые раньше, до реформы, оно давало [33]. Это господарское распоряжение действовало на территории Ужвентской волости. Но оно не было обязательно для других волостей Жмуди. В Упитской волости местный державца получал сначала денежный плат с каждой двадцатой волоки и все повинности, которые поданные должны были вносить в господарский скарб. Немного спустя, благодаря ходатайству

[32] ЦГАДА, ЛМ, КЗ XXXVII, л. 269.
[33] Там же, л. 330.

виленского воеводы князя Николая Радивилла, державце князю Ивану Крошинскому было разрешено пользоваться всеми доходами с каждой пятнадцатой волоки[34]. Такие распоряжения, видимо, носили сепаратный характер и объяснялись разными причинами: челобитием самого тиуна, ходатайством какого-нибудь знатного лица. По всей вероятности, теми же соображениями вызвано разрешение марковскому и мядельскому державце пану Нарушевичу брать в свою пользу сено и дякольный овес с каждой десятой волоки[35]. Однако такого рода распоряжения вносили большую путаницу в финансовое хозяйство государства и разрушали то единство кассы, к которому стремилась реформа.

Аграрная реформа по своему первоначальному плану должна была радикально изменить земельную политику правительства. Проверка прав на землю должна была определить тот государственный фонд, которым правительство могло распоряжаться для своих нужд. Хозяйственные мероприятия правительства могли дать ему средства, вполне достаточные для удовлетворения разных государственных нужд, а это в корне изменило бы земельную политику правительства. Конечно, все это бы и случилось, если бы реформа осуществлялась в спокойное для литовско-русского правительства время, если бы правительство могло спокойно ожидать ближайших финансовых результатов реформы. Но жизнь во многом изменила планы правительства. Реформа производилась при весьма неблагоприятных для Литвы условиях.

Правительство очень нуждалось в деньгах; их не было для удовлетворения необходимейших потребностей. Правительство, дорожившее земельным фондом, было принуждено его растрачивать благодаря раздаче населенных земель классу землевладельцев. Вследствие этого немало волок ушло почти навсегда из правительственных рук, и, конечно, это обстоятельство не могло не перепутать всех финансовых планов и расчетов правительства. По всей вероятности, правительство само сознавало всю неразумность хищнического расходования земельного фонда, но другого выхода у него не было. Не располагая достаточным количеством денег, правительство было вынуждено выдавать награды землей и обеспечивать военные руки землей же, ибо, в противном случае, государство могло остаться без служилого ополчения, а нанятого войска было, разумеется, мало для успешной борьбы с наступавшими московскими войсками, разорявшими к тому же пограничное землевладение, которое приходилось вознаграждать пожалованием земель в местностях, не тронутых войной, т. е. в областях,

[34] ЦГАДА, ЛМ, КЗ XLV, л. 34.
[35] Там же, КЗ XXXVII, л. 221.

где была осуществлена аграрная реформа. Удовлетворяя просьбы о пожаловании и щедро наделяя шляхту землями, правительство разоряло самое себя, но другого выхода ему не представлялось. И в другом отношении, эта раздача земель имела большое значение для правительства. Она ослабляла его позицию, занятую по отношению к служилому землевладению во время производства аграрной реформы. Передавая в руки шляхты огромное количество земель, которые в будущем только с известными ограничениями могли попасть в руки правительства, последнее значительно ослабляло себя и во многом содействовало шляхетизации Литовско-Русского государства. Не следует забывать, что обильная раздача земель незаметно связывала крепкими нитями правительство и шляхту, заставляя последнюю весьма сочувственно относиться к планам литовско-польской унии. Особенно были заинтересованы те из шляхтичей, которые получили государственные земли условно. Осуществление литовско-польской унии давало им полное основание быть уверенными в том, что условное землевладение превратится в вечное, наследственное. Нам кажется, этого обстоятельства и этого настроения нельзя не учитывать, когда речь идет о заключении Люблинской унии и об отношении к ней литовско-русской шляхты.

Принужденное стать на путь раздачи земель, правительство должно было обратиться к тому земельному фонду, где уже была осуществлена реформа. Это было вызвано двумя обстоятельствами. С одной стороны, эти области не были разорены войной. Население занималось производительным трудом и являлось исправным плательщиком государственных повинностей. С другой стороны, отдавая тому или другому шляхтичу то или другое количество волок, правительство могло более точно учесть размеры своего дара, благодаря определенности размеров доходов, поступивших в господарский скарб с волок. Конечно, шляхта должна была всячески домогаться получения волок, ибо она сразу получала уже налаженное хозяйство с точно фиксированными податями и повинностями, и ей не приходилось тратить средства на приведение земельного участка в состояние, годное для хозяйства.

Для характеристики земельной политики правительства следует отметить, что субъектами пожалований были большею частью шляхетские элементы «низшого стану». Шляхетская аристократия выступает только совершенно случайно, да это ей и не нужно было. Она по-своему учла затруднительное положение правительства и, как увидим ниже, извлекала из него для себя немалую выгоду, которой не могла извлечь мелкая шляхта, лишенная свободных средств. Правительство, вынужденное стать на скользкий путь раздачи земельного фонда,

только что определенного, не внесло в свою политику никаких оригинальных черт в сравнении с предыдущим временем. И, конечно, в такую тяжелую минуту правительству было не до творчества и оригинальности. Приходилось торопиться с удовлетворением земельного голода шляхты и удовлетворять его старыми и испытанными приемами.

Господарские земли обыкновенно жаловались господарем как верховным распорядителем того земельного фонда, которым располагало государство. Но случалось, что и крупные администраторы раздавали земли, хотя такая раздача носила условный характер и нуждалась в господарском подтверждении. Впрочем, это была пустая формальность, так как распоряжения такого рода, сделанные видными политическими фигурами, были в сущности обязательны для правительства. Раздавал земли — волоки жмудский староста, как представитель всей Жмудской земли[36]. Иногда волоки жалуются, благодаря ходатайству перед господарем какого-нибудь видного политического деятеля, просьба которого была обязательна для господаря[37]. Наконец, раздавали земли, под условием службы, если только эти земли не приносили никаких доходов господарскому скарбу[38]. Но большая часть пожалований произведена в виде прямого господарского распоряжения на имя того или другого должностного лица — старосты, державцы, ревизора[39]. По всей вероятности, такого рода распоряжения являлись ответом на частные челобития просителей[40]. Раздавая земли — волоки, правительство обыкновенно мотивировало причину, вследствие которой оно нашло возможным дать тому или другому лицу большее или меньшее количество волок. Это зависело от разных условий: положения, имени просителя, его заслуг и службы перед государством. Все это учитывалось правительством, когда приходилось производить земельное награждение. Немалая часть господарских пожалований является наградой за прежнюю службу и поощрением для будущей. Господарь жаловал земли-волоки «для верных и цнотливых служб», «за верные и пильные службы», «з ласки господарской», «за службу и земскую годность», «дознавши есьмо верных и пожитотчных заслуг», «разоренья и ран», «для послуг»[41]... Особенно многочисленны были пожалования из-за разорения и военных действий. Все эти пожалования давались на различных условиях. Большею частью они носили временный,

[36] ЦГАДА, ЛМ, КЗ XXXVIII, л. 400.
[37] Там же, лл. 402—403; XXXVII, л. 234.
[38] Там же. КЗ XXXVII, л. 266.
[39] Там же, л. 321.
[40] Там же, л. 173: XXXVIII, л. 403.
[41] Там же, КЗ XXXVII, л. 402; XXXVIII, лл. 412, 432; КЗ XLI, лл. 83, 112, 604.

условный характер. Лица, получившие волоки как награду за службу, владели ими большею частью пожизненно. Раздавались земли и волоки при Сигизмунде-Августе и его преемниках на так называемом «ленном праве»[42], «на хлебокормленье»[43]. Большею частью такие земли раздавались лицам, пострадавшим от неприятельского нашествия. Обыкновенно такие земли давались «до воли и ласки господарской»[44], «до очищения отчизных сельцов»[45]. «Хлебокормленья», в которых нет указаний на прочность владения, следует считать пожизненным держанием[46]. Волоки и земли на хлебокормление раздавались преимущественно шляхте местностей, затронутых войной: Полоцкой земле, Могилевской волости, Свислочской волости. Отдавались земли и в вечное владение, причем вечными делались не только пожалования знатным лицам, но и сравнительно мелкие пожалования[47]. Вообще следует отметить стремление получивших земли или волоки на условном праве превратить их в вечное, наследственное владение. Все эти пожалования, сколько бы их не было и каковы бы они не были по своим размерам, вызваны государственными соображениями, так как вследствие финансового положения государства у господаря не было средств вознаградить всех этих лиц по-иному.

Параллельно этому правительство раздавало земли для округления частновладельческих земель. Такие пожалования всегда были незначительного размера и были вызваны необходимостью поставить частновладельческое хозяйство в надлежащие экономические условия. Раздавая такие волоки, правительство в то же время было очень озабочено тем, чтобы от подобной раздачи не пострадали интересы господарского хозяйства. Поэтому просители должны были в своем челобитии указать, что просимые волоки лежат вне главных волок и, следовательно, отдача их в частное владение не может нанести ущерба господарскому хозяйству. Земли, отдаваемые господарем для «поравнения» частновладельческих земель, могли даваться на вечность, и такого рода пожалования наиболее характерны для правительственной политики Сигизмунда II[48]. Но иногда волоки приписывались к владениям частного лица как «прилеглые» к его именью, но владелец именья обязан был вносить в господарский скарб платы, определенные в привилее на эти земли[49]. Когда правительство отдавало в частное владение це-

---

[42] ЦГАДА, ЛМ, л. 412.
[43] Там же, КЗ LXXII, л. 159.
[44] Там же, КЗ XXXVIII, л. 443.
[45] Там же, КЗ L, л. 43.
[46] Там же, л. 34.
[47] Там же, КЗ XLI, л. 83; КЗ XXXVIII, л. 33; КЗ XLIV, л. 44.
[48] Там же, КЗ XXXVII, л. 151, 320.
[49] Там же, л. 385.

лые села со всеми угодьями, то большею частью это были вполне самостоятельные экономические единицы и выделить их из общего количества господарских земель так, чтобы от этого не пострадали хозяйственные интересы остальных земель, было, конечно, не трудно. Но пожалования несколькими волоками всегда ставили правительство в некоторое затруднение. Создавалось опасение, что отдача волок может как-нибудь вредно отразиться на господарском хозяйстве. Поэтому правительству приходилось в данном случае соблюдать величайшую осторожность. Челобитчики, просившие о волоках, спешили запастись свидетельством представителей местной администрации, что с просимых волок «жадного пожитку до скарба не бывало» [50], что просимые земли лежали «на стороне, а не межи кгрунтов» [51].

Если правительство не имело сведений относительно местоположения просимых волок, то оно, обыкновенно, наводило соответствующие справки у местного державцы, «абы он достаточне выведавши, нам певную справу и ведомость о том дал» [52]. И только после получения удовлетворительного ответа правительство наделяло челобитчика волоками.

Раздача земель на тех или других условиях значительно уменьшала государственный земельный фонд и наличность денежных поступлений в господарский скарб и этим перепутывала все правительственные расчеты и планы. Земельная политика Сигизмунда-Августа в своих принципах оставалась неизменной и при преемниках последнего Ягеллона [53]. Такое энергическое расходование господарского земельного фонда в конце концов стало угрожающим и заставило правительство обратить на это особенное внимание. Видимо, этот вопрос интересовал и радных панов со всеми станами Великаго княжества Литовского. В результате забот всех станов, чтобы «скарб земский у великом князстве Литовском певными доходами был опатрон», впоследствии было опубликовано постановление, согласно которому из общего количества господарских земель выделялась особая группа имений, которые отныне никому не могли быть отданы и пожалованы. К таковым имениям принадлежали староство Городенское и держава Олитская, староство Берестейское и держава Кобринская и Каменецкая с фольварками — Речица, Воин, Милейчичи, Ломазы, Коденец, Киевец, Пружаны, Клещелевежки, Дивино и вся волость Речица Полесская, держава Могилевская и Шавленская держава в Жмуд-

---

[50] ЦГАДА, ЛМ, КЗ XXXVIII, л. 400.
[51] Там же, л. 402.
[52] Там же, л. 403.
[53] Там же, КЗ LXIII, лл. 401, 429, 451, 470.

ской земле. Дворы отходили к господарскому столу со всеми местечками, селами, волостями и лесничествами. Господарская грамота сохраняла все права тогдашних держателей держав и волостей «водлуг привильев продков их», но дальнейшая отдача имений в заставу на ленном праве или в виде замены, или на доживотном праве на будущее время прекращалась. Чтобы заставить правительство Литовского княжества держаться данного постановления, грамота признает недействительными все распоряжения, изданные в противоречии с него. Лица же, возбудившие ходатайства о пожалованиях этих имений и вступившие каким-либо образом во владение державой, рассматриваются как «кгвалтовники», противники общих интересов, лишаются держания и судятся на основании действующего права [54].

Таков финал земельной политики правительства Великого княжества Литовского во второй половине XVI в. Несомненно, это было большим ударом для господаря. Огромная масса земель выходила из сферы личного влияния господаря и поступала в заведывание правительства, которое не сумело удержать их в своих руках и постепенно растратило весь земельный фонд, передав его в распоряжение шляхетского сословия.

Фактическим руководителем всех деталей реформы был пан Петр Фальчевский, который разрешал все возникавшие вопросы, сомнения и недоразумения. Но и центральное правительство не выпускало из своих рук надзора и руководства и оставалось тем высшим органом, который окончательно разрешал все недоразумения и давал всякому делу окончательное решение. Когда ревизор Андрей Ильковский приехал для «поравненья кгрунтов» в Слонимский замок, он довольно скоро убедился, что волочная помера проведена здесь «не слушне». Не зная, как поступить в таком случае и следует ли исправлять ошибки своих предшественников, Ильковский обратился за наукой не к Фальчевскому, а к Сигизмунду-Августу, так как это был вопрос, выходящий за пределы полномочий «справцы дворов господарских». Ильковский представил на рассмотрение Сигизмунда II два вопроса: производить ли снова волочное измерение, или исправить только дефекты уже осуществленного измерения. Господарь склонился на сторону последнего предложения и постановил, что, если «где бы слушне и водле потребы помера учинена», то вторично перемерять было не нужно, так как это причинило бы излишние затруднения господарским подданным. Господарь аргументировал свое решение тем, что предложение о новом измерении сделано исключительно «для порадку померы, а не из иншое которое при-

---

[54] АЗР, т. IV, № 1.

чины». Следовательно, по мнению господаря, было ясно, чего собственно должен был держаться Ильковский[55].

При производстве волочного измерения ревизорам рекомендовалось устраивать села и местечки. И в этом вопросе ревизоры не проявляли самостоятельности: они искали у господаря санкции своих предложений и, кроме того, хотели узнать о тех льготах, которые правительство может сделать новоселам. Когда тот же Ильковский обратился к господарю с подобным вопросом, то относительно выбора местечка было предложено «намовитися» с паном старостой, если только от этого будет выгода для господарского скарба. Что же касается вольностей вновь заложенного местечка, то господарь обещал ревизору послать об этом особый лист[56]. Наконец, от господаря иногда исходила инициатива мены господарских земель на частновладельческие. Около Слонимского замка находились земли и люди пана конюшего. Господарь рекомендовал Ильковскому взять эти земли на господаря и произвести мену имениями между паном конюшим и господарем, «абы еси добре то в себе уважал и поразумел, если бы в том шкоды нам, господарю, не было». Следовательно, окончательное решение относительно мены господарской земли на частновладельческую зависело от усмотрения ревизора[57].

Когда господарь принимал окончательное решение относительно льгот новоселам, то уведомление об этом посылалось местному державце для приведения в исполнение. Льготные сроки населения были разнообразны, и сейчас трудно сказать, чем руководился господарь, определяя время льготного положения. Так, крестьяне-новоселы в пределах Любечского замка получили льготу на 12 лет[58], а население вновь заложенного местечка около Дынеборского замка освобождалось от всяких платов и повинностей только на 10 лет[59]. Местечко, заложенное в Городенском старостве — Озеры, получило льготы в платеже податей только на два года, по истечении которых, начиная с 1563 г., население будет обязано платить согласно уставе[60]. Такой незначительный срок льготы, по всей вероятности можно объяснить тем, что благодаря хозяйственному развитию Городенского староства население могло в два года устроиться на новом месте и материально укрепиться. Население же вновь заложенного местечка Варбилово, у самой прусской границы, платит только половину всех платов, положенных по уставе,

---

[55] ЦГАДА, ЛМ, КЗ XXXVII, л. 191.
[56] Там же.
[57] Там же.
[58] Там же, л. 373.
[59] Там же, КЗ XLV, л. 34.
[60] Там же, КЗ XXXVII, л. 317.

пока не заселится местечко [61]. Такое разнообразие льгот зависело, очевидно, исключительно от местных условий и обстоятельств.

От господаря исходили разного рода распоряжения хозяйственного характера, которые несколько изменяли порядок, принятый в уставе. Так, в 1565 г. господарем было издано распоряжение, касавшееся «всих врадников его королевское милости» относительно отправки к месту назначения, в Вильну, «жита, овсы и сена дякольные и теж яловицы, бараны, гуси, куры и яйца стацыйные» [62]. Такое распоряжение нарушало систему, принятую в уставе, и было вызвано особыми обстоятельствами, быть может военными делами. Господарь оставлял за собой перевод своих подданных из одного состояния в другое. Господарь выбирает из числа подданных стрельцов для лова и стрельбы по зверю [63], переводит из одной службы в другую, иногда нарушая своим вмешательством распоряжения ревизоров. Справца староства Городенского перевел пушкарей городенских, прогнал их с пушкарских волок, господарь же отменил сделанное распоряжение и порядил их для стрелецкой службы, так как в силу своей «невмелости» они не могут нести пушкарскую службу [64].

К 1569 г. аграрная реформа была фактически осуществлена. Господарские дворы и волости измерены на волоки. Реформа была проведена довольно быстро, с большим напряжением правительственного аппарата, с частичным отступлением от волочной уставы, с серьезным нарушением прав землевладельцев. Создавались на почве реформы разного рода недоразумения с постоянными жалобами: «набегали» к господарю и общественные группы, и отдельные лица. Необходимо было распутать все эти недоразумения и проверить справедливость тех или других жалоб. Это возможно было выполнить посылкой на места специальных ревизоров. Помимо этого, необходимо было проверить и состояние господарского хозяйства и исправить некоторые недочеты уже проведенной реформы. Руководясь этими соображениями, правительство Сигизмунда II и задумало грандиозную ревизию господарских дворов и замков. Приступая к задуманной ревизии, правительство особыми листами оповестило об этом своих державцев, а так же тех, «которые бы села, або якие кольвек кгрунты, пожитки держав в сумах пенезей на господаря им заведеные мели». Говоря о посылке ревизоров, правительственные листы сообщали всем заинтересованным лицам о тех задачах, которые возлагались

[61] ЦГАДА, ЛМ, КЗ XXXVII, л. 428.
[62] Там же, КЗ XLV, л. 63.
[63] Там же, КЗ XLII, лл. 3, 4, 6, 7, 8, 9, 12.
[64] Там же, л. 20.

правительством на ревизоров. Последние должны были самым детальным образом выяснить состояние господарского хозяйства, определить количество частновладельческих земель, привернутых к господарским дворам, а также размеры соответствующих отмен. Кроме того, ревизоры должны были детально ознакомиться с состоянием боярского землевладения и «выведанье достаточное вделати о кгрунте и подаванях костельных». Затем на ревизоров возлагались также и судебные функции. Они должны были разобрать все недоразумения, возникшие между подданными и господарскими урядниками и их слугами. Наконец, они могли пересмотреть вопрос о повинностях населения и сделать относительно них новое постановление «ку латвейшому выполнению». Кроме того, они же решали вопрос о недоимках за прошлые года. Чтобы интересы скарба не пострадали, ревизоры обязаны были собрать детальные сведения о состоянии сельского хозяйства, «о врожаю жита, ярин и збожья всякого и о приплодах в оборах, всяких добытков домовых и фольварков наших». Приехавшим ревизорам местные державцы или их наместники должны были по всем этим статьям дать необходимые справки, проявляя по отношению к господарским посланцам «всякое послушенство» и не препятствуя ставить на их суд «своих врадников и слуг своих». Помимо этого, всякие убытки, если таковые будут определены в пользу пострадавших, они без замедления должны выплатить. Затем державцы должны выполнить все постановления хозяйственного характера, сделанные ревизорами. Точно так же держатели заставных имений не должны были причинять «никоторое трудности» господарским посланцам. По словам господарского листа, это ничем не угрожает их правам, и господарь хочет оставить «их при моцы водле перших листов».

Определив отношения державцев и их наместников к ревизорам, господарский лист выяснил также и экономические отношения между ними и ревизорами. Во время пребывания их на ревизии, державцы должны были давать стации «з дворов и фольварков наших, албо за пенязи наши то способляючи и купуючи на выхованье их». Эти «стацеи» заключались в предоставлении в их распоряжение «мяса яловичого по чверти одной, кур по чотыри, гусей по двойгу, хлеба ржаного по два, пенежнаго по дванадцать — тергу, а для их самих хлеба пшеничного теж по два, пенежнаго по четвергу, пива пол ушатка одному, а на кони их овса бочки полторы, сена по одному возу, соломы, колко потреба». Наконец, соль, ярину, дрова и другие предметы ревизоры могут брать у державцев, которые должны представлять квитанции, «за которыми то водле сего постановленья нашого в скарбе нашом от вас принято будет»[65].

[65] ЦГАДА, ЛМ, КЗ LXII, л. 87.

Ревизорами были выбраны лица, опытные в ведении господарского хозяйства и уже зарекомендовавшие себя во время производства аграрной реформы. Так, в Троцкое воеводство — Подляшье, Городенский повет, Троцкий повет (среднее течение Немана) в качестве ревизоров были посланы ксендз Адам Пильховский и пан Матей, секретарь. Они должны были обревизовать следующие господарские дворы: Мельник, Лозиц, Бельск, Клещели, Бранск, Сараж, Тыкотин, Кнышин, Городно и его дворы, Волпы, Дубна, Квасовка, Красник, Индур, Перелома, Ожа, Перевалок, Острины, Новый Двор, Ищолны, Василишки, Радунь, Берщты, Конева, Дубачи, Ворон, Ейшишки, Лоздзи, Сейнов, Мереч, Пршелай, Довкги, Олита с дворами, Симна, Вишиц, Вильборниних Воль, Поширвента, Пуня, Дорсунишки, Бирштаны, Стоклишки, Сомилишки, Жосли, Кормялово. Ксендз Томаш Маковецкий и дворянин Семен Война, тиун ужвентский были посланы в дворы северо-западной части Троцкого воеводства: Жижморы, Ковна, Румшишки, Упита, Шавель, Олкинин, Лепун, Лаваришки, Быстрицы, Рудники [66]. Димитрий Сапега и Вацлав Шучинский были посланы в Берестье, Каменец, Пинск, Кобрин, Седлец, Шерешов, Лысково, Межирир, Мстибогов, Волковыйск, Зельву, Ляховичи, Мальковичи, Слоним, Рогачев [67].

Дворяне Иван Микулич и Ян Миколай Кржановский были посланы ревизорами в Виленский повет в дворы: Гераноин с дворами, Трабы, Крево, Радошковичи, Лиды, Марково, Курженец, Браслав, Мядел, Ушпол, Пеняны, Вилькомир, Оникшты, Утяны, Неменчина, Свинчаны, Майшакголы, Индур, Больник, Опсы, Довгялишки, Дедкун, Верейкшт [68].

В Жмудские дворы — Велона, Вилькея, Бойшакголы, Ясвойны, Скерштомоны, Росейни, Юрборг, Ботоки, Крожи, Плотели, Тельша, Полонги, Кретинги, Горды, Ойракголу, Ретово, Тверь, Ужвяны, Дервяны Большие и Малые, Вежвяны, Поюры, Коршово, Биржаны — были посланы Якуб Басковский, Войтех Девялтовский и Ян Градовский, известные своей деятельностью на Жмуди [69].

Наконец, пан Иван Волович и Станислав Барташевич были посланы в Минск, Борисов, Могилев, Мозырь, Оршу, Любошаны, Свислочь, Бобруйск, Речицу, Кричев, Пропойск, Чечерск, Дриссу, Дисну и Витебск — все поднепровские и подвинские волости [70].

---

[66] ЦГАДА, ЛМ, КЗ LII, л. 91.
[67] Там же.
[68] Там же.
[69] Там же.
[70] Там же.

Господарским ревизорам была дана специальная инструкция для руководства во время производства самой ревизии. Собственно, было два типа инструкций. Одна — общего характера, другая — специально для Жмуди. Опубликование специальной инструкции для Жмуди понятно: здесь было мало развито собственно дворовое хозяйство и потому общие указания, данные ревизорам применительно к тем дворам, где велось господарское дворовое хозяйство, конечно, не годились. Но разница между инструкциями заключается только в частностях, принципы же реформы и приемы ее осуществления совершенно одинаковы на Жмуди и в западных областях.

Господарские ревизоры, приехавшие в назначенные им державы и дворы, прежде всего проверяют отчетность по ведению господарского хозяйства и детально знакомятся с условиями его ведения, чтобы произвести необходимые улучшения в его постановке. Затем ревизоры должны познакомиться с состоянием господарских стад. Далее, они обязаны разрешить все споры, возникшие между земянами и господарскими державцами в результате проведения аграрной реформы; при этом отмена за взятые земли должна даваться непременно в одном месте. Составление хозяйственного инвентаря, дававшего бы полную картину статики господарского хозяйства, также входит в компетенцию ревизоров. Кроме того, составляется реестр судебных штрафов. Все это делается для контроля над действиями державцы. Наконец, все доходные статьи должны быть исчислены подробно и записаны в соответствующий реестр. Далее, ревизоры наводят справки относительно ранее данных пожалований и вымеренных отмен и, тем самым, еще раз проверяют шляхетские права на землевладение. Когда оказывалось, что где-нибудь волочное измерение не было произведено, то оно проводилось, если только для этого были подходящие условия — возможность осаживать на землю людей. Кроме того, ревизоры пересматривают списки ремесленников и выясняют наличную в них потребность для господарского двора. Лишние ремесленники все должны быть посажены на чинш. На обязанности ревизоров лежит также составление реестров боярского и церковного землевладения [71]. Наконец, для успокоения населения старосты и державцы в присутствии ревизоров должны разобрать все иски и жалобы подданных. Что же касается жмудской инструкции, то она совпадает с общей инструкцией, расходясь только в одном: в случае, если тиуны не пожелают дать «справедливости» по возбужденным делам, то тогда жалоба подданных переносится на рассмотрение пана

---

[71] ЦГАДА, ЛМ, КЗ LII, л. 91.

старосты, который в таком случае должен «отправу чинити при тых же ревизорах» [72].

Следы деятельности ревизоров сохранились в памятниках. Ревизоры дают отмену. Так, ревизоры Димитрий Сапега и Вацлав Шучинский дали отмену Ивану Гадебскому, пинскому городничему, у которого, при установлении волочной померы, приписали село к Пинскому замку и не дали ему соответствующей отмены [73]. По поручению господаря ревизоры плебан Томаш Маковецкий и его товарищ Семен Война дали отмену плебану Шовленскому за земли, отобранные у него в 1568—1569 гг. при производстве реформы архидиаконом Варшавским Яном Маковецким и дворянином Григорием Дельницким, и за которые ему не была дана отмена [74]. Иногда ревизорам приходилось разбирать дела об отменах давнишнего происхождения. Так, ревизору Жмудской земли дворянину Якубу Лашковскому было поручено проверить справедливость жалобы земян Гродненского повета на то, что еще при жизни королевы Боны они имели обрубы около Кринкской пущи по верхнему течению р. Нетуни. Несмотря на продолжительное «вживание», эти земли были измерены на волоки, но отмены им дано не было. Господарь приказал ревизору, «зъехавши на их кгрунты», произвести соответствующее расследование, и если окажется их жалоба справедливой и имеющей законное основание, то дать им соответствующую отмену [75].

Бывали случаи, когда ревизорам приходилось давать отмену под влиянием челобития частного лица о разграничении земель частновладельческих от господарских. Так, ревизора Межирецкого двора Димитрия Сапегу просил маршалок дворный Миколай Радивилл произвести размен имениями, лежавшими около господарского замка для «лепшого успокоенья» как господарских, так и собственных подданных. Очевидно, недоразумения возникали на почве неправильного и неудачного размежевания земель [76].

Аналогичных примеров можно привести немало. Правительство, видимо, стремилось успокоить шляхту, дав ей отмену, которой она до сих пор не получила. По всей вероятности, деятельность ревизоров была в этом отношении энергична, так как после ревизии 1569 г. встречается очень мало жалоб на неполучение отмены. Если жалобы подавались, то это отнюдь не было общим правилом, а, скорее, исключением.

---

[72] М. В. Довнар-Запольский. Очерки по организации западнорусского крестьянства, прил. № 44.
[73] ЦГАДА, ЛМ, КЗ LII, л. 97.
[74] Там же, л. 121.
[75] Там же, л. 105.
[76] Там же, КЗ LV, л 33.

Согласно инструкции ревизоры округляют господарские имения и дают в этом случае соответствующие отмены. Каноник виленский плебан, седлецкий, господарский служебник ксендз М. Суходольский, указывая, что земли плебанские лежат не в одном месте, а разбросаны среди шляхетских и господарских земель, просил об осмотре церковных земель и, если бы они оказались «прилеглыми» к господарским грунтам, взять их на господаря, а ему дать соответствующую отмену. Окончательное решение по этому делу было возложено на ревизоров Дмитрия Сапегу и Вацлава Шучинского, которые при приезде на ревизию должны были осмотреть плебанские грунты и если «бы была потреба», то взять плебанские земли на господаря, а ему «ку косциолови седлецкому на инших местах отмену слушную» дать [77].

По поручению господаря ревизоры отводят волоки для духовных нужд, если до сих пор церковь не имела земли. Когда державца местечка Добучин в Кобринской волости выстроил «своим накладом» церковь и теперь не мог ее содержать, то он обратился с просьбой к господарю об отводе волок на содержание церкви. Решение господаря было положительное, и ревизорам Димитрию Сапеге и его товарищу отдается распоряжение отвести на содержание церкви 2 пустых волоки [78].

При производстве ревизии на господарских агентов возлагались поручения по отводу земель, пожалованных господарем. Упомянутым уже Дмитрию Сапеге и Вацлаву Шучинскому было поручено разрешить недоразумение, возникшее между центральным правительством и Василием Лещовичем, воеводой смоленским, старостой минским и пинским державцей лысковским и межирецким из-за господарской данины служебнику Себастиану Полихновскому. Последний получил от господаря двор с 2 волоками за земли, приписанные к господарскому двору. Отвод этих волок был возложен на местного державцу. Последний отказался отвести их служебнику, доводя до сведения правительства, что те волоки прилегали «стародавне» к замку и что отнятие их причинит ему немалую шкоду. Получив такое сообщение, господарь поручил своим ревизорам, отправившимися в эти местности «для инших справ и потреб наших королевских», выехать в Пинск и произвести на месте необходимое расследование, нужны ли эти волоки для потребностей замка или нет, и не владели ли ими когда-либо подданные «кольвек яким обычаем». В этом случае, если последнее обстоятельство подтвердится, оставить дворец с волоками за служебником Себастианом Полихновским [79].

---

[77] ЦГАДА, ЛМ, КЗ, LII, л. 110.
[78] Там же, л. 111.
[79] Там же, л. 128.

Ревизорам иногда давались и финансовые поручения, не имевшие никакого отношения к их прямым обязанностям. Это делалось в тех случаях, когда было необходимо на месте произвести расследование и уже в зависимости от последнего принять то или другое решение. Когда подданный еврей Абрам Длугош, бывший арендатором «пожитков наших радошковских», обратился к господарю с челобитием, что «ку ради великого зубожения подданных и для знищанья их» он не может сполна выплатить арендную сумму за 1569 г., следуемую с него за аренду «мытов, млынов и инших пожитков, радошковских», и потому просит «ему льготу учинити или из оной аренды вызволити», то господарь, не зная, какое решение следует принять в данном случае, поручил ревизорам Ивану Микуличу и Миколаю Хржановскому, чтобы они во время ревизии замков «достаточне выведали около тых пожитков, которые арендует еврей Абрам», и, в зависимости от тех или других условий, вынесли свое постановление. Если же окажется, что действительно арендатор не может внести следуемую с него сумму, то размер взноса должен быть установлен ревизорами совместно с тамошним урядом [80].

Ревизорам же поручается разбор недоразумений между администрацией господарских имений и церковью из-за церковной десятины. Так, плебан Зардзивский жаловался на Григория Воловича, державцу мерецкого, так как «с фольварков ему юж от килка лет» не была выдана десятина [81]. Справедливость данной жалобы могла быть установлена только на месте, а потому выяснение этого вопроса и окончательное решение было возложено на ксендза Томаша Маковецкого и на дворянина Григория Дельницкого, поехавших туда на ревизию [82].

Исполняя разного рода господарские поручения, ревизоры между тем выполняли свое дело, производя проверку и осмотр господарского хозяйства, уменьшая или повышая платы в зависимости от тех или других обстоятельств. Кое-какие сохранившиеся инвентари, о чем придется говорить в другом месте, позволяют, однако, сказать, что ревизия 1569 г. несомненно увеличила, правда незначительно, крестьянские платы и повинности. К сожалению, мы не знаем, остались ли довольны ревизоры состоянием господарского хозяйства или нет. По всей вероятности, одна сторона господарского хозяйства сильно хромала — это коннозаводство, увеличение размеров которого было необходимо вследствие разного рода экономических причин.

---

[80] ЦГАДА, ЛМ, КЗ LII, л. 147.
[81] Там же, л. 137.
[82] Там же, л. 148.

Необходимость улучшения его состояния заставила правительство опубликовать особую «Ординацию стад», построенную на таком же принципе централизма, как и устава на волоки. «Ординация стад», несомненно, появилась под влиянием ревизии 1569 г. Она подробно перечисляет наличное состояние лошадей в господарских имениях. Такие данные, точные и определенные, могли быть доставлены только ревизорами. Была она опубликована уже при Генрихе Валуа 15 мая 1574 г. «Ординация стад» состоит из двух частей. В первой перечисляется действительное состояние господарского скотоводства и дается ряд хозяйственных распоряжений в смысле утилизации лошадей. Вторая часть содержит общие принципы и указания. Прежде всего, среди наличного количества голов скота следует произвести известный отбор. Лучший скот необходимо оставить, а остальной — продать. Но количество продаваемых голов также зависит не от усмотрения державцы, а исключительно от центрального правительства, решений которого державца не может нарушить. Обыкновенно для продажи предназначается мелкий скот, от которого не приходится ждать особенной пользы в будущем. Продажа производится под контролем пана конюшего «ку пожитку скарбу нашого яко налепей быть может» [83]. Все господарское скотоводство находится под ближайшим контролем и заведыванием пана конюшего. На его обязанности лежит ежегодный объезд господарских дворов с целью осмотра табунов, в особенности двухлеток и трехлеток. Из числа последних для потребностей господарского двора оставляются только наиболее годные десять голов, а остальные могут быть проданы по усмотрению конюшего с представлением соответствующего отчета как относительно проданных лошадей, так и оставшихся на месте. Ординация считает, что самому пану конюшему будет трудно «тых стад и коней молодых уставичне доглєдати, объеждчати», и под ответственностью и по поручению самого конюшего, заведывание молодым Новодворским стадом передается Сципиону Кампо, за что он получает из сумм господарского скарба ежегодно по 300 злотых польских. При нем должны находиться двое слуг, получавших определенное вознаграждение из сумм скарба.

Постоянный надзор и уход за конскими стадами составляет обязанность разного рода слуг. К ним относятся машталеры — по одному на каждые пять лошадей. Они получают в свое распоряжение 2 волоки и, кроме того, еженедельно по 8 грошей «стравных пенязей». Под их началом находятся стадники. Они получают в вознагражденье за службу по 2 волоки и по 8 грошей «на страву» еженедельно. Для потребностей

[83] ЦГАДА, ЛМ, КЗ LVII, л. 94.

«молодого стада» назначается один конюх и один коваль. В виде вознаграждения за службу они получают по 2 волоки, вольных от службы. Коваль, кроме того, получает деньги «на сукно» и по 24 гроша на каждого жеребца на два года. Новая ординация стад, внося новые принципы в государственное коннозаводство, естественно, ставила вопрос, как быть с прежними тяглыми конюхами, бывшими при стадниках. Ординация временно, до новой «науки» господарской, оставляет их на той же «службе конюшской тяглой». Летом они пасут стада, а зимой приготовляют корм и держат господарские стада «в доброй опатрности»[84]. Впрочем, конюхи сохраняли свое прежнее социальное положение, если только в господарских дворах находились конские табуны. В противном случае ординация требовала, чтобы державцы посадили их на чинш, размеры которого определяются «водле важности кгрунту»[85]. Наконец, ординация подробно рассматривала вопрос о содержании стада под конюшим, точно определив то количество овса и сена, которое должно идти на удовлетворение кормовой потребности, и в то же время указав источники этих поступлений. Таким образом, ординация стад не имела ввиду поставить господарское коннозаводство на весьма широкую ногу. Она преследовала довольно узкую цель — выкармливанье и объездку лошадей, предназначенных исключительно для королевской «стайни». Несмотря на такие, сравнительно узкие, задачи, ее можно, однако, поставить в связь с уставой на волоки и считать естественным дополнением первой, в которой вопросы, связанные с господарским коннозаводством, были затронуты весьма слабо. Некоторую запоздалость опубликования особой ординации стад можно объяснить исключительно тем, что ресурсы, на которые можно было содержать господарские конские стада, выяснились только после осуществления аграрной реформы.

Производством ревизии 1569 г. и опубликованием ординации 1574 г. господарские хозяйственные распоряжения не ограничивались. Правительство Стефана Батория в 1576 г. задумало осуществить новую ревизию. Поводов к ней было много. Борьба с Москвой заставляла подумать о состоянии укрепленных замков и о приведении их в надлежащее состояние. Затем, не прекращались разного рода недоразумения между господарскими подданными и державцами. Первые забрасывали господаря челобитиями, прося о восстановлении нарушенного права. Эти недоразумения были разностороннего характера. Державца переводил крестьян в менее привилегированное положение и облагал чиншем, которого они раньше не платили, отправляя

---

[84] ЦГАДА, ЛМ, КЗ LVII, л. 94.
[85] Там же.

специальные службы и неся особые повинности. Естественно, такая перемена в их положении для них была нежелательна. Оставалось только одно — обратиться с челобитьем к господарю и просить его об оставлении в прежнем состоянии. Так поступило немало господарских кухарей. Все они ссылаются, по словам ответного господарского листа, на то, что «з молодости свои через час не малый в кухни короля его милости, славное памети Жигимонта-Августа, продка нашого, служили и теперь ку той службе кухарской нашей готовы». Отправляя кухарскую повинность, они сидели на волоках, свободных от чинша и всяких других повинностей. Поэтому они обращаются за подтверждением своих прав. Конечно, такое обращение было вызвано стремлением администрации увеличить поступления в господарский скарб путем увеличения числа плательщиков. Сохранение же числа крестьян, несших специальные службы, входило в состав обязанностей провинциальной администрации[86]. Господарю приходилось всякую просьбу разрешать сепаратным указом. Это обстоятельство не могло не ставить господарскую канцелярию в некоторое затруднение, вызывая ее переполнение разного рода входящими бумагами. Необходимость ревизии вызывалась также разного рода просьбами о земельных пожалованиях. Господарь часто не мог ответить на ту или другую просьбу, не имея под руками данных и не зная, как отразится то или другое земельное пожалование на господарском скарбе и интересах господарского хозяйства. Окончательное разрешение таких просьб лежало на будущих ревизорах. Когда земянин воеводства Мстиславского Каспар Грунский подал господарю челобитье об укреплении за ним шести пустовщин и одного «оселого» человека в селе Веремисвичах, лежавших около Пропойского замка и данных ему паном Юрием Зиновьевичем, бывшим старостой пропойским, то господарь не счел возможным удовлетворить челобитие земянина на том основании, что у него нет сведений о том, не будет ли в данном случае какого-нибудь убытка для господарского скарба. Поэтому державца чечерский и пропойский пан Криштоф Зеновьевич должен был представить необходимые сведения, «абы потом выразумевши з их ревизеи с тым так учинимо, яко ся нам, государю, налепше будеть видимо»[87]. Наконец, не прекращавшиеся просьбы об отмене также должны были служить поводом для новой ревизии господарских дворов.

Перед отправлением на ревизию господарские агенты получили от господаря соответствующую инструкцию от 30 де-

[86] ЦГАДА, ЛМ, КЗ LII, лл. 103, 104, 105.
[87] Там же, КЗ LVII, л. 125.

кабря, довольно детально регламентирующую будущую деятельность ревизоров. Обязанности последних довольно сложны и выходят за пределы ревизии собственно господарских дворов. Прежде всего, ревизоры должны осмотреть состояние замков, выяснить их боевую готовность и об результатах довести до сведения правительства. Затем ревизоры должны созвать сельское и городское население и выяснить дела о разного рода недоразумениях, возникавших между администрацией и населением. После этого ревизоры приступают к разбору всех «кривд», возникших после смерти Сигизмунда-Августа. Они обязаны немедленно «справедливость скуточъную и неотъволочную подданым нашим с тых вышей помененных врадников чынити». Если же население ограничивается жалобой только «на подстаростых врадников и слуг старостиных», то эти жалобы разбираются самими старостами и державцами в присутствии ревизоров. Господарская инструкция, желая ликвидировать все недоразумения, оставшиеся нерассмотренными после смерти Сигизмунда II, требует присутствия на месте старост и державцев. Отсутствие возможно только в силу чрезвычайных обстоятельств, предусмотренных литовско-русским правом, то-есть болезни, нахождения на государевой службе, выполнения разного рода поручений по дворцовому хозяйству. Однако инструкция допускает возможность нарушения со стороны администрации столь категорического предписания. Тогда «мають тые панове ревизорове нашы вси кривды и шкоды подданых наших на реестр списати» и немедленно доводят об этом до сведения господаря, который найдет средства, как вознаградить подданных господарских за понесенные убытки. Итак, судебные обязанности — это один вид ревизорских функций. Далее, господарские ревизоры должны проверить наличность господарских имений. По словам инструкции, «по смерти короля его милости Жигимонта-Авъгуста, а по отъеханью короля его милости Генърыка», шляхта расхватала немало «господарских кгрунтов, пущ и иных волостей» и занимается их эксплуатацией. Кроме того, в то же время бояре, не будучи шляхтою, «не ку поветом судовым, але ку державам належачые», считают себя шляхтой и не отправляют никаких «звыклых» повинностей. Помимо этого, многие лица, недовольные полученной отменой, позабирали немало господарских земель, и все «платы и доходы скарбу нашему, з оных кгрунътов належачые, ку пожытку своему оборочають». Обо всех этих нарушениях господарских интересов ревизоры должны собрать сведения с помощью господарской и сельской администрации. По мнению инструкции, все эти земли необходимо отобрать на господаря и приписать «ку тым именьям нашим, от которага суть взято». Если даже держатели земель представят листы-данины панов рад, старост

и державцев и при этом обнаружится, что они «без подтверждения и упрывилеванья» господарских предков, то и эти земли отбираются на господаря. Юридически все это было совершенно правильно, так как такой лист-данина, не подтвержденный господарем, никакой юридической силы и значенья не имел. Словом, господарь стоял перед тем же явлением, от которого старались избавиться осуществлением реформы 1557 г.

Господарская инструкция предусматривает и возможность сопротивления со стороны держателей земли. Тогда ревизоры должны собрать сведения относительно всяких доходов на основании показаний урядников и господарских подданных. Господарь же грозит призвать к суду всех лиц, противодействующих королевскому приказанию. Затем ревизоры должны разобрать все споры «с ким кольвек около кгрунтов наших». Если такое спорное владение окажется налицо, то ревизор и староста совместно с державцей должны позвать к себе того шляхтича и «обычаем слушным и пристойным становити», озабочиваясь, чтобы и господарские имения, с одной стороны, не терпели бы никаких убытков и чтобы, с другой стороны, «никто на справедливости не хромал». Господарская инструкция предусматривает вполне возможный на практике случай, что ревизорам не удастся разрешить всех возникших недоразумений. Тогда ревизоры обязаны довести до сведения господаря, «списавъши все по достатъку». Господарь же обязуется «водле права» послать на место особых комиссаров или привлечь виновных лиц к судебной ответственности.

Господарские ревизоры не только проверяют состояние господарского хозяйства. Они должны заботиться, чтобы последнее развивалось в наиболее благоприятных условиях. Поэтому ревизоры обязаны убедиться, насколько целесообразно и в интересах господарского хозяйства были розданы отмены предыдущими деятелями. Если выяснится, что кое-где отмена дана «ку шкоде его королевское милости», или совсем не дана, то все эти собранные данные должны быть записаны в реестр для соответствующих впоследствии хозяйственных распоряжений. В интересах господарского хозяйства ревизоры расширяют площадь, занятую новым аграрным строем. В этом отношении, если ревизоры убедятся, что та или другая земля может быть разделена на волоки и осажена людьми, то ревизоры должны «ку доброму пожытку скарбу нашого опатрыти и постановити».

Заботясь об увеличении доходов господарского скарба, Стефан Баторий возложил особую обязанность на ревизоров Полоцкой земли. Полоцкое воеводство, бывшее театром военных действий, подверглось сильному разорению. Пострадали при этом и земельные собственники. Раздачей земель

«на хлебокормленье», как мы видели, приходило на помощь шляхте литовско-русское правительство. Однако, по мнению Батория, и в этой области были возможны злоупотребления. Землевладельцы пользовались и господарскими землями, и доходами с собственных имений, что было недопустимо, ибо господарская земля отдавалась во временное пользование, пока не оправится собственное имение от постигшего его разорения. И вот ревизоры должны были произвести соответствующее расследование и, выяснив, какие земли раньше принадлежали той или другой державе, возвратить их обратно в первобытное состояние. Если же кто-нибудь из держателей господарской земли откажется выполнить требование ревизора, то об этом должен быть уведомлен государь, который особым мандатом впоследствии призовет его к ответственности.

На ревизоров возлагается обязанность «вынайденья вшеляких пожитков». Поэтому они должны, где возможно, увеличить повинности населения и, кроме того, озаботиться более продуктивной разработкой лесных товаров. Постановления ревизоров становятся, конечно, обязательными для администрации, которая должна «с великою а дбалою пильностью дозирати, якобы с того пожыток до скарбу нашого водлуг постановенья ревизорскаго ити мог». Затем ревизоры проверяют отчетность урядников, если последняя была еще не сделана. Если бы выяснилось, что господарские урядники не могут представить соответствующих квитанций за несколько лет, то ревизоры «мають выведанье и верификацию уделати», и державцев отослать «до скаръбу земъскаго для чыненья личбы». Кроме того, ревизоры должны уведомить старост и державцев, чтобы никто при себе не задерживал денег, а своевременно отдавал их в господарский скарб под угрозой кары, которая может обрушиться со стороны господаря на его голову.

Господарская инструкция возлагает на ревизоров и обязанности финансового характера. Ревизоры собирают сведения относительно сбора налогов, установленных на последнем сейме, обязаны выяснить лиц, еще не успевших уплатить налога по тем или другим соображениям, и понудить их к тому, чтобы деньги были уплачены «водлуг постановенья» и отвезены в господарский скарб. Если же найдутся лица, которые не пожелали бы отдать следуемый с них податок, то о таких лицах доводится до сведения господаря для принятия по их адресу специального распоряжения. Выполняя это поручение скарба, ревизоры также выясняют наличность господарских «замков, дворов и волостей», отданных в заставное владение или находящихся, благодаря господарским привилеям, во временном «доживотном» пользовании. Господарь в инструкции спешит оговориться, что «такое выведание их никоторого уближения ни

чыему праву чынити и ни в чом права его уближати не маеть». От такого специального расследования исключительно пострадают лично те, «хто бы што добр наших неслушне держал и ужывал». Если же кто-нибудь и в данном случае решится оказать противодействие действиям господарских агентов, то господарь обещает поступить с ними «водле права посполитого и статуту земского». Такая проверка диктовалась интересами господарского скарба, который широко раздавал земли на тех или других условиях и отдавал их в заставное владение. Были возможны и злоупотребления в этой области — насильственное удержание имений, которые должны были давным-давно отойти обратно к господарю. В господарском скарбе находились списки таких добр. Ревизоры должны были получить копии со всех «привилеев и записов, албо дожывотных, албо заставных» и, руководясь ими, выполнить возложенное на них ответственное поручение. Нахождение привилея в метрике или скарбных списках — это уже основание для права владения. Нет такого привилея — и, по существу, такое именье должно быть отобрано обратно на господаря. Впрочем, земельное владение будет оставлено за держателем и в том случае, если в скарбных реестрах не найдется никакого «сведетства», но держатель покажет свои листы и выведет свое право.

Ревизия 1576 г. вообще озабочена увеличением доходов скарба. В этих целях ревизоры должны всех пушкарей посадить на землю «водлуг баченья своего», отнюдь не «заховывая» их «на юркгельте пенежном». Раздавая пушкарям земли под условием службы, ревизоры должны смотреть, чтобы земельная дача пушкарям не превышала в количественном отношении суммы того юркгельта, который шел на содержание пушкарей. Повинности последних остаются теми же: они должны давать замку «певную личбу пороху до стрельбы замъковое».

Необходимость обороны господарских замков, в особенности русских, находившихся в весьма плачевном состоянии, заставила правительство возложить на ревизоров заботу о приведении замков в надлежащее оборонное состояние. На ревизоров возлагается производство расследования, кто с давнего времени «замъки наши и мосты по гостинъцам здавне подданными своими робити были повинни». После этого ревизоры должны назначить им «певный час», «яко бы звыклой в той повинности своей досыть чынили». Если же где-нибудь население не пожелало бы исполнять ревизорского распоряжения относительно поправы замков, то старосты и державцы обязаны «примучать» население «до таковых работ», согласно «звыклому здавна обычаю». Дальнейшие заботы об укреплении замков и надзор за ходом работ лежат на обязанности старост или городничих, «в которых замков наших городничые

суть». Непослушание ревизорскому приказанию грозит виновным карой со стороны господаря. Наконец, ревизоры проверяют права тех или других лиц на аренду господарских корчм.

Таковы обязанности ревизоров на основании инструкции 1576 г. Она значительно отличается по содержанию от инструкции 1569 г. Обязанности согласно этой инструкции значительно уже первой. Но такое различие — чисто теоретическое. На деле ревизоры выполняли и во время производства ревизии множество самых разнообразных функций, далеко выходивших за пределы их специальных поручений. Впрочем, об этом придется говорить особо. Самый ход ревизии остается неизвестным, но работа ревизорам предстояла большая, так как накопилось немало всяких недоразумений.

Господарская инструкция 1576 г. не оставалась одним только теоретическим трактатом. Документы сохранили кое-какие следы деятельности ревизоров. Так, ревизорам Подляшья приходилось разбирать серьезные недоразуменья между берестейским старостой и каменецкими мещанами на почве денежных поступлений в пользу старосты [88]. Они отводят отмены, уже заранее данные господарем. Так, господарем был дан земянину Ошмянского повета Миколаю Хрущоновичу лист на имя ревизоров об отводе ему отмены за его «кгрунты и ставок на реце Мяделице», отобранные к господарскому Чернячицкому фольварку [89]. Такое же приказание получили и ревизоры понеманских дворов. Они должны были дать отмену земянину Ковенского повета Каспару Матеевичу, который не получил отмены ни от пинского старосты Лаврина Войны при округлении Олитского фольварка, ни от пунского державцы пана Александра Бриндзы, захватившего у него еще 4 волоки для «господарскаго става» [90]. Иногда при отводе отмены приходилось разрешать довольно сложный вопрос, давать или не давать отмену, руководствуясь только одними общими указаниями, полученными из господарского скарба. Так, хоружему Городенского повета ревизору Федору Кунцевичу и секретарю и ревизору Станиславу Локницкому приходилось давать отмену земянам Лидского повета Янко Былесniскому и Станиславу Щепановичу. Еще в правление Сигизмунда II, когда производили ревизию господарских пущ Боранской и Волкиницкой, у них отобрали их отчизные земли, всего 26 волок, на которых «здавна подданные их седели». С этих 26 волок подданные должны были уйти и, чтобы вознаградить их за понесенные убытки, им дали отмену земянскими землями, за которые, однако, сами

[88] ЦГАДА, ЛМ, КЗ LXI, л. 89.
[89] Там же, КЗ LX, л. 34.
[90] Там же, КЗ LXI, л. 89.

земяне не получили никакой соответствующей отмены. «Набегание» к господарю об отмене имело некоторый результат. Господарь послал специальный лист олитскому державце небожчику пану Станиславу Райскому с поручением дать отмену за пущи. Согласно господарскому листу упомянутый Станислав Райский с архидиаконом варшавским Яном Маковецким выехали в 1566 г. «для моркгованья и выведованья застенков и сеножатей до пущи Волъкиниской», и дали соответствующую отмену. Но тут случилась катастрофа: Станислав Райский умер. Один же лесничий, без ревизоров, не пожелал «на тые кгрунты выеждчати», а сами они, не имея в держании никаких земель, большую «шкоду» испытывали и теперь просили господаря или дать им «отмену слушную», или же вернуть им обратно земли, забранные в пущи. Господарь поручил ревизорам в 1576 г. произвести на месте расследование этого затянувшегося дела. Если выяснится, что господарская пуща могла бы совершенно обойтись без их земель, то оставить этих земян «при тых кгрунтах»; если же земли необходимы, то дать им отмену «кгрунтами нашими, им споручными», чтобы «не было ни им шкоды, ни господарю» и чтобы «мы больше докуки и небаченья не прыймовали», как сказано в заключительных словах этого листа [91]. Приходилось ревизорам на месте разбирать разного рода недоразумения, возникавшие между господарскими и частновладельческими подданными. Спор шел о земле, и проверка права на землю лежала на обязанности ревизора. Так, господарскому ревизору секретарю и войскому новогрудскому, державце пунскому пану Александру Бриндзе и подсудку городенскому ревизору Дельницкому было поручено разобрать на месте жалобу земянина Ковенского повета Семена Якубовича на то, что господарские подданные державы Пунской села Трасли, «ку кривде и шкоде» его, вступились в соседние земли, которые несомненно его, что он и хочет доказать перед ревизорами [92]. Случилось также, что ревизорам приходилось давать отмену, отбирая земли на господаря, так как недоразумения становились хроническими. Одна из сторон не выносила создавшегося положения дела и обращалась с просьбой о производстве отмены. С такой просьбой обратился к Стефану Баторию земянин Мозырского повета Стефан Григорьевич, указывая правительству на то, что он, «на кгрунтех шляхетских и пляцах 20 и колико домов мещан своих маючи», неоднократно терпел немало притеснений «от старосты, або подстарост и врадников тамошних, также войта и мещан». И мещане его страдают немало, ибо их «примучають» к несению местских повинностей.

---

[91] ЦГАДА, ЛМ, КЗ LXIV, лл. 27, 28.
[92] Там же, КЗ LXV, л. 6.

Эти недоразумения и заставили его просить господаря о даровании ему отмены. Господарь поручил ревизорам привернуть земли к Мозырскому замку, а ему дать «отмену слушную и без шкоды»[93]. Ревизоры отводили также земли, пожалованные частным лицам. Так, Стефан Баторий поручил ревизорам, выехавшим в Витебск «для дозрения и выведения пожитков», дать земянину Полоцкой земли Вацлаву Жобке 12 служб людей, данных еще раньше небожчику подсудку витебскому пану Тимофею Гурко в награду за его именья[94], отобранные великим князем московским, и оставшиеся на деле свободными, так как имения впоследствии оказались возвращенными назад.

Иногда на ревизоров возлагались поручения, не входившие в их обязанность согласно инструкции. На ревизоров русских волостей была возложена обязанность отобрать у землевладельцев земли, принадлежавшие Полоцкой архиепископии. Дело в том, что во время военных действий архиепископская кафедра пустовала, чем воспользовалась шляхта, захватившая немало земель. Возвратившийся на свое место архиепископ Полоцкий, Витебский и Мстиславский Феофан Богдан обратился с просьбой к господарю произвести ревизию и вернуть земли архиепископии. Конечно, возложение этой обязанности на ревизоров было наиболее подходящим, так как последним приходилось проверять права на землю и поэтому они могли выяснить наличность расхватанных земель[95]. Поручались также ревизорам и случайно возникавшие финансовые дела. Когда господарский дворянин Константин Кунцевич Жорославский построил в своем имении «за свой счет» мост и обратился к господарю с просьбой разрешить ему собирать «мыто», то господарь поручил ревизорам староства Городенского, «мосту огледавши, водлуг важности накладу ему уложити, або мыта там брати, от людей перехожих постановили»[96].

Вообще, относительно деятельности ревизоров 1576 г. можно сказать, что на них возлагались самые разнообразные поручения, преимущественно такие, которые требовали ориентировки на местах и быстрого выполнения. Если же говорить об итогах ревизии по отношению к господарским землям, то следует отметить прекращение подач челобитий об отмене — верный признак того, что все недовольные были удовлетворены. С другой стороны, сохранившиеся инвентари, как это мы покажем далее, указывают на повышение повинностей. Следова-

---

[93] ЦГАДА, ЛМ, КЗ LXIII, л. 71.
[94] Там же, л. 101.
[95] Там же, КЗ LX, л. 90.
[96] Там же, КЗ LVIII, л. 70.

тельно, и с этой стороны ревизия соответствовала планам и интересам господарского скарба.

Подведем итоги. Условия, при которых производилась аграрная реформа, были весьма неблагоприятны для хозяйственной деятельности правительства и во многих отношениях сводили на нет предполагаемые результаты реформы. Земельная политика правительства оставалась без всякого изменения, вследствие чего происходила систематическая утечка господарского земельного фонда, ослабившая господарский скарб. Единство кассы не было достигнуто, финансовые злоупотребления со стороны администрации отнюдь не были исключением.

Необходимость подвести итоги произведенной реформе и исправить кое-какие существенные дефекты заставили правительство организовать общую ревизию господарских дворов и замков в 1569 и 1576 гг., с возложением на ревизоров весьма широких и ответственных полномочий.

XV. АГРАРНАЯ РЕФОРМА И ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЕ АГЕНТЫ, ПРОИЗВОДИВШИЕ РЕФОРМУ

Ревизор — исполнитель административных поручений центрального правительства. Вознаграждение ревизоров за службу.

Устава на волоки и ревизорские инструкции 1569 и 1576 гг. дают совершенно полное представление о деятельности ревизоров в роли надсмотрщиков-контролеров и главных устроителей господарского дворового хозяйства [1].

Но деятельность их далеко не ограничивалась только рамками уставы и инструкций. На практике она была гораздо шире. Ревизорам часто приходилось выполнять различные поручения господаря и исполнять различные административные функции как лицам, хорошо знакомым с местными интересами, местным положением дел и к тому же пользовавшимися безусловным доверием со стороны правительства.

Так, правительство давало ревизорам поручение отвести господарское пожалование, когда последнее давалось в той местности, куда ревизор приехал для производства реформы. Такого рода распоряжения иногда носили довольно категорический характер. Господарь даже не справлялся с тем, есть ли в той или другой волости свободные волоки или нет. Ревизору давалось предписание отвести столько-то волок земли тому или другому лицу, когда он отправится на место для производства «померы» [2]. Очевидно, правительство знало о количестве свободных земель, раз находило возможным отдавать столь категорические распоряжения, которым ревизору оставалось только следовать.

---

[1] М. В. Довнар-Запольский. Очерки по организации западнорусского крестьянства..., стр. 224—235.

[2] ЦГАДА, ЛМ, КЗ XXXVII, л. 150.

Но если правительство не обладало точными сведениями то пожалование носило факультативный характер, и ревизору в таком случае, предоставлялось право по своему усмотрению выполнить господарское распоряжение так, как он считал это наиболее целесообразным.

Пан троцкий староста жмудский И. А. Ходкевич получил около Могилевского замка 3 волоки сеножатей. О состоявшемся распоряжении господарские ревизоры получили соответствующее уведомление. Но так как господарь не знал, найдется ли около замка такое количество свободных волок или нет, то ревизоры могли дать в другом месте столько же волок «земельного кгрунту», лишь бы только вышло 3 волоки, расположенных поближе к Днепру [3].

Затем на ревизоров самостоятельно, а иногда совместно с местным державцем, возлагалась обязанность отвода соответствующей отмены, если последняя была господарем назначена. Удовлетворив просьбу земянина Василия Ивановича об отмене, господарь поручил ее выполнение местному державце пану Туру совместно с ревизором, бывшим в это время в волости [4]. Иногда ревизоры должны были выяснить количество отобранной на господаря земли и только после этого дать просителю «ровную и слушную» отмену. Дирвянский тиун Ян Градовский бил господарю челом о том, что у него отобрали на господаря два фольварка «з людьми и з землями», находившиеся в Виленской волости, но отмена ему не была назначена.

Просьба тиуна была господарем удовлетворена. Тогда же жмудские ревизоры Якуб Лашковский и Войтех Девялтовский получили приказание об отводе соответствующей отмены, но предварительно они должны были «оглядати яко много взято будети у волоки людей и земли с тыми двумя фольварками», и в зависимости от произведенного измерения дать «ровную и слушную» отмену [5].

Ревизоры иногда отводили служебным людям земли — волоки — для несения военной службы, если только в момент пожалования они находились в волости, на месте пожалования.

Когда служебнику Павлу Нетишевскому было пожаловано на земской службе 3 пустых волоки, то ввод во владение этими волоками был сделан ревизором Райским, получившим для этого от господаря специальный лист [6].

Впрочем, ввод во владение производился совместно с мест-

---

[3] ЦГАДА, ЛМ, КЗ XXXVII, л. 155.
[4] Там же, л. 217.
[5] Там же, л. 339.
[6] Там же, л. 221.

ным державцем. Когда бежавший в Литву москвитянин Богдан Иванович Шишкин получил около Тыкотинского замка 5 волок, то ввод во владение был сделан старостой Яном Шимкевичем и ревизором Павлом Котовичем [7].

По мере необходимости ревизоры сообщали господарю справки относительно свободных земель, когда какое-нибудь лицо обращалось к господарю с просьбой о пожаловании определенного участка земли в той или другой местности. Если господарь не знал о количестве свободных земель в данной местности, то, обыкновенно, предварительно наводились у ревизора соответствующие справки и на основании его ответа господарь решал дело. Боярин Троцкого повета Юрий Стецкович просил господаря о «вчинении» ему «господарской ласки» путем пожалования одной пустовщины, находившейся в Ейшишской волости и «прилеглой» к его землям и дому. По словам челобитчика, эта земля на волоки не измерена, лежит «впусте» и для господарского скарба нет от нее «жадного пожитку». Не давая ответа на челобитье, господарь послал запрос ревизорам той местности Станиславу Райскому и Семену Войне, «абы они выведавши изморговали волочным порадком тую землю». После измерения в ней оказалось 2 волоки, 25 моргов, 16 прутов. Для скарба данная земля действительно оказалась совершенно лишней, так как в том месте никаких господарских земель не было и «ку господарскому пожитку» она не могла быть «привернута». Поэтому господарь нашел возможным удовлетворить просьбу боярина [8].

Точно так же обращался господарь к ревизору за справкой и в том случае, если ему не было известно, насколько соответствуют действительные размеры просимого челобитчиком земельного участка тем нормам, которые указывались самим просителем. Олитский державца пан Станислав Райский просил господаря о пожаловании ему двух застенков величиной в 49 моргов, находившихся в вороневском фольварке. Господарь пожелал узнать от «ревизора дворов понеманских», Григория Дельницкого, не будет ли какой-нибудь «переказы» волокам господарских подданных и господарской пуще, если таковой застенок будет отдан просителю. Кроме того, Григорий Дельницкий был обязан дать соответствующую справку о размерах указанного застенка.

Сведения, сообщенные ревизором, были весьма благоприятны для Райского: количество моргов вполне совпадало с цифрой, приведенной Райским, и отдача этого застенка в посторонние руки не принесла бы господарскому хозяйству «никакой

---

[7] ЦГАДА, ЛМ, КЗ XXXVII, л. 263.
[8] Там же, КЗ XXXVIII, л. 284.

шкоды»[9]. На основании полученных сведений застенки были отданы Райскому.

В некоторых случаях ревизоры, получив поручение навести справки на месте, немедленно, без вторичного указа «увязывали» во владение указанное господарем лицо, если выяснялось, что просимое челобитчиком соответствует действительному состоянию земельного участка. Крайчий Великого княжества Литовского пан Юрий Александрович Ходкевич обратился с просьбой дать ему в Кринской волости три села «под рекою Свислочью» с сеножатиями — всего около 100 волок. Господарь не мог не удовлетворить просьбы столь знатного пана и послал приказание ревизору тамошней державы и местному державце проверить данные Ходкевича, и если проверка подтвердит правильность сведений, сообщенных челобитчиком, то он был обязан немедленно ввести во владение пана крайчего[10]. Иногда ревизоры выступали в качестве судей — разбирателей разного рода недоразумений, возникших между господарскими подданными и соседями. Так, между мостовскими мещанами и местным плебаном возникли недоразумения относительно давания на костел десятины. Мещане доказывали, что с основания самого местечка они не давали «десятины жадное», и только тогда, когда Городенский замок со всеми дворами перешел во владение королевы Боны, то последняя постановила давать на костел десятину, как с мостовских фольварков, так и с мещан. Затем, они довели до сведения господаря, что вследствие скудости их почвы они «сами ся хлебом выживати не мають и плату выплатити». Поэтому они просили господаря об освобождении их от платежа десятины, что и было выполнено господарем. Ревизоры освободили мещан от платежа десятины[11]. Ревизоры разбирали возникавшие на местах межевые недоразумения и производили разграничения одних земель от других. Три межирецких боярина жаловались на межирецкого же боярина и обвиняли его в том, «што же дей он без ведома которое причины кгрунты их власные отчизные забрал», и в настоящее время он пользуется ими как «властностью» и не собирается возвращать их им. Такие жалобы подавались боярами неоднократно, и господарь, чтобы положить им предел, поручил ревизорам Лаврину Войне, Андрею Дыбовскому и Павлу Котовичу во время производства ревизии вызвать к себе виновного боярина Скрубота и произвести соответствующее расследование для того, чтобы «тые бояре том невинъне не шкодовали и нам о том больш набегания не делали»[12].

---

[9] ЦГАДА, ЛМ, КЗ XXXVIII, л. 301.
[10] Там же, л. 449.
[11] Там же, л. 423.
[12] Там же, КЗ XLVII, л. 4.

Деятельность ревизоров в эпоху аграрной реформы была разносторонняя и довольно трудная. Она отвлекала господарского агента от собственных нужд и интересов и требовала со стороны должностных лиц немалых расходов, которые могли впоследствии окупиться за счет вознаграждения, получаемого ими за принятые волоки. Кажется, правительство приступило к реформе, не ассигновав особой суммы для покрытия расходов по осуществлению задуманной реформы. Поэтому правительству, во время хода самой реформы приходилось прибегать к отдельным сметным назначениям для удовлетворения расходов по ведению реформы, или самим ревизорам приходилось широко пользоваться «лаской господарской», чтобы получить какое-либо вознаграждение за службу при господарском дворе и за ревизию господарских дворов и замков.

С момента приступа к планомерному осуществлению реформы, Сигизмунд-Август отдал в распоряжение «справцы замков и дворов господарских» пана Петра Фальчевского 400 коп грошей из местных королевских поступлений [13]. Деньги давались «до воли и ласки господарской», и предмет их употребления не был обозначен. По всей вероятности, это был фонд, из сумм которого покрывались расходы по осуществлению реформы. Можно также предположить, что выданная ассигновка предназначалась и на выкуп войтовств, чем заведывал и руководил сам справца дворов и замков [14]. Выданную сумму нельзя рассматривать как вознаграждение «справце» за понесенные труды, ибо реформа только еще начиналась, и вознаграждение было давать несколько преждевременно. К тому же правительство всегда предпочитало давать и награждать землями, а не деньгами, недостаток в которых оно само ощущало довольно сильно. Как расходовались деньги, мы не знаем, но выданная правительством сумма была не первой и не последней. Отдельные суммы, предназначенные для нужд и потребностей реформы, могли выдаваться господарем и на руки отдельным ревизорам. Так, дворянин Лаврин Война получил «семдесят коп жита с держав и дворов», бывших в заведывании Войны Гричины. Пожалованное жито специально предназначалось для «выхованья» мерников [15]. Правда, устава отводила для мерников определенное количество волок [16], но в начале реформы, когда мерники отдавали на измерение земли не мало времени и труда, едва ли они имели под руками какие-либо средства, которыми могли поддерживать свое существование во время производства самой реформы. Поэтому выдача жита на «выхованье» мерников —

[13] ЦГАДА, ЛМ, КЗ XXXVII, л. 64.
[14] Там же, л. 114.
[15] Там же, л. 226.
[16] РИБ, т. XXX, Устава, арт. 29.

естественное следствие материального затруднения, которое несомненно испытывали мерники. Однако в таком «выхованьи» нуждались не только одни мерники, но и сами ревизоры. Григорий Дальницкий, будучи «на послузе нашой ревизеи волок дворов наших, где бы справы наши волочные для пожитку скарбу нашого кончити мел», как сказано в господарском листе, не мог иметь «выживания слушнаго». Господарь, ценя его ревизорскую службу и ввиду удачного завершения реформы, дал ему за службу ревизорскую в 1560 г. 20 коп грошей «с цыншов дворов Олитскаго, Неймонойтскаго и Симненскаго» [17].

Ревизор русских волостей получил право собирать «до иншое науки» в свою пользу сено и дякольный овес с держав Марково и Мядель [18].

Деятельность господарских ревизоров несомненно оказала большое влияние как на их служебную карьеру, так и на их материальное положение. Правительство прекрасно понимало, какую большую и ответственную работу несли ревизоры и какое количество времени, труда, сил и личных средств было на это потрачено. Необходимость соответствующей оценки их труда становилась очевидной, в особенности, если господарский агент оказывался весьма деятельным исполнителем распоряжений центрального правительства. Быстрое служебное возвышение отдельных лиц и значительное улучшение их материального положения необходимо поставить в тесную связь с аграрной реформой. Примером этого может служить карьера видного деятеля реформы — Лаврина Войны. В начале реформы Война — только квасовский и красницкий державца. Затем, около 1561 г. он получает Пинское староство, так как с 1561 г. он уже приступает к его описанию. В 1567 г. Война становится писарем при господарском дворе, главным образом потому, что «з молодости своих лет» служил при господарском дворе и исполнял различные поручения правительства [19]. Служебная карьера окончилась получением им должности «подскарбия дворного». Кроме того, в волости двора Квасовского ему была подана церковь «во власность и поживение потомков» со всеми волоками, приписанными к ней [20].

Другой видный аграрный деятель — Якуб Лашковский, который, по авторитетному признанию господарского листа, «не малого часу на дворе нашом господарском служил» и был посылаем на ревизию «для выйнаденья платов и пожитков» в Литву и Жмудь, выполнил возложенное на него поручение «добре и цнотливе, верне и досыте працовите», в особенности

[17] ЦГАДА, ЛМ, КЗ XLII, л. 68.
[18] Там же, КЗ XXXVII, л. 221.
[19] Там же, КЗ L, л. 47.
[20] Там же, КЗ LVIII, л. 69.

«будучи на справах померы волочное земли Жомоитское». Деятельность Лашковского встретила весьма лестную оценку со стороны жмудского старосты Яна Ходкевича. Поэтому Лашковскому было дано на ленном праве село Выштовяне с 130 волоками. Село отдавалось со всеми пожитками, которые приходились в данный момент на господаря и которые, благодаря хозяйственной деятельности держателя и его потомков, могут быть увеличены. Эту награду Лашковский получил 29 августа 1566 г., когда реформа на Жмуди была окончена. В следующем году Лашковскому была оказана новая милость. Господарь нашел возможным «ленное право» заменить «вечностью»[21]. Однако Лашковский оказался только временным держателем села Выштовян. По хозяйственным соображениям упомянутое село было «привернуто ку столу господарскому», а Лашковскому была дана замена тремя селами с 122 волоками[22]. Третий видный деятель — Григорий Волович — ревизор пущ и переходов был старостой мстибоговским, когда начинал свою деятельность по описанию пущ в 1559 г.[23] Затем он стал державцей ейшишским, каневским, дубицким и поранским. В 1566 г. «за службу земскую» Волович получил в держание староства Мельницкое и Лосичное «з месты, селы, и людьми тыми державами приналежавшими, а меновите з млыны тамошними и зо всими пожитками оттоли на староство приходящими»[24].

Четвертый деятель — ревизор русских волостей Николай Нарушевич был до реформы старостой — державцей марковским и мядельским[25]. Затем, благодаря своей деятельности, он быстро выдвинулся. К 1566 г. он был уже «подскарбием земским» и «писарем»[26]. Не оставались без наград и второстепенные деятели реформы. Обыкновенно им давались в держание на ленном праве отдельные села.

Таким образом, ревизоры были необходимы господарской власти, когда ей приходилось разрешать вопросы, прямо или косвенно связанные с реформой и которые могли быть разрешены только ревизорами, бывшими и в курсе тогдашней хозяйственной политики, и хорошо знавшими состояние господарского хозяйства в той или другой местности. Деятельность ревизоров не осталась без вознаграждения. Служебные повышения, дарования староств, держав и сел были наградой со стороны власти за их ответственную и трудную работу во время производства грандиозной аграрной реформы.

[21] ЦГАДА, ЛМ, КЗ, L, л. 31.
[22] Там же, л. 77.
[23] Там же, КЗ XLVII, л. 5.
[24] Там же, КЗ XLIX, л. 5.
[25] Там же, КЗ XXXVII, л. 155.
[26] Там же, КЗ XLVII, л. 37.

XVI. АГРАРНАЯ РЕФОРМА И ПРОВИНЦИАЛЬНАЯ АДМИНИСТРАЦИЯ

Сложность обязанностей провинциальной администрации. Двойственное положение администрации. Административная отчетность. Хозяйственно-полицейская деятельность администрации в военное время. Материальное положение администрации. Административные злоупотребления. Итоги.

Аграрная реформа Сигизмунда-Августа существенным образом изменила положение администрации в восточных и западных волостях. Прежде всего изменились хозяйственно-административные функции старост и державцев[1]. Они стали сложнее. Кроме того, ответственность за ведение сельского хозяйства всецело ложилась на провинциального администратора. Затем, регулярная отчетность, о которой так подробно говорилось в волочной уставе, наезды ревизоров, контролировавших деятельность управителей,— заставляли державцу поступать весьма осторожно в своих хозяйственных распоряжениях, так как над ним всегда висела угроза потери «господарской ласки» и вытекающих из этого последствий.

С началом реформы усложнились и самые обязанности старост и державцев. Они принимают весьма активное участие в осуществлении самой реформы, будучи, с одной стороны, органом власти, который должен был содействовать всеми средствами приехавшему на место ревизору, а, с другой стороны, он стоял на страже интересов местного населения и следил за тем, чтобы деятельность ревизоров не наносила бы вреда местному землевладельческому населению, чтобы отмена последнему была всегда «слушной и ровной». По приезде ревизора в какую-нибудь державу, провинциальные управители были обязаны не-

[1] М. В. Довнар-Запольский. Очерки по организации западнорусского крестьянства..., стр. 277—287.

медленно об этом довести до сведения населения [2]. Державца следил за тем, чтобы находившееся под его присудом население давало ревизорам и мерчим подводы и при этом не чинило бы никаких препятствий к «разогнанию» подвод. Державца следил за тем, чтобы ревизоры и мерчие не чинили населению излишней «обтяжливости» и не брали с населения стацей и иных доходов, за исключением тех, которые ревизор мог получать с населения «за свою працу». Все это обязанности довольно сложные и несколько щекотливые.

В сохранившихся документах нет никаких указаний на злоупотребления со стороны ревизоров, хотя на это указывают жалобы шляхты, к которым, впрочем, следует относиться с осторожностью. Однако наличие их отрицать не приходится, и державце не раз, вероятно, приходилось подумать о том, на чью сторону стать, населения или ревизора. Как поступали державцы и насколько ретиво они защищали интересы местного населения, на этот вопрос источники не дают прямого ответа. Но обилие челобитий, вызванных реформой, дают возможность предположить, что провинциальная администрация едва ли с ревностью защищала интересы населения.

Конфликты между ревизорами и державцею для последнего — обстоятельство неприятное, и, надо думать, что он всячески старался их избегать. Еще труднее и ответственнее было положение державцы в том случае, когда сельское население силою оказывало противодействие господарским ревизорам. В официальных документах не сохранилось никаких указаний на волнения крестьян во время проведения реформы, но было бы ошибочно предположение, что реформа прошла всюду гладко, не встречая никакого протеста со стороны населения. Королевская грамота на имя бобруйского старосты, посланная в 1611 г., свидетельствует о бывших в Бобруйском старостве крестьянских волнениях [3]. Нет никаких оснований для предположения, что волнения в Бобруйском старостве были единичными.

При производстве самой реформы старосте и державце приходилось быть постоянно возле ревизора, знакомиться с техническими приемами измерения, «осаживать» вместе с тем крестьянство, составлять реестровые списки. После окончания реформы положение администратора стало еще затруднительнее. Принятая правительством хозяйственная система сплошь и рядом вносила путаницу в его ежегодную отчетность. Администрации приходилось вести точную регистрацию всех правительственных распоряжений, чтобы впоследствии представить подскарбию земскому удовлетворительный отчет.

---

[2] ЦГАДА, ЛМ. КЗ XXXVII, л. 53; АВК, т. XXV, стр. 116.
[3] АВК, т. XXV, стр. 326.

Обыкновенно на имя местного державцы господарем посылались распоряжения о земельных пожалованиях, исчисляемых в том или другом количестве волок. Местный администратор вводил такого держателя господарского листа во владение и сейчас же отмечал в своем реестре отвод волок, так как благодаря этому уменьшалась сумма нормальных денежных поступлений, предположенная ревизором. Эта подвижность господарского землевладения должна была создавать державце или старосте немало административно-хозяйственных затруднений.

Иногда волоки жаловались факультативно до выяснения на месте, как отразится данное пожалование на интересах скарба. Окончательное решение этого вопроса возлагалось на местную администрацию, которая могла отвести просимое количество волок только в том случае, если отвод волок не составит «шкоды» для господаря. В противном случае провинциальной администрации предоставлялось право отвести просимые волоки где-нибудь в другом месте, но в его державе, лишь бы только этот отвод не принес господарю никакой «шкоды».

Ведение особых реестров было делом не столько трудным, сколько хлопотливым и непривычным для провинциального администратора, до сих пор почти не знавшего никакой отчетности. Хлопотливость составления отчетности отчасти объяснялась приемами земельной политики самого правительства, дававшего земли на самых разнообразных условиях. Для каждого рода пожалования приходилось вести особую отчетность, чтобы в назначенное время представить точные сведения господарскому скарбу. Несомненно, жалование волок то пустых, то населенных, с отдачей всех доходов или только их части, вносило немало путаницы в отчетность старост и державцев.

Вводя пожалованных лиц во владение землей, администратор должен был довести об этом до сведения самого населения, чтобы последнее подчинилось новым господам. Было ли в действительности население так послушно, как этого хотелось правительству, об этом официальные источники умалчивают [4].

Но возможный уход крестьянина с пожалованного участка ставил державцу в затруднительное положение, если крестьянин не желал остаться в его державе. В таком случае провинциальные управители господарских имений должны были осадить такого крестьянина на свободной земле.

После осуществления аграрной реформы и завершившегося осаживания крестьян в староствах и державах всегда могло оказаться достаточное количество свободных волок.

Чтобы земля не лежала даром, администраторы, увидев, что с земли не было «никакого плату до скарбу», так как

[4] ЦГАДА, ЛМ, КЗ XLIV, л. 82.

данные земли «от давних часов в пусте лежать» [5], отдавали эти земли соседним землевладельцам на известных условиях. Большею частью такие пустые земли отдавались под условием отправления боярской земской службы [6]. Такая раздача земель нуждалась в господарском подтверждении. Обыкновенно отказа в них не бывало, и господарь оставлял земли за держателями «до воли и ласки господарской». Иногда господарь находил возможным подтвердить такую раздачу с правом передачи жене и детям [7]. Правительство, конечно, ничего не могло иметь против таких раздач, потому что скарб не только не получал при этом никаких убытков, но извлекал и некоторую прибыль, так как пустовавшая и ранее совершенно бездоходная земля отдавалась под условием отправления военной службы.

Господарские ревизоры записывали в свои реестры тяглое население по роду тех повинностей, которые были возложены на них. Но первоначальный реестр не мог оставаться неизменным, так как многие из пострадавших от реформы хлопотали перед господарем о восстановлении нарушенных реформой прав. Когда правительство удовлетворяло того или иного челобитчика, то о состоявшемся решении доводилось до сведения администрации, которая должна была принять его к сведению и немедленному исполнению. Большая часть правительственных распоряжений сводилась к требованию, чтобы известные лица не «примучались» к тяглой службе, так как им удалось соответствующим образом доказать свое шляхетство или получить обратно незаконно отобранные земли, в которые державцы не могли «вступовати» [8].

Случалось, что отдельные тяглецы освобождались от платежа платов и отправления повинностей при условии несения какой-либо специальной службы [9], либо тяглые волоки возвращались обратно в пользование челобитчика для отправления какой-либо специальной повинности [10]. Наконец, наиболее существенные изменения приходилось администрации производить в своих реестрах, когда господарь назначал отдельные группы крестьян для отправления какой-либо специальной повинности. Эти правительственные распоряжения доставляли администрации немало хлопот.

Приходилось разбираться в пустующих волоках и отдавать их вновь лицам, на которых правительство возложило отправление той или другой службы, и составлять при этом новые

---

[5] ЦГАДА, ЛМ, КЗ XXXVII, л. 226.
[6] Там же, л. 266, 329.
[7] Там же, л. 290.
[8] Там же, лл. 368, 386; XLIV, л. 13.
[9] Там же, КЗ XLII, лл. 1, 78.
[10] Там же, л. 22.

реестры. Еще хлопотливее было администрации, когда на службу отводились волоки, которые ранее держали «на плате врочистом на цыншу», а затем отдавались на службу тем же держателям. Но могла быть и иная комбинация: волоки, предназначенные для несения специальной службы, оказывались неподходящими, и тогда подданным приходилось отводить волоки в ином месте, более подходящем для отправления той специальной повинности, на которую был посажен подданный [11].

Помимо этого, провинциальная администрация отводила «отмену», когда по разным обстоятельствам она не была дана ревизором, хотя собственник имел все права на нее [12]. Администрация проверяла на месте владельческие права землевладельцев, когда поднималось дело о незаконном владении землей, и господарь не знал, как решить спорное дело, а сами ответчики объясняли отсутствие документов какими-либо причинами [13]. Администрация осаживала места «на сыром корню» [14]. Хозяйственно-административная деятельность управителей господарских имений была особенно интенсивной в военное время, с которым совпало осуществление волочной померы, когда правительству для борьбы с врагом приходилось мобилизовать все свои силы. Война значительно осложнила обязанности управителей имений, ибо последним надо было быстро выполнять разного рода хозяйственные требования, предъявляемые им правительством, на что уже было указано М. В. Довнар-Запольским [15].

Все эти правительственные распоряжения существенно усложняли составление отчетности. Разве не спутывали все хозяйственно-административные планы управителя требования правительства, предъявленные в 1565 г., чтобы все королевские урядники «жита, овсы, сена, дякольные и теж яловицы бараны, гуси, яйца стацийные до Вильны и инших замков... отправляти казали»? [16]. Правда, такие распоряжения были вызваны исключительно военными обстоятельствами, но сколько приходилось обнаруживать административного таланта, чтобы выполнить правительственное распоряжение, когда силы народа были достаточно подорваны и истощены войной.

Исключительные военные события заставляли правительство возложить на администрацию и функции полицейского характера, главным образом по надзору за военными людьми. По

---

[11] Там же, лл. 1—21.
[12] ЦГАДА, ЛМ, КЗ XLVIII, л. 32.
[13] Там же, л. 7.
[14] Там же, КЗ XLV, л. 45.
[15] М. В. Довнар-Запольский. Очерки по организации западнорусского крестьянства..., стр. 377.
[16] ЦГАДА, ЛМ, КЗ XLV, л. 63.

авторитетному признанию господарского листа, «многие служебные, езъдные и пешие люди потаемне» убегают в Польшу, а то попросту оставляют армию, при этом не взявши никаких отпусков. Для предотвращения разложения армии, правительство сочло наиболее целесообразным мероприятием возложение на администрацию сел и местечек обязанности контроля, чтобы никто самовольно не оставлял армию. Виновных в этом местная администрация должна была задерживать и передавать их в руки соответствующих властей для смертной казни, «жебы потом нихто не важился з войска втекати и своволне зъежъдчати» [17]. Но удовлетворила ли администрация своей деятельностью центральное правительство, относительно этого источники ответа не дают.

В связи с военными обстоятельствами, на ту же администрацию был возложен надзор за мирным населением по продаже последним военным людям продуктов живности и корма по цене, установленной правительством [18]. На местную же администрацию возлагалась обязанность доставлять из господарских дворов «живность до войска его кролевской милости, на час и место, которые бы особъливыми листами его милости господарскими до всих станов писаными ознаймено было».

Предварительно королевский управитель должен был уведомить правительство о том, какое количество людей и живности может быть предоставлено в распоряжение войска [19]. Но, по-видимому, не всегда полицейские обязанности управителей достигали своей цели, и, урядники не всегда энергично защищали население от возможных злоупотреблений со стороны военных командиров. Сплошь и рядом последние увеличивали количество солдат, бывших у них под началом, брали необходимые припасы не по уставе, причиняли населению разного рода неудобства. Поэтому население оставляло свои родные места и разбегалось [20]. Очевидно провинциальная администрация оказывалась слишком слабой, чтобы справиться с военщиной, не признававшей никаких гражданских узаконений. Случалось также, что ротмистры брали живность у подданных для нужд своего отряда и ничего не платили, ограничиваясь лишь выдачей квитанций. Королевские урядники, разумеется, своевременно доводили об этом до сведения скарба, которому оставалось только уплатить деньги за взятую живность, так как разорение своего же населения не могло входить в планы скарба [21].

---

[17] ЦГАДА, ЛМ, КЗ XLV, л. 45.
[18] Там же, л. 54.
[19] Там же, л. 88.
[20] Там же, л. 112.
[21] Там же, КЗ XLVII, лл. 35, 53.

Провинциальной администрации поручался экстренный сбор всех чиншовых платов и всяких доходов, которые она не отсылала непосредственно в скарб, а отдавала на месте тому лицу, которому правительство поручало взять эти деньги. Отдавая деньги и доходы, урядники должны были взять от сборщиков податей соответствующие «квиты» для того, чтобы в будущем «по звыклому обычаю» отчитаться перед скарбом [22]. Но чаще всего урядники уплачивали, по специальному приказанию господаря, «юркгельт» из числа доходов державы. Такие юркгельты большею частью были пожалованиями временными, и притом краткосрочными [23].

В руках старост и державцев находились также замки, которые они были обязаны содержать в порядке и исправности. Мелкие исправления, вероятно, делались по личному усмотрению заведующего замком. Когда же приходилось заняться более серьезным ремонтом, то староста просил от господаря соответствующей «науки». Тогда и материал, необходимый для исправления замков, отпускался только по распоряжению господаря [24]. Аграрная реформа существенно отразилась на материальном положении старост и державцев. Устава фиксировала эти платы и доходы [25].

Всякое увеличение доходов было возможно только при условии хозяйственного развития волости — раздачи волок, устройства местечек, ярмарок. Но и эти доходы не всегда были постоянными, так как волости и державы могли отдаваться в заставу, и в этом случае прежние доходы, поступавшие в распоряжение урядников, теперь поступали в собственность держателя заставного владения. Обыкновенно державцы молча относились к такого рода правительственным распоряжениям, по всей вероятности, получая от правительства соответствующие компенсации. Впрочем, иногда державцы заявляли протест, находя господарское распоряжение совершенно неправомерным. На Люблинском сейме жмудская шляхта протестовала против такого рода распоряжений и стала на сторону своего тиуна Яна Бурбы, тиунство которого было отдано в заставу господарскому стольнику. Челобитчики оспаривали господарское распоряжение и доказывали, что тиунство в Жмудской земле давалось пожизненно, в подтверждение чего они представили документы — листы предков Сигизмунда-Августа. Господарю пришлось уступить перед напором шляхты и отдать распоряжение о возвращении тиунства Бурбе, а стольнику пришлось отвести в заставу

---

[22] Там же, л. 47.
[23] ЦГАДА, ЛМ, КЗ XLVIII, лл. 31, 34.
[24] Там же, КЗ XLVII, л. 52.
[25] РИБ, т. XXX, Устава, арт. 31.

такое количество сел, чтобы на долю стольника пришлось 200 коп грошей, которые он будет получать до тех пор, пока не соберет всей суммы, отданной правительству в долг. При такой «заставе» державца сохранил все свои доходы, так как «юркгельт» выплачивался из доходов державы [26]. Совсем иное было положение старосты или державцы, когда держава отдавалась в заставу «со всими поплаты и пожитъками и доходами с повинъностями подъданых» и с предоставлением права пользоваться всеми платами и доходами, поступавшими с державы на господаря и старосту [27].

И само правительство признавало, что аграрная реформа была немного убыточна для урядников, ибо «за тым помераньем волок некоторые врадовые пожитки зложены». Поэтому правительство издавало добавочные постановления относительно доходов администрации, и, тем самым, хотя бы отчасти увеличивало доходы уряда. Так, при производстве волочной померы в Упитской волости местный державца получил в свое распоряжение добавочный плат с каждой двадцатой волоки. Но такое пожалование носило характер личной награды и давалось только «до воли и ласки господарской» [28]. Точно так же, когда «врочистые платы» были поставлены в русских волостях и была составлена устава, то господарь, желая, чтобы воевода полоцкий пан Станислав Станиславович Довойна «нам господару служил и ку подданым без обтежливости заховал», отдал в распоряжение Довойны из платов, приходившихся на господаря «з места и волости» 200 коп грошей ежегодно, помимо всего денежного дохода и жита, которое согласно уставе должно было поступить в распоряжение Довойны. Правда, такое пожалование не носило «награды» в узком смысле этого слова, так как Довойна был обязан содержать при замке тридцать коней [29].

В качестве награды державца марковский и мядельский получил в свое пользование «до господарской науки» с каждой десятой волоки сено и дякольный овес [30]. Рогачевский староста князь Соломирецкий получил добавочное вознаграждение в размере 100 коп грошей с волостных доходов, половину дани медовой, приходившейся на господарский ключ, а также с тамошнего фольварка «жито и всякое збожье», за что державца был обязан выставить «большие почты» [31]. Такие пожалования были довольно часты, и все они были временного характера — «до воли и ласки господарской».

---

[26] ЦГАДА, ЛМ, КЗ XLVII, л. 66.
[27] Там же, л. 70; XLV, л. 79.
[28] Там же, КЗ XLV, л. 57.
[29] Там же, КЗ XLIV, л. 4.
[30] Там же, КЗ XXXVII, л. 221.
[31] Там же, л. 287.

Новая организация управления волостями, казалось, была настолько совершенна, что не допускала возможности каких-либо злоупотреблений со стороны администрации. Несмотря на крайнюю регламентацию деятельности урядника, все же злоупотребления бывали. Урядники часто поступали совершенно своевольно и даже не признавали господарских распоряжений, так что пострадавшим лицам снова приходилось обращаться с челобитием к господарю о восстановлении нарушенного права.

Например, ревизор мядельского двора Ян Стецкович отвел на церковь 2 волоки, свободные от всякого чинша. Местный державца Михаил Нарушевич, однако, с этим совершенно не считался и по-старому требовал положенных по уставу повинностей. В конце концов, распоряжения державцы были признаны совершенно незаконными, и господарским привилеем были восстановлены права церкви [32].

Возможны были и злоупотребления в другом роде — собирание всяких податей и податков с обтяжливостью для подданных. Само правительство считалось с этой возможностью. Поэтому если бы выяснилось, что «старосты и державцы» поступают не «водле уставы», то виновный теряет свой «уряд», хотя бы последний был доживотным владением, так как уряды даются не «для обтяженья, але для обороны и вспокоенья подданных» [33]. Господарский урядник мог не признавать какого-нибудь боярина шляхтой и заставлять его нести службу, «тяглую, або путную», пока пострадавший не восстанавливал своих прав и урядник не получал от господаря соответствующего указания [34]. И тем не менее, несмотря на отдельные, вполне возможные злоупотребления, длительными они быть не могли, так как администрация старост и держав находилась все время под весьма деятельным контролем.

Итак, господскому старосте или державце приходилось быть в эпоху аграрной реформы деятельным помощником приезжавших на места ревизоров, выступать охранителем прав местного населения, следить за законностью действий ревизора, успокаивать население в случае возникавших недоразумений, отводить отмены и пожалованные волоки, давать центральному правительству требуемые им справки, вести хозяйство и составлять довольно кропотливую отчетность. Во время войны господарские урядники собирали серебщины, отсылали в места назначения различные продукты живности, отыскивали самовольно оставивших армию, следили за тем, чтобы военные люди

---

[32] ЦГАДА, ЛМ, КЗ XXXVII, лл. 264—265.
[33] Там же, КЗ XLIV, л. 4.
[34] Там же, л. 13.

покупали продукты по назначенным ценам и не причиняли насилий населению.

Аграрная реформа уменьшила доходы администрации, но зато правительство часто выдавало урядникам разного рода награды. Наконец, строгий контроль над деятельностью старост и державцев прекратил разного рода злоупотребления со стороны администрации.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Аграрная реформа Сигизмунда-Августа преследовала хозяйственные задачи и цели, но в то же время и политическое ее значение огромно. Недаром так взволновалась литовско-русская шляхта, почуявшая занесенный над ее головой кулак. Стремясь к индивидуализации хозяйства и враждебно относясь к старинным видам крестьянского землепользования, правительство Сигизмунда-Августа имело некоторое основание надеяться на полный успех предпринятой реформы, несмотря на вполне понятное недовольство сельского населения, которое, впрочем, не носило организованного протеста, не вызвало народных движений в виде бунтов и выступлений отдельных волостей, сел и деревень. Тесные торговые связи Великого княжества с западноевропейским рынком создавали весьма благоприятную почву для экономического расцвета господарских дворов, экономий и дальнейшее их экономическое развитие оказало бы литовско-русскому правительству большую помощь. Аграрная реформа в том виде, в каком она была задумана, должна была дать господарю необходимые средства, в которых последний постоянно нуждался, и освободить его от тягостной финансовой зависимости от первенствующего сословия в государстве. Вместе с этим крепла бы власть литовско-русского господаря, и шляхетизация княжества была бы на некоторое время задержана.

Решительная и обязательная для всех проверка прав на землю позволяла правительству сосредоточить в своих руках огромный земельный и лесной фонд, эксплуатация которого давала бы ему необходимые финансовые средства и делала бы его положение более прочным и устойчивым.

Великий князь предполагал, что он превратится в помещика, ведущего рациональное предпринимательское сельское хозяйство, рассчитанное, главным образом, на удовлетворение

потребностей внешнего рынка. Правильно учитывая требования последнего, литовско-русский господарь обратил свое внимание на лесной фонд и вообще лесному хозяйству придал первостепенное значение. Но разработка лесных богатств требовала определенного хозяйственного плана, что заставляло правительство переходить от одной системы к другой и отдать, в конце концов, эксплуатацию лесных дебрей в руки иностранных купцов, как более знакомых с ведением лесного хозяйства. Уже это должно было подорвать экономическую мощь правительства, принуждая его отдавать немалую часть доходов в распоряжение иностранцев.

Аграрная реформа осуществлялась в момент серьезных внешних затруднений, требовавших большого напряжения всех военных сил и денежных средств государства, которых не было в достаточном количестве в распоряжении последнего. Это обстоятельство наметило курс правительственной политики, совершенно обратный тому, которого правительство собиралось держаться в начале производства реформы. Необходимость поддержания боевой готовности литовско-русской шляхты заставила правительство приступить к раздаче на разных условиях уже измеренных на волоки земель. Земельный фонд начал заметно уменьшаться. Удовлетворение шляхетских челобитий, иногда прямо-таки незаконных, передало в руки шляхты значительное количество земли.

В связи с этим, вся прежняя земельная политика сводилась почти на нет, что лишало правительство его материальных средств и ставило его в полную экономическую зависимость от шляхты, усиливало процесс шляхетизации Литовско-Русского государства, и вместе с тем, подготовило заключение литовско-польской унии 1569 г.

Аграрная реформа при известных условиях могла бы увеличить политический вес и влияние великого князя. Вместо этого получилось ослабление его авторитета и увеличение значения шляхты, экономически значительно усилившейся и фактически оказавшейся победительницей.

Аграрная реформа — это попытка введения трехпольного севооборота, принудительная интенсификация сельского хозяйства, предпринятая правительством в полном сознании всех экономических выгод, из нее вытекавших. Но воспользовалась этим шляхта, а не правительство, постепенно растерявшее государственный земельный фонд. Вследствие этого, и шляхетское сельское хозяйство становится предпринимательским, втягивается в круговорот западноевропейских торговых отношений и крепкими нитями, благодаря Вислянской водной артерии, связывается с Польшей, подготавливая, тем самым, слияние и объединение в будущем.

Аграрная реформа тяжело ударила по крестьянину, лишила его старинных форм землепользования и землевладения, но она не привела его к обезземелению. Волочный надел был достаточен для одного трудового хозяйства, а повинности, приходившиеся на отдельный участок, находились в соответствии с качеством участка. Государство не собиралось интенсивно эксплуатировать своего подданного. Захват угодий и земли шляхтой изменил и юридическое, и экономическое положение подданных, создавая тяжелую материальную обстановку их повседневного быта, что уже становилось определенно заметным в конце XVI и начале XVII в. Исчезновение свободного крестьянства, усиливая классовый эгоизм в государстве, подтачивало в корне самое существование государства, на что землевладельческое сословие обращало мало внимания, думая только о захвате земли и выгодной ее эксплуатации. Удачно проведенная аграрная реформа могла бы стать источником силы и влияния правительства. Обстоятельства же сложились так, что весь земельный фонд переходил с неуклонной постепенностью в распоряжение шляхты, усиливая ее экономическое значение и подготавливая ее политическую диктатуру в соединенном Литовско-Польском государстве.

Экономические последствия аграрной реформы были огромны. Они сказались уже в конце XVI и начале XVII в.: Литовско-Русское великое княжество, втягиваясь в круговорот западноевропейского товарообмена, мало-помалу изменяло облик своего хозяйственного уклада благодаря развитию внешнего и внутреннего товарообмена и наплыву металлической монеты, повлекшему за собой падение ценности денег со всеми вытекавшими из этого последствиями. Все эти вопросы первостепенной важности нуждаются в детальном самостоятельном исследовании, что вероятно, со временем и будет выполнено учеными.

МАЛОУПОТРЕБИТЕЛЬНЫЕ СЛОВА

Аксамит (оксамит) — бархат

Бобровники — великокняжеские слуги, занимающиеся ловлей бобров

Бобровщина — подать, вносимая бобровыми шкурами

Бонда — движимое имущество

Бочка — мера сыпучих тел

Бояре путные — военнослужилые крестьяне; главной повинностью их была развозка писем в мирное время

Бурска — один из видов сукна

Ванчос — деревянный окантованный брус, предназначавшийся преимущественно на экспорт

Везенье — тюрьма, заключение

Велик день — пасха

Виж — судебный исполнитель, обязанностью которого была доставка в суд обвиняемого

Гаковница — ручное огнестрельное оружие

Горлом карать — казнить

Гребля — плотина

Грош — мелкая денежная единица в Великом княжестве Литовском; составлял $^{1}/_{60}$ часть копы грошей (см. ниже); делился на 10 пенязей

Гуменник — лицо, ведавшее гумном

Двор — административный центр определенной местности в государственных имениях

Державца — лицо, получившее на какой-то срок имение или волость от государя с правом пользоваться определенной частью доходов; должностное лицо судебно-административного характера

Децкий — служащий, посылаемый для задержания, ареста, а также выполняющий различные распоряжения

Децкованье — плата децкому за его работу

Дубащина — дубас — речное судно. Дубащина, видимо, плата за проход дубаса

Дякло — подать, вносимая зерном

Ез — загородка поперек реки, устраиваемая для задержания рыбы

Застава — заклад

Земляне — в XVI в. низшая прослойка шляхты

Инстигатор — судебный чиновник, докладывавший дело в судах

Истобка — нежилое помещение для хранения вещей

Камень (меда, пороха) — мера веса, около 14 кг

Камка — шелковая ткань с рисунком

Капщизна — налог на право производства водки и пива

Киндяки — бумажная ткань

Клуня — сарай для сена или зерновых

Ключ — несколько имений, объединенных общим управлением
Колтриш — грубое сукно, крестьянская одежда из грубого сукна
Комора мытная — помещение, где собирались таможенные сборы
Копа́ — слово это имеет несколько значений. Наиболее распространенное из них — 60 штук
Копа́ — собрание крестьян определенной местности, чаще всего для проведения следствия
Копа́ — суд крестьянского общества
Копа́ грошей — основная денежная единица Великого княжества Литовского; делилась на 60 грошей
Копа́ жита — 60 снопов ржи
Копа́ сена — копна
Куница выводная — плата за девушку при выходе ее замуж в чужую волость
Кухтер — шелковая ткань с крупным рисунком
Кушнер — скорняк

Лазня — баня, шалаш
Лашт — мера веса около 2-х тонн
Лейти — лица, смотревшие за лошадьми; табунщики, конюхи

Машталер — конюх
Мезлева — подать, вносимая скотом, птицей, яйцами
Мерник — агент, проводивший в жизнь аграрную реформу; измерявший земельные участки
Мостовое — взнос за проезд через мост
Мухояр — ткань из хлопчатой бумаги с шелковой или шерстяной нитью

Обрусный — лицо, прислуживавшее за столом великого князя
Огородники — бывшие рабы, поселенные на небольших участках земли, с обязательством отбывать разные повинности
Одверный — привратник, служитель при дверях у великого князя
Одомашка (адамашка) — шелковая ткань с мелким узором, привозимая из Дамаска
Одрына — сарай для хранения сена
Ордынщина — подать, собираемая для взноса упоминков крымскому хану
Осадные крестьяне — крестьяне, главной повинностью которых был денежный оброк
Осочники — крестьяне, охранявшие королевские пущи и зверя

Паны-рада — совет крупнейших феодалов при великом князе литовском
Паркан — тын
Па́робок — раб, позже сельскохозяйственный рабочий, батрак
Пенязь — мелкая денежная единица, десятая часть гроша
Перевесья — капканы для зверя или птицы
Переказа — преграда
Подлазники — лица, ведавшие бортями, бортники
Полюдье — подать крестьян в пользу великокняжеского наместника
Подужное — взнос за проезд через греблю (плотину)
Подымщина — государственная подать с дыма, крестьянского хозяйства
Поколодное — плата, вносимая колодником при выходе из тюрьмы
Померное — плата за обмер участка
Потужники — лица, несущие совместные повинности и ведущие общее хозяйство

Радца — член магистрата
Римарь — шорник
Розынки — изюм
Ройтинник — конюх
Рудники — лица, разыскивавшие и добывавшие железную руду
Рыкунья — скотница

Светка — свидетель
Серебщин — денежная подать на военные нужды
Свирен — амбар
Скарб — казначейство, государственные финансы

Скляр — стекольщик

Соляники — крестьяне, которые в качестве подати давали соль; кроме того, несли военную службу

Спадковое имущество — выморочное имущество

Стрельцы — крестьяне, обязанностью которых была охота в пользу великого князя и военная служба

Стрихарь — кровельщик

Текун — гонец, скороход

Тесля — плотник

Тиун (тивун) — мелкий администратор в государственных и частных имениях

Тхорь — хорек

Уряд (вряд, урад) — администрация

Фолюши — род мельницы, где валяли сукно

Фольга — льгота

Чамлат (чамлет) — шерстяная ткань

Юркгельт — годовая плата

СОДЕРЖАНИЕ

В. И. Пичета

Аграрная реформа Сигизмунда-Августа в Литовско-Русском государстве

*Утверждено к печати
Институтом славяноведения
Академии наук СССР*

Редактор издательства *В. Н. Кондратьева*
Технический редактор *Т. В. Полякова*

РИСО АН СССР № 38—74В. Сдано в набор 29/X 1957 г. Подписано к печати 30/XI 1957 г. Формат бум. 60×92 1/16. Печ. л. 34,25 + 1 вкл. Уч.-издат. л. 33,6. Тираж 1600 экз. Т-10856
Изд. № 2440. Тип. зак. № 2214.

Цена 22 р. 20 к.

Издательство Академии наук СССР
Москва Б-64, Подсосенский пер., 21

2-я типография Издательства АН СССР
Москва Г-99, Шубинский пер., 10